

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLIX

1932
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Ф. Шаляпинъ. — ИЗЪ КНИГИ ВОСПОМИНАНІЯ.	5
2. В. Сиринъ. — САМЕРА ОБСЦУРА	39
3. Н. Берберова. — ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА	84
4. Георгій Песковъ. — ЗЛАЯ ВЪЧНОСТЬ.	124
5. Гайто Газдановъ. — СЧАСТЬЕ.	164
6. З. Гиппиусъ. — НАДЪ ЗАБВЕНІЕМЪ; ЖИТЬ; БОЛЬШЕВИЦ- КІЙ СОНЪ; ВЪ НОВОЙ (Стихотворенія).	203
7. Ю. Терапиано. — СТИХОТВОРЕНІЕ.	206
8. Борисъ Поплавскій. — СТИХОТВОРЕНІЕ.	210
9. Алексѣй Эйсеръ. — СТИХОТВОРЕНІЕ.	211
10. Александра Толстая. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЯ	213
11. Мих. Цетлинъ. — 14-ОЕ ДЕКАБРЯ.	241
12. М. Алдановъ. — КЪ ЮБИЛЕЮ ГЕТЕ.	263
13. М. Ростовцевъ. — ПИСЬМА СЪ БЛИЖНЯГО ВОСТОКА.	271
14. И. Бунаковъ. — ПУТИ РОССИИ.	289
15. П. Бицилли. — КЪ ПОНИМАНІЮ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	318
16. П. Мидюковъ. — ЯПОНІЯ И КИТАИ ВЪ ДАЛЬНЕВОСТОЧ- НОМЪ КОНФЛИКТЪ.	335
17. Е. Юрьевскій. — ЗА КУЛИСАМИ ПЯТИЛЪТКИ	375

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

18. Федоръ Степунъ. — ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.	402
19. С. Е. Гессенъ. — ИДЕЯ СОЦІАЛЬНАГО ПРАВА.	421
20. Н. Мельникова-Папоушкова. — ПРАГА ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮ- ЦІЕЙ 1848-ГО ГОДА.	435

21. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Ходасевичъ. — В. Ропшинъ (Б. Савинковъ): Книга стиховъ.	448
П. Бицилли. — Вл. Смоленскій: Закатъ.	450
М. Цетлинъ. — Ирина Кворрингъ: Стихи о себѣ.	451
Борисъ Зайцевъ. — Н. А. Тэффи: «Авантюрный романъ».	452

Георгій Адамовичъ. — Ив. Шмелевъ. «Родное».	454
П. Бицилли. — Н. Быловъ: Волчья Тропа.	455
А. Бемъ. -- Ольга Форшъ: Сумасшедшій Корабль.	457
А. Бемъ. -- В. Каверинъ: Художникъ неизвѣстенъ	458
П. Бицилли. -- Charles Du Bos: Approximations. IV ^e série.	461
Н. Лосскій. — Dostojevskij-Studien: Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag.	462
А. Тыминскій. — В. Стуога: Rusu literaturos istorija. . . .	464
Ив. Херасковъ. — М. Rostowzew: Scythien und der Bospo- rus. Band I. Kritische Uebersicht der Schriftlichen und archäologischen Quellen.	465
А. Кизеветтеръ. — П. Милуковъ: Очерки по исторіи русской культуры Т. II, часть 2. Искусство. Школа. Просвѣщеніе.	468
А. Кизеветтеръ. — Пугачевщина. Т. III. Центрархивъ.	471
В. В. Зѣньковский. — N. Hans and Hessen. Educational Po- licy in Soviet Russia.	472
В. В. Зѣньковский. — N. Hans: History of Russian Educati- onal Policy.	472
М. Вишнякъ. — Krassine. Par sa femme Lubov Krassine. . .	483
С. Жаба. — Г. Федотовъ: «И есть и будетъ». Размышленія о Россіи и революціи.	477
Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію «Современныхъ Записокъ».	479

Изъ книги воспоминаній

Есть въ искусствѣ такія вещи, о которыхъ словами сказать нельзя. Я думаю, что есть такія же вещи и въ религіи. Вотъ почему и объ искусствѣ и о религіи можно говорить много, но договорить до конца невозможно. Доходишь до какой-то чѣрты, — я предпочитаю сказать: до какого-то забора, и хотя знаешь, что за этимъ заборомъ лежатъ еще необъятныя пространства, что есть на этихъ пространствахъ, объяснить нѣтъ возможности. Не хватаетъ человѣческихъ словъ. Это переходитъ въ область невыразимаго чувства. Есть буквы въ алфавитѣ и есть знаки въ музыкѣ. Все вы можете написать этими буквами, начертать этими знаками. Всѣ слова, всѣ ноты. Но... Есть интонація въ дыха — какъ написать или начертить эту интонацію? Такихъ буквъ нѣтъ.

Какъ у актера возникаетъ и формируется сценической образъ можно сказать только приблизительно. Это будетъ, вѣроятно, какая нибудь половина сложнаго процесса — то, что лежитъ по эту сторону забора. Скажу, однако, что сознательная часть работы актера имѣетъ чрезвычайно большое, можетъ быть, даже рѣшающее значеніе — она возбуждаетъ и питаетъ интуицію, оплодотворяетъ ее.

Для того, чтобы полетѣть на аэропланѣ въ невѣдомыя высоты стратосферы, необходимо оттолкнуться отъ куска плотной земли, разумно для этой цѣли выбраннаго и извѣстнымъ образомъ приспособленнаго. Какія тамъ обязанности актера вдохновенія при дальнѣйшей разработкѣ роли — это дѣло позднѣйшее. Этому онъ и знать не можетъ

и думать объ этомъ не долженъ, — придетъ это какъ-то помимо его сознанія; никакимъ усердіемъ, никакой волей онъ этого предопредѣлить не можетъ. Но вотъ, отъ чего ему оттолкнуться въ его творческомъ порывѣ, это онъ долженъ знать твердо. Именно, знать. То-есть сознательнымъ усиленіемъ ума и воли онъ обязанъ выработать себѣ взглядъ на то дѣло, за которое онъ берется. Всѣ послѣдующія замѣчанія о моей манерѣ работать относятся исключительно къ сознательной и волевой сторонѣ творческаго процесса. Тайны же его мнѣ неизвѣстны, а если иногда въ высочайшія минуты духовнаго подъема я ихъ смутно и ощущаю, — выразить ихъ я все-таки не могъ бы...

Мнѣ приносятъ партитуру оперы, въ которой я долженъ пѣть извѣстную роль. Ясно, что мнѣ надо познакомиться съ лицомъ, которое мнѣ придется изображать на сценѣ. Я читаю партитуру и спрашиваю себя: что это за человекъ? Хорошій или дурной, добрый или злой, умный, глупый, честный, хитрюга? Или сложная смѣсь всего этого? Если произведеніе написано съ талантомъ, то оно мнѣ отвѣтитъ на мои вопросы съ полной ясностью. Есть слова, звуки, дѣйствіе, и если слова характерныя, если звуки выразительныя, если дѣйствіе осмысленное, то образъ интересующаго меня лица уже нарисованъ. Онъ стоитъ въ произведеніи готовый, -- мнѣ только надо правильно его прочитать. Для этого я долженъ выучить не только свою роль, -- всѣ роли до единой. Не только роли главнаго партнера и крупныхъ персонажей -- всѣ. Реплику хориста, и ту надо выучить. Это, какъ будто, меня не касается? Нѣтъ, касается. Въ пьесѣ надо чувствовать себя, какъ дома. Больше, чѣмъ «какъ дома». Не бѣда, если я дома не увѣренъ въ какомъ-нибудь стулѣ, -- въ театрѣ я долженъ быть увѣренъ. Чтобы не было никакихъ сюрпризовъ, чтобы я чувствовалъ себя вполне свободнымъ. Прежде всего, не зная произведенія отъ первой его ноты до послѣдней, я не могу вполне почувствовать стиль, въ

которомъ оно задумано и исполнено, — слѣдовательно, не могу почувствовать вполне и стиль того персонажа, который меня интересуетъ непосредственно. Затѣмъ, полное представленіе о персонажѣ я могу получить только тогда, когда внимательно изучилъ обстановку, въ которой онъ дѣйствуетъ, и атмосферу, которая его окружаетъ. Окажется иногда, что малозначительная какъ будто фраза маленькаго персонажа — какого-нибудь «второго стража» у дворцовыхъ воротъ — неожиданно освѣтитъ важное дѣйствіе, развивающееся въ парадной залѣ или въ интимной опочивальнѣ дворца.

Нѣтъ такой мелочи, которая была бы мнѣ безразлична, если только она не сдѣлана авторомъ безъ смысла, безъ надобности — зря.

Усвоивъ хорошо всѣ слова произведенія, всѣ звуки, продумавъ всѣ дѣйствія персонажей, большихъ и малыхъ, ихъ взаимоотношенія, почувствовавъ атмосферу времени и среды, я уже достаточно знакомъ съ характеромъ лица, которое я призванъ воплотить на сценѣ. У него басы, онъ уменъ и страстенъ, въ его реакціяхъ на событія и впечатлѣнія чувствуется нетерпѣливая порывистость или-же, наоборотъ, расчетливая обдуманность. Онъ прямодушенъ и наивенъ или-же себѣ на умѣ и тонокъ. Чиста ли у него совѣсть? Да, потому, что съ нечистой совѣстью персонажъ чувствовалъ бы и говорилъ какъ-то иначе... Словомъ, я его знаю такъ же хорошо, какъ знаю школьнаго товарища или постояннаго партнера въ бриджъ.

Если персонажъ вымышленный, твореніе фантазій художника, я знаю о немъ все, что мнѣ нужно и возможно знать изъ партитуры, — онъ весь въ этомъ произведеніи. Побочнаго свѣта на его личность я не найду. И не ищу. Иное дѣло, если персонажъ — лицо историческое. Въ этомъ случаѣ я обязанъ обратиться еще къ исторіи. Я долженъ изучить, какія дѣйствительныя событія происходили вокругъ него и черезъ него, чѣмъ онъ былъ отли-

чень отъ другихъ людей его времени и его окруженія, какимъ онъ представлялся современникамъ и какимъ его рисуютъ историки. Это для чего нужно? Вѣдь, играть я долженъ не исторію, а лицо, изображенное въ данномъ художественномъ произведеніи, какъ бы оно не противорѣчило исторической истинѣ. Нужно это вотъ для чего. Если художникъ съ исторіей въ полномъ согласіи, исторія мнѣ поможетъ глубже и всестороннѣе прочесть его замысль; если же художникъ отъ исторіи уклонился, вошелъ съ ней въ сознательное противорѣчіе, то знать историческіе факты мнѣ въ этомъ случаѣ еще гораздо важнѣе, чѣмъ въ первомъ. Тутъ, какъ разъ на уклоненіяхъ художника отъ исторической правды, можно уловить самую интимную суть его замысла. Исторія колеблется, не знаетъ — виновенъ ли Царь Борисъ въ убіеніи царевича Димитрія въ Угличѣ или невиновенъ. Пушкинъ дѣлаетъ его виновнымъ, Мусоргскій вслѣдъ за Пушкинымъ надѣляетъ Бориса совѣстью, въ которой, какъ въ клѣткѣ звѣрь, мятется преступная мука. Я, конечно, много больше узнаю о произведеніи Пушкина и толкованіи Мусоргскимъ образа Бориса, если я знаю, что это не безспорный историческій фактъ, а субъективное истолкованіе исторіи. Я вѣренъ, не могу не быть вѣрнымъ замыслу Пушкина и осуществленію Мусоргскаго, — я играю преступнаго Царя Бориса, но изъ знанія исторіи я все-таки извлекаю кое-какіе оттѣнки игры, которые иначе отсутствовали бы. Не могу сказать достоверно, но возможно, что это знаніе помогаетъ мнѣ дѣлать Бориса болѣе трагически-симпатичнымъ.

Вотъ почему, готовясь къ роли Бориса, я обратился къ нашему знаменитому историку В. О. Ключевскому за указаніями и совѣтомъ. Съ радостной благодарностью помню, какъ чудесно говорилъ мнѣ о Борисѣ, его эпохѣ и средѣ незабвенный Василій Осиповичъ. Тонкій художникъ слова, надѣленный огромнымъ историческимъ воображеніемъ, онъ оказался и замѣчательнымъ актеромъ. Гулялъ я съ нимъ во Владимірской губерніи по лѣсу, когда

онъ мнѣ рассказывалъ о характерѣ князя Василя Шуйскаго. Какой-же этотъ былъ изумительный рассказъ! Остановится, отступитъ шага на два, протянетъ вкрадчиво ко мнѣ — Царю Борису — руку и такъ разсудительно и сладко говоритъ:

Но знаешь самъ: бессмысленная чернь
измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
легко пустой надеждѣ предана,
мгновенному велѣнію послушна,
для истины глуха и равнодушна,
а баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага:
такъ если сей невѣдомый бродяга
литовскую границу перейдетъ...

Говорить, а самъ хитрыми глазами мнѣ въ глаза смотреть, какъ бы прошупываетъ меня, какое впечатлѣніе на меня производятъ его слова — испуганъ ли я, встревоженъ-ли? Ему это очень важно знать для своей политической игры. Какъ живой, вставалъ передо мною Шуйскій въ воплощеніи Ключевского. И я понималъ, что когда говоритъ такой тонкій хитрецъ, какъ Шуйскій, я, Борисъ, и слушать долженъ его, какъ слушаютъ ловкаго интригана, а не просто безхитрастнаго докладчика-царедворца.

Такимъ образомъ, первоначальный ключъ къ постиженію характера изображаемаго лица даетъ мнѣ внимательное изученіе роли и источниковъ, т. е. усиліе чисто интеллектуальнаго порядка. Я просто усваиваю урокъ, какъ ученикъ проходить свой курсъ по учебнику. Но это, очевидно, только начало.

Какъ бы ни былъ хорошо нарисованъ авторомъ персонажъ, онъ всегда останется зрительно-смутнымъ. Въ книгѣ или партитурѣ нѣтъ картинокъ, нѣтъ красокъ, нѣтъ из-

мѣреній носа въ миллиметрахъ. Самый искусный художникъ слова не можетъ пластически объективно нарисовать лицо, передать звукъ голоса, описать фигуру или походку человѣка. На что величайшій художникъ Левъ Толстой, но пусть десять талантливыхъ художниковъ попробуютъ нарисовать карандашомъ или писать кистью портретъ Анны Карениной по замѣткамъ Толстого, — выйдетъ десять портретовъ, другъ на друга совершенно непохожихъ, хотя каждый изъ нихъ въ какомъ-нибудь отношеніи будетъ очень близокъ къ синтетическому образу Карениной. Очевидно, что объективной правды въ этомъ случаѣ быть не можетъ, да не очень ужъ интересна эта протокольная правда. Но если актриса беретса играть Анну Каренину, — да простить ей это Господи! — необходимо, чтобы внѣшній сценическій образъ Анны ничѣмъ не противорѣчилъ тому общему впечатлѣнію, которое мы получили объ Аннѣ въ романѣ Толстого. Это — минимальнѣйшее требованіе, которое актриса должна себѣ предъявить. Но этого, конечно, мало. Надо, чтобы внѣшній образъ не только не противорѣчилъ роману Толстого, но и гармонировалъ съ возможно большимъ количествомъ чертъ характера Анны Карениной, эти черты дѣлалъ для зрителя болѣе замѣтными и убѣдительными. Чѣмъ полнѣе внѣшній образъ актрисы сольется съ духовнымъ образомъ, нарисованнымъ въ романѣ, тѣмъ онъ будетъ совершеннѣе. Само собою разумѣется, что подѣ внѣшностью я разумѣю не только гримъ лица, цвѣтъ волосъ и тому подобное, но манеру персонажа бытъ: ходить, слушать, говорить, смѣяться, плакать.

Какъ осуществить это? Очевидно, что одно интеллектуальное усиліе тутъ недостаточно. Въ этой стадіи созданія сценическаго образа вступаетъ въ дѣйствіе воображеніе — одно изъ самыхъ главныхъ орудій художественнаго творчества.

Вообразить, это значитъ — вдругъ увидѣть. Увидѣть хорошо, ловко, правдиво. Внѣшній образъ въ цѣломъ, а

затѣмъ въ характерныхъ деталяхъ. Выраженіе лица, позу, жестъ. Для того-же, чтобы правильно вообразить, надо хорошо, доподлинно знать натуру персонажа, ея главныя свойства. Если хорошо вообразить нутро человѣка, можно правильно угадать и его внѣшній обликъ. При первомъ же появленіи «героя» на сценѣ, зритель непременно почувствуетъ его характеръ, если его глубоко прочувствовалъ и правильно вообразилъ самъ актеръ. Воображеніе актера должно соприкоснуться съ изображеніемъ автора и уловить существенную ноту пластического бытія персонажа. Сценической образъ правдивъ и хорошъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ убѣждаетъ публику. Слѣдовательно, при созданіи внѣшней оболочки образа нужно подумать объ ея убѣдительности, — какое она произведетъ впечатлѣніе?

Борисъ Годуновъ. Есть монета съ его портретомъ. На монетѣ онъ безъ бороды. Въ однихъ усахъ. Волосы, кажется, стриженные. Это, вѣроятно, настоящая историческая правда. Но, подумавъ, я пришелъ къ заключенію, что эта протокольная истина никому неинтересна. Ну, былъ Борисъ безъ бороды. Слѣдуетъ ли изъ этого, что я долженъ выйти на сцену бритымъ? Изобразилъ ли бы я Бориса блондиномъ? Конечно, нѣтъ. Я этимъ ослабилъ бы впечатлѣніе отъ его личности. Онъ монгольскаго происхожденія. Отъ него ждуть черной бороды. И я пожаловалъ Борису черную бороду. Тѣ, которые меня видѣли въ роли Бориса, могутъ судить, въ какой степени эта внѣшняя деталь оказалась важной для силы и красоты образа.

Донъ-Кихоть. Я совсѣмъ не знаю, какой онъ изъ себя. Правда, внимательно прочитавъ Сервантеса, закрывъ затѣмъ глаза и задумавшись, я могу получить общее впечатлѣніе отъ Донъ-Кихота, такое-же приблизительное, какое десять художниковъ, о которыхъ я говорилъ выше, получили отъ Анны Карениной. Я, напримѣръ, могу понять, что этотъ сосредоточенный въ себѣ мечтатель дол-

жень быть медлительнымъ въ движеніяхъ, не быть суетливымъ. Я понимаю, что глаза у него должны быть не трезвые, не сухіе. Я понимаю много различныхъ и важныхъ отдѣльныхъ чертъ. Но, вѣдь, этого мало, — какой онъ въ цѣломъ — синтетически? Что нужно мнѣ сдѣлать для того, чтобы публика при первомъ взглядѣ на Донъ-Кихота довѣрчиво и съ симпатіей ему улыбнулась: да, это ты, старый знакомецъ нашъ и другъ. Ясно, что въ его внѣшности должна быть отражена и фантазія, и безпомощность, и замашки вояки, и слабость ребенка, и гордость кастильскаго рыцаря, и доброта святого. Нужна яркая смѣсь комическаго и трогательнаго. Исходя изъ нутра Донъ-Кихота, я увидѣлъ его внѣшность. Вообразилъ ее себѣ и, черта за чертою, упорно лѣпилъ его фигуру, издали эффектную, вблизи смѣшную и трогательную. Я далъ ему остроконечную бородку, на лбу я взвихрилъ фантастическій хохолокъ, удлинилъ его фигуру и поставилъ ее на слабыя, тонкія, длинныя ноги. И далъ ему усы, — смѣшной положимъ, но явно претендующій украсить лицо именно испанскаго рыцаря... И шлему рыцарскому и латамъ противопоставилъ доброе, наивное, дѣтское лицо, на которомъ и улыбка, и слеза, и судорога страданія выходятъ почему-то особенно трогательными.

Отъ нутра исходилъ я и при разработкѣ внѣшней фигуры Донъ-Базиліо въ «Севильскомъ Цырюльникѣ». Этотъ персонажъ говоритъ: «вы только деньги дайте мнѣ, а я уже слѣлаю все». Въ этой фразѣ весь Донъ-Базиліо. Надо, чтобы зритель при первомъ взглядѣ на него почувствовалъ, что это за птица, на что этотъ человѣкъ способенъ. По одной его позѣ, прежде, чѣмъ онъ сказалъ слово. Воображеніе мнѣ подсказывало, что въ Донъ-Базиліо зритель повѣритъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе онъ будетъ протокольно реалистиченъ, и исполняя эту роль, я отъ реализма рѣзко отхожу въ сторону гротеска. Мой Донъ-Базиліо, какъ будто складной, если хотите — растяжимый, какъ его совѣсть. Когда онъ показывается въ две-

ряхъ, онъ малъ, какъ карликъ, и сейчасъ же на глазахъ у публики разматывается и вырастаетъ жирафомъ. Изъ жирафа онъ опять сожмется въ карлика, когда это нужно. Онъ все можетъ, — вы ему только дайте денегъ. Вотъ отчего онъ сразу и смѣшонъ и жутокъ. Зрителя уже ничто въ немъ не удивляетъ. Его дифирамбъ полезной клеветѣ — уже въ его фигурѣ.

Конечно, и воображеніе должно питаться жизнью, наблюденіями. Дать образъ испанскаго гармониста, — нѣдо съѣздить въ Испанію.

Въ то время, когда сочинялъ Донъ-Базилію, я въ Испаніи не бывалъ еще. Но бывалъ на границѣ Испаніи, во Франціи. Видалъ я всякихъ клерковъ, поповъ — тонкихъ и толстыхъ. Старинные органисты въ большинствѣ случаевъ походили на аббатовъ. Какъ то разъ ѣхалъ я изъ Дижона въ какое то шато. Корматень, кажется. А во Франціи, вѣдь съ поѣздами знаете какъ. На главныхъ магистральныхъ идутъ чудные поѣзда — голубые, синіе, а въ провинціи такіе поѣзда, что не знаешь, гдѣ, сколько и зачѣмъ постоятъ, когда и куда придутъ. Остановились мы на какой-то станціи, ждемъ. Пришелъ въ вагонъ попъ. Ничего не сказалъ, посмотрѣлъ на пассажировъ и на меня, сѣлъ согбенно къ окошку, сложилъ руки, ладонь къ ладони, и неподвижно глядитъ въ окно. Смотрю — профиль, платочекъ фуляровый на шеѣ, шляпа. Я не зналъ, что это за человѣкъ, — можетъ быть, честный, а я подумалъ: вотъ Донъ-Базилію. Взялъ я его внѣшность.

Мнѣ часто приписываютъ какія-то новшества въ гримѣ. Не думаю, что я изобрѣлъ въ этой области нѣчто новое. Гримироваться я самъ учился у замѣчательныхъ российскихъ драматическихъ актеровъ. Я только старался быть аккуратнымъ въ примѣненіи полученныхъ мною отъ нихъ знаній. Вѣдь у насъ въ оперѣ часто можно было видѣть актеровъ, которые гримировали только лицо. Пока

онъ стоитъ en face, онъ съ грѣхомъ пополамъ еще напоминаетъ типъ изображаемаго персонажа, но стоитъ только ему повернуться, какъ зритель замѣчаетъ, что сзади парикъ не покрываетъ его собственныхъ волосъ, и при лицѣ индуса онъ видитъ бѣлую, чистенькую шею прохожаго любовника. Тоже бываетъ съ руками. Актеръ играетъ старика, привѣсилъ бороду, надѣлъ сѣдой парикъ, а руки молодая, бѣлая, да еще съ перстнемъ на пальцѣ. Я, конечно, старался не оставлять шаляпинской шеи и шаляпинскихъ рукъ трудовому крестьянину Сусанину — онъ ему не нужны. Сусанинъ цѣлый день работаетъ, согбенный, на солнцѣ, и я даю его шеѣ густой загаръ, и даю ему грубыя мужицкія руки.

Гримъ очень важная вещь, но я всегда помнилъ мудрое правило, что лишнихъ деталей надо избѣгать въ гримѣ такъ же, какъ и въ самой игрѣ. Слишкомъ много деталей вредно. Онѣ загромаждаютъ образъ. Надо, какъ можно проще, взять быка за рога. Идти къ сердцу, къ ядру вещи. Дать синтезъ. Иногда одна яркая деталь рисуетъ цѣлую фигуру. Въ тысячной толпѣ можно иногда узнать человѣка только по одному тому, какъ у него сидитъ на затылкѣ шляпа и какъ онъ стоитъ. Это — Иванъ Григорьевичъ! У васъ нѣтъ никакихъ въ этомъ сомнѣній. Одна деталь выдѣлила его изъ тысячи людей.. Я убѣжденъ, что если бы сто человѣкъ для опыта просовывали въ дверь руку, то одна какая-нибудь рука была бы сразу узнаваема всѣми, и наблюдатели воскликнули бы хоромъ:

— Николай Петровичъ, Николай Петровичъ! Его рука.

Я никогда ни на одну минуту не забывалъ, что гримъ это только помощникъ актера, облегчающій внѣшнюю характеристику типа, и что роль его, въ концѣ концовъ, только второстепенная. Какъ одежда на тѣлѣ не должна мѣшать движеніямъ тѣла, такъ гримъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы не мѣшать движеніямъ лица. Гримъ нуженъ прежде всего для того, чтобы скрыть индивидуальныя черты актера. Мое лицо такъ же будетъ мѣшать Царю

Борису, какъ мѣшалъ бы ему мой пиджакъ. И точно такъ же, какъ костюмъ Бориса прежде всего имѣеть задачей устранить мой пиджакъ, — гримъ Бориса долженъ прежде всего замаскировать мое лицо. Вотъ, между прочимъ, почему слишкомъ рѣзкая физическая индивидуальность идетъ во вредъ лицедѣйству. Представьте себѣ актера съ суровыми медвѣжьими бровями, отпущены онѣ ему Господомъ Богомъ на дюжину людей, — или съ носомъ Сирано де Бержеракъ. Ему будетъ очень трудно гримироваться и не много ролей онъ съ такой индивидуальностью легко сыграетъ. Отсюда, кажется мнѣ, возникновеніе «амплуа». Я могу изобразить Санхо-Панго, я могу его играть, но мое физическое существо мнѣ помѣшаетъ сдѣлать это вполне какъ слѣдуетъ. Владиміръ Николаевичъ Давыдовъ, при всей своей геніальности, не можетъ играть Донъ-Кихота изъ-за своей физической природы.

Индивидуальность — вещь чрезвычайно цѣнная, но только въ духѣ, а не въ плоти. Я скажу больше, никакой гримъ не поможетъ актеру создать живой индивидуальный образъ, если изъ души его не просачиваются наружу этому лицу присущія духовныя краски — гримъ психологическій. Душевное движеніе съ гримомъ не слито, живетъ внѣ зависимости отъ него. Грима можетъ не быть, а соответствующее ему душевное движеніе все-таки будетъ при художественномъ, а не механическомъ исполненіи роли... Примѣромъ можетъ служить одинъ такого рода случай.

Когда (кажется, въ 1908 году) Дягилевъ организовалъ въ Грандъ-Опера первый русскій сезонъ оперы и балета, въ первый разъ въ Парижѣ былъ поставленъ Борисъ Годуновъ. Обставлено было представленіе во всѣхъ смыслахъ пышно. Были замѣчательныя декорация нашихъ чудесныхъ художниковъ Головина и Коровина, костюмы — изъ Императорскихъ театровъ, пріѣхали хоры, набранныя изъ московскихъ и петербургскихъ труппъ. И такъ какъ это было необыкновенное театральное событіе для Па-

рижа той эпохи, то на генеральную репетицію были приглашены всѣ замѣчательные люди французской столицы. И вся пресса. Но въ театральномъ дѣлѣ всегда какіе-нибудь сюрпризы. Оказалось, что на генеральной репетиціи не могли быть поставлены нѣкоторыя декорации: вѣроятно не были готовы. Не могли быть надѣты нѣкоторые костюмы: можетъ быть, не были распакованы. Не отмѣнить же репетиціи!.. Я, какъ всегда, волновался.

Обозлившись, я сказалъ:

— Разъ у васъ не готовы декорации и костюмы, то не готовъ и я. Не загримируюсь, не надѣну костюма, а буду репетировать въ пиджакѣ.

Такъ и сдѣлалъ. Совсѣмъ, какъ на спектаклѣ, я выходилъ и пѣлъ:

— «Дитя мое, голубка моя, иди въ свой теремъ, отдохни, бѣдняжка»...

И совсѣмъ, какъ на спектаклѣ, я говорилъ сыну:

— «Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
Тебѣ все это царство
Достанется... Учись дитя».

Я и не обратилъ бы вниманія на то, насколько мои обращенія къ дѣтямъ и мой монологъ были естественны, если бы не то, что въ моментъ, когда я всталъ со стула, устремилъ взоръ въ уголь и сказалъ:

— «Что это?.. Тамъ!.. Въ углу!.. Колышется!..»
— я услышалъ въ залѣ поразившій меня странный шумъ. Я косо повернулъ глаза, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло, и вотъ что я увидѣлъ: публика поднялась съ мѣсть, иные даже стали на стулья, и глядятъ въ уголь — посмотреть, что я въ томъ углу увидѣлъ. Они подумали, что я дѣйствительно что-то увидѣлъ... Я пѣлъ по-русски, языка они не понимали, но по взору моему почувствовали, что я чего то сильно испугался.

Что же, гримъ усилилъ бы это впечатлѣніе? Едва-ли. А если бы усилилъ, то только съ декоративной точки зрѣнія.

Жестъ, конечно, самая душа сценическаго творчества. Настаивать на этомъ, значить ломиться въ открытую дверь. Малѣйшее движеніе лица, бровей, глазъ — что называютъ мимикой — есть, въ сущности, жестъ. Правда жеста и его выразительность — первооснова актерской игры. Къ сожалѣнію, у большинства молодыхъ людей, готовящихся къ сценѣ, и у очень многихъ актеровъ, со словомъ «жестъ» сейчасъ же связывается представленіе о рукахъ, о ногахъ, о шагахъ. Они начинаютъ размахивать руками, то прижимая ихъ къ сердцу, то заламывая и выворачивая ихъ книзу, то плавая ими поочередно — правой, лѣвой, правой — въ воздухъ. И они убѣждаютъ себя, что играютъ роль хорошо, потому что жесты ихъ «театральны». Театральность-же, въ ихъ представленіи, заключается въ томъ, что они слова роли иллюстрируютъ подходящими будто-бы движеніями, и, такимъ образомъ, дѣлаютъ ихъ болѣе выразительными.

Правда, въ сколько-нибудь хорошихъ русскихъ школахъ уже давно твердятъ воспитанникамъ, что иллюстрировать слово жестомъ — нехорошо, что это фальшиво, что это приемъ очень плохой. Но молодые люди этому почему то не вѣрятъ. Какъ это такъ — не иллюстрировать слова жестомъ? А что же дѣлаютъ всѣ большіе актеры? Нѣтъ, что-то не такъ, это надо провѣрить.

Пришелъ однажды въ Москвѣ провѣрять своихъ учителей молодой человекъ ко мнѣ. Изложилъ мнѣ свое недоумѣніе и спросилъ мое мнѣніе:

— Учитель вашъ совершенно правъ, — отвѣтилъ я ему.
— Вы должны принять къ свѣдѣнію его указаніе.

Тутъ-то я и попался. Молодой человекъ побѣдоносно откинулся на спинку кресла и сказалъ:

— А какъ-же, г. Шаляпинъ, въ прошлый разъ, когда вы въ артистическомъ Обществѣ декламировали молодежи стихотвореніе, въ которомъ была фраза:

«И отражали шелкъ, и фрезы и колеты
Съ карнизу до полу сплошныя зеркала»...

— то при словахъ «съ карнизу до полу» вы рукою провели въ воздухѣ линію?!

— Да? Вѣроятно, это было такъ, — сказалъ я моему гостю. — Но, проводя рукою линію по воздуху, я глазами моими отмѣрилъ разстояніе, такъ что жестъ мой вовсе не говорилъ вамъ о карнизѣ и полѣ, — онъ былъ согрѣтъ чѣмъ-то другимъ. Вѣроятно, я этого жеста и не видѣлъ, не замѣчалъ его, какъ не замѣчаю жестовъ, которые я дѣлаю, разговаривая съ вами... Кстати, скажите мнѣ, пожалуйста, что собственно вы подразумѣваете подъ жестомъ? Что такое вообще жестъ?

Молодой человекъ нѣсколько замаялся и объяснилъ мнѣ, что жестъ, это движеніе руки, ноги, плечъ и т. п.

— А по-моему, — замѣтилъ я, — жестъ есть не движеніе тѣла, а движеніе души. Если я, не производя никакихъ движеній, просто сложилъ мои губы въ улыбку, — это уже есть жестъ. А развѣ вамъ запретили въ школѣ улыбнуться послѣ слова, если эта улыбка идетъ отъ души, согрѣта чувствомъ персонажа? Вамъ запретили механическія движенія, приставленные къ слову съ нарочитостью. Другое дѣло — жестъ, возникающій независимо отъ слова, выражающій ваше чувство параллельно слову. Этотъ жестъ полезенъ, онъ что-то рисуетъ живое, рожденное воображеніемъ.

Я надѣюсь, что мой собесѣдникъ, будущій актеръ, понималъ меня, и не будетъ и л л ю с т р и р о в а т ь слова бездушными движеніями рукъ, ногъ, плечъ и т. п.

Образцомъ великаго художника, который движеніемъ лица и глазъ умѣлъ рисовать великолѣпныя картины, мо-

жесть служить нашъ извѣстный рассказчикъ И. Ф. Горбуновъ. Въ чтеніи рассказы его бѣдноваты. Но стоило только послушать, какъ онъ ихъ рассказываетъ самъ, и посмотреть, какъ при этомъ живетъ, жестикуюлируя, каждая черта его лица, каждый волосокъ его бровей, чтобы почувствовать, какая въ его рассказахъ глубочайшая правда, какіе это перлы актерскаго искусства. Если бы вы видѣли, какъ Горбуновъ представляетъ пѣвчаго, регента, мужика, лежащаго въ телѣгѣ и мурлыкающаго пѣсно; если бы увидѣли, какъ этотъ мужикъ реагируетъ на неожиданный ударъ кнута, которымъ его пожаловалъ кучеръ, везущій барина, то вы поняли бы, что такое художественный жестъ, независимо отъ слова возникающій. Безъ такихъ жестовъ жить нельзя, и творить нельзя. Потому, что никакими словами и никакими буквами ихъ не замѣнить. Есть двери, которыя открываются при посредствѣ киррича, подвѣшеннаго на веревкѣ, — примитивный блокъ. Вы эти двери знаете, видали ихъ. Но какъ скрипитъ такая дверь, какъ хлопаетъ, какъ черезъ нее валять клубы пара на улицу, — это можетъ быть рассказано только тѣми прочувствованными и рисующими жестами, на которые былъ великій мастеръ И. Ф. Горбуновъ. Нельзя жестомъ иллюстрировать слова. Это будутъ тѣ жесты, про которые Гамлетъ сказалъ актерамъ: «вы будете размахивать руками, какъ вѣтренная мельница»... Но жестомъ при слове можно рисовать цѣлыя картины.

Вопросъ о правдивомъ, сценическомъ жестѣ мнѣ представляется столь важнымъ, что меня волнуетъ мысль, можетъ быть, кто-нибудь изъ моихъ молодыхъ читателей — будущій актеръ — еще не совсѣмъ меня понялъ. Рискую показаться излишне настойчивымъ, я позволю себѣ привести еще два примѣра (одинъ — воображаемый, другой — реальный) недопустимой иллюстраціи жестомъ слова.

Поется дуэтъ, слѣдовательно, — ведется какой-то диалогъ. Одинъ актеръ говоритъ другому: не совѣтую тебѣ жениться на Лицеттѣ; возьми-ка лучше обними Каролину.

Актеръ, къ которому обращенъ совѣтъ, съ нимъ не согласенъ; его партнеръ еще не закончилъ вариации фразы, а онъ уже начинаетъ жестами иллюстрировать свои возраженія. Онъ трясетъ пальцемъ по воздуху — нѣтъ!.. Онъ любитъ Лизетту — прижимаетъ къ сердцу руки. Когда же дѣло доходитъ до Каролины, онъ подскакиваетъ къ рамлѣ, обращаетъ лицо къ публикѣ и, подмигивая ей, насмѣшливо большимъ пальцемъ черезъ плечо указываетъ на увѣщателя, какъ бы говоря: «съ Каролиной меня не надуешь!..»

Къ крайнему моему огорченію, долженъ признаться, что мой примѣръ не совсемъ выдуманный. Я слушалъ оперу «Отелло». Въ спектаклѣ пѣлъ Таманьо, замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ Отелло, которыхъ я видѣлъ на оперной сценѣ. Яго-же изображалъ актеръ, считающійся однимъ изъ первоклассныхъ итальянскихъ пѣвцовъ, и не безъ основанія. Послѣ того, какъ онъ очень краснорѣчиво разсказалъ Отелло исторію съ платкомъ, когда разъяренный Таманьо пальцами жевалъ скатерть на столѣ, удовлетворенный Яго отошелъ нѣсколько назадъ, посмотрѣлъ на возмущающуюся черную стихію, и публикѣ большимъ пальцемъ показалъ на Отелло, сдѣлавъ послѣ этого еще специфическій итальянскій жестъ — лоботалъ всей кистью руки около живота, — какъ бы говоря:

— Видали, господа, какъ я его обшторилъ?..

Такіе жесты и такихъ **актеровъ** упаси Богъ имѣть въ театрѣ.

Движеніе души, которое должно быть за жестомъ для того, чтобы онъ получился живымъ и художественно-цѣннымъ, должно быть и за словомъ, за каждой музыкальной фразой. Иначе и слова и звуки будутъ мертвыми. И въ этомъ случаѣ, какъ при созданіи вѣшняго облика персонажа, актеръ долженъ служить его **воображенію**. Надо вообразить **душевное состояніе** персонажа въ каждый

данный моментъ дѣйствія. Пѣвца, у котораго нѣтъ воображенія, ничто не спасетъ отъ творческаго безплодія — ни хорошій голосъ, ни сценическая практика, ни эффектная фигура. Воображеніе даетъ роли самую жизнь и содержаніе.

Я только тогда могу хорошо спѣть исторію молодой крестьянки, которая всю свою жизнь умиленно помнить, какъ когда-то, давно, въ молдости красивый уланъ, прѣзжая деревней, ее поцѣловалъ, и слезами обливается, когда, уже старухой, встрѣчаетъ его старикомъ (я говорю о «Молодешенька въ дѣвицахъ я была») — только тогда могу я это хорошо спѣть, когда вообразу, что это за деревня была, и не только одна эта деревня, — что была вообще за Россія, что была за жизнь въ этихъ деревняхъ, какое сердце бьется въ этой пѣснѣ... Вѣдь, вообразить надо, какъ жила эта дѣвушка, если райское умиленіе до старости далъ ей случайный поцѣлуй офицера въ руку. Надо все это почувствовать, чтобы пѣвцу стало больно. И непременно станетъ ему больно, если онъ вообразитъ, какъ въ деревнѣ жили, какъ работали, какъ вставали до зари въ 4 часа утра, въ какой сухой и суровой обстановкѣ пробуждалось юное сердце. Вотъ тогда я, дѣйствительно, «надъ вымысломъ слезами обольюсь».

Вообразить, почувствовать, сочувствовать, жить съ горемъ безумнаго мельника изъ «Русалки», когда къ нему возвращается разумъ и онъ поетъ:

— «Да, старъ и шаловливъ я сталъ!»

Тутъ мельникъ плачетъ. Конечно, за мельникомъ грѣхи, а все же страдаетъ онъ мучительно, — эту муку надо почувствовать и вообразить, надо пожалѣть... И Донъ-Кихота полюбить надо и пожалѣть, чтобы быть на сценѣ трогательнымъ старымъ гидадьго.

Иной разъ пѣвцу приходится пѣть слова, которыя вовсе не отражаютъ настоящей глубины его настроенія въ данную минуту. Онъ поетъ одно, а думаетъ о другомъ. Эти слова, какъ бы только внѣшняя оболочка другого чувства,

которое бродить глубже и въ нихъ прямо не сказывается. Какъ бы это объяснить точнѣе? Ну, вотъ человѣкъ перебираетъ четки, — подарокъ любимой женщины, и хотя пальцы его заняты четками и смотритъ онъ на нихъ, будто всецѣло ими поглощенный, думаетъ онъ дѣйствительно не о нихъ, а о той, которая ему ихъ подарила, которая его любила и умерла...

Марфа въ «Хованщинѣ» Мусоргскаго сидитъ на бревнѣ у окна кн. Хованскаго, который когда-то поигралъ ея любовью. Она поетъ какъ будто простую пѣсню, въ которой вспоминаетъ о своей любви къ нему:

«Исходила младешенька
Всѣ луга и болота,
А и всѣ сѣнные покосы;
Истоптала младешенька,
Исколола я ноженьки,
За милымъ рыскаючи,
Да и лихъ его не имаючи»:

Въ этихъ словахъ пѣсни звучатъ ноты грустнаго безразличія. А между тѣмъ Марфа пришла сюда вовсе не безразличной овечкой. Она сидитъ на бревнѣ, въ задумчивыхъ словахъ перебираетъ, какъ четки, старыя воспоминанія, но думаетъ она не о томъ, что было, а о томъ, что будетъ. Ея душа полна чувствомъ жертвенной муки, къ которой она готовится. вмѣстѣ съ нимъ, любимымъ Хованскимъ, она скоро войдетъ на костеръ — вмѣстѣ горѣть будутъ во имя святой своей вѣры и любви.

«Словно свѣчи Божіи
Мы съ тобою затеплимся,
Окрестъ братья во пламени,
И въ дыму, и въ огнѣ души носятся»...

Вотъ какимъ страстнымъ, фанатическимъ аккордомъ,

свѣтлымъ и неистовымъ въ одно и то же время, заканчивается ея пѣсня!..

Значить, пѣсню Марфы надо пѣть такъ, чтобы публика съ самаго начала почувствовала тайную подкладку пѣсни. Чтобы она почувствовала не «четки», а то движеніе души, которое кроется за задумчивыми движеніями пальцевъ... «Что-то такое произойдетъ», — должна догадаться публика. Если пѣвица сумѣетъ это сдѣлать, образъ Марфы будетъ созданъ. И будетъ пѣвицѣ великая слава, такъ какъ Марфа — одна изъ тѣхъ изумительныхъ по сложной глубинѣ натуръ, которыя способна рожать, кажется, одна только Россія, и для выраженія которыхъ нуженъ былъ гений Мусоргскаго. Въ душѣ Марфы неистовствуютъ аемная любовь, страсть, горячій грѣхъ, жгучая ревность, религиозный фанатизмъ, экстазъ и свѣтлая умиленность вѣры — и какимъ-то жуткимъ полукругомъ всѣ эти противоположности сходятся надъ пламенемъ костра: «Аллилуя, аллилуя!»

Если же внутреннія чувства Марфы черезъ ея пѣсню не просочатся, то никакой Марфы не получится. Будетъ просто болѣе или менѣе полная дама, болѣе или менѣе хорошо или плохо поющая какія-то никому ненужныя слова...

Выше я сказалъ, что душевное состояніе изображаемаго лица надо пѣвицу чувствовать въ каждый моментъ дѣйствія. Долженъ сказать, что бываютъ случаи, когда артисту мѣшаетъ быть правдивымъ какое-нибудь упущеніе автора музыки. Вкрадывается въ партитуру маленькая фальшь, а если фальшь — актеру трудно. Вотъ примѣръ. Я пою Ивана Грознаго въ «Псковитянкѣ», и чувствую, что мнѣ трудно въ началѣ послѣдней картины оперы. Не могу сдѣлать, какъ надо. Въ чемъ дѣло? А вотъ въ чемъ. Сначала Грозный предается размышленіямъ. Вспоминаетъ молодость, какъ онъ встрѣтилъ когда-то въ орѣшникѣ Вѣру, мать Ольги, какъ дрогнуло его сердце, какъ онъ отдался мгновенному порыву страсти. «Дрогнуло ретивое,

не стерпѣлъ, теперь плоды вотъ пожинаемъ». Хорошо. Но сію же минуту, вслѣдъ за этимъ, дальнѣйшія его размышленія уже много толка:

«То только царство сильно, крѣпко и велико,
Гдѣ вѣдаетъ народъ, что у него одинъ владыка,
Какъ во единомъ стадѣ — единый пастырь».

Мечтатель-любовникъ прежнихъ лѣтъ преобразуется въ зрѣлаго государственнаго мыслителя, утверждающаго силу централизованной власти, воспѣвающаго благо самодержавія. Тутъ переходъ изъ одного душевнаго состоянія въ другой — нужна, значитъ, или пауза, или же вообще какая-нибудь музыкальная перепряжка, а этого у автора нѣтъ. Мнѣ приходится просить дирижера, чтобы онъ задержалъ послѣднюю ноту въ оркестрѣ, сдѣлалъ на ней остановку, чтобы дать мнѣ время и возможность сдѣлать лицо, переменить обликъ. Говорю объ этомъ автору — Римскому-Корсакову. Поклонялся я ему безгранично, но надо сказать правду, не любилъ Николай Андреевичъ слушать объ ошибкахъ... Не особенно охотно выслушалъ онъ и меня. Хмуро сказалъ: «посмотрю, обдумаю»... Спустя нѣкоторое время, онъ приноситъ мнѣ новую арію для этой сцены «Псковитячки». Посвятилъ арію мнѣ — рукопись ея храню до сихъ поръ, — а спѣлъ я ее только одинъ разъ — на релетиціи. Прежній рѣчитативъ, хоть съ ошибкой, былъ превосходный, а арія, которою онъ хотѣлъ его замѣнить, оказалась неподходящей. Не хотѣлось мнѣ «арію» въ устахъ Грознаго. Я почувствовалъ, что арія мѣшаетъ простому ходу моего дѣйствія.

Если бы я не культивировалъ въ себѣ привычки каждую минуту отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что я дѣлаю, я бы, вѣроятно, и не замѣтилъ пробѣла въ музыкѣ, и мой образъ Грознаго отъ этого несомнѣнно пострадалъ бы.

Въ предыдущей главѣ я старался опредѣлить роль воображенія въ созданіи убѣдительныхъ сценическихъ образовъ. Важность воображенія я полагалъ въ томъ, что оно помогаетъ преодолевать въ работѣ все механическое и протокольное. Этими замѣчаніями я извѣстнымъ образомъ утверждалъ начало свободы въ театральномъ творествѣ. Но свобода въ искусствѣ, какъ и въ жизни, только тогда благо, когда она ограждена и укрѣплена внутренней дисциплиной.

Объ этой дисциплинѣ въ сценическомъ творествѣ я хочу теперь сдѣлать нѣсколько необходимыхъ замѣчаній.

«Сценическій образъ правдивъ и хорошъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ убѣждаетъ публику». Я сказалъ, что негръ съ бѣлой шеей, старикъ съ нѣжными руками не покажутся публикѣ убѣдительными. Я высказалъ предположеніе, что бѣлокурый Борисъ Годуновъ не будетъ принятъ безъ сопротивленія и выразилъ увѣренность, что пѣсня безъ внутренней жизни никого не взволнуетъ. Убѣдить публику, значить въ сущности хорошо ее обмануть, — вѣрнѣе, создать въ ней такое настроеніе, при которомъ она сама охотно поддается обману, сживается съ вымысломъ и переживаетъ его какъ нѣкую высшую правду. Зритель отлично знаетъ, что актеръ, умирающій на сценѣ, будетъ, можетъ быть, черезъ четверть часа въ трактирѣ пить пиво, и тѣмъ не менѣе отъ жалости его глаза увлажняются настоящими слезами.

Такъ убѣдить, такъ обмануть можно только тогда, когда строго соблюдено чувство художественной мѣры.

Конечно, актеру надо прежде всего самому быть убѣжденнымъ въ томъ, что онъ хочетъ внушить публикѣ. Онъ долженъ вѣрить въ создаваемый имъ образъ твердо и настаивать на томъ, что вотъ это, и только это настоящая правда. Такъ именно жилъ персонажъ и такъ именно онъ умеръ, какъ я показываю. Если у актера не будетъ

этого внутренняго убѣжденія, онъ никогда и никого ни въ чемъ не убѣдитъ; но не убѣдитъ онъ и тогда, если при музыкальномъ пластическомъ и драматическомъ разсказѣ не распредѣлитъ правильно, устойчиво и гармонично всѣхъ тяжестей сюжета. Чувство должно быть выражено, интонаціи и жесты сдѣланы точь-въ-точь по строжайшей мѣркѣ, соответствующей данному персонажу и данной ситуациіи. Если герой на сценѣ, на примѣръ, плачетъ, то актеръ-пѣвецъ свою впечатлительность, свою собственную слезу долженъ спрятать, — онѣ персонажу, можетъ быть, вовсе не подойдутъ. Чувствительность и слезу надо заимствовать у самого персонажа, — онѣ-то будутъ правдыми.

Для иллюстраціи моей мысли приведу примѣръ изъ практики. Когда-то въ юности, во время моихъ гастролой на югъ Россіи, я очутился однажды въ Кишиневѣ и въ свободный вечеръ пошелъ послушать въ мѣстномъ театрѣ оперу Леонкавалло «Паяцы». Опера шла не шатко, не валко, въ залѣ было скучновато. Но вотъ теноръ запѣлъ знаменитую арію Паяца и залъ странно оживился: теноръ сталъ драматически плакать на сценѣ, а въ публикѣ начался смѣшокъ. Чѣмъ больше теноръ разыгрывалъ драму, чѣмъ болѣе онъ плакалъ надъ словами «Смѣйся, паяцъ, надъ разбитой любовью!», тѣмъ больше публика хохотала. Было очень смѣшно и мнѣ: Я кусалъ губы, сдерживался, что было силы, но всѣмъ моимъ нутромъ тряса отъ смѣха. Я бы, вѣроятно, остался при мнѣніи, что это бездарный человѣкъ, не умѣетъ, смѣшно жестикулируетъ — и намъ смѣшно... Но вотъ, кончился актъ, публика отправилась хохотать въ фойе, а я пошелъ за кулисы. Тенора я зналъ мало, но былъ съ нимъ знакомъ. Проходя мимо его уборной, я рѣшилъ зайти поздороваться. И что я увидѣлъ? Выхлипывая еще отъ пережитаго имъ на сценѣ, онъ со слезами, текущими по щекамъ, насилу произнесъ:

— Здр... здравствуйте.

— Что съ вами, — испугался я. — Вы нездоровы?

— Нѣтъ.. я здо... ровъ.

— А что же вы плачете?

Да вотъ не могу удержатъ слезъ. Всякій разъ, когда я переживаю на сценѣ сильное драматическое положеніе, я не могу удержатся отъ слезъ, я плачу.. Такъ мнѣ жадко бѣднаго паяца.

Мнѣ стало ясно, въ чемъ дѣло. Этотъ, можетъ быть, не совсѣмъ ужъ бездарный пѣвецъ губилъ свою роль просто тѣмъ, что плакалъ надъ разбитой любовью не слезами паяца, а собственными своими слезами черезчуръ чувствительнаго человѣка... Это выходило смѣшно, потому что слезы тенора никому неинтересны..

Примѣръ этотъ рѣзкій, но онъ поучителенъ. Крайнее нарушеніе художественной мѣры вызвало въ театрѣ крайнюю реакцію — смѣхъ. Менѣе рѣзкое нарушеніе мѣры вызвало бы, вѣроятно, меньшую реакцію — улыбки. Уклоненіе отъ мѣры въ обратномъ направленіи, — вызвало бы обратную-же реакцію. Если бы теноръ былъ человѣкомъ черствымъ, паяца совсѣмъ не жалѣлъ бы, и эту личную свою черту равнодушія рѣзко проявилъ бы въ исполненіи роли «Смѣйся, паяцъ...»; публика, очень возможно, закидала бы его гнилыми яблоками..

Идеальное:соответствіе средствъ выраженія художественной цѣли — единственное условіе, при которомъ можетъ быть созданъ гармонически устойчивый образъ, живущій своей собственной жизнью, т.е. правда, черезъ актѣра независимо отъ него. Черезъ актѣра — творца, независимо отъ актѣра-человѣка.

Дисциплина чувства снова возвращаетъ насъ въ сферу сознанія, къ усилію ясто интеллектуальнаго порядка. Соблюденіе чувства художественной мѣры предполагаетъ контроль надъ собою. Полагаться на одну только реакцію публики я не рекомендую бы. «Публика хорошо ре-

агируетъ, значить это хорошо», — очень опасное сужденіе. Легко обольститься полу-правдой. Успѣхъ у публики, т. е. видимая убѣдительность для нея образа, не долженъ быть артистомъ принятъ, какъ безусловное доказательство подлинности образа и его полной гармоничности. Бываетъ, что публика ошибается: Есть, конечно, въ публикѣ знатоки, которые рѣдко заблуждаются, но свѣжій народъ, широкая публика судить о вещахъ правильно только по сравненію. Приходится слышать иногда въ публикѣ про актера: «какъ хорошо играетъ!», а играетъ этотъ актеръ отвратительно. Публика пойметъ это только тогда, когда увидитъ лучшее, болѣе правдивое и подлинное. «Вотъ какъ это надо играть!» — сообразить она тогда... Показываютъ вамъ мебель Людовика XV. Все, какъ слѣдуетъ: форма, рѣзба, золото, подъ старое. Это можетъ обманывать только до той минуты, пока вамъ не покажутъ настоящія произведенія эпохи, съ ея необъяснимымъ отпечаткомъ, съ ея неподдѣльной красотой. Только строгій контроль надъ работою помогаетъ актеру быть честнымъ и безошибочно убѣдительнымъ.

Тутъ актеръ стоитъ передъ очень трудной задачей — задачей раздвоенія на сценѣ. Когда я пою, воплощаемый образъ предо мною всегда на сцену. Онъ передъ моими глазами каждый мигъ. Я вижу и слышу, дѣйствую и наблюдаю. Я никогда не бываю на сценѣ одинъ. На сценѣ два Шаляпина. Одинъ играетъ, другой контролируетъ. «Слишкомъ много слезъ, братъ, — говоритъ корректоръ актеру. — Помни, что плачешь не ты, а плачешь персонажъ. Убавь слезу». Или же: «Мало, суждено. Прибавь». Бываетъ, конечно, что не овладеешь собственными нервами. Помню, какъ однажды въ «Жизни за Царя», въ моментъ, когда Сусанинъ говоритъ: «Велитъ идти, повиноваться! надо» и, обнимая дочь свою Автону, поетъ:

«Ты не кручинься, дитятко мое,
Не плачь, моё возлюбленное чадо»

— почувствовалъ, какъ по лицу моему потекли слезы. Въ первую минуту я не обратилъ на это вниманія, — думалъ, что это плачетъ Сусанинъ, — но вдругъ замѣтилъ, что вмѣсто пріятнаго тембра голоса изъ горла начинаетъ выходить какой-то жалобный клекоть... Я испугался и сразу сообразилъ, что плачу я, растроганный Шалайпинъ, слишкомъ интенсивно почувствовавъ горе Сусанина, т. е. слезами лишними, ненужными, — и я мгновенно сдержалъ себя, охладилъ. «Нѣтъ, братъ, — сказалъ контролеръ, — не сентиментальничай. Богъ съ нимъ, съ Сусаниномъ. Ты ужъ лучше пой и играй правильно...»

Я ни на минуту не расстаюсь съ моимъ сознаніемъ на сценѣ. Ни на секунду не теряю способности и привычки контролировать гармонию дѣйствія. Правильно ли стоитъ нога? Въ гармоніи ли положеніе тѣла съ тѣмъ переживаніемъ, которое я долженъ изображать? Я вижу каждый трепетъ, я слышу каждый шорохъ вокругъ себя. У неряшливаго хориста скрипнула сапогъ, — меня это ужъ кольнуло. «Бездѣльникъ, — думаю, — скрипятъ сапоги», а въ это время пою: «Я умира-аю»...

Бессознательность творчества, о которой любятъ говорить иные актеры, не очень меня восхищаетъ. Говорятъ: актеръ въ пылу вдохновенія такъ вошелъ въ роль, что, выхватилъ кинжалъ, ранилъ имъ своего партнера. По моему мнѣнію, за такую бессознательность творчества слѣдуетъ отвести въ участокъ... Когда даешь на сценѣ пощечину, надо, конечно, чтобы публика ахнула, но партнеру не должно быть больно. А если въ самомъ дѣлѣ шибко ударить, партнеръ упадетъ, и дирекціи придется на четверть часа опустить занавѣсъ. Выслать распорядителя и мѣдиться:

— Простите, господа. Мы вынуждены прекратить спектакль, — актеръ вошелъ въ роль..

Актеръ усердно изучилъ свою партитуру свободно и плодотворно поработало его воображеніе, онъ глубоко почувствовалъ всю гамму душевныхъ переживаній персонажа; онъ тщательно разработалъ на репетиціяхъ интонаціи и жесты; строгимъ контролемъ надъ своими органами выраженія достигъ удовлетворительной гармонии. Образъ, который онъ въ періодъ первыхъ вдохновеній увидѣлъ, какъ идеальную цѣль, — отшлифованъ.

На первомъ представленіи оперы онъ побѣдоносно перешелъ за рампу и покорилъ публику. Готовъ ли образъ окончательно?

Нѣтъ, образъ еще не готовъ. Онъ долго еще дозрѣваетъ, отъ спектакля къ спектаклю, годами, годами. Дѣло въ томъ, что есть трудъ и наука, есть въ природѣ талантъ, но самая, можетъ быть, замѣчательная вещь въ природѣ — практика. Если воображеніе — мать, дающая роли жизнь, практика — кормилица, дающая ей здоровый ростъ.

Я думаю, ни одинъ сапожникъ, — а я въ юности имѣлъ честь быть сапожникомъ, и говорю *en connaissance de cause*, — какъ бы онъ ни былъ талантливъ, не можетъ сразу научиться хорошо точать сапоги, хотя бы онъ учился этому пять лѣтъ. Конечно, онъ ихъ прекрасно сдѣлаетъ, если онъ сапожникъ хорошій, но узнать по вашему лицу, какія у васъ ноги и какія особенности нужны вашимъ сапогамъ, — для этого нужна практика, и только практика. Убѣдить, но есть такое множество пустяковъ, которые стоятъ между вами и публикой! Есть вещи неуловимыя, до сихъ поръ не могу понять, въ чемъ дѣло, но чувствую: это почему-то публикѣ мѣшаетъ меня понять, мнѣ повѣрить. Свѣтъ въ театрѣ, если онъ въ какой-то таинственно-необходимой степени не соотвѣтствуетъ освѣщенію сцены, мѣшаетъ проявиться какимъ-то скрытымъ чувствамъ зрителя, подавляетъ и отвращаетъ его эмоцію. Что-

нибудь въ костюмѣ, что-нибудь въ декорации или въ обстановкѣ. Такъ что актеръ въ твореніи образа зависитъ много отъ окружающей его обстановки, отъ мелочей, помогающихъ ему, и отъ мелочей, ему мѣшающихъ. И только практика помогаетъ актеру замѣчать чувствовать, догадываться, что именно, какая деталь, какая соринка помѣшала впечатлѣнію. Это дошло, это не доходить, это падаешь криво. Зрительный залъ и идущія изъ него на подмостки струи чувства шлифуютъ образъ неустанно, постоянно... Играть же свободно и радостно можно только тогда, когда чувствуешь, что публика за тобою идетъ. А чтобы держать публику — одного таланта мало: нуженъ опытъ, нужна практика, которые даются долгими годами работы.

И вотъ, когда-нибудь наступаетъ моментъ, когда чувствуешь, что образъ готовъ. Чѣмъ это все-таки, въ концѣ концовъ, достигнуто? Я въ предыдущихъ главахъ объ этомъ немало говорилъ, но договорить до конца не могу. Это тамъ — за заборомъ. Выучкой не достигнешь и словами не объяснишь. Актеръ такъ вмѣстилъ всего человѣка въ себѣ, что все, что онъ ни дѣлаетъ, въ жестѣ, интонаціи, окраскѣ звука, — точно и правдиво до послѣдней степени. Ни на іоту больше, ни на іоту меньше. Актера этого я сравнилъ бы со стрѣлкомъ въ «Тирѣ», которому такъ удалось попасть въ цѣль, что колокольчикъ дрогнулъ и зазвонилъ. Если выстрѣлъ уклонился бы на одинъ миллиметръ, выстрѣлъ это будетъ хорошей, но колокольчикъ не зазвонитъ...

Такъ со всякой ролью. Это не такъ просто, чтобы зазвонилъ колокольчикъ. Часто, довольно часто блуждаешь около цѣли, близко, одинъ миллиметръ разстоянія, но только около. Странное чувство. Одинъ моментъ я чувствую, чувствую, что колокольчикъ звонитъ, а сто моментовъ его не слышу. Но не это важно — важна самая способность чувствовать, звонить или молчать колокольчикъ... Точно также, если у слушателя моего, какъ мнѣ

иногда говорятъ, прошли мурашки по кожѣ, — повѣрьте, что я ихъ чувствую на его кожѣ. Я знаю, что онѣ прошли. Какъ я это знаю? Вотъ этого я объяснить не могу. Это по ту сторону забора...

Что сценическая красота можетъ быть даже въ изображеніи уродства, — не пустая фраза. Это такая же простая и несомнѣнная истина, какъ то, что могутъ быть живописны отрѣпыя нищаго. Тѣмъ болѣе прекрасно должно быть на сценѣ изображеніе красоты, и тѣмъ благороднѣе должно быть благородство. Для того-же, чтобы быть способнымъ эту красоту свободно воплотить, актеръ долженъ чрезвычайно заботливо развивать пластическія качества своего тѣла. Непринужденность, свобода, ловкость и естественность физическихъ движеній такое же необходимое условіе гармоническаго творчества, какъ звучность, свобода, полнота и естественность голоса. Отъ того, что это не всегда сознается, получаютъ печальныя и курьезныя явленія. Молодой человѣкъ окончилъ консерваторію или прошелъ курсъ у частнаго профессора пѣнія и сценическаго искусства, онѣ поставивъ правильно тѣ или другія ноты своего голоса, выучилъ роль и совершенно добросовѣстно полагаетъ, что онѣ уже можетъ играть Рауля въ «Гугенотахъ» или царя Грознаго. Но скоро онѣ убѣждается, что ему неловко въ томъ костюмѣ, который на него надѣлъ портной-одѣвальщикъ.

Милый, образованный молодой человѣкъ, знающій отлично исторію гугенотовъ и кто такой Рауль де Нанжи, представъ передъ публикой за освѣщенной рампой, бываетъ скорѣе похожъ на парикмахера, переряженнаго въ святочный костюмъ. Онѣ просто не умѣетъ ходить на сценѣ при публикѣ, не владея свободно своимъ тѣломъ. Получается разладъ между рыцаремъ, котораго онѣ изображаетъ, и имъ самимъ.

Пришелъ однажды ко мнѣ въ Петербургъ молодой че-

ловѣкъ съ письмомъ отъ одного моего друга-писателя. Писатель рекомендовалъ мнѣ юношу, какъ человѣка даровитаго, даже поэта, но безъ всякихъ средствъ, — онъ хочетъ учиться пѣнію. Нельзя ли послушать его и помочь ему?

Молодой человѣкъ былъ одѣтъ въ черную блузу, шнуркомъ подпоясанную подъ животомъ. Я замѣтилъ, что онъ ходитъ въ развалку, какъ ходили у насъ люди изъ народа съ идеями, мечтающіе помочь угнетеннымъ. Я замѣтилъ также, что онъ обладаетъ великолѣпной физической силой, — я больно почувствовалъ его рукопожатіе. Я его послушалъ. Сравнительно недурнымъ голосомъ — басомъ — онъ спѣлъ какую-то оперную арію. Спѣлъ скучно, что я ему и сказалъ. Онъ согласился съ этимъ, сказавъ, что еще ни у кого не учился. На ученіе ему нужно 40 рублей въ мѣсяць. Я ему ихъ обѣщалъ, выдалъ авансъ и разрѣшилъ время отъ времени приходить мнѣ попѣтъ. Онъ поступилъ въ школу. Видалъ я его рѣдко, — въ сроки взноса денегъ. Но такъ черезъ полгода онъ пришелъ показать мнѣ свои успѣхи. Въ той-же черной блузѣ, съ тѣмъ же пояскомъ подъ животомъ. Слишкомъ крѣпко, какъ всегда, пожалъ мнѣ руку, въ развалку подошелъ къ фортепiano и запѣлъ.

Никакой особенной разницы между первымъ разомъ и теперешнимъ я въ его пѣніи не замѣтилъ. Онъ только дѣлалъ какія-то новыя задержанія, едва ли нужныя, и пояснялъ мнѣ, почему они логически необходимы. Я слѣлалъ ему нѣкоторыя замѣчанія по поводу его пѣнія и, между прочимъ, спросилъ его, что онъ думаетъ по поводу своей блузы: такъ ли онъ къ ней привыкъ, что съ ней не разстается, или, можетъ быть, у него не хватаетъ денегъ на другую одежду?..

Вопросъ мой, повидимому, смутилъ молодого человѣка; однако, улыбнувшись, онъ сказалъ мнѣ, что голосъ звучитъ одинаково и въ блузѣ, и во фракѣ. Противъ этой

истины я ничего не возразилъ. Дѣйствительно, подумаль я, — голосъ звучить одинаково...

Въ то время я игралъ короля Филиппа II въ «Донъ-Карлосъ». Молодой человѣкъ часто приходилъ просить билеты на эти мои спектакли: хочетъ изучить мою игру въ «Донъ-Карлосъ», такъ какъ къ роли Филиппа II имѣеть особое тяготѣніе и надѣется, что это будетъ лучшая изъ его ролей, когда онъ начнетъ свою карьеру. Я ему охотно давалъ контрмарки. Онъ приходилъ затѣмъ благодарить меня и говорилъ, что моя игра переполняетъ его душу восторгомъ.

— Вотъ и чудно, — сказалъ я ему. — Я радъ, что такимъ образомъ вы получите нѣсколько наглядныхъ уроковъ игры.

Прошелъ еще одинъ учебный годъ. Снова пришелъ ко мнѣ молодой пѣвецъ. Въ черной блузѣ съ пояскомъ подъ животомъ, снова до боли крѣпко пожалъ мнѣ руку.

На этотъ разъ я поступилъ съ нимъ строго. Я ему сказалъ:

— Молодой человѣкъ. Вотъ уже 2 года, какъ вы учитесь. Вы ходили въ театръ смотрѣть меня въ разныхъ роляхъ, и очень увлекаетесь королемъ Филиппомъ II испанскимъ. А ходите вы все на кривыхъ ногахъ въ развалку, носите блузу и такъ отъ души жмете руки, что потомъ онѣ болятъ. Вашъ профессоръ, очевидно, вамъ не объяснилъ, что помимо тѣхъ нотъ, которыя надо задерживать, какъ вы въ прошлый разъ это мнѣ логически объяснили, надо еще учиться, какъ ходить не только на сценѣ, но и на улицѣ. Удивляюсь, что вы не сообразили этого сами. Голосъ, конечно, звучить одинаково во всякомъ костюмѣ, но короля Филиппа II, котораго вы собираетесь играть, вы никогда не сыграете. Я считаю двулѣтній опытъ вполнѣ достаточнымъ...

Молодой человѣкъ, вѣроятно, жаловался друзьямъ, что вотъ большіе актеры затираютъ молодыхъ и не даютъ имъ дороги... Онъ этого не говорилъ бы, если бы по-

нималъ, что большими актерами дѣлаются обыкновенно люди, съ одинаковой строгостью культивирующіе и свой духъ, и его внѣшнія пластическія отраженія.

Высочайшимъ образцомъ актера, въ совершенствѣ владѣвшаго благородной пластикой своего «амплуа», является для меня Иванъ Платоновичъ Киселевскій. Этотъ знаменитый актёръ гремѣлъ въ концѣ прошлаго вѣка въ роляхъ «благородныхъ отцовъ», — вообще «джентельменовъ». Я видѣлъ его на сценѣ въ Казани, когда я былъ еще мальчикомъ. Лично же я встрѣтился съ нимъ гораздо позже въ Тифлисѣ, въ салонѣ одной знакомой дамы, устроившей раутъ для гастролировавшей тамъ столичной труппы. Я былъ еще слишкомъ робокъ, чтобы вступить съ Киселевскимъ въ бесѣду, — я наблюдалъ за нимъ издали, изъ угла. Сѣдые волосы, бѣлые, какъ лунъ, бритое лицо — некрасивое, но интересное каждою морщинкой. Одѣтъ въ черный сюртукъ. Безукоризненно завязанный галстукъ. Обворожительный голосъ, совсѣмъ какъ бархатъ. Говорить негромко, но все и вездѣ слышно. Я любовался этой прекрасной фигурой. Киселевскаго пригласили къ буфету. Онъ подошелъ къ столу съ закусками и прежде, чѣмъ выпить рюмку водки, взялъ тарелку, посыпалъ въ нее соль, перецъ, налилъ немного уксуса и прованскаго масла, смѣшалъ все это вилкой и полилъ этимъ на другой тарелкѣ салатъ. Читатель, конечно, удивляется, что я собственно такое рассказываю? Человѣкъ сдѣлалъ соусъ и закусилъ салатомъ рюмку водки. Просто, конечно, но какъ это сдѣлалъ Киселевскій, — я помню до сихъ поръ, какъ одно изъ прекрасныхъ видѣній благородной сценической пластики. Помню, какъ его превосходная, красивая рука брала каждый предметъ, какъ вилка въ его рукахъ сбивала эту незатѣйливую смѣсь и какимъ голосомъ, какой интонаціей онъ сказалъ:

— Ну, дорогіе друзья мои, актеры, поднимаемъ рюмки въ честь милой хозяйки, устроившей намъ этотъ прекрасный праздникъ...

Благородство жило въ каждой линіи этого человѣка. «Навѣрное англійскіе лорды должны быть такими», — наивно подумалъ я. Я видѣлъ потомъ въ жизни много аристократовъ, лордовъ и даже королей, но всякій разъ съ гордостью за актера при этомъ вспоминалъ:

Иванъ Петровичъ Киселевскій...

Милые старые русскіе актеры!

Многихъ изъ нихъ — всю славную плеяду конца прошлаго вѣка — я перевидалъ за работой на сценѣ; но старѣйшихъ, принадлежавшихъ къ болѣе раннему поколѣнію великаго русскаго актерства, мнѣ пришлось видѣть уже на покоѣ въ петербургскомъ убѣжищѣ для престарѣлыхъ дѣятелей сцены. Грустно было, конечно, смотрѣть на выбывшихъ изъ строя и утомленныхъ болѣзнями стариковъ и старухъ, но все-таки визиты къ нимъ въ убѣжище всегда доставляли мнѣ особую радость. Они напоминали мнѣ картины старинныхъ мастеровъ. Какіе ясные лики! Они были покрыты какъ будто лакомъ, — это былъ лакъ скрипокъ Страдиваріуса, всегда блистающій одинаково. Эта чудесная ясность старыхъ актерскихъ лицъ — секретъ, нашимъ поколѣніемъ безнадежно потерянный. Въ ней, во всякомъ случаѣ, отражалась иная жизнь, полная тайнаго трепета передъ искусствомъ. Со священной робостью они шли на работу въ свой театръ, какъ идутъ на причастіе, хотя и не всегда бывали трезвыми...

Старый актерскій міръ былъ большой семьей. Безъ помпы и рекламъ, безъ выпренныхъ рѣчей и фальшивой лести, вошедшихъ въ моду позже, актеры тѣхъ поколѣній жили тѣсными дружными кружками. Собирались, совѣтовались, помогали другъ другу, а когда надо было, говорили откровенно правду:

— Ты, братъ, Зарайскій, играешь эту роль неправильно.

И какъ ни былъ самолюбивъ Зарайскій, задумывался онъ надъ товарищеской критикой. И русскій актеръ росъ и цвѣлъ въ славѣ.

Извѣстно, что русское актерство получило свое начало при Екатеринѣ Великой. Русскіе актеры были крѣпостными людьми, пришли въ театръ отъ сохи, отъ двора — отъ рабства. Они были вынуждены замыкаться въ себѣ самихъ, потому что не очень авантюжно обращались съ ними господа, передъ которыми они разыгрывали на сценѣ свои чувства.

Я самъ еще засталъ время, когда Его Высокопревосходительство г. Директоръ Императорскихъ театровъ протягивалъ самымъ знаменитымъ актерамъ два пальца. Но при этихъ двухъ пальцахъ Его Высокопревосходительство, въ мое время, все-таки любезно улыбался, но отъ стариковъ, уже кончавшихъ свою карьеру въ Императорскихъ театрахъ, я зналъ, что предыдущіе директора не протягивали и двухъ пальцевъ, а просто приходили за кулисы и громко заявляли:

— Если ты въ слѣдующій разъ осмѣлишься мнѣ наврать такъ, какъ навралъ сегодня, то я тебя посажу подъ арестъ.

Не похожъ ли на анекдотъ вотъ этотъ случай, — подлинный, цѣликомъ отражающій печальную дѣйствительность того времени.

Я засталъ еще на сценѣ одного очень стараго пѣвца, почему-то меня, мальчишку, полюбившаго. Пѣвецъ былъ хорошій — отличный басъ. Но будучи землеробомъ, онъ сажалъ у себя въ огородѣ редиску, огурцы и прочіе овощи, служившіе главнымъ образомъ закуской къ водкѣ... Былъ онъ и поэтъ. Самъ я читалъ только одно изъ его произведеній, но запомнилъ. Оно было адресовано его другу, бібліотекаря театра, котораго звали Ефимомъ:

«Фима, у меня есть рѣдка въ пальтѣ,
Сдѣлаемъ изъ нея декольте,
А кто водочки найти поможетъ,
Тотъ и рѣдечки погложетъ»...

Такъ вотъ этотъ самый превосходный басъ, землеробъ

и поэтъ, передъ выступленіемъ въ какомъ-то значительномъ концертѣ въ присутствіи Государя, не во время сдѣлалъ «декольте», и запѣлъ не то, что ему полагалось пѣть. Директоръ, который, вѣроятно, рекомендовалъ Государю участіе этого пѣвца, возмущенный влетаетъ въ уборную и раскричался на него такъ, какъ можно было кричать только на крѣпостного раба. А въ концѣ рѣчи, испещренной многими непристойными словами, изо всей силы ударилъ по нотамъ, которыя пѣвецъ держалъ въ рукахъ. Ноты упали на полъ. Пѣвецъ, до сихъ поръ безропотно молчавшій, послѣ удара по нотамъ не выдержалъ и, нагибаясь поднять ихъ, глубокимъ, но спокойнымъ бархатнымъ басомъ рекъ:

— Ваше Высокопревосходительство, умоляю васъ, не заставляйте меня, Ваше Высокопревосходительство, послать васъ къ... матери.

Какъ ни былъ директоръ взволнованъ, и въ своемъ гнѣвѣ и лентяхъ величавъ, онъ сразу замолкъ, растерялся и ушелъ... Исторія была предана забвенію.

Вотъ почему, въ поискахъ теплаго человѣческаго чувства, старые, русскіе актеры жались другъ къ другу въ собственноручной средѣ. Не только въ столицахъ, вокругъ Императорскихъ театровъ, но и въ провинціи они жили особенной своей жизнью. И въ ихъ средѣ, вѣроятно, ютилась иногда зависть и ненависть, — какъ всегда и вездѣ, — но эти черты не были характерны для актерской среды, — въ ней господствовала настоящая, хорошая дружба.

Старый актеръ не ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ въ 1-омъ классѣ, какъ это уже намъ, счастливицамъ, сдѣлалось возможно, — довольно часто ходилъ онъ изъ города въ городъ пѣшкомъ, иногда очень далекія разстоянія, а вотъ лицо его, чѣмъ рѣшительнѣе его отстраняли отъ высшаго общества, тѣмъ ярче и выпуклѣе чеканилось оно на той прекрасной медали, которая называется «театръ».

Федоръ Шаляпинъ.

Camera obscura

I.

Приблизительно въ 1925 году размножилось по всему свѣту милое, забавное существо, — существо теперь уже почти забытое, но въ свое время, т. е. въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ, бывшее вездѣсущимъ, — отъ Аляски до Патагоніи, отъ Манчжуріи до Новой Зеландіи, отъ Лапландіи до мыса Доброй Надежды, словомъ всюду, куда проникаютъ цвѣтныя открытки, — существо, носившее симпатичное имя: Sheary.

Разсказываютъ, что его (или вѣрнѣе: ея) происхожденіе связано съ вопросомъ о вивисекціи. Художникъ Робертъ Горнъ, проживавшій въ Нью-Йоркѣ, однажды завтракалъ со случайнымъ знакомымъ, — молодымъ физиологомъ. Разговоръ коснулся опытовъ надъ живыми звѣрями. Физиологъ, человекъ впечатлительный, еще не привыкшій къ лабораторнымъ кошмарамъ, выразилъ мысль, что наука не только допускаетъ изощренную жестокость къ тѣмъ самымъ животнымъ, которыя въ иное время возбуждаютъ въ человекѣ умиленіе своей пухлостью, теплою, ужимками, — но еще входитъ какъ бы въ азартъ, — распинаетъ живьемъ и кромсаетъ куда больше особей, чѣмъ въ дѣйствительности ей необходимо. «Знаете что, — сказалъ онъ Горну, — вотъ вы такъ славно рисуете всякія занятныя штучки для журналовъ; возьмите-ка и пустите, такъ сказать, на волны моды какого-нибудь многострадальнаго маленькаго звѣря, напримѣръ морскую свинку. Придумайте къ этимъ картинкамъ шуточные надписи, гдѣ бы такъ вскользь, легко, упоминалось о тра-

гической связи между свинкой и лабораторіей. Удалось бы, я думаю, не только создать очень своеобразный и забавный типъ, но и окружить свинку нѣкоторымъ ореоломъ модной ласки, что и обратило бы общее вниманіе на несчастную долю этой въ сущности милѣйшей твари». «Не знаю, — отвѣтилъ Горнъ, — онѣ мнѣ напоминаютъ крысъ. Богъ съ ними. Пускай пицчатъ подъ скальпелемъ». Но какъ-то разъ, спустя мѣсяцъ послѣ этой бесѣды, Горнъ, въ поискахъ темы для серіи картинокъ, которую просило у него издательство иллюстрированного журнала, вспомнилъ совѣтъ чувствительнаго физиолога, — и въ тотъ же вечеръ легко и быстро родилась первая морская свинка Чили. Публику сразу привлекло, мало что привлекло — очаровало, хитренькое выраженіе этихъ блестящихъ бирюзовыхъ глазъ, круглота формъ, толстый задокъ и гладкое темя, манера сусликомъ стоять на заднихъ лапкахъ, прекрасный крапъ, черный, кофейный и золотой, а главное — неуловимое, прелестно-смѣшное нѣчто, фантастическая, но весьма опредѣленная жизненность, — ибо Горну посчастливилось найти ту каррикатурную линію въ обликѣ даннаго животнаго, которая, являя и подчеркивая все самое забавное въ немъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то приближаетъ его къ образу человѣческому. Вотъ и началось: Чили; держащая въ лапкахъ черепъ грызуна (съ этикеткой: *Cavia sobaja*) и восклицаящая «Бѣдный Юрикъ!»; Чили на лабораторномъ столѣ, лежащая брюшкомъ вверхъ и пытающаяся дѣлать модную гимнастику, — ноги за голову (можно себѣ представить, сколь многого достигали ея короткія заднія лапки); Чили стоймя, безопасно обстригающая себѣ коготки подозрительно тонкими ножницами, — при чемъ вокругъ валяются: ланцетъ, вата, иголки, какая-то тесьма... Очень скоро, однако, нарочитые операционные намеки совершенно отпали, и Чили начала появляться въ другой обстановкѣ и въ самыхъ неожиданныхъ положеніяхъ, — откальвала чарльстонъ, загорала до полнаго меланизма на солнцѣ и т. д. Горнъ

живо сталъ богатѣть, зарабатывая на репродукціяхъ, на цвѣтныхъ открыткахъ, на фильмовыхъ рисункахъ, а также на изображеніяхъ Чипи въ трехъ измѣреніяхъ, ибо немедленно появился спросъ на плюшевыя, тряпичныя, деревянные, глиняныя подобія Чипи. Черезъ годъ весь міръ былъ въ нее влюбленъ. Физиологъ не разъ въ обществѣ рассказывалъ, что это онъ далъ Горну идею морской свинки, но ему никто не вѣрилъ, и онъ пересталъ объ этомъ говорить.

Въ началѣ 1928 года въ Берлинѣ знатоку живописи Бруно Кречмару, человѣку, очень, кажется, свѣдущему, но отнюдь не блестящему, пришлось быть экспертомъ въ пустяжномъ, прямо даже глупомъ дѣлѣ. Модный художникъ Кокъ написалъ портретъ фильмовой артистки Доріанны Карениной. Фирма личныхъ кремовъ приобрѣла у нея право помѣщать на плакатахъ репродукцію съ портрета въ видѣ рекламы своей губной помады. На портретѣ Доріанна держала, прижатой къ голому своему плечу, большущую плюшевую Чипи. Горнъ изъ Нью-Йорка тотчасъ предъявилъ фирмѣ искъ.

Всѣмъ прикосновеннымъ къ этому дѣлу было въ концѣ концовъ важно только одно — побольше пошумѣть: о картинѣ и объ актрисѣ писали, помаду покупали, а Чипи, уже теперъ тоже — увы! — нуждавшаяся въ рекламѣ, дабы оживить хладѣвшую любовь, появилась на новомъ рисункѣ Горна со скромно опущенными глазами, съ цвѣткомъ въ лапкѣ и съ лаконической надписью «Noli me tangere». «Онъ, видимо, любитъ своего звѣря, — этотъ Горнъ», — замѣтилъ однажды Кречмаръ, обращаясь къ своему шурину Максу, добрѣйшему, тучному человѣку, съ угреватými складками кожи сзади надъ воротникомъ. «Ты что, его лично знаешь?» — спросилъ Максъ. «Нѣтъ, конечно нѣтъ, откуда же мнѣ его знать? Онъ живетъ постоянно въ Америкѣ. А дѣло онъ выиграетъ, если докажетъ, что взоры глядящихъ на рекламу привлекаются

больше звѣрькомъ, чѣмъ дамой». «Какое дѣло?» — спросила Аннелиза, жена Кречмара.

Эта ея привычка задавать зря вопросы о предметахъ, неразъ въ ея присутствіи обсуждавшихся, была слѣдствіемъ скорѣе нервности мысли, чѣмъ невниманія. Часто, задавъ разсѣянный вопросъ, Аннелиза, еще говоря, еще на разгонѣ слова, понимала уже, что давно сама знаетъ отвѣтъ. Мужъ хорошо изучилъ эту привычку, и нисколько прежде она не сердила его, а лишь умиляла и смѣшила, и онъ, не отвѣчая, продолжалъ разговоръ съ выжидательной улыбкой на губахъ, и ожиданіе обыкновенно оправдывалось, — жена почти сразу отвѣчала сама на свой вопросъ. Но теперь, въ этотъ именно день, въ этотъ мартовскій день, Кречмаръ, трепещущій, какъ камертонъ, отъ странныхъ, неожиданныхъ и тайныхъ переживаній, вотъ уже недѣлю мучившихъ его, проникся вдругъ необычайнымъ раздраженіемъ. «Что ты, съ луны что-ли свалилась», — воскликнулъ онъ, а жена махнула рукой и сказала: «Ахъ да, я уже вспомнила». «Не такъ быстро, мое дитя, не такъ быстро». — тутъ же обратилась она къ дочкѣ, восьмилѣтней Ирмѣ, которая пожирала свою порцію шоколаднаго крема. «Съ точки зрѣнія юридической...» — началъ Максъ, пыхтя сигарой. Кречмаръ подумалъ: «Какое мнѣ дѣло до этого Горна, до разсужденій Макса, до шоколаднаго крема... Со мной происходитъ нѣчто невѣроятное. Надо затормозить, надо взять себя въ руки...»

Было это и впрямь невѣроятно, — особенно невѣроятно потому, что Кречмаръ въ теченіе девяти лѣтъ брачноѣ жизни не измѣнилъ женѣ ни разу, — по крайней мѣрѣ дѣйственно ни разу не измѣнилъ. «Собственно говоря, — подумалъ онъ, — слѣдовало бы Аннелизѣ все сказать, или ничего не сказать, но уѣхать съ ней на время изъ Берлина, или пойти къ гипнотизеру, или наконецъ какъ-нибудь истребить, уничтожить...» Это была глупая мысль. Нельзѣ же въ самомъ дѣлѣ взять браунингъ и застрѣлить незнакомку только потому, что она приглянулась тебѣ.

II.

Кречмаръ былъ несчастенъ въ любви, несчастенъ и неудачливъ, несмотря на привлекательную наружность, на веселость обхожденія, на живой блескъ синихъ, слегка выпуклыхъ глазъ, — несмотря также на умѣнне образно говорить (онъ слегка заикался, и это придавало его рѣчи странный шармъ), несмотря, наконецъ, на унаслѣдованная отъ отца земли и деньги. Въ студенческіе годы у него была связь съ пожилой дамой, тяжело обожавшей его и потомъ во время войны посылавшей ему на фронтъ носки, фуфайки и длинныя, страстныя, неразборчивыя письма на шершаво-желтой бумагѣ. Затѣмъ была исторія съ женой одного врача, которая была довольно хороша собой, томна и тонка, но страдала пренепріятной женской болѣзью. Затѣмъ въ Бадъ-Гомбургѣ — молодая русская дама съ чудесными зубами, которая какъ-то вечеромъ, въ отвѣтъ на любовныя увѣщеванія, вдругъ сказала: «А вѣдь у меня вставная челюсть, я ее на ночь вынимаю. Хотите сейчасъ покажу, если не вѣрите». «Не надо, зачѣмъ же? — пробормоталъ Кречмаръ и на слѣдующій день уѣхалъ. Наконецъ, въ Берлинѣ, была некрасивая, навязчивая женщина, которая приходила къ нему ночевать три раза въ недѣлю и рассказывала подробно и длительно все свое прошлое, безъ конца возвращаясь къ одному и тому же и скучно вздыхая въ его объятія, и повторяя при этомъ единственное французское слово, которое она знала: «C'est la vie». Между этими довольно неудачными, вялыми романами, и во время нихъ, были сотни женщинъ, о которыхъ онъ мечталъ, съ которыми не удавалось какъ то познакомиться, и которыя проходили мимо, оставивъ на день, на два ощущеніе невыносимой утраты.

Онъ женился, — не то, чтобъ не любя жену, но какъ-то мало ею взволнованный: это была дочь театральнаго ан-

треенера, миловидная, блѣдноволосяя барышня, съ безцвѣтными глазами и прыщиками на переносицѣ, — кожа у нея была такъ нѣжна, что отъ малѣйшаго прикосновенія оставались на ней розовые отпечатки. Онъ женился потому, что какъ-то такъ вышло, — чрезвычайно пособила и поѣздка въ горы съ нею, съ ея братомъ и съ какой-то ихъ необыкновенно атлетической теткой, сломавшей себѣ наконецъ ногу въ Понтрезинѣ. Что-то такое милое, легкое было въ Аннелизѣ, такъ она хорошо смѣялась, слово тихо переливалось черезъ край. Они повѣнчались въ Мюнхенѣ, дабы избѣжать наплыва берлинскихъ знакомыхъ. Цвѣли каштаны. Одинъ изъ лакеевъ въ гостиницѣ умѣлъ говорить на восьми языкахъ. У жены былъ нѣжный маленькій шрамъ, — слѣдъ аппендицита.

Она была ласкова, послушна, тиха, но изрѣдка на нее находили припадки стыдливой, нервной страстности, и тогда Кречмару казалось, что никакихъ другихъ женщинъ ему не надобно. Вскорѣ она забеременѣла, заходила вразвалку, пристрастилась къ снѣгу, который ѣла пригоршнями, быстро сгребая его съ перилъ палисадника или со спинки скамьи, когда никто не смотрѣлъ. Онъ испытывалъ къ ней мучительную, безвыходную нѣжность, заботился о ней, — чтобъ она ложилась рано, не дѣлала рѣзкихъ движеній, — а по ночамъ ему снились какія-то молоденькія полуголыя вены и пустынный пляжъ, и ужасная боязнь быть застигнутымъ женой. По утрамъ Аннелиза разсматривала въ зеркалѣ свой конусообразный животъ, удовлетворенно и таинственно улыбаясь. Наконецъ ее увезли въ клинику, и Кречмаръ недѣли три жилъ одинъ, терзаясь, не зная, что дѣлать съ собой, шалѣя отъ двухъ вещей, — отъ мысли, что жена можетъ умереть, и отъ мысли, что, будь онъ не такимъ трусомъ, онъ нашелъ бы въ какомъ-нибудь барѣ женщину и привелъ бы ее въ свою пустую спальню.

Она рожала очень долго и болѣзненно. Кречмаръ ходилъ взадъ и впередъ по длинному, бѣлому коридору

Больницы, отправлялся курить въ уборную и потомъ опять шагаль, сердясь на румяныхъ, шуршащихъ сестеръ, которыя все пытались загнать его куда-то. Наконецъ, изъ ея палаты вышелъ ассистентъ и угрюмо сказалъ одной изъ сестеръ: «Все кончено». У Кречмара передъ глазами появился мелкій черный дождь, вродѣ мерцанія очень старыхъ кинематографическихъ лентъ. Онъ ринулся въ палату. Оказалось, что Аннелиза благополучно разрѣшилась отъ бремени.

Дѣвочка была сперва красненькая и сморщенная, какъ воздушный шарикъ, когда онъ уже выдыхается. Скоро она обтянулась, а черезъ годъ начала говорить. Теперь, спустя восемь лѣтъ, она говорила гораздо меньше, ибо унаслѣдовала приглушенный нравъ матери, — и веселость у нея была тоже материнская, — особая, ненавязчивая веселость, когда человѣкъ словно радуется самому себѣ, тихо развлекается собственнымъ существованіемъ.

И въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ Кречмаръ оставался женѣ вѣренъ. Онъ дивился своей двойственности, онъ чувствовалъ, что поскольку можетъ любить человѣка, онъ любить жену по настоящему, крѣпко и нѣжно, — и во всѣхъ вещахъ, кромѣ сокровенной, бессмысленной жанды обладанія какими-то молоденькими красавицами, которыхъ все равно никогда, никогда не коснешься, Кречмаръ былъ съ женой откровененъ: она читала всѣ его письма, получаемыя и отправляемыя, такъ какъ была по-житейски любопытна, спрашивала о подробностяхъ его довольно случайныхъ дѣлъ, связанныхъ съ аукціонами картинъ, экспертизами, выставками, — и потомъ задавала обычные свои вопросы, на которые сама отвѣчала. Были очень удачныя поѣздки за границу, въ Италію, на югъ Франціи, были дѣтскія болѣзни Ирмы, были, наконецъ, прекрасныя, нѣжные вечера, когда Кречмаръ съ женой сидѣлъ на балконѣ и думалъ о томъ, какъ незаслуженно счастливъ. И вотъ послѣ этихъ выдержанныхъ лѣтъ, въ расцвѣтѣ тихой и мягкой жизни, близясь къ концу своего четвертаго

десятка, Кречмаръ вдругъ почувствовалъ, что на него нѣдвигается то самое невѣроятное, сладкое, головокружительное и нѣсколько стыдное, что подстерегало и дразнило его съ отроческихъ лѣтъ.

Какъ-то въ мартѣ (за недѣлю до разговора о морской свинкѣ), Кречмаръ, направляясь пѣшкомъ въ кафе, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться въ десять часовъ вечера съ дѣловымъ знакомымъ, замѣтилъ, что часы у него непостижимымъ образомъ спѣшатъ, что теперь только половина девятого. Возвращаться домой на другой конецъ города было конечно бессмысленно, сидѣть же полтора часа въ кафе, слушать громкую музыку и, мучась, исподтишка, смотрѣть на чужихъ любовницъ, нисколько его не прельщало. Черезъ улицу, горѣла красными лампочками вывѣска маленькаго кинематографа, обливая сладкимъ малиновымъ отблескомъ снѣгъ. Кречмаръ мелькомъ взглянулъ на афишу (пожарный, несущій желтоволоосую женщину) и взялъ билетъ. Къ кинематографу онъ вообще относился серьезно, и даже самъ собирался кое-что сдѣлать въ этой области, — создать, на примѣръ, фильму исключительно въ рембрандтовскихъ или гойевскихъ тонахъ. Какъ только онъ вошелъ въ бархатный сумракъ зальца (семичасовый сеансъ подходилъ къ концу), къ нему быстро скользнулъ круглый свѣтъ электрическаго фонарика, и такъ же плавно и быстро повелъ его по чуть пологой темнотѣ. Но въ ту минуту, когда фонарикъ направился на билетъ въ его рукѣ, Кречмаръ замѣтилъ озаренное сбоку лицо той, которая наводила свѣтъ, и, пока онъ за ней шелъ, смутно различалъ ея фигуру, походку, чуялъ шелестящій вѣтерокъ. Садясь на крайнее мѣсто въ одномъ изъ среднихъ рядовъ, онъ еще разъ взглянулъ на нее и увидѣлъ опять, что такъ его поразило, — чудесный продолговатый блескъ случайно освѣщеннаго глаза и очеркъ щеки, нѣжный, тающій, какъ на темныхъ фонахъ у очень большихъ мастеровъ. Она, отступивъ, смѣшалась съ темнотой, и Кречмара охватили вдругъ скука и грусть. Глядѣть на экранъ бы-

ло сейчасъ ни къ чему, — все равно это было непонятное разрѣшеніе какихъ-то событій, которыхъ онъ еще не зналъ (...человѣкъ — спиной къ публикѣ — слѣпо шель на пятившуюся женщину...). Было странно подумать, что эти непонятные персонажи и непонятныя дѣйствія ихъ станутъ понятными и совершенно иначе имъ воспринимаемыми, если онъ просмотритъ картину сначала. «Интересно знать, — вдругъ подумалъ Кречмаръ, — смотрятъ ли вообще капельдинерши на экранъ, или все имъ осточертѣло?»

Какъ только замолкъ рояль, и въ зальцѣ разсвѣло, онъ опять ее увидѣлъ: она стояла у выхода, еще касаясь складки портьеры, которую только-что отдернула, и мимо нея, тѣснясь, проходили люди, уже насытившіеся свѣтовой простоквашей. Одну руку она держала въ карманѣ узорнаго передника. На лицо ея Кречмаръ смотрѣлъ прямо съ какимъ-то испугомъ. Прелестное, мучительно прелестное лицо. Ничего оно не выражало, кромѣ, быть можетъ, утомленія. Ей было свиду пятнадцать-шестнадцать лѣтъ.

Затѣмъ, когда зальце почти опустѣло, и начался приливъ свѣжихъ, ясноглазыхъ людей, — она нѣсколько разъ проходила совсѣмъ рядомъ, и вблизи она была еще милѣе. Онъ отворачивался, смотрѣлъ по сторонамъ, такъ какъ было слишкомъ тягостно длить взглядъ, направленный на нее, и ему вспомнилось, сколько разъ красота проходила мимо него и пропадала безслѣдно.

Съ полчаса онъ просидѣлъ въ темнотѣ, выпуклыми глазами уставившись на экранъ. Она приподняла для него складку портьеры. «Взгляну!» — подумалъ онъ съ нѣкоторымъ отчаяніемъ. Ему показалось, что губы у нея легонько дрогнули. Она опустила складку. Кречмаръ вышелъ и вступилъ въ малиновую лужу, — снѣгъ таялъ, ночь была сырая, съ теплымъ вѣтромъ.

Черезъ три дня онъ не стерпѣлъ и, чувствуя стыдъ, раздраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то смутно рокошущій восторгъ, отправился вновь въ «Аргусъ» и опять попалъ

къ концу сеанса. Все было, какъ въ первый разъ: фонарикъ, продолговатый луиніевскій глазъ, вѣтерокъ, темнота, потомъ очаровательное движеніе руки, откидывающей рывкомъ портьеру. «Дюжинный Донъ-Жуанъ сегодня же съ ней бы познакомился», — безпомощно подумалъ Кречмаръ. На экранѣ, одѣтая въ тютю, рѣзвилась морская свинка Чипи, изображая русскій балетъ. За этимъ слѣдовала картина изъ японской жизни «Когда цвѣтутъ вишни». Выходя, Кречмаръ хотѣлъ удостовѣриться, узнаетъ ли она его. Взгляда ея онъ не поймалъ. Шелъ дождь, блестя красныи асфальтъ.

Если бъ онъ не сдѣлалъ того, чего раньше не дѣлалъ никогда, — попытки удержать мелькнувшую красоту, не сразу сдаться, чуть-чуть на судьбу принажать, — если бъ онъ второй разъ не пошелъ въ «Аргусъ», то, быть можетъ, ему удалось бы осадить себя во-время. Теперь же было поздно. Въ третье свое посѣщеніе онъ твердо рѣшилъ улыбнуться ей, однако такъ забилось сердце, что онъ не попалъ въ тактъ, промахнулся. На другой день былъ къ обѣду его шуринъ, говорили какъ разъ объ искѣ Горна, дочка съ некрасивой жадностью пожирала шоколадный кремъ, жена ставила вопросы невпопадъ. «Что ты, съ луны что-ли свалилась?» — сказалъ онъ и запоздалой улыбкой попытался смягчить выказанное раздраженіе. Послѣ обѣда онъ сидѣлъ съ женой рядомъ на широкомъ диванѣ, мелкими поцѣлуями мѣшалъ ей разсматривать «Die Dame» и глухо про себя думалъ: «Какая чепуха... Вѣдь я счастливъ... Чего жъ мнѣ еще? Никогда больше туда не пойду».

III.

Ее звали Магда Петерсъ, и ей было вправду только шестнадцать лѣтъ. Ея родители промышляли швейцарскимъ дѣломъ. Отецъ, контуженный на войнѣ, уже сѣдоватый, постоянно дергалъ головой и впадалъ по пустя-

камъ въ ярость. Мать, еще довольно молодая, но рыхлая женщина, холоднаго и грубаго нрава, съ ладонью, всегда полной потенциальныхъ оплеухъ, обычно ходила въ тугомъ платочкѣ, чтобы при работѣ не пылились волосы, но послѣ большой субботней уборки (производимой главнымъ образомъ пылесосомъ, который остроумно совокуплялся съ лифтомъ), наряжалась и отправлялась черезъ улицу въ гости. Жильцы недолюбливали ее за надменность, за дѣловую манеру требовать у входящаго, чтобы онъ вытиралъ ноги о мать и не ступалъ по мрамору (котораго, впрочемъ, было немного). Ей часто снилась по ночамъ сказочно-великолѣпная, бѣлая какъ сахаръ лѣстница и маленькій силуэтъ человѣка, уже дошедшаго доверху, но оставившаго на каждой ступени большой черный подошвенный отпечатокъ, лѣвый, правый, лѣвый, правый... Это былъ мучительный сонъ.

Отто, Магдинъ братъ, былъ старше сестры на три года, работалъ теперь на велосипедной фабрикѣ, презрительно относился къ бюргерскому республиканству отца и, сидя въ ближнемъ кабакѣ, разсуждалъ о политикѣ, опуская съ громовымъ стукомъ кулакъ на столъ, восклицая: «человѣкъ первымъ дѣломъ долженъ жрать, да!» Такова была главная его аксіома, — сама по себѣ довольно правильная.

Магда въ дѣтствѣ ходила въ школу, и тамъ ей было легче, чѣмъ дома, гдѣ ее били много и зря такъ что оборонительный подъемъ локтя былъ самымъ обычнымъ ея жестомъ. Это, впрочемъ, не мѣшало ей расти веселой и бойкой дѣвочкой. Когда ей было лѣтъ восемь, ее до боли ушибнулъ безъ всякой причины почтенный старикъ, жившій въ партерѣ. О ту пору она любила участвовать въ крикливой и бурной футбольной игрѣ, которую затѣвали мальчишки посреди мостовой. Десяти лѣтъ она научилась ѣздить на велосипедѣ брата и, голорукая, со взлетающей черной косичкой, мчалась взадъ и впередъ по своей улицѣ, весело вскрикивая, а потомъ останавливалась, оперев-

шись одной ногой въ край панели и о чемъ-то раздумывая. Въ двѣнадцать лѣтъ она немного угомонилась, и любимымъ ея занятіемъ сдѣлалось стоять у двери, шептаться съ дочкой угольщика о женщинахъ, шлявшихся къ одному изъ жильцовъ или смотрѣть на прохожихъ, отмѣчать платья и шляпы. Какъ-то она нашла на лѣстницѣ потрепанную сумочку, а въ сумочкѣ мыльце съ приставшимъ волоскомъ и полдюжины непристойныхъ открытокъ. Какъ-то ее поцѣловалъ въ открытую шею одинъ изъ гимназистовъ, еще недавно старавшихся сбить ее съ ногъ во время игры. Какъ-то, среди ночи, съ ней случилась истерика, и ее облили водой, а потомъ драли.

Черезъ годъ она уже была чрезвычайно мила собой. носила короткое, ярко-красное платье и была безъ ума отъ кинематографа. Появился въ супротивномъ домѣ молодой человекъ, кудрявый, въ пестрой фуфайкѣ, который по вечерамъ облакачивался въ окнѣ на подушку и улыбался ей издали, — но скоро онъ съѣхалъ.

Впослѣдствіи она вспоминала то время жизни съ томительнымъ и страннымъ чувствомъ, — эти свѣтлые, теплые, мирные вечера, трескъ запираемыхъ лавокъ, отецъ сидитъ верхомъ на стулѣ и курить трубку, поминутно дегая головой, словно энергично отрицая что-то, мать судачитъ о причудахъ жильцовъ съ сосѣдной швейцарихой («я ему тогда сказала... онъ мнѣ тогда сказалъ...»), госпожа фонъ Брюкъ возвращается домой съ покупками въ сѣткѣ, погода проходитъ горничная Лизбетъ съ левреткой и двумя жесткошерстными фоксами, похожими на игрушки... Вечерѣетъ. Вотъ братъ съ двумя-тремя товарищами, они мимоходомъ обступаютъ ее, немного тѣснятъ, хватаютъ за голыя руки, у одного изъ нихъ глаза, какъ у Файта. Улица, еще освѣщенная низкимъ солнцемъ, затихаетъ совсѣмъ. Только напротивъ двое лысыхъ играютъ на балконѣ въ карты, — и слышенъ каждый звукъ.

Ей было едва четырнадцать лѣтъ, когда, подружившись съ приказницей изъ писчебумажной лавки на углу,

Магда узнала, что у этой приказчицы есть сестра натурщица, — совсѣмъ молоденькая дѣвочка, а уже недурно зарабатывающая. У Магды появились прекрасныя мечты. Какимъ то образомъ путь отъ натурщицы до фильмовой дивы показался очень короткимъ. Въ то же приблизительно время она научилась танцевать и нѣсколько разъ посѣщала съ подругой заведеніе «Парадизъ», бальный залъ, гдѣ, подъ цимбалы и улюлюканіе джаза, пожилые мужчины дѣлали ей весьма откровенныя предложенія.

Однажды она стояла на углу своей улицы; къ панели, рѣзко затормазивъ, присталъ нѣсколько разъ уже видѣнный молодой мотоциклистъ, съ зачесанными назадъ блѣдыми волосами, одѣтый въ необыкновенную кожаную куртку, и предложилъ ее покатать. Магда улыбулась, сѣла сзади верхомъ, поправила юбку, и въ слѣдующее мгновеніе едва не задохнулась отъ быстроты. Онъ повезъ ее за городъ и тамъ остановился. Былъ солнечный вечеръ, толкалась мошकारа. Кругомъ былъ верескъ да сосны. Мотоциклистъ слѣзъ и сѣлъ рядомъ съ ней на краю дороги. Онъ разсказалъ ей, что ѣздилъ недавно, вотъ такъ какъ есть, въ Испанію, разсказалъ, что прыгалъ нѣсколько разъ съ парашютомъ. Затѣмъ онъ ее обнялъ, сталъ тискать и очень мучительно цѣловать, и у нея было чувство, что все внутри таетъ и какъ-то разливается. Ей вдругъ сдѣлалось нехорошо, она поблѣднѣла и заплакала. «Можно цѣловать, — сказала она, — но нельзя такъ тормозить, у меня голова сегодня болитъ, я нездорова». Мотоциклистъ почему-то разсердился, молча пустилъ машину, довезъ Магду до какой-то улицы и тамъ оставилъ. Домой она вернулась пѣшкомъ. Братъ, видѣвшій, какъ она уѣзжала, треснулъ ее кулакомъ по шеѣ, да еще пнулъ сапогомъ, такъ что она упала и больно стукнулась о швейную машину.

Зимой она, наконецъ, познакомилась съ натурщицей, сестрой приказчицы, и съ какой-то пожилой, важной на видъ дамой, у которой было малиновое родимое пятно

во всю щеку. Ее звали Левандовская. У этой Левандовской Магда и поселилась, въ комнаткѣ для прислуги. Родители, давно корившіе ее дармоѣдствомъ, были теперь довольны, что отъ нея освободились. Мать находила, что всякій трудъ, приносящій доходъ, честенъ. Братъ, который бывало поговаривалъ не безъ угрозъ о капиталистахъ, покупающихъ дочерей бѣдняковъ, временно работалъ въ Бреславлѣ и къ Левандовской нагрянулъ только гораздо позже, гораздо позже...

Она позировала сперва въ большой классной комнатѣ какой-то женской школы, а потомъ въ настоящемъ ателье, гдѣ рисовали ее не только женщины, но и мужчины, нѣкоторые совсѣмъ молодые. Все было впрочемъ очень чинно. Темноголовая, стриженная, совершенно голая, она бокомъ сидѣла на коврикѣ, опираясь на выпрямленную руку — такъ что на мѣстѣ локтя былъ нѣжный морщинистый глазокъ — сидѣла, чуть склонивъ худенькій станъ, въ позѣ задумчиваго изнеможенія, и смотрѣла исподлобья, какъ рисовальщики поднимаютъ и опускаютъ глаза, и слушала легкій шорохъ карандашной штриховки или попискиваніе угля, — и скоро ей становилось скучно разбирать, кто сейчасъ воспроизводитъ ея ляжку, а кто голову, и было одно только желаніе: перемѣнить положеніе тѣла. Отъ скуки она выискивала самага привлекательнаго изъ художниковъ, едва замѣтно шурилась всякій разъ, когда онъ, съ полуоткрытымъ отъ прилежанія ртомъ, поднималъ лицо. Ей никогда не удавалось смутить его, переключить его умъ на другія, менѣе строгія, мысли, и это ее немножко сердило. Когда она прежде думала о томъ, какъ вотъ будетъ сидѣть одинокая и голая подъ сходящимися взорами многихъ глазъ, ей сдавалось, что будетъ стыдно-вато, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно пріятно, какъ въ теплой ваннѣ. Оказывалось, что это вовсе нестыдно, а только утомительно и однообразно. Тогда она начала придумывать всякія штучки для своего развлеченія, не снимала ожерелья съ шеи, мазала губы, подводила свои и такъ

подведенные тѣнью, и такъ очаровательныя глаза, и разъ даже чуть-чуть оживила карминомъ блѣдные кончики грудей. Ей за это сильно влетѣло отъ Левандовской, которой кто-то насплетничалъ.

Магда впрочемъ лишь смутно понимала, чего именно добивается. Далеко-далеко маячилъ образъ фильмовой дивы. Господинъ въ нарядномъ пальто съ котиковымъ воротникомъ шалью подсаживалъ ее въ лаковый автомобиль. Она покупала переливчатое, прямо-таки журчащее платье, которое сіяло и лилось въ витринѣ баснословнаго магазина. Сидѣть часами нагишомъ и даже не получать въ свою собственность портреты, которые съ нея пишутъ, было довольно прѣснымъ удѣломъ. Она не замѣчала, что въ какомъ-то смыслѣ геній ея судьбы — геній кинематографическій. Присутствія и мановенія его она не замѣтила даже въ тотъ весенній вечеръ, когда Левандовская впервые упомянула о «влюбленномъ провинціалѣ».

«Нельзя тебѣ жить безъ друга, — спокойно сказала Левандовская, поливая кофе. — Ты — бойкое дитя, ты — попрыгунья, ты безъ друга пропадешь. Онъ скромный человекъ, провинціальный житель, и ему нужна тоже скромная подруга въ этомъ городѣ соблазновъ и скверны».

Магда держала на колѣняхъ собаку Левандовской, — толстую желтую таксу съ сѣдиной на мордѣ и съ длинной бородавкой на щекѣ. Она взяла въ кулакъ шелковое ухо собаки и, не поднимая глазъ, отвѣтила:

«Ахъ, это успѣется. Мнѣ только пятнадцать. И зачѣмъ? Все это будетъ такъ — зря, я знаю этихъ господъ».

«Ты дура, — сказала Левандовская съ раздраженіемъ, — я тебѣ рассказываю не о шелопаѣ, а о добромъ, щедромъ человекѣ, который видѣлъ тебя на улицѣ и съ тѣхъ поръ только тобой и бредить».

«Какой-нибудь старичекъ», — замѣтила Магда и поцѣловала собаку въ лобъ.

«Дура, — повторила Левандовская. — Ему тридцать

лѣтъ, онъ бритый, шикарный, — шелковый галстукъ, золотой мунштукъ. У него только душа скромная».

«Гулять, гулять», — сказала Магда собакѣ, — та сползла на полъ и потомъ, въ коридорѣ, затрусилла, держа тѣло бочкомъ, какъ это дѣлають всѣ старыя таксы.

Господинъ, о которомъ шла рѣчь, не былъ ни провинциаломъ, ни скромнымъ человѣкомъ, ни даже Мюллеромъ (фамилья, подъ которой онъ представился). Съ Левандовской онъ познакомился черезъ двухъ темпераментныхъ комивояжеровъ, съ которыми игралъ въ покеръ, по дорогѣ изъ Гамбурга въ Берлинъ, а затѣмъ въ берлинскомъ кафѣ. О цѣнѣ сначала не упоминалось: сводня показала фотографію улыбающейся дѣвочки, и Мюллеръ потребовалъ смотринъ. Въ назначенный день Левандовская накупила пирожныхъ, наварила много кофе, посоветовала надѣть какъ разъ то красное платье, которое Магдѣ теперь казалось такимъ потрепаннымъ, такимъ дѣтскимъ, и около шести раздался жданный звонокъ. «Чѣмъ я рискую, — въ послѣдній разъ подумала Магда. — Если онъ собой дурень, то я ей такъ и скажу, а если нѣтъ, то я еще успѣю рѣшить».

Къ сожалѣнію нельзя было такъ просто установить, дурень ли или хорошъ Мюллеръ. Странное, своеобразное лицо. Матово-черные волосы были небрежно причесаны на проборъ сухой щеткой, на слегка впалыя щеки какъ будто легъ тонкій слой рисовой пудры. Блестящіе рысы глаза и треугольныя ноздри ни минуты не оставались спокойными, между тѣмъ, какъ нижняя часть лица съ двумя мягкими складками по бокамъ рта была напротивъ весьма неподвижна, — изрѣдка только онъ облизывалъ глянцевицы, толстыя губы. На немъ была замѣчательная голубая рубашка, яркій, какъ тропическое небо, галстукъ и сине-вороной костюмъ съ широченными панталонами. Онъ великолѣпно двигался, поводя крѣпкими квадратными плечами, — это былъ высокій и стройный мужчина, Магда ждала совсѣмъ не такого и нѣсколько потерялась,

когда, сидя со скрещенными руками на твердомъ стулѣ и сквозь зубы разговаривая съ Левандовской о достопримѣчательностяхъ Берлина, Мюллеръ принялся ея, Магду, по трошить взглядомъ; вдругъ, перебивъ самого себя на полсловъ, онъ спросилъ ея рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ, какъ ее зовутъ. Она сказала. «Ага, Магдалина». — произнесъ онъ съ короткимъ смѣшкомъ и, такъ же внезапно освободивъ ее отъ напора своего взгляда, продолжалъ свой глухой разговоръ съ Левандовской.

Погодя онъ замолкъ, закурилъ и, отдирая прилипшій къ яркой, словно воспаленной, губѣ кусочекъ папиросной бумаги, сказалъ: «Идея, госпожа Левандовская. Возьмите на мой счетъ автомобиль и поѣзжайте въ оперу, — у меня вотъ оказался свободный билетъ, вы какъ разъ успѣете».

Левандовская поблагодарила, степенно возразивъ, что сегодня устала и останется дома. «Можно вамъ сказать два слова?» — недовольно проговорилъ Мюллеръ и всталъ со стула. «Выпейте еще чашку», — спокойно предложила Левандовская. Онъ пожалъ плечами, окинулъ Магду какимъ-то хлещущимъ взглядомъ, но вдругъ просіялъ добродушной улыбкой, сѣлъ на диванъ рядомъ съ ней и принялся рассказывать серію анекдотовъ о какомъ-то своемъ пріятелѣ пѣвцѣ, который, въ Лознгринѣ, не успѣлъ сѣсть на лебедя и рѣшилъ ждать слѣдующаго. Магда кусала губы и вдругъ наклоняла голову, помирая со смѣху. У Левандовской уютно тряса бѣсъ.

Онъ позволилъ себѣ роскошь медленнаго подступа, осторожныхъ и ласковыхъ взглядовъ, даже вздоховъ. Левандовская, получившая только небольшой задатокъ, а заломившая неслыханную цѣну, не отходила ни на шагъ. Съ ея согласія Магда перестала позировать и проводила цѣлые дни за вышивкой. Иногда, когда она вечеромъ вы водила собаку, Мюллеръ вырасталъ изъ сумерекъ и шелъ рядомъ съ нею, и ее это такъ волновало, что она невольно ускоряла шагъ, и забытая такса отставала, упорно и

грустно ковыляя бочкомъ, бочкомъ. Левандовская вскорѣ почувяла эти встрѣчи и стала выводить собаку сама.

Такъ прошло больше недѣли со дня знакомства. Однажды Мюллеръ рѣшилъ принять чрезвычайныя мѣры. Платить огромную сумму, которую просила сводня, было нелѣпо, разъ дѣло выходило само собою. Придя вечеромъ, онъ много наговорилъ смѣшного, выпилъ три чашки кофе, затѣмъ, уловивъ мгновение, подошелъ къ Левандовской, поднялъ ее, быстрой, мелкой рысцой понесъ въ ванную и, ловко переставивъ ключъ, заперъ дверь. Левандовская была такъ поражена, что первыя полминуты молчала, — потомъ, впрочемъ, принялась вопить, стучать и ухать всѣмъ тѣломъ въ дверь. «Забирай свои вещи и айда», — обратился онъ къ Магдѣ, которая стояла посреди гостиной, держа за голову.

Они поселились въ хорошей комнатѣ, святой имъ накануне, и, едва переступивъ порогъ, Магда, съ охотой, съ жаромъ, даже съ какой-то злостью, предалась судьбѣ, осаждавшей ее такъ давно, такъ упорно. Мюллеръ, впрочемъ, нравился ей совсѣмъ по особенному, — было что-то неотразимое въ его глазахъ, въ голосѣ, въ ухваткахъ, въ его манерѣ толстыми жаркими губами ѣздить вверхъ и внизъ по ея спинѣ, между лопатками. Онъ мало съ ней разговаривалъ, часами сидѣлъ, держа ее у себя на колѣняхъ, посмѣиваясь и о чемъ-то думая. Она не знала, какія у него дѣла въ Берлинѣ, кто онъ — и каждый разъ, когда онъ уходилъ, боялась, что онъ не вернется. Если не считать этой боизни, она была счастлива, до глупости счастлива, она мечтала, что сожителство ихъ будетъ длиться всегда. Кое-что онъ ей подарилъ, — парижскую шляпу, часики, — впрочемъ не былъ чрезмерно щедръ на подарки, зато водилъ ее въ хорошіе рестораны и въ большіе кинематографы, гдѣ она до слезъ хотела надъ похождениями Чипи. Онъ такъ пристрастился къ Магдѣ, что часто, уже собираясь уходить, вдругъ бросалъ шляпу въ уголъ (эта привычка обращаться съ дорогой шляпой ее немнож-

ко удивляла) и оставался. Все это продолжалось ровно мѣсяцъ. Какъ-то утромъ онъ всталъ раньше обыкновеннаго и сказалъ, что долженъ уѣхать. Она спросила, надолго ли. Онъ усталъ на нее, потому заходилъ по комнатѣ въ своей ослѣпительной малиново-лазурной пижамѣ, потирая руки, словно намыливалъ ихъ. «Навсегда, навсегда», — сказалъ онъ вдругъ и, не глядя на нее, сталъ одѣваться. Она подумала, что онъ, можетъ быть, шутить и рѣшила выждать, — откинула одѣяло, такъ какъ было очень душно въ комнатѣ и, вытянувшись, повернулась къ стѣнкѣ. «У меня нѣтъ твоей фотографіи», — проговорилъ онъ, со стукомъ надѣвая башмаки. Потомъ она слышала, какъ онъ возится съ чемоданомъ, защелкиваетъ его. Еще черезъ нѣсколько минутъ: «Не двигайся, — сказалъ онъ, — и не смотри, что я дѣлаю». «Застрѣлить», — почему-то подумала она, но не шелохнулась. Что онъ дѣлалъ? Тишина. Она чуть двинула голымъ плечомъ. «Не двигайся», — повторилъ онъ. «Цѣлится», — подумала Магда безъ всякаго страха. Тишина продолжалась минутъ пять. Въ этой тишинѣ бродилъ, спотыкаясь, какой-то маленькій шуршащій звукъ, который казался ей знакомымъ, но почему знакомымъ? «Можешь повернуться», — проговорилъ онъ съ грустью, но Магда лежала неподвижно. Онъ подошелъ, поцѣловалъ ее въ щеку и быстро вышелъ. Она пролежала въ постели весь день. Онъ не вернулся.

На другое утро она получила телеграмму изъ Гамбурга: «Комната оплачена до іюля прощай доннерветтеръ прощай». «Господи, какъ я буду жить безъ него?» — проговорила Магда вслухъ. Она мигомъ распахнула окно, рѣшивъ однимъ прыжкомъ съ собою покончить. Къ дому напротивъ, звеня, подъѣхалъ красно-золотой пожарный автомобиль, собиралась толпа, изъ верхнихъ оконъ валилъ бурый дымъ, летѣли какія-то черныя бумажки. Она такъ заинтересовалась пожаромъ, что отложила свое намѣреніе.

У нея оставалось очень мало денегъ; съ горя, какъ въ

хорошихъ фильмахъ, она пошла шататься по танцевальнымъ кафе. Вскорѣ она познакомилась съ двумя японцами и, будучи слегка навеселѣ, согласилась у нихъ переночевать; утромъ она попросила двѣсти марокъ, они ей дали три съ полтиной и вытолкали вонъ, — послѣ чего она рѣшила быть осмотрительнѣе.

Однажды къ ней подѣлъ толстый старый человѣкъ, съ носомъ, какъ гнилая груша, и съ коричневыми точками сплошь по всей лысинѣ, и сказалъ: «Пріятно опять встрѣтиться, помните, барышня, какъ мы рѣзвились на пляжѣ, въ Герингсдорфѣ?» Она, смѣясь, отвѣтила, что онъ ошибается. Старикъ спросилъ, что она желаетъ пить. Потомъ онъ поѣхалъ ее провожать и въ темнотѣ таксомотора сдѣлался очень косноязыченъ и гадокъ. Она выскочила. Старикъ вышелъ тоже и, не смущаясь присутствіемъ шофера, умолялъ о свиданіи. Она дала ему номеръ своего телефона. Когда онъ ей оплатилъ комнату до ноября, да еще далъ денегъ на котиковое пальто, она позволила ему остаться у нея на ночь. Съ нимъ оказалось сначала очень легко, онъ сразу засыпалъ, послѣ краткаго и слабого объятія, и спалъ непробудно до разсвѣта. Потомъ онъ началъ требовать всякихъ странныхъ новшествъ. Гардеробъ ея пополнился двумя новыми платьями. Неожиданно онъ пропустилъ назначенное свиданіе, черезъ нѣсколько дней она позвонила къ нему въ контору и узнала, что онъ скончался.

Воспоминаніе о старикѣ было омерзительно. Такого опыта она рѣшила не повторять. Продавъ шубу, она дотянула до февраля. Наканунѣ этой продажи, ей страстно захотѣлось показаться родителямъ. Она подѣхала къ дому въ таксомоторѣ. День былъ субботній, мать полировала ручку входной двери. Увидѣвъ дочь, она такъ и замерла. «Боже мой!» — воскликнула она съ чувствомъ. Магда молча улыбулась, сѣла снова въ таксомоторъ и уже въ окно увидѣла брата, который, выбѣжавъ на панель, кричалъ ей что-то вслѣдъ — вѣроятно угрозы.

Она переѣхала въ комнату подешевле, вечерами неподвижно сидѣла на краю кушетки въ нарастающей темнотѣ, подпирая виски ладонями и пыхтя папиросой. Хозяйка, пожилая женщина неопредѣленныхъ занятій, заглядывала къ ней, сердобольно ее спрашивала, рассказывала, что у ея родственника маленькій кинематографъ, приносящій неплохой доходъ. Зима была холодная, деньги шли на убыль. «Что же будетъ дальше?» — думала Магда. Какъ-то, въ бодрый и дерзкій день она ярко нарядилась и, выбравъ самую звучную по названію кинематографическую контору на Фридрихштрассе, добилась того, что директоръ ее принялъ. Онъ оказался пожилымъ господиномъ съ черной повязкой на правомъ глазу и съ пронзительнымъ блескомъ въ лѣвомъ. Магда начала съ того, что дескать уже много играла въ провинціи, получала хорошія роли... «Въ кино?» — спросилъ тотъ, ласково глядя на ея возбужденное лицо. Она назвала какую-то фирму, какую-то картину — очень убѣдительно и даже надменно, — оттого что все повторяла про себя: «Какъ онъ смѣетъ не знать меня, какъ онъ смѣетъ сомнѣваться...» Послѣдовало молчаніе. Директоръ прищурилъ единственный видимый глазъ и сказалъ: «А знаете, — вѣдь вамъ повезло, что вы попали именно ко мнѣ. Любой мой коллега соблазнился бы вашей молодостью, наобѣщаль бы вамъ горы добра и потребовалъ бы отъ васъ очень опредѣленнаго, очень банальнаго задатка. Затѣмъ онъ бы васъ бросилъ. Я человекъ немолодой, много видѣвшій, у меня дочка вѣроятно старше васъ, — и вотъ позвольте мнѣ вамъ сказать: вы никогда актрисой не были и вѣроятно не будете. Пойдите домой, подумайте хорошенько, посоветуйтесь съ вашими родителями...»

Магда хлестнула перчаткой по краю стола, встала и съ искаженнымъ лицомъ вышла вонъ. Въ томъ же домѣ была еще одна фирма. Тамъ ее просто не приняли. Въ третьемъ мѣстѣ ей сказали, — чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ нея: «оставьте вашъ телефонъ». Она вернулась домой въ

бѣшенствѣ. Хозяйка сварила ей два яйца, гладила ее по плечу, пока Магда жадно и сердито ѣла, потомъ принесла бутылку коньяку, двѣ рюмки и, наливъ ихъ до краевъ, унесла бутылку. «Ваше здоровье, — сказала она, опять садясь за столъ. — Все будетъ благополучно. Я какъ разъ завтра увижу моего деверя, я съ нимъ поговорю...»

Первое время Магду забавляла новая должность. Было правда немного обидно начинать кинематографическую карьеру не актрисой, даже не статисткой... Къ концу первой же недѣли ей уже казалось, что она всю жизнь только и дѣлала, что указывала людямъ мѣста. Въ пятницу впрочемъ была перемѣна программы, это ее оживило. Стоя въ темнотѣ, прислонясь къ стѣнкѣ, она смотрѣла на Грету Гарбо. Черезъ два-три сеанса ей стало опять нестерпимо скучно. Прошла еще недѣля. Какой-то посѣтитель, замѣшкавъ въ дверяхъ, странно посмотрѣлъ на нее — застѣнчивымъ и жалобнымъ взглядомъ. Черезъ два-три вечера онъ появился опять. Выглядѣлъ онъ довольно молодо, былъ отлично одѣтъ, косилъ на нее жаднымъ глубокимъ глазомъ... «Человѣкъ очень приличный, но размазня», — подумала Магда. Когда, появившись въ четвертый или пятый разъ, онъ пришелъ невпопадъ, то-есть на фильму, которую уже разъ видѣлъ, Магда почувствовала нѣкоторое возбужденіе. вмѣстѣ съ тѣмъ ей было памятно предупрежденіе хозяина: «Одинъ разъ глазки — и вышвырну». Посѣтитель, однако, былъ удивительно робокъ. Выйдя какъ-то изъ кинематографа, чтобы отправиться домой, Магда увидѣла его неподвижно стоящимъ на той сторонѣ улицы. Она застѣменила, не оглядываясь, рассчитывая, что онъ перейдетъ наискосокъ и послѣдуетъ за нею. Этого, однако, не случилось: онъ исчезъ. Когда, черезъ два дня, онъ опять пришелъ въ «Аргусъ», былъ у него какой-то больной, затравленный, очень интересный видъ. По окончаніи послѣдняго сеанса, Магда вышла, раскрывая зонтикъ. «Стоить», — отмѣтила она про себя и перешла къ нему, на ту сторону. Онъ двинулся, уходя отъ нея, какъ

только замѣтилъ ея приближеніе. Сердце у него билось въ гортани, не хватало воздуха, пересохли губы. Онъ чувствовалъ, какъ она идетъ сзади и боялся ускорить шагъ, чтобы не потерять счастья, и боялся шагъ замедлить, чтобы счастье не перегнало его. Но дойдя до перекрестка, Кречмаръ принужденъ былъ остановиться: проѣзжала гуськомъ автомобили. Тутъ она его перегнала, чуть не попала подъ автомобиль и, отскочивъ, ухватилась за его рукавъ. Засвѣтился зеленый дискъ. Онъ нащупалъ ея локоть, и они перешли. «Началось, — подумалъ Кречмаръ, безуміе началось».

«Вы совершенно мокрый», — сказала она съ улыбкой; онъ взялъ изъ ея руки зонтикъ, и она еще тѣснѣе прижалась къ нему, и сверху барабанило счастье. Одно мгновение онъ побоялся, что лопнетъ сердце, — но вдругъ легчало, онъ какъ бы разомъ привыкъ къ воздуху восторга, отъ котораго сперва задыхался, и теперь заговорилъ безъ труда, съ наслажденіемъ.

Дождь пересталъ, но они все шли подъ зонтикомъ. У ея подвѣзда остановились, зонтикъ былъ отданъ ей и закрытъ. «Не уходите еще», — взмолился Кречмаръ и, держа лѣвую руку въ карманѣ пальто, попробовалъ большимъ пальцемъ снять съ безымяннаго обручальное кольцо, — такъ, на всякій случай. «Постойте, не уходите», — повторилъ онъ и наконецъ судорожнымъ движеніемъ освободился отъ кольца. «Уже поздно, — сказала она. — моя тетя будетъ сердиться». Кречмаръ подошелъ къ ней вплотную, взялъ за кисти, хотѣлъ ее поцѣловать, но попалъ въ ея шапочку. «Оставьте, — пробормотала она, наклоня голову. — Оставьте, это нехорошо». «Но вы еще не уйдете, у меня никого нѣтъ въ мірѣ, кромѣ васъ». «Нельзя, нельзя», — отвѣтила она, вертя ключомъ въ замкѣ и напирая на дверь. «Завтра я буду опять ждать», — сказалъ Кречмаръ. Она улыбнулась ему сквозь стекло.

Кречмаръ остался одинъ, онъ отдуваясь разстегнулъ пальто, почувствовалъ вдругъ легкость и наготу лѣвой руки, поспѣшно надѣлъ еще теплое кольцо и пошелъ къ таксомоторной стоянкѣ.

IV.

Дома ничего не измѣнилось, и это было странно: жена, дочь, Максъ принадлежали точно другой эпохѣ, мирной и свѣтлой, какъ пейзажи раннихъ итальянцевъ. Максъ, весь день работавшій въ театральной своей конторѣ, любилъ отдыхать у сестры, души не чаялъ въ племянницѣ и съ глубокимъ, нѣжнымъ уваженіемъ относился къ Кречмару, къ его сужденіямъ, къ темнымъ картинамъ по стѣнамъ, къ шпинатному гоблену въ столовой.

Кречмаръ, отпирая дверь своей квартиры, съ замираніемъ, со сквознякомъ въ животѣ, думалъ о томъ, какъ сейчасъ встрѣтится съ женой, съ Максомъ, — не почувютъ ли они измѣну (ибо эта прогулка подъ дождемъ являлась уже измѣной, — все прежнее было только вымысломъ и снами), быть можетъ его уже замѣтили, выслѣдили, — и онъ, отпирая дверь, торопливо сочинялъ сложную исторію о молодой художницѣ, о бѣдности и талантѣ ея, о томъ, что ей нужно помочь устроить выставку... Тѣмъ живѣе онъ ощутилъ переходъ въ другую, ясную, эпоху, которую онъ за одинъ вечеръ такъ лихорадочно опередилъ, — и, послѣ мгновеннаго замѣшательства отъ вида неизмѣнившагося коридора, отъ бѣлизны двери въ глубинѣ, за которой спала дочка, отъ честныхъ плечъ Максова пальто, любовно надѣтаго горничной на плюшевую вѣшалку, отъ всѣхъ этихъ домашнихъ знакомыхъ примѣтъ, — наступило успокоеніе: все хорошо, никто ничего не знаетъ. Онъ вошелъ въ гостиную: Аннелиза въ клѣтчатомъ платьѣ, Максъ съ сигарой, да еще старая знакомая, вдова барона, обѣднѣвшая во время инфляціи и теперь торговавшая

коврами и картинами... Неважно, что говорили, — важно только это ощущение повседневности, обыкновенности, простоты. И потомъ, въ мирно освѣщенной спальнѣ, лежа рядомъ съ женой, Кречмаръ дивился своей двойственности, отмѣчалъ свою ненарушимую нѣжность къ Аннелчзѣ, — и одновременно въ немъ пробѣгала молніевидная мысль, что быть можетъ завтра, уже завтра, да, навѣрное, завтра...

Но все это оказалось не такъ просто. И во второе свиданіе, и въ слѣдующія Магда искусно избѣгала поцѣлуевъ. Рассказывала она о себѣ немного, — только то, что сирота, дочь художника, живетъ у тетки, очень нуждается, хотѣла бы перемѣнить свою утомительную службу. Кречмаръ назвался Шиффермюллеромъ и Магда съ раздраженіемъ подумала: «Везетъ мнѣ на мельниковъ», — а затѣмъ: «Ой, врешь». Мартъ былъ дождливый, ночныя прогулки подъ зонтикомъ мучили Кречмара, онъ предложилъ ей какъ-то зайти въ кафе. Кафе онъ выбралъ маленькое, мизерное, — зато безопасное. У него была манера, когда онъ усаживался въ кафе или ресторанѣ, сразу выкладываетъ на столъ портсигаръ и зажигалку. На портсигарѣ Магда замѣтила инициалы «Б. К.». Она промолчала, подумала и попросила его принести телефонную книгу. Пока онъ своей нѣсколько мѣшковой, разгильдяйской походкой шелъ къ телефону, она быстро посмотрѣла на шелковое дно его шляпы, оставшейся на стулѣ, и прочла его имя и фамилию (необходимая мѣра противъ разсѣянности художниковъ при шапочномъ разборѣ). Кречмаръ, нѣжно улыбаясь, принесъ книгу, и, пользуясь тѣмъ, что онъ смотритъ на ея шею и опущенныя рѣсницы, Магда живо нашла его адресъ и телефонъ и, ничего не сказавъ, спокойно захлопнула потрепанный, размякшій, голубой томъ. «Сними пальто», — тихо сказалъ Кречмаръ, впервые обратившись къ ней на ты. Она, не вставая, принялась вылѣзть изъ рукавовъ макинтоша, нагнувъ голову, наклоня плечи то вправо, то влево, и на Кречмара вѣяло фіалковымъ жи-

ромъ, пока онъ помогаль ей освободиться отъ пальто и глядѣль, какъ ходять ея лопатки, какъ собираются и расходятся складки смугловатой кожи на позвонкахъ. Это продолжалось мгновеніе. Она сняла и шляпу, посмотрѣлась въ зеркало и, поклюнивъ палець, пригладила на вискахъ темно-каштановые акрошкѣры. Кречмаръ сѣлъ рядомъ съ ней, не спуская глазъ съ этого лица, въ которомъ все было прелестно, -- и жаркій цвѣтъ щекъ, и блестящія отъ ликера губы, и дѣтское выраженіе удлинненныхъ карихъ глазъ, и чуть замѣтное пятнышко на чуть пушистой скулѣ. «Если мнѣ бы сказали, что за это меня завтра казнятъ, — подумаль онъ, — я все равно бы на нее смотрѣль». Даже легкая вульгарность, берлинскій переливъ ея рѣчи, ахи и смѣшки, перенимали особое очарованіе у звучности ея голоса, у блеска бѣлозубаго рта, — и смѣясь она сладко жмурилась. Онъ хотѣль взять ея руку, но она и этого не позволила. «Ты сведешь меня съ ума», — про-бормоталь Кречмаръ. Магда хлопнула его по кисти и сказала, гоже на ты: «Веди себя хорошо, будь послушнымъ».

Первой мыслью Кречмара на другое утро было: «Такъ дальше невозможно. Слѣдуетъ взять для нея комнату, — безъ тетки. Такъ устроить, чтобы ей не служить. Мы будемъ одни, мы будемъ одни. Обучать арсу аморису. Она еще такъ молода. Удивительно, какъ это у нея нѣтъ жениха или друга...»

«Ты спишь?» тихо спросила Аннелиза. Онъ притворно зѣвнулъ и открыль глаза. Аннелиза, въ голубой ночной сорочкѣ, сидѣла на краю постели и читала письма.

«Что-нибудь интересное?» — спросиль Кречмаръ, глядя на ея рѣсно-бѣлое предплечье.

«Онъ просить у тебя опять денегъ. Говорить, что жена и теща больны, что противъ него интригуютъ, — нужно дать».

«Да-да, непременно», — отвѣчалъ Кречмаръ, необычайно живо представивъ себѣ покойнаго отца Магды, ---

тоже, вѣроятно, стараго, мало даровитаго, разжеваннаго жизнью, художника.

«А это — приглашеніе въ «Палитру», придется пойт»
А это — изъ Америки».

«Прочти вслухъ», — попросилъ онъ.

«Глубокоуважаемый господинъ Кречмаръ. Мой повѣренный сообщаетъ мнѣ о томъ живомъ и безпристрастномъ вниманіи, которое вы удѣлили дѣлу о нарушеніи моихъ правъ. Я предполагаю... — »

Тутъ затрещалъ телефонъ на ночномъ столикѣ. Аннелиза цокнула языкомъ и взяла трубку. Кречмаръ разсѣянно глядя на ея бѣлые, пухлые пальцы, сжимающіе черную трубку, вчужѣ слышалъ микроскопическій голосъ, говорившій съ другого конца.

«А, здравствуйте», — воскликнула Аннелиза и сдѣлала мужу ту опредѣленную, пучеглазую гримасу, по которой онъ всегда зналъ, что звонить баронесса, большая телефонница. Онъ потянулся за письмомъ изъ Америки, лежащимъ на перинѣ, и посмотрѣлъ на подпись. Вошла Ирма, всегда приходившая по утрамъ здороваться съ родителями. Она молча поцѣловала отца, молча поцѣловала мать, которая то слушала, то восклицала, и порою кивала вмѣстѣ съ трубкой. «Чтобы никакихъ сюрпризовъ нянѣ сегодня не было», — тихо сказалъ Кречмаръ дочкѣ, намекая на какое-то недавнее прегрѣшеніе. Ирма улыбнулась. Она была некрасивая, со свѣтлыми рѣсницами, съ веснушками надъ блѣдными бровями, и очень худенькая.

«До свиданія, спасибо, до свиданія», — облегченно проговорила Аннелиза и звонко повѣсила трубку. Кречмаръ принялся за чтеніе письма. Аннелиза держала дочь за руки и что-то ей говорила, смѣясь, цѣлуя ее и слегка подергивая послѣ каждой фразы. Ирма все улыбалась и скребла ногой по полу.

Опять затрещалъ телефонъ. Кречмаръ приложилъ трубку къ уху.

«Здравствуй, Бруно Кречмаръ», — сказалъ незнакомый

женскій голосъ. «Кто говорить?» — спросилъ Кречмаръ и вдругъ почувствовалъ, словно спускается на очень быстромъ лифтѣ. «Нехорошо было меня обманывать, — продолжалъ голосъ, — но я тебя прощаю. Ты слушаешь? Я хотѣла только тебѣ сказать, что... — » «Ошибка, это другой», — хрипло сказалъ Кречмаръ и разъединилъ. Въ то же мгновеніе онъ съ ужасомъ подумалъ, что, какъ онъ давеча слышалъ голосъ, просачивающійся съ того конца, и даже какъ будто различалъ слова, такъ и Аннелиза теперь могла все слышать. «Что это было? — съ любопытствомъ спросила она. — Отчего ты такой красный?»

«Какая-то дичь! Ирма, уходи, нечего тебѣ тутъ валацаться. Совершенная дичь. Уже десятый разъ попадаютъ ко мнѣ по ошибкѣ. Онъ пишетъ, что вѣроятно прїѣдетъ зимой въ Берлинъ и хочетъ со мной познакомиться».

«Кто пишетъ?»

«Ахъ, Господи, никогда ничего сразу не понимаешь. Ну, вотъ этотъ самый, — карикатуристъ, изъ Америки. Этотъ самый Горнъ...»

«Какой Горнъ?» — уютно спросила Аннелиза.

V.

Вечерняя встрѣча выдалась довольно бурной. Весь день Кречмаръ пробылъ дома, боясь, что Магда позвонитъ опять. Это слѣдовало въ корнѣ пресѣчь. Когда она вышла изъ «Аргуса», онъ прямо съ того и началъ: «Послушай, Магда, я запрещаю тебѣ звонить ко мнѣ. Это чортъ знаетъ что такое. Если я тебѣ не сообщилъ моей фамиліи, значить, были къ тому основанія». «Всего лучшаго», — спокойно проговорила Магда и пошла, не оглядываясь. Онъ далъ ей отойти, постоялъ, безпомощно глядя ей вслѣдъ. Какой промахъ, — надо было смолчать, она въ самомъ дѣлѣ подумала бы, что ошиблась... Тихонько обо-

гнавъ ее, Кречмаръ пошелъ рядомъ. «Прости меня, — сказалъ онъ. — Не нужно на меня сердиться, Магда, Я безъ тебя не могу. Вотъ я все думалъ, — брось службу, это такъ утомляетъ тебя. Я богатъ. У тебя будетъ своя комната, квартира, все что хочешь».

«Я понимаю, въ чемъ дѣло, — проговорила Магда холоднымъ голосомъ. — Ты вѣроятно все-таки женатъ, — какъ я и думала сначала. Иначе ты не былъ бы со мной такъ грубъ по телефону».

«А если я женатъ, — спросилъ Кречмаръ, — ты со мной больше не будешь встрѣчаться?»

«Мнѣ какое дѣло? Надувай ее, ей должно быть полезно».

«Магда, не надо!» — воскликнулъ Кречмаръ, опѣшивъ.

«А ты меня не учи».

«Магда, послушай, это правда, — у меня жена и ребенокъ, — но я прошу тебя, — эти насмѣшки лишнія... Ахъ, погоди, Магда!» — добавилъ онъ, всплеснувъ руками.

«Поди ты къ дьяволу!» — крикнула она и захлопнула ему дверь въ лицо.

«Погадайте мнѣ», — сказала она хозяйкѣ. Та вынула изъ ящика колоду картъ, столь сальныхъ, что изъ нихъ можно было сварить супъ. Появился богатый брюнетъ, потомъ козни, хлопоты, какая-то пирушка... «Надо посмотреть, какъ онъ живетъ, — думала Магда, облокотясь на столъ. — Можетъ быть, онъ все-таки шантрапа, и не стоить связываться. Согласиться? Не рано ли?»

Черезъ день она позвонила ему снова. Аннелиза была въ ванной. Кречмаръ заговорилъ почти шопотомъ, поглядывая на дверь. Несмотря на боязнь, онъ испытывалъ большое счастье оттого, что Магда ему простила. «Моё счастье, — сказалъ онъ, вытягивая губы, — мое счастье». «Слушай, когда твоей жены сегодня не будетъ дома?» — спросила она со смѣхомъ. «Не знаю, — отвѣтилъ Кречмаръ, похолодѣвъ, — а что?» «Я хочу къ тебѣ придти на минутку». Онъ помолчалъ. Гдѣ-то стукнула дверь. «Я боюсь».

дольше говорить», — пробормоталъ Кречмаръ. «Какой ты трусь. Помни, что, если я къ тебѣ приду, то поцѣлую». «Сегодня не знаю, не выйдетъ, — сказалъ онъ черезъ силу. — Если я сейчасъ повѣшу трубку, не удивляйся, вечеромъ тебя увижу, мы тогда...» Онъ повѣсилъ трубку, и нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно, слушая громъ сердца. «Я дѣйствительно трусь, — подумалъ онъ. — Она въ ванной еще провозится съ полчаса...»

«У меня маленькая просьба, — сказалъ онъ Магдѣ при встрѣчѣ. — Сядемъ въ автомобиль, покатаемся». «Въ открытый», встала Магда. «Нѣтъ, это опасно. Общаю тебѣ, хорошо себя вести», — добавилъ онъ, — любясь при свѣтѣ фонаря ея по-дѣтски поднятѣмъ къ нему лицомъ.

«Вотъ что, — заговорилъ онъ, когда они очутились въ таксомоторѣ. — Я на тебя, конечно, не въ претензіи за то, что ты мнѣ звонишь, но я прошу и даже умоляю тебя больше этого не дѣлать, моя прелесть, мое сокровище» («давно бы такъ», — подумала Магда); «во-вторыхъ, объясни мнѣ, какъ ты узнала мою фамилию». Она безъ всякой надобности солгала, что его дескать знаетъ въ лицо одна ея знакомая, которая ихъ видѣла вмѣстѣ на улицѣ. «Кто такая?» — спросилъ съ ужасомъ Кречмаръ. «Ахъ, простая женщина, родня, кажется, кухарки или горничной, служившей у тебя когда-то». Кречмаръ мучительно напрягъ память. «Я, впрочемъ, сказала ей, что она обозналась, — ч умная дѣвочка».

Въ автомобилѣ переливались пятнистыя потемки, она сидѣла до одури близко, отъ нея шло какое-то блаженное, животное тепло, мимо оконъ проносился шумный сумракъ ночного Тиргартена... «Я умру, если не буду ею обладать, или свихнусь», — подумалъ Кречмаръ и сказалъ: «Въ-третьихъ, насчетъ твоего переселенія. Найди себѣ квартирку въ двѣ-три комнаты съ кухней. Я все заплачу. Съ условіемъ, что ты мнѣ позволишь къ тебѣ заглядывать». «Ты, кажется, забылъ, Бруно, нашъ утренній раз-

говоръ». «Но это такъ опасно, — воскликнулъ Кречмаръ — Вотъ, напримѣръ, завтра я буду одинъ приблизительно съ четырехъ до шести. Но мало ли что можетъ случиться...» Онъ себѣ представилъ, какъ жена, ненарокомъ, воротится съ дороги... Молодая художница, нужно ей помочь устроить выставку. «Но я же тебя поцѣлую, — тихо сказала Магда. — И, знаешь, все въ жизни всегда можно объяснить».

И онъ согласился. Около четырехъ Аннелиза, въ новомъ желтомъ платьѣ, очень нешедшемъ ей, наконецъ уѣхала съ Ирмой на дѣтскій чай. Какъ она была жалка и довѣрчива. И этотъ клевочекъ въ лобъ... Бѣдная моя Аннелиза, бѣдная канарейка... Гдѣ принять? Пожалуй, въ кабинетъ — совершенно официально.

Всякая мысль о Магдѣ, о ея тонкомъ отроческомъ слѣженіи и шелковистой кожѣ, всегда вызывала у него дрожь въ ногахъ, желаніе застонать. Обѣщанное прикосновеніе казалось такимъ уже блаженствомъ, что дальше некуда. Однако, за этимъ еще открывалась новая, невѣроятная даль: тамъ ждалъ его взгляда тотъ самый образъ, который еще недавно множество молодыхъ живописцевъ такъ равнодушно и плохо рисовали, поднимая и опуская глаза. Но объ этихъ скучныхъ, солнечныхъ часахъ въ студияхъ Кречмаръ ровно ничего не зналъ. Мало того, — наканунѣ старый докторъ Лампертъ показывалъ ему папку рисунковъ углемъ, сдѣланныхъ за послѣдній годъ его сыномъ, и среди нихъ былъ портретъ голой стройной дѣвочки съ ожерельемъ на шеѣ и съ темной прядью вдоль склоненнаго лица. «Горбунъ вышелъ лучше», — замѣтилъ Кречмаръ, вернувшись къ другому листу, гдѣ былъ изображень бородатый уродъ, со смѣло прочерченными морщинами. «Да, талантливъ», — добавилъ онъ, захлопнувъ папку. И все. Онъ ничего не понялъ.

И сейчасъ его трясъ ознобъ, онъ ходилъ по кабинету и смотрѣлъ въ окно, и справлялся о времени у всѣхъ часовъ въ домѣ. Магда уже опоздала на двадцать минутъ.

«Подожду до половины и спущусь на улицу, — прошепталъ онъ, — а то уже будетъ поздно, поздно, — у насъ такъ мало времени...»

Окно было открыто. Сіялъ мокрый весенній день, по желтой стѣнѣ дома напротивъ струилась тѣнь дыма изъ тѣневой трубы. Кречмаръ высунулся по поясъ, опираясь пальцами о подоконникъ. «Боже мой, слѣдовало ей твердо сказать: ко мнѣ нельзя». Въ это мгновеніе онъ завидѣлъ ее, — она переходила улицу, безъ пальто, безъ шляпы, словно жила по близости.

«Есть еще время сбѣжать, не пустить», — подумалъ онъ, но вмѣсто этого вышелъ въ прихожую и, когда услышалъ ся легкій шагъ на лѣстницѣ, безшумно открылъ дверь.

Магда, въ короткомъ, ярко-красномъ платьѣ, съ открытыми руками, улыбаясь, взглянула въ зеркало, потомъ повернулась на одной ногѣ, приглаживая затылокъ. «Ты роскошно живешь», — сказала она, сіяющими глазами окидывая широкую прихожую, пистолеты и сабли на стѣнѣ, прекрасную темную картину, кремовый кретонъ вмѣсто обоевъ. «Сюда?» — спросила она, толкнувъ дверь, и, войдя, продолжала бѣгать глазами по сторонамъ.

Онъ, замирая, взялъ ее одной рукой за талию и вмѣстѣ съ ней глядѣлъ на люстру, на шелковую мебель, словно и самъ былъ чужой здѣсь, — но видѣлъ, впрочемъ, только солнечный туманъ, все плыло, кружилось, и вдругъ подъ его рукой что-то дивно дрогнуло, бедро ея чуть поднялось, она двинулась дальше. «Однако, — сказала она, перейдя въ слѣдующую комнату, — я не знала, что ты такъ богатъ, какіе ковры...»

Буфетъ въ столовой, хрусталь и серебро такъ на нее подѣйствовали, что Кречмару удалось незамѣтно нащупать ея ребра и — повыше — горячую, нѣжную мышцу. «Дальше», — сказала она, облизнувшись. Зеркало отразило: блѣднаго, серьезнаго господина, идущаго рядомъ съ дѣвочкой въ красномъ платьѣ. Онъ осторожно погладилъ

ее по голой рукѣ, теплой и удивительно ровной, -- зеркало затуманилось... «Дальше», — сказала Магда.

Онъ жаждалъ поскорѣе привести ее въ кабинетъ, сѣсть съ ней на диванъ; вернись жена, все было бы просто: по-сѣтительница, по дѣлу...

«А тамъ что?» — спросила Магда.

«Тамъ дѣтская. Ты все уже осмотрѣла, пойдемъ въ кабинетъ».

«Пусти», — сказала она, заигравъ ключицами.

Онъ всей грудью вздохнулъ, словно не дышалъ все то время, пока держалъ ее, идя съ нею рядомъ.

«Дѣтская, Магда, — я тебѣ говорю: дѣтская».

Она и туда вошла. У него было странное желаніе вдругъ крикнуть ей: пожалуйста, ничего не трогай. Но она уже держала въ рукахъ толстую морскую свинку изъ плюша. Онъ взялъ это изъ ея рукъ и бросилъ въ уголь. Магда засмѣялась. «Хорошо живется твоей дѣвочкѣ», — сказала она и открыла слѣдующую дверь.

«Магда, полно, — сказалъ съ мольбой Кречмаръ. — Не юли такъ. Отсюда не слышно, кто-нибудь можетъ придти. Все это страшно рисковано».

Но она, какъ взбалмошный ребенокъ, увернулась, черезъ коридоръ вошла въ спальню. Тамъ она сѣла у зеркала, перекинула ногу на ногу, повертѣла въ рукахъ щетку съ серебряной спинкой, понюхала горлышко флакона.

«Пожалуйста, оставь», — сказалъ Кречмаръ. Тогда она вскочила, отбѣжала къ двуспальной кровати и сѣла на край, по-дѣтски поправляя подвязку и показывая кончикъ языка.

«...А потомъ застрѣлюсь — », — быстро подумалъ Кречмаръ.

Но она опять отскочила и, увильнувъ отъ его рукъ, выбѣжала изъ комнаты. Онъ кинулся за ней. Магда хлопнула дверь и, громко дыша и смѣясь, повернула снаружи ключъ (ахъ, какъ колотила въ дверь бѣдная Левандовская!).

«Магда, отопри», — тихо сказала Кречмаръ. Онъ услышалъ ея быстро удаляющіеся шаги. «Отопри», — повторилъ онъ громче. Тишина. Полная тишина. «Опасное существо, — подумалъ онъ. — Какое, однако, фарсовое положеніе». Онъ испытывалъ страхъ, досаду, мучительное чувство обманутой жажды... Неужели она ушла? Нѣтъ, кто-то ходилъ по квартирѣ. Кречмаръ легонько стукнулъ кулакомъ и крикнулъ: «Отопри, слышишь!» Шаги приблизились. Это была не Магда.

«Что случилось? — раздался неожиданный голосъ Макса. — Что случилось? Ты запертъ?» (Боже мой, вѣдь у Макса былъ ключъ отъ квартиры!).

Дверь открылась. Максъ былъ очень красенъ. «Въ чемъ дѣло, Bruno?» — спросилъ онъ съ тревогой.

«Глупѣйшая исторія... Я сейчасъ тебѣ расскажу... Пойдемъ въ кабинетъ, выпьемъ по рюмкѣ».

«Я испугался, — сказалъ Максъ. — Я думалъ Богъ знаетъ что случилось. Хорошо, знаешь, что я зашелъ. Аннелиза мнѣ говорила, что будетъ дома къ шести. Хорошо, что я пришелъ раньше. Хорошо, знаешь. Я думалъ прямо не знаю что. Кто тебя запертъ?»

Кречмаръ стоялъ къ нему спиной, доставая бутылку коньяку изъ шкапа. «Ты никого не встрѣтилъ на лѣстницѣ?» — спросилъ онъ, стараясь говорить спокойно.

«Нѣтъ, я приверженецъ лифта», — отвѣтилъ Максъ.

«Пронесло», — подумалъ Кречмаръ и очень оживился.

«Понимаешь, какая штука, — сказалъ онъ, наливая коньякъ, — былъ воръ. Этого не слѣдуетъ, конечно, сообщать Аннелизѣ, но былъ воръ. Понимаешь, онъ думалъ очевидно, что никого нѣтъ дома, зналъ, что ушла прислуга. Вдругъ слышу шумъ. Выхожу въ коридоръ, вижу: бѣжитъ человекъ — вродѣ рабочаго. Я за нимъ. Хотѣлъ его схватить, но онъ оказался ловче и заперъ меня. Потомъ я слышалъ, какъ стукнула дверь, — вотъ я и думалъ, что ты его встрѣтилъ».

«Ты шутишь», — сказалъ Максъ съ испугомъ.

«Нѣтъ, совершенно серьезно...»

«Но вѣдь онъ вѣроятно успѣлъ стащить что-нибудь. Нужно провѣрить. Нужно заявить въ полицію».

«Ахъ, онъ не успѣлъ, — сказалъ Кречмаръ. — Все это произошло мгновенно, я его спугнулъ».

«Но какъ же онъ проникъ? Съ отмычкой, что-ли? Невѣроятно! Пойдемъ, посмотримъ».

Они прошли по всѣмъ комнатамъ, провѣрили замки дверей и шкаповъ. Все было чинно и сохранно. Уже къ концу ихъ изслѣдованія, когда они проходили черезъ библиотечную, у Кречмара вдругъ потемнѣло въ глазахъ, ибо между шкапами, изъ-за вертучей этажерки, выглядывалъ уголокъ ярко-краснаго платья. Какимъ-то чудомъ Максъ ничего не замѣтилъ, хотя рыскалъ глазами по сторонамъ. Въ столовой онъ распахнулъ створки буфета.

«Оставь, Максъ, довольно, — сказалъ Кречмаръ хрипло. — Ясно, что онъ ничего не взялъ».

«Какой у тебя видъ, — сказалъ Максъ. — Бѣдный! Я понимаю, такія вещи дѣйствуютъ на нервы».

Донеслись звуки голосовъ. Явились: Аннелиза, бонна, Ирма, подруга Ирмы, — толстая, съ неподвижнымъ, кроткимъ лицомъ, но аховая озорница. Кречмару казалось, что онъ спитъ, и вотъ — тянется, тянется самый страшный сонъ, который онъ когда-либо видѣлъ. Присутствіе Магды въ домѣ было чудовищно невыносимо. Онъ предложилъ всѣмъ отправиться въ театръ, но Аннелиза сказала, что утомлена. За ужиномъ онъ напрягалъ слухъ и не замѣчалъ, что ѣсть. Максъ все посматривалъ по сторонамъ, — только бы сидѣлъ на мѣстѣ, только бы не разгуливалъ. Была ужасная возможность: дѣти начать рѣзвиться по всѣмъ комнатамъ. Но къ счастью подруга Ирмы скоро ушла. Ему казалось, что всѣ они — и Максъ, и жена, и прислуга, и онъ самъ — безпрестанно какъ-то расползаются по всей квартирѣ и не даютъ Магдѣ выскользнуть, выбраться, — если вообще она собирается это сдѣлать. Больше компактности, — сыграемъ, что-ли, въ пре-

ферансъ. Въ десять Максъ наконецъ ушелъ. Прислуга замкнула за нимъ дверь на цѣпочку, задвинула стальной засовъ, включила контрольный звонокъ, — теперь не выбраться, заперта. «Спать, спать», — сказалъ Кречмаръ жень, нервно зѣвая. Они легли. Все было тихо въ домѣ. Вотъ Аннелиза собралась потушить свѣтъ. «Ты спи, — сказалъ онъ, — а я еще пойду почитаю. У меня сонъ пропалъ». Она дремотно улыбулась. «Только потомъ не буди меня», — пробормотала она. Въ спальнѣ потемнѣло.

Все было тихо, выжидательно тихо, казалось, что тишина не выдержитъ и вотъ-вотъ разсѣется. Въ пижамѣ и въ мягкихъ туфляхъ, Кречмаръ безшумно пошелъ по коридору. Странно сказать: страхъ разсѣялся; кошмаръ теперь перешелъ въ то нѣсколько бредовое, но блаженное состояніе, когда можно сладко и свободно грѣшить, ибо жизнь есть сонъ. Кречмаръ на ходу разстегнулъ воротъ пижамы: все въ немъ содрогалось, — ты сейчасъ, вотъ сейчасъ будешь моей. Онъ тихо открылъ дверь библиотечной и включилъ свѣтъ. «Магда, сумасшедшая», — сказалъ онъ жаркимъ шопотомъ. — Это была красная шелковая подушка съ воланами, которую онъ самъ же на-дняхъ принесъ, чтобы на полу, у низкой полки, просматривать фоліанты.

VI.

Магда сообщила хозяйкѣ, что скоро переѣзжаетъ. Все складывалось чудесно, — она и не мечтала, что Кречмаръ столь богатъ. Въ воздухѣ его жилья она почуяла добротность и основательность его богатства. Жена, судя по портретамъ, нимало не походила на даму съ властнымъ лицомъ, опухшими ногами и тяжелымъ характеромъ, которую Магда представляла себѣ; напротивъ, это видно была смиренная, нехваткая женщина, которую можно отстранить безъ труда. Самъ Кречмаръ не только не былъ Магдѣ про-

тивень, — онъ даже правился ей. У него была мягкая, благородная наружность, отъ него вѣяло душистымъ талькомъ и хорошимъ табакомъ. Разумѣется, густое счастье ея первой любви было неповторимо. Она запрещала себѣ вспоминать Мюллера, мѣловую блѣдность его щекъ, горячій мясистый ротъ, длинныя, всепонимающія руки. Когда она все-таки вспоминала, какъ онъ покинулъ ее, ей сразу опять хотѣлось выпрыгнуть изъ окна или открыть газовый кранъ. Кречмаръ могъ до нѣкоторой степени успокоить ее, утолить жаръ, — какъ тѣ прохладныя листья подорожника, которые такъ пріятно прикладывать къ воспаленному мѣсту. А кромѣ всего — Кречмаръ былъ не только прочно богатъ, онъ еще принадлежалъ къ тому міру, гдѣ свободенъ доступъ къ сценѣ, къ кинематографу. Нерѣдко, заперевъ дверь, Магда дѣлала передъ зеркаломъ страшныя глаза или расслабленно улыбалась, а нѣто прижимала къ виску подразумеваемый револьверъ, и ей сдавалось, что у нея это выходитъ вовсе не хуже, чѣмъ въ Холливудѣ.

Послѣ вдумчивыхъ и осмотрительныхъ поисковъ, она нашла въ отличномъ районѣ неплохую квартирку. Кречмаръ такъ растерялся и обмякъ послѣ ея визита, что она пожалѣла его, сразу взяла деньги, которыя онъ ей сунулъ во время обычной прогулки, — и въ подѣздѣ поцѣловала его. Пламя этого поцѣлуя осталось при немъ, и вокругъ него, будто смутный, цвѣтной ореоль, въ которомъ онъ и вернулся домой, и который онъ не могъ оставить въ передней, какъ шляпу, и, войдя въ спальню, онъ недоумѣвалъ, неужто жена не увидитъ по его глазамъ, что случилось.

Но Аннелиза, тридцатипятилѣтняя, мирная Аннелиза, ни разу не подумала о томъ, что мужъ можетъ ей измѣнить. Она знала, что у Кречмара были до женитьбы мѣткія увлеченія, она помнила, что и сама, дѣвочкой, была тайно влюблена въ стараго актера, который приходилъ въ гости къ отцу и смѣшно изображалъ говоръ саксон-

ца; она слышала и читала о томъ, что мужа и жены вѣчно измѣняютъ другъ другу, — объ этомъ были и сплетни, и поэмы, и анекдоты, и оперы. Но она была совершенно просто и непоколебимо убѣждена, что ея бракъ — особенный бракъ, драгоценный и чистый, изъ котораго ни анекдота, ни оперы не сдѣлаешь. Раздражительность и нервность мужа она объясняла погодой. — май выдался необыкновенно странный, то жарко, то ледяные дожди съ градомъ, который звякалъ о стекла и таялъ на подоконникахъ. «Не поѣхать ли намъ куда-нибудь? — вскользь предложила она. — Въ Тироль, скажемъ, или въ Римъ?» «Поѣзжай, если хочешь, — отвѣтилъ Кречмаръ. — У меня дѣла по горло, ты отлично знаешь». «Да нѣтъ, я просто такъ», — примирительно сказала Аннелиза и отправилась съ дочкой смотрѣть на слоненка въ Зоологическомъ Саду.

Другое дѣло Максъ. Исторія съ запертой дверью оставила въ немъ непріятный осадокъ. Кречмаръ не только не заявилъ въ полицію, но даже какъ-будто разсердился, когда Максъ объ этомъ опять заговорилъ. Человѣкъ, который вступаетъ въ рукопашную со взломщикомъ, не такъ то легко примиряется съ этимъ. Максъ невольно задумывался, — старался установить, не замѣтилъ ли онъ все-таки кого-нибудь подозрительнаго, когда входилъ въ домъ, направляясь къ лифту. Вѣдь онъ былъ наблюдателемъ, — онъ замѣтилъ, на примѣръ, кошку, которая выскочила изъ палисадника, дѣвочку въ красномъ платьѣ, для которой придержалъ дверь, пучекъ звуковъ доносившихся изъ швейцарской, гдѣ играло радіо. Очевидно, взломщикъ притаился, пока ползъ вверхъ тонкостѣнный лифтъ. Но откуда все-таки это зыбкое, непріятное чувство?

Въ молодости онъ какъ-то упустилъ жениться, жилъ одинъ, былъ давно въ связи съ пожилой, увядшей актрисой, которая все еще ухитрялась ему измѣнять и потомъ всякій разъ валялась у него въ ногахъ, несказанно его этимъ смущая; дѣльно завѣдывалъ театральной конторой,

слылъ отличнымъ гастрономомъ и немного этимъ гордился; писалъ, несмотря на свою толщину, стихи, которыхъ никому не показывалъ, и состоялъ въ лигѣ защиты животныхъ. Супружеское счастье Кречмаровъ было для него чѣмъ-то плѣнительно святымъ. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ исторіи со взломщикомъ, телефонная Парка соединила его съ Кречмаромъ, пока тотъ говорилъ съ кѣмъ-то другимъ, Макса такъ ошеломили невольнo перехваченныя слова, что онъ проглотилъ кусочекъ спички, которой копалъ въ зубахъ. Слова были такія: «...не спрашивай, а покупай, что хочешь, только не звони мнѣ...» «Ну ты не понимаешь, Бруно... — » — привередливо и нѣжно проговорилъ женскій голосъ... Тутъ Максъ повѣсилъ трубку, судорожнымъ движеніемъ, словно нечаянно схватилъ змѣю.

Вечеромъ, сидя въ смугло-озаренной гостиной съ сестрой и зятемъ, Максъ не зналъ, какъ держаться, о чемъ говорить. Онъ былъ изъ тѣхъ впечатлительныхъ людей, которые краснѣютъ до слезъ отъ чужой неловкости. Теперь же случилось нѣчто во сто кратъ худшее. Человѣкъ, котораго онъ любилъ и уважалъ, обманывалъ его сестру.

«Нѣтъ, нѣтъ, это ошибка, это глупое недоразумѣніе», — уговаривалъ онъ себя, глядя на спокойное лицо Кречмара, читавшаго журналъ, на его мягкія домашнія туфли, на тщательность, съ которой онъ разрѣзалъ страницы ножомъ изъ слоновой кости... «Не можетъ быть... Меня навела на эти мысли тогдашняя исторія. Слова, которыя я выхватилъ изъ воздуха, объясняются какъ-нибудь очень просто. И какъ же можно обманывать Аннелизу?» Она сидѣла въ углу дивана и подробно, добросовѣстно рассказывала содержаніе пьесы, которую недавно видѣла. У нея были свѣтлые, пустые глаза, лоснился носъ, — тонкій, милый носъ. Максъ кивалъ и улыбался. Онъ, впрочемъ, не понималъ ни слова, точно она говорила по-русски или по-испански.

VII.

Между тѣмъ, Магда сняла приглаянувшуюся ей квартиру, наняла кухарку, накупила немало хозяйственныхъ вещей, начиная съ сервиза и кончая туалетной бумагой, заказала визитныя карточки и занялась прихорашиваніемъ комнатъ. Любопытно, что, не взирая на то, что Кречмаръ щедро — и даже съ какимъ-то умиленіемъ — раскошелится, платилъ то онъ собственно вслѣую, ибо не только не видалъ снятой квартирки, но даже не зналъ адреса: Магда уговорила его, что этакъ гораздо забавнѣе будетъ ему сюрпризъ, ничего, что нѣсколько дней пройдетъ безъ встрѣчъ, она по телефону сообщить ему адресъ, когда все будетъ готово, и тогда онъ сразу примчится. Прошла недѣля, предполагалось, что она позвонитъ въ четвергъ, и онъ весь день сторожилъ телефонъ. Но телефонъ блестялъ и молчалъ. Въ пятницу онъ рѣшилъ, что Магда надула его и навсегда исчезла. Подвечеръ явился Максъ (эти посѣщенія были теперь адомъ для Макса), Аннелизы не было дома. Максъ сѣлъ въ кабинетъ противъ Кречмара и не зналъ, о чемъ говорить. Кречмаръ давно замѣтилъ, что Максъ держится странно. «Вѣроятно, съ дѣлами неурядицы», — смутно подумалъ онъ. Максъ курилъ и смотрѣлъ на кончикъ своей сигары. Онъ даже какъ-будто похудѣлъ за послѣднее время. «Выслѣдилъ, — съ минутнымъ содроганіемъ подумалъ Кречмаръ. — Ну, и пускай. Онъ мужчина, онъ долженъ понять». (Это была очень фальшивая мысль). Вошла Ирма, и Максъ оживился, посадилъ ее къ себѣ на колѣни, смѣшно ёкнулъ, когда она, садясь, нечаянно въѣхала кулачкомъ въ его упругій животъ. Аннелиза вернулась. Кречмару вдругъ показалась невыносимой перспектива ужина, длиннаго вечера. Онъ объявилъ, что не ужинаетъ дома, пожалъ плечами, когда жена ласково спросила, почему онъ раньше не предупредилъ, поцѣловалъ дочку въ лобъ и, торопясь, вышелъ.

Имъ владѣло одно желаніе: во что бы то ни стало, сейчасъ же разыскать Магду, — судьба не имѣла права, по судивъ такое блаженство, притвориться, что ничего не обѣщано. Его охватило такое отчаяніе, что онъ рѣшился на довольно опасный шагъ. Онъ зналъ, что прежняя ея комната выходила во дворъ, онъ зналъ также, что она тамъ жила со своей теткой. Туда-то онъ и направился. Проходя черезъ дворъ, онъ увидѣлъ какую-то горничную, стелившую въ одной изъ нижнихъ комнатъ у открытаго окна постель. «Фрейляйнъ Петерсъ? — переспросила она — Кажется, съѣхала. Впрочемъ, посмотрите сами Пятый этажъ, лѣвая дверь».

Кречмару открыла растрепанная женщина съ красными глазами, но цѣпочки не сняла, говорила съ нимъ черезъ шелку. «Я хочу узнать новый адресъ фрейляйнъ Петерсъ, — сказалъ Кречмаръ. — Она тутъ жила со своей теткой». «Съ теткой?» — не безъ интереса произнесла женщина и только тогда сняла цѣпочку. Она его ввела въ крохотную комнату, гдѣ все дрожало и звякало отъ малѣйшаго движенія, и гдѣ на клеенчатой скатерти стояла тарелка съ картофельнымъ пюре, соль въ прорванномъ мѣшечкѣ, три пустыхъ бутылки изъ-подъ пива, — и какъ-то загадочно улыбаясь, предложила ему сѣсть.

«Если бы я была ея теткой, — сказала она подмигнувъ, — то вѣроятно я не знала бы ея адреса. Тетки, — добавила она, — никакой, собственно, у нея нѣтъ». «Пьяна», — подумалъ Кречмаръ. «Послушайте, — проговорилъ онъ, — я васъ прошу сказать мнѣ, куда она переѣхала». «Она у меня снимала комнату», — задумчиво сказала та, съ горечью размышляя о неблагодарности Магды, скрывшей и богатаго друга, и новый свой адресъ, который, впрочемъ, оказалось нетрудно вынюхать. «Какъ же быть? — воскликнулъ Кречмаръ. — Гдѣ же я могу узнать?» Хозянкѣ стало жаль его. Она не могла рѣшить, удовольствіе или непріятность доставить она Магдѣ тѣмъ, что сообщить адресъ этому нарядному, взволнованному, синегла-

зому господину, — но было такъ грустно смотрѣть на него, что она, вздохнувъ, дала ему нужную справку. «И за мной раньше охотились, и за мной, — бормотала она, провозжая его, — да-да, и за мной....»

Было около восьми, легкія сумерки оживлялись нѣжными оранжевыми огнями, небо было еще совсѣмъ голубое, и отъ него кружилась голова. «Сейчасъ будетъ рай», — думалъ Кречмаръ, летя въ таксомоторѣ по дымчатому асфальту.

На двери была ея визитная карточка. Угрюмая бабища, съ красными какъ сырое мясо руками, пошла о немъ доложить. «Уже кухарку завела, — восторженно подумалъ Кречмаръ. — Вотъ мы какіе». «Пожалуйте», — сказала та, вернувшись. Онъ пригладилъ волосы и вошелъ. Магда въ кимоно лежала на цвѣтистой кушеткѣ, заломивъ обнажившія руки; на животѣ у нея покоилась корешкомъ вверхъ открытая книга. Комната была до нельзѣз безвкусно обставлена, и это его растрогало.

«Ну, здравствуй», — сказала Магда, протягивая руку съ несвойственной ей лѣнивой томностью.

«Ты какъ будто знала, что я сегодня приду, — прошептала онъ, сдерживая смѣхъ. — Спроси, какъ я выюлилъ твой адресъ».

«Я жъ тебѣ написала адресъ», — проговорила она, держа его за пальцы.

«Нѣтъ, это было уморительно, — продолжалъ Кречмаръ, не слушая ея и съ нарастающимъ чувствомъ наслажденія глядя на эти подвижныя губы, которыя онъ сейчасъ поцѣлуетъ. — Это было уморительно... И ты очень гадкая, что выдумала тетку».

«Зачѣмъ ты ходилъ туда? — произнесла Магда недовольно. — Вѣдь я же написала тебѣ мой адресъ. Справа наверху, совершенно отчетливо».

«Наверху? Отчетливо? — удивленно повторилъ Кречмаръ. — О чемъ ты?»

Она хлопнула по книгѣ и слегка привстала.

«Да вѣдь письмо ты получишь?»

«Какое письмо?» — спросил Кречмаръ, и вдругъ приложилъ ладонь ко рту, и глаза его расширились.

«Я сегодня утромъ послала тебѣ письмо, — сказала Магда, глядя на него съ любопытствомъ. — Я такъ и рассчитала, что ты съ вечерней почтой получишь его и сразу придешь».

«Не можетъ быть», — выговорилъ Кречмаръ.

«Ахъ, я могу тебѣ пересказать. Дорогой, любимый Бруно, гнѣздышко свито, и я жду тебя. Только не цѣлуй слишкомъ крѣпко, а то у твоей дѣвочки можетъ закружиться головка... Все».

«Магда, — сказалъ онъ тихо. — Магда, что ты надѣлала... Вѣдь я ушелъ раньше. Вѣдь почта приходитъ въ безъ четверти восемь. Вѣдь сейчасъ...»

«Опять я виновата, — сказала она. — Не смѣй на меня сердиться. Я ему такъ мило пишу, а онъ... Прямо обидно».

Она дернула плечомъ, взяла книгу и повернулась на бокъ. На лѣвой страницѣ была картинка: Грета Гарбо, гримирующаяся передъ зеркаломъ.

Кречмаръ мелькомъ подумалъ: «Какъ странно, — случается катастрофа, а человѣкъ замѣчаетъ какую-то картинку». Часы показывали безъ двадцати восемь. Магда лежала, изогнутая и неподвижная, какъ ящерица.

«Ты же меня погубила... Ты меня», — началъ онъ, но не докончилъ и выбѣжалъ изъ комнаты, загремѣлъ внизъ по лѣстницѣ, замахалъ проѣзжавшему таксомотору, вскочилъ въ него, — и, сидя на краешкѣ, поддавшись впередъ, глядѣлъ на спину шофера и бормоталъ: «Что же это такое, Господи... я не успѣю... я не успѣю...»

Автомобиль остановился. Онъ выпрыгнулъ. Близъ палисадника знакомый долговязый почтальонъ, разставивъ ноги херомъ, говорилъ съ толстякомъ швейцаромъ. «Мнѣ есть письма?» — задыхаясь спросилъ Кречмаръ. «Только

что отнесъ къ вамъ наверхъ», — отвѣтилъ почтальонъ съ дружелюбной улыбкой.

Кречмаръ поднялъ глаза. Окна его квартиры были нѣжно освѣщены. Онъ почувствовалъ, что теряетъ власть надъ собой, и, чтобы только не оставаться на одномъ мѣстѣ, вошелъ въ домъ, началъ подниматься. Одна площадка. Вторая. Молодая художница, ей нужно устроить выставку. Знаешь, былъ воръ, я хотѣлъ его схватить... Землетрясеніе, бездна... Она уже прочла, она уже все знаетъ. Кречмаръ, не дойдя до своей двери, вдругъ повернулъ и побѣжалъ внизъ. Мелькнула кошка, гибко скользнула сквозь рѣшетку.

Черезъ пять минутъ онъ опять вошелъ въ ту комнату, въ которую недавно входилъ съ такимъ счастливымъ трепетомъ. Магда лежала на кушеткѣ, все въ той же позѣ застывшей ящерицы. Книга была открыта все на той же страницѣ — гримирующая Грета. Онъ сѣлъ поодаль на стулъ и принялся трещать суставами пальцевъ.

«Перестань», — сказала Магда, не поднимая головы.

Онъ пересталъ, но вскорѣ началъ опять.

«Ну что же, письмо пришло?»

«Ахъ, Магда...» — тихо произнесъ онъ и прочистилъ горло. Потомъ снова прочистилъ еще громче и сказалъ пѣтушинымъ голосомъ: «Поздно, поздно, почтальонъ уже выходилъ».

Онъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, высморкался и сѣлъ снова на то же мѣсто.

«Она читаетъ всѣ мои письма, ты вѣдь это знаешь..» — проговорилъ онъ, глядя сквозь дрожащій туманъ на носокъ своего башмака и легонько топая имъ по расплывчатому узору на коврѣ.

«Ты бы ей запретилъ».

«Ахъ, Магда, что ты понимаешь въ этомъ... Такъ было заведено, такъ было всегда... Особенно по вечерамъ. Были всякія смѣшныя письма... Какъ ты могла... Я просто не знаю, что она сдѣлаетъ теперь. Вѣдь не можетъ быть та-

кого чуда... Ну, хоть этотъ разъ, хоть этотъ, — была занята другимъ, отложила, забыла... Ты понимаешь, Магда, что это бессмысленно, — чудесъ не бываетъ».

«Ты только не выходи въ прихожую, когда она прикатитъ. Я одна къ ней выйду».

«Кто? Когда?» — спросилъ онъ, неясно представивъ себѣ почему-то давешнюю полупьяную женщину.

«Когда? Вѣроятно, сейчасъ. У нея вѣдь теперь есть мой адресъ».

Кречмаръ все не понималъ.

«Ахъ, ты вотъ о чемъ, — сказалъ онъ наконецъ. — Вотъ о чемъ... Боже мой, какая же ты глупая, Магда. Повѣрь, что какъ разъ это никакъ не можетъ случиться. Все, — но только не это...»

«Тѣмъ лучше», — подумала Магда, и ей стало вдругъ чрезвычайно весело. Посылая письмо, она рассчитывала на гораздо меньшее: мужъ не показываетъ, жена злится, топаетъ ногой, старается вырвать... Первая брешь сомнѣній была бы пробита, и это облегчило бы Кречмару дальнѣйшій путь. Теперь же случай помогъ, все разрѣшилось однимъ махомъ. Она отложила книгу и посмотрѣла съ улыбкой на его дрожащія губы. Съ нимъ происходило неладное, — наступила чрезвычайно важная минута, — и если не принять должныхъ мѣръ... Магда вытянулась, хрустнула плечами, почувствовала въ своемъ стройномъ тѣлѣ вполнѣ пріятное предвкушеніе и сказала, глядя въ потолокъ:

«Пойди сюда, Бруно».

Онъ подошелъ; сокрушенно мотая головой, сѣлъ на край кушетки.

«Обними же меня, — произнесла она, жмурясь, — ужь такъ и быть — я тебя утѣшу».

В. Сиринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Повелительница

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Саша оттолкнулся отъ темнаго берега, почувствовалъ счастливую свободу гладкой рѣки, мгновенный, широкій свѣтъ надъ водой, — и проснулся. Онъ открылъ глаза, но не шевелился и нѣкоторое время видѣлъ лишь кусокъ обоевъ въ пыльныхъ пупырышкахъ и морщинахъ да раму низко повѣшеннаго семейнаго портрета. Въ комнатѣ было темно и тихо, но Сашѣ было неспокойно, ему начало казаться, будто проснулся онъ отъ стука въ дверь. Но за дверью тоже все было тихо, гдѣ-то далеко внизу звонилъ телефонъ. Въ мозгу вдругъ открылся какой-то клапанъ, и побѣжали мысли, припомнился вчерашній вечеръ: Катя зашла за нимъ, невѣста брата Ивана, и они пошли въ кинематографъ. Шелъ дождь, и они раскрыли маленький дырявый Катинъ зонтикъ, говорили о чистой человеческой совѣсти, и Саша сказалъ, что, вѣроятно, это очень хорошая вещь, но оцѣнишь ее только потерявъ, а потому — подождемъ судить. Они взяли дешевыя мѣста на балконѣ, съ краю, и сидѣли прижавшись другъ къ другу, не двигаясь, такъ что когда встали, чтобы идти домой, все болѣло, и шатало ихъ изъ стороны въ сторону. Опять шелъ дождь, но не крупный, и Саша отказался идти подъ зонтикомъ: онъ не любилъ ходить съ Катей подъ руку: она была на голову меньше его и висла на рукѣ, сама того не замѣчая; вѣроятно, она привыкла повисать такъ на рукѣ Ивана, который долженъ былъ любить эту тяжесть; Сашу она скорѣе утомляла. Они шли вдоль сада, гдѣ была чернота и сырость, и Катя проводила Сашу до дому, а по-

томъ пошла къ себѣ. Онъ такъ привыкъ къ этому, что никогда не предлагалъ ей обратнаго, и сколько разъ ни выходили они вдвоемъ, столько разъ провожала она его, а потомъ шла къ себѣ, дѣлая мелкіе, неровные шаги, загребая носками, по женски отстукивая каблуками.

Раздался стукъ въ дверь, Саша вздрогнулъ. Ему уже снился вчерашній вечеръ, и Катя, уходящая по мокрому улицѣ, подъ зонтикомъ, не оглядываясь, и онъ не могъ рѣшить, въ первый разъ слышитъ онъ этотъ стукъ или во второй, и если во второй, то сколько съ тѣхъ поръ прошло времени?

Онъ вскочилъ, босыми ногами подошелъ къ двери, отперъ ее. Тамъ стоялъ почтальонъ, красноносый, лоснящійся, сильно пахло отъ него спиртомъ и уличей. Почтальонъ принесъ заказное письмо, не Сашѣ -- Ивану, но Саша расписался въ книгѣ, далъ почтальону монетку на чай и опять улегся.

Итакъ, вчера Катя ушла, а онъ поднялся къ себѣ. Онъ легъ и смотрѣлъ на семейный портретъ, который сейчасъ былъ виденъ уже весь; онъ улегся въ широкую, покойную кровать и раскрылъ клеенчатую тетрадку. Эту тетрадь дала ему Катя нѣсколько дней тому назадъ; туда, когда была она еще гимназисткой, переписывала она любимыя стихи — и чего тутъ только не было!

Почеркъ у Кати былъ тогда прямой, круглый, правильный, заглавныя буквы выводила она особенно тщательно и писала безъ помарокъ. Сашѣ часть стиховъ была знакома по школѣ, другіе онъ читалъ впервые. Онъ не думалъ о томъ, что именно могло когда то правиться пятнадцатилѣтней Катѣ, онъ читалъ тетрадь, какъ книгу.

Онъ читалъ одну страницу за другой, медленно, шевеля губами, испытывая удовольствіе отъ какой-то осязаемой красоты; въ началѣ второго часа онъ отложилъ тетрадь, поднялъ руку, потушилъ свѣтъ, и голова его вдругъ загудѣла стихами, шли рифмы, запѣла музыка; онъ думалъ, что будетъ совсѣмъ просто припомнить что-нибудь.

но вспоминались только отдѣльныя строчки, мѣшались съ другими, звучали долгой, упорительной струной и пропадали.

Письмо. Ахъ да, письмо! Почтальонъ принесъ письмо Ивану. Оно лежало на столикѣ, Саша даже не взглянулъ, откуда оно, отъ кого. Онъ присѣлъ на постели и взялъ конвертъ въ руки: письмо было изъ Питсбурга, отъ миссисъ Торнъ, отъ матери. Саша взглянулъ на часы: было восемь часовъ, Иванъ долженъ былъ сейчасъ вернуться.

Онъ опять опрокинулся на подушки. Онъ заснулъ вчера, измученный стихами, и ему долго ничего не снилось, онъ буйно и жарко ворочался. Одинъ разъ онъ проснулся: онъ лежалъ поперекъ кровати, голову свѣсивъ къ коврику, и бормоталъ:

Неостывшая отъ зною,
Ночь июльская блистала.

Онъ взобрался на кровать, запеленалъ себя въ одѣяло и опять провалился въ сонъ.

Теперь онъ лежалъ и думалъ, что сегодня вечеромъ непременно снова возьметъ Катину тетрадь и будетъ перечитывать, какъ знакомое, но еще не до конца. Онъ увидѣлъ передъ собой долгій и очень важный день и обрадовался, что вотъ онъ живетъ на свѣтѣ, что онъ здоровъ, что онъ свободенъ, не очень бѣденъ и почти честенъ и увидитъ Андрея.

И пока онъ радовался, что у него нѣтъ прошлаго и настоящаго, а есть одно только будущее (выдуманное ему Иваномъ и Катей, но уже окончательно имъ усвоенное), онъ слышалъ шаги Ивана на лѣстницѣ. Шаги были изо дня въ день одни и тѣ же, и Саша зналъ ихъ, ждалъ и невольно слушалъ ихъ, пока они не прекращались у двери.

Теперь было поздно вставать, теперь надо было ждать, пока Иванъ раздѣнется — иначе въ комнатѣ было тѣсно. «Комната эта для насъ съ тобой нарочно выдумана, — ска-

залъ когда-то Иванъ. — Одинъ спитъ — другой сидитъ, одинъ всталъ — другого нѣтъ, и такъ далѣе». Онъ вошелъ, снялъ и повѣсилъ на гвоздь все, что только на немъ было, и остался въ однихъ носкахъ и кальсонахъ. Онъ мылся долго, теръ себя щеткой, мочилъ волосы, густые, черные; лопатки ходили у него подъ смуглой кожей, изъ подъ подмышекъ впередъ и назадъ торчали пучки жесткихъ волосъ и на груди былъ правильный, курчавый, черный треугольникъ, на плотной и тоже смуглой груди, съ темно-коричневыми, маленькими, плоскими сосками.

Онъ вытирался долго, трясъ себя за уши, гладилъ по головѣ, дѣлалъ по лицу «вселенскую смазь», не жалѣя себя, до бурой красноты, теръ руки у плечъ, бугрившіяся длинными, какъ кегли, мускулами. Потомъ онъ надѣлъ полосатую съ бѣлыми пуговицами куртку и, крикнувъ, перелѣзъ изъ кальсонъ въ пижамные штаны. Саша выскочилъ изъ постели, потянувшись такъ, что она заскрипѣла, а Иванъ тяжело бросился въ нее, теплую, примятую, раскинулъ ноги и руки и глубоко, вкусно вздохнулъ.

Онъ взялъ письмо, посмотрѣлъ сквозь него на свѣтъ — ничего не было видно. Конвертъ былъ плотный, толстой бумаги; Иванъ вынулъ все сразу: тутъ было материнское письмо, вещь рѣдкая, но Ивана ничуть не обрадовавшая; тутъ была любительская, но превосходная фотографія женщины съ собакой, женщины въ бѣломъ платьѣ, коротконогой, свѣтлоглазой, съ презрительными губами и толстой шеей; тутъ былъ чекъ, выписанный на имя Ивана, на американскій, нью-йоркскій банкъ, чекъ на тысячу франковъ по случаю осени, по случаю Сашинаго университета, по случаю женитьбы Ивана, по случаю того, что больше года не было никакихъ чековъ.

Саша одѣвался, Иванъ читалъ. Онъ читалъ письмо про себя, быстро бѣгая глазами по строчкамъ, вода блестящей фотографіей себя по носу и вдыхая ея кислородный запахъ. Дочитавъ до конца, онъ началъ сызнова, но уже вслухъ, а Саша, повязавъ мятый, темно-синій галстухъ,

сѣлъ на стулъ, въ бугрящейся синей рубашкѣ, прищемленной подтяжками вдоль хребта.

«Дорогой мой Ваня!

Богъ не проститъ тебѣ пятимѣсячное молчаніе и то, что ты, какъ будто я совсѣмъ не твоя родная мама, и не люблю тебя горячо, и не молюсь каждый вечеръ за тебя, запретилъ Сашурѣ моему маленькому писать мнѣ. Вѣдь это безчеловѣчно заставлятъ меня, какъ-будто я какая то чужая, писать постороннимъ и отъ нихъ узнавать о Сашурѣ моемъ, что онъ сдалъ экзамены, напримѣръ. Неужели я такая преступница, что со мной и переписываться нельзя? Что я сдѣлала такого страшнаго? Вѣдь въ жизни живемъ мы только разъ, и если бы я осталась съ вами и не уѣхала съ Гарри, я не имѣла бы возможности посылать вамъ иногда эти деньги, которыя съ трудомъ у него запрашиваю, конечно не говоря, что для васъ. А если ты думаешь, дорогой мой Ваня, что я продалась, то ты совершенно неправъ, потому что это была любовь. Захватила она меня всю до послѣдняго вздоха, и я не могла ей противиться, тѣмъ болѣе что человѣкъ онъ былъ благородный и прекрасной семьи. Клянусь тебѣ, что онъ нисколько не моложе меня, а однихъ лѣтъ со мною, это только такъ говорятъ у васъ, чтобы тебя возстановить противъ меня. А если у него капризь по отношенію къ тебѣ и къ Сашурѣ, то это надо простить! Вѣдь у каждаго своя жизнь, и Гарри не захотѣлъ ее мѣнять ради взрослыхъ сыновей своей маленькой жены. Можетъ быть, это и была слабость съ моей стороны, но что я могла сдѣлать? Если бы вы были маленькими моими дѣтками, я бы умерла скорѣе, чѣмъ бросить васъ, но вѣдь ты и безъ того работалъ и содержалъ Сашу, да и ласки у васъ ко мнѣ не было никогда. Царство небесное, покойный Александръ Петровичъ, твой папа, тоже не далъ мнѣ той любви, какой женщина бываетъ достойна. И вдругъ на жизненной дорогѣ встрѣчается мнѣ человѣкъ, который понимаетъ мою душу, какъ никто. Онъ любитъ все красивое, онъ

любить прогулки къ морю, концерты, театры, онъ не только крупный дѣловой умъ, но читаетъ книги и журналы. А ты возстановилъ противъ меня Сашуру, самъ не пишешь, измучилъ меня молчаніемъ и заставляешь каждую ночь не спать и волноваться. Узнала, что у тебя нѣтъ, что ты собираешься жениться... Кто такая? Хорошенькая ли? Со средствами ли? Помни, родной мой Ваня, что нѣтъ хуже, какъ навязать себѣ обузу въ жизни, а тамъ пойдутъ дѣти и бѣдность заѣстъ самаго прекраснаго челоука.

О Сашурѣ знаю очень мало, только то, что экзамены прошли у него отлично. Посылаю ему на костюмчикъ. Одежда значитъ много въ жизни, внѣшній видъ мужчины сразу опредѣляетъ его положеніе въ обществѣ, и женщины смотрятъ на него иначе. Фотографію посылаю снятую на берегу океана, гдѣ мы съ Гарри проводили лѣто. Собаку зовутъ Доллинка.

Дорогой Сашура! Помнишь ли ты свою маму? Будь здоровъ, мой маленький, и люби свою маму. Она тебя любить и плачетъ по тебѣ ежечасно, особенно вечеромъ, когда вся природа затихаетъ и на душѣ дѣлается вдругъ грустно, грустно отъ воспоминаній жизни».

Иванъ прочелъ письмо вслухъ цѣликомъ, стыдятся иныхъ выраженій и какъ-то скользя по нимъ, словно мысленно убѣждая Сашу скользить съ нимъ вмѣстѣ, не останавливаясь на нихъ. Однако, они то именно и задерживали Сашино вниманіе, въ нихъ онъ явственнѣе всего слышалъ голосъ матери, они пидой ходили ему по сердцу, мучили его пошлостью, обжигали жалостью и опять будили давнее, враждебное недоумѣніе, порою смѣнявшееся на долгіе мѣсяцы безразличіемъ, почти забвеніемъ.

Иванъ разсмотрѣлъ чекъ и положилъ его въ вытертый бумажникъ, потомъ поднялъ съ одѣяла фотографію, долго смотрѣлъ и сказалъ:

— Еще слѣды былой красоты цѣлы. Впрочемъ, теперь все равно, разъ они это дѣло узаконили, онъ ее не прого-

нить, и она по гробъ жизни обезпечена. Слѣды могутъ и пропасть — она миссисъ Торнъ во вѣки вѣковъ.

Онъ отложилъ въ сторону карточку и улегся, приготовившись спать, однако сказалъ:

— А что же будетъ съ деньгами?

Саша поулыбался безмолвно, подумалъ. Деньги казались ему очень большими. Иванъ вдругъ твердо и сухо сказалъ:

— Тебѣ костюмъ и башмаки, Катѣ часы-браслетъ.

— Чудно! Великолѣпно! — отозвался Саша.

Иванъ улегся, наконецъ, окончательно. Саша всталъ, надѣлъ сѣрое въ полоску пальто и вышелъ. Онъ спустился на улицу, все думая объ Андреѣ. Андрей былъ его долгожданной сегодняшней радостью.

Отъ веселящихъ сердце предчувствій въ мысляхъ Саши было безпокойно. Улицы были людны, сновалъ молодой народъ, въ порталахъ стараго театра торговали книгами; запахъ крѣпко свареннаго шоколада плылъ изъ открытой двери булочной, отъ вчерашняго дождя не было слѣда, только изъ сада мгновениями несло влажной, крѣпкой осенней зеленью неспорченныхъ городомъ кустовъ и деревьевъ. Въ облачномъ, но яркомъ небѣ, гдѣ-то невидимо стояло солнце, и больно было смотрѣть вверхъ. Саша зашелъ въ кафе, выпилъ за столикомъ кофе съ молокомъ изъ большой бѣлой съ золотомъ чашки, съѣлъ высокую съ острой головкой сдобную булку и опять пошелъ по сухому, промытому дождемъ и просушенному вѣтромъ тротуару, плечомъ къ плечу съ дѣвушками, съ иностранцами, съ господами съ портфелями, спѣшившими къ своимъ кафедрамъ. Шумно было сегодня, и рельсы трамвая вдоль бульвара блестяли отъ разсѣяннаго солнечнаго свѣта.

Онъ вошелъ во дворъ, гдѣ по плоскимъ камнямъ иначе звучали шаги. Двое обогнали его, крикнувъ ему что-то, на что онъ кивнулъ и улыбнулся. Онъ налегъ на дверь; на лѣстницѣ и въ нижнемъ корридорѣ ходили, стояли,

сдержанно разговаривали очкастые, приглаженные, смуглые, свѣтлые, чужіе и знакомые студенты; три дѣвушки загораживали дорогу, раскрывъ въ воздухѣ книги, изъ которыхъ вылетали исписанные листы; стоялъ ровный гулъ.

Андрей сходилъ внизъ, когда Саша его увидѣлъ: «Не тотъ, совсѣмъ не тотъ, — подумалъ онъ. — Совсѣмъ новый». Онъ сжалъ ему руку; они были почти одного роста, но Андрей казался выше отъ привычки закидывать голову; и густые волосы его, стоящіе надъ правильнымъ лбомъ, и взглядъ куда-то внизъ изъ-подъ рѣсницъ и вѣкъ придавали ему странную недосыгаемость.

— Ты только вчера вернулся, — сказала Саша съ веселымъ безпокойствомъ. — Ты загорѣлъ.

— Я только вчера вернулся, — повторилъ Андрей. — Подожди меня минуто, мы выйдемъ вмѣстѣ.

— Какъ же ты? Постой, — какъ же ты живешь?

— По шести часовъ въ день работалъ. А ты?

Саша заторопился отвѣтить и не нашелся. Андрей отѣснился въ сторону. «Я подожду тебя на улицѣ» — крикнулъ Саша, и кое-кто удивленно оглянулся на него. «Его никогда не догнать, — сказала себѣ Саша, выходя воротами на улицу. — Онъ всегда впереди, а я сзади. И это всѣ знаютъ, и Жамье это знаетъ». Онъ постоялъ у воротъ, потомъ сдѣлалъ десять шаговъ вдоль хмурой, темной стѣны и перешелъ на другую сторону.

Тутъ въ окнѣ географическаго магазина были разложены коричнево-голубыя, просторныя нѣмыя карты, другія, съ границами сиреневыми и розовыми, съ точками и названіями городовъ; стоялъ на низкой, толстой ножкѣ бокастый глобусъ.

Саша стоялъ и смотрѣлъ, разсуждая про себя отъ нечего дѣлать, что географія тоже, вѣроятно, превосходная наука, за которую можно отдать годы молодости, что есть въ ней что-то особенное, что уже, собственно говоря, не она, а ея запредѣльная мечта — удовлетвореніе че-

ловѣческой жажды путешествій и переменъ мѣсть, жажды забвенія себя, матеріальнаго, своего внѣшняго въ міръ состоянія, заставляющей человѣка искать иную для себя оболочку, ломать вокругъ себя созданную людьми и обстоятельствами раму, разрушать окостенѣлыя ассоціаціи, которыя вызываетъ его имя, его лицо. И въ то время, какъ Саша думалъ такъ, блуждая глазами по коричневой сѣверной Америкѣ, въ горахъ, долинахъ и топляхъ разыскивая Питсбургъ, онъ услышалъ, какъ за его спиной остановился автомобиль, скрывъ отъ него ворота университета. Онъ оглянулся.

Это была синяя, четырехмѣстная закрытая машина, у руля сидѣла дѣвушка, рядомъ съ ней — другая; на ту, вторую, Саша не посмотрѣлъ, ему внезапно понравилась первая, ея спокойныя, маленькія руки, положенныя на рѣшетку руля и словно тамъ забытыя, ея лицо, очень молодое, возбужденное, съ лукавыми, блестящими глазами.

— Смотри туда, онъ непременно сейчасъ выйдетъ, — сказала она, и отвернувъ обшлагъ, взглянула на часы. — Онъ сегодня выйдетъ въ это время. Ужь я знаю.

Моторъ затихъ. Саша стоялъ неподвижно.

— Да вѣдь онъ только вчера пріѣхалъ, — сказала вторая, — онъ сегодня дома сидитъ. Я боюсь, мы слишкомъ близко подѣхали, онъ тебя узнаетъ.

Первая помотала головой. Стекло было спущено, Саша разглядѣлъ ее: на ней былъ синій костюмъ, на шеѣ — черная лиса. Изъ воротъ внезапно вышло человѣкъ пять.

-- Это не онъ? -- спросила вторая.

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ гораздо выше.

Она то высовывалась, то пряталась, и двигалась при этомъ довольно рѣзко. Саша слышалъ, какъ ходили подъ ней пружины, скрипѣла кожа сидѣнья. Ей нетерпѣлось; она вынула платокъ и нѣсколько разъ приложила его къ губамъ. На улицѣ запахло духами.

— Вотъ онъ! — и она завозилась съ рулемъ. — Смотри, вонъ тотъ, видишь? — она нажала педаль, автомобиль

двинулся. — Смотри, смотри, — все повторяла она. Онъ отъѣзжали.

Въ поплывшихъ сквозныхъ окнахъ автомобиля Саша увидѣлъ вышедшаго изъ-подъ воротъ Андрея. Онъ стоялъ и искалъ глазами Сашу. Но Саша, прежде чѣмъ перейти къ нему, взглянулъ вослѣдъ автомобилю: онъ заворачивалъ за уголъ, и изъ открытаго окошка съ самоуверенной небрежностью высунулась рука въ толстой перчаткѣ той, другой, лица которой Саша въ тотъ день не увидѣлъ.

Оба пошли рядомъ, и Саша все не отрывался отъ лица Андрея. Они вышли на бульваръ. «Шесть часовъ въ день занимался, а какъ загорѣлъ!» — думалъ Саша. Они говорили: Саша — вопросами, Андрей — отвѣтами, уличный шумъ заглушалъ ихъ, иногда они не слышали другъ друга; прохожіе разъединяли ихъ, они опять соединялись, часть словъ пропадала въ вѣтреномъ воздухѣ.

— Сейчасъ не хочется говорить, — доносилось до Саши, — ужасная лѣнь подробно рассказывать. Надо знать какъ мы жили, иначе ты не поймешь...

Саша чувствовалъ, что сейчасъ начнется что-то важное, онъ лѣпился къ плечу Андрея.

— Ей девятнадцать лѣтъ. Тебѣ трудно объяснить — это особенное.

— Да я понимаю, понимаю. Не надо.

— Важны подробности, — уносился Андрей въ противоположный конецъ тротуара, но Саша настигалъ его, и они нѣсколько мгновений топтались на мѣстѣ, — на эту зиму у меня всякіе планы. Сразу все не выложишь.

Они разстались на углу, противъ булочной, и Андрей сказалъ, что послѣ завтрака онъ будетъ дома, и хорошо было бы Сашѣ придти къ нему, поговорить еще, и кстати — за книгами. И Саша съ радостью согласился.

— А ты-то какъ самъ? — спросилъ вдругъ Андрей, остановивъ глаза на Сашиномъ лицѣ. — Ты что-то рассказывать началъ, я тебя перебилъ.

Саша выпустилъ руку Андрея.

— Я приду сегодня, — сказалъ онъ, — я непременно приду.

Онъ подождалъ, пока Андрей отойдетъ, и вмѣсто того, чтобы идти домой, вошелъ въ широкія, прозрачныя ворота сада и сѣлъ на каменную скамейку подъ совѣмъ еще свѣжимъ, густымъ кленомъ. «На чемъ онъ перебилъ меня? Нѣтъ у меня ничего. Самъ я, одинъ я, и больше ничего во всей жизни. На чемъ онъ перебилъ меня? Ахъ да, Жанна! Но вѣдь это — тѣнь, и все, что было — тѣнь. Это все пропало, истаяло. И пусто сегодня, какъ завтра».

Онъ поежился, посмотрѣлъ въ тусклую, тихую даль сада. Его Андрей былъ влюбленъ, Андрей былъ любимъ. Эта дѣвушка сидѣла въ автомобилѣ и блѣднѣла, ожидала его; она усадила рядомъ съ собой сестру или подругу, чтобы показать ей Андрея. Она уже была вовлечена въ его жизнь, въ его настоящее, она сама была его настоящимъ. Его мысли были пропитаны ею, тяжелой, неподвижной влагой, и она, быть можетъ, уже рассказываетъ кому-нибудь про его милыя, мягкія и сильныя руки съ незамѣтными, но правильными ногтями, о томъ, какъ онъ любилъ ее на берегу моря, гдѣ, вѣроятно, оба жили лѣтомъ. Она привезла подругу, она не дѣлала изъ этого тайны — значить, это что-то не случайное. И если бы это не было прочно и сильно, Андрей сказалъ бы объ этомъ, какъ говорили они другъ другу всегда, съ обезоруживающей послѣдностью: было; красивая была; мужъ ходилъ въ смѣшныхъ трусикахъ; или — мужа не было; трое дѣтей; звала въ Лозанну. Но онъ говорилъ по другому, по новому. Ей девятнадцать лѣтъ, у нея черная лиса и бѣлый платочекъ въ боковомъ карманѣ жакета. Она — барышня, она можетъ стать невѣстой.

И внезапно онъ почувствовалъ, что одинокъ, и это открытіе смутило его. Это не было «гордое одиночество», о которомъ порой, книжно и безкровно, приходилось ему

мечтать. Безъ гордости, безъ высоты — онъ былъ одинъ. Правда, рядомъ съ нимъ были Иванъ и Катя, безъ которыхъ его жизнь была бы невозможна, былъ Андрей, черезъ котораго отчасти видѣлся ему мѣръ. Но онъ чувствовалъ свою душу, какъ ни съ чѣмъ не соединенную, жалкую, тоскующую тѣнь. Припомнивъ стихи объ одиночествѣ изъ Катиной тетради, онъ подумалъ: «Если бы и былъ поэтомъ, я извлекъ бы разумную, корыстную пользу изъ моего теперешняго состоянія, а такъ какъ я не поэтъ, то оно просто безсмысленно и безцѣльно томить меня». Но ни горечи, ни смиренія не было въ этой мысли. За ней шедъ обычный холодокъ: то, что онъ стоялъ въ самомъ началѣ обдуманной, предрѣшенной жизни (такъ ему говорили), сопровождало его размышленія увѣренностью въ томъ, что всякое настроеніе — проходитъ и чаще всего не оставляетъ слѣда, въ то время, какъ дѣйствительность, подготовляемая для него другими людьми, есть нѣчто незыблемое, разъ навсегда положенное къ его ногамъ, и ему остается только вступить въ нее.

Это продолжалось уже четыре года. Мать ушла отъ нихъ четыре года тому назадъ. Иванъ тогда работалъ днемъ, а мать служила продавщицей въ большомъ шляпномъ заведеніи — англійскій языкъ былъ всегдашней ея гордостью. И вотъ, послѣ долгихъ странствій и убогой, беспорядочной жизни, когда лицей былъ оконченъ, рѣшено было Сашѣ учиться дальше. Но осенью мать ушла, ушла въ чемъ была, въ легкой кружевной сорочкѣ, чулкахъ искусственнаго шелка, лаковыхъ туфляхъ и единственномъ приличномъ красномъ платьѣ. Она ушла съ крикомъ, со слезами. Саша зажималъ уши, ему было стыдно за мать. Иванъ молча ждалъ, когда все это кончится. Она кидалась на обоихъ съ мокрыми поцѣлуями, призывала Бога, рыдала, падала въ конвульсіяхъ (не отличить было истинныхъ отъ притворныхъ) и кричала, что Гарри Торнъ ея единственное спасеніе, что до сихъ поръ никто, никто не могъ ее понять, что отъ Александра Пет-

ровича, отъ мужа, терпѣла она всю свою незадачливую молодость, потому что онъ былъ грубъ и страшень. Она изливалась сыновьямъ, она рассказала имъ свою брачную ночь (двадцатипятилѣтней давности), когда она, шестнадцатилѣтняя дѣвочка, была раздавлена грузнымъ Александромъ Петровичемъ, и утромъ у нея болѣла поясница, такъ что она не могла даже встать, и грудь была въ синякахъ отъ его пальцевъ и поцѣлуевъ. И вотъ теперь появился Торнъ. У него было каучуковое лицо съ каучуковыми губами, онъ молчалъ, онъ все понималъ, онъ былъ щедръ и хотѣлъ жениться на русской, потому что любилъ современность, а русская женщина — современна. Но онъ не хотѣлъ, чтобы у этой женщины были дѣти, взрослые сыновья отъ русскаго грубіяна, хоть и генеральскія, а все-таки совершенно ненужныя ему дѣти. Онъ однажды видѣлъ Ивана, видѣлъ его черныя руки, — крѣпкій ноготь большого пальца сталъ ему какъ-то особенно противень. О Сашѣ онъ зналъ, что тотъ просто студентъ, — вѣроятно, пьяница и бабникъ. Торнъ въ Бога не вѣрилъ, онъ зналъ, что басня про верблюда и игольное ушко только басня, и хватка была у него мертвая. И за эту хватку полюбила его рабски эта русская, которую онъ молча угощалъ въ ресторанахъ омарами и рябчиками, пока оркестръ игралъ славянскія мелодіи.

Сашу не смущала мысль, что онъ кому то будетъ обязанъ каждой минутой своего счастья, каждымъ часомъ успѣха и увѣренности въ себѣ. Для него все было рѣшено разъ и навсегда: онъ не отдѣлялъ себя отъ Ивана и Кати, зналъ, что работать будетъ на нихъ, какъ на себя, и мысль о связанности съ ними навѣки была ему легка. Онъ догадывался, какъ пустынно бываетъ безъ обязанностей, и онъ даже радовался, что вотъ есть у него долгъ въ жизни, который онъ вѣчно будетъ выплачивать, что онъ связанъ съ двумя людьми крѣпкими матеріальными узами, что несмотря на то, что внутренней близости онъ не чувствуетъ ни къ Ивану, ни къ Катѣ, они не бросятъ его, и

онъ не бросить ихъ, и есть въ этомъ соединеніи, пусть только внѣшнемъ, что-то доброе и нерушимое.

Это навѣрное соединеніе, впрочемъ, отнюдь не связывало его и оставляло ънужную для его жизни свободу. И такъ какъ ему еще и очень хотѣлось чувствовать себя свободнымъ, то даже выборъ карьеры, сдѣланный за него Иваномъ, и въ которомъ такъ помогъ ему Андрей, даже самый этотъ выборъ начиналъ ему съ нѣкоторыхъ поръ казаться самостоятельнымъ. Онъ былъ доволенъ и имъ, и своей мнимой независимостью. Иногда смутно и безпокойно предчувствовалъ онъ, что человѣческая свобода больше того, что онъ знаетъ, что есть какая-то дѣйственная свобода, съ отвѣтственностью за нее передъ однимъ собой, — но этого онъ еще не испытывалъ. Онъ предчувствовалъ, что рано или поздно (и, вѣроятно поздно), трудный путь откроется передъ нимъ, встанетъ тайна, потребуетъ борьба, — это всегда связывалось у него съ мыслью о любви и женщинѣ. Женщина и любовь должны будутъ дополнить и украсить его жизнь. Онъ уже сталъ понимать, чего именно не хватаетъ ему: не Кати! Катя обыденна, у нея свое маленькое упрямство въ пустякахъ. Ему не достаетъ очень особенной, тихой и послушной. У него было въ жизни двѣ связи — вѣрности онъ не видѣлъ, женщины первыя уходили отъ него. Въ этомъ онъ никогда никому не признавался, даже Андрею.

Женщины оставляли его и не возвращались больше. Оба раза онъ чувствовалъ, когда именно это случится, но бороться не умѣлъ и не смѣлъ. Глаза, въ которые онъ до того смотрѣлъ, вдругъ наполнялись скукой. Онъ застывалъ, глядя въ эти тусклые зрачки, тоска обдавала его сердце. Въ эти минуты онъ чувствовалъ всю свою тяжесть, косность и неподвижность, и понималъ, что — все кончено, безповоротно, непоправимо. И почти не жалѣлъ.

Той любви, которая когда-нибудь должна же будетъ придти, не было. И онъ не зналъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы подготовить и облегчить ее приходъ. Когда уходило то.

что называлось любовью, оставалось недоумѣніе, легкой уколъ самолюбія, но бережное отношеніе къ самому себѣ приказывало ему освободиться отъ этого бесполезно вѣющаго песка. Это не былъ развратъ, это не была влюбленность, это былъ суррогатъ любви. Въ суррогатѣ этомъ было все, что бываетъ и въ любви, но въ такомъ жалкомъ, приниженномъ видѣ, что минутами становилось стыдно себя самого. Ужъ лучше бы это была только влюбленность, съ потѣніемъ рукъ и дрожью голоса, съ умышленно нечаянными прикосновеніями, длительная, изнуряющая, на грани душевнаго обморока, но зато чѣмъ-то по своему полная. Лучше бы это былъ прямой развратъ — жаркій и короткій, но уже одной подлинностью своей имѣющій право на существованіе. По крайней мѣрѣ не надо было бы краснѣть отъ воспоминаній, единственной остротой которыхъ была ложь. Но тутъ всего бывало понемногу: и разврата ровно настолько, чтобы разжечь себя и потушить, и влюбленности ровно настолько, чтобы выпить ночью вино изъ одного стакана; и въ любую минуту присутствовала возможность все оборвать, бросить, уйти, и ни разу не приходило страстное желаніе предать весь міръ ради одной, потерять себя, умереть.

Онъ завтракалъ одинъ и послѣ завтрака, не заходя домой, отправился къ Андрею.

Онъ шелъ по бульвару, гдѣ въ этотъ часъ бываетъ тише, чѣмъ утромъ; большіе, сверху до низу застекленные магазины сверкали обиліемъ выставленныхъ товаровъ: то это были мужскія шляпы, сбѣгавшія гуськомъ по стѣнамъ витринъ, чтобы внизу закружиться тѣсной спиралью, то это были башмаки, всходившіе по стекляннымъ ступенямъ подъ самый потолокъ, гдѣ неподвижно стояли рядами другіе, болѣе низкаго качества. Гирляндами свисали колбасы, и покойниками покоились книги, и весело было смотрѣть на огромные ножи для разрѣзанія пулярдъ и индѣекъ.

У доктора пріемъ уже начался, и въ пріемной сидѣли женщины, медленно и съ преувеличеннымъ вниманіемъ лч-

стая журналы, исподлобья оглядывая другъ друга. Паркетъ сухо блестя, въ комнатѣ было прохладно отъ тишины и ничѣмъ не украшеннаго окна. Въ то время, какъ Саша вѣшалъ пальто на высокую, кудрявую вѣшалку, онъ увидѣлъ въ полуоткрытую дверь пріемной, какъ растворилась другая дверь, какъ показался въ ней докторъ, въ бѣломъ халатѣ, съ сѣдымъ ежикомъ, и равнодушно провозгласилъ: «Кто слѣдующая?»

Саша прошелъ по корридору, гдѣ, какъ въ давно обжитой квартирѣ, стояли шкафы и сундуки, гдѣ было темновато и по уютному, по мѣщанскому пахло старымъ платьемъ и кухней. Онъ постучалъ къ Андрею. Здѣсь начинался третій поясъ квартиры: первымъ были пріемная и кабинетъ Михаила Сергѣевича, вторымъ — кухня, столовая и спальная Татьяны Васильевны, третьимъ — комната Андрея, гдѣ стояли полки съ книгами, гдѣ лежала рукопись — подготовка къ защищаемой весной диссертации, гдѣ былъ онъ самъ, медлительный и красивый, съ какъ бы не совѣмъ плотскими руками, съ неуловимымъ взглядомъ, со своей тайной, новой любовной тайной.

Они стали рыться въ книгахъ, ища и отбирая, вполнѣ, видимо, наслаждаясь своимъ дѣломъ, читать другъ другу названія, будившія въ каждомъ цѣлый рядъ продуманныхъ когда-то мыслей. Все это были книги юридическія, французскія и нѣмецкія, которыя они, словно охорашивая, оглаживали пальцами по корешкамъ и обрѣзамъ. Потомъ Саша сѣлъ въ кресло, а Андрей на низкую, узкую кровать, и они опять говорили на своемъ очень краткомъ языкѣ, сперва о зимѣ и работѣ, которой у каждаго было по горло, потомъ вдругъ незамѣтно въ ихъ разговорѣ появилась та, которой всего девятнадцать лѣтъ, но которая такой молодецъ, такой хорошей товарищъ. И, можетъ быть, можно будетъ пойти къ ней когда-нибудь вдвоемъ.

И Саша, не успѣвъ рѣшить, что лучше: молчать или сказать, — что лучше для себя, для Андрея и для нея, —

вдругъ разсказалъ про синій автомобиль, про возгласы и волненіе.

— Да, я говорилъ, что въ одиннадцать выхожу, да, это вѣрно.

Андрей сіялъ глазами.

— А вторая — это сестра, я ее не знаю. Она лѣтомъ была въ горахъ.

Они помолчали.

— А автомобиль это отцовскій, но отца въ Парижѣ нѣтъ, онъ за границей.

И потомъ, послѣ раздумья:

— Они люди богатые. Могутъ не отдать.

— Не отдать ее за тебя?

— Да. Но она сама пойдетъ.

— Такъ это вѣрно?

— Да, это такъ.

Полки и кресла были все тѣ же, что и прежде, и тамъ, въ приемной, по прежнему сидѣли барышни и дамы, приходившія къ Михаилу Сергѣевичу мучительно краснѣть и разговаривать срывающимся голосомъ, и была гдѣ-то за стѣной Татьяна Васильевна, такая старообразная, потерявшая на войнѣ двухъ сыновей и сберегшая одного младшаго. Все было по прежнему; Саша сидѣлъ въ креслѣ, гдѣ такъ часто случалось ему сидѣть и раньше, въ томъ креслѣ, которое онъ когда-то мечталъ перенести съ собою и Андреемъ въ рай, вмѣстѣ съ юридическими книгами.

Было пять часовъ, когда Саша выпелъ, чтобы идти домой. День казался ему безконечнымъ и пестрымъ, и было странно думать, что одному изъ этихъ однообразныхъ будничныхъ дней выпало вдругъ на долю стать такимъ рѣшительнымъ и чуднымъ. Андрей жилъ у самой Обсерваторіи; можно было опять пересѣчь садъ, пройтись по сырнмъ, хрустящимъ дорожкамъ. Становилось холодно. небо меркло, поднимался слабый, сырой вѣтеръ и ронялъ въ воздухъ съ широкихъ листьевъ душистыя капли уцѣлѣвшаго дождя. Мальчики еще играли въ футболъ на пу-

стынной лужайкѣ, и молодые фармацевты ходили гурьбой, съ упоеніемъ разглагольствуя о женскихъ грудяхъ. Саша прошелъ весь садъ, вышелъ черезъ заднія ворота, встрѣтилъ знакомую барышню, библиотечаршу, поклонился ей. Пошелъ дождь, люди заспѣшили, женщины раскрыли зонтики, городъ сталъ грустенъ и нѣженъ, словно лицо въ слезахъ. Но когда дождь пошелъ сильно, шумно, безобразно, Саша былъ уже дома. Въ комнатѣ было прибрано, по окну струились полосы дождя, и пришлось зажечь свѣтъ въ наступившей внезапно сѣрой мглѣ.

Комната теперь принадлежала Ивану; онъ всталъ совсѣмъ недавно, однако, успѣлъ побриться, одѣться и прочесть газету и даже согрѣть себѣ на спиртовкѣ чай. Это было его утро, и онъ любилъ его, весною за солнечный свѣтъ, зимой за блѣдныя сумерки, тишину и отдыхъ. Онъ приходилъ въ себя отъ работы и спячки передъ каждодневной большой радостью, на которой, какъ на оси, вертѣлась его жизнь — передъ встрѣчей и обѣдомъ съ Катей.

Она пришла, какъ обычно, въ семь часовъ съ небольшимъ, вошла, не постучавшись, поцѣловала Ивана въ губы, а Сашу въ щеку, вымыла руки, попудрила лицо и почистила ногти какой-то щепочкой. Иванъ сказалъ: «Нынче я буду ѣсть штуфать. Кто еще изъ публики будетъ ѣсть штуфать?» Она отвѣтила: «Дай отдышаться». Потомъ ей показали пришедшее изъ Америки письмо, она обрадовалась деньгамъ и ни за что не хотѣла согласиться на то, что ей купить часы-браслетъ. «Лучше бы зонтикъ», — сказала она. Тогда Саша вмѣшался и сказалъ, что можно и то, и другое. Это было ей очень пріятно, и она раскраснѣлась и помолодѣла отъ этого. Фотографія заставила ее помолчать и призадуматься, а читая письмо, она заплакала: до самого сердца дошли ей слова миссисъ Торнъ о пришедшей поздно любви и о воспоминаніяхъ грустной жизни. Она достала платокъ изъ сумки и долго терла глаза и сморкалась, а когда кончила, то видно бы-

до, что ей совѣстно. Иванъ сказалъ: «Ты по ней плачешь, а она тебя никогда не признаетъ, оттого что поденно шьешь и никогда ни у кого не была на содержаніи». Но она была не изъ такихъ, которыя не знаютъ, что отвѣтить, — она сказала: «А все-таки тяжело ей тамъ одной, среди чужихъ людей; и съ Гарри этимъ всегда по англійски, и съ собакой по англійски тоже. Она дурная мать, жалко ее. Жизнь то вѣдь одна дается и отвѣчать за нее непременно надо будетъ».

Саша слушалъ молча, и ему нравилось то, что говорила Катя. «Если бы она была красивѣе, моложе, богаче, умнѣе, изящнѣе, тише — я бы взялъ ее отъ Ивана», — подумалъ онъ и сейчасъ же раскаялся въ этой мысли. Ему вспомнилась дѣвушка за рулемъ автомобиля, когда онъ оторвался отъ глобусовъ и картъ и увидѣлъ ее профиль и руки. Она была красивѣе, богаче, моложе Кати. Андрей всегда стоялъ впереди него, Саша никогда не пытался съ нимъ бороться. Какъ хочется движенія, какъ хочется разбѣга воли — злой или доброй, все равно!

Катя встала, опять попудрилась, обмахнула пуховкой покраснѣвшіе глаза съ запыленными рѣсницами, приготовилась идти. Всѣ трое спустились. Идти было недалеко, на улицахъ зажглись вечерніе, осенніе огни. Магазины были уже закрыты, но свѣтились рестораны и кафе, и въ домахъ зажигались лампы и люстры высокою вертикальной чертой — во всѣхъ столовыхъ, во всѣхъ кухняхъ. И то тутъ, то тамъ можно было видѣть салфетку, заложенную за воротникъ, низко висящую надъ столомъ, когда-то керосиновую лампу, картину на стѣнѣ, миску, двѣ-три дѣтскихъ головы.

Катя и Иванъ шли подъ руку, голова Кати приходилась Ивану у плеча. Она до сихъ поръ не могла научиться ходить съ нимъ въ ногу, она дѣлала мелкіе шаги не совсѣмъ прямыми, короткими ногами. У нея были прозрачная шляпа съ бархатной лентой и довольно короткое лиловато-красное пальто съ чернымъ мѣховымъ воротни-

комъ. Пальто было уже старое, но безъ него невозможно было представить себѣ Катю; лѣтомъ, какихъ-нибудь два-три мѣсяца, она не носила его и ходила въ платьѣ; остальное время года, и въ праздники, она не снимала его и часто подъ нимъ носила чернѣй сатиновый передникъ съ рукавами.

Въ ней не было наивности и простодушія; наивность, если и была въ дѣтствѣ и юности, въ провинціальномъ російскомъ городѣ, гдѣ росла она и училась, исчезла, когда вдругъ, за границей, куда попала она со своимъ оболъстителемъ, ротмистромъ Смирновымъ, въ темное время эвакуаціи, пришлось ей биться за жизнь свою, маленькую, незамѣтную, но причинявшую большую и слишкомъ замѣтную боль. Простодушіе пропало, когда полюбила она Ивана и сошлась съ нимъ, узнала его иронию и безстыдство, которыя научили ее трезвости и самостоятельности, оттого что Иванъ былъ къ ней требователенъ и хотѣлъ, чтобы она походила на него.

Въ ея большихъ сѣрыхъ глазахъ на выкатѣ и свѣжей кожѣ было много нѣжнаго здоровья; въ ея рѣчи былъ небольшой недостатокъ — она слегка шепелявила, а потому при постороннихъ больше молчала или старалась говорить тѣми словами, въ которыхъ не было буквы с, неясно и съ пузырькомъ пѣны выходившей у нея съ губъ. Вдвоемъ же съ Иваномъ или втроемъ съ Сашей на нее иногда находила сильнѣйшая болтливость, такъ что приходилось просить ее помолчать «въ пользу собесѣдника», какъ говорилъ Иванъ, который никогда не старался острить, а говорилъ такъ, просто, что приходило въ голову — а въ голову ему приходили все какіе-то простые выкрутасы, которые главнымъ образомъ, и составляли его рѣчь. Эти простые выкрутасы давали ему возможность весьма часто и безъ особой необходимости сквернословить. Иногда Сашѣ казалось, что Катя находитъ прелесть въ сквернословіи Ивана, онъ даже какъ-то сказалъ имъ объ этомъ, но они не поняли его или при-

творились, что не понимают. Сашѣ въ ту минуту, какъ уже не разъ, хотѣлось спросить: почему имъ не поселиться втроемъ? Вѣдь все равно ничего не измѣнится, будетъ только удобнѣе. Но онъ смутно предчувствовалъ отвѣтъ, котораго ему не хотѣлось выслушивать. Онъ зналъ, что Иванъ ждетъ весны, когда Саша защититъ диссертацию и сможетъ устроиться самостоятельно. Тогда Иванъ повѣнчается, и будутъ они жить съ Катей, а Саша отдѣльно, потому что нельзя ему быть вмѣстѣ съ братомъ — ночнымъ шофферомъ, и невѣсткой — поденной портнихой, ему, молодому адвокату, передъ которымъ такое блестящее будущее, у котораго уже и сейчасъ такія связи... Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Жамье, и называетъ Сашу «мой маленькій, дорогой Саша».

Сейчасъ жизнь кажется вполне налаженной. Изю дня въ день — все то же, и лишь по понедѣльникамъ, когда Иванъ свободенъ, онъ встаетъ немного раньше и идетъ въ баню. Обѣдаютъ въ этотъ день Иванъ и Катя отдѣльно — какъ это началось, никто не помнитъ; послѣ обѣда Иванъ ведетъ Катю куда-нибудь, гдѣ играетъ русская музыка, или въ кинематографъ съ русскимъ хоромъ, или къ балалаечникамъ. Домой, къ Катѣ, приходятъ они не позже полуночи. Они ложатся въ Катину постель и не даютъ другъ другу покоя до утра. Уже мусорщики гремятъ внизу, когда они засыпаютъ, видятъ безобразные сны, мѣшая другъ другу на узкой постели, на одной единственной примятой и жаркой подушкѣ. Они слипаются, у нихъ отмираютъ то руки, то ноги, и утромъ Катя уходитъ на работу недовольная, сонная, едва приведя въ порядокъ опухшее, потемнѣвшее лицо.

Изъ недѣли въ недѣлю повторяютъ они свой первый вечеръ, свою первую ночь, когда Иванъ, вымытый, выбритый, съ пахнущими одеколономъ шей и руками, зашелъ за Катей и повелъ ее обѣдать на террасу маленькаго русскаго ресторана. Катя долго и много рассказывала о своей жизни — вотъ уже два года, какъ была она совсѣмъ одна.

Она рассказывала Ивану, что она любит — онъ любилъ то же, что и она: видъ изъ Купеческаго сада въ Кіевѣ, музыку Чайковскаго, внутренность Казанскаго собора въ Петербургѣ, раковый супъ съ растегаями и лежать въ травѣ носомъ вверхъ, такъ, чтобъ стрекозы летали. При выходѣ изъ ресторана онъ взялъ ее подъ руку и сразу почувствовалъ ея мягкую, немного низкую грудь. Катя отъ смущенія не знала, куда дѣваться, ей показалось, что рука Ивана легла такъ случайно, не нарочно. До сихъ поръ она имѣла дѣло съ мужчинами, которые про себя говорили, что безъ водки не годятся никуда, а когда выпивали, то норовили дрожащей рукой дотронуться до ея платья и все просили, чтобъ ихъ жалѣли. Рука Ивана мѣшала ей думать и говорить, но когда они пришли въ кинематографъ, и засверкали на экранѣ рѣжущія надписи, зубы и бѣлки героевъ, она почувствовала его ногу, внезапно придвинувшуюся къ ней; она почувствовала ее всю, отъ колѣна до носка, икра была тверда, какъ дерево. Катя въ мигъ покрылась холоднымъ потомъ. «Сейчасъ онъ извинится», — пронеслось въ ней, но онъ молчалъ. «Можетъ быть, мнѣ отодвинуться?» — опять кольнуло ее. Но было поздно: отодвигаться и извиняться было уже смѣшно. «Такъ это онъ съ умысломъ! — съ ужасомъ подумала она, — онъ принимаетъ меня за чортъ знаетъ что!» И она вдругъ вся придвинулась къ нему. «Какъ скучно, — сказалъ онъ, — пусть-ка этотъ сонъ досмотрятъ другіе, а мы пойдемъ». Они вышли на улицу и, цѣлуясь и обнимаясь, пошли къ ней...

Иванъ сѣлъ рядомъ съ Катей, а Саша напротивъ нихъ, Катя движеніемъ, повторявшимся изо дня въ день, стянула матерчатые перчатки, и Саша вспомнилъ толстую коричневую перчатку на женской рукѣ, высунутой въ окошко автомобиля. Онъ налилъ себѣ бѣлаго вина изъ пузатаго графина и, зажмурившись, выпилъ за что-то, что внезапно показалось ему возможнымъ. Катя смотрѣла въ карточку, а Иванъ зѣвалъ, и впервые Саша почув-

ствовавь, что у него можетъ быть ото всѣхъ, и отъ нихъ. какая-то тайна.

Но въ чемъ же, собственно, заключалась возможность этой тайны? Вѣдь жизнь его оставалась пустой и прозрачной, а мутнѣло одно только воображеніе. Бывало, при знакомствѣ съ женщиной, онъ не могъ не намекнуть объ этомъ Катѣ. Ивану тоже, конечно: все, что говорилось Катѣ, говорилось и Ивану. Она засыпала его вопросами, Иванъ сейчасъ же переводилъ разговоръ на венерическія болѣзни. Саша ругался, клялся себѣ и имъ, что никогда ни о чемъ больше не заговорить. Одинъ разъ они его встрѣтили подъ руку съ Жанной и торжественно поклонились ему. Эта любовь длилась довольно долго, Жанна была машинисткой въ банкѣ, они познакомились въ книжномъ магазинѣ. У нея дядя былъ нотариусъ, и они сперва поговорили такъ, будто сидѣли въ гостяхъ у старой тетуски и ѣли сухари. Потомъ отправились въ Люксембургскій садъ, оттуда — пить кофе. Въ воскресенье поѣхали они въ Сюреннъ, тамъ опоздали на послѣдній трамвай и заночевали. На нихъ нашель бѣсъ ребячества: они пили, пѣли, обнимались и прижимались другъ къ другу, пока имъ не пришло въ голову улечься въ постель.

Это было послѣднее и наиболѣе длительное; уже Андрей былъ знакомъ съ Жанной, уже Саша подарилъ ей граненый пульверизаторъ для духовъ съ резиновой грушей въ сѣтчатомъ чепчикѣ, уже не проходило дня, чтобы они не видѣлись. И вдругъ Саша почувствовалъ въ ней легкое раздраженіе, холодъ, идущій отъ ея глазъ и улыбокъ. Онъ почувствовалъ мертвенную податливость объятія и вялость губъ, и Жанна, ничего не объяснивъ, больше не вернулась; она не отвѣтила на письмо, и Андрей, отъ котораго разрывъ этотъ нельзя было скрыть, ни о чемъ не разспрашивалъ.

Прошлаго не было. И любовь къ Жаннѣ, и то, что было до нея, забылись такъ, словно было это что-то нестойщее-трогательное, почти отроческое. Саша все чаще начи-

наль подозрѣвать, что жизнь, въ сущности, началась, что у многихъ въ его возрастѣ бываетъ не только будущее и настоящее, но уже и прошлое. И все-таки не могъ побѣдить въ себѣ сочувственную и снисходительную улыбку ко всему, что происходило съ нимъ до сихъ поръ. Онъ и забывалъ, и не забывалъ, то есть дѣлалъ то именно, что дѣлають люди очень молодые со своимъ дѣтствомъ. Въ его памяти безмятежно сосѣдствовали первое отличіе, первый разговоръ съ Жамье, поцѣлуй Жанны, ея наивные, но откровенные уроки страсти, и то, какъ въ Петербургѣ, когда то, въ большой комнатѣ зажигали елку и дарили ему куклы, которыя онъ очень любилъ; какъ отецъ, въ эполетахъ, раздушенный, жирный и ласковый, подводилъ его, девятилѣтняго, къ гостямъ, приговаривая: «А это мой младшенькій!» — и хохоталъ при этомъ; какъ низкорослый, татарскаго типа человекъ, блистая аксельбантами, бралъ его на руки. Онъ видѣлъ близко отъ себя черныя дуги густѣйшихъ бровей, сѣдую щетину на головѣ и все старался не испугаться. Его спускали на полъ, лицомъ онъ задѣвалъ пуговицы на широкой груди министра. Затѣмъ его уводили спать, и онъ шаркалъ ножкой, а дамы, среди которыхъ были и тѣ, что геройски умерли потомъ, разстрѣлянные вмѣстѣ и порознь съ мужьями, смотрѣли ему вслѣдъ, дѣлали ручкой, восторгались его локонами. Пятнадцатилѣтній Иванъ былъ тутъ же въ кадетскомъ мундирѣ, коренастый, черный, съ усиками, приводившими въ ужасъ маму. Она говорила пѣвучимъ, слишкомъ пѣвучимъ, казавшимся не принадлежащимъ ей голосомъ — особенно онъ казался искусственнымъ послѣ того, какъ Саша услышалъ этотъ голосъ, лишенный вдругъ всякой пѣвучести, однажды ночью, въ спальнѣ родителей. «Ты не посмѣешь, — говорила мать отцу, — ты оскорбляешь меня... Всякіе хамы...» Но отецъ всегда дѣлалъ по своему, и стоило ей такъ волноваться! У нея порой бывалъ обиженный ротъ, такой беззащитный, будто слегка размазанный по лицу, и жесткіе, во что бы то ни стало желающіе со-

хранить человѣческое достоинство глаза. Она ходила по огромной, съ несмѣтнымъ количествомъ комнатъ квартирѣ, непосредственно переходившей во вторую такую же, гдѣ помѣщалось военное издательство отца, ходила и старалась не плакать, то есть плакала молча во всю, и ломала руки, и садилась вдругъ на какой-нибудь совершенно неподходящій стулъ, поставленный на дорогѣ, чтобы заполнить пространство по никому не понятному, но разъ навсегда установленному закону симметріи и красоты.

Въ военное издательство былъ ходъ съ той же площадки, что и въ квартиру, но Саша такъ никогда и не былъ въ этомъ помѣщеніи. Часто выносили оттуда связки одинаковыхъ книжекъ въ голубыхъ и желтыхъ обложкахъ, тонкихъ и уже слегка обтрепанныхъ, со скучной, очень черной печатью. Иванъ въ корпусѣ учился по нимъ. Въ издательствѣ сидѣли, въ пыли и скукѣ, тощіе канцеляристы, какъ ихъ называли дома. Отецъ уходилъ туда, прямо изъ своего домашняго кабинета попадая въ рабочій. Выходилъ онъ оттуда, разстегнувъ крючокъ ворота, съ легкой чернотой подъ ногтями и тяжелой усталостью въ лицѣ. Онъ ѣлъ много, крестился до и послѣ ѣды и мясистой рукой крестилъ дѣтей, когда они подходили къ нему — другой ласки они не знали. Въ послѣдній разъ подошли они къ нему въ день отреченія Николая II — отецъ лежалъ въ постели хрипящей тушей. Онъ положилъ руки на головы сыновей и долго бормоталъ молитву — у него начиналась агонія. Воспаленіе легкихъ было схвачено въ ту холодную, льдистую весну, въ отчаянный день 27 февраля, когда онъ пѣшкомъ возвращался съ Петербургской стороны къ себѣ, на Стремянную — не было извозчиковъ и часть мостовъ была разведена. Онъ игралъ въ винтъ (онъ всю жизнь игралъ въ винтъ по понедѣльникамъ), шинель не защитила его — генеральская, голубая шинель подвела.

Гробовъ было два: цинковый снаружи и дубовый вну-

три. Играли маршъ Шопена на помятыхъ трубахъ того самого полка, съ которымъ когда-то покойнымъ была продѣлана японская кампанія. Священники съ крестами, въ облаченіяхъ, шли далеко впереди. Вдова переступала на высокихъ каблучкахъ, вся обвѣшенная крепомъ, и два сына шли рядомъ, съ опухшими глазами, и пріятно щекотало сознание, что на нихъ смотрять, что въ окнахъ домовъ появляются любопытныя лица, и лабазники выходятъ глазѣть, и въ газетахъ про нихъ пропечатано.

Весенній воздухъ звенить отъ переливовъ мѣдныхъ трубъ, заливаеьтса буйнымъ томленіемъ валторна, въ скрипучихъ калошахъ шагаютъ старые друзья — министръ уже въ тюрьмѣ, но остались другіе, почти такіе же важные, почти такіе же бровастые, нѣкоторые волочатъ ногу, другіе не разгибають руку, третьи похотливо смотрять на едва прикрытыя тонкія щиколотки вдовы.

Лакей подошелъ со счетомъ. Ивану поѣа было идти. Покуда Катя собирала высыпавшіяся изъ сумки мѣдяки, онъ надѣлъ кепку и попрощавшись вышелъ; гаражъ его былъ недалеко. Саша и Катя пошли рядомъ; шли они медленно и молча, у Кати опять было легко на душѣ: въ концѣ концовъ, этой миссисъ Торнъ, которую она никогда не видѣла, жилось въ Америкѣ не плохо. Хорошо было бы имѣть собаку, или, въ крайнемъ случаѣ — птицу въ клѣткѣ! Надоѣло видѣть вокругъ себя неживые предметы, сдѣланные людьми. Птица — она была бы отъ Бога. Саша вспомнилъ про вчерашній разговоръ съ Катей о чистой совѣсти. Быть можетъ, сегодня совѣсть его уже не была такъ чиста. Ему самому неясно было: чего же онъ все-таки хочетъ? Если бы онъ вдругъ рѣшилъ искренно отвѣтить на этотъ вопросъ, онъ, быть можетъ, сказалъ бы, что, неизвѣстно зачѣмъ и для чего, ему хочется просто быстрой ѣзды на автомобилѣ въ темныхъ, сырыхъ поляхъ. Загородный домъ, каминъ, незнаніе времени, забвение пространства, теплыя руки въ его рукѣ... А совѣсть — Богъ съ ней!

Они, какъ каждый вечеръ, дошли до двма, гдѣ жилъ Саша. Въ переулкѣ было темно. Катя подала ему свою крѣпкую, короткую руку и потянулась къ его лицу. И онъ далъ поцѣловать себя въ щеку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Раздался выстрѣлъ. Пробка стрѣльнула въ потолокъ, отбила кусокъ штукатурки, мячемъ подпрыгнула на толстомъ коврѣ; пѣна хлестнула по обоямъ, по золотому рисунку разошлось темное пятно; съ тяжелымъ шипѣніемъ ползла она изъ горлышка по бутылкѣ, хлопьями падая на полъ и хлопьями оставаясь на скатерти. Горничная только бровями повела; проходя мимо съ подносомъ, на которомъ стояли четыре широкихъ, на тонкихъ ножкахъ, бокала и ваза съ бисквитами.

Пѣна холодомъ обдала пальцы Саши, онъ постарался не дать ей упасть и поймалъ часть ея въ ладонь; онъ не зналъ, что ему дѣлать: вынулъ платокъ, смутился, помчался за горничной, къ бокаламъ, чтобы вылить въ нихъ поскорѣе то, что еще оставалось въ бутылкѣ. Онъ зналъ, что наливать надо очень мало, рука у него дрожала. Потолокъ и обои были испорчены.

Вчера еще онъ не зналъ, что будетъ сегодня присутствовать на помолвкѣ Андрея. Но рано утромъ (только что пришелъ Иванъ), когда Саша еще былъ не одѣтъ, его позвали къ телефону. Андрей предлагалъ нынче, часовъ въ пять, отправиться къ Шиловскимъ. «Кто это такіе?» — спросилъ Саша. На это Андрей нѣсколько секундъ молчалъ въ телефонъ, такъ что Саша едва было не рѣшилъ, что ихъ разъединили, и только потомъ сказалъ:

— Это ея фамилія.

Саша сразу понялъ, его кольнула радость. «Ты уже былъ у нихъ?» — спросилъ онъ. «Да, я былъ у нихъ третьяго дня и вчера». «Насъ ждуть?» «Да». «Она вѣдь не одна живетъ?» «О, нѣтъ!» Оба помолчали опять. «Видишь

ли, — сказалъ тогда Андрей, — дѣло это рѣшенное, но пока молчу и ты молчи. Ея отца нѣтъ въ Парижѣ, его почти никогда нѣтъ. Матери нѣтъ вовсе. Тамъ двѣ сестры ея, челяди полна квартира — вотъ и все. Я зайду за тобой».

Саша въ тотъ день работала у окна (подъ мѣрный храпъ Ивана). Онъ всегда ставилъ столъ къ окну, чтобы сидя можно было видѣть трубы сосѣднихъ крышъ, чердачное окно, гдѣ жилъ старый фотографъ, вязавшій галстукъ, какъ истый художникъ, синее небо и даже верхушку каштана у входа въ Люксембургскій садъ. Онъ садился спиной къ кровати, лицомъ къ каштану и, держа карандашъ въ рукѣ, сперва долго разсматривалъ голубыя вѣтвистыя жилы на рукахъ, блѣдныя, крѣпкіе ногти, потомъ глядѣлъ вверхъ, въ окно, и только затѣмъ уже брался за книгу, сутулился и начиналъ читать. Въ тотъ день онъ все поднималъ голову, все смотрѣлъ въ небо, все смотрѣлъ на часы подъ обшлагомъ: стрѣлки шли, тикали колесики. Онъ старался сосредоточиться на раскрытой страницѣ. Теперь онъ не сомнѣвался, что та, которая сидѣла тогда рядомъ, была ея старшая сестра; Андрей выбралъ младшую, но вѣдь они съ нимъ всегда выбирали одно и то же всю жизнь. Значитъ — хочешь, не хочешь, придется ему выбрать ту же самую.

Они пошли съ Андреемъ пѣшкомъ и шли минутъ десять; улица была нарядная, совсѣмъ еще новая, прорубленная на мѣстѣ кучи старыхъ, косыхъ домовъ, и домъ былъ нарядный, съ широкимъ входомъ, съ лаврами у зеркала, съ лифтомъ, пахнущимъ свѣжимъ деревомъ. Андрей былъ блѣденъ, глаза его косили и прятались. «Вотъ видишь, какъ это бываетъ, — сказалъ онъ, выходя изъ лифта и разсчитавъ, что Саша не успѣетъ ему отвѣтить. — Одинъ приводитъ другого, и со стороны смотрѣть и трогательно, и смѣшно. — Тутъ онъ нажалъ кнопку звонка. — Но въ томъ состояніи, въ которомъ я сейчасъ нахожусь, это запомнится на всю жизнь: вотъ такъ ты стоялъ, вотъ такъ — я».

Горничная открыла дверь.

Въ передней было свѣтло; большія, настежь распакнутыя стеклянныя двери вели — одна въ столовую, другая — въ гостиную, слѣва былъ широкій, съ янтарнымъ поломъ корридоръ. Андрей и Саша раздѣлись; въ то время какъ горничная проводила ихъ въ гостиную, изъ корридора выбѣжала дѣвочка лѣтъ девяти, остановилась съ запывавшимъ лицомъ, и бросилась обратно.

— Это Миля, младшая Женина сестра, — сказала Андрей.

Слѣва и справа опять были широко раскрытыя двери въ столовую и кабинетъ, уже по вечернему темныя комнаты, казавшіяся громадными; тамъ крались какіе-то свѣты, заползавшіе съ улицы — шторы еще не были спущены. Эти широко раскрытыя, высокія двери придавали квартирѣ какую-то прозрачность, словно до самыхъ ея нѣдръ можно было пройти безпрепятственно, увидѣть просторныя спальни, дѣтскую, озономъ пахнущую ванную сверкающую кухню. Громадной показалась Сашѣ и ярко освѣщенная гостиная, двумя большими, прямоугольными окнами выходящая на улицу. Желтый цвѣтъ, съ золотомъ въ обояхъ, занавѣсахъ и обивкѣ мебели, придавалъ ей холодноватый, банальный видъ; уголъ комнаты занималъ рояль, покрытый желтымъ бархатомъ, низкія кресла желтаго атласа были разставлены въ кружокъ подлѣ двухъ-трехъ низкихъ столиковъ съ принадлежностями для куренья. На одномъ изъ креселъ лежала въ рамѣ, забытая здѣсь, новая теннисная ракетка.

Въ ту минуту, когда изъ полутемнаго кабинета вошли въ гостиную двѣ дѣвушки, Сашѣ жадно, животнo захотѣлось, чтобы ничего этого не было, чтобы онъ не входилъ въ этотъ домъ, не звонился у двери, чтобы онъ сидѣлъ у себя въ темной комнатѣ съ закрытымъ окномъ и ничего, никого не было вокругъ него. Но навстрѣчу ему шли двѣ дѣвушки, и онъ принужденъ былъ, вслѣдъ за Андреемъ, дотронуться до ихъ прохладныхъ рукъ.

Женя не была хороша собой, какъ показалось Сашѣ на улицѣ: быть можетъ, будь она бѣдна, слыла бы она и вовсе за дурнушку. Холеность придавала ей видимость красоты, свѣжесть и юность давали ей взаймы на краткое время живую прелесть лица, съ большимъ, даже слишкомъ большимъ ртомъ, узкими глазами подъ длинными рѣсницами, дѣтскимъ, словно еще не оформившимся носомъ. Она была довольно высока, тонка, однако полногрудая, и въ движеніяхъ ея, въ ея походкѣ, было что-то отъ свѣтской барышни, воспитанной и аккуратной; въ ней было пріятно то, что съ перваго взгляда не оставляла она въ этомъ сомнѣній; и платье носила она дорогое, прекрасно сшитое платье — съ правдивостью и цѣльностью, и голосъ ея, невысокій, но очень чистый, подтверждалъ всю ея хорошесть. Сашѣ она понравилась сразу, и ему стало отъ ея присутствія ловко и легко.

Она рѣшила устроить сегодня, въ этой желтой гостиной, въ этой просторной квартирѣ, свою помолвку, рѣшила заставить выпить двухъ людей, которые сейчасъ, а можетъ быть и всегда, будутъ ей и Андрею ближе и дороже всѣхъ, за ея и Андрея счастье. Она придумала маленькій, вольный, праздникъ; нянѣ приказала не выходить и не выпускать Милю, отца не было, онъ былъ въ Гамбургѣ, по своимъ дѣламъ, прямымъ образомъ касавшимся новыхъ паровыхъ турбинъ, устанавливаемыхъ на океанскихъ пароходахъ. Горничной было приказано подать бокалы и двѣ бутылки Редерера. Все это казалось Женѣ сказочнымъ: такъ не дѣлалъ никто, она сама это выдумала, а отецъ даже не подозрѣвалъ, что дочка рѣшила выйти замужъ.

Она рѣшила это еще на морѣ, гдѣ жили они — няня Миля и она, — и гдѣ долгими солнечными утрами лежала она у воды съ Андреемъ, купалась съ нимъ, послѣ завтрака уходила съ нимъ въ лѣсъ, подъ вечеръ играла съ нимъ въ теннисъ, а послѣ ужина, когда высыпали надъ чернымъ моремъ умытыя, высокія звѣзды, они уходили по бере-

гу, гдѣ въ этотъ часъ уже не было никого, гдѣ легкій вѣтеръ пескомъ засыпалъ ножки пустынныхъ скамеекъ, гдѣ шелестѣло тысячеверстнымъ хвостомъ море и пѣнились водоросли; они уходили далеко-далеко, туда, гдѣ кончались дома, сады, дачи, гдѣ начинался пустынный, широкий берегъ, слегка вѣяло болотцемъ, стонали лягушки и былъ виденъ точный, какъ часы, гигантскій зелено-красный маякъ, отъ котораго гасли звѣзды и по небу бѣжали тревожный лучъ.

Тамъ сажались они на плоскій камень и говорили другъ другу о своей любви, гордо о себѣ и снисходительно о людяхъ. Андрей бралъ ея смуглую руку и ласкалъ отъ пальцевъ къ плечу, ласкалъ губами отъ ладони до подмышки. Они забывали иерархію ласкъ, и для нихъ обоихъ были одинаковымъ безуміемъ долгій поцѣлуй въ губы, или объятіе, или пожатіе руки. Въ полуснѣ, прерываемомъ тихими словами, отъ которыхъ порою больше кружилась голова, чѣмъ отъ объятій и движеній, они сидѣли долго; иногда они ложились на песокъ, во мракѣ; она долго не двигалась, пока онъ трогалъ ее, потомъ ея рука, словно неопытное, дерзкое и сильное животное, шла къ нему на грудь, разстегивала ему рубашку у ворота и уходила къ плечу.

Она возвращалась въ бѣлый пансіонъ, увитый розами и глициніями, гдѣ внизу, на широкомъ балконѣ, старые люди въ пиджакахъ и воротничкахъ еще играли въ бриджъ, и поднималась во второй этажъ, гдѣ была ея комната. Рядомъ похрапывала няня. Сладко порозовѣвъ, отмывъ колѣнки, спала Миля, стоимшая жизни ея матерч.

Она легла въ кровать, похолодѣвшими пальцами сжимала подушку и думала о томъ, какъ сложится ея жизнь, будутъ ли они измѣнять другъ другу, будетъ ли у нея ребенокъ. Она вѣрила, что жизнь ея сложится счастливо, что ребенокъ у нея непременно будетъ, — но только послѣ свадьбы, а не теперь — это невозможно, въ этомъ есть что-то неудобное и неприличное. Ей казалось,

что Андрей никогда не сможет любить другую, а она — другого, что никто на цѣломъ свѣтѣ не нуженъ ей, что ей нравится въ немъ все — и глаза его, такого рѣдкаго цвѣта, и волосы, и даже золотой зубъ, который виденъ, когда Андрей хохочетъ; ей нравятся его руки и запахъ этихъ рукъ, этихъ волосъ.

Она засыпала поздно и долго передъ сномъ думала о Ленѣ, сестрѣ, которая старше ея на пять лѣтъ и вовсе на нее непохожа, о Ленѣ, уѣхавшей въ горы, писавшей оттуда одной Милѣ, а ей — ничего, у которой была своя жизнь, и которой нельзя было признаться, что она, Женя, любовница Андрея, несмотря на давнюю близость къ ней, на большую нѣжность, потому что Лена — особенная: она расхохочется на такое признаніе и сама о себѣ не скажетъ ничего.

Шампанское было розлито, и Саша, все еще не находя себѣ мѣста, поставилъ бутылку на столъ.

— Что вы надѣлали! — вскричала Женя. — Вы насъ чуть не убили и пробили потолокъ.

Она схватила со стола салфетку и вытерла лицо, на которое попали брызги вина, Андрей собиралъ куски упавшей штукатурки.

— Пойдите и посмотрите, что они тамъ дѣлаютъ, — сказала горничная, выходя изъ гостиной, — они испортиятъ мебель, изгадятъ стѣны. Я ни за что не отвѣчаю.

Няня осторожно вышла изъ дѣтской и подошла къ дверямъ гостиной.

— Няня, Миля, выходите, такъ и быть, выпейте. Я замужъ выхожу.

Женя налила въ свой уже пустой бокалъ немного вина и понесла его черезъ комнату.

— Господь съ тобой, какія ты глупости говоришь.

— Нѣтъ, это правда.

— За кого же, Женичка?

— А вотъ за него.

— А что же скажетъ палочка?

Женя вернулась, кинулась въ кресло и закрыла глаза. Въ это мгновеніе Саша почувствовалъ на своей рукѣ руку Лены.

— Поставьте мой стаканъ, — сказала она, и вмѣстѣ съ теплотой ея руки онъ почувствовалъ въ ладони гладкій холодъ стекла.

Въ теплотѣ этой было что-то звѣриное; и въ формѣ руки было что-то не совсѣмъ обычное, какая-то двойственность, замѣтная сразу. Пальцы были длинны и изящны, ровны, съ отточенными, не очень длинными, не острыми ногтями, они были женственны, имъ шло темное старинное кольцо. Ладонь же была лапой какого-то бархаганаго, благороднаго животнаго, она была плотна, тепла, съ ясно ощутимыми, нѣжными буграми, она была мягка и тяжела, какъ бываетъ мягка и тяжела не рука, но лапа. Саша поставилъ пустой стаканъ на столъ и снова вернулся къ этой рукѣ, и вдругъ самоувѣренная небрежность ея поразила его.

— Коричневая, толстая перчатка, — сказалъ онъ. — У васъ есть такая перчатка?

Она вдругъ открыла ему свои глаза, синевато-сѣрые, небольшіе, какъ и у Жени, и Саша замѣтилъ, что она сидитъ рядомъ съ нимъ, очень близко, что, въ сущности, они какъ бы вдвоемъ въ комнатѣ.

— Я узнала васъ сразу, когда вошла, — сказала Лена. — Тогда вы стояли у окна магазина. Когда смотришь на карты, хочется уѣхать куда-то, правда? Еще лучше — витрины пароходныхъ компаній съ макетами Мажестиковъ, съ цвѣтными плакатами.

Онъ сказалъ быстро:

— Это игрушки для взрослыхъ.

— Да. Однажды папа привезъ намъ въ подарокъ изъ Гамбурга, въ шутку, на мѣловой бумагѣ красный островъ въ зеленой водѣ съ надписью: «Сыграйте въ гольфъ на островѣ Робинзона».

— Пожалуй, не стоитъ и ѣхать?

— Доѣзжать не стоить, а ѣхать стоить. Холщевая кашка на палубѣ, вѣтеръ, бросающій въ лицо концы шапфа — своего или чужого... А увидѣвъ островъ Робинзона съ бритвами жилеть, съ горчицей и подтяжками — сейчасъ же обратно!

Она ни разу не улыбулась. Русые волосы ея были коротко острижены, носила она ихъ на косой проборъ, закладывала за уши, что придавало ея лицу жесткость и юность. У нея были удивительныя, тонкія, какъ шнурочки, брови и густыя рѣсницы, придававшія глазамъ лиловатый оттѣнокъ. Вотъ все, что замѣтилъ Саша. Ему показалось страннымъ, что внѣшность ея онъ разглядѣлъ послѣ того, какъ говорилъ съ нею, слышалъ ея голосъ, послѣ того, какъ его рука чувствовала ея руку.

Она отодвинулась и стала чужой, закурила — и вдругъ, какъ-бы пропала для Саши. Было такъ, словно она существовала лишь до тѣхъ поръ, пока сама держала его въ своихъ мысляхъ. Онъ опять получилъ возможность видѣть Женю, Андрея, который сейчасъ особенно ему нравился, у котораго отъ выпитаго вина оживилось лицо и сквозь полуоткрытыя губы видѣлась бѣлая, узкая полоска зубовъ.

Какъ легко было полюбить и любить эту Женю! Какъ легко полюбить кого-то, кому девятнадцать лѣтъ, кто еще не сдѣлалъ себя, самъ себя не видитъ, къ кому ведетъ прямая дорога, и нѣтъ рогатокъ, сквозь которыя такъ трудно пробиться къ сердцу человѣка: нѣтъ боязни того, что тебя сравнятъ съ кѣмъ то, уже надоѣвшимъ и канувшимъ въ небытіе, что пѣходя предадутъ; и слово твое, и жестъ воспринимаются съ простотой впервые слышаннаго и видѣннаго. Нѣтъ ревности, темныхъ, обидныхъ подозрѣній; на этой дорогѣ, въ этомъ разрѣженномъ, прозрачномъ воздухѣ, какъ увѣренно, какъ счастливо можно любить... А если ей двадцать четыре?

Саша старался нѣсколько мгновений удержаться въ спасительной сосредоточенности. Ленѣ — двадцать четыре

Да вѣдь до нея никогда, никогда не дотянешься! Богъ знаетъ, какая она — самостоятельная, разсѣянная, плѣнительная, далекая; тутъ измучишься, пока разгадаешь все, пока заставишь слушать себя, смотрѣть тебѣ въ глаза. Молчить и не двигается, но кажется, будто она чувствуетъ себя хозяйкой и въ домѣ этомъ, и въ городѣ этомъ, и въ цѣломъ мѣрѣ, хотя гости не у нея, у Жени.

Въ углу зашелестѣлъ граммофонъ; Лена курила, сидя въ креслѣ. Быть можетъ, отъ вина, быть можетъ, отъ смущенія, Сашѣ вновь почудилось, что она приближается къ нему оттого, что думаетъ о немъ. Онъ остро ощутилъ это приближеніе — онъ уже ни о чемъ не могъ думать, какъ только о ней. Ему казалось, что она словно притягиваетъ его къ себѣ мыслями о немъ, не давая ему возможности обороняться, и онъ весь попадаетъ къ ней въ плѣнъ, гдѣ не остается мѣста ни Андрею, ни Женѣ, ни остальной жизни. Въ этой безвыходности, въ непротивленіи ей, возникало блаженство.

— Не надо искать новой земли, необитаемыхъ острововъ, — заговорила она опять, не глядя на него. — Само путешествіе лучше всякой цѣли путешествія, по-моему. Большой океанскій пароходъ — вотъ новая земля и, если хотите, необитаемый островъ. Тамъ, какъ сонъ во снѣ, можетъ начаться и закончиться жизнь въ жизни.

— Вы бы уѣхали сейчасъ? — спросилъ Саша, стараясь встрѣтиться съ ея глазами, зная навѣрное, что она скажетъ «да» и уже мучась этимъ.

— Сейчасъ? Нѣтъ, ни за что. Для этого надо выбрать время, чтобы ни о чемъ не жалѣть, что оставляешь. Сейчасъ развѣ что — на парусной лодкѣ по озеру.

Она улыбнулась въ первый разъ, оборотивъ къ нему немного блѣдное, нѣжное лицо, и онъ увидѣлъ ея большой, красный ротъ и рядъ зубовъ, блестящихъ и крѣпкихъ въ ярко алыхъ деснахъ. Одинъ изъ верхнихъ рѣзцовъ былъ чуть короче другого.

Теперь онъ зналъ ея улыбку, ея голосъ, ея руку, ея ли-

цо. Онъ закрыль глаза и не могъ себѣ представить ее: она опять скрылась куда-то. Она встала и подошла къ граммофону, и, ставъ рядомъ съ Женей, заговорила съ Андреемъ.

За окномъ была ранняя городская ночь, хотя было всего семь часовъ. Въ столовой горничная безшумно накрывала на столъ, но было видно сквозь стеклянныя двери и тонкія шелковыя занавѣски, какъ ходитъ она вокругъ стола. Саша поднялся, Андрей прощался. Сашѣ показалось, что не прошло и минуты, какъ оба были уже на лѣстницѣ — все произошло такъ стремительно. Онъ былъ охваченъ одной мыслью: увидѣть, наконецъ, Лену всю, во весь ростъ, рядомъ съ собой. Это случилось на одно мгновение, когда онъ прощался съ Женей. Онъ увидѣлъ, что она высокая, почти одного съ нимъ роста, широкая въ плечахъ и прямая. «Вѣроятно — ракета ея, — мелькнула мысль. — Запястье ея могло быть тоньше. Я никогда не смогу ее поднять». И вдругъ дверь захлопнулась, и мгновенно отступили безумныя мысли, Саша, освобожденный, ринулся внизъ, за Андреемъ, налегая на перила. Но въ самомъ низу онъ понялъ, что освобожденіе было мнимымъ, что это только передышка. На дворѣ былъ мракъ.

То, что Андрей шелъ рядомъ съ нимъ, усиливало его смущеніе: Андрей напоминалъ ему о Женѣ, которую онъ едва замѣтилъ. Нѣтъ, конечно, онъ въ точности разсмотрѣлъ ее и могъ бы узнать ее на улицѣ, не то что ту, другую; ту онъ узналъ бы, кажется, только если бы она сама того захотѣла. И все-таки ему казалось, что онъ поступилъ постыдно, выпустивъ изъ своего вниманія Женю, онъ долженъ былъ сдѣлать попытку приблизиться къ ней — и она, и Андрей, вѣроятно, этого ждали, а онъ вмѣсто того выпилъ на пустой желудокъ три бокала шампанскаго. и во рту у него теперь приторно-металлическій вкусъ.

Онъ старался представить себѣ Женю, ея внѣшность, ея голосъ, представить ее рядомъ съ Андреемъ, въ его объятіяхъ. Она нравилась ему, пожалуй, онъ могъ бы любить ее, какъ любилъ Катю, на долгіе годы, на всю

жизнь, проводить съ ней вечера, видѣть ее изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ, слѣдить, какъ становятся они одно съ Андреемъ; Катя и Женя, при всей нелѣпости этого сопоставленія, сближались въ его воображеніи черезъ это чувство. Женя, вѣроятно, была лукавѣе, Катя — вѣрнѣе, но вѣдь и Андрей совсѣмъ не походилъ на Ивана; Андрей иначе любилъ, и его, конечно, должны были любить иначе, и жизнь передъ нимъ была иная. «Неужели въ этомъ году двѣ свадьбы?» — пронеслось безъ всякой связи у Саши въ головѣ.

Опять обѣдалъ, какъ всегда, на своемъ обычномъ мѣстѣ. Здѣсь пахло жареной рыбой и чѣмъ-то кислымъ — хотя ресторанъ былъ чистый, и подавалъ человекъ въ бѣломъ, до полу, фартукъ, и бумага на столѣ лежала безукоризненная. Катя ѣла ростбифъ и дѣлилась картофелемъ съ Иваномъ, который отдалъ ей свой салатъ.

— Гдѣ ты былъ? — спросилъ Иванъ.

— У Андрушиныхъ знакомыхъ.

— Завтра тебѣ примѣрять у портного, — сказала Катя, — обрати вниманіе, чтобы наверху спины не западало.

Послѣ обѣда они пошли къ набережной. Они пошли вдвоемъ, Саша и Катя, у обоихъ были свои мысли. Вечеръ былъ сухъ и вѣтренъ.

— Ты опять домой? — заговорила Катя, — что-то ты тихій сталъ какой-то. Тебѣ бы огорченіе какое-нибудь пережить, ей-Богу! Ты не скучаешь?

— По огорченіямъ?

— Я все думаю послѣднее время: хорошо бы тебѣ понасть въ какую-нибудь передѣлку. Райскій ты какой-то. Ты не ври мнѣ, что это только снаружи, а внутри — буря и натискъ. Я вижу: и внутри ты райскій. А впрочемъ — учись.

— Педагогъ. Много вздору говоришь.

— Тебѣ бы по веревочной лѣстницѣ въ седьмой этажъ полѣзть, и что бы тебя оттуда спихнули. Понимаешь?

— Теперъ этого не бываетъ. Не спихиваютъ, да и не

лѣзуть. Она сама сходитъ внизъ по парадной лѣстницѣ и ведетъ въ ближайшіе номера.

— Наглый ты. Развѣ въ этомъ дѣло? Ну и пусть ведетъ — вѣдь это по настоящему ничего не облегчаетъ; только видимость одна. По настоящему если, такъ это, можетъ быть, еще труднѣй.

Онъ усмѣхнулся разсѣянно.

— Ты не думай, жизнь штука не простая. Если такъ будешь думать, она тебѣ отомститъ — и не очухаешься. Чтобы проучить, поставитъ тебя въ такую позицію, что ты забудешь, какъ папу-маму звали. Жизнь штука сложная.

— Хватить, Катя. Лучше помолчи.

— Я-то помолчу. А ты мнѣ вѣрь, вѣрь все-таки.

Они свернули.

«Нѣтъ, я никогда не смогу поднять ее; — опять подумалъ Саша. — Она слишкомъ тяжела и въ бальномъ, открытомъ платьѣ она, навѣрное, кажется дамой, много старше своихъ лѣтъ и, значить, старше меня». Онъ вернулся домой и сейчасъ же сѣлъ заниматься. Книга Бартэна была раскрыта, онъ два раза прочелъ то мѣсто, на которомъ остановился, и жизнь показалась ему отодвинутой на тысячи верстъ.

Объ этой главѣ, о доводахъ фонъ-Бара, говорилъ онъ съ Жамье въ прошлую пятницу. Каждая пятница давала ему толчекъ къ работѣ, онъ возвращался домой отъ профессора въ состояніи равновѣсія и ясности и обычно до поздней ночи не ложился, занимаясь. Эта глава Бартэна, надъ которой Саша сейчасъ работалъ, имѣла прямое касательство къ диссертациі, которую онъ готовился защитить весной. Послѣ того, какъ былъ сданъ докторатъ и Саша вмѣстѣ съ Андреемъ (и, конечно, вторымъ), былъ особо отмѣченъ Жамье, дальнѣйшая Сашина судьба опредѣлилась окончательно: послѣ защиты диссертациі (въ томъ, что она будетъ защищена безукоризненно, онъ не сомнѣвался), Саша долженъ былъ поступить сотрудникомъ въ кабинетъ крупнаго международнаго адвоката.

Это былъ близкій другъ Жамье еще по Лилльскому университету, но когда ихъ видѣли вмѣстѣ, трудно было повѣрить, что громоздкій старикъ съ обвислыми щеками, чернозубый, съ зеленой сѣдиной и цѣлой сѣтью угрей подъ ухомъ, былъ молодъ тогда же, когда и высокій, перетянутый въ талии, прямоносый, съ сѣдыми висками и сухими руками адвокатъ, въ рубашкѣ отъ Шарве, обладатель автомобиля, кокотки, особняка. Онъ принялъ Сашу съ литературной любезностью, въ теченіе десяти минутъ переходилъ въ разговоръ съ французскаго языка на англійскій и съ англійскаго на нѣмецкій. И когда Саша вышелъ отъ него, ему вспомнились ночныя драки Иванс, непочтенная мать, исколотые, почернѣвшіе пальцы Кати.

Стараніями Жамье онъ попадалъ на постоянное мѣсто съ хорошимъ окладомъ, съ большимъ будущимъ, выплывалъ въ дѣловую европейскую жизнь. Свою специальность — частное международное право — онъ выбралъ сгоряча, пошелъ безъ оглядки за Андреемъ; съ тѣхъ поръ горячность эта превратилась въ прочную привязанность, въ которой онъ жилъ, какъ въ своемъ, особомъ воздухѣ, быть можетъ, немного душномъ для другихъ, но ему необходимомъ.

Дѣтскость окончателно стала исчезать изъ Сашинаго лица въ прошломъ году, когда онъ готовился къ докторату. Это было время большого возбужденія, влюбленности въ Жамье, въ собственное будущее. Дѣтскость исчезла, но замѣнилась новой мягкостью, уже болѣе зрѣлой. Онъ былъ не красивъ, и однако лицо его было изъ тѣхъ, которыя запоминаются: у него были широко разставленные, зоркіе глаза, смугловатое, худощавое лицо, высокій лобъ, темныя, тщательно зачесанные волосы на правильной, крупной головѣ. Носъ его былъ нѣсколько великъ, съ неодинаково вырѣзанными ноздрями и хрящеватъ, губы толстоваты и подвижны. Онъ былъ высокъ, но небрежно сложенъ. Отъ роста онъ слегка сутулился, хотя умѣлъ, особенно, когда это было нужно, держаться хорошо.

сдержанно и смирно, въ движеніяхъ произвольно копируя Жамье, его походку, его смѣхъ, его манеру класть лѣвую руку на правое колѣно, отставляя далеко указательный и большой пальцы, и странно сказать — эти старческіе жесты шли ему.

Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ, размышляя надъ книгой, потомъ досталъ записки въ темно-зеленой папкѣ и сталъ писать; мысли его были ясны, въ домѣ было тихо за стѣной, у сосѣда, кто-то звенѣлъ ложкой въ стаканѣ: онъ работалъ довольно долго, подъ конецъ усталъ и захотѣлъ спать такъ стремительно, что заторопился лечь. На столикѣ онъ увидѣлъ Катину клеенчатую тетрадь, она напомнила ему ту ночь, когда онъ, просыпаясь, съ пересохшимъ горломъ, летая и падая, бормоталъ стихи. Эта ночь показалась ему счастливой и мысль о стихахъ безгрѣшной. Отъ этого воспоминанія сонъ на нѣкоторое время пропалъ. Саша потушилъ свѣтъ и подумалъ, что въ жизни его сегодня днемъ что-то произошло, чего лучше бы не было. Лучше бы вернулась къ нему Жанна съ ея порочной добродѣтелью, чѣмъ было ему встрѣчать своевольную, самоувѣренную барышню, прижавшую къ его рукѣ свою руку.

Онъ сталъ думать о Ленѣ, и увидѣлъ, что слишкомъ еще мало испыталъ, чтобы принимать какія-нибудь рѣшенія на ея счетъ. Она была у него въ мысляхъ, вѣрнѣе — не она: онъ почти не могъ себѣ ее представить, такъ мало онъ ее видѣлъ, въ мысляхъ былъ онъ самъ со своею новой тревогой. На мгновеніе онъ вдругъ забылъ ея имя. Онъ перебиралъ начальныя впечатлѣнія: нѣкоторыя изъ нихъ обладали странной, безвольной расплывчатостью это онъ замѣтилъ еще тамъ, у Шиловскихъ; нѣкоторыя, наоборотъ, были такъ остры, такъ жгучи. Онъ заснулъ, самъ того не замѣтивъ, и не шевелясь, едва слышно дыша, въ крѣпкомъ снѣ проспалъ всю ночь.

Н. Берберова.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Злая вѣчность *)

14. Вѣдьма торгуетъ галантереей.

Утромъ онъ проснулся съ головою болью, которой онъ былъ подверженъ и которая всегда слѣдовала за кошмаромъ. Сегодня въ его кошмарѣ было что то особенно мучительное. Припоминая хаотическіе и уродливые образы ночи, онъ вдругъ понялъ, что образы эти до мелочей совпадали съ чудовищными картинами въ комнатѣ библіотекаря.

До обѣда князь никуда не пошелъ, сказавъ себѣ, что излишней торопливостью можно только испортить дѣло. Въ дѣйствительности, охваченный любовными мечтами, онъ не хотѣлъ и не могъ думать объ этой антикварной лавкѣ.

Madame Meterrу, пришедшая убирать комнату, нашла своего жильца въ очень странномъ состояніи. Подумавъ, что онъ, не находя занятія, скучаетъ, она позволила себѣ замѣтить, что князь хорошо бы сдѣлалъ, пойдя теперь на базаръ — а сегодня какъ разъ воскресенье — и купивъ себѣ носки. Вѣдь у него всего двѣ п. ры, изъ которыхъ одна окончателъно расплзлась.

Услыхавъ, что нынче воскресенье, князь переполошился.

— Какъ? — вскричалъ онъ, — воскресенье? Такъ стало быть магазины заперты?..

Madame Meterrу начала его успокаивать. Носки гораздо лучше купить не въ магазинѣ, а у торговки на базарѣ: то же качество вдвое дешевле.

*) См. «Соврем. Записки» кн 48.

Но князь думалъ не о носкахъ. Отсрочка обрадовать его. «Ожиданіе чудесная вещь, — сталъ онъ самъ передъ собою въ этой радости оправдываться. — Я постараюсь какъ можно пріятнѣе провести мой послѣдній свободный день».

Однако, хозяйка настаивала, давая указанія какіе именно носки всего практичнѣе будетъ купить: не шерстяные, — тѣ дороги, да и носятся хуже, — а *demi-laine*. Превосходнаго качества носки. Ея покойный мужъ другихъ не носилъ.

Князю очень не хотѣлось идти, но видя, что она не отстанетъ, онъ рѣшилъ преодолѣть внушаемую ему базарными торговками робость и отправился.

Площадь была заставлена палатками, въ которыхъ продавались всевозможные товары, отъ паренной свеклы до щипцовъ для завивки волосъ.

Князь всегда очень страдалъ, когда приходилось такъ или иначе, принимать участіе въ дѣйствительной жизни. Но въ тотъ день, когда душа его была — какъ онъ называлъ это — переполнена музыкой любви, онъ страдалъ особенно. Торопясь какъ можно скорѣе покончить съ неприятной обязанностью, остановился онъ у палатки съ галантерейнымъ товаромъ и бѣльемъ. Спѣшно выбралъ пару носковъ и попросилъ завернуть.

— *Ce sera trop petit pour vous*, — грубымъ, совершенно мужскимъ голосомъ сказала торговка.

Пораженный этимъ голоеомъ, князь посмотрѣлъ на нее и прямо-таки испугался. Торговка, дѣйствительно, была на рѣдкость страннаго вида. Князь давно обратилъ вниманіе на то, что бородатая женщины составляютъ одну изъ особенностей этого города. Онъ былъ даже увѣренъ, что каждая его обитательница, достигнувъ извѣстнаго возраста, пріобрѣтала это украшеніе, вообще говоря прекрасному полу не совсѣмъ свойственное. Но такой бороды, какая была на лицѣ этой торговки, онъ, по крайней мѣрѣ у женщинъ, еще не видалъ. Борода была густая,

что называется, окладистая, съ сильной просѣдью, и, раздвигаясь, окончивалась двумя небольшими бачками. Хуже же всего было еще то, что на головѣ старухи торчала кружевной чепецъ. Этимъ чепцомъ она какъ будто хотѣла показать, что *malgré tout* — несмотря даже на бороду — она остается женщиной.

Торговка сладко и игриво улыбнулась князю. «Женская» улыбка на бородатомъ лицѣ — это надо видѣть, чтобы понять. Князь покраснѣлъ при мысли, что, быть можетъ, бѣдная старуха замѣтила отвращеніе, которое она внушала. Но та поняла его смущеніе иначе. Она попросила его дать свою руку, чтобы смѣрить, впору ли ему придется носокъ. Князь протянулъ. Охватывая его сжатый кулакъ носкомъ, она — или это только показалось? — она нѣжно пожала его руку. Избѣгая смотрѣть на нее, весь багровый, князь схватилъ пакетъ и хотѣлъ уже уходить, но раньше, чѣмъ торговка успѣла чтонибудь сказать, вспомнилъ, что не заплатилъ и началъ извиняться.

— *Pas de mal, pas de mal!* — принимая деньги, сказала торговка. И вдругъ прибавила: — *C'est dans la rue de St. Pélérin que vous habitez?*

Тутъ только князь замѣтилъ, что у старухи безпокойные, шупающіе какъ пальцы глаза. Сердце его тяжело замерло. Чувствуя, даже на нее не глядя, что глаза ея шарятъ по его лицу, онъ пробормоталъ свой адресъ и, забывъ проститься, отошелъ. Отойдя, сейчасъ-же подумалъ, что сдѣлалъ глупость. «Какъ же было не сказать, когда она спрашиваетъ?.. Простая учтивость»... утѣшалъ онъ себя и все-таки чувствовалъ, что сдѣлалъ ужасный непоправимый промахъ.

15. Романтика любви.

Князь вернулся домой. Здѣсь снова охватила его любовная атмосфера его комнаты и онъ до вечера, лежа на кровати, промечталъ. Въ сумерки всталъ, привелъ себя

въ порядокъ и вышелъ побродить по городу. Онъ любилъ этотъ часъ, когда изъ оконъ выглядываютъ старушечьи головы въ чепцахъ, по дворамъ играютъ вернушіяся изъ школы дѣти и старый зажигальщикъ медленно проходитъ по улицамъ, неся, какъ древко невидимаго знамени, свою длинную полку и разбрасывая въ темноту блѣдные огни газовыхъ фонарей.

Въ этотъ вечеръ мирная картина подѣйствовала на князя еще сильнѣе. Ему было хорошо, какъ никогда, особенно хорошо потому, что вотъ все по-прежнему, все всегдашнее: и старый зажигальщикъ, и дѣти во дворахъ, и первые загоравшіеся на землѣ и на небѣ огни. Только онъ одинъ — не прежній, только его ждетъ огромное, небывалое счастье.

Онъ вошелъ на мостъ. Остановившись, облокотился о перила. Въ густѣющихъ сумеркахъ старый соборъ, аббатство и церковь св. Петра, чуть свѣтлѣе неба и рѣки, казались бѣлесоватыми призраками. Впереди узкій горбатый мостикъ и его отраженіе смыкались въ кольцо. И вверху этого кольца, по самой серединѣ мостика, и внизу въ водѣ горѣло по одному зеленому огню. Во всемъ этомъ была его любовь.

Князь оглянулся на стоявшую за нимъ посрединѣ моста статую родившагося въ этомъ городѣ ученаго-натурлиста. Ученый былъ видный мужчина и стоялъ въ красивой самоувѣренной позѣ. А у его ногъ, на пьедесталѣ барельефомъ была изображена мертвая маленькая птичка. Князь началъ думать о нихъ обоихъ: объ этомъ ученомъ и о птичкѣ. Ученый посадилъ птичку подъ стеклянный колпакъ и выкачалъ изъ-подъ него воздухъ. Этимъ онъ убилъ ее. Вотъ все, что онъ сдѣлалъ. За это ему поставили памятникъ. Онъ занимался какимъ-то вопросомъ о роли кислорода. Птичка была нужна емя для опыта. Бѣднякъ, — съ сожалѣніемъ подумалъ князь, — онъ не зналъ, что птичка важнѣе кислорода, что кислородъ даже совсѣмъ не важенъ. Онъ усмѣхнулся. Какое, въ сущности, ему дѣ-

ло до ученаго, до птички и до кислорода. Онъ будет думать о ней одной и о предстоящемъ.

Князю не хотѣлось итти домой. Это состояніе воздушной, почти невѣсомой и вмѣстѣ страстной влюбленности было такъ плѣнительно. По пѣшеходному мостику онъ вернулся обратно. Ему захотѣлось какимъ нибудь внѣшнимъ образомъ ознаменовать свою любовь. Быстрымъ, молодымъ шагомъ поднялся онъ въ новый городъ и зашелъ въ первый попавшійся цвѣточный магазинъ. Продащица была молодая дѣвушка съ курчавой стриженной головой. Князь съ удовольствіемъ подумалъ, что, вѣрно, она догадывается, для чего онъ покупаетъ цвѣты.

Но она, очевидно, не догадывалась. Видя нерѣшительность князя въ выборѣ цвѣтовъ, она озадачила его вопросомъ, не надгробный ли вѣнокъ онъ желаетъ заказать.

Князь едва не разсердился. Но онъ былъ такъ счастливъ, что даже безтактный вопросъ этотъ готовъ былъ простить. Улыбаясь, онъ отвѣтилъ, что, совершенно напротивъ, желалъ бы выбрать красивый букетъ въ подношеніе одной молодой особѣ.

— Такой же молодой и прелестной, какъ вы, — прибавилъ онъ краснѣя.

Дѣвица засмѣялась и въ оправданіе себѣ замѣтила, что рѣдко кто покупаетъ у нихъ цвѣты для живыхъ, большей частью ихъ кладутъ на могилы. Тѣмъ болѣе, что послѣзавтра — *jour des morts*.

Рѣшительно у нея было мрачное умонаклоненіе. Но князь ему не поддался. Онъ долго, съ особеннымъ удовольствіемъ выбиралъ цвѣты, говоря о значеніи каждаго изъ нихъ. Дѣвицѣ его разговоръ, видимо, нравился. Наконецъ, общими силами, они составили букетъ, князь заплатилъ и счастливый, на 10 лѣтъ помолодѣвшій, съ завернутыми въ папиросную бумагу цвѣтами, отправился домой. По дорогѣ онъ вспомнилъ, что завтра, въ понедѣльникъ, парикмахерская месьѣ Жоржа будетъ заперта, забѣжалъ къ нему и попросилъ его возможно тщательно

выбрить ему щеки, «чтобы не кололись», прибавилъ онъ съ игривой улыбкой. Месьё Жоржъ, видя совершенно новое настроеніе своего всегда сдержаннаго кліента и принявъ въ соображеніе также и цвѣты, выбрилъ его очень скоро и безукоризненно. Беря деньги и потомъ отворяя дверь, онъ нѣсколько разъ пожелалъ князю *bonne chance*.

Князь спустился къ рѣкѣ.

16. Вторая смерть.

Онъ шелъ по набережной подъ липами, когда его окликнулъ какой-то сидѣвшій на скамейкѣ человекъ:

— *Monsieur le prince!*

Князь оглянулся. Это былъ бібліотекаръ.

— Куда вы направляетесь, дорогой князь? Да еще съ цвѣтами!

Князь смутился.

— Я.. такъ себѣ брожу... А эти цвѣты...

— О, не трудитесь объяснять! — засмѣялся старикъ — Вы думаете, я не былъ въ вашемъ положеніи? Ну, полноте, полно-те! Развѣ я не понимаю? Хотя... сказать вамъ по правдѣ, мнѣ кажется, что для иныхъ дамъ метла какъ то приличнѣе цвѣтовъ. Я имѣю въ виду, что метла можетъ пригодиться по хозяйству. Не примите, впрочемъ, на счетъ вашей дамы. Къ тому же не имѣю чести и знать. Увѣренъ, что *délicieuse*. А о метлѣ я упомянулъ, собственно, потому, что видѣлъ сегодня одну торговку... Ну, совершенная, понимаете, вѣдьма.

— Какъ, и вы ее видѣли? — озадаченно спросилъ князь.

— То-есть какъ это «и я»? Кто-же еще ее видѣлъ?

— Нѣтъ, я такъ... — спохватился князь. — Меня только удивляетъ, почему эти цвѣты навели васъ на мысль о какой то старой торговкѣ.

— Странная ассоціація идей, не правда ли?

За темнотою князь не могъ видѣть, но какъ-то почувствовалъ, что, говоря это, библиотекарь, своимъ быстрымъ движеніемъ ящерицы, облизалъ себѣ губы.

— А жаль, князь, право жаль, что у васъ нынче совсѣмъ другое на умѣ, — сказалъ онъ, мѣняя тонъ. — Признаться, я чувствую большую охоту продолжать нашъ разговоръ.

— Я очень радъ! — вскричалъ князь. — Мнѣ... мнѣ рѣшительно некуда спѣшить.

— Въ самомъ дѣлѣ? Присаживайтесь въ такомъ случаѣ. Да и правда: куда вамъ спѣшить? Вся ночь впереди. — Онъ засмѣялся.

Князь сѣлъ.

— А я думалъ, что ваши интересныя гипотезы исчерпываются тѣмъ, что вы мнѣ тогда рассказали, — сказалъ онъ, игнорируя намекъ.

— Исчерпываются? — вскричалъ библиотекарь. — Но вѣдь это было только введеніе, князь. Небольшой экскурсъ въ область исторіи даннаго вопроса. Вѣдь я еще ни слова не говорилъ вамъ о томъ, какія перспективы наша проблема открываетъ въ будущемъ.

— Неужели вы думаете, что безсмертіе, дѣйствительно, достижимо? Или... или я плохо васъ понялъ?

— Вы совершенно правильно меня поняли.

— Если это такъ... Если только это дѣйствительно такъ и вы не шутите...

— Увѣряю васъ, что я совсѣмъ не склоненъ шутить. Я, напротивъ, съ полной серьезностью хотѣлъ бы продолжить мое изложеніе, — сухимъ тономъ стараго педанта прибавилъ библиотекарь.

— Я готовъ слушать васъ хотя бы до послѣзавтра!

— Будто? Но ваши цвѣты? За такой срокъ они совсѣмъ завянутъ. А знаете ли, князь, что любовь, можетъ быть, не долговѣчнѣе цвѣтовъ. Такъ мнѣ кажется. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе. Признаюсь вамъ, я предпочелъ бы имѣть васъ совершенно свободнымъ.

— Имѣть? — переспросилъ князь.

— Да. Васъ удивляетъ? Но развѣ вы не чувствовали съ самаго начала, что у меня на васъ виды.

— Можетъ быть, — пробормоталъ князь.

— А! тѣмъ лучше! Но давайте продолжать. Мы договорились съ вами, что въ исторіи развитія человѣческой мысли проблема безсмертія неоднократно ставилась. 19-ый вѣкъ далъ въ этомъ направленіи чрезвычайно много попытокъ. Чѣмъ же, спрашивается, объяснить ихъ постоянную неудачу? Случайностью? Не нашли еще нужныхъ химическихъ реагентовъ? О, нѣтъ, причина гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что работа надъ омолаживаніемъ организма, борясь со старостью и болѣзнями, ученые 19-го вѣка наивнѣйшимъ образомъ игнорировали одинъ маленькій пунктъ: душу. Между тѣмъ, душу омолодить нельзя. Съ нею вообще нельзя экспериментировать. Побѣда надъ старостью и болѣзнями, несомнѣнно, будетъ достигнута. Это вопросъ времени, можетъ быть, даже ближайшаго. Но смерть... смерть другое дѣло! Вѣдь старость и болѣзни не причины смерти, а только ея спутники. Лишившись спутниковъ, она по существу не измѣнится. Сущность смерти есть выходъ души изъ тѣла, которому никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ помѣшать не удастся. Но имъ, самымъ этимъ выходомъ, можно и должно умѣло воспользоваться. Вотъ та простая мысль, которая легла въ основу работъ одного изъ геніальнѣйшихъ нашихъ современниковъ. Я не назову его имени, князь: оно вамъ пока не нужно. Ограничусь тѣмъ, что скажу: я не только лично съ нимъ знакомъ, но имѣю честь считать себя его другомъ. Все, что я до сихъ поръ сообщилъ вамъ — его мысли, записанныя мною съ его собственныхъ словъ. Но продолжаю. Душа — разсуждаетъ дальше этотъ... этотъ докторъ (будемъ его такъ называть) — душа для нашихъ цѣлей не необходима. Намъ нужно тѣло, которое она оставляетъ. Отъ насъ зависитъ сдѣлать его настолько сильнымъ и жизнеспособнымъ, чтобы оно могло продол-

жать свое существованіе безъ души. Что это возможно — доказываютъ извѣстные медикамъ факты раздвоенія личности, представляющіе именно такое — временное правда — отдѣленіе души отъ тѣла, при чемъ тѣло сохраняетъ всѣ свои жизненные функціи. Совершенно то же мы имѣемъ въ цѣломъ рядѣ телелатическихъ и медиумическихъ явленій...

Князь слушалъ съ мучительнымъ безпокойствомъ. Онъ слушалъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ спѣшить застигнутый ночью въ незнакомомъ мѣстѣ. Итти остается не долго. Но темнота сгущается и сбиваетъ съ дороги.

— Что же получится въ результатѣ такого расщепленія? — спросилъ онъ недоумѣвая. — Автоматъ, который будетъ ѣсть, пить, спать. Можетъ быть даже... любить?

— Непремѣнно.

— Автоматъ, обладающій всѣми низшими функціями?

— Почему же только низшими, — удивился библиотечарь. — Если желудокъ его будетъ переваривать пищу, глаза — видѣть, уши — слышать, то нѣтъ причины, почему мозгъ его не сможетъ исполнять своего назначенія. Напротивъ. Здоровый, молодой организмъ функционируетъ, какъ извѣстно, лучше, чѣмъ дряхлый и больной. Мыслительныя способности этого новаго человѣка — этого автомата, какъ вы презрительно назвали — несомнѣнно превзойдутъ наши.

— Какая же разница съ телерешнимъ состояніемъ?

— О, огромная. Душа приноситъ организму чрезвычайно много вреда. Психическія, моральныя страданія развѣ они не страшнѣ тѣлесныхъ? А затѣмъ всѣхъ этихъ сомнѣній, вѣчныхъ исканій, неудовлетворенности и раздвоенности не будетъ. Подумайте, какой запасъ энергіи, бесполезно расходуемой на борьбу съ душой, освободится и послужитъ къ развитію всѣхъ способностей, прежде всего, конечно, интеллектуальныхъ. Итакъ, жизнеспособное, сильное тѣло — вотъ первый этапъ. Подготовку тѣла — по мнѣнію доктора — желательно начинать за

долго до смерти, съ дѣтства субъекта, съ которымъ экспериментируешь, или съ ранней его молодости. Тутъ, прежде всего, слѣдуетъ твердо помнить, что банальная формула — «въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа» никуда не годится. Многое, что полезно для тѣла, вредно для души и наоборотъ. Это какъ разъ даетъ могущественное средство въ руки экспериментатора, позволяя приступить къ тому, что докторъ обозначаетъ терминомъ «вытравленіе душъ».

— Вытравленіе душъ? — переспросилъ князь.

— Да. Умерщвленію плоти тамъ, здѣсь съ противопоставляется умерщвленіе души: аскеза на выворотъ, если угодно.

— А дальше? — спросилъ князь. — Вѣдь это еще не все?

Библіотекаръ нѣсколько секундъ неподвижно и молча глядѣлъ на князя.

— Это не все, — повторилъ онъ растягивая слова.

— Что же дальше?

— Дальше смерть. Вторая. Смерть души. Она должна произойти одновременно со смертью тѣла. А затѣмъ — уже чисто физическими методами — жизненные функции тѣла восстанавливаются. Это вопросъ исключительно экспериментальной техники. Такіе опыты бывали. Необходимо только, чтобы смерть тѣла была скоростижною...

— Вы сейчасъ говорили, что матеріалисты игнорировали душу, — сказала князь. — Но чѣмъ же то, что вы предлагаете, отличается отъ ихъ способствъ?

— Вѣдь я сказалъ вамъ, — тихо, какъ то даже странно, подозрительно тихо отвѣтилъ бібліотекаръ, — душа должна умереть. Вы меня поняли?

— Нѣтъ. Ничего не понимаю. Вы сказали, душа должна выйти изъ тѣла.

— Этого мало. Покидая тѣло, душа не умираетъ. Напротивъ, смертію тѣла она приобщается вѣчной жизни

Той ущербленной, проблематической вѣчной жизни, которую общаетъ намъ церковь. Точно такъ же только смертію души можетъ и будетъ куплено безсмертіе тѣла. То-есть единственно подлинно-реальное. Въ этомъ — въ умерщвленіи души — вся трудность, а не въ воскрешеніи. Воскрешенія бывали и раньше.

— Вы говорите о Лазарѣ и о дочери Іаира? — спросилъ князь.

Библиотекаръ поморщился.

— Нѣтъ. Эти случаи не подходятъ. Я имѣлъ въ виду другое.

— Онъ внезапно оборвалъ и взглянулъ на часы.

— Однако! — вскричалъ онъ, — какъ мы заболтались! Меня ждетъ моя микстура, которую я долженъ принимать ровно въ девять, а васъ, князь, васъ ждетъ нѣчто неизмѣримо болѣе пріятное.

— Подождите! Два слова, — остановилъ его князь. — Вѣдь способъ... тотъ способъ, въ которомъ вся трудность... онъ уже найденъ? Да?

Библиотекаръ довольно долго, не отвѣчая, глядѣлъ на князя. Не просто глядѣлъ, а своими выпуклыми, какъ оптическія стекла, глазами точно въ лупу его разсматривалъ.

— Найденъ, да! — сказалъ онъ, наконецъ, какъ бы убѣдившись, что сказать это теперь уже можно.

— Въ чемъ же онъ состоитъ? И были ли опыты? Вѣдь опытовъ еще не было? Не правда ли? Или были? — Задавалъ эти вопросы князь очень нервно.

— Не спѣшите, дорогой, — остановилъ библиотекаръ. — Дѣло, о которомъ я говорю вамъ, слишкомъ серьезно. Вы понимаете, конечно, что, если говорю, то не для удовлетворенія вашего любопытства. Ну, а коли намъ вмѣстѣ работать, такъ запаситесь терпѣніемъ. Да, опыты были. Хотя, не скрою, не вполнѣ еще удачные.

— А! — разочарованно протянулъ князь.

— Трудности здѣсь таковы, что удивляться неудачамъ

не приходится, — замѣтилъ бібліотекаръ. — Но способъ вѣрный и единственный. Это несомнѣнно.

— Почему же не удались опыты?

Бібліотекаръ развелъ руками.

— Что вы хотите? Неудачи въ новомъ дѣлѣ бываютъ всегда. Я лично объясняю ихъ негодностью экспериментальнаго матеріала. Субъектъ, съ которымъ мы экспериментировали, былъ выбранъ неудачно, — пояснилъ онъ, видя, что князь не понимаетъ. — Теперь въ этомъ отношеніи придется быть осторожнѣе.

Говоря это, бібліотекаръ навелъ на князя свои телескопическіе глаза. Изнутри черные, они принимали множество внѣшнихъ отсвѣтовъ. Такъ переливается лунный свѣтъ въ темныхъ окнахъ необитаемыхъ домовъ.

— Какъ я уже говорилъ вамъ въ прошлый разъ, — началъ онъ мягко, словно подползая, — есть только одинъ способъ воздѣйствовать на душу въ желательномъ для насъ направленіи. Аскеза на выворотъ. Умершвлєніе души.

— Грѣхомъ? — князь произнесъ это съ внѣшнимъ спокойствіемъ.

— Вы сказали.

— Стало бытъ способъ состоятъ въ совершеніи грѣха? Преступленія, можетъ бытъ? Какого?

Бібліотекаръ снисходительно усмѣхнулся.

— Дорогой князь, я еще разъ прошу васъ не слѣшнѣть и сохранять спокойствіе. «Совершить грѣхъ» — какъ въ наивно выразились — не мудрено. Вѣдь все, что мы дѣлаемъ, есть, въ сущности, грѣхъ. Никто — такъ учить церковь — не свободенъ отъ грѣха. Но вамъ, несомнѣнно, извѣстно, что противъ отравы грѣха существуетъ противоядіе.

— Покаяніе, — сказалъ князь.

— Совершенно вѣрно. Кстати, вѣдь вы, надѣюсь, не церковный челоуѣкъ, князь? Я потому спрашиваю, что вы ужь очень правотѣрно отвѣтили?

— Какъ вамъ сказать?... Нѣтъ. У меня иногда бываетъ

потребность молиться. Но въ церковь... въ церковь я хо-
жу рѣдко.

— Это очень хорошо. Еще лучше было бы не ходить
туда вовсе. Когда вы причащались въ послѣдній разъ?

— Кажется, лѣтъ десять не говѣлъ. Но почему это васъ
интересуетъ?

— Это важно, князь. Это крайне важно. Для удачи на
шего эксперимента. Я имѣю въ виду, — прибавилъ онъ
поспѣшно, — что, работая вмѣстѣ, надо же намъ другъ
друга знать. Да, такъ вотъ видите ли, мы какъ будто и
договорились: грѣхъ — болѣзнь души. Лѣкарство — по-
каяніе. Говорятъ, есть смертные грѣхи. Но, насколько мнѣ
извѣстно, священникъ имѣетъ право отпускать самые
страшные. Предательство, матереубійство, растлѣніе дѣ-
тей, кощунство — все покрывается искреннимъ покаяні-
емъ. Есть только одинъ грѣхъ, князь, противъ котораго
это средство безсильно.

— Я не знаю такого страшнаго грѣха, — блѣднѣя, ска-
заль князь.

— Дѣло не въ томъ, что грѣхъ этотъ страшенъ, —
успокаивая мягко возразилъ библиотечарь. — На мой
взглядъ, онъ вовсе не такъ ужъ страшенъ. Во всякомъ
случаѣ мнѣ извѣстно много вполнѣ порядочныхъ людей,
этимъ грѣхомъ согрѣшившихъ. Онъ совсѣмъ не гнусенъ.
Онъ не принадлежитъ къ категоріи неэстетичныхъ, гряз-
ныхъ грѣховъ, въ которыхъ трудно каяться. Мнѣ лично
кажется, что въ этомъ грѣхѣ есть своеобразная мрачная
красота, не даромъ же такъ часто вдохновлялъ онъ писа-
телей и поэтовъ. И все-таки грѣхъ этотъ таковъ, что ни
одинъ совершившій его никогда въ немъ не каялся, и,
слѣдовательно, не получалъ и отпущенія. Это позволяетъ,
не правда ли, заключить, что только этотъ единственный
грѣхъ приводитъ душу къ неотвратимой, окончательной
гибели.

«Все это не даромъ... Это онъ не проста...» — мелькну-
ло въ головѣ князя.

— Господинъ бібліотекаръ, — сказалъ онъ, подѣломъ раздраженія скрывая тревогу, — что значать ваши недомолвки? Почему не говорите вы прямо? Или вы мнѣ не довѣряете?

Библіотекаръ, не отвѣчая, вдругъ всталъ.

— Пора, князь. Не всю же ночь, въ самомъ дѣлѣ, намъ бесѣдовать, хотя бы и на столь занимательныя темы. Кстати, вѣдь вы, конечно, читали Достоевскаго?

— Достоевскаго? — опѣшивъ, переспросилъ князь.

— Да, вашего *sélebre écrivain*. Знаете ли, что онъ отчасти предвосхитилъ нашу мысль. Не шутя! Даже рецептъ вѣчности далъ. Въ общихъ чертахъ, безъ разработки деталей, разумѣется. Помните того страннаго субъекта, который говоритъ, что человекъ, заявившій «великое своеволие», тотчасъ же станетъ богомъ, человекобогомъ въ антитезѣ Богочеловѣка. Это гениально у него.

— Самоубійство?!.. — вдругъ съ ужасомъ вспомнивъ Кириллова, догадался князь.

— Непремѣнно, — торжествуя, вскричала бібліотекаръ. — Но безъ боли, замѣтите, безъ малѣйшаго непріятнаго ощущенія. Нѣсколько капель снотворнаго, какъ высшая степень непокорства! А затѣмъ... затѣмъ сейчасъ же немедленно зондомъ вводится въ сердце одинъ необычайно сильный возбудитель. Оба реагента имъ самимъ синтезированные сложнѣйшіе составы. — Я видѣлъ формулы. Реакція мгновенна. Сердце тотчасъ же начинаетъ снова функционировать. Фантастическій человекобогъ Достоевскаго становится реальностью. Онъ уже не тварь. Онъ швырнулъ Богу дарованную Имъ временную жизнь и, взявъ ея, вырвалъ вѣчность. Не для себя только, но для всѣхъ. Остальнымъ, чтобы къ ней приобщиться, не нужно проявлять великаго своеволія. Дальше все пойдетъ естественнымъ, такъ сказать, фізіологическимъ путемъ. Мы просто напросто будемъ прививать имъ безсмертіе, какъ оспу. Согласятся, будьте покойны. Соглашаются же сейчасъ на вытравленіе душъ, которое мы ведемъ въ гран-

діозныхъ размѣрахъ. Еще съ какою радостью соглашались то! Кому же весело страдать? Имъ наслаждаться хочется. Кромѣ того имѣть душу скоро просто неприличнымъ станетъ: вышло изъ моды. Это какъ съ отросткомъ слѣпой кишки: прежде необходимымъ считали, потомъ догадались, что атавистическій органъ и что вырѣзать надо. Но начать, быть первымъ—это другое! На это «вытравленные» не пойдутъ. Здѣсь челоѡкобогъ нуженъ. Они, остальные, будутъ пріобщаться новой вѣчности его кровью. Кровью того, кто «смертію смерть побѣдилъ». Все — какъ тамъ. Все совершенная копія. Только тамъ, у Него — мечта. У насъ — реальность.

Библіотекаръ, шепча скороговоркой, наклонился къ самому уху князя. Тотъ чувствовалъ у себя на щекѣ его отвратительное зловонное дыханіе. Это походило на чудовищный кошмаръ. Князь не могъ произнести ни слова, не могъ пошевелиться. Парализованный во всѣхъ членахъ, онъ въ то же время сознавалъ, что находится во власти чьей-то посторонней злой воли.

Вдругъ — мгновенно, совсѣмъ какъ въ кошмарѣ — онъ почувствовалъ себя свободнымъ. Вскочилъ и бросился бѣжать. Не отбѣжавъ и десяти шаговъ, оглянулся, не бѣжить ли бібліотекаръ за нимъ. Скамейка была пуста. Кругомъ ни души. Темно и тихо. Въ какомъ то давящемъ страхѣ князь опять почти бѣгомъ пустился домой.

17. Шалости амура.

Придя къ себѣ, онъ заперся и отворилъ окно. (Онъ боялся кошмаровъ). Ночная сырость, мельчайшими матовыми каплями сыпала сверху изъ мрака въ освѣщенную комнату. На улицѣ не было ни души, только кошка, торопливой тѣнью проскользнувъ черезъ улицу, спрыгнула въ подвальное окно. Въ домѣ тоже всѣ уже спали.

Стоя передъ окномъ, князь старался такъ или иначе объяснить себѣ внезапное, совершенно чудесное исчезно-

веніе бібліотекаря. О словахъ его не думалъ: вдругъ какъ бы все позабылъ. Было въ этой встрѣчѣ — помимо исчезновенія — еще что то очень поразившее. Но что? — вотъ вопросъ, который теперь беспокоилъ. Чѣмъ именно эта встрѣча и этотъ разговоръ отличались отъ ихъ прежнихъ свиданій? Иногда вотъ такъ — совершенно явственно — видѣлъ онъ образы своихъ ночныхъ кошмаровъ. Библіотекаря онъ тоже видѣлъ. И все-таки это былъ не онъ. Не вполне онъ. И онъ и не онъ въ одно и то же время. Вѣдь и она не вполне была ею. Или, лучше сказать, она становилась ею, и онъ имъ въ какомъ то еще не достигнутомъ предѣлѣ. И тутъ князь, съ необычайной ясностью понялъ, что объ этомъ предѣлѣ и говорилъ ему сегодня бібліотекарь. Но что говорилъ — вспомнить не удавалось.

Онъ долго не могъ заснуть. Лежалъ въ темнотѣ и припоминалъ. Вдругъ пришли на умъ слова бібліотекаря «у васъ вся ночь впереди». Усмѣхнулся блаженной улыбкой влюбленнаго и почти тотчасъ заснулъ.

Ему снилось, что онъ сидитъ рядомъ съ нею среди мягкихъ диванныхъ подушекъ. Она не кукла, но живая женщина. Она со слезами жалуется на бібліотекаря, предостерегаетъ, чтобы онъ не довѣрялъ старику. Сердце князя полно любви и жалости. Онъ протягиваетъ къ ней руки... Но вмѣсто атласнаго прикосновенія ея кожи внезапно ощущается что-то грубое, колющее...

— *Viens, mon cocot!* — съдая раздвоенная борода и кружевной чепецъ надъ нею трясутся отъ сладострастнаго смѣха. Старуха обхватываетъ его руками.

Съ омерзеньемъ вырвался князь изъ грязныхъ объятій торговки, схватилъ что-то попавшееся ему подъ руку и изо всей силы пустилъ имъ въ вѣдму. Раздался грохотъ падающаго металлическаго предмета и, похожей на осипшее воронье карканье, крикъ. Князь мгновенно проснулся. Онъ зналъ, что паденіе и крикъ были наяву. Трясущимися руками онъ чиркнулъ спичкой. Около кровати сидѣла паршивая сѣрая кошка и лизала свою перебитую ла-

пу. Спичка погасла. Въ ту же минуту онъ услышалъ, какъ кошка, стукнувшись о раму, выскочила въ открытое окно. Князь захлопнулъ его. Онъ весь дрожалъ.

18. Тыква.

Вошедшая къ нему утромъ madame Meterrу съ удивленіемъ увидѣла, что monsieur le prince, въ необычномъ для него неглижѣ, сидитъ на кровати и, кажется, совсѣмъ не собирается пить кофе. На столѣ валялись вчерашніе цвѣты. Все это было очень странно. Неужели онъ завелъ романъ? Но съ кѣмъ? И какъ могла она прозввать это? Чрезвычайно политично предложила она ему вазочку pour les belles fleurs. Онъ смутился, что-то пробормоталъ и заспѣшилъ уходить. Тогда, внимательно въ него вглядѣвшись, она сказала ему, что онъ плохо выглядитъ. «C'est le temps qui fait ça: tout le monde est grippé». Она посоветовала ему купить эвкалиптовыхъ листьевъ (на двадцать су даютъ большой пакетъ) и общалась вечеромъ приготовить ему превосходную tisanne, которая его вылѣчить. Князь поблагодарилъ и пошелъ. Онъ не смотрѣлъ на встрѣчавшихся ему, даже вовсе не замѣчалъ ихъ. Но вотъ въ глаза ему бросилась забинтованная въ марлю рука. Она была густо обложена ватой и туго обвита бинтомъ, такъ что вмѣсто руки получалась бѣлая култышка. Видъ этой руки потрясъ князя. Въ страшномъ волненіи, совершенно не помня окружающаго, остановился онъ передъ овощной лавкой. Торговка, стоя на порогѣ, разговаривала съ покупательницей. Князь услышалъ обрывокъ фразы: — Это одинъ изъ ея пріятелей ея угостилъ! — Обѣ женщины глядѣли вслѣдъ бородатой старухѣ съ забинтованной рукой. Князь хотѣлъ слушать, но продавщица, прерывая разговоръ, любезно спросила, что ему угодно купить. Чтобы выйти изъ неловкаго положенія, князь неопредѣленно ткнулъ въ груду овощей. Торговка сейчасъ же догадалась, что monsieur хочетъ купить тыквы. Сколь-

ко онъ желаетъ взять? Князь не рѣшился возразить, хотя тыква была ему и не нужна. Онъ сказалъ, что возьметъ одну. Вѣдь онъ не подозрѣвалъ, что этотъ овощъ продается кусками. Безропотно взявъ онъ огромную тыкву полмышку, расплатился и пошелъ. Не къ антикварію, конечно, — куда же было дѣвать тыкву? — а домой.

Взглянувъ на него *madame Meterry* всплеснула руками. Сначала ее удивила тыква, но лицо князя было страннѣе тыквы. «*Ah, monsieur le prince* совсѣмъ расхворался!» Купилъ ли *monsieur des feuilles d'euqualiptus*? Нѣтъ? Но въ такомъ случаѣ она одолжитъ ему. У нея еще сохранилось немного. Она сейчасъ приготовитъ ему эту *tisanne*.

Чтобы отдѣлаться отъ нея, князь залпомъ выпилъ приготовленное доброй женщиной отвратительное пойло.

— Вотъ и отлично! — воскликнула она. — А теперь лягте-ка и постарайтесь согрѣться!

Князю ничего не оставалось, какъ исполнить ея волю. Впрочемъ, онъ такъ былъ потрясенъ «неожиданнымъ открытіемъ», что и самъ не чувствовалъ въ себѣ силы сейчасъ же идти туда.

Лежа онъ сталъ обдумывать случившееся, вспомнилъ намеки библиотекаря на какую-то даму, которой метла приличіе цвѣтовъ... Тутъ внезапно поразила его совершенно чудовищная догадка. «А что если и она заодно съ ними. Съ кѣмъ «съ ними?» Ну, со старымъ хамелеономъ, разумѣется. И... и съ остальными. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не понимать, что это цѣлая, очень, вѣроятно, могущественная организація. Мировой трестъ, дьявольской вѣчности. О, если такъ...» — Князь вскочилъ съ кровати и быстрыми рѣшительными шагами отправился къ антикварію.

19. Вольтеръ разрушаетъ иллюзію.

Всю дорогу онъ волновался и снѣнился. Но передъ лавкой его опять охватило малодушное колебаніе. Сдѣлавъ надъ собою большое усиліе, онъ вошелъ.

Въ лавкѣ было темно и тѣсно. Старые бюро, шкафы красного дерева, картины и гравюры въ золоченыхъ рамахъ занимали ее почти всю.

— Господину угодно? — кланяясь, спросилъ Вольтеръ. Онъ прекрасно узналъ князя и въ душѣ смѣялся.

— Мнѣ понравилась здѣсь... — непринужденно началъ князь, и вдругъ загнулся. — Одна... одна... дама. — Сказавъ это, выдающее его съ головою, слово, онъ совсѣмъ потерялся. Но антикварій на слово вниманія не обратилъ, замѣшательства не замѣтилъ.

— А! — сказалъ онъ равнодушно. — Не эта ли? — Онъ запустилъ руку за большую, стоявшую на полу картину, и за ноги выташилъ оттуда куклу. — Вотъ, извольте!

О, это была ужасная минута. Любимая женщина, т. е. о которой онъ такъ страстно, съ такою нѣжностью мечталъ, на его глазахъ обращалась въ неодушевленный предметъ, въ игрушку! Князь поблѣднѣлъ и отвернулся.

— Прелестная вещица, — вертя ее въ рукахъ, сказала антикварій. Нигдѣ роуг се ргіх вы не найдете ничего подобнаго. — Онъ назвалъ цѣну. Запросилъ, конечно, безсовѣстно. Князь молча вынулъ бумажникъ. Была одна мысль: поскорѣе уйти. По счастью нужная сумма — очень по его средствамъ значительная — у него оказалась. Онъ заплатилъ и, не давъ продавцу завернуть покупку, выхватилъ ее у него изъ рукъ и побѣжалъ вонъ.

Онъ бѣжалъ домой, стгоя со стыда и готовый провалиться. «Кукла, кукла!» повторялъ онъ себѣ съ ядовитымъ отчаяніемъ. «А я... я любилъ ее! Я покупалъ для нея цвѣты... Писалъ письма... Къ месѣ Жоржу нарочно заходилъ... О, какой стыдъ, какое униженіе!»

Наконецъ, онъ опомнился и съ ужасомъ замѣтилъ, что несетъ куклу незавернутою. Возвращаться къ антикварію не хотѣлъ. Какъ быть? Онъ запряталъ ее себѣ подъ пальто. Madame Meterry, увидавъ своего князя, — она ужасно ругала себя, что не досмотрѣла и дала ему выйти — разахалась: развѣ можно выходить въ такую погоду, принявъ *tisanne d'eucalyptus*? Но на лицѣ князя было такое страданіе, что она не стала его задерживать. Конечно, она прекрасно замѣтила: онъ что-то пряталъ подъ своимъ пальто. Сопоставляя это со вчерашними цвѣтами и давешней тыквой, она только головой покачала. «Въ концѣ концовъ, пожалуй, и правду говорили *les anciens officiers*, что у бѣдняги въ головѣ не все въ порядкѣ», подумала она съ огорченіемъ.

А князь затворился у себя. Никто не долженъ быть видѣть его позора, но самъ онъ хотѣлъ вдоволь надъ самимъ собою посмѣяться. Онъ посадилъ куклу на стулъ, положилъ ей на колѣни купленные наканунѣ цвѣты и, отступивъ шага на два, отвѣсилъ ей глубокой и почтительный поклонъ.

Каррикатурныя подробности этой смѣшной, маньякальной любви, комизмъ вчерашнихъ романтическихъ переживаній и въ заключеніе — позорная глупость теперешней сцены!

О, это ужъ слишкомъ, слишкомъ!

Вдругъ ему показалось... — Какое показалось, онъ слышалъ ясно — кто-то здѣсь же, совсѣмъ близко, приснулъ сдавленнымъ смѣхомъ. Смѣхъ былъ знакомый, онъ сейчасъ же узналъ его. Оглянувшись по комнатѣ, но никого не было. Дверь онъ войдя затворилъ и только окно — о немъ онъ не подумалъ — оставалось открытымъ настежь. Онъ подбѣжалъ къ нему и сразу же, въ сумеркахъ вечера, увидѣлъ стоявшаго на противоположномъ тротуарѣ человѣка. Изъ-за шторы, чтобы тотъ не замѣтилъ князь пристально въ него взглянулъ и, узнавъ, почувство-

валь, — какъ это ни странно можетъ показаться, — почувствовалъ даже радость.

Быстро высунувшись изъ окна, онъ негромко позвалъ:

— Господинъ библиотечарь, идите сюда!

Тотъ, будто только приглашенія и ждалъ, перешель улицу.

— Вотъ вамъ ключъ, — сказалъ князь и бросилъ на тротуаръ большой старый ключъ входной двери. — Но только постарайтесь не шумѣть. Я бы не желалъ, чтобы хозяйка васъ видѣла.

Старикъ молча поднялъ ключъ. Князь бросился къ ней. Онъ хотѣлъ было спрятать ее, но сейчасъ же, разсердившись, подумалъ: «Зачѣмъ, пусть видитъ».

20. Тихій гость.

Черезъ секунду библиотечарь, не постучавъ, отворилъ дверь. Онъ ступалъ до такой степени неслышно, что это даже удивило князя. Самъ онъ никогда не могъ бы такъ ступать, безъ малѣйшаго шороха. Стулъ онъ тоже ухитрился отодвинуть беззвучно. Во всемъ, что онъ дѣлалъ, во всѣхъ движеніяхъ была какая-то поразительная легкость.

— Ну-съ? Что вамъ отъ меня угодно? — садясь и пристально глядя на князя, спросилъ гость, какъ дыханіе, тихимъ голосомъ.

— Мнѣ? — Князь чувствовалъ странную спутанность мыслей. — Что мнѣ угодно? А вотъ мнѣ прежде всего угодно знать, почему васъ нынче совсѣмъ не слышно, — онъ сказалъ это въ далеко не любезномъ тонѣ.

— Вы же сами просили меня не шумѣть.

Князь нахмурился.

— Предположимъ. Но, войдя сюда, вы, насколько я замѣтилъ, не поклонились. Это неучтивость. Я обращаю ваше вниманіе на то, что здѣсь дама.

Говоря, князь по лицу библиотечаря старался понять, что тотъ объ этомъ думаетъ.

— Подъ словомъ «дама» я всегда понималъ существо до нѣкоторой степени одушевленное, — въ тонѣ дѣловой поправки, замѣтилъ библіотекаръ.

Князь засмѣялся.

— А помните, вы говорили, что я рожденъ подъ знакомъ Венеры?

— Я и не отказываюсь. — Библіотекаръ тонко посмотрѣлъ на князя.

— Что же касается объекта, то... Объекты, увѣряю васъ, бываютъ иногда чрезвычайно странные. Впрочемъ, позвольте рассказать вамъ одинъ анекдотъ. Не слишкомъ веселый, правда. Но зато очень кстати. Можно?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я, кажется, говорилъ вамъ, что у меня была дочь.

— О, да. Какъ же. Я любовался у васъ ея произведеніями.

— Любовались? Вамъ, можетъ быть, не извѣстно, князь, что дочь моя была больна.

— Я слышалъ. Какая то операція...

Библіотекаръ очень нахмурился.

— Нѣтъ. Болѣзнь была чисто психическая. Это вѣдь и по картинамъ видно. Откуда эти темы? Почему всегда чудовищное? А потомъ вдругъ бросила краски, стала хандрить. «Живопись меня не удовлетворяетъ. Мнѣ нужно болѣе тѣлесное искусство». Занялась скульптурой. Тоже бросила. Все не то. Я должна создать нѣчто совершенно плотское. Живое, но бездушное. У вещей, отецъ, есть безсмертіе, это ихъ преимущество передъ нами. Если художникъ даетъ имъ жизнь, онѣ становятся богами. Я сдѣлаю себѣ бога. — Библіотекаръ засмѣялся какимъ-то хилымъ, разслабленнымъ, но полнымъ желчи смѣхомъ. — И что же бы вы думали? Въ тотъ же день она заперлась у себя въ мастерской и начала работать надъ созданіемъ такой «живой вещи». «Это будетъ нѣчто гениальное, — говорила она. — Я обезсмерчу себя, сдѣлавъ бога. — Библіотекаръ опять желчно засмѣялся. — Мы и тогда, конечно.

знали, что это бредъ. Но слушайте дальше, слушайте. Когда она умерла, — говорить объ обстоятельствахъ ея смерти сейчасъ не буду, — когда она умерла, мы съ докторомъ въ тотъ же день отправились въ ея ателье. Ключа мы такъ и не нашли. Пришлось взломать замокъ. И вотъ, когда мы взломали его и вошли... — Библиотекаръ вскинулъ на князя глазами. — Тогда... Что бы вы думали мы тамъ увидѣли? Геніальное произведеніе? Ахъ, это, какъ мы и ожидали, оказалось только бредомъ сумасшедшей. Я не видалъ зрѣлища болѣе жалкаго. Представьте себѣ, князь, что тамъ... въ этомъ пустомъ, холодномъ ателье, среди пестрыхъ лоскутьевъ и обрывковъ валялась самая обыкновенная, сдѣланная изъ тряпья.. Князь, во все время разсказа не спускавшій глазъ съ куклы, теперь вдругъ увидѣлъ, что она, какъ бы внезапно вздрогнувъ, запрокинулась назадъ и упала на полъ. Возможно, что библиотекаръ толкнулъ ея стулъ. Она упала прямо къ его ногамъ. Князь видѣлъ, какъ тотъ съ брезгливымъ отвращеніемъ, ее отпихнулъ. Съ минуту оба молчали.

— Я всегда зналъ, это это — вампиръ, — задумчиво сказалъ князь.

— Именно — вампиръ. Вещи не только живутъ, онѣ обладаютъ способностью отнимать жизнь. Съ моей бѣдной Нини это и случилось. Она бы не умерла, если бы не несчастная, маньякальная любовь къ этой игрушкѣ.

Князь долго молчалъ. Разгадка, разгадка всего, которую онъ такъ давно и безуспѣшно искалъ, она была тутъ. Совсѣмъ близко. Въ этой необычайной и страшной исторіи маленькой Нини.

— Скажите, — спросилъ онъ, не успѣвъ обдумать своего вопроса, — правда ли, будто, какъ я слышалъ, ваша дочь умерла по винѣ какого-то шарлатана?

— Шарлатана? — въ бѣшенствѣ вскричалъ библиотекаръ. Конические глаза его хотѣли, казалось, выскочить изъ за стеколь очковъ.

— Выбирайте ваши выраженія, уважаемый князь. Я не позволю такъ отзываться о моемъ лучшемъ другѣ!

— Я, право, не думалъ, что онъ вашъ другъ, — началъ князь. — Я вѣдь ничего не знаю. Повторилъ, что слышалъ. Я былъ увѣренъ, что вы сами должны ненавидѣть человѣка, по винѣ котораго умерла ваша дочь.

— Моя дочь умерла по своей собственной винѣ! — съ прежней запальчивостью перебилъ библіотекаръ. — А лѣчилъ ее, повторяю, мой другъ, вѣнскій профессоръ, міровая знаменитость. Нини, конечно, была бы жива, если бы ей не вздумалось сдѣлать глупость...

— Она... Она лишила себя жизни? — спросилъ князь, мгновенно почувствовавъ боль въ спинѣ и головокруженіе. Такое именно чувство испытываешь, стоя на краю и глядя въ пропасть.

— Но это уже слишкомъ! — вставая, закричалъ библіотекаръ. — Это издѣвательство! Какъ смѣете вы задавать подобные вопросы? По какому праву! Я отказываюсь говорить съ человѣкомъ, который не способенъ уважать семейныя тайны другого!

Онъ бросился къ двери, рванулъ ее, выскочилъ вонъ и съ силой ее за собою захлопнулъ. Опять не раздалось ни малѣйшаго звука.

Князь нѣсколько секундъ просидѣлъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи. Какъ тогда, какъ на скамейкѣ подъ липами. Онъ не могъ вскрикнуть, не могъ встать, не имѣлъ силы пошевелиться. На этотъ разъ даже мыслей у него въ эти первыя секунды не было. Библіотекаръ, казалось, унесъ съ собою и его самого, или, по крайней мѣрѣ, какую-то очень существенную его составную часть. Пружину, которая приводила его въ движеніе. Способность думать, чувствовать, двигаться вернулась къ нему опять мгновенно. Онъ вскочилъ, сорвалъ съ вѣшалки пальто и шляпу и выскочилъ въ корридоръ. Наружная дверь оказалась, однако, заперта. Въ карманѣ пальто, куда онъ обыкновенно клалъ ключъ, князь не нашелъ его. Тутъ онъ вспомнилъ, что выбросилъ

его библіотекарю. Тотъ, стало-быть, унесъ его. Князь опять вбѣжалъ въ комнату и, съ трудомъ цѣпляясь за подоконникъ, полѣзъ въ окно. Догнать библіотекаря сейчасъ же, немедленно, было необходимо. Князь чувствовалъ, что иначе онъ пропалъ.

21. Visite nocturne.

«Онъ не могъ далеко уйти, онъ здѣсь гдѣ нибудь» — на бѣгу думалъ князь. — «Я его сейчасъ догоню». Однако, не догнавъ, добѣжалъ до библіотеки. Запыхавшись поднялся по лѣстницѣ. За дверью свѣта не было. «Такъ и есть — онъ спрятался отъ меня за какимъ-нибудь заборомъ!» — подумалъ князь, но все-таки постучалъ. Никто не отвѣтилъ. Онъ постучалъ вторично.

— Кто тамъ? — откашливаясь и, слышно было по голосу, еще не вполне проснувшись, спросилъ хозяинъ. Внутри зажгли свѣтъ.

— Это я, *monsieur*. Пожалуйста, отворите.

— *Mais voyons*, что случилось? — шаркая туфлями спросилъ старикъ.

Дверь отворилась. Библіотекарь въ тепломъ халатѣ удивленно смотрѣлъ на князя.

— Ah, милый князь! *Charmé*, конечно, однако, долженъ замѣтить, что уже нѣсколько поздно. *Allons*, чему я обязанъ этимъ *visite nocturne*?

— Вѣдь вы сами только что были у меня, произнесъ князь.

— Я? Помилуйте, дорогой другъ. Я спалъ крѣпкимъ сномъ. Я боленъ. Совсѣмъ *grippé*. Я ставилъ себѣ сегодня банки. *Voyons, pour en finir*, въ чемъ дѣло?

— Послушайте, — схватывая его за руку, вскричалъ князь, — послушайте, неужели вы въ самомъ дѣлѣ рѣшаетесь утверждать, что сейчасъ, не дальше какъ четверть часа тому у меня не были?

— А вы видѣли меня? — очень заинтересовался библіотекарь.

— Такъ же ясно, какъ вижу теперь.

— Да, если та-акъ... — протянулъ библіотекаръ, во всѣ глаза глядя на князя черезъ свои круглыя очки, которыя онъ надѣлъ и придерживалъ двумя пальцами каждой руки. — Если такъ, если вы меня дѣйствительно видѣли...

— Повторяю, я видѣлъ васъ такъ же отчетливо, какъ сейчасъ. Слушайте, умоляю васъ, бросьте хитрости. Я знаю. Я вѣдь все теперь знаю. Я ясно вижу всѣ ваши планы, всю ту сложную сѣть, которой, какъ лаутиной, вы меня опутали. Вы фанатикъ. Вы почти маньякъ вашей идеи. Для васъ жизнь человѣка ничего не значить. Если ужъ дочери не пожалѣли... Слушайте, скажите прямо, почему опытъ съ нею не удался? Долженъ же, долженъ же я, наконецъ, знать! — Князь весь трясся. Блѣдное лицо его было страшно. Холодными, потными руками онъ то и дѣло ловилъ руку библіотекаря. — У васъ все тайна. Вы завлекли меня своими рассказами. Гондвана, злые карлики, путь змія — все это нужно вамъ было, чтобы подлымъ обманомъ завербовать меня для вашихъ гнусныхъ опытовъ. То же самое было, конечно, и съ нею. Вы заманиваете людей бреднями о человѣкобогѣ, а потомъ...

— Вы боль-ны. Вы просто напросто боль-ны, — раздѣльно проскандировалъ библіотекаръ. — Все, что вы сейчасъ говорили, сплошной бредъ. Я, правда, имѣлъ неосторожность подѣлиться съ вами нѣкоторыми... совершенно теоретическими научными гипотезами. Въ чемъ очень раскаиваюсь. Я, впрочемъ, не виноватъ, что ваша бредовая фантазія...

— Такъ вы не говорили о человѣкобогѣ, о томъ, который первый заявилъ «великое своеволие»? -- перебилъ князь.

— Ни полслова.

— И ко мнѣ вы этой ночью не приходили?

Библіотекаръ разсмѣялся.

— Визиты я дѣлаю только днемъ, ночью же я имѣю

обыкновеніе спать у себя въ кровати. Хотѣлось бы, чтобы и вы, мой дорогой, усвоили себѣ эту благородную привычку.

— Давайте ключъ! — нетерпѣливо потребовалъ князь: онъ понялъ, что все равно ничего не добьется.

— Какой ключъ?

— Ключъ отъ моей входной двери. Мнѣ, по вашей милости, черезъ окошко вылѣзть пришлось.

— Я никакого ключа у васъ не бралъ! Оставьте меня! — въ свою очередь теряя терпѣніе, закричалъ бібліотекаръ. — Оставьте меня, наконецъ! Сумасшедшій! — Онъ почти выпихнулъ князя за дверь, захлопнулъ ее и повернулъ ключъ.

22. Ночная бабочка.

На дворѣ была туманная бѣлѣсная ночь. Газовые фонари, расплываясь тусклыми пятнами, едва маячили.

Послѣ безтолковаго, все совершенно запутавшаго разговора съ бібліотекаремъ, князь чувствовалъ себя неспособнымъ что-либо обдумывать. Онъ брелъ безъ мыслей, въ какомъ то тупомъ полусабытьѣ.

Въ узкомъ темномъ переулкѣ, пробираясь ощупью вдоль стѣнъ, онъ вдругъ на кого-то патолкнулся.

— Merde! — выругалась женщина.

— Пожалуйста, извините! — вѣжливо, приподнимая шляпу, сказалъ князь.

Въ темнотѣ онъ съ трудомъ различилъ очертанія ея худого тѣла. Она была легко, не по зимнему, одѣта, безъ шляпы. Темные стриженные волосы, падали на глаза. Князь подумалъ, что она, вѣрно, уже давно таскается по улицамъ среди тумана въ напрасной надеждѣ найти мужчину, который бы согласился взять ее. Онъ хотѣлъ уйти, но вдругъ почувствовалъ, что уйти нельзя. Что то такое нужно ему было сдѣлать.

— Не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ? — спросилъ онъ.

— Полезенъ? — женщина, движеніемъ головы отбросивъ со лба волосы, подняла на князя свое некрасивое, истощенное и блѣдное, лицо. Она, очевидно, не поняла. Не словъ его, но непривычнаго ей со стороны мужчины тона. — *Tu ne veux donc pas de moi?*

Князь какъ то не вслушался въ вопросъ. Его поразили голосъ. Низкій, немного осипшій отъ ночной сырости, какъ бы надорванный и все же грудной и милый, онъ возбуждалъ симпатію и жалость.

Князь опять — сильнѣе — почувствовалъ, что оставить ее здѣсь одну нельзя. Что она нуждается и ждетъ помощи. Молча взявъ онъ женщину подъ руку и, не обмѣнявшись съ нею больше ни однимъ словомъ, повелъ ее къ себѣ.

Только передъ дверью дома онъ опомнился. Во-первыхъ, — *madame Meterry!* Что скажетъ честная вдова, увидавъ его съ этой женщиной? Во-вторыхъ, — запертая дверь. Не приглашать же ее лѣзть черезъ окно. Положеніе казалось безвыходнымъ. Но тутъ онъ вдругъ увидѣлъ лежавшій на тротуарѣ ключъ. Старикъ его, очевидно, потерялъ или намѣренно подбросилъ. Стараясь не шумѣть, князь пропустилъ женщину впередъ и заперъ за собою дверь. Лампа, которую второпяхъ онъ забылъ погасить, ярко освѣщала пустую комнату. На столѣ валялись увядшіе цвѣты. Было сыро. Неприятно пахло перегаромъ остывшаго камина.

— Холодно чертовски! — устало опускаясь въ продавленное и рваное — единственное въ комнатѣ — кресло, сказала женщина. Князь замѣтилъ, что на ней легкое шелковое платье безъ рукавовъ.

— Я сейчасъ растоплю! — заторопился онъ. Снявъ пальто и подойдя къ ней сзади, онъ осторожно накрылъ имъ ея обнаженные плечи.

Пока онъ растапливалъ, она сидѣла совсѣмъ смирно, подобравъ подъ себя ноги и кутаясь въ его пальто. Въ этомъ грубомъ мужскомъ пальто она, со своими дѣтски-

беспомощными голыми руками и сѣровато-блѣднымъ неправильнымъ, но тонкимъ лицомъ, казалась особенно хрупкой. Не измѣняя презрительно-брюзгливаго выраженія, слѣдила она за хлопотавшимъ княземъ. Его обращеніе, совершенно необычное, начинало ее, видимо, беспокоить.

— *Dis donc, tu vas me garder pour la nuit?* — освѣдомилась она дѣловито.

Князь смутился: нешедшій къ ней цинизмъ болѣзненно на него дѣйствовалъ.

— Если тебѣ этого не нужно, — съ грубой точностью продолжала женщина, — такъ скажи: поищу другого. Поэтому что, *vois-tu*, въ пріятныхъ разговорахъ я не нуждаюсь.

— Оставайтесь, — избѣгая на нее смотрѣть, тихо сказалъ князь. Теперь у него уже не было сомнѣнія: какая то тайная связь существовала между нимъ и ею.

— *Ah, tant mieux.* Для меня, въ концѣ концовъ, все равно, будешь-ли это ты или кто нибудь другой. *Ça revient au même.* А выпить у тебя что нибудь найдется?

— Я могу вскипятить чаю, — наивно предложилъ князь.

— Чаю? — Она приподняла правую бровь и наморщила лобъ. — *Dis donc*, ты, дѣйствительно, такъ глупъ, или только прикидываешься?

Доставъ изъ сумочки табакъ и бумагу, она скрутила себѣ папиросу, облизавъ, заклеила и потянулась за спичками.

— Ты скверно живешь! — сказала, держа папиросу во рту и критически оглядывая комнату. — Впрочемъ, для меня безразлично. — Она затынула. Выпуская дымъ сквозь сжатые зубы, морщилась и щурила глаза.

— Тебѣ, небось, скучно со мною? — спросила, встряхивая головой. Этимъ, часто повторяемымъ движеніемъ, она словно что-то недоѣвшее отгоняла. — Раньше я была веселая. А вотъ съ тѣхъ поръ, какъ они ее у меня отняли...

— У васъ былъ ребенокъ? — быстро спросилъ князь.

— Дѣвчечка, — глухо отвѣтила женщина. — Она мѣшала ихъ планамъ, ты понимаешь...

Тутъ только князь взглядѣлся въ широко открытые глаза женщины. Свѣтлые до прозрачности они несли въ себѣ крошечныя черныя точки зрачковъ. Кромѣ этихъ двухъ неподвижныхъ точекъ въ нихъ ничего не было. Они были пусты. Совершенно пусты. Князь съ ужасомъ почувствовалъ, что глаза эти не могутъ плакать.

— Вы озябли, садитесь ближе къ огню, — сказалъ онъ, чтобы вывести ее изъ ея летаргической неподвижности.

Она вздрогнула, словно онъ толкнулъ ее, встала, пододвинула кресло къ камину.

— Ноги мокрыя! — сказала хрипло.

— Снимите чулки. Можно высушить на каминѣ, — предложилъ князь.

Она нагнулась подъ столъ, чтобы разуться, но вдругъ выпрямилась. Странное выраженіе судорогой прошло по ея лицу. Князю показалось, что тамъ, подъ столомъ, она что-то увидѣла. Онъ сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы, поднявъ скатерть туда заглянуть, но она, вскочивъ, рѣзко крикнула: «Не трогайте!» Шумно отодвинула кресло далеко отъ стола и снова съ ногами на него взобралась. Не спуская глазъ, опять съ летаргической неподвижностью, уставилась она въ одну точку пола. Князь осторожно заглянулъ туда изъ-за края стола. Тамъ, раскинувъ ноги, валялась розовая кукла.

Эту нѣмую сцену князь потомъ зарисовалъ. Женщина и кукла вышли у него вполнѣ реалистично. Себя же самого онъ изобразилъ съ руками поднятыми къ головѣ, охватывающимъ ее всѣми десятью пальцами, какъ бы для того, чтобы не дать ей, подобно разрывной гранатѣ, разлетѣться на части. Изъ головы, между пальцами, тянулись расходившіеся лучи, которыми князь, видимо хотѣлъ символизировать происшедшій въ мозгу его взрывъ. Картина получилась, по истинѣ, потрясающая.

На самомъ же дѣлѣ все произошло совсѣмъ иначе. Не

только не было взрыва, но и никакого особеннаго шума или скандала. Напротивъ, князь — что бы съ нимъ внутренно ни происходило — внѣшне очень спокойно поднялъ куклу и посадилъ ее къ своей гостьѣ на колѣни. Та, слабо вскрикнувъ, охватила ее руками, прижала къ себѣ и, не то цѣлуя, не то кусая, въ нее впилась.

— Это они подослали тебя? — страшнымъ шопотомъ спросилъ князь. — А, понимаю: лишія любви! Они думали, что если я... Что послѣ того, какъ я съ тобою... Сговорчивѣй буду? А? Въ этомъ вашъ подлый планъ?

Женщина продолжала сидѣть въ прежней позѣ, свернувшись на креслѣ и не отрываясь отъ куклы.

— Погоди, — еще трагичнѣе зашепталъ князь. — Погоди, теперъ ты должна все мнѣ рассказать. Все, что они съ тобою продѣлали. По порядку. Старикъ говорить — самоубійство. Но я ему не вѣрю. О, я давно ихъ подозреваю. Это цѣлая организація. Міровой трестъ злой вѣчности. Говори, принуждали они тебя къ самоубійству. Да говори же! Ты не выйдешь отсюда, пока не расскажешь всего!

Легкій стукъ въ дверь прервалъ драматическій монологъ князя. Женщина, въ безмѣрномъ испугѣ, вскрикнула: «Это онъ!» и стремительно бросилась къ платяному шкафу. Князь успѣлъ подумать, что ей наврядъ ли удастся въ него залѣзть: шкафъ былъ небольшой. Но вторичный стукъ не далъ ему времени остановитъ ее. Онъ подбѣжалъ къ двери, отворилъ и остановился въ недоумѣніи.

23. Интервью.

Вмѣсто ожидаемаго бібліотекаря передъ нимъ стоялъ молодежавый, хорошо одѣтый господинъ.

— Позвольте отрекомендоваться, — сказалъ гость, вѣжливо поднимая шляпу, при чемъ оказалось, что голова его, какъ и ботинки, натерта ваксой до ослѣпительнаго блеска. — Я сотрудникъ мѣстной газеты, пришелъ про-

ситъ васъ объ интервью. Участіе ваше въ этомъ мірового масштаба предпріятіи, вы понимаете...

Князь, ничего еще не понимая, вглядывался въ лицо. Лицо обыкновенное, приличное, пожалуй, даже красивое. Но какъ бы не свое, а лишь на время, напрокатъ у кого то взятое. Преступнику было бы удобно имѣть такое лицо: ни одной черты, которую можно отмѣтить или запомнить. Кромѣ, развѣ, улыбки. Да, улыбка его имѣла одну особенность: другіе люди поулыбаются и перестанутъ, а этотъ... У этого улыбка была до ужаса прочно приклеенная. Не отдерешь. Князь подумалъ, что дай онъ теперь вдругъ, ни съ того ни съ сего, своему гостю пощечину, такъ и тогда она — эта подлая улыбка — все равно не отвалилась бы. До того она къ лицу приросла, что сдѣлалась его частью. Это князю очень не понравилось.

— Что вамъ нужно? — спросилъ онъ съ несвойственной ему грубостью.

— О, всего пару словъ. Всего только парочку. Завтра васъ, несомнѣнно, будутъ осаждать репортеры парижскихъ газетъ. Такъ я спѣшилъ, чтобы быть первымъ. Разрѣшите, прежде всего: что вы думаете о большевикахъ? — Онъ быстро досталъ записную книжку, отвинтилъ стило.

— О большевикахъ? — переспросилъ князь.

— Понимаю, понимаю, — закивалъ тотъ, торопясь записать. — Такъ. Теперь: какіе папирсы вы изволите курить? Вообще не курите? Ахъ! Еще одинъ, самый послѣдній: что предпочитаете звуковой фильмъ или радіо? Какъ? Соединенные штаты Европы кажутся вамъ утопіей? А проблема разоруженія?

Задавая свои нелѣпые вопросы, онъ, въ то же время, непрерывно строчилъ, хотя князь, совершенно пораженный, не промолвилъ буквально ни звука.

— Превосходно! — записавъ все, что самъ онъ, повидимому, тутъ же сочинилъ, сказалъ гость. — Теперь главное: какъ вы понимаете все это дѣло?

— Какое дѣло?

— Дѣло объ убійствѣ проститутки Нини.

— Во-первыхъ, я даже не предполагалъ, что она... — запнулся князь на неприличномъ словѣ.

— Было ли здѣсь, дѣйствительно, самоубійство? Какъ вамъ кажется?

— Я увѣренъ, что нѣтъ! — вскричалъ князь.

— Да? Но къмъ же въ такомъ случаѣ могла она быть убита? И съ какою цѣлью?

Въ эту минуту князь увидѣлъ, что кожа надо лбомъ его собесѣдника довольно замѣтно передвигается сверху внизъ и обратно. Тонкія, полупрозрачныя и нѣсколько оттопыренныя уши его тоже шевелились. Движеніе ушей и кожи было органически связано съ прочной улыбкой, заключало какое то страшное ей объясненіе.

«Это ихній же агентъ!» въ ужасѣ подумалъ князь.

— Если вы подозрѣваете убійство, то каковы же были его мотивы? — продолжалъ гость. — Кому, по вашему мнѣнію, могла быть нужна ея смерть?

Князь, не слушая, напряженно, будто стараясь рассмотреть занозу, вглядывался въ лицо собесѣдника.

«Если улыбка съ этого лица сползетъ, то не иначе какъ вмѣстѣ съ кожей», — вдругъ удалось ему схватить занозу.

— Это ты убилъ ее! — сказалъ онъ, радуясь, что сейчасъ вытащить.

Улыбка — какъ и надо было ожидать — не отлипла. Только уши, внезапно окаменѣвъ, перестали двигаться.

— Я вѣдь сразу догадался, — сказалъ князь. — Какъ вошли. Репортеръ совсѣмъ иначе бы вошелъ. И такой вздоръ о фильмахъ и о соединенныхъ штатахъ ни одинъ репортеръ не сталъ бы спрашивать. Совсѣмъ неправдоподобно.

— Ну, что жъ, разъ ужъ вы такой догадливый, — согласился гость. — Я, признаться, о сохраненіи инкогнито не слишкомъ и хлопоталъ. Этотъ маленькій маскарадъ

вышелъ у меня экспромтомъ: спѣшу къ вамъ . . по крайне важному дѣлу, какъ вы сейчасъ убѣдитесь — и нѣсколько озабоченъ тѣмъ, въ какомъ видѣ передъ вами предстану. Гляжу — журналистъ рысить. «Свободенъ?» спрашиваю его (какъ, знаете, извозчика у васъ въ Россіи). «Свободенъ», говоритъ. Ну, я, разумѣется, и воспользовался.

24. Нашъ геніальный современникъ.

— Да сами то вы кто такой? — нетерпѣливо перебилъ князь. — И зачѣмъ вы по нѣмецки говорите? — Онъ только теперь замѣтилъ это. — А! да ужъ не о васъ ли мнѣ бібліотекаръ твердилъ: «нашъ геніальный современникъ» и прочее? А?

— Возможно. Во всякомъ случаѣ очень съ его стороны любезно.

— Вѣнскій профессоръ, не правда ли? Можетъ быть даже господинъ докторъ?

— *Non prois causa*. Но это васъ ни въ какой мѣрѣ не должно стѣснять. Мы отвлеклись немного. О чемъ, бишь, мы говорили? Да, я хотѣлъ сказать вамъ, что, въ высказанномъ вами относительно меня подозрѣніи, вы очень ошиблись. Зачѣмъ же мнѣ было самому руки марать, когда тутъ же папенька ея находилъ.

— Библіотекаръ?! — содрогаясь, вскричалъ князь.

— Ахъ, ничего трагическаго, увѣряю васъ. Семейное дѣло, въ которое намъ, какъ постороннимъ, не слѣдуетъ вмѣшиваться, да и времени у насъ, какъ вы сейчасъ увидите, остается немного. Надо слѣшнить, а потому въ двухъ словахъ: вы, я слышалъ, отказываетесь?

— Отказываюсь! — закричалъ князь, — чѣмъ бы вы мнѣ ни грозили! Хотя бы смертью!

— Помилуйте, зачѣмъ же столько и совершенно холостого пафоса? Давайте говорить хладнокровно. Какая причина вашего отказа? Почему? Васъ, можетъ быть, пугаетъ неудача перваго опыта. Такъ вѣдь его, собственно.

и не было, этого первого опыта. Дѣвченка... Словомъ, она заупрямилась. И... Ну, вы меня понимаете. Нельзя же было позволить ей болтать. Вотъ и взвѣсьте, какая польза для васъ теперь въ отказѣ.

— Убьешь? — стараясь казаться спокойнымъ, спросилъ князь.

Уши опять задвигались. Казалось, они вотъ-вотъ, вмѣстѣ съ улыбкой, сорвутъ съ лица и кожу.

— Ну, полно, полно. Сейчасъ ужъ... Будто нѣтъ иныхъ мѣръ воздѣйствія.

— Въ тюрьму? Пожизненное заключеніе?

— Вотъ трагическій мужчина. Да развѣ мы съ вами въ Венеціи во времена дождей живемъ? Я, впрочемъ, не спорю, и гарантировать, разумѣется, не могу. Можетъ васъ и точно за рѣшетку посадятъ. Можетъ даже на цѣпь. Это случается. И не рѣдко. Съ такими, какъ вы. Но, ужъ конечно, не я буду заниматься подобными пустяками. Я теоретикъ. Практику я предоставляю другимъ. Но къ чему намъ раньше времени говорить объ этихъ крайнихъ мѣрахъ. Постараемся лучше придти къ соглашенію. Это для насъ обоихъ будетъ всего удобнѣе. Время не терпитъ: дѣло въ томъ, что міровой катастрофы приходится теперь ждать со дня на день. Можетъ быть, съ часа на часъ. Вотъ и судите, можно ли еще ждать. А риска, повторяю, никакого, — если боли боитесь, то лишь одна непріятная минута. Какое, меньше! Четверть минуты. Инструменты при мнѣ. Зачѣмъ откладывать? Говорю вамъ: завтра, можетъ быть, будетъ поздно.

Князь слушалъ доктора и уже много разъ испытанное ощущеніе потери своей воли опять овладѣвало имъ. Тотъ пристально на него посматрѣвъ, досталъ свою докторскую сумку и началъ вынимать хирургическіе инструменты, марлю, вату, какія-то склянки.

Лицо его продолжало при этомъ улыбаться. Кожа надо лбомъ и уши медленно, механически передвигались.

«Это не лицо у него, а каучуковая маска», — догадалъ

ся князь. Вмѣстѣ со страшной догадкой пришла къ нему воля. Правда, это была не прежняя разумная воля взрослого человѣка, а маленькое, проказливое своеволие глупаго ребенка.

— Почему у тебя уши двигаются? — спросилъ онъ, спѣша имъ воспользоваться.

Тотъ — какъ не слыхаль.

— Ну, вотъ, сейчасъ все будетъ готово, -- сказалъ, разложивъ инструменты.

— Хочу знать. Про уши, — упрямо повторилъ князь.

Докторъ зажегъ спиртовку и поставилъ на огонь небольшой принесенный имъ съ собою платиновый тигель. Щипцами положилъ въ него какой-то кусочекъ.

— Хочу, чтобы кто нибудь тутъ былъ. Свидѣтелемъ, — продолжая ребячливо своевольничать, сказалъ князь. Хитро прищурившись онъ посмотрѣлъ на возившагося съ тигелемъ доктора.

— Что, не нравится? Боишься свидѣтелей? — онъ громко захохоталъ. Потомъ вдругъ началъ пятиться къ двери, выставивъ впередъ руки, словно защищаясь отъ совѣмъ не нападавшаго на него доктора.

Тотъ посмотрѣлъ удивленно.

— Я васъ не трону, что вы. Зачѣмъ мнѣ насиліе, помилуйте: вы такой любезный человѣкъ, сами все, что для моихъ плановъ нужно, сдѣлаете.

— А что для твоихъ гнусныхъ плановъ нужно?

— Да что бы вы теперь ни придумали, все мнѣ на руку будетъ.

— Будто?

— Увѣряю васъ.

— А если хозяйку позову?

— Сдѣлайте одолженіе. Это, можетъ быть, даже самое для меня пріятное.

— Лжешь! вдругъ изо всей мочи заревѣлъ князь. Подскочивъ къ спиртовкѣ, онъ опрокинулъ тигель. — Что взялъ? Къ чертовой матери твою подлую вѣчность! —

Содержимое съ шипѣніемъ пролилось на огонь. Поднялся густой паръ. Пламя, затрещавъ, вспыхнуло. Въ оранжевомъ свѣтѣ показалось, обнаружившееся изъ подъ маски, лицо. Это была секунда. Всего секунда. Безмѣрнаго предѣльнаго ужаса. Лицо мгновенно исчезло въ тяжелыхъ клубахъ одуряющаго газа.

Вдругъ князь почувствовалъ, что теряетъ подъ ногами почву. Сильный толчекъ подбросилъ его на воздухъ. Комната закачалась, какъ пароходная каюта. Электричество погасло. Среди наступившей темноты раздался трескъ и зазвенѣвъ посыпались осколки разбитаго стекла. Дверь, съ шумомъ отворившись, захлопнулась и опять отворилась. Всѣ предметы въ комнатѣ, какъ-бы внезапно оживъ, сорвались съ мѣстъ и съ грохотомъ начали толкаться вокругъ князя, увлекая въ свою сумасшедшую пляску и его. Шумъ обратился въ чудовищный громъ и ревъ. Казалось, будто рушатся дома, будто воеетъ разсвирѣпѣвшее море. Новый ударъ сбиль князя съ ногъ. Падая, онъ изо всей силы ударился обо что то головой.

«Это конецъ. Это гибель міра!» — успѣлъ онъ еще подумать и потерялъ сознание.

25. Послѣдняя попытка спасти міръ.

Когда онъ пришелъ въ себя, было по-прежнему темно. Но совершенно тихо. Ушибленная голова болѣла. Вспомнивъ катастрофу, онъ судорожно вцѣпился въ первый попавшійся подъ руки предметъ. Это оказались перила. Ощупавъ вокругъ себя, онъ убѣдился, что лежитъ на ступеняхъ лѣстницы. Европа, стало быть, еще не провалилась. Во всякомъ случаѣ не вся. Эта догадка не слишкомъ обрадовала князя.

«Его фокусы!» — подумалъ онъ. — Проходимецъ просто напросто меня надулъ: міровую трагедію подмѣнилъ фарсомъ. Однако нельзя терять ни минуты: я немедленно долженъ вывести его на чистую воду!»

Онъ всталъ и на цыпочкахъ прокрался наверхъ.

— Madame Meterry, madame Meterry! — зашепталь онъ, стуча къ ней въ дверь. — Умоляю васъ, отворите!

— Что такое? Что случилось? — спросила разбуженная старуха.

— Отворите!

— Это вы, monsieur le prince? Сейчасъ, сейчасъ. Вотъ только платье накинута.

— Не надо платья! Идите такъ, скорѣй!

— Ахъ, Боже мой, да что же случилось?

Полуодѣтая, раскосмаченная старуха, громко причитая, выскочила въ корридоръ.

— Тише! Не кричите! Онъ можетъ услышать, оставилъ ее князь. — Идите за мною, мы его накроемъ.

Онъ потащилъ ее за руку. Продолжая нелѣпо спрашивать и нелѣпо отвѣчать, толкаясь и мѣшая другъ другу, они крадучись спустились съ лѣстницы. Князь припалъ къ замочной скважинѣ своей двери. Потомъ осторожно приотворилъ ее на узкую шелку. Наконецъ, какъ бы рѣшившись на рискованный шагъ, отворилъ совсѣмъ и вошелъ. Madame Meterry, ничего не понимая, — за нимъ. Минуту князь съ оторопѣлымъ видомъ озиралъ пустую комнату. Потомъ бросился къ платяному шкафу, отворилъ настежь обѣ створки. Ничего тамъ не найдя, сталъ на четвереньки, чтобы заглянуть подъ кровать. Madame Meterry въ печальномъ изумленіи за нимъ слѣдила.

— Улизнулъ! — вставая, сказалъ князь.

— Кого вы ищете? — упавшимъ голосомъ спросила старуха.

— Черезъ окно, — пояснилъ онъ. И вдругъ странно засмѣялся.

— Ахъ, monsieur le prince, — съ искреннимъ огорченіемъ вскричала старуха, — успокойтесь, прошу васъ! Ни кого же нѣтъ. Вамъ показалось. Вы нездоровы, дорогой месье, ахъ, вы очень нездоровы!

Ея участіе болѣзненно, сверхъ мѣры подѣйствовало на

князя. Громко всхлипнувъ, припалъ онъ къ ея плечу и со-
трясаясь, обнимая на смерть перепуганную женщину, сталъ
умолять защитить его отъ чьихъ-то ужасныхъ козней
Madame Meterry, сама чуть надъ нимъ не плача, уговари-
вала и успокаивала его, какъ ребенка. Но онъ вдругъ под-
нялъ съ ея плеча голову, насупился и погрозилъ ей паль-
цемъ. Потомъ пошелъ къ вѣшалкѣ, сталъ надѣвать пальто.

— Куда вы, князь? Теперь ночь. Куда вы? — пыталась
она удержать его.

— Т-с-съ! — со строгимъ видомъ обернулся онъ къ
ней. — Молчи, старуха! Нельзя терять ни минуты. Я иду
въ префектуру. Этотъ докторъ, библиотечаръ и проститут-
ка Нини. Вотъ уже трое. Остальныхъ откроетъ слѣдствіе.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Эпилогъ.

Недавно мнѣ случилось быть на одной выставкѣ. До
выставокъ я не охотникъ вообще, меньше всего люблю
картинныя: отъ разсматриванія пейзажей, портретовъ не-
извѣстныхъ мнѣ людей и голыхъ женскихъ тѣлъ, у меня
почему то очень скоро затылокъ начинаетъ болѣть.

Но эта выставка была совсѣмъ особая. Рисунки каран-
дашомъ, акварелью, масляными красками, скульптуръ,
рѣзьба по дереву — все поражало необычайной силой вос-
пріятія, непосредственной оригинальностью передачи. Это
была выставка работъ душевно-больныхъ.

Порывшись въ папкахъ, я нашелъ и рукописи. Одна
изъ нихъ — довольно объемистая тетрадь — оказалась
написанной по-русски. На заглавномъ листѣ крупно и ста-
рательно было выведено:

ЗЛАЯ ВѢЧНОСТЬ

(міровая трагедія)

Посвящается господину президенту республики, его свя-

тѣйшеству папѣ римскому, всѣмъ монархамъ и правителямъ міра. Всѣмъ государствамъ. Всѣмъ народамъ.

Всѣмъ. Всѣмъ. Всѣмъ.

Тетрадь содержала много яркихъ и странныхъ по содержанию иллюстрацій, частью перомъ на поляхъ, частью на отдѣльныхъ страницахъ, акварелью. Былъ тутъ широко, въ непомѣрномъ ужасѣ открытый глазъ съ крошечнымъ чернымъ зрачкомъ; была кукла въ розовомъ и бородатая вѣдьма, и господинъ въ жутко улыбающейся каучуковой маскѣ. Подъ этимъ послѣднимъ стояла — почему-то французская — подпись: «*Sa majesté monsieur le diable*». Были и цѣлыя сцены, нарисованныя наивно, но полныя движенія и трагизма. Почти во всѣхъ присутствовалъ высокій блѣдный господинъ съ острой бородкой и породистыми руками. Читая рукопись, я понялъ, что это автопортретъ.

Не надо, конечно, и прибавлять: всѣ описанные мною необычайные факты и приведенныя выше фантастическія теоріи, научная цѣнность которыхъ остается подъ сомнѣніемъ, заимствованы мною изъ этой тетрадки.

На послѣдней ея страницѣ, карандашомъ и совсѣмъ уже измѣнившимся, нетвердымъ почеркомъ было нацарапано: «Гибнемъ! Спаси насъ отъ злой вѣчности!»

Георгій Песковъ.

Счастье

Андрэ Дорэнъ, блѣдный мальчикъ пятнадцати лѣтъ, былъ одинъ въ квартирѣ своихъ родителей, въ Sainte-Sophie, въ сорока верстахъ отъ Парижа. Мачеха его была въ Каннъ — какъ всегда въ это время года, — отецъ съ утра уѣхалъ въ Парижъ, предупредивъ, чтобы его не ждали къ обѣду: это значило, что онъ вернется ночью, разбудить Андрэ и скажетъ ему своимъ спокойнымъ и счастливымъ голосомъ, который Андрэ такъ любилъ:

— А, ты спишь? Встань, посиди со мной немного. Мы сначала предадимся алкоголизму, потомъ я тебѣ расскажу нѣсколько любопытнѣйшихъ исторій.

Онъ заставитъ Андрэ надѣть пижаму и выйти въ столовую, приготовить кофе, осторожно вольетъ въ чашки нѣсколько капель рома и расскажетъ Андрэ множество пустячныхъ вещей, которыя ему кажутся нелѣпыми и смѣшными; потомъ достанетъ изъ своего коричневаго портфеля книгу въ кожаномъ переплетѣ, передастъ ее Андрэ и прибавитъ:

— Эту книгу я нашелъ совершенно случайно. Помнишь, ты говорилъ о ней, тебѣ хотѣлось ее имѣть? Представь себѣ, прохожу я по Елисейскимъ Полямъ, вижу, стоитъ пустой автомобиль и внутри — эта самая книга. Я подумалъ: Боже мой, вѣдь именно о ней мнѣ говорилъ мой сынъ, — вотъ удачное совпаденіе. Я открылъ дверцу автомобиля, досталъ книгу, спряталъ ее въ портфель и ушелъ незамѣченнымъ. Ты понимаешь, какая удача? Только ты, пожалуйста, никому ее не показывай. Тамъ даже какая-то надпись есть.

И въ книгѣ будетъ написано ровнымъ отцовскимъ по черкомъ:

— A ne pas lire la nuit, s. v. p.

Анри Дорэнъ, отецъ Андрэ, все по привычкѣ считаль своего сына маленькимъ мальчикомъ и чаще всего разговариваль съ нимъ такъ, точно ему было девять или десять лѣтъ. Онъ зналь, впрочемъ, что Андрэ слишкомъ развитъ для своихъ лѣтъ, онъ видѣль это по тѣмъ книгамъ, которыя читаль Андрэ, по вопросамъ и замѣчаніямъ Андрэ, казавшимся ему необычными въ устахъ его малснькаго сына, котораго онъ такъ недавно еще возилъ на своихъ плечахъ, для котораго часами былъ готовъ дѣлать гримасы, рассказывать сказки и тратить множество усилій только для того, чтобы Андрэ разсмѣялся. Но Андрэ смѣялся чрезвычайно рѣдко. Анри Дорэнъ все чаще думаль о томъ, что, чѣмъ старше становится Андрэ, тѣмъ больше увеличивается его сходство съ покойной матерью, первой женой, которую онъ никогда не могъ забыть. Когда Дорэнъ познакомился съ ней, ей было девятнадцать лѣтъ, хотя на видъ ей можно было дать пятнадцать. Она всегда носила бѣлыя платья, ходила легко и безшумно, и Дорэнъ говорилъ ей, что она похожа на одинъ изъ тѣхъ дневныхъ призраковъ, которые такъ же рѣдки въ мірѣ, какъ бѣлые дрозды. Она была очень болѣзненна; и хотя не жаловалась ни на что, кромѣ нѣскольکو повышенной чувствительности, Дорэнъ повезъ ее къ извѣстному профессору, который ему сказалъ, что его женѣ слѣдовало бы имѣть ребенка; это переродило бы весь ея организмъ. Ты хотѣла бы имѣть сына? — спросилъ ее Дорэнъ черезъ нѣскольکو дней послѣ этого. Она зажмурила глаза и утвердительно кивнула головой. Дорэнъ не зналь тогда, что это будетъ для нея смертнымъ приговоромъ.

Въ ночь ея родовъ, когда другой врачъ, сурово глядя на него, сказалъ, что надо было быть сумасшедшимъ, чтобы надѣяться на благополучный исходъ—вѣдь она совсѣмъ дѣвочка, — Дорэнъ не находилъ себѣ мѣста. Съ той ми-

нуты, когда ее привезли въ клинику, — это было поздно вечеромъ, — до первыхъ часовъ лѣтнаго утра, онъ шагаль по небольшому пространству передъ домомъ въ Saint-Cloud, гдѣ она лежала, — онъ боялся войти внутрь и не могъ уйти; ровно горѣлъ свѣтъ въ передней за стеклянной дверью, домъ былъ тихъ, все вокругъ было неподвижно и тревожно, — и безконечное ожиданіе его длилось до утра, когда ему сказали, что его жена умерла. Онъ кивнулъ головой, засунулъ руки въ карманы и ушелъ, забывъ даже спросить, живъ ли ребенокъ; онъ пришелъ въ себя только черезъ два дня, разбуженный полицейскимъ и приведенный въ комиссариатъ квартала *Menilmontant*. Полицейскій сказалъ, что нашелъ этого челоуѣка спящимъ на скамейкѣ и такъ какъ при немъ не оказалось ни денегъ, ни даже бумагъ, то онъ арестовалъ его за бродяжничество.

— Какъ твоя фамилія? — спросилъ комиссаръ, обращаясь къ Дорэну и глядя на его испачканный, измятый костюмъ и лопнувшія ботинки. Только въ эту минуту Дорэнь понялъ, что его жена умерла, — и впервые заплакалъ.

— Ты не хочешь сказать, какъ твоя фамилія? — продолжалъ комиссаръ, — повидимому у тебя достаточно причинъ ее скрывать; я прекрасно это понимаю.

— Вы ничего не понимаете, — сказалъ Дорэнь. — Моя фамилія Дорэнь, я не бродяга и не преступникъ. Позвоните въ мою парижскую контору и вызовите управляющаго.

— Помните, что если это шутка, — недовѣрчиво проговорилъ комиссаръ, — то я заставлю васъ пожалѣть о томъ, что вы пошутили.

Однако, въ контору онъ позвонилъ.

— *Monsieur Dorin* у васъ? — закричалъ изумленный голосъ въ телефонъ.

— Онъ будетъ съ вами говорить, — отвѣтилъ комиссаръ и передалъ трубку Дорэну. Дорэнь велѣлъ прислать за нимъ автомобиль; и черезъ двадцать минутъ шофферъ

открылъ дверцу тяжелой шестимѣстной машины передъ небритымъ человѣкомъ въ грязной одеждѣ, снявъ шапку, поклонившись и сказавъ, какъ всегда — *bonjour, monsieur* Комиссаръ со смущеннымъ и вмѣстѣ удовлетвореннымъ видомъ помахалъ на прощанье рукой. Пріѣхавъ домой, принявъ ванну, побрившись и переодѣвшись, Дорэнъ вызвалъ къ себѣ экономку, которая сказала ему, что *madame* похоронена на *Père-Lachaise* и что сынъ *monsieur* находится въ комнатѣ, отведенной кормилицѣ. Только тогда Анри Дорэнъ впервые увидѣлъ Андрэ. Мальчикъ былъ очень малъ и вѣсилъ всего три кило. — Все, что она могла, — подумалъ Дорэнъ, — всѣ свои хрупкія силы она отдала этому ребенку, — и это стоило ей жизни.

Ему казалось тогда, что все свое время онъ посвятить сыну; мысль о томъ, что онъ могъ бы жениться вторично, не приходила ему въ голову, хотя ему было всего двадцать шесть лѣтъ. Много лѣтъ онъ прожилъ, дѣйствительно, думая только о сынѣ. Но по мѣрѣ того, какъ Андрэ росъ, Дорэнъ чувствовалъ, что безсознательная, физически ощущаемая любовь къ сыну замѣняется инымъ чувствомъ, не менѣе сильнымъ, но уже лишеннымъ первоначальной остроты, когда каждое движеніе маленькаго тѣла Андрэ отдавалось въ его сердцѣ. И хотя онъ продолжалъ любить сына такъ же, казалось бы, какъ всегда, однако въ послѣдніе годы, онъ вновь сталъ доступенъ инымъ чувствамъ, — и замѣтилъ въ первый разъ за все это время, что онъ еще не старъ, богатъ и въ сущности почти счастливъ. Андрэ былъ умнымъ мальчикомъ, способнымъ ученикомъ и такимъ любителемъ чтенія, что Дорэнъ, спавшій чрезвычайно крѣпко, специально купилъ себѣ будильникъ, который онъ ставилъ на два часа ночи, чтобы проснуться и идти въ комнату Андрэ; онъ засгавалъ сына въ кровати съ книгой въ рукахъ.

— Ну, *monsieur*, — говорилъ онъ, — *monsieur* все читаетъ? — Онъ вынималъ у него книгу изъ рукъ, цѣловалъ его въ лобъ и уходилъ — и только тогда Андрэ засыпалъ.

Дорэнъ женился второй разъ, когда Андрэ было четырнадцать лѣтъ. Онъ познакомился съ Мадлэнъ случайно въ кафе, куда зашелъ на полчаса послѣ завтрака. Мадлэнъ сидѣла напротивъ; Дорэнъ увидѣлъ ея длинныя, сѣрые глаза, показавшіеся ему въ первую минуту влажнымъ. — это впечатлѣніе бывало у всѣхъ, кто взглядывалъ на Мадлэнъ, — ея красныя губы и бѣлыя волосы, такъ мелко и тщательно завитые, что они ему напомнили бороды ассирійскихъ царей. Какъ только Дорэнъ увидѣлъ Мадлэнъ, онъ почувствовалъ необыкновенное волненіе. Онъ даже не понялъ, что причиной этого была она; ему вдругъ стало казаться, что не то онъ забылъ нѣчто чрезвычайно важное, не то не сдѣлалъ чего то, до крайности необходимаго, не то въ домѣ случилось несчастье: не почувствовалъ ли себя плохо Андрэ? Мадлэнъ сидѣла на своемъ мѣстѣ, помѣшивая ложечкой давно остывшій чай, взглядывая изрѣдка на Дорэна и все точно не рѣшаясь уйти. Наконецъ, она посмотрѣла на свои часы. подозвала гарсона, открыла свою длинную и узкую сумку, похожую на черный кожаный конвертъ, — и вдругъ выяснилось, что маленькій бумажникъ съ деньгами, который долженъ былъ тамъ находиться, она забыла дома. — Боже мой, что же дѣлать? — сказала она низкимъ голосомъ. Услышавъ этотъ голосъ, Дорэнъ понялъ, отчего происходило его волненіе. — Разрѣшите мнѣ заплатить, — проговорилъ онъ послѣ секунды молчанія. — Нѣтъ, нѣтъ, *monsieur*, благодарю васъ тысячу разъ. Это такъ досадно. Боже, ничего глупѣе этого не могло случиться, — говорила она. Но, въ концѣ концовъ, другого выхода изъ положенія не оставалось. Они вышли вмѣстѣ изъ кафе, Дорэнъ посадилъ Мадлэнъ рядомъ съ собой, — и послѣ этого въ теченіе цѣлаго вечера и первыхъ часовъ ночи его желтый Chrysler можно было видѣть въ разныхъ частяхъ города и въ Булонскомъ лѣсу и на Версальской дорогѣ; былъ іюньскій день, зной котораго смягчался легкимъ лѣтнимъ вѣтромъ; плескались въ воздухѣ зеленые листья, остро сверкали стекла

автомобиля и желтый кругъ солнца скользиль, покачиваясь, по чернымъ крыльямъ машины.

Уже садясь рядомъ съ Мадленъ въ автомобиль, Дорэнъ безсознательно зналъ, что такъ уйти отъ этой женщины онъ не можетъ. Мадленъ знала это еще раньше его. Она рассказала ему, что живетъ одна въ Парижѣ, что родители ея остались въ Приморскихъ Альпахъ, что ей двадцать восемь лѣтъ, что она пишетъ статьи объ урбанизмѣ и иногда снимается въ кинематографѣ. Они побѣдали на большихъ бульварахъ, затѣмъ снова поѣхали кататься, — потомъ Дорэнъ очутился у Мадленъ, потомъ, какъ будто бы ничего не было, затѣмъ онъ увидѣлъ какъ сквозь сонъ ея плечи и грудь съ наивными, какъ ему показалось, мальчишескими сосками и ея длинныя ноги и влажные глаза. Утромъ онъ, не вставая съ дивана, дотянулся до телефона, стоявшаго на маленькомъ столикѣ, вызвалъ свой номеръ въ *Sainte-Sophie* и сказалъ Андрэ, что придетъ часа въ четыре дня. — Хорошо, папа, — спокойно отвѣтилъ Андрэ. — Меня не будетъ дома въ это время, я уйду за бабочками. — Прекрасно, значить мы увидимся позже. — Еще черезъ полчаса, — въ сумрачномъ свѣтѣ, проходившемъ сквозь закрытыя ставни, Дорэнъ сказалъ Мадленъ, что просить ея быть его женой. — Вы съ ума сошли. — отвѣтила она, смѣясь. — Я не шучу, — повторилъ Дорэнъ дрогнувшимъ голосомъ. Мадленъ серьезно на него посмотрѣла, потомъ крѣпко обняла и поцѣловала его и ничего не сказала.

Въ четыре часа дня Дорэнъ привезъ ее къ себѣ, въ *Sainte-Sophie*. Онъ обошелъ съ ней домъ и показалъ ей всѣ комнаты, кромѣ комнаты Андрэ, по обыкновенію запертой на ключъ; Андрэ, уходя, никогда не оставлялъ дверь открытой. Они прошли въ столовую; Мадленъ остановилась у длиннаго зеркала, вдѣланнаго въ стѣну, чтобы поправить прическу. Дорэнъ сзади подошелъ къ ней и обнялъ ее, ея губы зашевелились, она, вздохнувъ отъ мускульнаго усилія и перегнувшись, обернулась къ нему, что-

бы поцѣловаль его и въ эту минуту увидѣла чьи-то чужіе глаза: на порогѣ комнаты стоялъ худощавый мальчикъ, который внимательно смотрѣлъ на нее и на Дорэна. Дорэнь покраснѣлъ, выпустилъ изъ рукъ плечи Мадлэнь и сказалъ неожиданно веселымъ голосомъ:

— Андрэ, я представляю тебѣ твою будущую новую мать. Мадлэнь, это мой сынъ, Андрэ.

— *Alors, mon petit...* — заговорила Мадлэнь, употребивъ по ошибкѣ ту же интонацію голоса, съ которой она только что обращалась къ Дорэну; и, тотчасъ же замѣтивъ это, повторила уже иначе: — *mon petit, faisons la connaissance.*

Андрэ низко поклонился, поцѣловаль ея руку и холодно отвѣтилъ:

— *Enchanté, madame.*

Съ того времени, когда Мадлэнь переступила порогъ дома Дорэновъ, Андрэ почувствовалъ, что въ счастливой и спокойной его атмосферѣ произошли какія-то измѣненія. Мадлэнь внесла съ собой нѣчто новое и рѣзко непохожее на все, что было до сихъ поръ. Андрэ не любилъ Мадлэнь за то, что всюду, гдѣ она появлялась, гдѣ двигалась ея фигура и раздавался ея низкій голосъ, — неизмѣнно воцарялся одинъ духъ и все окружающее ее начинало имѣть только опредѣленный смыслъ, въ центрѣ котораго была она, Мадлэнь. Она какъ бы говорила своимъ присутствіемъ: то, что вы думаете, дѣлаете или читаете, важно только до тѣхъ поръ, пока меня нѣтъ; а какъ только есть я, то вы не можете не думать обо мнѣ и не считать, что моя близость есть главная цѣль вашей жизни. Мадлэнь не стремилась къ этому сознательно; но въ ней была особенная душевная влажность, готовность каждую минуту пойти навстрѣчу всякому движенію, которое произошло бы въ этомъ напряженномъ воздухѣ. У нея были

всегда горячія руки и губы; и когда вечеромъ она небрежно цѣловала Андрэ въ лобъ, желая ему спокойной ночи, Андрэ дѣлалось непріятно.

Мадленъ отличалась счастливѣйшимъ физическимъ равновѣсіемъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ ея организмъ былъ такъ же совершененъ и неутомимъ, какъ легкія орла или мускулы лучшаго въ мірѣ атлета; и всякое ощущеніе, доставляющее обыкновенному человѣку легкую боль или удовольствіе, соблазнъ котораго нетрудно преодолѣть, вызывало у нея точно вѣтеръ въ крови. Казалось, что чувства ея похожи на длинную шпагу, которой конецъ, уже послѣ того, какъ нанесли ударъ, все еще дрожитъ и колеблется и точно трепещетъ въ воздухѣ, какъ знамя на вѣтру или бѣлый край паруса надъ рябящимся моремъ, или крылья птицы, садящейся на воду. Анри Дорэнъ зналъ это такъ же, какъ Андрэ, но онъ думалъ, что все это — только для него и ни для кого другого; ему казалось, что до встрѣчи съ нимъ Мадленъ не знала ни себя, ни своихъ чувствъ, которыя раскрылись лишь въ близости къ нему и внѣ этой близости почти не существовали. Его отношеніе къ Андрэ ни въ чемъ, казалось бы, не измѣнилось; и все же Анри Дорэнъ и его сынъ стояли теперь какъ бы на разныхъ берегахъ, вдругъ раздѣлившей ихъ воздушной горячей рѣки, которую ни одинъ ни другой не могли бы перейти.

Анри Дорэнъ часто не бывало дома; онъ уѣзжалъ то въ Парижъ, то на югъ, гдѣ находились его фабрики. Иногда Андрэ сопровождалъ его; поѣздки съ отцемъ были для него величайшимъ удовольствіемъ. Онъ сидѣлъ въ автомобилѣ и смотрѣлъ на летящее въ воздухѣ украшеніе радіатора, изображавшее голову индѣйца съ сильно откинутыми назадъ волосами; голова индѣйца неслась, покачиваясь, надъ ровной поверхностью асфальтовыхъ дорогъ, мимо домовъ и деревьевъ, по берегу моря, по улицамъ провинціальныхъ городовъ и по парижскимъ бульварамъ; и въ своемъ воображеніи Андрэ давно уже при-

думаль название для разказа объ автомобилѣ: индѣецъ-путешественникъ. Разказа онъ, однако, не написалъ. Всѣ поѣздки всегда кончались благополучно; и только однажды Андрэ вернулся изъ автомобильнаго путешествія съ громадной шишкой на лбу. Случилось это потому, что когда какъ-то вечеромъ въ Парижѣ они возвращались съ отцемъ домой — передъ этимъ шелъ дождь и торцы улицы, по которой они проѣзжали, были покрыты тонкимъ слоемъ жидкой грязи, — и отецъ, спѣша поспѣть къ девяти часамъ въ Sainte-Sophie все больше и больше ускорялъ ходъ, на углу одной изъ улицъ Пасси, почти пустынной въ это время, Андрэ вдругъ увидѣлъ маленькаго щенка-фокстерьера, который перебѣгалъ дорогу и находился какъ разъ на пути автомобиля, такъ что свернуть было некуда; улица была узкая. Андрэ сразу стало больно дышать, онъ взглянулъ на отца, и не успѣвъ еще сказать ни слова, понялъ, что отецъ тоже замѣтилъ щенка. Какъ ни быстро это произошло, Андрэ успѣлъ еще подумать: что сдѣлаетъ папа? — Держись, Андрэ, — сказалъ только Дорэнъ и въ ту же секунду завизжали и заскрипѣли тормазы, голова индѣйца съ необычайной быстротой стала поворачиваться направо; автомобиль занесло на полномъ ходу, Андрэ сорвало съ сидѣнья и бросило въ уголъ, затѣмъ онъ услышалъ, — уже послѣ всего, — сильный ударъ и все остановилось. Андрэ поднялся съ того мѣста, куда упалъ и первое, что онъ увидѣлъ, былъ щенокъ, успѣвшій добѣжать до противоположнаго троттуара и помахивавшій короткимъ обрубокѣмъ хвоста. Руки отца усадили Андрэ рядомъ съ собой и измѣнившійся голосъ его спросилъ:

— Мы, кажется, живы, Андрэ?

Андрэ былъ готовъ и смѣяться, и плакать.

— Ты не ушибся?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Андрэ, — у меня только шишка на головѣ.

Отецъ ошупалъ его голову.

— Вы сдѣланы изъ желѣза, молодой человекъ, — ска-

залъ онъ, — никакихъ поврежденій нѣтъ. Теперь осматривимъ автомобиль.

Но и автомобиль не пострадалъ и осталъная часть путешествія прошла какъ всегда. Разговора о причинѣ «катастрофы» не было; и только уже недалеко отъ дома Андрэ спросилъ отца:

— Папа, а почему, собственно, фокстерьерамъ рѣжутъ хвосты?

— Дѣйствительно, — сказалъ Дорэнъ, — почему бы? Видишь ли, можетъ быть, они думаютъ, что безъ хвоста имъ удобнѣе, хотя это очень сомнительно.

— Итакъ, Мадээнъ, — сказалъ Дорэнъ, входя вмѣстѣ съ Андрэ въ столовую, — только личному героизму Андрэ я обязанъ тѣмъ, что имѣю удовольствіе обѣдать сегодня дома.

— Какъ такъ?

И тогда Дорэнъ разсказалъ совершенно фантастическую исторію о томъ, какъ Андрэ на полномъ ходу остановилъ автомобиль «при помощи вспомогательнаго воздушнаго тормоза и тревожнаго сигнала», — въ то время, какъ онъ самъ, Дорэнъ, былъ парализованъ ужасомъ и не могъ сдѣлать ни одного движенія; какъ толпа людей окружила Андрэ и горячо благодарила его за самоотверженный поступокъ и какъ одинъ муниципальный совѣтникъ, случайно находившійся тутъ же и чья жизнь тоже, между прочимъ, была спасена Андрэ, тотчасъ предложилъ ему стать почетнымъ гражданиномъ квартала, который совѣтникъ представляетъ вотъ уже двадцать лѣтъ; и какъ Андрэ отказался отъ этой почести и уѣхалъ, сопровождаемый восторженными криками населенія, отъ которыхъ у него опухла голова, что особенно замѣтно въ одномъ мѣстѣ, гдѣ образовалась шишка, которая служить доказательствомъ того, что разсказъ точно соответствуетъ истинѣ.

Андрэ хмурился, слушая разсказъ отца; онъ не любилъ, когда Дорэнъ въ такомъ тонѣ говорилъ о немъ съ Мал-

лэнъ, — Андрэ казалось, что ихъ отношенія съ отцемъ не должны были заключать въ себѣ еще кого-то третьяго.

Но чаще Андрэ оставался дома; онъ уходилъ въ свою комнату и либо писалъ, либо занимался своими любимыми бабочками, либо читалъ книги; его особенно интересовали книги по зоологiи. Только отца онъ иногда посвящалъ въ свои занятія.

Въ одинъ изъ душныхъ лѣтнихъ вечеровъ, когда Андрэ сразу убѣжалъ послѣ обѣда, сказавъ Мадленъ тѣмъ холоднымъ голосомъ, какимъ онъ всегда говорилъ съ ней, — простите меня, я спѣшу, — Анри Дорэнъ замѣтилъ въ глубинѣ сада электрической свѣтъ, идущій изъ середины деревьевъ. Это его удивило. Онъ пошелъ туда и увидѣлъ Андрэ, который стоялъ надъ полымъ стекляннымъ цилиндромъ, освѣщеннымъ небольшою электрической лампой. Въ цилиндрѣ, медленно двигаясь по стеклу, ползали двѣ вялыя бабочки съ большими крыльями. Андрэ внимательно смотрѣлъ на нихъ.

— Что ты дѣлаешь? — спросилъ Дорэнъ.

И Андрэ объяснилъ отцу, что онъ держалъ у себя нѣсколько мѣсяцевъ личинки этихъ бабочекъ, которыя не водятся ближе, чѣмъ за сто двадцать километровъ отсюда. — Это бабочки-самки, — говорилъ Андрэ.

— И ты увидишь, папа, — сказалъ Андрэ, поднявъ голову и глядя на отца, — что самцы, почувствовавъ здѣсь присутствіе этихъ самокъ, прилетятъ сюда, — почти за полтора ста километровъ.

— Ты не фантазируешь, Андрэ? — спросилъ Дорэнъ. — За сто двадцать километровъ? Какимъ образомъ? Я еще понимаю — километръ, ну, два, ну десять въ коннѣ концовъ, — но сто двадцать? Андрэ, я боюсь, что твой опытъ не удался.

— Ты увидишь, папа, — сказалъ Андрэ. Я потушу сейчасъ свѣтъ и буду ждать, а ты иди наверхъ. Я тебя позову.

Дорэнъ ушелъ. Прошло много времени, наступила уже ночь; Андрэ все не возвращался.

— Съ чѣмъ онъ тамъ возится въ саду? — спросила Мадлэнъ.

— Интересный опытъ; вотъ въ чемъ онъ заключается. — И Дорэнъ разсказалъ это Мадлэнъ.

— Это удивительно, — сказала Мадлэнъ. — Какой странный мальчикъ, — прибавила она, улыбнувшись и подумавъ совсѣмъ о другомъ. Вдругъ подъ окномъ раздался торжествующій шопотъ Андрэ: — пана, они прилетѣли! — Дорэнъ и Мадлэнъ пошли за Андрэ, невольно, какъ и онъ, ступая на цыпочкахъ и стараясь не шумѣть. Андрэ прошелъ впередъ. — Сейчасъ я зажгу свѣтъ, — прошепталъ онъ и замахалъ рукой. — Папа, иди сюда. — Они подошли, Андрэ зажегъ электричество и Дорэнъ и Мадлэнъ увидѣли на освѣтившемся стеклѣ десятки громадныхъ бабочекъ, ползавшихъ взадъ и впередъ и взмахивавшихъ крыльями.

— Нельзя сказать, чтобы это была очень шумная любовь, — замѣтила Мадлэнъ и засмѣялась. — Андрэ сердито и презрительно на нее посмотрѣлъ.

Много времени Андрэ проводилъ одинъ; когда отца не бывало дома, онъ почти не выходилъ изъ своей комнаты; изрѣдка только онъ вдругъ появлялся изъ раскрытой двери, чтобы пройти въ кабинетъ Дорэнъ за какой-нибудь книгой, — и его появленіе бывало всегда неожиданно, такъ какъ передвигался онъ совершенно безшумно; Мадлэнъ поэтому нерѣдко вздрагивала, увидя его. — Я васъ испугалъ? — говорилъ въ такихъ случаяхъ Андрэ. — Извините меня, пожалуйста.

Въ домѣ довольно часто бывали гости: и одинъ разъ изъ-за этого у Андрэ даже вышла неприятность. Отецъ его въ то время уѣхалъ на нѣсколько дней; самъ Андрэ ушелъ изъ дому съ утра, взявъ съ собой сачекъ для ловли бабочекъ и небольшую банку, закрывавшуюся деревянной крышкой съ просверленными въ ней отверстіями для воздуха, — въ эту банку Андрэ сажалъ тритоновъ и водяныхъ жуковъ, которыхъ ловилъ на маленькомъ озерѣ, на-

ходившемся верстахъ въ пяти отъ дома; Андрэ сопровождалъ его догъ, Джэкъ, — Андрэ смѣшило то, что Джэкъ лаялъ на ящерицъ. Андрэ бродилъ цѣлый день; когда онъ уставалъ, онъ ложился на землю и лежалъ, подставивъ лицо солнцу; закрытыми глазами онъ видѣлъ красныя пространства передъ собой; подъ нимъ звенѣла земля, тихо шипѣла трава, движимая легкимъ вѣтромъ и рядомъ слышалось мѣрное дыханіе Джэка, — а въ красныхъ пространствахъ то появлялись, то исчезали крылья бабочекъ и голова индѣйца-путешественника и еще другіе, непонятные и трудно различаемые предметы. Андрэ поднимался и шелъ дальше. Уже банка его была полна тритоновъ, ноги были расцарапаны; онъ усталъ, начинало темнѣть и лѣсъ, въ которомъ былъ Андрэ, начиналъ уже по вечернему шумѣть. — Теперь домой, Джэкъ, — сказалъ Андрэ, — бѣжимъ. И онъ вспомнилъ, что забылъ запереть свою дверь, уходя.

Когда онъ подходилъ къ дому, онъ увидѣлъ, что свѣтъ былъ во всѣхъ комнатахъ и надъ его столомъ горѣла лампа. Онъ быстро побѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ; въ корридорѣ никого не было, изъ столовой слышался голосъ Мадленъ. Андрэ подошелъ къ своей комнатѣ: дверь была полуоткрыта. Онъ толкнулъ ее и увидѣлъ, что тетрадка, въ которой онъ писалъ, была раскрыта, точно такъ же, какъ книга, лежавшая на столѣ. Въ его креслѣ сидѣла незнакомая дама съ блѣднымъ лицомъ и очень красными губами. На ручкѣ кресла полулежалъ молодой человѣкъ, обнимавшій даму; губы его почти касались ея уха. Андрэ вошелъ такъ быстро, что молодой человѣкъ не успѣлъ перемѣнить положеніе. Онъ посмотрѣлъ на Андрэ и сказалъ:

— Я не имѣю удовольствія васъ знать, молодой человѣкъ, но въ дальнѣйшемъ я вамъ совѣтую стучаться, прежде чѣмъ входить.

Андрэ отъ бѣшенства не могъ выговорить ни слова. Джэкъ зарычалъ. Андрэ вдругъ обрѣлъ даръ рѣчи.

Aller vous en, — тихо сказалъ онъ.

— Что? — переспросил молодой человек, поднимаясь съ кресла. Рычаніе Джэка стало захлебывающимся. Андрэ схватилъ его за ошейникъ и повторилъ:

— *Allez vous en, vous et votre dame.* Это моя комната, — Андрэ невольно повысилъ голосъ, чтобы заглушить рычаніе собаки.

Черезъ пять минутъ въ комнату Андрэ постучалась Мадленъ.

— Андрэ, ты долженъ извиниться. На что это похоже?

— *Madame?*.. — вопросительно сказалъ Андрэ.

— Ты долженъ извиниться.

Андрэ пожалъ плечами.

— Не откажите въ любезности, — проговорилъ она ровнымъ голосомъ, точно читая книгу, — передать *mon sieur* и *madame* мое сожалѣніе по поводу того, что случилось.

И онъ наклонился къ книгѣ, дѣлая видъ, что читаетъ. Мадленъ повернулась и ушла. Въ комнатѣ Андрэ стало тихо. Онъ позвонилъ, ему подали ѣсть, онъ пообедалъ; послѣ этого онъ легъ на диванъ и заснулъ.

Онъ проснулся ночью, всталъ и подошелъ къ окну. Бѣлыя, лѣтнія облака закрывали высокую луну, воздухъ былъ теплый и неподвижный; все вокругъ было тихо. Вдругъ въ столовой замирающей голосъ Мадленъ сказалъ:

— Это правда?

— Когда я ѣду къ вамъ, — отвѣтилъ мужской голосъ, — я чувствую, что у меня вырастаютъ крылья.

— Крылья любви? — опять сказала Мадленъ.

Наступило молчаніе; потомъ послышалось какое то движеніе и безконечно измѣнившійся голосъ, задыхающійся и торопливый:

— Ты съ ума сошелъ?

Андрэ отошелъ отъ окна и сѣлъ въ кресло. Опять что-то было слышно въ столовой, но Андрэ это было безразлично. — Крылья любви, — повторилъ онъ про себя. — гдѣ я читалъ про крылья?

И онъ вспомнилъ, что читалъ про нѣкоторыя породы муравьевъ, у которыхъ во время періода любви вырастаютъ крылья и они поднимаются въ воздухъ и потомъ падаютъ и гибнуть тысячами. — И еще трутни, — думалъ Андрэ, — которые тоже летятъ за маткой; сначала отстаютъ самые слабые, потомъ другіе, — и только одинъ, самый лучший и самый сильный, догоняетъ ее. Вотъ они, крылья любви. Это о нихъ говоритъ Мадленъ. А папа?

И Андрэ легъ на диванъ и заплакалъ.

Андрэ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ. Онъ мечталъ о томъ, что современемъ онъ станетъ знаменитымъ писателемъ, вродѣ тѣхъ, чьи книги издаетъ Grasset и Nouvelle Revue Française; какъ въ черномъ пальто и синемъ костюмѣ, съ беретомъ на головѣ и съ часами Омега на лѣвой рукѣ онъ будетъ проходить по Латинскому кварталу и какъ чей-то безцеремонный голосъ скажетъ сзади него:

— Mais regardez donc, c'est bien André Dorin.

И онъ, не оборачиваясь и даже съ досадой ускоривъ шаги, пойдетъ дальше.

Онъ только не представлялъ себѣ, что именно онъ напишетъ. Онъ никакъ не могъ справиться ни съ однимъ сюжетомъ, который онъ долго обдумывалъ; и сперва все казалось просто: сначала описаніе героя, потомъ обстановки, въ которой онъ живетъ, книгъ, которыя онъ читаетъ, затѣмъ путешествіе героя въ Англию и странная встрѣча на лондонской туманной улицѣ съ желтыми фонарями, — встрѣча, которая опредѣлитъ всю его дальнѣйшую судьбу, — и все это будетъ написано однимъ дыханіемъ, такъ, что начавъ рассказъ, нельзя будетъ отъ него оторваться. Но всякій разъ, когда Андрэ доходилъ до важныхъ мѣстъ, все получалось такъ нехорошо и искусственно, что Андрэ, отчаявшись, переставалъ писать и на-

чиналъ думать съ тревогой, что изъ него никогда не выйдетъ знаменитаго писателя. Онъ не могъ сосредоточить своихъ усилій на одной линіи повѣствованія; какъ только онъ начиналъ что-нибудь описывать, ему хотѣлось сказать объ этомъ все, что ему было извѣстно, ему было жаль что-либо упустить, — создавалось бы впечатлѣніе, что онъ ничего не знаетъ о тѣхъ вещахъ, которыя не упомянуты въ разказѣ и которыя дѣйствительно не необходимы именно для этого разказа, но сами по себѣ очень важны и интересны и знать ихъ можетъ только умный и наблюдательный человекъ. Когда Андрэ начиналъ описаніе Лондона, онъ неизмѣнно переходилъ на свои соображенія объ исторіи Англій и излагалъ свои сужденія о британскомъ національномъ характерѣ, подкрѣпляя ихъ примѣрами, взятыми изъ разныхъ столѣтій, упоминая Гладстона, Пিতта, Шелли и Шекспира, — хотя никто изъ этихъ людей не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ его разказу. Потомъ онъ возвращался къ своему герою; но герой за это время успѣвалъ нѣсколько измѣниться, невольнo приобрѣта нѣкоторыя англійскія черты и всю характеристику его надо было передѣлывать. Андрэ терпѣливо принимался за эту работу, — но что-нибудь опять вводило его повѣствованіе далеко въ сторону и число исписанныхъ страницъ росло, а героиня все никакъ не могла появиться изъ лондонскаго тумана; и ея одинокая фигура, сиротливо идущая по улицѣ, невольнo вызывала такую жалость въ Андрэ, что онъ не на шутку огорчался, точно если бы это была дѣйствительно живая женщина, — и рѣшалъ на слѣдующій же день писать непременно о ней; но опять отвлекался и опять ничего не получалось. Тогда Андрэ бросалъ работу и уходилъ въ садъ, а вечеромъ садился писать дневникъ, въ которомъ ничего не нужно было выдумывать.

Въ тотъ январьскій вечеръ, когда Андрэ былъ одинъ въ квартирѣ и ждалъ возвращенія Дорэна изъ Парижа, — на дворѣ было холодно и пустынно, по мерзлой дорогѣ, проходившей недалеко отъ дома Дорэновъ никто не проѣзжалъ, вокругъ стояла тишина; только изрѣдка доносился разноголосый и быстро затихавшій лай собакъ и тогда Джэкъ поднималъ громадную голову и негромко рычалъ, — Андрэ до поздна сидѣлъ за своимъ столомъ, думалъ и писалъ дневникъ, въ которомъ ему захотѣлось изобразить отца. Онъ написалъ очень длинное вступленіе и затѣмъ началъ:

— Анри Дорэнъ, мой отецъ, родился, чтобы быть счастливымъ.

Послѣ этой фразы Андрэ ничего не написалъ; онъ положилъ на столъ ручку и задумался. Да, конечно, Дорэнъ былъ рожденъ счастливымъ человѣкомъ. Ни у кого Андрэ не слышалъ такого спокойнаго и смѣющагося голоса, никому всѣ огорченія, неудачи и обиды не представлялись такими легко разрѣшимыми, какъ отцу. Андрэ вспомнилъ, какъ однажды, въ раннемъ дѣтствѣ, онъ горько плакалъ оттого, что сложный планъ проведенія узкой мощеной дорожки отъ муравейника на опушкѣ лѣса до стараго, коряваго пня, обросшаго тоненькими вѣточками съ зелеными листьями, — весь этотъ планъ послѣ нѣсколькихъ дней работы оказался невыполнимымъ, такъ какъ Андрэ забылъ о ручьѣ, отдѣлявшемъ муравьевъ отъ пня. Андрэ смотрѣлъ, какъ послѣ дождя муравьи пробирались по грязи къ берегу ручья и потомъ возвращались обратно, тревожно шевеля усиками. Ему казалось, что муравьямъ непременно нужно добраться до этого пня, — и онъ сталъ строить для нихъ твердую дорогу, которой былъ бы нестрашенъ никакой дождь. Онъ носилъ въ карманахъ своихъ штановъ камни и молотокъ, носилъ тяжелыя ведра съ пескомъ и кое-какъ сдѣлалъ дорогу до самаго ручья. Потомъ онъ стѣлъ на землю и заплакалъ, — и пришелъ со слезами домой. — Что съ тобой, Андрэ? — спросилъ его отецъ. Ан-

дрэ разсказаль, въ чемъ дѣло. Отецъ выслушалъ его съ серьезнымъ лицомъ, кивнулъ головой и сказалъ.

— Ты совершенно правъ, Андрэ, мы все это устроимъ; послѣ завтрака я пойду съ тобой и мы будемъ работать вмѣстѣ.

И оказалось, что труднаго ничего не было; Дорэнъ проложилъ низкій мостъ надъ ручьемъ, утрамбовалъ дорогу и уже вдвоемъ съ Андрэ они довели ее до пня. Слѣды отъ этой дороги оставались и до сихъ поръ, до тепершняго времени, когда Андрэ понималъ, какъ смѣшонъ былъ его дѣтскій планъ.

Потомъ Андрэ подумалъ о своихъ вечернихъ разговорахъ съ отцомъ, которые стали происходить только въ самое послѣднее время, когда Дорэнъ впервые заговорилъ съ сыномъ, какъ со взрослымъ. Чаще всего это былъ одинъ и тотъ же споръ; онъ начинался съ того, что Андрэ приходилъ къ отцу спросить его мнѣнiе о томъ или иномъ историческомъ событiи или о книгѣ, которую онъ читалъ. — Ну, хорошо, — говорилъ Дорэнъ, — скажи мнѣ, пожалуйста, что ты думаешь по этому поводу, а я потомъ тебѣ сообщу, какъ я это понимаю.

И Андрэ начиналъ говорить; часто онъ высказывалъ то, что писалъ или собирался писать, иногда онъ касался вопроса, который все время не давалъ ему покоя, — вопроса о Мадлэнъ; но онъ дѣлалъ это въ такой отдаленной формѣ, что отцу въ голову не приходила мысль, что рѣчь идетъ о его женѣ. Но всякiй разъ, когда Андрэ упоминалъ о любви, Дорэну дѣлалось и стыдно и хорошо въ одно и то же время; стыдно потому, что онъ былъ женатъ на Мадлэнъ, и хорошо потому, что онъ вспоминалъ о матери Андрэ. Впрочемъ, онъ сдерживался, — и только одинъ разъ посадилъ Андрэ къ себѣ на колѣни, — точно Андрэ было восемь лѣтъ, — и сказалъ ему:

— Андрэ, ты знаешь, какъ я тебя люблю?

— Знаю, папа.

— Но ты не знаешь еще одного, — сказалъ онъ съ непривычнымъ для Андрэ волненіемъ, — того, что ты похожъ на твою покойную мать.

И послѣ этого цѣлыхъ два дня Анри Дорэнъ былъ молчаливъ и задумчивъ.

Но чаще всего разговоры были иными. Съ удивительной для мальчика ясностью Андрэ замѣчалъ и видѣлъ много печальнаго во всемъ, что его окружало; и именно такія вещи обычно привлекали къ себѣ его вниманіе. Все, что было шумно, радостно и буйно, было ему непріятно. Анри Дорэнъ, говоря съ нимъ какъ со взрослымъ, — это очень льстило Андрэ и онъ понималъ, что это ему льстило, и сердился на себя за это, но своеобразнаго удовольствія преодолѣть не могъ, — возражалъ ему:

— Ну вотъ, Андрэ, я понимаю твой взглядъ. Ты говоришь, что все печально и нехорошо. Даже не входя въ обсужденіе этого, а просто такъ, фактически, если хочешь, — вѣдь это невѣрно. Посмотри вокругъ себя, — сколько ты увидишь радости. Вотъ Джэкъ бѣжитъ тебѣ навстрѣчу, — развѣ онъ не радуется?

— Джэкъ — это собака, — отвѣчалъ Андрэ.

— Андрэ, Андрэ, — укоризненно говорилъ Дорэнъ, — вѣдь ты занимаешься зоологіей, значить ты не долженъ преуменьшать значеніе животныхъ, ты долженъ знать, что въ извѣстномъ смыслѣ Джэкъ совершеннѣе насъ съ тобой.

— У Джэка нѣтъ разума въ человѣческомъ смыслѣ, — настаивалъ Андрэ, — а есть инстинктъ. Инстинктъ это — потребность питанія, размноженія и движенія, необходимаго для того, чтобы мускулы не сдѣлались дряблыми, — вотъ и все. А развѣ у собаки можетъ быть какое нибудь мнѣніе о томъ, что все хорошо или все плохо?

— Не знаю, не знаю, можетъ быть, да. Вотъ одинъ человѣкъ заболѣлъ и умеръ; его собака не отходила нѣсколько дней отъ его могилы и черезъ нѣсколько дней тамъ околѣла, хотя была, казалось бы, совершенно здорова. Какой же это инстинктъ? Но оставимъ это. Развѣ

ты не можешь себѣ представить безконечно умнаго человѣка, который все видитъ и все понимаетъ, — насколько это въ человѣческихъ возможностяхъ, — и находить во всемъ одно только хоршее?

— Нѣтъ, папа, такого человѣка не было.

— А Францискъ Асизскій, Андрэ? Ну, конечно, Андрэ, Францискъ Асизскій, — и Дорэнъ улыбался совсѣмъ такъ, какъ онъ улыбался маленькому Андрэ, когда разрѣшалъ стоявшую передъ мальчикомъ трудность, и все оказывалось просто и необыкновенно хорошо, — вотъ видишь? Онъ зналъ очень много и все понималъ, — и былъ неизмѣнно радостенъ; значить, это возможно, значить это было правильно.

— А я не могу, — упрямо говорилъ Андрэ.

— Потому что ты многого не понимаешь. Не обижайся, Андрэ, понять теоретически это одно, а почувствовать, это другое. Ты еще не знаешь очень многихъ чувствъ, мой мальчикъ. Вотъ подожди, мы поговоримъ съ тобой черезъ пятьдесятъ лѣтъ, — и Дорэнъ начиналъ шутить.

— А если несчастье, папа? Ну, вотъ, напримѣръ, катастрофа или... — Андрэ запнулся и потомъ съ трудомъ сказалъ: — или измѣна любимой женщины. — Онъ употребилъ такое книжное выраженіе, потому что говорилъ объ этомъ въ первый разъ съ отцемъ.

— Ахъ, Андрэ, до чего ты любопытенъ. Ну, хорошо: катастрофа, — что такое катастрофа? Если это смерть, то все кончается; если это не чья либо смерть, а измѣненіе, то подумай, сколько радости тебѣ предстоитъ; ты измѣнишься и потомъ въ измѣненномъ состояніи будешь снова узнавать всѣ тѣ наслажденія, которыя ты зналъ раньше. Это вся жизнь сначала. Что же касается измѣны... видишь ли, мой мальчикъ, любимая женщина не можетъ измѣнить.

— А если она все-таки измѣняетъ?

— Откуда ты это знаешь?

— Мнѣ сказали.

— Значить, это ложь.

— У меня есть неопровержимыя доказательства, я видѣлъ, какъ ее цѣловали.

— Значить, были какія-то ужасныя обстоятельства, заставившія ее такъ поступить, — обстоятельства, которыхъ ты не знаешь и которыя ее совершенно оправдываютъ. А если и ихъ нѣтъ, то, значить, ты ошибся: она не любимая женщина. Но это рѣдко, Андрэ, это исключенія. Впрочемъ, здѣсь, въ этой области, я даже не имѣю права съ тобой спорить, потому что я это знаю, а ты въ этомъ невѣжда. Видишь ли, Андрэ, у тебя есть одинъ крупный недостатокъ для оппонента въ такихъ вопросахъ.

— Какой, папа?

— А тотъ, -- Дорэнъ улыбнулся съ едва замѣтной мягкой насмѣшкой, — что моему умному сыну, который все знаетъ, — только пятнадцать лѣтъ. Voilà, monsieur. А теперь спокойной ночи. И не надѣйся, пожалуйста, читать до утра; я тебѣ все равно помѣшаю. Болѣе надоѣдливаго отца ты не могъ бы себѣ выбрать.

— Анри Дорэнъ, мой отецъ, родился, чтобы быть счастливымъ.

Андрэ еще разъ перечелъ эту фразу. Было уже очень поздно. Джэкъ спалъ, положивъ голову на лапы.

— Почему папы до сихъ поръ нѣтъ? — съ внезапной тревогой подумалъ Андрэ.

Онъ заботливо постелилъ себѣ постель, аккуратно растянувъ простыни, поставилъ на ночной столикъ лампу съ зеленымъ абажуромъ, досталъ съ полки «Красное и Черное» Стендала, заложивъ шелковой закладкой на триста двадцать восьмой страницѣ, онъ даже успѣлъ, разворачивая книгу, прочесть:

«Mathilde croyait voir le bonheur. Cette vue toute puissante sur les âmes courageuses liées à un esprit supérieur eut à lutter longuement contre la dignité et tous sentiments de devoir vulgaires».

Отец все не возвращался. Тогда Андрэ надѣлъ пальто и вышелъ на дорогу; мгновенно проснувшійся Джэкъ пошелъ за нимъ.

Андрэ долго стоялъ и всматривался въ темноту, но ничего не было видно. Шоссе, съ примерзшими къ землѣ маленькими камешками смутно бѣлѣло передъ глазами Андрэ, исчезая въ двадцати шагахъ отъ него, точно безмолвно провалившись въ пропасть. Время отъ времени скрипѣли и качались отъ вѣтра деревья, которыми была обсажена дорога; было очень холодно, пустынно, нигдѣ не было видно огня. Джэкъ протяжно зѣвалъ, потомъ настораживался, поднявъ уши, но ничего не появлялось изъ темноты. Вдругъ Андрэ замѣтилъ, что уши Джэка давно уже опять насторожены; тѣло собаки подалось впередъ, точно Джэкъ былъ въ нерѣшительности, — бѣжать или стоять на мѣстѣ. Тогда Андрэ различилъ едва слышный издалека шумъ, состоящій изъ шуршанья шинъ о землю и тихаго звука мотора. Андрэ зналъ, что въ пятистахъ метрахъ отъ дома шоссе дѣлало крутой поворотъ; повидимому, шумъ отъ смѣщающихся колесъ и былъ тѣмъ неяснымъ вначалѣ звукомъ, который услышалъ Андрэ. Потомъ далеко впереди въ темнотѣ появились два огня, странно танцовавшіе въ воздухѣ, — точно автомобилемъ управлялъ совершенно пьяный человекъ, ѣхавшій зигзагами. Тревога охватила Андрэ, онъ побѣждалъ навстрѣчу этимъ огнямъ; перегнавъ его, съ лаемъ туда же помчался Джэкъ. Андрэ добѣжалъ до автомобиля, распахнулъ дверцу и увидѣлъ, что отецъ сидитъ блѣдный, вцѣпившись въ руль ослабѣвшей рукой въ кожаной перчаткѣ. Онъ не улыбнулся Андрэ, какъ улыбался всякій разъ, когда его встрѣчалъ, — и только сказалъ ему срывающимся голосомъ:

— Андрэ, я очень плохо себя чувствую, довези меня, пожалуйста, до дома.

Андрэ съ трудомъ помогъ отцу пересѣсть дальше отъ руля и медленно, путая скорости и заставляя автомобиль

двигаться толчками, отъ которыхъ Дорэнъ болѣзненно морщился, доѣхаль до дома. Онъ разбудилъ слугу отца, Жозефа и вдвоемъ они помогли Дорэну подняться наверхъ и уложили его въ постель. Дорэнъ сказалъ Жозефу, съ усиліемъ произнося слова:

— Жозефъ, вы разбудите аптекаря и возьмете у него аспирина и хины; скажите ему, что у меня еще сильныя боли ниже груди, чтобы онъ далъ что-нибудь противъ этого. Сдѣлайте это, пожалуйста, поскорѣе.

Андрэ съ непрекращающейся тревогой слѣдилъ за каждымъ движеніемъ отца. Ему вдругъ стало казаться, что Анри Дорэнъ можетъ умереть, — и когда Андрэ думаль объ этомъ, все становилось такъ холодно и ужасно вкругъ него, что онъ рѣшалъ умереть вмѣстѣ съ отцомъ. Анри Дорэнъ нашель въ себѣ силы улыбнуться Андрэ.

— Это пустяки, Андрэ, — проговорилъ онъ. — Ты понимаешь, я повидимому, простудился: у меня болитъ голова, и я неважно себя чувствую. — Онъ не сказалъ Андрэ, что во время дороги изъ Парижа въ Sainte-Sophie нѣсколько разъ терялъ сознаніе. — Я приму аспирина и хину, выплосю и завтра утромъ мы устроимъ съ тобой матчъ бокса въ десять раундовъ.

Потому, что отецъ сказалъ о боксѣ, Андрэ поняль, что ему очень плохо. Но онъ не успѣль объ этомъ какъ слѣдуетъ подумать; вошелъ запыхавшійся Жозефъ и принесъ лѣкарства.

— Я прошу извиненія у *monsieur*, но такъ какъ аптекаръ очень спѣшилъ, онъ не могъ найти облатокъ и завернулъ въ пакеты все, что вы требовали. Это хина, это аспирина, а здѣсь средство противъ болей ниже груди; аптекаръ сказалъ, что нужно принять полторы столовыхъ ложки.

— Хорошо Жозефъ, можете идти.

И обратившись къ Андрэ, Дорэнъ сказалъ:

— Побудь со мной одну минуту, Андрэ.

— Когда Жозефъ вышелъ, Дорэнъ продолжалъ:

— Ну, вотъ, Андрэ, все въ полномъ порядкѣ. Я при-
му эти лѣкарства и засну. Ты тоже иди спать, я тебя очень
прошу. Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, папа, — отвѣтилъ Андрэ шопо-
томъ. Но когда онъ былъ уже въ дверяхъ, голосъ отца
вдругъ остановилъ его:

— Андрэ, ты знаешь адресъ Мадлэнь?

— Да, папа, — отвѣтилъ Андрэ, вдругъ понявъ, поче-
му отецъ спрашиваетъ его объ этомъ. Но чтобы не встре-
вожить отца и не дать ему понять, что онъ догадался, онъ
сказалъ:

— А почему ты спрашиваешь?

— А я забылъ, — Дорэнь быстро и искусственно улыб-
нулся, — сто восемьдесятъ три или сто девяносто три —
номеръ дома?

— Сто девяносто три.

— Ну, хорошо, спасибо.

Придя въ свою комнату, Андрэ рѣшилъ не раздѣвать-
ся и не спать. Онъ взялъ опять «Красное и Черное», сѣлъ
въ кресло и попытался читать. Но дальше *Mathilde qui*
stouait voir le bonheur онъ не могъ прочесть; онъ ничего
не понималъ. Онъ закрылъ книгу; неожиданная дремота
вдругъ овладѣла имъ и онъ заснулъ.

Онъ проснулся, почувствовавъ, что кто-то толкнулъ его
колѣно. Онъ открылъ глаза; возлѣ него стоялъ Джэкъ.
Все въ квартирѣ было тихо. Андрэ поднялся и на цыпоч-
кахъ пошелъ посмотрѣть, спитъ ли отецъ. Войдя въ ком-
нату, онъ увидѣлъ, что Дорэнь лежитъ съ открытыми гла-
зами, неподвижно смотрящими прямо передъ собой. Ан-
дрэ удивило и даже обидѣло, что отецъ не поглядѣлъ въ
его сторону.

— Ты не спишь, папа? — спросилъ Андрэ.

Дорэнь ничего не отвѣтилъ. Андрэ заглянулъ ему при-
мо въ лицо; но отецъ продолжалъ смотрѣть своимъ не-
видящимъ взглядомъ и не сдѣлалъ ни одного движенія.
Страшная мысль о смерти пришла въ голову Андрэ: онъ

откинулъ одѣяло и приложилъ ухо къ груди отца; грудь была теплая, сердце билось. Ему сразу стало такъ легко, точно вообще ничего не случилось.

— Тебѣ очень плохо, папа?

Дорэнъ не отвѣчалъ. — Онъ въ обморокѣ, — подумалъ Андрэ, — но почему у него открыты глаза? Онъ сталъ брызгать водой въ лицо отца. Лицо не вздрагивало и не шевелилось, глаза оставались открытыми. Андрэ стало страшно.

Уже начинало свѣтать, когда Жозефъ по телефону вызвалъ врача изъ Парижа.

Аври Дорэнъ хорошо хорошо помнилъ ту минуту, когда, принявъ сначала аспиринъ и то, что онъ считалъ хинной, — его немного удивило, что она показалась не очень горька, онъ взялъ столовую ложку, лежавшую на ночномъ столикѣ, насыпалъ туда средство противъ болей ниже груди и сразу проглотилъ это, заливъ водой. Послѣ этого онъ ничего уже не видѣлъ, не понималъ, и не слышалъ; онъ обрѣлъ способность думать только черезъ много часовъ. У него ничего не болѣло. — Слава, Богу, все кончено, — сказалъ онъ себѣ и хотѣлъ приподняться, но не могъ. — Какая темнота въ комнатѣ, — продолжалъ онъ думать, — а я все же очень ослабѣлъ. Должно быть, уже утро, странно, что никого нѣтъ. Надо позвать Андрэ.

Но и Андрэ онъ не могъ позвать. И тогда вдругъ онъ понялъ, что не можетъ пошевелить ни рукой, ни ногой, не можетъ ничего сказать, ничего не видеть и не слышать. — Я умеръ? — съ ужасомъ спросилъ онъ себя. — Нѣтъ, это не можетъ быть; я бы, навѣрное, не могъ думать. Я парализованъ.

И онъ опять забылся.

Онъ зналъ, что вокругъ него ходятъ люди, открываютъ и закрываютъ ставни, день смѣняется ночью, — но онъ

ничего не видѣлъ, не слышалъ и не чувствовалъ. Онъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы поднять руку, но ничего не получалось. Наконецъ, его правая рука слегка шевельнулась.

Это произошло на третій день послѣ того вечера, когда онъ принималъ лѣкарство. Трое сутокъ онъ пролежалъ пластомъ, какъ живой трупъ; его перекладывали нѣсколько разъ, докторъ дѣлалъ ему впрыскиванія, но тѣло Дорэна оставалось неподвижнымъ. Вызванная телеграммой Андрэ, встревоженная Мадленъ пріѣхала на второй день вечеромъ и не отходила отъ постели Дорэна. Андрэ нельзя было заставить уйти изъ комнаты: часами онъ просиживалъ на кровати отца, все повторяя, — папа, папа, — точно надѣясь, что его голосъ вызоветъ отца изъ того страшнаго небытія, въ которомъ находился Дорэнъ. Докторъ сказалъ Андрэ, что его отецъ принялъ очень большое количество хины по ошибкѣ и нельзя заранѣе знать, что теперь будетъ.

Андрэ первый увидѣлъ, что рука отца шевельнулась. Онъ принесъ ему карандашъ и бумагу; но сколько онъ ни старался вложить карандашъ въ руку отца, пальцы Дорэна разжимались и ничего не выходило. Наконецъ, къ вечеру Анри Дорэнъ неувѣренными буквами, останавливаясь и роняя карандашъ, который Андрэ снова подавалъ ему, написалъ:

— Я ничего не вижу, не слышу и не чувствую.

И съ этого начались улучшенія. Утромъ слѣдующаго дня Дорэнъ могъ уже двигать обѣими руками; еще черезъ день онъ уже сгибалъ ноги въ колѣняхъ. Черезъ трое сутокъ, проснувшись, онъ услышалъ шаги Мадленъ. Ему вспомнилось, какъ лицейстомъ самага младшаго класса онъ забавлялся тѣмъ, что на секунду крѣпко зажималъ уши и, когда вновь отнималъ руки отъ головы, слышалъ сразу громкій шумъ. Такъ и теперь, — необычайная тишина вдругъ наполнилась различными звуками и голосами, — Андрэ, Мадленъ, доктора, Жозефа и другихъ лю-

дей. Потомъ онъ уже началъ, — хотя и съ большимъ трудомъ, — говорить. Первое, что онъ сказалъ, были слова:

— Позовите Андрэ.

— Я здѣсь, папа, — отвѣтилъ голосъ Андрэ.

— Ты очень испугался, мой мальчикъ?

— Да, папа, — неожиданно захлебнувшись и заплакавъ, сказалъ Андрэ.

И въ тотъ же день докторъ, вызвавъ Мадленъ, говорилъ съ ней полчаса и кончилъ словами о томъ, что онъ совершенно ручается за полное возстановленіе здоровья Дорэна. — Но я боюсь, — прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія, — что онъ навсегда останется слѣпымъ.

И Анри Дорэнъ ослѣпъ. Сначала онъ, какъ и всѣ окружающіе думалъ, что зрѣніе вернется къ нему постепенно, такъ же, какъ слухъ и способность двигать руками и ногами; но силы его давно уже возстановились, а зрѣніе не возвращалось. Онъ попрежнему ничего не видѣлъ и только медленно и съ ужасомъ привыкалъ къ постоянной тьмѣ, въ которой жилъ. То, что онъ не видѣлъ, вначалѣ сильно мѣшало ему передвигаться; и ему казалось, что ему трудно ходить не потому, что онъ слѣпъ, а потому, что ослабли мускулы ногъ. Онъ утратилъ чувство физическаго равновѣсія, онъ дѣлалъ невѣрныя движенія и если падалъ, то всегда очень неудачно, не успѣвъ защититься отъ паденія вытянутыми впередъ руками. Изъ него точно бы вынули какую-то пружину, дѣлавшую раньше его тѣло гибкимъ и создававшую естественное сопротивленіе всѣмъ вышнимъ толчкамъ и столкновеніямъ. Потомъ въ немъ выработалась другая привычка ходить и двигаться и безошибочное угадываніе возникавшихъ передъ нимъ препятствій, которыя представлялись ему какъ темныя стѣны передъ закрытыми глазами. Онъ уже не наткался на стулья, на столы, на кресла; онъ легко находилъ дверь, —

такъ какъ воздухъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась открытая дверь, былъ рѣже, чѣмъ воздухъ у стѣны. Прошло нѣсколько недѣль, и Дорэнъ уже ходилъ по всему дому съ увѣренностью зрячаго человѣка. И только тогда все начало съ удивительной быстротой мѣняться въ его представленіи.

До этого Дорэнъ почти не думалъ о смыслѣ постигшаго его несчастья. Ему было очень тяжело, онъ зналъ, что все случившееся ужасно; но онъ считалъ, что отсутствіе зрѣнія есть лишь физическій недостатокъ, очень тягостный и печальный, но больше ничего. Его подѣтски радовала мысль о томъ, что онъ успѣлъ сдѣлать въ жизни все, что было необходимо, — какъ человѣкъ, который увидѣлъ грозовую тучу и еще до того, какъ началась буря, успѣлъ укрыться въ надежномъ мѣстѣ; онъ былъ обезпеченъ, съ нимъ былъ любимый сынъ и жена, — чего же ему было бояться?

Но съ каждымъ днемъ онъ замѣчалъ, что все это мѣняется, и Андрэ и Мадленъ невольно отдаляются отъ него. Впервые это обнаружилось въ тотъ день, когда Мадленъ вывела его на прогулку. Онъ неувѣренно ступалъ по шоссе, она держала его подъ руку; былъ весенній, почти безвѣтренный день.

— Какой вѣтеръ, Мадленъ! — сказалъ Дорэнъ.

— Ты, навѣрное, шутишь, Анри; нѣтъ никакого вѣтра, настолько, что это даже удивительно, я хотѣла тебѣ сказать объ этомъ.

— Вы всѣ, — вдругъ съ непривычнымъ для Мадленъ раздраженіемъ заговорилъ Дорэнъ, — вы всѣ, повидимому считаете, что если я ослѣпъ, то это значитъ, что я впалъ въ дѣтство или сталъ идиотомъ. Я ничего не вижу, это правда, но я чувствую сильный вѣтеръ.

— Но увѣряю тебя, Анри, что это тебѣ только кажется.

Дорэнъ замолчалъ и не начиналъ болѣе разговора. Вернувшись домой, онъ сѣлъ на диванъ и надолго заду-

мался. Все было тихо въ домѣ. Дорэнъ слышалъ, какъ звенѣли пружины въ креслѣ Мадлэнъ, какъ она переворачивала листы книги, которую читала; слышалъ, какъ Андре писалъ въ своей комнатѣ; и потому, что его перо часто останавливалось и потомъ снова быстро начинало ходить по бумагѣ, Дорэнъ понялъ, что Андре пишетъ какой-то разсказъ и пишетъ на-черно. Внизу, по шоссе, проѣзжали автомобили: первымъ проѣхалъ Бюгатти, потомъ Испано-Сюиза, затѣмъ сорокасильный Рено и тотчасъ же вслѣдъ за нимъ Паккартъ, — Дорэнъ безошибочно опредѣлялъ это по звукамъ моторовъ.

Помимо того, что осязаніе и слухъ Дорэна чрезвычайно обострились, — въ чемъ не было ничего удивительнаго, — и все, окружавшее его, безпрестанно шевелилось и звучало; тѣма, стоявшая передъ его глазами, была полна звуковъ и насыщена ни на секунду не прекращавшимся движеніемъ; — помимо этого нѣчто новое и невѣроятное стало открываться передъ нимъ.

Мало того, что онъ чувствовалъ чье либо присутствіе въ комнатѣ; но онъ точно зналъ, спокоенъ или раздраженъ человекъ, находящійся рядомъ съ нимъ, — радость или печаль; и всѣ оттѣнки его состоянія дѣлались вдругъ ясны Дорэну. Отъ каждаго человекъ шелъ точно горячій вѣтеръ; и по тому, насколько онъ слабъ или силенъ, Дорэнъ зналъ, въ какомъ состояніи находится этотъ человекъ. Однажды утромъ, когда онъ только что успѣлъ одѣться и въ комнату вошла Мадлэнъ, онъ почувствовалъ ея желаніе до того, какъ она успѣла произнести хоть одно слово; раньше онъ могъ это понять по выраженію ея лица или по интонаціи голоса или по какому либо движенію ея тѣла или руки. Теперь онъ ничего этого не видѣлъ, и Мадлэнъ еще не успѣла заговорить съ нимъ. Но раньше, чѣмъ она произнесла свое обычное — *bonjour, Henri*, — онъ предупредилъ ее и сказалъ:

— Доброе утро, Мадлэнъ. Значить, ты все-таки не перестала любить меня?

— Ты знаешь?

— Я чувствую. Только не надо плакать.

И лицо Мадленъ съ мокрыми отъ слезъ щеками, очутилось у лица Дорэна.

— Апри, — говорила она испуганнымъ шопотомъ, — мнѣ страшно, когда ты ко мнѣ прикасаешься. У тебя другіе пальцы, мнѣ кажется, что чья-то чужая рука гладитъ мое тѣло. У тебя новыя руки, Апри, — сказала она съ ужасомъ въ глазахъ, который Дорэнь услышалъ въ ея голосѣ.

— Моя глупенькая, — ласково сказалъ онъ, — ты забыла, что я слѣпой.

Множество мелочей раздражало Дорэна. Прежде всего, невозможность читать, затѣмъ постоянная и обидная предупредительность всѣхъ окружающихъ, изъ которыхъ одинъ Андрэ понималъ, что быть черезчуръ внимательнымъ къ отцу и относиться къ нему, какъ къ тяжело больному, — значить неволью подчеркивать его ужасный недостатокъ. По нѣкоторымъ фразамъ Дорэна Андрэ понималъ, что отецъ угадалъ и оцѣнилъ эту его чуткость.

Оставаясь одинъ, Дорэнь начиналъ вспоминать. Раньше онъ рѣдко утруждалъ свою память; того, что происходило съ нимъ, было достаточно, чтобы занять все его вниманіе. Теперь, не привыкнувъ еще окончательно жить въ темнотѣ, въ которой до сихъ поръ многое оставалось для него враждебнымъ и чуждымъ, онъ перебиралъ въ своей памяти всѣ свои зрительныя впечатлѣнія и вспоминалъ всю свою жизнь.

Онъ вспоминалъ перистыя облака на разсвѣтномъ небѣ въ то утро, когда умерла его первая жена, сверканіе автомобильныхъ стеколъ и отраженіе въ нихъ откинутой назадъ головы Мадленъ, блескъ моря, по берегу котораго мчался его Chrysler и блѣдное лицо Андрэ съ синими, почти женскими глазами; вспоминалъ, какъ, подпрыгивая,

катились камешки съ дороги, какъ неслась поднятая порывомъ вѣтра, бумага; какъ наступала ночь и въ далекомъ пространствѣ, почти такомъ же, какъ теперешняя тьма, но несравненно болѣе мягкомъ, зажигались въ воздухѣ то высоко, то низко, огни; какъ скользилъ лучъ фонаря по темному шоссе, какъ изъ-за послѣдняго поворота открывался весь увизанный огнями вечерній Парижъ, надъ центромъ котораго стояло красное электрическое зарево; какъ сверкала вода въ лѣсу, какъ отражались деревья въ рѣкѣ, какъ плыли въ океанѣ многоэтажные пароходы со свѣтящимися иллюминаторами; какъ бѣло блестяль нѣжный приморскій песокъ, когда онъ мальчикомъ возвращался съ купанья, — какъ горѣли маяки, далеко видные въ морѣ. Тысячи незначительныхъ и мелкихъ подробностей вспоминались ему: какой особенной танцующей походкой Джэкъ подходилъ къ сенъ-бернару, котораго они встрѣтили въ Парижѣ, какъ двигались мускулы подъ его гладкой кожей; какъ сверкнулъ въ воздухѣ красноватый хвостъ лисицы, за которой бросился Джэкъ, когда они однажды совершали прогулку гдѣ-то въ Нормандіи. Потомъ онъ видѣлъ улицы Парижа, полныя людей, — подъ струящимся и блестящимъ дождемъ; зажигающіеся зеленые и красные сигналы на углахъ улицъ; далекое, медленное небо надъ головой, синеватый ледъ сѣверныхъ озеръ, — и желтыя, удушливыя облака пыли на безчисленныхъ дорогахъ Франціи въ тотъ годъ, когда была объявлена война и онъ вмѣстѣ со своими товарищами ночью, на грузовикѣ съ потушенными огнями медленно ѣхалъ на фронтъ. — Гдѣ они теперь? — думалъ Дорэнъ. — Мортъе убить въ августѣ шестнадцатаго года. А Бернаръ? — Дорэнъ вспомнилъ, какъ Бернаръ говорилъ со своимъ мрачнымъ видомъ:

— Нѣтъ, друзья мои, я твердо знаю: меня убьютъ именно въ тотъ день, когда кончится война.

Онъ говорилъ это каждый день и такъ надоѣлъ всѣмъ, что Мортъе, не выдержавъ, сказалъ ему однажды:

— Non, mais crève donc et que la guerre finisse!

— Какъ странно дергался Бернаръ передъ смертью, — продолжалъ думать Дорэнь. — Да, когда же это было? За мѣсяцъ до перемирія. Да, Бернаръ ошибся въ срокѣ.

И вновь долгая, счастливая жизнь представлялась ему. Вотъ онъ возвращается домой послѣ грохота снарядовъ, окоповъ, пулеметной стрѣльбы; ему еще снится война, но онъ лежитъ въ чистой постели съ прохладными простынями и знаетъ, что всѣ ужасы и смерть и голодъ остались позади, а передъ нимъ богатство, здоровье, счастье и все, о чемъ стоитъ потомъ пожалѣть въ старости.

Одинъ разъ, когда Мадленъ вошла въ его комнату, онъ услышалъ по ея быстрой и вмѣстѣ нерѣшительной походкѣ, что она хочетъ спросить его о чемъ-то такомъ, въ чемъ она не вполне увѣрена, одобрить ли онъ ее или нѣтъ. Мадленъ сидѣла рядомъ съ нимъ и говорила о хозяйственныхъ вещахъ; потомъ она спросила:

— Анри, ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы я пригласила гостей?

Дорэну вдругъ стало необычайно грустно. Ему вспомнилось, какъ въ дѣтствѣ его въ наказаніе оставляли дома, — всѣ уходили, онъ сидѣлъ одинъ въ громадной квартирѣ, съ трудомъ сдерживая слезы. Но онъ сказалъ:

— Конечно, Мадленъ, конечно. Только я не выйду къ гостямъ, я останусь у себя: ты скажешь, что я уѣхалъ. Хорошо?

— Нѣтъ, нѣтъ, — протестовала Мадленъ, — ты долженъ быть вмѣстѣ съ нами.

— Это невозможно, — настаивалъ Дорэнь. — Я не буду. Но очень прошу тебя пригласить гостей, иначе ты меня обидишь.

— Я сдѣлаю, какъ ты хочешь, — со вздохомъ сказала Мадленъ.

И вечеромъ прѣехали гости. Дорэнъ сидѣлъ у окна въ шезлонгѣ; опускающееся солнце свѣтило въ его слѣпое лицо, потомъ теплый его свѣтъ медленно скользилъ все ниже, — и, наконецъ, стало темно. Дорэнъ не отошелъ отъ окна и остался сидѣть на шезлонгѣ. Онъ слышалъ — окно въ столовой было открыто — какъ гости упоминали о немъ, какъ спрашивали Мадленъ объ его здоровьи, — она отвѣчала. Вдругъ звукъ ея голоса поразилъ его; онъ сталъ внимательнѣе прислушиваться. Но слѣдующая реплика Мадленъ была обращена не къ тому самому человѣку, въ разговорѣ съ которымъ звучала интонація ея голоса, такъ поразившая Дорэна. Онъ ждалъ, пока она вновь заговоритъ съ этимъ человѣкомъ. Черезъ пять минутъ мужской голосъ спросилъ:

— А какъ поживаетъ Андрэ?

— Благодарю васъ, — отвѣтила Мадленъ, — очень хорошо. Онъ сегодня въ Парижѣ.

Это была опять та же интонація, въ которой нельзя было ошибиться. Въ первую секунду Дорэну показалось, что онъ задохнется. Но онъ справился съ собой; и медленно отодвинувъ шезлонгъ отъ окна, онъ перешелъ на диванъ, откинулся на подушки и больше ни разу не шевельнулся за весь вечеръ. Онъ слышалъ еще, — почти механически, почти невольно, — какъ Мадленъ играла на рояли, какъ кто-то громко говорилъ о Клемансо, но теперь для него не существовало ничего, кромѣ ея измѣненнаго голоса. Дорэнъ не могъ ошибиться въ значеніи этой перемѣны. То, что раньше онъ, можетъ быть, приписалъ бы своему воображенію, было теперь для него такъ ясно, какъ если бы онъ видѣлъ все собственными глазами. Такимъ голосомъ Мадленъ говорила только съ нимъ, — и только въ минуты физической близости. Какъ хорошо онъ зналъ именно этотъ голосъ Мадленъ, — съ внезапной, легкой хрипотой и неправильнымъ дыханіемъ! — А я слѣпой, — подумалъ Дорэнъ и бессмысленно все повторялъ эту фразу:

— Да; а я спой.

Поздно вечеромъ, — но гости еще не уѣхали, — раскрѣлась внизу входная дверь и явился Андрэ, поднявшійся прямо въ свою комнату. Дорэнъ слышалъ, какъ Андрэ подошелъ къ окну, — потомъ вернулся, сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ по комнатѣ и сѣлъ въ кресло, но тотчасъ же всталъ и снова сталъ быстро ходить. Черезъ полчаса онъ легъ и, повидимому, заснулъ, такъ какъ изъ его комнаты не доносилось ни звука.

До послѣдняго времени Дорэнъ не задумывался надъ тѣмъ, хороша или плоха жизнь вообще; только въ спорахъ съ Андрэ онъ говорилъ объ этомъ. Онъ говорилъ, что въ жизни больше радости, чѣмъ печали, потому что самъ испытывалъ чаще радость, чѣмъ печаль; а когда ему было нужно доказать справедливость своихъ взглядовъ, то такъ какъ онъ не могъ сказать, — смотрите, я живу счастливо и это есть доказательство вѣрности того, что я говорю, — онъ прибѣгалъ къ примѣрамъ, почерпнутымъ изъ всего, что онъ зналъ или читалъ. Но то, что жить хорошо, ему лично было ясно безъ всякихъ примѣровъ. Онъ всегда огорчался, слушая Андрэ и даже говорилъ о немъ съ Мадленъ.

— Какъ жаль, — говорилъ онъ, — что Андрэ не пошелъ въ меня. Онъ слишкомъ боязливый мальчикъ, онъ слишкомъ много думаетъ и читаетъ, — это нехорошо. Мадленъ, ты не находишь?

Мадленъ соглашалась съ нимъ; Андрэ всегда оставался ей чуждъ. Того міра постоянно движущихся мыслей, образовъ и открытій, въ которомъ жилъ Андрэ, она не знала и не понимала: для этого она была слишкомъ здорова и слишкомъ женщина. Счастье Анри Дорэна не было слѣпымъ, онъ не походилъ на Мадленъ; въ немъ было удачное соединеніе духовныхъ и физическихъ способно-

стей, которое давало ему возможность понимать одновременно и Андрэ, и Мадлэнь.

— Оба они правы, — думалъ Дорэнь, — но въ концѣ концовъ, болѣе всѣхъ правъ я.

И вотъ, теперь вопросъ, кто болѣе правъ, всталъ передъ нимъ съ необыкновенной силой. Ослѣпнувъ, онъ лишился половины сокровищъ, которыми обладалъ; — а въ тотъ вечеръ, когда у Мадлэнь были гости, онъ потерялъ нѣчто важное и очень дорогое, — остался одинъ Андрэ. Но того чувства, которое было уничтожено этими нѣсколькими интонаціями Мадлэнь, ничто, казалось, не могло уже ни поправить, ни замѣнить, — и это было безконечно печально.

Дорэнь ничего не сказалъ Мадлэнь; но съ этого дня онъ почувствовалъ, что тотъ воздухъ, который онъ, будучи зрячимъ и счастливымъ, такъ любилъ, воздухъ его квартиры, который постоянно окружалъ его вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, какъ ежеминутное воспоминаніе или сильный запахъ однихъ и тѣхъ же духовъ, — что этотъ воздухъ былъ насыщенъ тревожными и печальными вещами, о существованіи которыхъ Дорэнь раньше ничего не зналъ.

Онъ слышалъ однажды какъ внизу, во дворѣ, раздавался сильный пискъ, — ему сказали, что это крыса, попавшая въ западню: Дорэнь представилъ себѣ ея расплюснутый животъ и ему стало дурно. Въ другой разъ тревожно кудахтала и кричала курица, которую зарѣзалъ Жозефъ; Дорэнь слышалъ взмахи ея крыльевъ, когда она, уже обезглавленная, пробѣжала нѣсколько шаговъ по двору; и все это, на что раньше Дорэнь не обратилъ бы вниманія, — необычайно угнетало его теперь и дѣлало его состояніе еще болѣе тягостнымъ. Каждый день ему все печальнѣе и печальнѣе становилось думать о томъ, что наступаютъ сумерки, — точно уходящее солнце оставляло его въ еще большей тьмѣ, чѣмъ та, въ которой онъ находился до сихъ поръ. Далекій звукъ колокола, сирена

проѣхавшаго и удалявшагося автомобиля, вѣтеръ передъ грозой, звонъ часовъ и тѣ непонятные, ночные звуки, значеніе которыхъ онъ сидѣлъ и никакъ не могъ понять, все это точно явилось для него новымъ и грустнымъ откровеніемъ. — Значить все, что я зналъ раньше, былъ только зрительный обманъ? — думалъ Дорэнъ. И ему казалось страннымъ, что онъ видѣлъ глаза Мадлэнъ, обнималъ ее тѣло и могъ не слышать, что въ эту же секунду рядомъ съ нимъ въ воздухѣ то звенѣли, то двигались, то ползли, то умирали всѣ эти печальные звуки, вся эта послѣдняя и смертельная мелодія, которая, не переставая, звучитъ вокругъ него, — и которая оправдываетъ все; которая настолько страшна, что по сравненію съ ней и слѣпота, и болѣзнь и измѣна — только случайности и больше ничего. — А какъ же моя счастливая жизнь? — продолжалъ онъ думать. Его удивляло, что онъ не зналъ и не видѣлъ этого раньше. — Вѣдь я былъ не глупѣе другихъ и не менѣе чутокъ, чѣмъ они; почему же то, что, не умѣя еще доказать, но безошибочно чувствуя, зналъ Андрэ, — и это же знала его мать, — почему это оставалось мнѣ неизвѣстно?

И онъ неожиданно вспомнилъ свой разговоръ съ Андрэ о катастрофѣ. — Да, тогда я говорилъ, что послѣ катастрофы міръ предстанетъ измѣненнымъ и наполненнымъ новыми наслажденіями. Гдѣ же они, эти новыя наслажденія?

Съ этого времени Дорэнъ сталъ молчаливъ и печаленъ; и Мадлэнъ сказала одному изъ своихъ друзей, что Анри повидимому, только теперь понялъ весь смыслъ своего несчастья.

Послѣ того какъ Дорэнъ началъ думать о новомъ своемъ пониманіи міра, онъ невольно сталъ избѣгать Андрэ. Его отеческая нѣжность не измѣнилась; но прекратились длинные разговоры съ Андрэ, которые онъ велъ раньше. Онъ бессознательно сторонился Андрэ, потому что теперь

у него не было уже твердаго и счастливаго убѣжденія, что все хорошо, которое раньше онъ могъ противопоставить всѣмъ пессимистическимъ разсужденіямъ Андра; онъ былъ бы принужденъ согласиться съ сыномъ, что было совершенно невозможно по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ былъ отецъ; во-вторыхъ, если бы Дорэнъ подтвердилъ сыну, что тотъ правъ, то для Андра исчезло бы счастье, которое онъ находилъ въ постоянной и спокойной увѣренности Дорэна. Получалось такъ, что все для Андра было нехорошо и печально, — но оставалось одно мѣсто, незатронутое этимъ и находящееся внѣ несчастій, огорченій и печали, — это отецъ. Что же стало бы съ Андра, если бы онъ лишился и этого? Такъ думалъ Дорэнъ; а Андра огорчался и не понималъ, почему отецъ избѣгаетъ его.

Однажды Дорэнъ, одолѣваемый странной сонливостью, заснулъ послѣ обѣда и видѣлъ сонъ. Ему снилась рѣка. Безконечно широкая, покрытая пѣнящимися волнами, она преграждала ему дорогу: издали виднѣлся ей противоположный берегъ въ очень зеленыхъ деревьяхъ. — Я выздоровѣлъ, — подумалъ во снѣ Дорэнъ; — какъ ясно я вижу эту воду и деревья. Надо, однако, плыть. — Онъ вошелъ въ рѣку; дно сразу же ушло изъ подъ его ногъ, онъ медленно поплылъ къ тому берегу; сильное теченіе сносило его внизъ. На серединѣ рѣки силы стали оставлять его. Онъ посмотрѣлъ наверхъ — вверху было безконечное небо, на немъ были видны звѣзды, хотя все это происходило днемъ. — Странно, что я вижу звѣзды, — сказалъ себѣ Дорэнъ и потомъ подумалъ, что зрѣніе вернулось къ нему необычайно усиленнымъ и что поэтому онъ даже днемъ видитъ звѣзды. Онъ еще плылъ, но уставалъ все больше и больше. Онъ хотѣлъ обернуться, но чей то голосъ сказалъ ему:

— Только не оборачивайся, только не оборачивайся.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ, — но у меня нѣтъ больше силъ. — Есть, — сказалъ тотъ же голосъ; и Дорэну

тотчасъ же сдѣлалось легче. Все же онъ плылъ очень долго; наконецъ, добрался до берега и сѣлъ на зеленую траву. Все вокругъ него блестѣло отъ солнца. Онъ повернулъ голову и увидѣлъ чьи-то смѣющіеся, необыкновенно знакомые и необыкновенно радостные глаза. — Кто это? — спросилъ онъ и проснулся. Былъ уже вечеръ. Дорэнъ подошелъ къ окну; тьма, стоявшая передъ нимъ, стала мягкой и нѣжной, теплый вечерній воздухъ окружилъ его. Изъ столовой послышался низкій голосъ Мадленъ, сказавшій Андрэ:

— Андрэ, ты не думаешь, что слѣдовало бы разбудить папу?

И голосъ Андрэ отвѣтилъ безъ обычной скрытой враждебности:

— Да, пожалуй, пора.

— Я не сплю, — сказалъ изъ своего окна Дорэнъ. — Какъ все хорошо, — успѣлъ онъ подумать. — Но почему? Вѣдь такъ недавно я все понималъ иначе. Что же измѣнилось? Одинъ только сонъ? Нѣтъ, это не можетъ быть. — И улыбаясь слѣпымъ лицомъ, онъ пошелъ въ столовую. За обѣдомъ онъ впервые сталъ шутить съ Андрэ и смѣяться, — и чувствовалъ, какъ все оживаетъ вокругъ него. Засмѣялся хмурый Андрэ, голосъ Мадленъ отдѣлился отъ нея и окружилъ Дорэна, и въ немъ звучали тѣ же интонаціи, что тогда, вечеромъ, когда у Мадленъ были гости; но Дорэнъ не вспомнилъ объ этомъ.

Мадленъ ушла отъ него подъ утро внезапно отяжелѣвшей походкой. Анри Дорэнъ остался одинъ. — Что же я понялъ еще? — спросилъ онъ себя. — Да, я не слышалъ и не зналъ многихъ печальныхъ вещей, и былъ счастливъ. А теперь, когда я ихъ знаю, развѣ я менѣе счастливъ? Нѣтъ, только надо пройти сквозь это — думалъ онъ, почти засыпая. — Надо понять, — съ усиленіемъ говорилъ онъ себѣ, — что все неважно, катастрофа, измѣна; да, Андрэ былъ неправъ, я скажу ему объ этомъ завтра. Важно, что я живу, думаю и дѣлаю все, что угодно, — и вотъ

издалека доходить до меня какое то облако счастья, которое съ дѣтства поднимается за мной, — и оно окутываетъ меня и людей, которые мнѣ близки; и противъ его счастливаго тумана безсильно все, и все ненужно и смѣшно; а то, что есть — безконечно и радостно, и ничто не въ силахъ отнять это у меня. Надо это сказать Андре, надо только не забыть это, — сказалъ онъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, — и заснулъ. Уже начинался разсвѣтъ, уже блѣднѣли звѣзды; и свѣтъ и тѣма стояли, не смѣшиваясь и не исчезая.

Гайто Газдановъ.

I.

НАДЪ ЗАБВЕНЬЕМЪ.

Я весь, и сердцемъ и тѣломъ,
Тебя позабылъ давно.
Какъ будто въ дому опустѣломъ
Закрылось твое окно.

И вотъ — этотъ звукъ случайный,
Который я тоже забылъ,
По связи какой-то тайной
Меня — во мнѣ — измѣнилъ.

Душу оставилъ все тою,
Уму не сказалъ ничего,
Лишь острою теплотою
Наполнилъ меня всего.

Не память, — но воскресенье,
Мгновеній обратный лѣтъ...
Такъ Бывшее — надъ забвеньемъ
Своею жизнью живеть.

II.

ЖИТЬ.

Какъ будто есть — какъ будто нѣтъ...
Умру навѣрно, а воскресну-ли?
То будто тѣнь — то будто свѣтъ...
Чего искать и ждать — извѣстно-ли?

Вотъ и живемъ, и будемъ жить,
 Сомнѣняемъ жалкимъ вѣчно жалимы.
 А можетъ быть, а можетъ быть
 Такъ жить и надо, чтобъ не знали мы?

III.

БОЛЬШЕВИЦКІИ СОНЪ.

Аж...и.

Комната. Окна въ какой то садъ.
 Въ комнатѣ гости. А день такъ свѣтелъ.
 Я улыбаюсь, гостямъ я радъ...
 Странное въ нихъ не сразу замѣтилъ.
 Что? Да какъ? Они безъ лицъ!
 Дримса-пумса-цуцъ и цыцъ.

Сверху у этихъ — вотъ тебѣ разъ! —
 Гладко и блѣдно что-то круглится.
 Нѣту на гладкомъ ни ртавъ, ни глазъ:
 Это, что хочешь, только не лица.
 Ни единого лица,
 Лапца-дрыяца гопъ-ца-ца!

Каждый тѣлеснымъ своимъ пятномъ,
 Розово-желтымъ, ворочалъ мило.
 Это казалось сперва смѣшно,
 Ну а потомъ — меня затошнило.
 Хоть кусочекъ бы лица,
 Дрости-крости гопъ-ца-ца!

Вдругъ я увидѣлъ, что черный котъ
 Тихо скользитъ межъ толпой у двери,
 Щурить глаза, раскрываетъ ротъ...
 О, какъ я жадно бросился къ звѣрю!
 И цѣлую во уста —
 Есть лицо хоть у кота!

IV.

ВЪ НОВОЙ.

Отблескъ зеленый въ дверномъ стеклѣ,
поютъ внизу автомобили.

Не думаю о моей землѣ:
что тутъ думать? Ее убили.

Вы, конечно, за это меня —
за недуманье — упрекнете?
А лишь жду, чтобъ прошло три дня:
она воскреснетъ — въ новой плоти.

3. Гиппiусъ.

1.

Зимой въ снѣговомъ сугробѣ,
Прижавшись къ чугуннымъ дверямъ,
Двѣ жизни скрестились — за обѣ
Отвѣтъ Всевышнему дамъ.

Какъ въ мартѣ и какъ въ іюлѣ,
Пятнадцатаго января
Все то же: свистящія пули,
Сіяющая заря,

И на мостовой, безъ отвѣта,
Въ бреду, въ темнотѣ, въ снѣгу, —
Смѣшенье мрака и свѣта,
Прощаніе на бѣгу,

Съ грохотомъ бьющіе въ камень
Осколки — вдоль мостовой,
Сѣверныхъ звѣздъ надъ нами
Свѣтъ призрачно-голубой,

И вотъ пароходамъ навстрѣчу
Летятъ берега и поля,
Огни, какъ пасхальныя свѣчи,
Не русскіе тополя.

2.

— «Дано вамъ: чудное счастье,
Страны и города,
Свобода. На равныя части
Разбилъ Я мои стада.

Однихъ пасу я желѣзнымъ
Жезломъ, и буду пасти,
А дѣтямъ моимъ любезнымъ
Открою пути и пути

Подъ разными небесами;
Завидовать будутъ, ждать.
Въ слезахъ, въ темнотѣ, часами
О дѣтяхъ молится мать.

Благословенья, проклятья,
Любовь и ненависть тамъ..
Я дамъ вамъ пищу и платье,
И трудъ и горести дамъ,

Но Я окропиль васъ свободой,
Я вывелъ васъ на просторъ,
Израиль новый, — исхода
Неугасимый костеръ».

...Въ темной комнатѣ глуше,
Дологъ и труденъ путь;
Ночью проснешься: слушай,
Прошлаго не забудь.

3.

— «За что, какое нечестье?
Зачѣмъ Ты однихъ увелъ
Въ прекрасныя земли, за честью,
Гдѣ рѣветъ прежній орелъ?

Гдѣ въ сумрачномъ мѣрѣ видѣній
Внѣ времени воскрешена
Былая Россія, гдѣ тѣни
И славныя имена?

Гдѣ русское имя такъ вольно
Разносится по берегамъ
Темзы и Сены? Довольно,
Что далъ Ты, Невидящій, намъ?

Ты, жнущій незримыя нивы,
Что далъ Россіи, когда
Степные стремиль разливы
Въ разрушенные города.

Ты слалъ ударъ за ударомъ,
Смертью дышалъ, свинцомъ,
Бѣлымъ вставалъ пожаромъ
На западъ предъ концомъ.

Ты былъ въ огнѣ Перекопа,
Ты былъ подѣ Варшавой — и вотъ
Смятенье, голодь, — потопа
И нынѣ земля твоя ждетъ!»

4.

Но падаютъ золотые
Оттуда, съ неба, лучи.
Шумять, какъ прежде, въ Россіи
Источники и ключи.

И снѣгъ въ октябрѣ ложится
На взрыхленный черноземъ,
И звѣрь полевой и птица
Не вѣдаютъ ни о чемъ.

Не знаютъ, теперь какіе
Охотники ходятъ имъ вслѣдъ,
Не знаютъ о томъ, что «Россія»
Имени больше нѣтъ.

Надъ рельсами и поѣздами,
Надъ тракторомъ и полотномъ,
Надъ тракторами, бороздами,
Надъ телѣгой, крытой рядномъ,

Все та же сегодня клубится
Довоенная лѣтняя пыль.
Степь таврическая. Жнець и жница.
Пролетающій автомобиль

Гдѣ, съ портфелями на колѣняхъ,
Партработникъ въ дорожныхъ очкахъ
Мчитъ начальствомъ.

И вѣтеръ на Сенѣ,
Дождь на улицахъ, на площадяхъ,

Гдѣ, чуть свѣтъ, что ни день, въ непогоду
Жизнь я рву по часамъ, по гудкамъ...
Проклинаю мою свободу,
Ничему не кланяюсь тамъ.

Не молюсь, не вѣрю, не вижу
Въ темномъ будущемъ, и потому
Такъ люблю я, такъ ненавижу
И такъ страшно — близокъ всему.

Ю. Терапіано.

Рожество расцвѣтаетъ. Рѣка наводняетъ предмѣстья.
 Тамъ, гдѣ падаетъ снѣгъ, паровозы идутъ по водѣ.
 Крыши ярко лоснятся, высокій декабрьскій мѣсяць
 Ровной синею нотой блеститъ на замерзшемъ прудѣ.
 Четко слышится шагъ, въ тишинѣ безъ конца повторяясь,
 Приближается кто-то и долго стоитъ у стѣны,
 А за низкой стѣной задыхаются псы, надрываясь,
 Скаля бѣлые зубы въ холодный огонь вышины.
 Рожество за окномъ. Отчего же такое молчанье,
 Почему все черно и очерчено четко вездѣ?
 За стѣной новый годъ. Запоздалыхъ трамваевъ звучанье
 Затихаетъ вдали, поднимаясь къ полярной звѣздѣ.
 Все такъ чисто и пусто, все такъ безучастно на свѣтѣ,
 Все смирилось судьбѣ и къ лунѣ обратилось давно.
 Кратко колоколь звякнулъ. На брошенной кѣмъ-то газетѣ
 Нарисована елка, какъ страшно смотрѣтъ на нее.
 Тихо въ черномъ саду, дискъ луны отражается въ лейкѣ
 Есть ли елка въ аду, какъ встрѣчаютъ въ тюрьмѣ Рож-
 дество?

Далеко за луной и высоко надъ жесткой скамейкой
 Безмятежно нездѣшнее млечное звѣздъ торжество.
 Значитъ, гдѣ-то не здѣсь и не въ городѣ счастье родилось,
 Значитъ, гдѣ-то въ лѣсу, гдѣ подъ елями снѣгъ недвижимъ,
 Въ абсолютномъ смиреньи впервые въ насъ сердце за-
 билось

И на мигъ показалось, что съ звѣздами мы говоримъ,
 Все какъ будто ждало и что спугана птица шагами
 Лишь затѣмъ, чтобъ напомнить, какъ призраки жизни
 страшны,

Осыпая сѣянья, какъ долго мы были врагами
 Тишины и природы и все-жъ мы теперь прощены.

Борисъ Поплавскій.

Надвигается осень. Желтѣютъ кусты.
И опять разрывается сердце на части...
Человѣкъ начинается съ горя. А ты
Простодушно хранишь мотыльковое счастье.

Человѣкъ начинается съ горя. Смотри,
Задыхаются въ немъ парниковыя розы.
А съ далекихъ путей въ ожиданьи зари
О разлукѣ ревутъ по ночамъ паровозы.

Человѣкъ начинается... Нѣтъ. Подожди.
Никакія слова ничему не помогутъ.
За окномъ тяжело зашумѣли дожди.
Ты, какъ птица къ полету, готова въ дорогу.

А въ лѣсу расплываются наши слѣды,
Расплываются въ памяти блѣдныя страсти —
Эти блѣдныя бури въ стаканѣ воды...
И опять разрывается сердце на части.

Человѣкъ начинается... Кратко. Съ плеча.
До свиданья. Довольно. Огромная точка...
Небо, вѣтеръ и море. И чайки кричатъ.
И съ кормы кто-то жалобно машетъ платочкомъ.

Уплывай. Только черного дыма круги.
Разстоянье уже измѣряется вѣкомъ...
Разноцвѣтное счастье свое береги, —
Вѣдь, когда-нибудь станешь и ты человѣкомъ.

Зазвенить и рассыплется мѣръ голубой,
Бѣлоснѣжное горло какъ голубь застонетъ,

И полярная ночь поплыветъ надъ тобой,
И подушка въ слезахъ, какъ Титавикъ, потонетъ. .

Но уже, погружаясь въ арктической ледъ,
Навсегда холодѣютъ горячія руки.
И дубовый отчаливаетъ пароходъ,
И качаясь уходитъ на полюсь разлуки.

Вьется мокрый платочекъ, и пѣнится слѣдъ,
Какъ тогда... Но я вижу, ты все позабыла.
Черезъ тысячи верстъ, и на тысячи лѣтъ
Безнадежно и жалко бряцаетъ кадило.

Вотъ и все. Только темные слухи про рай...
Равнодушно шумить Средиземное море.
Потемнѣло. Ну, что-жъ. Уплывай. Умирай.
Человѣкъ начинается съ горя.

Алексѣй Эйснеръ.

Изъ воспоминаній *)

XIX.

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. 1905 ГОДЪ.

Въ городѣ не такъ чувствуется мобилизація, какъ въ деревнѣ. И хотя люди живутъ здѣсь близко другъ отъ друга, на самомъ дѣлѣ они безконечно далеко, не вѣдая часто, что творится не только въ сосѣднемъ домѣ, но и въ сосѣдней квартирѣ. Въ деревнѣ всѣхъ знаешь: у кого какая семья, сколько дѣтей, какіе достатки, кого изъ ребятъ забрали въ солдаты. Горе, причиненное войной, тутъ же на глазахъ, никуда не уйдешь отъ него.

Слышится плачь, вой, лихо заливаается гармошка и нѣсколько молодыхъ голосовъ съ пьяной удалю то подтягиваютъ, то обрываютъ пѣсню. Пьяные новобранцы, заломивъ картузы, нестройными группами шляются по деревнѣ и, несмотря на заливчатскій видъ, веселую, забористую пѣсню, на лицахъ написано тупое отчаяніе.

На время война вытѣснила всѣ остальные интересы. Обыденныя радости, огорченія — все потонуло въ этомъ несчастіи.

Братъ Андрей, только что бросившій свою жену Ольгу Константиновну съ двумя дѣтьми -- несчастный, запутавшійся въ какомъ то новомъ увлеченіи, поѣхалъ на войну, и мама, братъ Илья съ женой ѣздили въ Тверь, гдѣ стоялъ его полкъ, съ нимъ прощаться. Забрали повара Семена Николаевича**). Толстый, рыхлый, онъ былъ мало похожъ на воина и жалобно плакалъ, цѣлуя мама руки и прощаясь со всѣми нами.

Теперь къ отцу часто стали приходять съ просьбами, связанными такъ или иначе съ войной: «Неправильно за-

*) См. «Совр. Записки» № № 45, 46, 47, и 48.

***) Онъ попалъ въ повара къ генералу Гурко и очень этимъ гордился.

брили, не по закону», «пособія никакъ не могутъ получить».

Подъема патріотизма въ деревнѣ и помину не было. Шли, потому что велятъ и нельзя не итти. А изъ-за чего началась война, почему гнали на Дальній Востокъ — никто не зналъ.

Прогулки отца на шоссе участились. Здѣсь онъ собиралъ главныя новости, улавливая настроеніе, отношеніе крестьянъ къ войнѣ. То съ мужиками въ саняхъ или въ телѣгѣ подъѣдетъ, то пѣшкомъ съ бабами пройдетъ, о ихъ нуждѣ поговорить.

Пробовалъ отецъ газеты читать, но не могъ, онѣ слишкомъ волновали его.

— Не могу, — говорилъ онъ, — читать, что люди, какъ о чемъ то высококомъ, прекрасномъ пишутъ о кровавыхъ событіяхъ, стараясь вызвать патріотизмъ народа!

Но стоило кому нибудь пріѣхать, онъ сейчасъ же спрашивалъ:

— Ну что новаго? — Что на войнѣ дѣлается?

И когда ему говорили, что японцы побѣждаютъ, онъ огорчался.

— Не могу отдѣлаться отъ чувства обиды, когда слышу, что русскихъ бьютъ, — говорилъ онъ.

Когда же онъ узналъ, что Портъ-Артуръ сданъ безъ боя, сказалъ:

— Эхъ, въ наше время такъ не воевали! *).

Помню, докторъ Никитинъ, Юлія Ивановна и я сидѣли въ «ремингтонной» и говорили о войнѣ. Дмитрій Васильевичъ поднималъ вопросъ о томъ, можно ли при полномъ отрещеніи убійства итти на войну въ качествѣ доктора, сестры милосердія.

Вошелъ отецъ.

О чемъ это вы?

Мы рассказали ему.

*) Въ дневникѣ отъ 31 декабря 1904 года отецъ пишетъ: «Слѣдъ Портъ-Артура огорчила меня, мнѣ больно. Это — патріотизмъ. Я воспитанъ въ немъ и несвободенъ отъ него, такъ же, какъ несвободенъ отъ эгоизма личнаго, отъ эгоизма семейнаго, даже аристократическаго, и отъ патріотизма. Всѣ эти эгоизмы живутъ во мнѣ; но во мнѣ есть сознаніе божественнаго закона, и это сознаніе держитъ въ уздѣ эти эгоизмы, такъ что я могу не служить имъ. И понежему эгоизмы эти атрофируются».

— Если бы я былъ молодъ, — сказалъ отецъ, — я пошелъ бы на войну санитаромъ!

Но развѣ можно было отцу выражать свои непосредственные, мимолетныя чувства? Люди спѣшили подхватить его слова и пустить въ печать. Правые, патриотически настроенные люди радовались.

— Самъ Толстой охваченъ патриотизмомъ, несмотря на свое непротивленіе!

Двѣ дѣвицы пріѣхали къ отцу. Онѣ собирались ѣхать на войну сострами милосердія и спрашивали отца, правильно ли онѣ поступаютъ? Онѣ сказали имъ, что нельзя, по его мнѣнію, принимать участіе въ дѣлѣ убійства въ какой бы то ни было формѣ. Дѣвицы были удивлены. Старались доказать, что это необходимо — раненые все равно будутъ, помогать имъ надо.

— Сознайтесь, — возразилъ отецъ, — что въ насъ есть желаніе подвига, желаніе отличиться! Почему вы хотите именно тамъ, на войнѣ, отдать свои силы людямъ? Почему вы не идете въ глухую деревню помогать миллионамъ страдающихъ, умирающихъ отъ болѣзней, грязи, недоѣданія? Почему? — Потому, что это сѣро, неинтересно, никого не удивишь этимъ...

Газеты и журналы не понимали или дѣлали видъ, что не понимаютъ отца, чтобы имѣть случай лишній разъ помѣстить его слова и запрашивали его мнѣніе о русско-японской войнѣ.

Такъ, на примѣръ, Филадельфійская газета спрашивала: за кого Толстой, за русскихъ или японцевъ? На что отецъ отвѣтилъ:

«Я ни за Россію, ни за Японію, а за рабочій народъ обѣихъ странъ, обманутый и вынужденный правительствомъ воевать противъ совѣсти, религіи и собственнаго благосостоянія».

— Удивительное дѣло, — говорилъ отецъ, — христіанство запрещаетъ убійство, буддизмъ также. И вотъ два народа, исповѣдующіе религіи, запрещающія убійство, съ злобой убиваютъ, топятъ, калѣчатъ другъ друга.

Отецъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ войнѣ, и, отложивъ на время «Кругъ Чтенія», надъ которымъ въ то время работалъ, — писалъ статью «Одумайтесь».

И только въ далекихъ уголкахъ Россіи полуграмотные крестьяне понимали ученіе Христа такъ, какъ понималъ его отецъ. Они не спрашивали его, за кого онѣ, за

русскихъ или японцевъ, они отказывались брать въ руки оружіе и воевать. И дѣлали это просто, не рисуясь, не думая о послѣдствіяхъ. А послѣдствія были ужасныя — ихъ сажали въ тюрьмы, отправляли въ дисциплинарные батальоны, нерѣдко съѣли, истязали...

Война дѣйствовала на всѣхъ возбуждающе, и какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, если даже ничемъ не можешь помочь, хочется двигаться, дѣйствовать, выскочить изъ привычной, обыденной обстановки. Мы ничего не могли придумать путнаго и рѣшили: Наташа, Миша и Аля Сухотины, Наташа Оболенская, гостившій у Сухотиныхъ нѣмецъ Браумюллеръ пройти пѣшкомъ отъ Кочетовъ *) до Ясной Поляны приблизительно около ста сорока верстъ.

Одѣлись просто, въ ситцевыя платья, за спинами котомки съ вещами и провизіей и пошли. Странный, должно быть, былъ у насъ видъ! Если бы не наша молодость, насъ можно было принять за странниковъ-богомольцевъ. Одинъ Браумюллеръ отличался отъ всѣхъ. На немъ была швейцарская куртка, короткіе суконные штаны, рюкзакъ за спиной, фетровая шляпа. Въ немъ сразу можно было узнать иностранца.

Первую ночь мы ночевали у знакомыхъ. На слѣдующій день должны были добратся до брата Сережи. Онъ охотился и жилъ совершенно одинъ въ своемъ имѣніи Никольскомъ-Вяземскомъ. Но до Никольскаго было около тридцати пяти верстъ. Было жарко, рѣшили зайти въ деревню, отдохнуть, напиться чаю и молока. Облюбовавъ хату почище, мы вошли и спросили хозяевъ, не могутъ ли они поставить намъ самоваръ и продать молока? Крестьяне оказались неприятливыми. Они подозрительно на насъ посматривали, выспрашивали, откуда мы, да куда идемъ, кто такіе? Мы отвѣчали неохотно, намъ не хотѣлось открывать наше инкогнито и сознаваться въ томъ, что путешествіе наше не имѣло опредѣленной цѣли.

— Да куда вы идете то, Богу что ли молиться? — думывались они.

— Да нѣтъ, просто путешествуемъ...

— Путешествуете? Чудно чтой-то, — съ сомнѣніемъ говорилъ хозяинъ. — А вотъ этотъ, чей же такой будетъ?

— Это нѣмецъ, онъ интересуется русской деревней.

*) Кочеты — имѣніе Сухотиныхъ, на границѣ Орловской и Тульской губ.

— Антересуется? Чѣмъ же онъ антересуется? Чего ему надо?

— Да вотъ антересуется, какъ вы живете, русской деревней антересуется, онъ никогда не бываль въ Россіи.

— Такъ, такъ... — Мужикъ, недовѣрчиво покачивая головой, вышелъ изъ избы.

Повидимому, насъ не собирались поить чаемъ и мы рѣшили, воспользовавшись уходомъ хозяина, перейти въ другой домъ. Но толкнувшись въ дверь, мы съ изумленіемъ почувствовали, что она заперта.

— Эй, — закричали мы, — чего это шутить вздумали. къ чему дверь заперли?? Отоприте!

— Повремените покеда! — крикнулъ мужикъ, — я къ старостѣ сбѣгаю!

Мы перепугались.

Вотъ такъ самоваръ, вотъ такъ молоко! — дразнили мы другъ друга. Какъ бы въ холодную не угодить!

Взволнованные, возмущенные, мы сунулись было въ окна. Но они были маленькія, высокія. Только нѣмецъ сохранялъ полное спокойствіе, допуская, повидимому, что въ Россіи все возможно.

Черезъ полчаса явился нашъ хозяинъ и привелъ съ собой еще двухъ мужиковъ, старосту и одного понятого. Хозяинъ нашъ оказался десятскимъ. Староста безъ всякихъ разговоровъ хотѣлъ насъ вести къ земскому, но тутъ вдругъ обычно кроткій и спокойный Миша Сухотинъ вышелъ изъ себя.

— Вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло? — крикнулъ онъ грозно. — Я — сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Сергѣевича Сухотина, а это княжна Оболенская, а это — дочь графа Толстого, слышали, такой писатель въ Ясной Полянѣ живетъ. Да знаете ли вы, что если вы насъ задержите, что съ вами будетъ? Какъ вы смѣете!?

Мужики струсили, на нихъ подѣйствоваль грозный тонъ и громкія фамиліи, которыя выкрикиваль Миша.

— Ты стало быть сынъ Михаила Сергѣевича Сухотина будешь? — спросилъ мужикъ.

— А это сестра графа Толстого, что въ Никольскомъ-Вяземскомъ живетъ? Такъ чего это вамъ въ голову пришло пѣшими по деревнямъ бродить? — спрашиваль староста.

— А вотъ этотъ чей такой будетъ? — спросилъ десят-

скій, указывая на Браумюллера, на котораго безпрестанно косились мужики.

— Мы жь тебѣ говорили, глупая ты голова, что это гость нашъ — нѣмецъ...

— Нѣмецъ, не японецъ? вдругъ выпалилъ мужикъ

— Нѣмецъ, нѣмецъ. Развѣ японцы такіе бываютъ? Они черные, глаза у нихъ узкіе, а зототъ бѣлокурый, глаза у него синіе...

Оказывается, мужики приняли Браумюллера за японца и хотѣли, какъ шпиона, задержать его.

Большой радостью для отца было извѣстіе, что въ Японіи находятся люди, которые такъ же, какъ и онъ, борются противъ войны.

Въ японской социалистической газетѣ «Heimin Shimintu Sha» въ августѣ 1904 года была помѣщена статья на англійскомъ языкѣ, авторомъ которой оказался извѣстный японскій социалистъ Изо Абэ. Отецъ вступилъ съ нимъ въ переписку и между прочимъ писалъ, что жалѣеть, что Изо Абэ социалистъ. Японецъ отвѣтилъ, что хотя онъ и социалистъ, но стоитъ за мирную революцію и въ сношеніяхъ съ русскими революціонерами всегда уговариваетъ ихъ воздерживаться отъ насилія.

Революціонеры причиняли много огорченій отцу.

Помню такой случай. Мы сидѣли за завтракомъ. Снизу, запыхавшись, пришелъ отецъ.

— Ахъ Боже мой, Боже мой! — громко охаль онъ, — вѣдь это ужасъ какой то! Я ему говорю, что нельзя насиліемъ добиваться улучшенія положенія народа, а онъ меня съ такимъ апломбомъ перебиваетъ: «Вы ошибаетесь, не нельзя, а должно безпощадно уничтожить всѣхъ тѣхъ, которые эксплуатируютъ народъ!» И кто же? Гимназисты лѣтъ семнадцати — еврей! Какая злоба! Какая злоба! Я сталъ ему говорить про законъ Бога, про ученіе Христа. «Все это глупости, — снова перебилъ онъ меня, — никого Бога нѣтъ!» Я не выдержалъ, раздражился! Главное эта безграничная самоувѣренность. «Зачѣмъ же вы ко мнѣ пришли, если вы все такъ хорошо знаете?» — спросилъ я и вышелъ изъ комнаты.

Я рѣдко видѣла отца въ такомъ состояніи. Лицо его было красное, онъ дышалъ часто, быстро ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все охаль.

Отець ждалъ революціи. Настроеніе рабочихъ, солдатъ, крестьянъ онъ чувствовалъ не только изъ разговоровъ, но и по безконечнымъ письмамъ, стекавшимся къ нему со всѣхъ концовъ Россіи. Онъ зналъ про нараставшее съ каждымъ днемъ народное недовольство, зналъ, что никому ненужная, бессмысленная японская война, куда гнали сотни тысячъ людей на смерть, переполнила чашу терпѣнія...

Для него было совершенно ясно, что революція не улучшить положенія народа, можетъ быть поэтому онъ неоднократно обращался къ правительству, чтобы предупредить надвигавшіяся кровавыя событія. Форма, по его мнѣнію, не имѣетъ значенія, каждая власть основана на насиліи и каждая власть поэтому дурна. «Новое правительство будетъ также основано на насиліи, какъ и старое. Какъ Кромвель, Марать давили своихъ противниковъ, такъ и у насъ новое правительство давило бы консерваторовъ, «Новое время» и т. д. Если же мнѣ выбирать, то лучше ужъ выберу Владиміра Александровича. Онъ живой воръ и не будетъ такъ страшно воровать» *).

Въ статьѣ: «Правительству, Революціонерамъ и Народу» отецъ писалъ:

«Для того, чтобы положеніе людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше. Это такой же трюизмъ, какъ то, что для того, чтобы нагрѣлся сосудъ воды, надо, чтобы всѣ капли ея нагрѣлись. Для того же, чтобы люди становились лучше, надо, чтобы они все больше и больше обращали вниманіе на себя, на свою внутреннюю жизнь. Внѣшняя же общественная дѣятельность, въ особенности общественная борьба, всегда отвлекаетъ вниманіе людей отъ внутренней жизни и потому всегда, неизбежно развращая людей, понижаетъ уровень общественной нравственности, какъ это происходило вездѣ и какъ мы это въ поразительной степени видимъ теперь въ Россіи. Пониженіе же уровня общественной нравственности дѣлаетъ то, что самыя безнравственныя части общества все больше и больше выступаютъ наверхъ и устанавливается безнравственное общественное мнѣніе, разрѣшающее и даже одобряющее преступленія. И устанавливается ложный кругъ: вызванныя общественной борьбой худшія части общества съ жаромъ отдаются соотвѣтствующей

*) Маковицкій. Яснополянскія Записки Т. II.

ихъ низкому уровню нравственности общественной дѣятельности, дѣятельность же эта привлекаетъ къ себѣ еще худшіе элементы общества».

Когда къ отцу обратился тульскій крестьянинъ, спрашивая: «Долго ли еще будутъ многомилліонныя сѣрья сермяги тащить перекувырнутую телѣгу» *), отецъ говорилъ:

— Бросить ее надо, эту перекувырнутую телѣгу, бросить, пусть кто хочетъ тащить ее. Кто будетъ воевать, работать на помѣщиковъ, сѣять пахать, работать на фабрикахъ, если крестьяне и рабочіе откажутся?

Событія девятаго января глубоко взволновали отца. Онъ говорилъ о бессмысленности того, что было сдѣлано, обвинялъ агитаторовъ.

— Царь не могъ принять пятнадцать тысячъ рабочихъ, этого могла не знать темная толпа, но не могли не знать тѣ, которые вели ее.

«Преступленіе, совершенное въ Петербургѣ ужасно. Оно тройне отвратительно: тѣмъ, что правительство предписываетъ убивать народъ, тѣмъ, что солдаты стрѣляютъ въ своихъ братьевъ, и тѣмъ, что нечестные агитаторы, ради собственныхъ низкихъ цѣлей, ведутъ простой народъ на смерть. Я не осуждаю народъ, но у меня нѣтъ словъ, чтобы выразить мое отвращеніе къ тѣмъ, которые вводятъ его въ обманъ» **).

Настроеніе было безпокойное, напряженное, говорили, что вотъ вотъ вспыхнетъ революція, ждали безпорядковъ въ Москвѣ и другихъ городахъ...

Я вернулась изъ Петербурга съ тетенькой Татьяной Андреевной***) и съ ея старшей дочерью. Мы привезли много новостей, рассказывали про то, что дѣлалось въ Москвѣ и Петербургѣ. Отецъ съ интересомъ, но съ видимымъ страданіемъ насъ слушалъ.

Наканунѣ, четвертаго февраля, когда я была въ Москвѣ, послышался страшный взрывъ. Всѣ бросились къ Кремлю. Говорили, что бомбой убитъ Сергѣй Александровичъ. Взрывъ былъ настолько сильный, что не могли собрать тѣла великаго князя, оно было разорвано на мелкіе куски

*) Маковицкій. Яснополянскія Записки. Т. II.

**) Маковицкій. Яснополянскія Записки. Т. II.

***) Татьяна Андреевна Кузминская — сестра моей матери.

— Какой ужасъ! Какой ужасъ! — повторялъ отецъ, морщась отъ боли, когда я рассказывала, какъ въ вагонѣ по дорогѣ изъ Москвы студенты говорили, что убійство Сергѣя Александровича первый сигналъ къ началу революціи. «Здорово сдѣлано, чисто! Собакѣ собачья смерть!»

— Ахъ Боже мой! — застоналъ отецъ: — Ну, какъ не понять, что злобой, жестокостью, они вызовутъ еще большія жестокости и конца этому не будетъ.

Тетенька съ возмущеніемъ говорила о беспорядкахъ на заводахъ, о забастовкахъ, а отецъ дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе.

Я рассказала, какъ Саша Берсъ *) во время этихъ событій долженъ былъ вмѣстѣ со своимъ Преображенскимъ полкомъ охранять мосты. Курсистка подошла къ нему и начала его ругать. Она называла его палачемъ, жандармомъ, царскимъ опричникомъ. Саша терпѣливо молчалъ. Тогда она плюнула въ него. Не желая ее арестовывать, онъ нагнулся, приподнял ее на сѣдло и отшлепалъ. Мнѣ это казалось смѣшнымъ.

— Ахъ, какъ можно, какъ можно смѣяться, — сказала отецъ, нахмурившись: ну что можетъ быть ужаснѣе, чѣмъ эта взаимная злоба, рознь людей?

Говорили о томъ, какъ Лева былъ у царя, какъ царь былъ растроганъ депутаціей рабочихъ.

— А кто уполномочилъ этихъ рабочихъ идти къ царю? — спросилъ отецъ: — они не имѣли никакого права говорить отъ лица многомилліоннаго народа.

А когда я добавила, что Лева хочетъ написать царю письмо и считаетъ, что оно будетъ имѣть важное значеніе, отецъ сказалъ:

— Какъ они всѣ любятъ учить, какъ любятъ учить, а сами ничего не знаютъ, своей жизни устроить не умѣютъ! Лева воображаетъ, что онъ напишетъ письмо царю и отъ этого судьба Россіи измѣнится...

Все чаще и чаще запрашивали мнѣ отца о революціи, задавая пустые, непродуманные вопросы. Не потрудившись познакомиться съ его взглядами и схвативъ налету то, что имъ было на руду — отрицательное отношеніе къ церкви и государству — нѣкоторые революціонеры дѣ-

*) Александръ Александровичъ Берсъ — сынъ Александра Андреевича Берса — брата моей матери.

дали быстрое заключеніе, что Толстой человекъ ихъ лагерья и наивно ждали отъ него сочувствія.

Были и такіе, которые, хорошо зная взгляды отца, задушевывали то, что имъ было не по сердцу и, желая употребить влияніе Толстого въ свою пользу, распространяли нѣкоторыя его произведенія: «Мнѣ непріятно, — говорилъ отецъ, — что продается на улицахъ моя солдатская памятка. Я желалъ бы, чтобы мои мысли были приняты всецѣло, а не пользовались бы частью ихъ для цѣлей мнѣ чуждыхъ» *).

Когда отецъ старался оставаться въ сторонѣ — его осуждали.

«Меня причисляютъ къ лагерю Каткова. Въ это время испытанія надо сохранить свое я. Я за Бога и не за правительство, не за либераловъ. Люди пренебрегаютъ той вещью, въ которой одной они свободны: внутренней жизнью. Всѣ дѣлаютъ планы, какъ осчастливить другихъ, а про свою духовную жизнь забываютъ. Я живу въ счастливыхъ условіяхъ отдаленности отъ этой борьбы и продолжаю именно въ интересахъ освобожденія людей сохранять и развивать свои мысли, которые позже, когда наступитъ время, будутъ полезны» **).

Въ маѣ было получено извѣстіе о пораженіи нашего флота. Много родственниковъ и знакомыхъ погибло. Тетенька Татьяна Андреевна уже оплакивала своего сына Васю, но онъ уцѣлѣлъ. Онъ продержался на водѣ около восьми часовъ. Японцы его выловили, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ у нихъ въ плѣну.

Въ октябрѣ пришло извѣстіе о бунтѣ въ Кронштадтѣ. Затѣмъ вдругъ смолкли на желѣзной дорогѣ свистки, точно въ волшебной сказкѣ сразу прекратилось движеніе, всѣ поѣзда — товарныя, пассажирскіе остановились и было въ этомъ что-то жуткое и волнующее. Растерянные пассажиры бродили около Козловки ***). Къ станціи потянулись вереницы бабъ съ узелками, смекнувъ, что можно воспользоваться случаемъ, онѣ втридорога продавали молоко, масло, яйца.

Въ это время къ намъ заѣхалъ братъ Миша. Его же-

*) Записная книжка С. А. Толстой.

***) Маковицкій. Яснополяскія Записки. Т. II.

***) Станція Московско-Курской ж. д., теперь переименованная въ «Ясную Поляну»

на должна была родить и онъ спѣшилъ въ Москву. Не дожидаясь конца желѣзнодорожной забастовки, онъ нанялъ лошадей и поѣхалъ. Изъ Серпухова онъ позвонилъ въ Москву. Въ Москвѣ шла стрѣльба, строились баррикады.

— Лиана что? — спросилъ братъ.

— Дулетъ! — отвѣтилъ ему товарищъ.

— Лиана, жена что? — допытывался братъ, думая, что тотъ говорить о стрѣльбѣ.

— Вѣдь я-жъ тебѣ говорю — дулетъ! Понимаешь? Двойня, двойня! Благополучно, родились подъ аккомпаниментъ выстрѣловъ — мальчикъ и дѣвочка...

Я была въ Тулѣ въ день объявленія конституціи. По Кіевской *) нельзя было проѣхать, она была заполнена народомъ. Шли безконечныя толпы, слышались крики ура, усиленные наряды полиціи поддерживали порядокъ и непонятно было, то ли радуются дарованной конституціи, то ли вотъ-вотъ вспыхнуть беспорядки...

Весной начались выборы въ Государственную Думу. Не ожиданно для всѣхъ былъ выбранъ Михаилъ Сергѣевичъ Сухотинъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ предводителемъ дворянства въ Новосильскомъ уѣздѣ, но затѣмъ совершенно отошелъ отъ общественной дѣятельности и казалось непонятнымъ, почему выбрали именно его.

Таня съ дочкой жила у насъ и мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали пріѣздовъ Михаила Сергѣевича изъ Петербурга.

Никто не умѣлъ такъ рассказывать, какъ онъ — живо, интересно, остроумно. Черносотенные типы, представители рабочей партіи въ расшитыхъ косовороткахъ, съ ихъ непримиримостью, наглостью, какъ живые вставали передъ нами...

— Какой отвратительный типъ образуется изъ рабочего, — съ грустью говорилъ отецъ, слушая эти рассказы, и все больше утверждаясь въ мнѣніи, что изъ Думы ничего не выйдетъ, — какое безуміе, какой ужасный грѣхъ словоговоренія! И на эти бесполезныя пререканія, шутовство, злобные выкрики тратятся миллионы народныхъ денегъ!

Михаилъ Сергѣевичъ не возражалъ, только добродушно посмѣивался, въ глубинѣ души соглашаясь съ отцемъ. Но братъ Сергѣй всегда съ нимъ спорилъ, убѣжденный въ томъ, что отъ перемѣны правительства зависитъ благоден-

*) Главная улица въ г. Тулѣ.

ствіе Россіи. Иногда споры между отцемъ и братомъ доходили до обоюднаго раздраженія.

— Ты вотъ говоришь конституція, N. N. за неограниченную монархію, революціонеры -- за социализмъ, и вы всё думаете, что можете устроить судьбу народа. А я увѣрю тебя, что только тогда, когда каждый человѣкъ будетъ стремиться самъ жить хорошо, не вмѣшиваясь въ жизнь другого, только тогда жизнь людей улучшится.

— Но вѣдь надо же какъ то ограничить власть. Вѣдь самъ же ты ужасаешься, что правительство сажаетъ въ тюрьмы, разстрѣливаетъ...

— И будетъ продолжать то же дѣлать. Дѣло не въ формѣ...

Одинъ разъ Михаилъ Сергѣевичъ рассказывалъ, какъ во время перерыва депутаты собрались въ Таврическомъ саду. Сторожа косили траву. Нѣсколько человѣкъ лѣвухъ взяли у нихъ косы.

— Ну, давайте, кто кого! — крикнулъ Стаховичъ, сбрасывая пиджакъ и берясь за косу.

И какъ пошелъ Стаховичъ махать, ни одинъ социалистъ за нимъ не послѣдуетъ, вспотѣли, запарились, а остальные депутаты и сторожа смѣются:

— Ну куда имъ, они вѣдь представители отъ крестьянъ!

— Вѣдь это поразительно, — сквозь смѣхъ воскликнулъ отецъ. — Поразительно! Ну развѣ это крестьяне? Вѣдь это случайно попавшій сбродъ, который берется рѣшать судьбу русскаго народа. Ни одинъ настоящій, порядочный крестьянинъ никогда не будетъ заниматься политикой, — это ему чуждо, противно!

Иногда отецъ читалъ газеты, слѣдя за политическими событіями, иногда мѣсяцами не прикасался къ нимъ. «Газеты хуже дурмана, хуже папирозъ, вотъ на газетахъ ясно виденъ вредъ цивилизаціи», говорилъ онъ: «каждый день громадныя листы бумаги заполняются всякой чепухой. Печатаютъ ненужную, преступную болтовню въ Думѣ, шутовскіе выкрики, злобныя рѣчи лѣвухъ, другъ на друга нападаютъ, оправдываютъ преступленія, убійства».

Иногда, выходя въ залу, онъ заставлялъ разговоры о политикѣ и невольно принималъ въ нихъ участіе, но спохватываясь и быстро уходилъ къ себѣ.

Думой отецъ заинтересовался гораздо позднѣе и на короткое время, когда ему пришла въ голову мысль о

проведеніи системы единого налога Генри Джорджа Отецъ обратился по этому поводу къ В. А. Маклакову.

— Вчера вечеромъ говорилъ съ Маклаковымъ, — сказалъ онъ, — о проведеніи системы Генри Джорджа черезъ Государственную Думу.

— Ну и что же?

— Да онъ мнѣ отвѣтилъ такъ неопредѣленно, я думаю, что ничего не выйдетъ. Главное, что онъ самъ въ это не вѣритъ...

Дѣйствительно, Маклаковъ сказалъ отцу, что этой реформы провести нельзя.

Въ другой разъ отецъ говорилъ объ этомъ съ депутатомъ Думы Челышевымъ, который пріѣзжалъ поговорить съ отцемъ о борьбѣ противъ пьянства. Но и Челышевъ подтвердилъ мнѣніе Маклакова. Этимъ кончился интересъ отца къ Думѣ.

Онъ писалъ свою статью «Единое на Потребу». Онъ призывалъ къ прекращенію насилія, убійства и злобы, но какое могли имѣть значеніе его слова?

Люди были заняты крупными политическими и общественными дѣлами, устранивая судьбы русскаго народа. Какими наивными казались мечты о проведеніи закона о «единомъ налогѣ», съ какой ироніей они относились къ идеѣ о непротивленіи злу насиліемъ!

Я часто спрашиваю себя, сдерживалъ ли тогда отецъ хоть отчасти разыгрывающіяся кровавыя событія своими постоянными обращеніями къ правительству и къ революціонерамъ? И имѣлъ ли бы его голосъ значеніе теперь, когда въ Россіи пролилось и продолжаетъ проливаться столько невинной крови?

XX.

РОЖДЕНІЕ ТАНИЧКИ. МОЯ ШКОЛА. ДУШАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Въ ноябрѣ 1905 года у насъ въ семьѣ произошло важное событіе. У Тани родилась дочь. Сестра только что вернулась изъ Швейцаріи, гдѣ она лѣчилась въ санаторіи, и можетъ поэтому ребенокъ родился живымъ.

Утромъ я зашла въ дѣвичью. У окна сидѣла и шила няня, многозначительно поджавъ губы, а по комнатѣ

взадъ и впередъ ходила сестра. Лицо у нее было сосредоточенное, возбужденное, изрѣдка около рта пробѣгала легкая судорога.

— Таня! — воскликнула я. — Началось?

И не успѣла кончить, какъ поняла, что не надо было спрашивать.

Таня съ упрекомъ посмотрѣла на меня.

Изъ своей комнаты я слышала, какъ она ушла къ себѣ «подъ своды» *), какъ слѣдомъ за ней прошла акушерка. Въ домѣ всѣ сосредоточенно и молчаливо ждали. Прошелъ часъ, можетъ быть полтора, я вертѣлась внизу у дверей Таниной комнаты и вдругъ кто-то сказалъ:

— У Татьяны Львовны дочка родилась!

Я побѣжала къ отцу, а онъ, точно почувствовавъ, уже спускался съ лѣстницы. Ему не работалось въ этотъ день.

— Папа, у Тани дочь родилась!

— Чего же ты, глупая, плачешь? — сказалъ онъ и пошелъ обратно, сморкаясь и утирая слезы.

А вечеромъ, когда я доставала ему съ полки книги, онъ вдругъ сказалъ:

— Почему Марія?

— Что?

— Почему они Маріей хотятъ назвать? Марія, Маріа Михайловна, — первая жена Михаила Сергѣевича. Ужъ пусть лучше назовутъ Татьяной...

Началась новая забота. Таничка была плохенькая, худенькая дѣвочка, какъ цыпленокъ позднышекъ, чуть ли не съ самаго рожденія страдала поносами и было такъ жутко за эту едва теплившуюся жизнь, появившуюся на свѣтъ Божій послѣ столькихъ лѣтъ бесплоднаго, мучительнаго ожиданія. Маленькое, сморщенное существо сразу заняло большое мѣсто въ нашемъ домѣ. Бабушка проводила много времени съ ней. Низко, низко склонившись надъ внучкой, она безпокойными, близорукими глазами подолгу смотрѣла на нее.

Таня зимой жила у насъ въ Ясной Полянѣ. Михаилу Сергѣевичу было предписано на самые холодные, зимніе мѣсяцы уѣзжать въ теплые края.

На этотъ разъ я поѣхала съ нимъ и съ Оболенскимъ въ Римъ. И какъ ни странно, больше всѣхъ побуждалъ

*) Комната со сводчатыми потолками въ Ясной Полянѣ, бывший кабинетъ отца.

меня къ этой поѣздкѣ отецъ. Онъ, должно быть, видѣлъ, что я временами тосковала, что все, кромѣ работы для него, казалось мнѣ постылымъ, скучнымъ. Но и заграница мнѣ не помогла, не даромъ отецъ всегда говорилъ, что отъ себя не убѣжишь. Скучно, тоскливо — ищи причины въ самомъ себѣ.

Приступы тоски повторялись. Въ такія минуты мнѣ всегда хотѣлось музыки. Уйдешь въ свою комнату, затворишься и поешь пѣсни подъ гитару и кажется, что душа твоя оголилась, услышитъ кто-нибудь — станетъ стыдно. Иногда я играла на фортепіано, но рѣдко. Концерты въ четыре руки навсегда отвратили меня отъ дилетантскаго исполненія классиковъ. Было только двѣ прелюдіи Шопена, которыя я знала.

Помню, разъ послѣ обѣда всѣ ушли гулять. Наверху никого не было. Окна въ залъ были отворены и слышно было, какъ, кружась со свистомъ, подъ карнизами пролетали ласточки и стрижи. Я вошла въ залу и, сохранившейся еще съ дѣтства привычкѣ, какъ на конькахъ разогналась по скользкому паркету къ желтой этажеркѣ въ углу, достала ноты въ рябенкомъ переплетѣ и сѣла за фортепіано.

Было ощущеніе блаженства въ одиночествѣ, въ звукахъ фортепіано, я чувствовала, какъ пѣла у меня мелодіи въ лѣвой рукѣ и неясныя, заманчивыя мечты рождались въ головѣ.

— Ахъ, это ты, Саша? А я шелъ и думалъ, кто это такъ славно Шопена играетъ. Я вздрогнула, почему такъ ужасно смутилась и покраснѣла.

— Тебѣ бы надо учиться, — сказалъ отецъ, — у тебя большія способности. Я поговорю съ Гольденвейзеромъ.

Я начала учиться музыкѣ. Первое время добросовѣстно, часами барабанила гаммы, экзерсисы, аккуратно ѣздила брать уроки къ Гольденвейзеру въ Телятинки *), а зимой два раза въ мѣсяцъ въ Москву, но постепенно музыка превратилась для меня во что-то необычайно скучное и нудное. Я чувствовала, какъ своими руками убивала разучиваемыя мною незначительныя вещи Моцарта, Грига, Баха. Вниманіе моего учителя сосредоточивалось на технику и точности исполненія. Выученныя мною вещи погн-

*) Принадлежавшій мнѣ хуторъ, гдѣ жилъ Гольденвейзеръ.

бали для меня навѣки, я начинала ихъ ненавидѣть. Кромѣ того отъ усиленныхъ упражненій и работы на машинкѣ у меня стали болѣть и пухнуть руки. Я бросила музыку. Другія занятія отвлекли меня.

Въ Ясной Полянѣ была очень плохая церковно-приходская школа. Въ 1891 году сестры учили ребятъ въ та съ называемой каменкѣ — сторожкѣ рядомъ со старинными въѣздными воротами. Еще семилѣтней дѣвочкой я бѣгала туда учиться. Но Тульскій губернаторъ Зиновьевъ предупредилъ сестеръ, что, если они не перестанутъ учить крестьянскихъ дѣтей, ему придется по долгу службы официально закрыть эту школу.

И вотъ, точно въ противовѣсь вліянію Толстого, въ нашемъ уѣздѣ открыли цѣлый рядъ церковно-приходскихъ школъ, очень плохихъ, какъ въ смыслѣ помѣщенія, такъ и въ смыслѣ преподаванія. Въ Ясной Полянѣ было построено маленькое, въ одну комнату училище съ нелѣпо торчащей посрединѣ унтермарковской печью, низкими потолками и маленькими окнами. Комната эта вмѣщала съ большимъ трудомъ тридцать, сорокъ человекъ, и крестьяне въ первую очередь посылали учиться мальчиковъ, считая, что грамота имъ нужнѣе чѣмъ дѣвочкамъ, да кромѣ того окончаніе училища давало льготу при отбываніи воинской повинности.

Учитель обычно былъ духовнаго званія, окончившій четырехклассное училище. Крестьяне жаловались, что школа плохая, что ребятъ бьютъ, на горохъ въ уголь ставятъ, а толку ничего нѣтъ — ни читать, ни писать, ни считать какъ слѣдуетъ не умѣютъ. И вотъ, у меня возникла мысль самой учить дѣвочекъ. Я устроила школу въ бывшей мастерской сестры, гдѣ она когда то вмѣстѣ съ «дѣдушкой Ге» и Рѣпинымъ занимались живописью.

У меня набралось 20-25 дѣвочекъ. Широкими планами я не задавалась. Мнѣ хотѣлось ихъ выучить чтенію, писму и счету. Въ то время у насъ почти всѣ бабы были неграмотныя.

Встанешь рано утромъ напьешься кофе и бѣжишь. Дѣвочки меня уже ждутъ. Затапливаемъ печку и садимся заниматься.

Одинъ разъ я иду въ школу, а навстрѣчу мнѣ отецъ.

— Ты куда?

— Въ школу

— А бываетъ такъ, что тебѣ трудно рано встать, трудно заставить себя заниматься, не хочется, надоѣло?

— Нѣтъ, — не подумавъ, отвѣтила я. Но въ слѣдующую минуту его мысль дошла до моего сознанія. — Да, иногда не хочется, приходится себя заставлять...

— Ага! Если такъ, то это хорошо. Это признакъ того, что это настоящее дѣло, не баловство, не игрушки. Ну иди, иди, — улыбаясь и кивая, сказалъ онъ и пошелъ дальше.

Мнѣ бывало иногда трудно съ моими дѣвчатами. Я не знала учительскаго дѣла, дѣйствовала по собственному разумѣнію и бывали дни, когда я не могла съ ними справиться. Меня не пугали ихъ шалости, смѣхъ, подсказываніе, больше всего я боялась, когда въ классъ закрадывалась скука. Зѣвнеть одна, другая, постепенно заражаются всѣ, грызутъ карандаши, болтаютъ ногами, отвѣчаютъ глупости, глаза дѣлаются сонными, тупыми...

Одинъ разъ въ такую минуту вошелъ отецъ. Онъ быстро окинулъ взглядомъ дѣвчатъ, и мнѣ показалось, что онъ уловилъ настроеніе. Дѣвочки поздоровались съ нимъ, сѣли на мѣста и съ любопытствомъ на него поглядывали.

— Что у васъ?

— Арифметика.

Я подвинула отцу задачникъ.

— Это что? Задачникъ? Не нужно. Ну, слушайте! По Воронкѣ *) паслось стадо: 60 коровъ, да 32 овцы. Стерегли стадо: пастухъ да два подпаска. Сколько у всѣхъ было ногъ?

Одна задача смѣнялась другой. Дѣвочки проснулись, отвѣчали наперебой. Стало вдругъ шумно, весело, ребята мои точно переродились.

На прощаніе отецъ похвалилъ дѣвочекъ:

— Ну, молодцы! Считаете хорошо!

Заходилъ онъ ко мнѣ въ школу не разъ. Дѣвочки привыкли къ нему, а кто посмѣлъ, кричали:

— Заходи къ намъ, Левъ Николаичъ!

На масляницѣ онъ сказалъ:

— Ты бы блины своимъ дѣвочкамъ устроила. Вотъ, когда у меня школа была, мы блины пекли, а потомъ запрягли лошадей, да кататься поѣхали. Ребятамъ это очень понравилось.

*) Воронка — рѣчка въ Ясной Полянѣ.

Я послушалась его. Кухарка Матрена навела намъ цѣлую дежу блиновъ. Пришли дѣвочки, нарядныя, въ новыхъ сарафанчикахъ, волосы гладко причесаны и чувствовали себя совсѣмъ не такъ, какъ въ школѣ — конфузились, жеманничали, отъ блиновъ отказывались.

Въ то время у насъ гостилъ Александръ Никифоровичъ Дунаевъ. Мы съ нимъ пекли по очереди. Снявъ пиджакъ, потный, красный, Никифоровичъ ловко орудовалъ ухватомъ, сажая и вынимая румяные блины изъ печки. Дѣвочки чинно сидѣли вокругъ стола, на которомъ стояли селедки, сметана, растопленное масло. Постепенно онѣ разошлись и перестали стѣсняться.

— Ну-ка мнѣ блинка-то! — кричали онѣ, протягивая пустыя тарелки. Бли руками, по которымъ стекало масло и сметана, громко чавкая, молча и серьезно, точно дѣло дѣлали.

На минуту зашелъ отецъ, постоялъ, посмотрѣлъ на нихъ улыбаясь, и пошелъ. А мы на нѣсколькихъ саняхъ поѣхали кататься.

Зимой прїѣзжихъ у насъ было гораздо меньше, чѣмъ лѣтомъ. Я любила это время, когда мы оставались одни, если не считать прижившуюся у насъ Юлію Ивановну и доктора. Послѣ Г. къ намъ на нѣкоторое время вернулся Никитинъ, затѣмъ онъ снова уѣхалъ и его замѣнилъ Григорій Моисеевичъ Беркенгеймъ — милый, добрый человекъ. Но и Беркенгеймъ недолго пробылъ въ Ясной Полянѣ и у насъ поселился Душанъ Петровичъ Маковицкіі.

У себя на родинѣ, въ Чехословакіи, онъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ Шкарваномъ стоялъ во главѣ толстовскаго движенія, переводилъ и издавалъ книги отца и не разъ прїѣзжалъ въ Россію и въ Ясную Поляну, чтобы съ нимъ повидаться. Шкарванъ даже отказывался отъ воинской повинности и подвергался преслѣдованіямъ.

Кажется, Машѣ пришла мысль попросить Душана Петровича остаться въ Ясной Полянѣ. Онъ согласился. Съѣздилъ на родину, сообщил роднымъ о своемъ рѣшеніи, простился съ ними и вернулся въ Ясную Поляну, гдѣ и остался до конца жизни отца.

Про Душана Петровича отецъ говорилъ:

— Душанъ святой. Но такъ какъ настоящихъ святыхъ не бываетъ, то Богъ ему тоже послалъ недостатокъ — ненависть къ евреямъ.

Дѣйствительно, доброе лицо Душана Петровича принимало упорное, злое выраженіе, когда говорили о евреяхъ. Онъ любилъ «Новое Время» и Меншикова за то, что онъ бранилъ евреевъ и старался незамѣтно подложить отцу его статьи. Душанъ Петровичъ никогда ничего не покупалъ у евреевъ и осуждалъ меня, если я заходила въ еврейскія лавки.

— О, Александра Львовна, Александра Львовна! Стыдно, стыдно! — говорилъ онъ. — Ну почему покупать у еврея, ну почему? Почему не поддерживать своихъ, вѣдь евреи васъ ненавидятъ, они же вамъ на шею сядутъ...

При Душанѣ Петровичѣ оживилась амбулаторія, приходившая въ нѣкоторый упадокъ послѣ отъѣзда Дмитрія Васильевича Никитина. Душанъ Петровичъ сейчасъ же установилъ правильный пріемъ, безъ отказа ѣздилъ по больнымъ.

Я было начала помогать ему и на этотъ разъ отецъ не возражалъ, но мнѣ не нравились способы лѣченія Душана Петровича, мнѣ всегда казалось, что онъ плохой врачъ и я перестала ходить съ нимъ въ амбулаторію. Первое время больные не понимали его.

— На комъ рядъ? — кричалъ докторъ. — На комъ рядъ?

Вослѣдствіи онъ немножко научился русскому языку, но ударенія въ словахъ всегда дѣлалъ неправильныя и, такъ какъ мы смѣялись надъ нимъ, онъ совсѣмъ пересталъ ихъ дѣлать, стараясь произносить слова безъ ударенія. Лѣкарствъ Душанъ Петровичъ давалъ очень мало.

— Прѣшу давать побольше шоколада, — говорилъ онъ бабѣ, когда та приводила малокровнаго ребенка. Баба смотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Ты бы мнѣ лѣкарства какого, капелекъ аль порошковъ.

— Прѣшу давать побольше шоколаду... — настойчиво повторялъ Душанъ Петровичъ. Приходилось вступаться мнѣ и объяснять, что баба не только никогда не ѣла шоколада, но и въ глаза его не видала и что она не можетъ покупать шоколадъ ребенку, это ей не по средствамъ.

Тогда Душанъ Петровичъ отъ рахита сталъ примѣнять другое средство.

— Кормите горохомъ, — говорилъ онъ. Гороховый супъ варите!

— А какъ же порошковъ то, не дашь?

— Дальше! На комъ рядъ? — выкрикивалъ докторъ, не обращая вниманія на растерявшуюся бабу.

Одинъ разъ заболѣла крестьянка Марфа Кубарева, съ семьей которой мы были очень дружны. Я пошла съ Душаномъ Петровичемъ ее провѣдать. Марфа сильно кашляла. Онъ отсыпалъ ей доверова порошка и сказалъ:

— Пожалуйста, принимайте на кончикъ нѣжа три раза въ день.

Я попробовала убѣдить Душана Петровича, что надо развѣсить порошки, но онъ сказалъ:

— Нѣ надо, понимаете, на кончикъ нѣжа.

Наутро за мной прибѣжала Марфина дочка, плачетъ.

— Чего ты?

— Да мамка все спитъ и спитъ, добудиться никакъ не можемъ.

Я побѣжала къ нимъ въ домъ. Марфа крѣпко спала. Я разбудила ее, но она снова сейчасъ же заснула. Я побѣжала за Душаномъ Петровичемъ. Когда мы привели бабу въ чувство, я спросила, пила ли она лѣкарство, которое далъ ей Душанъ Петровичъ.

— Да почестъ всю выпила. Кто ее знаетъ, я думала побольше вылью, скорѣе полегшаетъ...

Докторъ никакъ не могъ приспособиться къ некультурности русскаго крестьянства.

Однажды по дорогѣ изъ амбулаторіи домой, Душанъ Петровичъ мрачно сказалъ:

— Александра Львовна, я очень плохой человекъ! Очень плохой! Я сегодня опять нагрѣшилъ!

Я засмѣялась. Сегодня въ амбулаторію пришла женщина съ чесоткой. Пока Душанъ Петровичъ готовилъ ей лѣкарство, она не переставая чесалась.

— Прѣшу не чесаться! — сказалъ онъ строго.

Но баба, забывшись, снова начала скрести больное мѣсто. Тогда Душанъ Петровичъ изо всей силы шлепнулъ ее по рукѣ.

— Не буду, не буду, родимый, ужъ ты не серчай, свербить дюже... — говорила баба, ничуть не обижаясь на доктора.

Это было такъ нелѣпо, такъ смѣшно, что выбѣжавъ въ аптеку, я долго не могла успокоиться, хохотала до слезъ.

Если кто-нибудь въ домѣ кашлялъ и просилъ совѣта Душана Петровича, онъ отказывался давать лѣкарство, а только говорилъ:

— Прѣшу лёжать, не гѣворить и не дышать пылью!

Когда Наташа Сухотина или я сидѣли за столомъ съоб-
бившись, онъ тихонько подходилъ, толкалъ въ спину и
говорилъ:

— Пожалуйста, прѣшу дѣржаться пѣровнѣ!

Душанъ Петровичъ скоро сдѣлался незамѣнимымъ въ
домѣ. Но не какъ врачъ. Когда кто-нибудь серьезно заболѣ-
лѣвалъ, вызывали Никитина, Беркенгейма, Щуровскаго.
Душанъ Петровичъ сдѣлался необходимымъ, какъ помощ-
никъ отцу. При составленіи «Круга Чтенія» отцу прихо-
дилось перечитывать много книгъ, отмѣчая карандашомъ
то, что должно было войти въ сборникъ. Душанъ Петро-
вичъ помнилъ, какія книги надо было достать изъ библіо-
теки, какія выписать. Помогалъ Душанъ Петровичъ и съ
посѣтителями, стараясь какъ врачъ отвлечь ихъ отъ отца,
и какъ единомышленникъ разъясняя его взгляды. Иногда
отецъ поручалъ ему отвѣчать на письма, что Душанъ Пет-
ровичъ дѣлалъ охотно, хотя и весьма кратко. Но главная
заслуга Душана Петровича состояла въ томъ, что онъ
былъ необычайно точнымъ лѣтописцемъ *).

Все, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ добросовѣстно, съ
какимъ-то тяжелымъ упорствомъ. За отцемъ записывали
многіе: Гольденвейзеръ, Гусевъ, Булгаковъ, но никто не
записывалъ такъ точно и такъ систематически и безпрѣ-
страстно, какъ Душанъ Петровичъ. Я какъ сейчасъ вижу
его напряженное, до жутости неподвижное и странное ли-
цо, склоненную, лысую, бѣлую голову, опущенную въ кар-
манъ руку. Въ карманѣ у него были наготовлены малень-
кіе, остронаточенные карандашики и крошечныя твердыя
бумажки, которыя онъ перелистывалъ ощупью. Онъ запи-
сывалъ, опустивъ руку въ карманъ.

Я не могла спокойно смотрѣть на его неподвижную,
странную фигуру. Мнѣ хотѣлось поддразнить его.

— Душанъ Петровичъ, я сейчасъ скажу папа, что вы
записываете...

*) Записки Душана Петровича Маковичкаго — громадный и цѣн-
ный трудъ. Впродолженіи пяти лѣтъ онъ записывалъ за отцемъ почти
ежедневно съ необычайной точностью. Д. П. Маковичкій поручить
бывшему секретарю моего отца Н. Н. Гусеву проредактировать и из-
дать свой трудъ, но Гусевъ до сего времени издалъ лишь два тома.
Можетъ быть это объясняется тѣмъ, что въ настоящее время Гусевъ
занятъ написаніемъ «Біографіи» Толстого.

— О! Александра Львовна! Пожалуйста не надо! О, пожалуйста!

— Сейчас скажу! Папа! — кричала я через столъ.

Душанъ Петровичъ поспѣшно выдергиваль руку изъ кармана, краснѣлъ и съ укоромъ и мольбой смотрѣлъ на меня.

— Папа! Душанъ Петровичъ... — тутъ я дѣлала небольшую паузу, во время которой бѣдный докторъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ... — Душанъ Петровичъ сегодня 30 человѣкъ больныхъ принялъ!

— Очель устали? — участливо спрашиваль отецъ.

— Ничего, — говорилъ Душанъ Петровичъ съ облегченіемъ, — ничего, не усталъ.

Черезъ нѣкоторое время повторялось то же самое. Душанъ Петровичъ опускаль руку въ карманъ, глаза его дѣлались стеклянными.

— Сейчас скажу, ей Богу скажу! — изводила я его.

Это было бы ужасно для Душана Петровича, который больше всего боялся, что отецъ замѣтитъ, что онъ за нимъ записываетъ.

Бывало, отецъ читаль что-нибудь вслухъ. Какъ только онъ раскрываль книгу, Душанъ Петровичъ стремглавъ бѣжалъ внизъ. Если чтеніе должно было по его расчету продолжаться семь минутъ, онъ заводилъ будильникъ на семь минутъ, ложился на кровать и моментально засыпаль, какъ убитый. Черезъ семь минутъ будильникъ звонилъ, Душанъ Петровичъ вскакиваль, шелъ наверхъ и записываль отзывы отца о прочитанномъ.

Душанъ былъ малокровный, слабый, лицо блѣдное, ни кровинки, должно быть онъ очень уставаль. Утромъ пріемъ, затѣмъ его звали къ больнымъ, приходилось иногда въ телѣгѣ или зимой въ розвальняхъ дѣлать десятки верстъ въ холодъ, по плохимъ дорогамъ. Потомъ записи за отцемъ, разборка записей. Онъ работаль съ утра до вечера и немудрено, что стоило ему прилечь на кровать, какъ онъ уже засыпаль. Онъ пользовался каждой свободной минуткой для того, чтобы успѣть «ноги погрѣть», т. е. поспать. Кровать доктора стояла ногами къ печкѣ и когда печка была натоплена, онъ дѣйствительно согрѣваль назябшіяся за день въ амбулаторіи и въ далекихъ поѣздкахъ ноги.

«Спишь, не грѣшишь!» — говорилъ Душанъ Петровичъ.

XXI.

БОЛѢЗНЬ МАМА. СМЕРТЬ МАШИ.

Мама давно уже жаловалась на тяжесть и боль внизу живота. Въ августѣ 1906 года она слегла въ постель. У нея начались сильныя боли, поднялась температура. Вызвали хирурга изъ Тулы, опредѣлившаго вмѣстѣ съ Душаномъ Петровичемъ опухоль въ маткѣ.

Сестра Маша, Юлія Ивановна и я по очереди ухаживали за ней. Она ужасно страдала: металась по постели, вся въ поту, громко стонала... Врачи говорили о необходимости операции и просили вызвать изъ Алексина профессора Снегирева. Извѣстили Таню и братьевъ.

Снегиревъ пріѣхалъ съ ассистентами, фельдшерницей, инструментами и даже операционнымъ столомъ.

Съѣхалась почти вся семья и, какъ всегда бываетъ, когда соберется много молодыхъ, сильныхъ и праздныхъ людей, несмотря на безпокойство и огорченіе, они сразу наполнили домъ шумомъ, суетой и оживленіемъ, безъ конца разговаривали, пили, ѣли. Профессоръ Снегиревъ, тучный, добродушный и громогласный человекъ, требовалъ много къ себѣ вниманія. Книжечка Семена Николаевича перешла ко мнѣ и я старалась также внимательно отнестись къ хозяйственнымъ заботамъ, какъ дѣлала бы мама. Надо было уложить всѣхъ пріѣхавшихъ спать, всѣхъ накормить, распорядиться, чтобы зарѣзали куръ, индѣекъ, послать въ Тулу за лѣкарствомъ, за виномъ и рыбой (за столъ садилось больше двадцати человекъ), разослать кучеровъ за пріѣзжающими — на станцію, въ городъ — заботъ было много.

Но неожиданно наступило улучшение. Снегиревъ рѣшилъ отложить операцию и уѣхалъ.

На другой день боли начались съ новой силой, температура поднялась до сорока. Врачи сказали, что началось воспаление брюшины и что операцию необходимо дѣлать немедленно. Снова пріѣхалъ, вызванный срочной телеграммой, Снегиревъ.

Отецъ постоянно заходилъ въ комнату мама и выходилъ оттуда растроганный, умиленный. Въ дневникъ онъ въ это время записалъ:

«Болѣзнь С (они) все хуже. Нынче почувствовалъ особенную жалость. Но она трогательно разумна, правдива и добра. Больше ни о чемъ не хочу писать. Три сына — С (ергій), А (ндрей) и М (нахиль) — здѣсь и двѣ дочери, М (аша) и С (аша). Полонъ домъ докторовъ. Это тяжело: вмѣсто преданности волѣ Бога и настроенія религиозно-торжественнаго — мелочно непокорное, эгоистическое. Хорошо думалось и чувствовалось. Благодарю Бога! Я не живу и не живетъ весь міръ во времени, но раскрывается неподвижный, но прежде недоступный миѣ міръ во времени. Какъ легче и понятнѣе такъ. И какъ смерть при такомъ взглядѣ — не прекращеніе чего то, а полное раскрытіе» *).

Съ громаднымъ терпѣніемъ и кротостью мама переносила болѣзнь. Чѣмъ сильнѣе были физическія страданія, тѣмъ она дѣлалась мягче и свѣтлѣе. Она не жаловалась, не роптала на судьбу, ничего не требовала и только всѣхъ благодарила, всѣмъ говорила что-нибудь ласковое. Почувствовавъ приближеніе смерти, она смирилась, и все мірское, суетное отлетѣло отъ нея. Отецъ видѣлъ это, и плакалъ не отъ горя, а отъ радости. Онъ видѣлъ «не прекращеніе чего то, а полное раскрытіе».

— Прощенія у меня просила, — говорилъ онъ, всхлипывая, — и духовно такъ хороша, такъ хороша...

Готовились къ операциі: Снегиревъ, три ассистента и Душанъ Петровичъ. Снегиревъ волновался. Дѣлать операцию, когда началось уже воспаленіе брюшины, въ домашней обстановкѣ, безъ всякихъ приспособленій, было дѣйствительно рискованно. По его просьбѣ изъ Петербурга вызвали профессора Феноменова, но ждать его дольше было нельзя.

Снегиревъ обратился къ отцу, спрашивая, согласенъ ли онъ на операцию. Отецъ отвѣтилъ, что по его миѣнію операцию дѣлать не надо.

— Но вѣдь если не дѣлать операцию, Софья Андреевна умретъ! — возразилъ профессоръ.

— Дѣлайте, какъ хотите! — сказалъ отецъ.

Снегирева поразилъ отвѣтъ отца, братья возмутились, но никто не понялъ, что для отца было важно одно — что мама живетъ, «раскрывается»...

Передъ операцией мама просила позвать священника,

*) Архивъ Толстовскаго Музея.

исповѣдовалась, причащалась, прощалась со всѣми, просила прошенія у дѣтей, у служащихъ Каждому она старалась сказать что-нибудь ласковое, многіе выходили отъ нея въ слезахъ.

Когда началась операція, отецъ ушелъ въ Чепыжь и просилъ, если будетъ благополучно — позвонить въ колоколь два раза, если нѣтъ — одинъ разъ.

Съ лѣстницы въ открытую дверь я видѣла все, что происходило. Посреди стоялъ операціонный столъ, полъ былъ залитъ водой, шепотомъ переговариваясь между собой тихо двигались врачи, въ бѣлыхъ халатахъ, пронесли мама и затворили дверь. Я слышала, какъ она стонала, затѣмъ затихла. Раздавался только громкій голосъ профессора, сначала спокойный, затѣмъ все болѣе и болѣе нервный и раздраженный. Вдругъ посыпалась скверная, неприличная ругань...

— Ахъ ты нѣмецкая морда... Сукинъ сынъ! Нѣмецъ проклятый!..

Кетгутъ, которымъ Снегиревъ зашивалъ рану, рвался на швахъ и онъ ругалъ поставщика нѣмца.

Мнѣ казалось, что прошло много, много времени, что конца этому не будетъ, какъ вдругъ съ шумомъ распахнулась дверь и изъ комнаты выскочилъ багрово-красный, потный профессоръ. На него накинули что-то теплое, повели внизъ, пронесли за нимъ бутылку шампанскаго.

Операція прошла благополучно. Я побѣжала въ Чепыжь и увидала отца на лужайкѣ между дубами.

— Папа, благополучно! — крикнула я.

— Хорошо, хорошо!

Я поняла, что онъ хочетъ быть одинъ. Возвращаясь, я встрѣтила Машу и Илью, они шли къ отцу. А дома застала врачей, разсматривающихъ громадную кисту, величиною въ дѣтскую голову. Когда ее вынимали — она лопнула.

Я зашла къ Снегиреву, онъ лежалъ въ постели, покрытый теплыми одѣялами, и маленькими глотками пилъ холодное шампанское. Онъ казался совершенно спокойнымъ, шутилъ, улыбался, но про операцію говорить не сталъ, — уклонился.

Къ матери долго никого, кромѣ отца, не пускали. За ней ходила вызванная изъ Тулы сидѣлка. Пріѣзжали доктора Никитинъ и Беркенгеймъ помочь Душану Петровичу ходить за больной. Постепенно она поправлялась и

крѣпла. Только кетгутъ «проклятаго нѣмца» сдѣлалъ то, что мѣстами внутренніе швы разошлись и у матери сдѣлалась грыжа.

Снегиревъ часто писалъ мнѣ ласковыя письма, спрѣшивая о здоровьѣ матери. Въ письмахъ онъ по стариковски нѣжно называлъ меня «голубка», «родная». Но переписка продолжалась недолго. Случайно одно изъ писемъ попало къ отцу. Оно не понравилось ему и онъ просилъ меня больше не писать профессору.

А потомъ жизнь пошла по прежнему. Таня переѣхала во флигель со своей маленькой, все еще плохенькой дѣвочкой и пасынками Наташей и Дорикомъ. Часто прѣзжалъ Андрюша. Онъ отдалъ свое имѣніе Таптыково женѣ Ольгѣ Константиновнѣ и дѣтямъ. Одиному, запутавшемуся, ему негдѣ было преклонить голову.

Мама возобновила свои занятія: играла на фортепиано одна и съ Наташей Сухотиной въ четыре руки, шилъ, суежилась по дому, иногда уѣзжала въ Москву. Матеріальныя дѣла снова затянули ее. Снова начались заботы о хозяйствѣ, издательствѣ, о томъ, что всегда такъ тяжело отражалось на жизни отца.

Иногда отецъ съ умиленіемъ вспоминалъ, какъ прекрасно мама переносила страданія, какъ она была ласкова, добра со всѣми.

Во второй разъ въ моей жизни, какъ это было послѣ смерти Ванички, я видѣла, какъ открылось окошечко, хлынулъ свѣтъ, освѣтившій нашу жизнь... и снова оно хлопнулось..

Въ холодный ноябрьскій день Маша, Коля, Андрюша и Юлія Ивановна ходили гулять. Около Воронки они видѣли лисицу. Когда они возвращались, навстрѣчу дулъ сильный вѣтеръ и Маша прозябла. Къ вечеру у нея сдѣлался ознобъ, жаръ. Долго не могли понять, что съ ней. Вызвали изъ Тулы военнаго доктора Афанасьева, которому особенно довѣрялъ Коля. Болѣзнь развивалась съ молниеносной быстротой. Жаръ былъ настолько сильный, что Маша почти не приходила въ сознаніе. Прѣхавшій изъ Москвы докторъ Шуровскій опредѣлилъ крупозное воспаленіе въ легкихъ. Поочереди: Коля, Юлія Ивановна и я ухаживали за ней. Она не могла говорить, только слабо по-дѣтски стонала. На худыхъ щекахъ горѣлъ румянецъ,

отъ слабости она не могла перевернуться, должно быть все тѣло у нея болѣло. Когда ставили компрессы, поднимали ее повыше или поворачивали съ боку на бокъ, лицо ея мучительно морщилось и стоны дѣлались сильнѣе. Одинъ разъ, я какъ то неловко взялась и сдѣлала ей больно, она вскрикнула и съ упрекомъ посмотрѣла на меня. И долго спустя, вспоминая ея крикъ, я не могла простить себѣ неловкаго движенія.

Маша угасала. Глядя на нее, я вспоминала Ваничку, на котораго она теперь была особенно похожа. Точно также бурная, беспощадная болѣзнь быстро уносила ее и было очевидно, что бороться бесполезно. Лицо у Маши было важное и чуждое, только тѣло ее оставалось съ нами, душа какъ будто отлетѣла. И такъ же, какъ когда умирали Ваничка, мнѣ казалось, что она знаетъ что то намъ недоступное, значительное.

Тихо, беззвучно входилъ отецъ, бралъ ея руку, цѣловалъ въ лобъ. А мы съ Колей не смотрѣли другъ на друга, не разговаривали.

Такъ продолжалось девять дней. Худыми, прозрачными пальцами она перебирала одѣяло, пульсъ слабѣлъ. И вдругъ появился потъ, котораго мы тщетно ждали нѣсколько дней. На меня напала ни на чемъ неоснованная, глупая, бессмысленная надежда. Толстый, военный докторъ сидѣлъ въ комнатѣ у Душана Петровича на кровати, закрывъ лицо рукой.

— Докторъ! — крикнула я. — Докторъ! Потъ! Она потвѣтъ!

Докторъ безнадежно махнулъ рукой.

— Потъ, да не тотъ! — не поднимая головы буркнулъ онъ.

Всѣ вошли въ комнату. Отецъ сѣлъ у кровати и взялъ Машу за руку. Чуть свѣтила загороженная лампа. Было тихо, всѣ молчали, только слышалось угасающее дыханье Маши. Оно становилось все рѣже, рѣже, стало прерываться и затихло. У окна глухо рыдалъ Коля.

«26 ноября. Сейчасъ часъ ночи», пишетъ отецъ въ дневникъ. «Скончалась Маша. Странное дѣло, я не испытывалъ ни ужаса, ни страха, ни сознанія совершающагося чего-то исключительнаго, ни даже жалости, горя. Я какъ будто считалъ нужнымъ вызвать въ себѣ особенное чувство умиленія, горя и вызвалъ его, но въ глубинѣ души я былъ болѣе покоенъ, чѣмъ при поступкѣ чужомъ, не го-

ворю уже своемъ, — нехорошемъ, недолжномъ. Да, это событіе въ области тѣлесной, и потому безразлично. Смотрѣлъ я все время на нее, когда она умирала — удивительно спокойно. Для меня она была раскрывающаеся передъ моимъ раскрываніемъ существо. Я слѣдилъ за его раскрываніемъ, и оно радостно было мнѣ. Но вотъ раскрываніе это въ доступной мнѣ области прекратилось, т. е. мнѣ перестало быть видно это раскрываніе; но то, что раскрывалось, то есть. Гдѣ? Когда? Это вопросы, относящіеся къ процессу раскрыванія здѣсь и не могущіе быть отнесены къ истинной, внѣпространственной и внѣвременной жизни».

Какъ узнали на деревнѣ, что умерла Марія Львовна заголосили бабы, прибѣжали къ дому, старушки просились посидѣть около ея тѣла. Иныя выли по обычаю съ причитаніями, иныя фартуками вытирали сердечныя, искреннія слезы. Бабы шепотомъ переговаривались, вспоминая, что она кому сдѣлала: кого лѣчила, для кого въ полѣ работала, кому слово ласковое сказала. Онѣ, попеременно, сидѣли день и ночь у Машинаго гроба до самыхъ похоронъ. А когда ее понесли по деревнѣ*), изъ избы выбѣгали мужики, бабы, клали мѣдныя деньги въ руку священника и заказывали панихиду.

Отецъ проводилъ гробъ до воротъ и пошелъ домой. Никто не рѣшился пойти за нимъ, говорить слова утѣшенія...

«Живу и часто вспоминаю послѣднія минуты Маши (не хочется называть ее Машей, такъ не идетъ это простое имя тому существу, которое ушло отъ меня). Она сидитъ, обложенная подушками, я держу ея худую, милую руку и чувствую, какъ уходитъ жизнь, какъ она уходитъ. Эти четверть часа — одно изъ самыхъ важныхъ, значительныхъ временъ моей жизни **).

Александра Толстая.

*) Сестра похоронена въ церкви Кочаки въ 3-хъ верстахъ отъ Ясной Поляны.

**) Дневникъ Л. Н. Толстого 28 декабря 1906 г. Арх. Толстовскаго Музея.

14-ое Декабря

Отрывокъ изъ книги «Декабристы».

Дворецъ былъ полонъ людьми, съѣхавшимися на торжественное молебствіе. По началу собравшіеся были довольно спокойны. Всѣ знали, что происходитъ что-то неладное, но тревога не выходила за предѣлы, «приличествующіе высокому мѣсту».

Первыя вѣсти, дошедшія до обѣихъ императрицъ, были радостныя; ихъ принесъ всегда бодрый и веселый Милорадовичъ: Орловъ увѣренно привелъ къ присягѣ Конную Гвардію и солдаты, когда онъ прочелъ имъ манифестъ Николая и письмо Константина съ отреченіемъ, кричали, восторгаясь обоими братьями «обыи молодцы». (Императрица-мать записала это у себя въ дневникъ такъ: «обыи молодти»). Пришелъ и самъ герой этой первой присяги — Алексѣй Федоровичъ Орловъ, съ романтическимъ обожаніемъ относившійся къ Александрѣ Федоровнѣ. Теперь онъ впервые поцѣловалъ ей руку въ новомъ ея званіи Императрицы. Были и другія хорошія вѣсти: такъ, Преображенцы прогнали молодого поручика, вздумавшаго спрашивать ихъ — не играютъ ли они своей присягой? Маленькая заминка произошла въ артиллеріи, но и тамъ все успокоилось. Однако, вскорѣ стало тревожнѣе: то тамъ, то здѣсь раздавались во время присяги дерзкіе вопросы офицеровъ и солдатъ, вспыхивали досадныя пререканія. Какія то шумныя недоразумѣнія произошли въ Московскомъ полку, такъ что Николай даже счелъ нужнымъ пойти успокоить ихъ. Александра Федоровна, съ трудомъ пересиливая свое волненіе, стала наряжаться къ предстоящему молебну. И вдругъ, входитъ разстроенная тапан, Марія Федоровна: «Дѣло плохо, безпорядки, бунтъ!»

Молча, словно окаменѣвъ, пошли онѣ въ комнаты тапан. Караулъ по дорогѣ привѣтствовалъ ихъ, какъ всегда, веселымъ «здравія желаемъ», или «здорово желаемъ»,

какъ послышалось нѣмецкому уху императрицы. Въ окно увидѣли онѣ площадь, залитую народомъ и издали, во главѣ Преображенскаго полка, Императора на конѣ. Но скоро онѣ исчезъ у нихъ изъ виду. Александра Федоровна стала на колѣни, молилась; императрица-мать все безпокоилась и повторяла: «Боже мой, что скажетъ Европа?»

Изъ томительной неизвѣстности вывелъ ихъ милый Лоло Ушаковъ, прибѣжавшій съ новостями. Новости были грустныя, но императоръ невредимъ и вѣрныя войски подходятъ. Въ тревогѣ императрицы безпрестанно посылали придворныхъ и адъютантовъ на площадь узнавать, что слышно. Даже бѣдный старый Карамзинъ, въ придворномъ костюмѣ, едва накинувъ шубу, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, по безъ шляпы, выбѣжалъ поспѣвать, гдѣ государь, добѣжавъ до него и вернулся разстроенный: нѣсколько камней, брошенныхъ изъ толпы, упали къ его ногамъ. Посланные то успокаивали, то, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, преувеличивали опасность. Принцъ Евгений Виртембергскій отвелъ испуганныхъ императрицъ въ другую комнату и долго объяснялъ имъ, что не считаетъ себя въ правѣ скрывать отъ нихъ правду, что все обстоитъ плохо, что полки одинъ за другимъ отказываются повиноваться...

Въ большихъ пріемныхъ залахъ дрожаль отъ страха Аракчеевъ. Три старика — онѣ, Куракинъ и Лопухинъ — сидѣли на диванѣ, какъ три монумента, какъ три муміи изъ прошлаго царствованія. Придворные знали, что Аракчеевъ не въ фаворѣ у новаго царя и смѣло демонстрировали передъ нимъ свою независимость. Его избѣгали. Онъ же скромно спрашиваль у знакомыхъ, нѣтъ-ли чего новаго, скромно просилъ дать ему почитать манифестъ, охаль, ежился и вздыхаль. Чѣмъ-бы ни кончился сегоднешній день, его то дѣло все равно было кончено.

А маленькій Сапа, будущій Императоръ Александръ II, играль въ непривычной для него обстановкѣ Зимняго. За нимъ пріѣхали въ Аничковъ Дворецъ и на извозчикѣ перенесли къ матери и бабушкѣ. Здѣсь, въ импровизированной дѣтской, сталъ онѣ продолжать прерванное неожиданнымъ переѣздомъ занятіе: срисовываль картинку «Переходъ Александра Македонскаго черезъ Граникъ». Такъ, за дѣломъ, не замѣтилъ онѣ, какъ прошелъ этотъ день. Только много позже, когда стемнѣло, и по маленькой лѣстницѣ поднялся отецъ и сталъ рассказывать мамѣ, что

убить добрый Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, столько разъ игравшій съ нимъ, бравшій его на руки, Саша заплакалъ. «Стыдно плакать, ты мужчина», сказалъ отецъ и, взявъ его на руки, понесъ на дворъ показать вѣрнымъ войскамъ. Усатые Преображенцы передавали его съ рукъ на руки и цѣловали...

Какъ былъ, въ мундирѣ Измайловскаго полка, съ голубой лентою черезъ плечо, не накинувъ даже шинели, императоръ быстро сошелъ внизъ по Салтыковской лѣстницѣ Дворца. Онъ еще успѣлъ отдать первыя распоряженія: Адлерберга послалъ за Преображенцами, а командира Кавалергардовъ Апраксина — за его полкомъ. Встрѣтивъ на лѣстницѣ командующаго гвардіей Воиновъ, совершенно растерявагося, онъ строго сказалъ ему: «Генералъ, ваше мѣсто не здѣсь, а среди войскъ, вышедшихъ изъ повиновенія».

Онъ быстро вышелъ на дворцовую гауптвахту, вызвалъ караулъ — Егерскую роту Финляндскаго полка — подъ ружье, приказалъ отдать себѣ честь и, проходя по фронту, спросилъ, присягали-ли они ему и знаютъ-ли, что онъ вступилъ на престолъ по волѣ брата? Ему отвѣтили, что присягали и знаютъ.

— Ребята, Московскіе шалятъ, не перенимать у нихъ и дѣлать свое дѣло.

Велѣлъ зарядить ружья и, скомандовавъ «Дивизионъ впередъ, скорымъ шагомъ маршъ!», повелъ караулъ, лѣвымъ плечомъ впередъ, къ главнымъ воротамъ дворца.

Въ это время шелъ уже съѣздъ ко дворцу, вся площадь была усеяна людьми и экипажами. Любопытные заглядывали во дворъ. Онъ поставилъ караулъ поперекъ воротъ и увидѣлъ за воротами полковника Московскаго полка Хвощинскаго. Полковникъ, видимо, спасся только что отъ преслѣдованія, былъ весь въ крови. Чтобы не разжигать видомъ крови страстей толпы, Николай велѣлъ ему укрыться во Дворцѣ. Потомъ, совершенно одинъ, онъ вышелъ на площадь.

Народъ толпился вокругъ него, иные кричали ура, настроеніе другихъ казалось враждебнымъ. Надо было выиграть время, отвлечь кѣмъ-нибудь вниманіе толпы, чтобы дать подойти войскамъ. «Читали-ли вы мой манифестъ?»

- спросилъ Николай. Почти никто еще его не читалъ. У кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ, только что отпечатанный, пахнущій типографской краской. Царь взялъ его и тихо, протяжно, внятно сталъ читать. Сердце его замирало, силы готовы были его оставить. Онъ переживалъ самыя страшныя минуты своей жизни. Когда онъ кончилъ, къ нему прискакалъ Нейдгардтъ съ извѣстіемъ, что возставшіе Московцы заняли Петропавловскую площадь. Почему-то царь сообщилъ объ этомъ толпѣ. Два старыхъ человѣка не въ формѣ, но съ георгиевскими крестами — отставные офицеры Веригинъ и Бедряга — подошли къ нему. Хриплыми, пропойными голосами они клялись ему въ вѣрности и цѣловали его. Какой-то мѣщанинъ Лука Чесноковъ тоже полѣзъ цѣловаться. И всѣ окружающіе стали цѣловать его, хватать за руки, за фалды мундира. Онъ тоже цѣловалъ ихъ, что-то говоря, что-то общая. Ему было, вѣроятно, и радостно и противно отъ этихъ пахнувшихъ лукомъ, водкой, сермягою поцѣлуевъ. Сердце замирало отъ сознанія невѣрной стихіи вокругъ, отъ того, что въ одно мгновеніе все можетъ измѣниться въ строеніи толпы. Онъ чувствовалъ то, что чувствуетъ немужельный пловецъ, потерявшій твердую почву, тщетно стремящійся нащупать дно... Все, на чемъ держалась Имперія, колебалось.

Въ это мгновеніе его адъютантъ, Стрекаловъ, сообщилъ ему, что первый Преображенскій батальонъ готовъ и вышелъ на площадь. Еле пробираясь сквозь толпу, царь пошелъ къ батальону, стоявшему линіей, спиной къ Командантскому подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерциргаузу. Батальонъ отдалъ ему честь, солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ стояли спокойно, ничѣмъ не выражая своихъ чувствъ. Но батальонъ сразу поразилъ Николая своимъ спокойнымъ «гранитнымъ» видомъ. Онъ прошелъ по фронту, спросилъ «готовы-ли они идти за нимъ?» И въ отвѣтъ раздалось громовое «Рады стараться, Ваше Императорское Величество!»

Онъ былъ спасенъ, подъ ногами снова была твердая, кремневая скала солдатской дисциплины и преданности «Минута единственная въ моей жизни! Никакая живопись не изобразить геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно перваго батальона на свѣтѣ!» — писалъ царь.

Скомандовавъ по-тогдашнему: «къ атакѣ въ колонну!»,

лѣвымъ плечомъ впередъ повелъ онъ батальонъ мимо заборовъ достраивавшагося дома Министерства Финансовъ, на углу Адмиралтейскаго бульвара. Здѣсь онъ велѣлъ солдатамъ зарядить ружья. Ему привели его смирную кобылу «Милую». Въ это время около него уже было нѣскольکو адъютантовъ, но онъ одинъ только былъ на конѣ. Одного изъ адъютантовъ, Кавелина, онъ послалъ въ Анничковъ Дворецъ — перевезти дѣтей въ Зимній, и отрядилъ для охраны Дворца батальонъ саперъ. Самое тяжелое было позади.

Въ то время, какъ Рылѣевъ ѣздилъ по городу, а Якубовичъ пилъ свой утренній кофе и придумывалъ, какъ бы «похрабрѣе измѣнить» своимъ соратникамъ, въ то время, какъ Булатовъ въ смятеніи расхаживалъ по Петербургу и Трубецкой не зналъ, что ему дѣлать, — братья Бестужевы не раздумывали и не колебались. Александръ пришелъ за-свѣтло къ младшему брату, Михаилу, поручику Московскаго полка. Михаилъ чуть не заплакалъ, услыша о первыхъ неудачахъ, о томъ, что присяга проходитъ благополучно и что таетъ надежда на войска. Они рѣшили идти къ Московцамъ, еще не принесшимъ присяги.

Александръ въ своей адъютантской формѣ, вмѣстѣ съ братомъ, котораго любили солдаты, обходилъ роту за ротой. Всюду онъ говорилъ, что служить при Его Велиествѣ, что онъ адъютантъ Константина. «Ребята, мы присягали Государю Императору Константину Павловичу, цѣловали крестъ и Евангеліе, а теперь будемъ присягать Николаю? Вы знаете службу и свой долгъ! Васъ обманываютъ: Государь не отказался отъ престола, онъ въ цѣпяхъ. Его Высочество, шефъ полка, Михаилъ Павловичъ, задержанъ за четыре станціи и тоже въ цѣпяхъ. Неужели вы будете присягать безъ добраго нашего шефа? Имѣя его шефомъ, а Константина Павловича Императоромъ, намъ житье будетъ, какъ у Христа за пазухой. Государь Императоръ обѣщаетъ вамъ пятнадцатилѣтнюю службу!»

Онъ зналъ, чѣмъ рискуеть, зналъ, что умереть на штыкахъ солдатъ, если ему не повѣрятъ; но онъ говорилъ съ бестужевской, отчаянной смѣлостью и ему вѣрили.

«Не хотимъ Николая — ура Константинъ!» — кричали

солдаты. Александръ Бестужевъ пошелъ въ другія роты, а Михаилъ, поручивъ нѣсколькимъ офицерамъ и солдатамъ тоже идти въ свои роты и звать ихъ съ собою, вышелъ на главный дворъ. Тамъ уже готовили въ это время аналой для присяги. Щепинъ-Ростовскій выстроилъ свою роту позади бестужевской; барабанщикъ билъ тревогу; кругомъ толпились солдаты изъ другихъ ротъ, образуя большую, беспорядочную толпу, которую трудно было построить въ колонну. Но Михаилъ Бестужевъ и не пытался сдѣлать это; онъ спѣшилъ на площадь. Онъ вывелъ свою роту изъ казармъ къ Фонтанкѣ и шелъ на мостъ, а Щепинъ, слѣдовавшій за нимъ, былъ уже у воротъ. Въ это время къ воротамъ принесли полковья знамена и одно знамя со знаменными рядами солдатъ примкнуло къ бестужевской ротѣ, а другое знаменщики понесли вглубь двора, гдѣ были остальные роты. Знаменщики тоже были за Константина, но солдаты Щепина въ суматохѣ думали, что знамя несутъ къ аналою для присяги Николаю. Между знаменщиками, частью солдатъ, защищавшихъ ихъ, и ротой Щепина произошла свалка, которая могла плохо кончиться. Главная опасность была въ самомъ Щепинѣ, въ которомъ за эти дни накопилось слишкомъ много возбужденія. Теперь онъ въ изступленіи яростно рубилъ направо и налево, своихъ и чужихъ. Къ счастью, унтеръ-офицеръ его роты успѣлъ догнать Михаила Бестужева. Быстро повернулъ свою роту Бестужевъ, она сомкнулась и врѣзалась въ толпу, среди которой то исчезало, то вновь всплывало сломанное знамя надъ колеблющимися султанами и штыками. «Смирно!» — скомандовалъ Бестужевъ. Щепинъ выхватилъ знамя изъ рукъ знаменосца и выбѣжалъ изъ казармъ; толпа возставшихъ побѣжала по Горюховой, затопивъ ее во всю ширину.

Тутъ нагнали ихъ вѣрные Николаю офицеры во главѣ съ полковымъ командиромъ Фредериксомъ, пытаясь остановить и образумить солдатъ. Понявъ опасность, Александръ Бестужевъ подбѣжалъ къ Фредериксу и просилъ не мѣшать имъ, или уйти. Онъ распахнулъ шинель и, указывая на свой черкесскій пистолетъ, грозилъ ему: «убьютъ васъ, сударь!», впрочемъ, благоразумно отвелъ курокъ пистолета такъ, чтобы нельзя было выстрѣлить. Передъ угрозой Фредериксъ отскочилъ и попалъ на свою бѣду прямо на Щепина. «Что съ вами сдѣлалось?» — воскликнулъ онъ, видя въ такой ярости всегда столь крот-

каго офицера. Но тотъ уже ничего не разбиралъ: всѣ, кто не за Константина, были для него не начальники, а измѣнники! Однимъ ударомъ сабли разрубилъ онъ голову Фредериксу; потомъ подбѣжалъ къ бригадному генералу Шеншину и ему тоже нанесъ нѣсколько ударовъ саблей. Легко раненый, но весь въ крови, полковникъ Хвощинскій, согнувшись, бросился бѣжать; Щепинъ ударилъ его плашмя по спинѣ саблей.

Съ барабаннымъ боемъ, быстрымъ шагомъ шли Московцы на площадь. На Гороховой, къ нимъ навстрѣчу изъ своей квартиры выбѣжалъ Якубовичъ; онъ пошелъ впереди полка, и на остриѣ его обнаженной сабли красовалась его шляпа съ бѣлымъ перомъ. Онъ кричалъ восторженно: «Ура, Константинъ!» «По праву храбраго кавказца, прими начальство надъ войсками», — сказалъ ему Бестужевъ, не очень вѣря въ успѣхъ своего предложенія. Якубовичъ смущенно пробормоталъ было, «зачѣмъ эти церемоніи?», потомъ согласился; но, придя на площадь и видя, что никакихъ войскъ еще нѣтъ, незамѣтно исчезъ. Московцы, человекъ 700, заняли площадь. Теперь можно было осуществить одно изъ смѣлыхъ предположеній заговорщиковъ: что тотъ, кто первый приведетъ воинскую часть на площадь, — двинется съ нею на Дворецъ. Захватъ Дворца могъ бы оказаться рѣшающимъ. Но Александръ Бестужевъ, еще не дойдя до площади, отправился выяснять положеніе въ другихъ полкахъ. Трубецкого и Булатова не было. А Михаилъ Бестужевъ и Щепинъ были слишкомъ молоды, чтобы взять на себя столь тяжкую отвѣтственность. Въ ожиданіи того, что подойдутъ еще полки, построили они свои роты, смѣшанныя съ солдатами другихъ ротъ, въ карре, четырьмя фасадами обращенное на четыре стороны: къ Исаакіевскому собору, Адмиралтейству, Сенату и фальконетовскому памятнику Петра.

Медленно, въ кажущемся безпорядкѣ и все-таки въ внутренней логикой развертывались событія этого дня. На площади стояли Московцы. Они были въ однихъ мундирахъ, бѣлыхъ панталонахъ и крагахъ, въ киверахъ съ высокими султанами. Къ счастью, въ этотъ день очень потеплѣло, была настоящая оттепель и они не черезчуръ мерзли. Къ нимъ все время подѣзжали и под-

ходили офицеры и штатскіе. Промелькнулъ Рылѣевъ, надѣвшій солдатскую суму и перевязь, но тотчасъ же куда-то ушелъ. Пришелъ Оболенскій, чтобы выполнить то, что онъ считалъ своимъ долгомъ — принять участіе въ борьбѣ за свободу. Каховскій, съ котораго утромъ при попыткѣ агитаціи въ Гвардейскомъ Экипажѣ матросы сорвали шинель, въ лиловомъ сюртукѣ и въ армякѣ, съ пистолетомъ за поясомъ расхаживалъ большими шагами по фронту... За отсутствіемъ военныхъ съ густыми эполетами, Оболенскій принялъ на себя командованіе.

Въ это утро Милорадовичъ, спокойный, увѣренный, не любившій думать о грустныхъ вещахъ, а любившій говорить вздоръ, потому что это легко, побывавъ во Дворцѣ, поѣхалъ на именины своего подчиненнаго, Майкова. Въ домѣ Майкова жила его «любимица», его платоническая подруга, танцовщица Катя Телешова. Передъ завтракомъ онъ поднялся къ ней. Вдругъ жандармъ пріѣхалъ за нимъ съ тревожными новостями. Обезпокоенный, не накинувъ даже шубы, Милорадовичъ помчался обратно ко Дворцу. Не доѣхавъ до Зимняго и увидѣвъ императора въ толпѣ народа, онъ подошелъ къ нему, быстро сказалъ ему по французски: «*Cela va mal, Sire, ils marchent au Senat, mais je vais leur parler*», и, взявъ оберъ-полицеймейстерскія саши, въ одномъ мундирѣ и голубой лентѣ, поѣхалъ къ мятежникамъ. Онъ ѣхалъ стоя, держась лѣвой рукой за плечо кучера, а правой показывая ему дорогу къ Конногвардейскимъ казармамъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ придти на площадь не одинъ, а во главѣ полка, но конногвардейцы еще только готовились выѣхать и одѣвались, а командиръ ихъ, Орловъ, одинъ, безъ полка, не хотѣлъ сопровождать его на площадь. Тогда Милорадовичъ, выбравшій крѣпкимъ солдатскимъ словомъ, взялъ ослѣдланную лошадь у какого-то офицера и смѣло подѣхалъ къ карре. Стрѣла онъ не зналъ и думалъ, что развѣ какой-нибудь «шалнъ», а не русскій солдатъ подниметъ руку на Милорадовича. Онъ любилъ говорить: «на меня еще не отлита пуля». Показывая шпагу, подаренную ему Константиномъ, съ надписью «Другу моему Милорадовичу», онъ спрашивалъ, одни-ли молодые солдаты тутъ на площади, «и нѣтъ старыхъ его товарищей, которые ему вѣрятъ?» Слова его дѣйствовали на солдатъ, надо было спасти положеніе. Оболенскій, находившійся нѣсколько впереди въ патрулѣ, вернулся къ карре и, подойдя къ гра-

фу, сталъ требовать, чтобы онъ уѣхалъ. Три раза безъ успѣха повторилъ онъ свое требованіе и, наконецъ, взявъ ружье у рядового, сталъ колотъ штыкомъ лошадь графа. Ударъ пришелся по сѣдлу, скользнулъ и попалъ въ правый бокъ Милорадовичу. Почувствовавъ себя раненымъ, генераль хотѣлъ отъѣхать, далъ шпоры коню... Тутъ пуля, пущенная «шалуномъ», пуля Каховскаго, отлитая имъ накануне, настигла героя. Онъ зашатался; его сняли съ лошади и отнесли въ конно-гвардейскія казармы — умирать.

До Николая донеслись залпы. Это возбужденные Московцы, послѣ убійства Милорадовича, стрѣляли вверхъ холостыми патронами. Единственный всадникъ на большой, залитой народомъ площади, Николай, былъ увѣренъ, что навлечетъ на себя выстрѣлы бунтующихъ или ударъ убійцы. Онъ чувствовалъ себя открытымъ и доступнымъ каждому покушенію. Не будетъ-ли онъ второй жертвой послѣ генерала, легкомысленно ручавшагося ему за спокойствіе столицы? Ему было жаль Милорадовича, хотя онъ считалъ его виновнымъ въ томъ, что происходило. Но слишкомъ неуѣренно было еще положеніе, чтобы онъ могъ надолго остановиться мыслью на этой смерти. Онъ былъ поглощенъ другимъ. Онъ еще не бывалъ въ сраженіяхъ и въ первомъ же боевомъ крещеніи ему суждена была роль вождя. Вся воля его была напряжена въ одномъ усиліи: преодолѣть свою нервность, свой физическій страхъ тою вышею храбростію, съ которой Тюреннъ говорилъ себѣ во время боя: «Tremble, vieille carcasse, mais avance».

Съ Преображенцами пришла надежда, но въ душѣ ея все еще была смертная тоска. Кругомъ толпился народъ. Напрасно говорилъ онъ: «Уходите, по мнѣ будутъ стрѣлять и могутъ попасть въ васъ». Толпа не расходилась. Настроеніе ея мѣнялось ежеминутно. То стояли безъ шапокъ, и Николай долженъ былъ кричать: «надѣньте шапки, простудитесь!», а то вдругъ, когда съ Площади доносились выстрѣлы, въ толпѣ надѣвали шапки съ наглымъ видомъ, и онъ, не въ силахъ сдерживать свое возмущеніе, кричалъ: «Шапки долой!» Къ обычной петербургской толпѣ мастеровыхъ, рабочихъ, дворовыхъ, чиновниковъ, все чаще примѣшивались тѣ подонки, которые есть въ каждомъ большомъ городѣ. Какіе то люди въ фризovýchъ шинеляхъ, въ подшубкахъ и круглыхъ шляпахъ, отставные чиновники-пропойцы, подпольная муть столицы. Мальчиш-

ки, возбужденные событіями, восхищенные стрѣльбой, улюлюкали. Близъ перестраивавшагося Исаакіевскаго собора настроеніе толпы рабочихъ становилось открыто угрожающимъ.

Надо было собрать какъ можно больше войска. Николай разсылалъ въ полки всѣхъ являвшихся къ нему. Такъ, своего рейткнехта Лондырева и Перовскаго онъ послалъ снова за Конной Гвардіей. Перовскій съ трудомъ доѣхалъ (изъ-за строящагося Исаакіевскаго собора въ него летѣли камни) и передалъ приказъ царя Орлову. Преображенскій батальонъ царь повелъ вдоль Адмиралтейской плонцади, къ дому князя Лобанова, позже превращенному въ зданіе Военнаго Министерства. Какъ въ кошмарѣ, встала передъ нимъ фигура офицера въ драгунскомъ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ. Офицеръ былъ съ черной повязкой на головѣ, съ черными на-выкатѣ глазами, и лицо его показалось Николаю отвратительнымъ. Онъ вспомнилъ, что это Якубовичъ или Якубовскій, о которомъ съ похвалой отзывался ему Милорадовичъ. Офицеръ попросилъ Николая наклониться къ нему; въ этотъ моментъ ему удобно было бы выстрѣлить въ наклонившагося съ лошади царя? Но онъ только шепнулъ ему на ухо: «я былъ съ ними и явился къ вамъ». «Спасибо, вы вашъ долгъ знаете!» — сказалъ Николай и взялъ его за руку. Офицеръ вызвался пойти къ мятежникамъ и уговорить ихъ. И, дѣйствительно, онъ подошелъ къ карре, сказалъ «держитесь, васъ сильно боятся!» и исчезъ въ толпѣ.

Конная Гвардія въ бѣлыхъ колетахъ, въ желѣзныхъ кирасахъ и каскахъ выѣхала на своихъ тяжелыхъ коняхъ, подъ командой Орлова. Толпа злобно кричала: «мѣдные лбы, мѣдные лбы!», когда полкъ огибалъ Исаакіевскій соборъ. Это была уже вторая вѣрная часть въ рукахъ Николая: новая побѣда въ борьбѣ за гвардію. Царя особенно беспокоило, что все не подходитъ Измайловскій полкъ, полкъ его бригады, котораго онъ былъ шефомъ и чей мундиръ носилъ въ этотъ день. Онъ послалъ генерала Левашова, во что бы то ни стало вывести полкъ изъ казармъ, «хотя бы противъ меня!» Очевидно, онъ вѣрилъ, что противъ него полкъ не пойдетъ. Главное же, онъ ни за что не хотѣлъ оставлять нейтральныхъ въ этой борьбѣ, его пугала всякая неопредѣленность. Инстинктивно онъ стремился прежде всего выяснитъ положеніе: кто за него, кто противъ, чтобы не оставалось колеблющихся, гото-

выхъ измѣнить неожиданно. Въ этомъ сказалась твердость и опредѣленность его натуры. Очевидно, онъ хотѣлъ сосредоточить все вокругъ Сенатской площади, чтобы избѣжать разсѣянныхъ по городу боевъ. Онъ рѣшилъ изолировать мятежниковъ.

Сенатская площадь (или Петровская, какъ называли ее по стоящему на ней фальконетовскому памятнику Петра) была въ то время очень стѣснена со всѣхъ сторонъ. Работы по перестройкѣ Собора доходили до самаго дома, на мѣстѣ котораго позднѣе было построено зданіе Синода; съ другой стороны, на углу Адмиралтейскаго бульвара и Невы, былъ складъ камней, выгружаемыхъ съ барокъ для той же перестройки Собора. Между этимъ складомъ и памятникомъ оставалось небольшое свободное пространство въ 50. Это пространство, по приказанію Николая, заняли 2 эскадрона Конногвардейцевъ. Они стали вдоль Адмиралтейскаго бульвара и Сенатской площади, лѣвымъ флангомъ упираясь въ складъ камня у памятника. А на ихъ лѣвомъ флангѣ, на углу Сенатской и Адмиралтейской площадей, расположились Преображенцы. Апраксинъ привелъ красовавшихся на великолѣпныхъ гнѣдыхъ коняхъ Кавалергардовъ, среди которыхъ были нѣсколько членовъ Общества. Одинъ изъ нихъ, Анненковъ, на предвѣстительномъ совѣщаніи у Оболенскаго, правда, высказался противъ возстанія, но каково было этому красавцу въ сверкающихъ латахъ выѣхать на усмиреніе со своимъ полкомъ? Сердце не закуешь вѣдь въ кирасу! Близорукими глазами изъ-подъ очковъ смотрѣлъ онъ на смутно видѣвшуюся группу мятежниковъ, своихъ товарищей по Обществу. Николай поставилъ Кавалергардовъ у лѣваго фланга Преображенцевъ, на поворотѣ бульвара, вдоль Адмиралтейской площади.

И къ возставшимъ Московцамъ тоже подошла помощь — часть Лейбъ-Гренадеръ, квартировавшихъ въ казармахъ на Петербургской сторонѣ. Утромъ они присягнули Николаю въ присутствіи полкового командира Стюрлера; ручавшійся наканунѣ за свою роту Сутгофъ не зналъ, что ему дѣлать и самъ присягнулъ съ остальными (правда, «только внѣшне, а не въ душѣ»). Но когда къ нему заѣхалъ князь Оболенскій и сказалъ, что Московцы вышли на площадь, онъ пошелъ къ обѣдавшимъ уже солдатамъ своей роты и сталъ говорить имъ, что присяга ихъ правильна и что Константинъ и не думалъ отказываться. Солдаты

повѣрили ему. Быстро надѣли они перевязи и португезъ, накиннули шинели и въ фуражкахъ, съ незаряженными ружьями, захвативъ боевые патроны, бросились за Сутгофомъ, не слушая отчаянныхъ уговоровъ полковника Стюрлера. А поручикъ Пановъ, по прозванію «царѣкъ», похожій лицомъ на Александра I-го, агитировалъ въ другихъ ротахъ. Но, кажется сильнѣе всѣхъ словъ дѣйствовали на солдатъ долетавшіе съ площади и возбуждавшіе ихъ звуки выстрѣловъ: значить, дѣйствительно тамъ сражаются за истинную присягу... 1-ая фузилерная рота быстро достигла площади, и Сутгофъ въ восторгъ лобызался со Щепинымъ, и Московцы криками «Ура, Константинъ!» привѣтствовали подмогу. Пановъ же бѣгомъ повелъ свою роту черезъ Неву на Большую Миліонную, ко Дворцу. У воротъ комендантъ Башуцкій далъ приказъ ротѣ Финляндцевъ, охранявшихъ входъ, пропустить гренадеръ, хотя они бѣжали въ безпорядкѣ, со знаменемъ, но только съ однимъ офицеромъ. Видно, почтенный комендантъ сильно растерялся. Пановъ вбѣжалъ во дворъ Зимняго и, кажется, только тутъ очнулся, увидавъ саперъ, только что присланныхъ императоромъ. «Ребята, да это не наши, за мною!» крикнулъ онъ солдатамъ и повернулъ обратно. Это была самая опасная для Николая минута; не зная, за кого эти солдаты и гдѣ они только что были, на Дворцовой площади, близъ Главнаго Штаба, встрѣтилъ царь ихъ безпорядочную толпу. Онъ подѣхалъ къ нимъ, хотѣлъ ихъ построить, но въ отвѣтъ на его повелительное «стой!» раздались крики: «мы за Константина!» — «Когда такъ, вотъ вамъ дорога!» — и онъ самъ указалъ имъ рукою по направленію къ площади. Такъ продолжалъ онъ свою тактику изоляціи мятежниковъ. Къ тому же инстинктивно почувствовалъ онъ, что задержать ихъ опасно. Если-бы онъ сдѣлалъ попытку остановить ихъ, то «началось бы кровопролитіе подъ самыми окнами Дворца и участь наша была-бы болѣе, чѣмъ сомнительна», — писалъ онъ въ своихъ запискахъ, — «но какія соображенія приходятъ послѣ, тогда-же одинъ Богъ наставлялъ меня на сію мысль».

Лейбъ-Гренадеры, пробившись черезъ почти не сопротивлявшихся имъ Преображенцевъ, соединились на площади со своей фузилерной ротой. Всего ихъ пришло не больше 1250 человекъ, — по дорогѣ поручикъ Мещерскій увелъ часть своей роты. Командиръ полка Стюрлеръ

прибѣжалъ вслѣдъ за ними на площадь въ отчаяніи и стараясь образумить своихъ гренадеръ. Но Каховскій однимъ выстрѣломъ прекратилъ его мольбы и рѣчи. Онъ продолжалъ «мясничить», не хотѣлъ даромъ отдать побѣду въ руки врага. Въ происшедшемъ послѣ убійства Стюрлера волненіи и безпорядкѣ часть гренадеръ все-таки одумалась и ушла; осталось на площади не больше 1.100 человѣкъ; они выстроились немного впереди и на лѣвомъ флангѣ Московцевъ. Часть ихъ была навеселѣ.

Между тѣмъ, къ Николаю все подходили вѣрныя войска; пришли Московцы, — та бѣльшая часть полка, которая осталась въ казармахъ. Ихъ привелъ Михаилъ Павловичъ, и въ восторгѣ офицеры бросились цѣловать руки царя. Въ знакъ своего довѣрія къ нимъ, Николай поставилъ ихъ на томъ же углу площади, гдѣ былъ онъ самъ. Подошли и Семеновцы Сергѣя Шипова и заняли проѣздъ между Соборомъ и Конно-Гвардейскимъ манежомъ. Они преградили выходы съ Сенатской площади къ Синему мосту и на незасыпанный еще тогда Адмиралтейскій каналъ (по линіи будущаго Конно-Гвардейскаго бульвара). Команду надъ этой частью «фронта» принялъ Михаилъ Павловичъ. Къ мятежникамъ тоже подошелъ подкрѣпленіе, последнее ихъ подкрѣпленіе — Гвардейскій Экипажъ.

Его привелъ старшій изъ Бестужевыхъ, Николай. На Морской Экипажъ твердо рассчитывали заговорщики. Обязанность привести ихъ къ присягѣ падала на Сергѣя Шипова, въ бригаду котораго входилъ Экипажъ. Но офицеры стали убѣждать матросовъ не давать новой присяги, говоря: «куда-же мы дѣнемъ второго царя?» Арбузовъ даже придумалъ угрозу: «на станціи, за Наровой, стоитъ 1-я Армія и Польскій Корпусъ, если дадите присягу, они придутъ и передавать всѣхъ». Матросы вѣрили любимымъ начальникамъ, которыхъ хорошо знали по долгимъ плаваніямъ, съ которыми были связаны такъ тѣсно, какъ это бываетъ только на кораблѣ. А между тѣмъ Шиповъ и не пытался говорить съ ними непосредственно такъ, какъ это дѣлали Орловъ въ Конной гвардіи и Сухозанетъ въ артиллеріи. Можетъ быть то, что онъ самъ былъ когда-то членомъ Общества, лишало его нужной для этого увѣренности. Онъ предпочелъ бесѣдовать съ одними офицерами и созвалъ ихъ въ полковую канцелярію, чтобы попробовать убѣдить ихъ. Въ такія минуты все зависитъ отъ рѣшимости одного человѣка. И когда Николай Бестужевъ, прав-

да, не ихъ офицеръ, но все же въ морскомъ капитанскомъ мундирѣ, братъ любимаго ими мичмана, подошелъ къ толпѣ матросовъ и крикнулъ имъ (въ это мгновеніе донеслись далекіе выстрѣлы съ Сенатской площади): «Ребята, нашихъ бьютъ! За мной, на площадь!» — Морской Экипажъ бросился за нимъ. Шумной толпой побѣжали они къ канцеляріи, вытребовали офицеровъ, собранныхъ Шиповымъ, и съ ружьями на изготовку, съ барабаннымъ боемъ и знаменами, пошли на площадь. Вели ихъ — Николай Бестужевъ съ братомъ Петромъ, Арбузовъ, Бѣляевъ и лейтенантъ Михаилъ Кюхельбекеръ, братъ Вильгельма. Но большая часть ротъ вышла безъ патроновъ и съ деревянными учебными кремнями вмѣсто настоящихъ. И, главное (роковая ошибка), не захватили они своихъ четырехъ небольшихъ пушекъ, которыя были такъ необходимы возставшимъ. Ихъ было 1100 человекъ, такъ что, послѣ ихъ прихода, число возставшихъ доходило до трехъ тысячъ.

Это было послѣднее подкрѣпленіе. Только мальчики — морскіе кадеты прислали еще делегацію къ Бестужеву, чтобы онъ разрѣшилъ имъ принять участіе въ бою за свободу. Но Бестужевъ пощадилъ дѣтей и просилъ ихъ сохранить себя «для будущихъ подвиговъ». Да Розень попробовалъ поднять Финляндцевъ, несмѣло, безъ нужной рѣшительности. Утромъ, во время присяги, сталъ онъ, было, спорить противъ нея, но уступилъ и присягнулъ. Потомъ подѣхалъ къ карре мятежниковъ; въ душѣ его была тревога. Какъ честный нѣмецъ и русскій патриотъ, хотѣлъ онъ сдержать данное имъ слово, но ни за что не хотѣлъ погибнуть даромъ. Вернувшись въ казармы, прошелъ онъ по ротамъ, велѣлъ солдатамъ одѣваться, вложить кремни, взять патроны и выстроиться на улицѣ, чтобы идти на помощь возставшимъ. Въ полчаса цѣлый батальонъ былъ готовъ и выстроился, и подоспѣвшіе офицеры недоумѣвали, по чьему приказанію онъ выведенъ. Но въ это время прискакали посланцы Николая съ приказомъ вести полкъ къ Сенатской площади. Финляндцы покорно выступили и дошли до Исаакіевскаго моста. Тутъ ведшіе ихъ два генерала — ихъ бригадный командиръ и другой, генераль-адъютантъ Комаровскій, остановили солдатъ и приказали имъ зарядить ружья. Солдаты перекрестились. Неужели придется имъ проливать братскую кровь? Розень переживалъ муки сомнѣнія. Надѣясь на

преданность своего, стрѣлковаго, взвода, онъ уже хотѣлъ было пробиться съ нимъ къ мятежникамъ сквозь карабинерный взводъ, стоявшій впереди, и сквозь роту Преображенцевъ, занимавшихъ мостъ во всю ширину, но не рѣшился на это. Онъ сдѣлалъ другое. Когда генералы командовали «Впередъ!» — «Стой!» — приказалъ своимъ стрѣлкамъ Розень, и стрѣлки повторили «стой» такъ громко, что услышалъ это «стой» и заколебался даже взводъ, стоящій впереди. Напрасно уговаривалъ солдатъ бригадный, они не двигались съ мѣста, а за ними остановились и заднія три роты. «Командиръ стрѣлковъ знаетъ, что дѣлаетъ», — говорили солдаты. Цѣлыхъ три часа простояли финляндцы на мосту, сохраняя нейтралитетъ. Розень ждалъ, чтобы опредѣлились шансы мятежниковъ. «Юный тактикъ», онъ надѣялся, вѣроятно, въ нужный моментъ составить рѣшительный резервъ возстанія.

Такъ къ часу дня кончились передвиженія войскъ, сконцентрировались на площади мятежники, и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ вѣрныя Николаю войска: около 12 тысячъ пѣхоты и 3 тысячи конницы. Началось многочасовое стоянiе, единственный въ исторiи революцiи загадочный стоячiй бунтъ. Почему оставались стоять на площадкѣ и не двинулись никуда мятежники? Прежде всего потому, что у нихъ некому было взять на себя инициативу движенiя. Рылѣевъ былъ человекъ штатскiй. Уйдя съ площади, онъ уже не возвращался больше. Повидимому, онъ метался по городу, ища помощи, подѣзжалъ къ казармамъ различныхъ полковъ или разсылалъ съ порученiями встрѣчавшихся ему офицеровъ членовъ Общества, т. е. дѣлалъ то, что долженъ былъ бы дѣлать организованный штабъ возставшихъ. Диктаторъ, князь Трубецкой, въ желкой нерѣшительности бродилъ вокругъ площади (Николай за мѣтилъ его на мгновенiе близъ зданiя Главнаго Штаба), потомъ пошелъ присягнуть, потомъ укрылся у своего зятя, австрiйскаго посла Лебцельтерна, въ домѣ посольства. Такъ, въ одинъ и тотъ же день измѣнили онъ и Николаю и своимъ товарищамъ по Обществу, какъ бы въ доказательство того, что «храбрость солдата не то же, что храбрость заговорщика». Ни награды, ни возможности побѣды, ни даже славной гибели не сулитъ она, а только вѣрную смерть и позоръ. Что долженъ былъ переживать этотъ добрый и слабый человекъ, слыша выстрѣлы, значъ, что льется кровь обманутыхъ имъ людей? И помощникъ

диктатора Булатовъ тоже не пришелъ на площадь и бродилъ по близости въ безплодныхъ сомнѣнiяхъ, съ кинжаломъ и двумя заряженными пистолетами, подходя иногда на разстоянiе нѣсколькихъ шаговъ къ Николаю, и мучительно, и бесильно порываясь убить его. Пришлось принять начальствованiе Оболенскому. Но онъ былъ нестройной, а штабной офицеръ и трудно себя представить менѣе военнаго человѣка, чѣмъ этотъ милый князь. Кажется принялъ онъ команду какъ бремя или испытанiе, по нравственному долгу, такъ же, какъ раньше бралъ на себя грѣхъ революцiи или дуэли. Къ тому же и виѣшность его не импонировала и его слабый, немного шепелявый голосъ не годился для команды. Лучше другихъ слушались солдаты Пущина, который, хотя и былъ штатскiй, но заражалъ ихъ своей бодростью и энергичнымъ, веселымъ видомъ. Шенинъ, утомленный недавнимъ изступленiемъ, стоялъ, опираясь на кривую татарскую саблю и едва-ли уже былъ на что-либо способенъ.

Въ такихъ условiяхъ трудно было ожидать какихъ-либо энергичныхъ дѣйствiй, да и къ чему бы они повели? Правда, толпа выражала сочувствiе мятежникамъ, а въ сторонниковъ Николая летѣли камни и полѣнья. Толпа тяжело избивала Ростовцева, пытавшагося агитировать за Николая; досталось и Бибикову, полковнику Генеральнаго Штаба, зятю Сергѣя Муравьева и многимъ другимъ. Но такъ ли велико было значенiе толпы столичныхъ подонковъ рядомъ съ войсками? Наступленiемъ можно было увлечь толпу, но былъ серьезный рискъ вызвать ропотъ и недовольство въ собственныхъ своихъ рядахъ. Вѣдь весь расчетъ былъ построенъ на томъ, что полки на полки не пойдутъ, николаевскiе полки не пойдутъ на константиновскiе; но вѣдь въ такомъ случаѣ было вѣроятно и обратное. А если-бы и можно было увлечь мятежныхъ солдатъ противъ ихъ товарищей, то не озлобитъ ли это и не сдѣлаетъ ли врагами тѣхъ, которые, можетъ быть втайнѣ сочувствовали мятежникамъ, колебались? Не будутъ ли они вынуждены сражаться противъ воли, чтобы отразить нападенiе? Солдатамъ нелегко было лить братскую, русскую кровь. Надо было не имѣть вида нападающей стороны, чтобы отвѣтственность за пролитую кровь падала на противника.

Это понималъ Николай. Онъ тоже боялся, что слишкомъ энергичныя дѣйствiя измѣнятъ настроенiе вѣр-

ныхъ ему солдатъ. Онъ не хотѣлъ допустить близкаго соприкосновенія своихъ войскъ съ мятежниками и только съ неохотой согласился на рекомендованную принцемъ Еягеніемъ Виртембергскимъ конную атаку. Конногвардейцы, подъ командою Орлова, нѣсколько разъ пытались атаковать карре мятежниковъ; дивизионъ ихъ вѣхалъ мимо Адмиралтейскаго канала въ узкій проходъ, оставшійся свободнымъ между Сенатомъ и карре. Онъ очутился въ 10-12 шагахъ отъ мятежниковъ, такъ что въ карре даже думали, что это идетъ подмога и встрѣтили ихъ радостными криками «Ура, Константинъ!» — «Ура, Николай!» — отвѣчали Конногвардейцы. Замѣтивъ свою ошибку, мятежники открыли пальбу, сначала въ воздухъ, а потомъ и по конницѣ. Стрѣляли плохо, безъ прицѣла и больше холостыми патронами въ хорошо защищенныхъ кирасами всадниковъ, но все же тяжело ранили полковника Веліо въ руку (ее пришлось ампутировать). А толпа, взобравшись на крышу Сената, стала бомбардировать ихъ полѣньями. Еще нѣсколько разъ пробовали они идти въ атаку, но у нихъ были только тупые, неотпущенные палаши, не было ни патроновъ, ни даже пистолетовъ; лошади, неподкованныя на шипы, скользили и падали отъ гололедицы. Къ счастью, Бестужевъ удержалъ Московцевъ отъ залпа въ нихъ на близкомъ разстояніи. Эти отбитыя атаки только поднимали настроеніе мятежниковъ и вызывали одобрителный гоготъ толпы. Тогда Конногвардейцевъ отвели, и близъ Сената мѣсто ихъ заняли Павловцы; всадники, пробиваясь сквозь густыя толпы народа, продвинулись къ мосту и стали впереди Преображенцевъ. Тутъ вышелъ навстрѣчу имъ изъ карре мятежниковъ ихъ молодой офицеръ Одоевскій. Цѣлую ночь простоялъ онъ на караулѣ въ Зимнемъ и только недавно пришелъ на площадь. «Конногвардейцы, неужели вы хотите проливать русскую кровь?» — крикнулъ онъ однополчанамъ. Въ отвѣтъ раздались крики: «Ура, Николай!» и злобная брань измѣннику.

Время шло, погода къ вечеру испортилась, стало холодно, сѣро и сыро. Подулъ пронзительный петербургскій вѣтеръ съ моря. А войска все стояли и стояли. Изрѣдка приносили имъ добрые люди хлѣба и водки. Они и сами

посылали за хлѣбомъ на Сенатскую гауптвахту. Настроене ихъ явно падало и все же они упорно стояли на своемъ. Чтобы подбодрить себя, солдаты безпорядочно стрѣляли, кричали «Ура, Константинъ!» Имъ говорили, что Константинъ Павловичъ идетъ съ Литовскимъ корпусомъ и щедро наградить вѣрныя ему части. Порой къ карре пробовали приблизиться николаевскіе генералы. Ихъ не слушали; толпа ихъ избивала, хотя мятежные офицеры и старались удержать чернь. Царь терялъ время въ безплодныхъ попыткахъ уговорить мятежниковъ. Онъ вызвалъ изъ Зимняго Дворца митрополита Серафима. Серафимъ въ извозничьей каретѣ приблизился къ мятежникамъ съ той стороны площади, гдѣ стоялъ Гвардейскій Экипажъ. Положивъ большой крестъ на голову, въ сопровожденіи иподіакона онъ подошелъ къ карре: «Воины, успокойтесь! Я, первосвященникъ Церкви, умоляю васъ оной, успокойтесь, присягните!» Иные изъ солдатъ прикладывались ко кресту, другіе кричали ругательства: «Дезертиръ, николаевскій калугеръ, измѣшникъ! На двухъ недѣляхъ двумъ императорамъ присягнулъ». Лютеранинъ лейтенантъ Кюхельбекеръ, такой же уродливый и смѣшной, какъ и его братъ Вильгельмъ, твердо попросилъ духовныхъ лицъ удалиться. Не очень разбираясь въ православной іерархіи, онъ сказалъ митрополиту: «Уйдите, батюшка, здѣсь вамъ не мѣсто». Солдаты требовали, чтобы пріѣхалъ Михаилъ Павловичъ. Митрополитъ удалился отъ нераскаившихся, а великій князь, полагаясь на любовь къ себѣ Московцевъ, чьимъ шефомъ онъ былъ смѣло подѣхалъ къ карре. И, дѣйствительно, его слова стали вызывать нѣкоторое колебаніе. Чтобы ихъ не было слышно, офицеры велѣли бить въ барабаны, а добрѣйшій Жанно Пуцинь, видя пистолеть въ рукахъ своего лицейскаго товарища Кюхельбекера, предложилъ ему «ссадить» великаго князя. Кюхельбекеръ выстрѣлилъ, но какіе-то матросы успѣли отвести его руку. Онъ снова выстрѣлилъ, на этотъ разъ въ генерала Воинова, сопровождавшаго Михаила Павловича; пистолеть даль осычку. Бѣдный Кюхля былъ очень возбужденъ въ это утро, долго метался по городу и оттого, что, подѣзжая къ площади, извозчикъ вывалилъ его въ снѣгъ, — пистолеть его «былъ замокши». Онъ былъ очень счастливъ своей неудачей.

Такъ, не слушая уговоромъ противника, мятежныя войска простояли больше семи часовъ. Стояли непоколебимо.

какъ на парадѣ, хотя не было у нихъ ни кавалеріи, ни артиллеріи, одно присутствіе которыхъ поддерживаеъ духъ пѣхотинца. Чтобы «пощупать» это состояніе духа солдатъ, Михайлъ Бестужевъ подошелъ къ ефрейтору своей роты Любимову, молодому красавцу, только три дня тому назадъ женившемуся.

— Что, Любимовъ, призадумался, аль мечтаешь о своей молодой женѣ? — сказалъ онъ, потрепавъ ефрейтора по плечу.

— До жены-ль теперь, ваше высокоблагородіе. Я развожу умомъ, для чего мы стоимъ на одномъ мѣстѣ, — солдце на закатѣ, ноги отерпли отъ стоянки, руки закоченѣли, а мы стоимъ!

А братъ Михаила Бестужева, Николай, все повторялъ мысленно слова Рылѣева «мы дышимъ свободой», и съ горестью видѣлъ, что это дыханіе стѣснялось!.. Крики солдатъ казались ему похожими на стоны умирающихъ. Вдругъ онъ увидѣлъ, какъ императорскіе полки разступились и батарея артиллеріи стала между ними «съ разверстыми зѣвами, тускло освѣщаемыми мерцаніемъ свѣчекъ».

Было три часа дня, но уже темнѣло — въ Петербургѣ смеркается рано. Надежды на мирный исходъ становилосъ все меньше. Генераль Васильчиковъ убѣждалъ царя, что къ вечеру мятежники мирно разойдутся по своимъ казармамъ, а тѣ, наоборотъ, надѣялись подъ покровомъ ночи увлечь колеблющіяся части и, можетъ быть, также и толпу городского простонародья. У Николая былъ огромный перевѣсъ силъ, но онъ упорно и недоувѣрчиво испытывалъ настроеніе солдатъ. Искренни-ли эти дружные крики «ура»? Не лучше-ли дѣйствовать только артиллеріей? Издали, не давая вѣрнымъ частямъ войти въ соприкосновеніе съ мятежниками, пушечными выстрѣлами очистить Сенатскую площадь отъ солдатъ и буйной сволочи — къ этому склонялись всѣ его окружающіе. Но, казалось, Николай только медленно усваивалъ себѣ мысль, что судьбу этого дня рѣшать пушки, *suprema ratio regis*. Можетъ быть, утренняя заминка съ присягой въ Конной артиллеріи настроила его подозрительно по отношенію къ артиллеристамъ, особенно къ Конной артиллеріи. Только съ трудомъ согласился онъ, по совѣту генерала Толя, вызвать на площадь пѣшую артиллерійскую бригаду полковника Нестеровскаго. Бригада пришла съ одними холостыми за-

рядами боевые хранились не въ казармахъ, а въ лабораторіи. За ними поѣхали на извозчикѣ. Сначала лабораторія не хотѣла выдать снаряды безъ письменнаго приказанія, потомъ выдала, но по одному снаряду на орудіе, и снова пришлось посылать извозчика за снарядами. Демонстративно выдвинули впередъ орудія, демонстративно зарядили ихъ, такъ, чтобы въ карре мятежниковъ слышали команду «заряжай-жай! Съ снарядомъ заряжай!» Но карре не дрогнуло. «Теперь пора двинуться впередъ и захватить пушки», сказалъ штатскій Пущинъ, лучше чѣмъ военные понявшій, гдѣ узелъ всего положенія. Между тѣмъ Сухозанетъ и другіе генералы, окружавшіе Николая, все сильнѣе настаивали на картечи. Даже мягкій и благородный Васильчиковъ перемѣнилъ свое мнѣніе. «Государь, нельзя терять ни минуты, ничего не подѣлаешь!» — сказалъ онъ царю. Николай все еще отвѣчалъ, что не хочетъ ознаменовывать пролитіемъ крови подданныхъ день своего восшествія на престолъ. Но толпа становилась все враждебнѣе, близилась ночь, и онъ рѣшился. Уже не надѣясь на благоприятные результаты, только для успокоенія совѣсти послалъ онъ къ мятежникамъ послѣдняго парламентаря — Сухозанета. Ивана Онуфріевича не любили въ гвардіи. Когда онъ на конѣ подѣхалъ къ карре и остановился на довольное почтительномъ разстояніи отъ мятежниковъ, его встрѣтили враждебными криками: «Подлецъ!» «Отправляйтесь назадъ!» «Пришлите кого-нибудь почище васъ!» «Сухозанетъ, или ты привезъ конституцію?» — крикнулъ ему Пущинъ. «Я пріѣхалъ не для переговоровъ, а съ прощеніемъ. Если вы не положите оружія, въ васъ будутъ стрѣлять». Изъ рядовъ мятежниковъ послышались выстрѣлы, а генераль, низко прилегши на лошадь и рѣзко повернувъ ее, поскакалъ обратно. «Не стрѣляйте! негодяй не стоитъ пули!» — кричали офицеры, но въ генерала все же сыпались выстрѣлы и отъ одной пули бѣлая перья его султана полетѣли въ разныя стороны. Сухозанетъ снялъ шляпу; это было похоже на условный сигналъ.

— Ваше величество, безумные кричатъ «конституція»!

Николай, по своей привычкѣ, пожалъ плечами, поднялъ глаза къ небу, какъ бы въ свидѣтельство своего безсилія и невозможности поступить иначе, и scomандовалъ:

— Пальба орудіями по порядку, правый флангъ начинай!

— Первая начинай! — повторили вслѣдъ ему команду начальники одинъ за другимъ, по старшинству. Уже и младшій изъ офицеровъ Бакунинъ повторилъ ее. Но вмѣсто «пли!» неожиданно раздалось царское «отставь!» Черезъ нѣсколько секундъ снова команда къ стрѣльбѣ и новое «отставь!» Это было не то колебаніе передъ роковой минутой, не то какая-то болѣзненная психологическая игра. И, наконецъ, въ третій разъ команда «Пали!» И, ничего въ отвѣтъ. Тишина. Подпоручикъ Бакунинъ соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ солдату, державшему пальникъ. «Что же ты не стрѣляешь?» (крупная брань). И тихій, смущенный отвѣтъ: «свои, ваше благородіе...» Подпоручикъ вырвалъ пальникъ изъ рукъ артиллериста и самъ нанесъ его на трубку. Раздался выстрѣлъ. Карточь ударила высоко въ зданіе Сената. «Ура! фора, фора!» — кричали конногвардейскіе офицеры, озлобленные долгими часами стоянія подъ насмѣшками и полѣньями толпы. Такъ кричали тогда въ театрѣ вмѣсто теперешняго «бисъ». «Фора» не заставило себя ждать. Раздался второй выстрѣлъ! Пули ударили въ мостовую, подымая рикошетомъ снѣгъ и пыль. Онѣ вырывали солдатъ изъ строя, попадали въ толпу. Но сначала все было странно тихо; на близкомъ разстояніи карточь поражала смертельно, первыя жертвы падали безъ единого стона и, ошеломленные, молчали живые. Только съ шипѣніемъ вскипала кровь на снѣгу, прежде, чѣмъ замерзнуть. Мгновеніе — и все бросилось въ паникѣ, ища спасенія. Солдаты бѣжали по Галерной и Англійской набережной, смявъ отчаяннымъ напоромъ охранявшія эти улицы войска. Только братья Бестужевы одни не хотѣли признать игру проигранной и еще пытались сопротивляться. Они остановили нѣсколько десятковъ солдатъ, при входѣ въ узкую Галерную, чтобы прикрыть отступление. Новый выстрѣлъ разсѣялъ ихъ слабый взводъ. А Михаилъ Бестужевъ бросился къ Невѣ съ Москвочами. Близъ него упалъ ефрейторъ Любимовъ, не захотѣвшій покинуть своего командира; не судьба ему была увидѣть молодую жену. «За мной, ребята!» — крикнулъ Бестужевъ, и на льду, съ помощью унтеръ-офицеровъ, сталъ строить солдатъ въ густую колонну. Смѣлая мысль мелькнула въ его отчаянной головѣ (слишкомъ поздно!): идти по Невѣ, захватить крѣпость и, направивъ пушки на Зимній Дворецъ, вступить въ переговоры съ царемъ. Онъ уже успѣлъ построить три взвода. Но пушки

послѣ первыхъ выстрѣловъ были быстро выдвинуты впередъ къ парашету Невы, ядра стали попадать въ его колонну. Но и первыя ядра выдержали Московцы. Вдругъ онъ увидѣлъ, какъ отъ ядеръ образуются глубокія полыньи во льду и какъ безпомощно барахтаются въ нихъ тонущіе солдаты. «Спасайся, ребята, кто можетъ!» — крикнулъ Бестужевъ.

Все было кончено.

Мих. Цетлингъ.

Къ юбилею Гете

О Гете сказано и то, что о немъ все сказано. Это, быть можетъ, и не совсѣмъ вѣрно. Веймарская легенда мѣнялась въ теченіе столѣтій, а въ послѣдніе годы измѣнилась особенно сильно: германскимъ изслѣдователямъ такъ надоѣла стилизація Гете подъ олимпійскую куклу, что они стали предпочитать противоположную крайность, — въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудахъ бывшій «олимпіецъ» изображенъ невзрачнымъ типа героевъ Стриндберга или даже Пруста. У историковъ литературы и біографовъ теперь очень принято странное и забавное утвержденіе: каждому историческому періоду якобы полагается создавать «своего» Шекспира, «своего» Гете, «своего» Бетховена. Въ дѣйствительности, это означаетъ, что всѣ періоды одинаково занимаются стилизаціей, болѣе или менѣе условно, болѣе или менѣе добросовѣстно подбирая изъ милліона «фактовъ», относящихся къ жизни большого человѣка, тѣ, которые лучше отвѣчаютъ той или иной идеѣ біографа. «Французы видятъ въ Мирабо своего Геркулеса и они совершенно правы», — сказалъ какъ-то Гете Эккерману. — «Но они забываютъ, что и колоссъ состоитъ изъ отдѣльныхъ частей... Въ дѣйствительности, всѣ мы существа коллективные». Каждый біографъ подчеркиваетъ въ коллективномъ существѣ колосса что хочетъ.

Съ особенной же подозрительностью надо относиться къ тѣмъ біографамъ, которые въ предисловіяхъ къ своимъ книгамъ со скромно-торжествующимъ видомъ заявляютъ, что преодолѣли въ себѣ предвзятую идею: сначала, молъ, думали, какъ всѣ, но потомъ открыли настоящаго Шекспира, настоящаго Гете, — вотъ вамъ, господа, настоящій.

Небольшая замѣтка юбилейнаго характера никому ни для чего не нужна. И вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ, не откликнувшійся на юбилей Гете, погрѣшилъ бы противъ законнаго и прекраснаго литературнаго обычая: въ катастрофическія времена мы особенно обязаны помнить о безспорномъ. А Гете безспорнѣе всего и всѣхъ. Въ отдѣльныхъ областяхъ своей работы онъ несомнѣнно превзойденъ, — въ нѣкоторыхъ превзойденъ далеко. Какъ романиста, его и сравнивать нельзя съ Толстымъ. Какъ чистое воплощеніе ума, Шопенгауеръ, пожалуй, стоитъ еще выше, чѣмъ онъ. Какъ воплощеніе мудрости, Декартъ по меньшей мѣрѣ ему равенъ. Но въ совокупности, Гете, конечно, высшая идейная цѣнность всѣхъ временъ, самая великая умственная цѣнность исторіи.

Эта цѣнность однако въ настоящее время не котируется. Искусственный шумъ юбилея не долженъ скрывать отъ насъ правду. Къ Гете можно было бы отнести, съ легкимъ измѣненіемъ, общеизвѣстное слово Сіейеса: «Чѣмъ онъ долженъ былъ бы быть? Всѣмъ. Что онъ въ дѣйствительности? Ничто». Недавно одна изъ нѣмецкихъ газетъ произвела анкету среди молодыхъ людей, въ возрастѣ отъ 17 до 22 лѣтъ: что молодежь думаетъ о Гете? Результатъ оказался плачевный. Изъ большинства отвѣтовъ выяснилось, что молодежь вообще о Гете не думаетъ, — но это бы еще, конечно, полбѣды. Печальнѣе былъ тонъ великолѣпнаго пренебреженія, въ которомъ молодежь отзывалась о ненужномъ ей писателѣ, вдобавокъ въ разгаръ юбилейныхъ торжествъ: повидимому, гипнозъ официальныхъ и газетныхъ восторговъ произвелъ на нее весьма слабое дѣйствіе — или произвелъ дѣйствіе обратное.

«Сумерки боговъ» это легенда. Въ сумерки погружается міръ, въ которомъ боги появились.

Да, «будущіе хозяева жизни» не въ восторгѣ отъ Гете. Но, вѣроятно, и онъ не былъ бы въ восторгѣ отъ будущихъ хозяевъ жизни — и даже отъ нынѣшнихъ ея хозяевъ. «Что сказалъ бы Гете, если бъ онъ всталъ изъ гроба и увидѣлъ», и т. д., — литературный приѣмъ старенькій,

дешевенькій, однако, при своей бездоказательности, не-
 бесполезный: въ иныхъ случаяхъ отвѣтъ на этотъ риториче-
 ской вопросъ достаточно очевиденъ. Не вызываетъ онъ,
 по моему, сомнѣній и въ настоящемъ случаѣ. Въ нынѣш-
 ней Германіи, на примѣръ, Гете не могъ бы одобрить по-
 чти ничего. Вотъ развѣ ему понравился бы своей безспор-
 ной «ладностью» Гинденбургъ. И только.

Незадолго до смерти Гете узналъ, что въ древности
 существовала секта «гипсистеріевъ», которая, пригляды-
 ваясь къ ученіямъ язычниковъ, христіанъ и евреевъ, вы-
 ражала готовность «принять въ каждомъ то, что въ немъ
 есть совершеннаго». Старый мудрецъ пришелъ въ вос-
 торгъ: да онъ самъ былъ всю жизнь гипсистеріемъ и не
 имѣлъ объ этомъ понятія! Сдѣлаемъ, разумѣется, поправ-
 ку на тонкій юморъ, который рѣдко покидалъ Гесе. Но
 вѣдь по существу это правда: онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ
 «гипсистеріемъ». Между тѣмъ, если есть что-либо впол-
 нѣ чуждое современной жизни и особенно жизни герман-
 ской, то, скорѣе всего, именно «гипсистеризмъ».

Поэтому ему лучше не вставать изъ гроба — въ міръ
 Сталина и Гитлера.

Онъ самъ нѣсколько загадочно говоритъ объ «уходѣ»,
 какъ о праздникѣ. И не менѣе загадочно прибавляетъ:

«Heute geh'ich. Komm ich wieder,
 Singen wir ganz andre Lieder...»

Онъ могъ бы, разумѣется, одобрить точную науку, —
 лучшее изъ всего созданнаго современной цивилизаціей.
 Но и то съ оговоркой: точная наука пошла не по тому
 пути, который онъ ей указалъ: «Geheimnisvoll am lichten
 Tag, Lässt sich Natur des Schleiers nicht berauben, Und
 was sie deinem Geist nicht offenbaren mag, Das zwingst
 Du ihr nicht ab mit Hebeln und mit Schrauben». Вся со-
 временная наука работаетъ именно «mit Hebeln und mit
 Schrauben».

Удивительно, что наименьшую долю своего преслову-
 таго «олимпійскаго спокойствія» онъ проявлялъ въ обла-
 сти точныхъ наукъ. О литературѣ, о политикѣ онъ гово-
 ритъ гораздо болѣе безпристрастно, чѣмъ о физикѣ или
 о геологіи. Въ спорѣ геологовъ-нептунистовъ съ геолога-

ми-вулканистами онъ принялъ сторону непунистовъ, которые не преувеличивали роли изверженій въ исторіи земли. Профессоръ Шафферъ объяснялъ это не безъ остроумія: Гете такъ ненавидѣлъ революціи, что не желалъ ихъ даже въ геологіи. Быть можетъ, вѣрно обратное: онъ въ политику перенесъ свои геологическіе взгляды.

Однако, тысячу разъ цитировавшійся (почти всегда съ восторженнымъ изумленіемъ) рассказъ объ іюльской революціи и о спорѣ Кювье съ Жоффруа-Сентъ-Илеромъ вызываетъ чувство неловкости и недовѣрія. Послѣ перваго извѣстія о революціонныхъ событіяхъ въ Парижѣ Соре прибѣжалъ къ Гете. Старецъ встрѣтилъ его взволнованнымъ восклицаніемъ:

— «Что вы скажете объ этомъ великомъ событіи? Началось изверженіе вулкана, все объято пламенемъ!»

— «Это ужасно! Чего ждать отъ такого министерства?»

— «Министерства?» — переспросилъ Гете. — «Да я вамъ говорю о великомъ спорѣ о первичномъ растеніи, который долженъ рѣшиться. Развѣ вы не знаете, что 19-го въ Парижской Академіи Наукъ произошло открытое столкновеніе между Кювье и Жоффруа-Сентъ-Илеромъ?»

Вотъ образецъ подозрительнаго рассказа, точно умышленно созданнаго для умиленія потомства. Ужъ слишкомъ все это ловко «сдѣлано» (по существу, слѣдовательно, неловко). Подозрителенъ этотъ безпричинный разговоръ обиняками («великое событіе», «вулканъ», «пламя»), подозрительно совпаденіе восклицаній, подозрителенъ и стиль Гете: онъ не говорилъ такъ пышно. Да и ничего катастрофическаго тогда въ Академіи Наукъ не произошло, — ни изверженія, ни пожара, — и слова эти совершенно не подходятъ, и споръ былъ старый. Думаю, что весь разговоръ Гете съ Соре очень прикрашенъ, если не просто выдуманъ, въ цѣляхъ начинавшейся олимпійской стилизации.

Эккерманъ рассказываетъ (этотъ говоритъ правду): онъ пріѣхалъ къ Гете вскорѣ послѣ того, какъ тотъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своего единственнаго сына. Бѣдный Эккерманъ провелъ бессонную ночь: какъ великій

человѣкъ перенесетъ такое несчастіе! «Я засталъ его совершенно спокойнымъ и веселымъ («vollkommen heiter und ruhig»). Мы съли и тотчасъ заговорили объ умныхъ вещахъ... Потомъ бесѣда коснулась великой герцогини, принца и многого другого. О сынѣ ни слова». («Seines Sohnes jedoch ward mit keiner Silbe gedacht»), — говоритъ со сдержаннымъ неодобреніемъ Эккерманъ.

Впослѣдствіи и это было использовано для той же олимпійской стилизации. Появилась латинская фраза, сказанная имъ при полученіи извѣстія о смерти сына. Гете не любилъ своего сына и не безъ основанія считалъ его выродкомъ, но что-жъ тутъ было произносить латинскія фразы?

Использовано это было и для подтвержденія его вѣры въ вѣчную жизнь. О безсмертіи Гете говорилъ уклончиво, съ тѣмъ же легкимъ юморомъ. «Послѣ долгой и дѣятельной моей жизни, природа обязана дать мнѣ какую-либо форму безсмертія»... Что онъ думалъ о догматическихъ вѣрованіяхъ, достаточно извѣстно. Рѣзкость многихъ его словъ далеко превышаетъ Вольтеру. Онъ былъ человѣкомъ 18-го столѣтія. Грубо-насмѣшливые отзывы «олимпійца» о таинствахъ церкви напоминаютъ иныя замѣчанія Наполеона. Такъ Гете высказывался, въ злыя минуты, до конца своихъ дней.

Канцлеръ Мюллеръ сообщаетъ, что въ послѣдніе мѣсяцы жизни Гете вообще говорилъ почти исключительно въ ироническомъ тонѣ.

Любимая его мысль: «Надо, чтобы каждый зналъ свое ремесло, это первое дѣло». Самъ онъ хорошо знаетъ почти всѣ свои многочисленныя «ремесла». Физики его ксрили опытами по теоріи свѣта, — кто только не называеъ его диллетантомъ? Однако, со своими ошибками, онъ и въ физикѣ былъ освободителемъ.

Въ главномъ своемъ ремеслѣ онъ техникъ былъ необыкновенный. Гете рифмуеъ «планеты» и «кометы», рифмуеъ ihr и Shakespeare, но это литературное грансеньерство: «мнѣ все можно». У него же есть въ зародышѣ (и не только въ зародышѣ) почти всѣ приемы современнаго стихосложенія,

Романы Гете доказываютъ, что искусство все-таки идетъ впередъ и что произведенія искусства старѣютъ быстро, — не вѣчно почти ничто. Однако нѣкоторые его стихи доказываютъ обратное. «Ein gleiches», такъ странно переведенное Лермонтовымъ, вѣчно въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова. Разумѣется, съ поправкой: «пока существуетъ нѣмецкій языкъ». Ужъ если Лермонтовъ не могъ перевести!..

Его литературная карьера была едва ли не самой блестящей въ исторіи. Столь же удачной была — правда, въ маломъ Веймарскомъ масштабѣ — и его политическая карьера. Да и въ человѣческой своей карьерѣ онъ былъ по видимости необыкновенно счастливъ..

Мнѣ какъ-то уже приходилось приводить автобіографическіе отзывы другихъ баловней счастья. «У меня не было въ жизни ни одного счастливаго дня, ни одного!» — сказалъ Анатоль Франсъ. «Халифъ Абдурахманъ имѣлъ въ жизни четырнадцать счастливыхъ дней, а я, навѣрное, не имѣлъ столько», — сказалъ Толстой. Добавлю теперь и слова Гете: «Меня всегда считали любимцемъ судьбы... А я могу сказать, что за семьдесятъ пять лѣтъ не зналъ и одного мѣсяца настоящаго счастья». Поистинѣ удивительно это совпаденіе, доходящее почти до тождества выраженій!

Добавлю также, что не было гадости, которой при жизни Гете не говорили бы о немъ, не было недостатка и порока, которыхъ ему не приписывали бы. Злословіе потонуло въ славѣ, — онъ былъ въ мѣру чувствителенъ и къ славѣ, и къ злословію.

Все это, конечно, нѣсколько условно.

Изъ упомянутой выше анкеты:

18-лѣтній гимназистъ отвѣчаетъ: «Безъ принужденія я Гете не читаю».

20-лѣтняя ученица танцевальной школы: «Я его не признаю» («ich habe ihn vollkommen abgelehnt»).

22-лѣтній студентъ-химикъ: «Оставьте меня въ покоѣ съ Гете... Онъ у меня изъ горла лѣзетъ, да и у другихъ, думаю, тоже, только они этого не говорятъ».

На другомъ уровнѣ культурѣ откликается знаменитый поэтъ: «Cet âne solennel de Goethe»...

Гете можетъ, разумѣется, обойтись безъ одобренія Клоделя. Но неодобреніе гимназиста и ученицы танцевальной школы было бы ему неприятно. Онъ говорилъ Эккерману: «Кто не ждетъ милліона читателей, тотъ не долженъ брать пера въ руки».

Онъ же, правда, сказалъ:

Spricht man mit jedermann
Da hört man keinen.
Stets wird ein anderer Mann
Auch anders meinen.

Болѣе утѣшительныя свѣдѣнія сообщаетъ испанскій писатель Ортега-и-Гассетъ: въ Испаніи женщины и теперь влюбляются въ Вертера, а, выходя изъ церкви, оглядываются по сторонамъ, — ужъ не смотритъ ли на нихъ какой-либо Фаустъ?

Очень можетъ быть. Боюсь только, что Гете тутъ ни при чемъ: это дѣло Массне и Гуно.

Беттина Brentano имѣетъ право на безсмертіе особаго рода: эта женщина ухитрилась сдѣлать смѣшнымъ Гете! Чуть ли не на его глазахъ Беттина изъ ревности дралась съ фрау-гехеймратъ, дралась въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова.

Аринимъ писалъ Гримму: «Вы не можете себя представить, въ какомъ ужасномъ обществѣ Гете живетъ. Жена отъ всѣхъ его отрѣзала!»...

Можно сдѣлать усиліе: отбросить мысленно поэта, философа, ученаго. Останется (условность понятна) человѣкъ Гете.

Шекспиръ, Платонъ таинственны. Но о нихъ мы ничего не знаемъ, какъ о людяхъ. Въ жизни Гете, напротивъ, извѣстны, прекрасно изучены всѣ однообразные дни. И нѣтъ человѣка таинственнѣе, чѣмъ онъ! Это впечатлѣніе остается и отъ біографій, и при чтеніи простодушнаго Эккермана. Видна стѣна изъ зеркалъ, а что за ней, все-таки неизвѣстно (вотъ только не «олимпійское спокойствіе»).

Непонятна и эта уѣздная жизнь предводителя литературнаго дворянства. Толстой не любилъ людей. Паскаль, Шопенгауеръ, Прусть людей ненавидѣли. Гете — по крайней мѣрѣ въ старости — былъ совершенно къ нимъ равнодушенъ. Онъ не уходилъ отъ міра, онъ отъ міра отгородился — наукой, литературой, чинами. Веймаръ былъ наиболее подходящимъ городомъ въ Европѣ для того, чтобы отдавать «обществу» возможно меньше времени.

Сельма Лагерлефъ его назвала «тайнымъ совѣтникомъ чловѣчества». Чловѣчество до Гете не доросло и, вѣроятно, никогда не доростетъ. Но отдѣльные люди всегда будутъ думать надъ разгадкой тайныхъ его совѣтовъ:

Des Propheten tiefstes Wort,
Oft ist's nur Charade.

М. Алдановъ.

Письма съ Ближняго Востока

Сумерь и Аккадь.

Много пришлось мнѣ скитаться въ долгой жизни моей какъ археолога и туриста по Ближнему Востоку, но ни разу не удавалось попасть въ Двурѣчье или Междурѣчье, въ Месопотамію, современный Иракъ. До войны это было цѣлое предпріятіа, дорогое, утомительное и опасное. Багдадъ, Керкукъ, Мосуль, Басра всегда были большими торговыми городами и болѣе или менѣе доступны, но они для археолога и историка представляютъ мало интереса. А отклониться въ сторону отъ этихъ большихъ центровъ и соединяющихъ ихъ большихъ караванныхъ путей была цѣлая большая затѣя, доступная очень немногимъ. Къ числу этихъ немногихъ я не принадлежалъ: у меня не было ни денегъ, ни тѣсныхъ связей съ этой провинціей Турціи.

Теперь все это измѣнилось. Багдадъ сталъ такъ же доступенъ туристамъ, какъ Іерусалимъ, Бейрутъ, Дамаскъ или Алеппо. Въ одинъ день можно перелетѣть сюда изъ Дамаска или Каира. Въ два дня переправятъ туриста Нернскіе колоссы-автомобили черезъ пустыню, съ ночевкой въ самомъ автобусѣ, какъ въ вагонѣ желѣзной дороги. Недалеко то время, когда желѣзная дорога прорѣжетъ пустыню между Дамаскомъ и Багдадомъ и соединитъ окончательно Багдадъ и Алеппо черезъ Керкукъ и Мосуль (теперь желѣзная дорога соединяетъ только Багдадъ и Керкукъ). Уже давно поѣзда ходятъ между Багдадомъ и Басрой. Давно уже ходятъ и пароходы по нижнему теченію Тигра. Наконецъ автомобили сдѣлали доступными всѣ руины Месопотаміи: въ Вавилонъ изъ Багдада можно доѣхать въ 3-3½ часа по приличной дорогѣ, оттуда въ древній Кишъ рукой подать. Въ знаменитую Селевкию, эллинистическую наслѣдницу Вавилона или въ столицу парфянскаго царства Ктессифонъ съѣздить еще легче, чѣмъ въ Вавилонъ. Одна изъ крупнѣйшихъ станцій желѣзной до-

роги Багдадъ-Басра называется Уръ и отъ нея до руинъ этой родины Авраама, Ура Халдеевъ, двадцать минутъ ходьбы. Въ Урукъ или Эрехъ — другую колыбель древнѣйшей культуры Месопотаміи, отъ станціи Хидръ той же дороги часть ѣзды на автомобилѣ. Руины Ниневіи мѣсто пикниковъ для жителей Мосула. Изъ таинственной Хатры, полупарфянскаго города - пустыни, посѣтителі давно уже увезли на автомобиляхъ почти всѣ ея великолѣпныя скульптуры.

Словомъ, какъ и Сирія, Месопотамія или Иракъ уже начинаютъ становиться центрами туризма: Пока еще въ отеляхъ Багдада и въ его «сукахъ» (базарахъ) туристы считаются десятками, но скоро ихъ будутъ сотни. Тысячъ не будетъ, такъ какъ для туристовъ Иракъ мѣсто мало привлекательное. Багдадъ и другіе арабскіе города Ирака — грязные, почти совершенно новые города обще-восточнаго типа. Къ тому же здѣшніе мусульмане въ свои мечети (по большей части новыя) гяуровъ не пускаютъ. Особенно шитты, которыхъ здѣсь большинство и которымъ принадлежатъ самыя богатыя мечети. Руины древнихъ городовъ для туристовъ не могутъ имѣть никакого интереса. Всѣ эти города выстроены были изъ необожженныхъ кирпичей и руины ихъ и до и послѣ раскопокъ есть нагромажденія этихъ кирпичей, покрытыя пескомъ и пылью пустыни, ихъ окружающей. Даже археологу разобраться въ этихъ руинахъ нѣсколько лѣтъ послѣ раскопокъ и безъ помощи археологовъ, ихъ раскопавшихъ, почти невозможно. Месопотамія — не Египетъ, съ его могучими каменными памятниками царей и боговъ. Здѣсь камня нѣтъ и не было. Здѣсь все плоско и въ общемъ сѣро, какъ ни старались жители расцвѣтить свои храмы, дворцы и дома. И все, что кругомъ зданій, плоско и не живописно. Берега Евфрата и Тигра плоски. Какъ ни красивы пальмы, но онѣ быстро пріѣдаются. Обѣ рѣки мутны и грязны. А все, что между рѣками, сѣрая монотонная пустыня, гдѣ бродятъ козы, овцы и рѣдкіе буйволы, гдѣ вереницами тянутся ослы и верблюды, гдѣ войлочные грязно-коричневые и черные шатры даютъ пріютъ кочевымъ бедуинамъ, въ ихъ грязныхъ и жалкихъ, хотя и необычныхъ для европейца одеждахъ.

Но я не туристъ, а историкъ. И для меня нѣсколько дней въ Месопотаміи были глубоко поучительны. Смотрѣлъ и видѣлъ я только древнее. Современное меня мало

интересуетъ. Политика, нефть, панисламизмъ, король Фейзулъ, его мѣстные министры и англійскіе совѣтники, это пища для журналистовъ. Для меня Месопотамія это не Иракъ, а Сумеръ, Аккадъ, Вавилонія, Митанни и Ассирія. Странныя имена, такія далекія отъ современности. Но тѣ, кто жили подъ этими именами, сдѣлали насъ тѣмъ, чѣмъ мы есть, дали намъ черезъ Грецію и Римъ нашу сложную и богатую разнообразіемъ жизнь, то, что мы называемъ цивилизаціей. Объ этой Месопотаміи позволю себѣ поговорить съ читателемъ въ этомъ очеркѣ.

Не стану повторять исторіи научнаго изслѣдованія Месопотаміи. Объ этомъ говорятъ всѣ болѣе или менѣе полныя исторіи Востока и древняго міра. Ассирія, изслѣдованная (или разграбленная?) Layard'омъ и Place'омъ, поразила міръ своими мастерскими статуями и рельефами, гордостью Британскаго Музея и Лувра. Не такъ живописны и эффектны, какъ находки въ укрѣпленныхъ дворцахъ и столицахъ Ассиріи, были открытія въ руинныхъ холмахъ Вавилоніи и южной Месопотаміи. Раскопки и здѣсь начались давно. Имена Loftus'a, копавшаго въ Варкѣ въ 1854 г. (др. Урукъ или Эрехъ) и Taylor'a, открывшаго тогда же Уръ, извѣстны только немногимъ. Руины Вавилона не разъ привлекали вниманіе археологовъ. Но воскресать начала южная Месопотамія, полуизвѣстная историкамъ въ ея позднемъ неовавилонскомъ аспектѣ, черезъ еврейскую и греческую историческую традицію, только начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда впервые французы въ Телло (Tel-Lo) и значительно позже американцы въ Нинкурѣ къ великому своему удивленію, при помощи уже ставшей на твердыя ноги клинописной филологіи открыли въ глубокихъ слояхъ вавилонскихъ городовъ новый міръ, новую цивилизацію, такую же древнюю, такую-же богатую, и, пожалуй, болѣе разнообразную, чѣмъ цивилизація и искусство Египта древняго царства и Египта додинастическаго. Носителями этой цивилизаціи были предшественники Вавилона, дѣды его имперіи и его культуры, города Сумера и Аккада, выросшіе на наносной или намытой почвѣ южной Месопотаміи во времена, которыя мы привыкли называть доисторическими и которыя нынѣ уже стали временами столь же историческими, какъ архаическая эпоха Греціи и Италіи, какъ прошлое Кельтовъ и Германцевъ, какъ древнѣйшая исторія Славянъ. Но исторія Сумера и Аккада начи-

нается не въ первомъ тысячелѣтїи, какъ исторїя грековъ и италиковъ, не поздне римское время, какъ исторїя славянъ, а въ пятомъ тысячелѣтїи до Р. Х.

Со времени Sarzec'a и Cros'a въ Tel-Lo и Hilprecht'a въ Ниппурѣ наше знакомство съ Сумеромъ и Аккадомъ растетъ и ширится. Въ благородномъ соревнованїи и дружескомъ сотрудничествѣ руководящїя націи Европы и Америки прочитываютъ одну новую страницу за другой изъ исторїи древнѣйшей цивилизаціи человѣчества, систематически снимая десятки тысячъ тоннъ песка и глины съ руинныхъ холмовъ Междурѣчья и открывая новыя и новыя руины храмовъ, дворцовъ и частныхъ домовъ Сумера и Аккада, новыя и новыя гробницы ихъ строителей, руины и гробницы, бережно охранившія для насъ не только первостепенные памятники искусства, но и десятки тысячъ писанныхъ документовъ на глиняныхъ невидныхъ сѣрыхъ табличкахъ, покрытыхъ клинописными знаками. Богатство этихъ документовъ поразительно. И таблички, и рѣдкія надписи на камнѣ, и печати, и глиняные гвозди, вбитые въ стѣны съ именами строителей зданїя, и миллионы кирпичей со штемпелями высказали намъ то, чего ни руины зданїй, ни памятники искусства не сумѣли бы передать своимъ еще таинственнымъ языкомъ. Болтливые и хвастливые, полные религіознаго смятенїя, жадные къ славѣ, ищущіе вѣчности историческіе документы дали намъ скелетъ и расцвѣтку политической и религіозной жизни Сумера и Аккада, исторїю войнъ, исторїю градо-храмо- и канало-строительства царей, смѣну династій и властителей, подъемъ и упадокъ отдѣльныхъ городовъ, славу и униженіе ихъ боговъ. А рядомъ съ ними документы частнаго характера, скромные контракты, расписки и письма воскресили для насъ право, соціальныя и экономическія отношенїя, личную и семейную жизнь. А поверхъ всего этого — литература, поэзія и проза ввели насъ въ легенды и сказанїя о богахъ и людяхъ, въ страданїя и большія мысли страждущаго человѣка, въ его исканїя бога и правды.

Все это дали намъ тѣ скромные археологи, которые изъ года въ годъ изъ Америки, Франціи, Англїи, Германїи съѣзжаются въ Багдадъ въ концѣ осени и разсыпаются по руинамъ, мобилизуя каждый сотни мѣстныхъ рабочихъ, десятки директоровъ раскопокъ и сотни ихъ сотрудниковъ. Одни изъ нихъ болѣе удачливы и ихъ имена, какъ

имя Woolley, открывшаго царскія гробницы Ура, становятся извѣстными многимъ. Другимъ судьба — великая распорядительница раскопками — не такъ благоприятна. Но всѣ они одушевлены однимъ желаніемъ — найти новое, раскрыть новую страницу забытаго прошлаго и прочесть ее намъ. И въ этомъ успѣваютъ всѣ. И американо-англійская экспедиція въ Урѣ, и англо-американская (руководимая французомъ) въ Кишѣ, и французская въ Tel-Lo, и нѣмецкая въ Урукѣ, и американская (руководимая голландцемъ) въ Ашнуокѣ, и еще одна американская (руководимая нѣмцемъ) въ Шуруппакѣ (Fagoh) и т. д., и т. д. Больше всего работаетъ Америка и наибольшее количество работы дѣлается на ея средства. Но Америка не эгоистична и не узка. Она сотрудничаетъ съ другими націями, она дружески открываетъ свои раскопки специалистамъ всѣхъ національностей и не стыдится учиться у тѣхъ, у кого больше опыта и археологическаго навыка. Въ моихъ скитаніяхъ я посѣтилъ часть наиболѣе важныхъ раскопокъ, говорилъ съ руководителями тѣхъ раскопокъ, которыхъ не видѣлъ, и внимательно осмотрѣлъ то, что изъ всѣхъ раскопокъ попало въ музеи: въ Багдадѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Америку. Тѣмъ, чему я научился, позволю себѣ подѣлиться съ читателемъ.

Не стану повторять того, что было извѣстно о Сумерѣ, Аккадѣ и Вавилоніи до войны и въ первые годы послѣ войны. Читатель найдетъ контуры развитія Месопотаміи, какъ они были извѣстны въ то время, въ моей книгѣ «Исторія Древняго Міра», особенно во второмъ изданіи англійскаго перевода ея. Напомню только основныя линіи. Въ Шемъ тысячелѣтіи до Р. Х. южная Месопотамія была цвѣтущей мѣстностью, превосходно орошенной и воздѣланной, населенной въ южной части сумерійцами, въ сѣверной — аккадцами. И тѣ, и другіе жили въ укрѣпленныхъ городахъ съ богатыми дворцами, храмами, рынками, и почти въ каждомъ городѣ съ главнымъ святилищемъ, расположеннымъ у подножія «зиггурата», «холма неба» или «горы бога», какъ эту вавилонскую башню изъ трехъ террасъ съ монументальными лѣстницами, ведущими на верхнюю платформу съ храмомъ бога, зовутъ сумерійскіе тексты. Культура и искусство сумерійцевъ были поразительно высоки въ III тысячелѣтіи. Ихъ архитектура, скульптура, живопись, ювелирное искусство вызываютъ удивленіе и часто восхищеніе современныхъ архитекторовъ и ху-

дожниковъ. Ихъ техника стояла на высокой ступени развитія. Клинописное письмо было достояніемъ не однихъ жрецовъ и писцовъ. Оно служило и государству, и религии, и дѣловой жизни. Обучались ему и элементамъ знанія (съ преобладаніемъ математики) въ хорошо организованныхъ школахъ.

Политически страна была раздѣлена на рядъ городовъ-государствъ съ царями-жрецами, замѣстителями или арендаторами бога, настоящаго властителя страны — во главѣ. Эраду, Кишъ, Урукъ (или Эрехъ), Уръ, Исонъ, Ларса, Ниипуръ, Лагашъ, Опись, Шуруппакъ, Ашнунокъ и многіе другіе были наиболѣе крупными, богатыми и сильными изъ нихъ. Всѣ эти города, особенно первые шесть, стремились къ гегемоніи надъ другими и временно объединяли Сумеръ и Аккадъ. Но жизнь была сложна и трудна. Опасности грозили отовсюду. Съ Востока культурные элиты не разъ захватывали части богатаго Двурѣчья; бедуны пустыни готовы были наброситься на цвѣтущую страну каждую минуту; не лучше было и на сѣверѣ. Объединеніе было для Сумера и Аккада вопросомъ жизни и смерти. Совершившимся фактомъ оно стало въ правленіе великихъ завоевателей Саргона и Норамсина, впервые создавшихъ сумеро-аккадскую имперію и перебросившими высокую культуру Сумера далеко въ М. Азію, на берега Чернаго моря, въ сѣв. Месопотамію и Сирію вплоть до Сирійскаго и Финикійскаго побережья и Кипра. Ихъ преемниками и продолжателями ихъ традицій были могучіе цари III-ей династіи Ура.

Жила однако эта сумеро-аккадская Имперія недолго. Вновь началась послѣ ея паденія борьба внутри и нападенія извнѣ. Около 2000 года до Р. Х. поднялся семитическій Вавилонъ, и его цари, изъ которыхъ всѣмъ извѣстно имя Гаммураби, возстановили имперію Саргона огнемъ и мечомъ. Но и Вавилонская имперія была недолговѣчна. Съ сѣверо-востока появились, сначала какъ наемные солдаты, вавилонскіе янычары, новые властители — касситы или касситы, захвативъ власть, они надолго и прочно удержали ее въ своихъ рукахъ. Вавилонское владычество Гаммуради и власть касситовъ была концомъ блестящаго развитія Сумера и Аккада. Культура стала однообразной и сѣрой, штампъ замѣнилъ творчество, повтореніе стало правиломъ, копія смѣнила оригиналъ. Второе тысячелѣтіе было слабымъ и блѣднымъ повтореніемъ великаго твор-

ческаго періода въ исторіи Месопотаміи, которымъ было сумеро-аккадское время.

Таковы основныя линіи. Не забудемъ однако, что развитіе Сумера и Аккада имѣеть не только мѣстное значеніе, оно не эпизодъ и не курьезъ. Саргонская имперія перенесла культуру Сумера далеко на сѣверъ и на западъ, Вавилонское ея повтореніе стало «культурой» по преимуществу всего Ближняго Востока. Мы находимъ ее въ томъ или другомъ преломленіи вездѣ: и въ Палестинѣ, Финикіи и Сиріи, смѣшанную съ египетской, и въ М. Азійи и сѣв. Сиріи, и на Кавказѣ. Ее восприняли великія имперіи Ассиріи и Персіи. Изъ М. Азійи и Финикіи ея достиженія стали доступными и знакомыми Греціи и легли въ основу ея великой культуры, ставшей нашей.

Какъ въ исторіи всѣхъ культуръ, культура передней Азійи имѣла одну могучую творческую эпоху, создавшую основу, и рядъ ренессансовъ и мѣстныхъ творческихъ переработокъ этой основы. Изученіе этихъ послѣднихъ имѣеть огромное значеніе и важность. Но еще важнѣе имѣть ясное представленіе объ основѣ, о базѣ, о томъ, чѣмъ была и какъ создалась культура сумерійскаго III-го тысячелѣтія. Знаемъ мы ее плохо. Во всѣхъ ея аспектахъ лакуны занимають больше мѣста, чѣмъ островки твердой почвы. Проблемъ больше, чѣмъ фактовъ. Мы знаемъ кое-что о жизни Сумера въ III-емъ тысячелѣтіи, но мы хотѣли бы знать больше. Намъ нужна связная политическая исторія Сумера и Аккада, все еще знакомая намъ только въ обрывкахъ. Мы желаемъ глубже проникнуть въ религію сумерійцевъ и аккадцевъ, имѣть болѣе ясное представленіе о ихъ государственной, правовой, экономической и социальной жизни, о ихъ бытѣ и нравахъ, о ихъ характерѣ и мысляхъ, о мелочахъ ихъ ожедневнаго обихода. Мы стремимся быстро, но систематично, безъ лишннихъ гипотезъ заполнить лакуны въ нашемъ знаніи III-го тысячелѣтія.

Но это только часть проблемъ. Еще важнѣе и еще труднѣе другой рядъ вопросовъ. Въ III-емъ тысячелѣтіи культура лежитъ передъ нами готовой, высокой и творческой. Гдѣ ея начало? Каково ея развитіе? Создалась ли она на мѣстѣ или пришла извнѣ? Если она пришла извнѣ, то въ какой стадіи развитія? Если нѣтъ, то изъ какихъ основъ и подъ какимъ вліяніемъ расцвѣла она такъ пышно въ долинѣ Двурѣчья? Гипотетическихъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы мы имѣемъ болѣе чѣмъ нужно. Но мы хотимъ

фактовъ. Эти факты намъ даютъ раскопки. Трудная, медленная, грязная работа археолога, работа кирки и лопаты, соединенная съ умѣньемъ систематически и остро наблюдать и комбинировать, выдвигаютъ рядъ новыхъ и новыхъ фактовъ, разрѣшающихъ частично наши проблемы, частью ставящихъ новыя. Для исторіи ранней, до-сумерійской или прото-сумерійской цивилизаціи рѣшающими являются раскопки Тель Эль Обсида, около Ура, Киша и Ворки. Тель Эль Обсидъ впервые познакомилъ насъ съ наиболѣе ранней стадіей культурнаго развитія Месопотаміи. Раскопки бѣднаго селенія тростниковыхъ хижинокъ дали намъ наиболѣе раннюю, очень изящную крашеную керамику Месопотаміи, близкую къ ранней керамике Элама и современную ей. Она принадлежитъ къ поздне неолитическому, такъ назыв., халколитическому или мѣдно-новокаменному періоду. Этотъ ранній періодъ глубоко поучителенъ. Онъ связываетъ развитіе Месопотаміи съ раннимъ развитіемъ Азіи вообще и можетъ быть съ М. Азіей, Балканскимъ полуостровомъ и югомъ Россіи, гдѣ сходная керамика типична для того же періода культурнаго развитія. Со времени находокъ Тель-Эль Обсида расписная халколитическая керамика найдена была во многихъ мѣстностяхъ Месопотаміи въ глубокихъ слояхъ.

Но эта керамика не есть керамика сумерійцевъ. Ея носители — люди, не знающіе письма. Сумерійцы же обладали письмомъ, почти вполне развитой клинописью уже въ III-емъ тысячелѣтіи. Уже давно мы подозрѣвали, что письмо это развилось изъ пиктографическаго письма, родственнаго іероглифамъ. Эта гипотеза теперь фактъ. Въ Джемдестъ Насръ, около Киша, найдены были въ глубокихъ слояхъ таблетки съ полу-пиктографической клинописью (вмѣстѣ съ новой глубоко интересной керамикой), а въ Воркѣ (Урукѣ) археологическая компанія послѣднихъ двухъ лѣтъ дала намъ въ еще болѣе глубокихъ слояхъ настоящіе пиктографы, таблетки, на которыхъ имѣются только іероглифы, только идеограммы въ формѣ рисунка предмета или части его.

Я былъ въ Воркѣ, и съ руководителемъ раскопокъ докторомъ Йорданомъ цѣлый день бродилъ по расконкамъ. Интересная и романтическая поѣздка. Со станціи Хидръ желѣзной дороги изъ Багдада въ Тасру переѣзжаешь сначала Евфратъ на лодкѣ. Смотришь на его мутныя воды, на сѣрые берега, покрытые группами зеленыхъ пальмъ, на

широко раскинувшееся красно-сѣрое селеніе, на рыбаковъ, вытаскивающихъ неводами чудищъ Евфрата, огромныхъ рыбъ, вѣсомъ и величиною равныхъ нашей бѣлугѣ. Рѣка тихо катитъ свои коричневая воды, лодка медленно двигается вверхъ по теченію. На томъ берегу насъ ждутъ автомобили-грузовики экспедиціи. Вся деревня глазѣть. Нашъ геній-хранитель, арабъ, управляющій хозяйствомъ экспедиціи ругается и гонитъ дѣтей, собирающихся не то стянуть нашъ багажъ, не то прокатиться на задкѣ грузовика. Часъ ѣзды въ пустынь. Наконецъ вдали показывается группа сѣрыхъ низкихъ полукруглыхъ холмовъ, пыльныхъ и унылыхъ и среди нихъ одинъ, самый высокій, уже превращенный раскопками въ свой настоящий видъ — одинъ изъ трехъ загуратовъ Урука.

Подъѣзжаемъ къ глинобитному лагерю экспедиціи: большой дворъ и кругомъ комнаты. Роскоши никакой нѣтъ, какъ въ раскопчныхъ дворцахъ Чикагскаго Восточнаго Института, разсѣянныхъ по всему Ближнему Востоку, но комфортабельная и пріятная, какая-то искусственная, нервная и напряженная жизнь археологической экспедиціи, такъ хорошо знакомая намъ, археологамъ-раскопщикамъ. Живешь ожиданіемъ, ждешь неизвѣстнаго: что дастъ раскопка, оправдаетъ ли мечты или принесетъ разочарованіе, подтвердить или опровергнетъ? Выйдетъ ли изъ нѣдръ земли чудная каменная или мѣдная статуя, интересная ваза, серія табличекъ, или только грязные и скучные черепки, назойливыя стѣны изъ необожженныхъ кирпичей, которыя такъ трудно отличить отъ обволакивающей ихъ земли, да мелкіе куски сплошь проржавѣшаго металла. Кругомъ пустыня, кучка европейцевъ въ морѣ арабовъ-рабочихъ, языкъ которыхъ понимаютъ только немногіе раскопщики. Все полу-таинственно и покрыто какою-то дымкой полу-реальности. Изъ руинъ встаютъ тѣни древнихъ царей съ такими странными именами: Лугалкагубнадуду, Урнина, Энтемена и т. д., и т. д. Съ кирпичей и таблестокъ эти имена переходятъ въ исторію, изъ имени становятся людьми, одѣваются плотью и кровью, живутъ.

Раскопки послѣднихъ лѣтъ въ Воркѣ для туриста — пустое мѣсто: ямы, остатки разрушенныхъ стѣнъ съ кусочками примитивной мозаики изъ глиняныхъ гвоздей съ крашеными головками, безформенныя массы зиггурата, сѣрыя стѣны, полузанесенныя пескомъ, храма эллинисти-

ческаго времени. Даже для любителя древности онъ — разочарованіе. Никакой сенсаціи, ни золота, ни серебра, ни первостепенныхъ предметовъ искусства онъ не далъ. Не то что въ Урѣ! Но для историка — это, пожалуй, самое важное достиженіе послѣднихъ лѣтъ въ области ранней исторіи Месопотаміи: засыпанъ гіать — зіяющая пуста-та — между Эль Обсидомъ и Сумеромъ. вмѣсто него рядъ ясно очерченныхъ эпохъ: частью эволюція, частью нака-ты культурныхъ волнъ извнѣ. Вопросы о происхожденіи сумерійцевъ раскопки Иордана не разрѣшили: эволюція мѣстныхъ культурныхъ основъ или новая цивилизація, пришедшая извнѣ? Кто знаетъ! Но во мракѣ ночи уже за-сверкала утренняя звѣзда.

Одно изъ важнѣйшихъ открытій Иордана — это выяс-неніе вопроса о происхожденіи зиггурата. Внутри одного изъ трехъ зиггуратовъ Урука интуиція археолога и кир-ка рабочихъ нашли древнѣйшее ядро: не ступенчатая столь знакомая намъ пирамида изъ кирпичей съ голубымъ хра-момъ поверху, а безформенная огромная масса глины въ формѣ искусственной горы и на верхушкѣ семидверный храмъ для бога Луны: не божій домъ, а божій ханъ, по-стоялый дворъ. Здѣсь останавливается на пути на землю, къ дому-храму своему у подножія горы житель неба и здѣсь шлеть ему туда, на небо, мольбы жители земли.

Недалеко отъ Урука дальше къ югу знаменитый Уръ, прославленная родина царицы Шубадъ, конкуррентки же-ны Эхнатона Нефертита и Тутанкамона съ его подругой. Нѣсколько лѣтъ именемъ ся пестрили газеты и въ интел-лектуальныхъ сферахъ неприлично было не знать или пе-ревернуть ея звучное прозвище. Уръ халдеевъ, Уръ Авраа-ма! Въ Варку рѣдко забредеть профессиональ археологъ, въ Урѣ ѣздятъ десятки, если не сотни туристовъ. Не пото-му только, что слава Ура разнеслась по всему міру, но потому, главнымъ образомъ, что Уръ узловая станція же-лѣзной дороги, которая построила здѣсь для любителей-ныхъ туристовъ приличный Rest-House (домъ отдыха), гдѣ можно проспать ночь на пути въ Басру и получить недурные обѣды и ужины. Содержателю гостиницы не трудно кормить гостей: за рупію (70 коп.) рестораторъ пріобрѣтаетъ 72 яйца, а за цыпленка платитъ 30 коп.!

Руины Ура уже давно привлекали вниманіе археоло-говъ. Онъ были одними изъ первыхъ, за раскопку кото-рыхъ взялись европейцы. Но воскресъ Уръ благодаря эн-

тузіазму, знанію, системѣ и last but not least счастью англійскаго археолога Woolley, одного изъ тѣхъ археологовъ, которые подарили намъ одну изъ хетскихъ столицъ Кархемишъ. Имя Woolley извѣстно теперь всѣмъ, и эта слава не пришла ему даромъ. Счастье помогло ему открыть богатѣйшія гробницы, умѣнье воскресло для насъ Урь, этотъ городъ сѣдой старины, во всѣ періоды его развитія. А жилъ онъ долго: отъ доисторическихъ временъ вплоть до времени владычества Ахеменидовъ. Въ болѣе позднее время онъ былъ уже руиной: въ его исторіи нѣтъ ни эллинистическаго, ни парфянскаго періода, какъ въ исторіи Урука, нѣтъ и еще болѣе поздняго періода расцвѣта Месопотаміи — Сассанидскаго, какъ, напр., въ исторіи Киша.

Со станціи желѣзной дороги уже виденъ зиггурать Ура — мѣдно-коричневый подымается онъ уступами надъ пустыней. Двадцать минутъ пріятной прогулки по пустынѣ и мы въ стѣнахъ Ура, на платформѣ зиггурата и окружающихъ его храмовъ. Съ верхушки зиггурата хорошо виденъ и ходъ стѣнъ города, и расположеніе его гаваней (Урь былъ долгое время большимъ торговымъ городомъ недалеко отъ устья Евфрата), и планы окружающихъ зиггурать храмовъ, и ямы, изъ которыхъ торчатъ тамъ и сямъ жалкіе остатки богатыхъ гробницъ города, и улицы, и дома жилыхъ частей города. Съ помощью самого Woolley, не отказывающаго въ своей помощи посѣтителямъ, или его интереснѣйшей книги «Ur of the Chaldees», имѣющей большой и заслуженный успѣхъ, нетрудно разобратъ въ многотысячелѣтней исторіи города. Глубокая яма въ мусорѣ города, гдѣ такъ ясно видны культурныя слои, такъ же убѣдительно возстановляетъ для археолога исторію жизни города, какъ кольца срѣзаннаго ствола дерева открываютъ ботанику исторію его многовѣкового существованія. Свидѣтельство слоевъ мусора дополняютъ раскопки зданій съ ихъ наслоеніями стѣнъ разной постройки, съ ихъ постепеннымъ нарастаніемъ уровня половъ, съ находками въ каждомъ слоѣ битой и цѣлой посуды, кирпичей съ именами царей, клинописныхъ глиняныхъ таблеть, обыкновенно датированныхъ. И, наконецъ, гробницы (въ Месопотаміи обыкновенныхъ смертныхъ хоронили въ ихъ домахъ, а царей въ особыхъ гробницахъ внутри города) дополняютъ свидѣтельства храмовъ, дворцовъ и частныхъ домовъ.

Одна за другой проходятъ передъ нами эпохи: хижины времени энеолита или халколита съ крашеной посудой, затѣмъ глубокой слой, осадка страшнаго наводненія, разрушившаго эти хижины, и новая эпоха въ жизни тѣхъ, кто спасся отъ наводненія. Въ свое время открытіе «потопнаго» слоя въ Урѣ и «допотопнаго» періода въ его исторіи возбудили сенсацію. Вотъ наконецъ потопъ Библіи! Съ Авраамомъ память объ этомъ страшномъ бѣдствіи пришла въ Палестину, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о колоссальной «вавилонской» башнѣ. Но археологія создаетъ и она же разбиваетъ иллюзіи. Послѣ Ура «потопный» слой нашлся въ Кишѣ, но дата его оказалась гораздо болѣе поздней. И спорять раскопщики двухъ сѣдловасыхъ сигуратовъ: чей потопъ лучше. А Иорданъ ядовито имъ докладываетъ: у меня въ Урукѣ не одинъ, а цѣлая серія разновременныхъ потопныхъ слоевъ. Ясно, какъ теперь холера и энтеритъ, потопы были эндемичны въ Месопотаміи и оставили глубокой слѣдъ въ памяти сумерійцевъ. Но одинъ библейскій общій потопъ не историческій фактъ, а обобщающая и преувеличивающая легенда.

За потопомъ въ Урѣ послѣдовалъ періодъ расцвѣта и богатства, періодъ правленія «купавшихся» въ золотѣ царей, имена которыхъ не отмѣтила писаная исторія Сумера, но которые болѣе знакомы намъ теперь, чѣмъ имена тѣхъ царей первой Урской династіи, которые правили въ Урѣ нѣсколько столѣтій послѣ ихъ прединастическихъ предшественниковъ. Эту эпоху открылъ намъ знаменитый некрополь Ура съ его сказочными богатствами и съ его рядомъ наслоеній, дающихъ намъ возможность датировать древнѣйшія послѣпотопныя гробницы. Не стану повторять того, что читатели знаютъ изъ повторныхъ описаній открытій Woolley въ газетахъ и о чемъ они могутъ прочесть увлекательный рассказъ самого Woolley въ его статьяхъ и книгахъ. Позволю себѣ сказать только два слова.

Жестокъ былъ ритуаль и богаты были похороны древнѣйшихъ могучихъ царей Ура. Объ этомъ такъ краснорѣчиво говорятъ нетронутыя гробницы царя Адарги и царицы Шубадъ. На колесницѣ, запряженной быками или ослами, везли тѣло покойника къ мѣсту его упокоенія, глубоко кому подземному его дому. Въ полномъ уборѣ, со всѣмъ, что ему нужно было при жизни и что ему понадобится въ домашнемъ обиходѣ его подземнаго существованія, мед-

ленно везли тѣло покойника къ погребальному колодцу и ведущему въ него коридору. Ряды слугъ, солдатъ и наложницъ царя въ ихъ парадномъ уборѣ ждали покойника или шли въ его процессіи. Каждый въ своемъ парадномъ костюмѣ занималъ свое мѣсто и безъ судорогъ и предсмертной борьбы засыпалъ въ туманѣ наркотика во время погребальной церемоніи.

Насъ, русскихъ, эта новая черта въ погребальныхъ обрядахъ Ближняго Востока особенно близко интересуеть. Намъ она хорошо знакома. Гекатомбы людей и животныхъ поразили воображеніе Геродота, писавшаго о жизни и нравахъ скифовъ, и разсказъ Геродота подтвердили десятки пышныхъ гробницъ — кургановъ скифскихъ царей. Но на Ближнемъ Востокѣ ничего подобнаго не существовало въ болѣе позднія времена и внѣ южной Месопотаміи. Было ли это только эпизодомъ въ исторіи погребальныхъ обрядовъ Ура? Была ли династія Ура съ кровавымъ обрядомъ погребенія династіей пришельцевъ изъ иѣдръ Азіи? Кто знаетъ!

Гекатомбы людей и животныхъ въ древнихъ гробницахъ Ура разсказали намъ много о ихъ жизни. И покойники, въ честь которыхъ убивали людей и животныхъ, и эти люди и животные легли въ гробъ со всѣмъ, что они имѣли лучшаго. Благодаря имъ, намъ извѣстны высоты артистическихъ достиженій этой эпохи, а не средній уровень артистическаго ремесленнаго умѣнья. Качество этихъ достиженій поразило міръ. Та ко ѡ высоты, та ко ѡ силы реализма и мастерства стилизаціи мы не ожидали. Вѣкъ живи — вѣкъ учись! Вазы и лампы рафинированно изящныхъ формъ, поразительной красоты и чудныхъ очертаній оружіе, тончайшая работа по дереву: мозаика и интурсія, совершенные по формѣ музыкальные инструменты, фигуры животныхъ и людей въ пластикѣ, рельефѣ и мозаикѣ, полная жизни и уже становящіяся трафаретомъ сцены изъ жизни царей и, можетъ быть, боговъ, все это надѡ видѣть, чтобы понять ихъ интересъ и почувствовать ихъ прелесть. Кто не можетъ видѣть эти чудеса въ залахъ Британскаго Музея, Музея Университета въ Филадельфіи или Иракскаго Музея въ Багдадѣ или не имѣетъ возможности внимательно всмотрѣться въ находки де Сарзeka и Crog'a, сдѣланныя въ Лагашѣ, въ залахъ Лувра, тому остается только взять одну изъ многочисленныхъ новыхъ книгъ о Сумерѣ или перелистать первый томъ моей исторіи древ-

ности, чтобы получить блѣдное представленіе о томъ, что дали міру сумерійцы.

На протодинастической стадіи исторія Ура не остановилась. Съ первой династіей началась писаная традиція. Имена царей Ура намъ знакомы. Знакомы и ихъ дѣянія. Особенно пышенъ былъ расцвѣтъ въ эпоху третьей династии, когда Уръ былъ гегемономъ Сумера, преемникомъ родины Саргона — Аккада. Особенно близко знакомъ намъ Уръ-Намму, строитель зиггурата, стела котораго рассказываетъ и показываетъ намъ, какъ богъ Мѣсяць приказалъ царю взяться за постройку зиггурата, какъ онъ исполнилъ это порученіе и что еще онъ сдѣлалъ для родного города. А сдѣлалъ онъ много и слѣды его дѣятельности мы встрѣчаемъ въ Урѣ на каждомъ шагу.

Изъ его преемниковъ — самая реальная фигура это его сынъ Дунги. Не стану говорить о немъ подробно. Упомяну только, что въ послѣднюю раскопочную кампанію Woolley открылъ его гробницу и его погребальный храмъ. Подземный склепъ интересенъ, но особенно поучителенъ погребальный храмъ. Настоящій, типичный жилой домъ построилъ себѣ Дунги для своей жизни послѣ смерти. Въ домѣ этомъ жили его статуи. Этимъ статуямъ несли дары и пищу тѣ, кто жили послѣ него. Долго ли? Для исторіи «царскаго» культа, которую мы привыкли начинать съ Александра Великаго и связывать съ культомъ фараоновъ въ Египтѣ, открытія Woolley имѣютъ немалое значеніе. Мы уже знали, что Дунги почитался какъ богъ при жизни. Въ дополненіе къ текстамъ, Woolley открылъ мѣсто его культа, его прижизненный храмъ. Теперь это почитаніе при жизни дополнено новыми данными о культѣ царя послѣ смерти, культѣ прозаическомъ и материалистическомъ, но глубоко поучительномъ.

Великая третья династія Ура погибла подъ ударами горцевъ эламитовъ, разрушившихъ Уръ и положившихъ конецъ его гегемоніи. Послѣ ухода эламитовъ гегемонами Сумера были послѣдовательно сумерійскіе города Исинъ и Ларса. Цари Ларсы возстановили наиболѣе видные памятники Ура и много сдѣлали для него. Подъ ихъ скипетромъ Уръ опять процвѣлъ. Жизнь его въ это время намъ хорошо извѣстна, жизнь не царей или не только царей, но и простыхъ смертныхъ. Два квартала частныхъ домовъ раскопалъ Woolley и оба они относятся къ этой эпохѣ — концу второго тысячелѣтія.

Woolley — первый археологъ въ исторіи раскопокъ въ Месопотаміи, который позволилъ себѣ заняться раскопкой не только храмовъ и дворцовъ, но и частныхъ домовъ. Результаты получились блестящіе. Картина, которую даютъ раскопки Woolley, такова: кривыя узкія улицы-коридоры, съ домами по обѣ стороны, маленькіе храмики и алтари на перекресткахъ, крупные и комфортабельные дома съ большимъ дворомъ въ центрѣ, каждый съ ливаномъ — пріемной комнатою за дворомъ, съ рядомъ комнатъ вокругъ двора, съ верхнимъ этажомъ, окруженнымъ галлереей. Все это мало напоминаетъ обликъ любого современнаго месопотамскаго города, большого или маленькаго. Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь въ Урѣ мало чѣмъ различалась отъ жизни городовъ современныхъ столицъ Месопотаміи — Багдада, Кербелы, Мосула или жизни мелкихъ городовъ и деревень на Евфратѣ, какъ напр., нашихъ сосѣдей (пишу это въ Дурѣ на Евфратѣ, гдѣ веду раскопки) Абукемаль, Мейадинъ или Деиръ эсъ Зоръ. Любопытно, что таковы же были внѣшній обликъ и жизнь того города, который раскапывалъ я и о которомъ читатель не разъ слышалъ отъ меня — Дуры.

Имѣется, впрочемъ, и разница. Въ домахъ своихъ сумерійскіе ихъ владѣльцы жили не только при жизни, но и послѣ смерти. Каждый домъ въ древне-месопотамскихъ городахъ это въ то-же время кладбище. Надъ землею суетились живые, подъ землею покоились мертвые. Возможно, что этимъ отчасти объясняется величина месопотамскихъ городовъ и быстрый ростъ городской территоріи вверхъ. Большое количество покойниковъ подъ землею заставляло не разъ владѣльцевъ дома либо перекочевывать въ другой домъ, либо разрушать глинобитныя стѣны стараго дома, сравнивать ихъ съ землею и строить новый домъ на болѣе высокомъ уровнѣ, защищавшемъ живыхъ отъ «духа» мертвыхъ.

Какъ жили и чѣмъ занимались люди въ домахъ Ура времени царей Ларсы, объ этомъ мы знаемъ отъ нихъ самихъ. Во многихъ домахъ найдены домашніе архивы, клинописныя таблички. Въ школахъ круглыя таблички — тетради учениковъ, гдѣ на одной сторонѣ стоитъ урокъ учителя, а на оборотѣ отвѣтъ ученика. Тутъ все: много математики, теоретической и практической, грамота и грамматика, религія, т. е. священное писаніе, исторія и т. д. Въ частныхъ домахъ — переписка обитателей, изъ которой

мы узнаемъ ихъ имена и ихъ семейныя и дѣловыя отношенія, и ихъ дѣловыя архивы, контракты, договоры, расписки и т. д., и т. д. Когда все это будетъ издано, мы въ состояннн будемъ точно знать подробности жизни не одного изъ сосѣдей Авраама. А можетъ быть судьба дастъ намъ раскопать и домъ самого Авраама, изъ котораго онъ ушелъ съ кланомъ своимъ, со своими сосѣдами въ Палестину.

Въ повседневномъ обиходѣ жизнь мало мѣнялась въ Месопотамнн. Въ этомъ году мы раскопали домъ нѣкогого Александра Македонянина въ Дурѣ. Его гороскопы, которыми онъ ухѣялъ стѣны своей конторы (съ полками, шкапами для документовъ и т. д.), рассказали намъ, что родился онъ въ 218 г. по Р. Х., во времена Северовской династнн и жилъ, слѣдовательно, во времена труднаго и опаснаго третьяго столѣтнн, времена крови, грабежа и разрушеннн. Документы его конторы исчезли. Но онъ жалѣлъ бумагу и свой дѣловой дневникъ, записи ежедневныя, дѣловыя эфемериды велъ на бѣлыхъ стѣнахъ дома. Эти записи мы нашли въ томъ видѣ, въ какомъ владѣлецъ дома ихъ оставилъ, когда вынужденъ онъ былъ эвакуироваться изъ города и сдѣлаться бѣженцемъ. Читаешь эти записи и вспоминаешь таблички времени Авраама: не мѣняется жизнь, покупаютъ и продаютъ, продаютъ и покупаютъ, создаютъ компаннн для одного дѣла или многихъ, берутъ въ аренду землю и т. д., и т. д. И то-же дѣлаютъ потомки Александра въ Деиръ эсъ Зорѣ аппо Домнн 1931.

Но прошли мирныя времена царей Ларсы и опять настало время великихъ бѣдъ. Вавилонъ показался на горизонтѣ. Цари его строили великую вавилонскую державу, импернн Гамурраби. Съ импернн создалась и имперская культура: однообразная, штампованная, подражательная. Блестящне очаги сумеро-аккадскаго творчества растворчлись въ этой массѣ. Попытки противиться насильственному объединеннн подавлялись безпощадно. Пытался противиться и Урѣ. Его «возстаннн» повело къ жестокому разрушеннн города. Огнемъ и мечомъ подавлено было оно. Въ немъ погибли и тѣ кварталы, о которыхъ рѣчь шла выше. Въ связи съ нимъ стоитъ вѣроятно и выселенн Авраама.

Таковъ былъ конецъ Сумера и Аккада. Творческнн пе-

рiодъ исторiи нижняго Двурѣчья кончился. Осталась традицiя и стандартный укладъ жизни, мышленiя, искусства. Онѣ однако сдѣлался ферментомъ пышнаго развитiя другихъ культуръ: Митаннiйской, Халдской (около Вана въ Арменiи), Ассирийской, Арамейской, Финикiйской, Хеттской и черезъ нее Фригiйской, Лидiйской, Ликiйской. Не умерла культурная жизнь и въ Вавилонiи. Но трафарета вавилоняне никогда сломить не могли. Ни тогда, когда при касситахъ они были самостоятельны, ни тогда, когда они подчинились Ассирiи, ни въ эпоху пышнаго цоваго расцвѣта ихъ имперiи, въ эпоху нео-вавилонскихъ монарховъ, жадно возстанавливавшихъ старое величiе и оставившихъ намъ столько руинъ, прежде всего въ Вавилонѣ. Пойдите въ новый Берлинскiй музей и вы найдете тамъ типичный продуктъ ихъ реставраторскаго творчества: ворота Иштаръ и рельефы изъ эмалированныхъ кирпичей по обѣ стороны священной дороги, ведущей къ воротамъ. На мѣстѣ, въ самомъ Вавилонѣ, кромѣ хаоса стѣнъ, вы найдете то, что оставили тамъ нѣмецкiе раскопчики: часть тѣхъ же воротъ съ фантастическими животными на нихъ (изъ эмалированныхъ кирпичей), охраняющими входъ. Но не сумѣли эти демоны охранить нео-вавилонскаго царства отъ бѣды и паденiя. Подъ ударами персовъ палъ Вавилонъ, чтобы возстать изъ мертвыхъ толкъ теперь подъ именемъ Ирака.

Между этой эпохой послѣдняго расцвѣта и нашимъ временемъ прошло много лѣтъ. Всѣ они были для Месопотамiи годами чужого владычества, какъ и въ Египтѣ. Послѣ персовъ Александръ и македонскiе Селевкиды, послѣ нихъ парфяне, затѣмъ персы съ ихъ царями Сассанидской династiи, наконецъ арабы и турки. Всѣ они вобрали въ себя часть вавилонской культуры. Но эта частица растворилась въ той культурѣ, которую завоеватели принесли съ собою и создавали заново. Для пониманiя и этихъ культуръ археологiя сдѣлала много: раскапывается пышно созданiе Селевкидовъ — богатая Селевкия съ ея болѣе чѣмъ полумиллионнымъ населенiемъ, начали изслѣдовать парфянскую столицу Ктесифонъ съ ея романтической руиной — остатками дворца раннихъ Сассанидовъ, Гатра въ пустынѣ около Мосула и Самарра стоятъ еще свидѣтелями парфянскаго и ранне-арабскаго расцвѣта и ихъ руины измѣрены, сфотографированы и изданы. Ждутъ еще

своихъ изслѣдователей мечети священныхъ шіитскихъ городовъ Ирака: Кербелы, Неджефа, Куфы, Багдада.

Но все это уже другой міръ, о которомъ я говорить не собирался. Сумерь и Аккадъ въ его достиженіяхъ чувствуется, но живетъ онъ своей жизнью. Предметомъ этой статьи были Сумерь и Аккадъ и то новое, что рассказали намъ археологи о нихъ. О ихъ наслѣдникахъ можетъ быть поговорю отдѣльно.

М. Ростовцевъ.

Пути Россіи

ИМПЕРІЯ.

II.

Если имперскій народъ царелюбивъ и рабски преданъ своему государю, почему два вѣка народныя волненія сотрясаи Имперію? — Безпристрастный историческій анализъ народныхъ волненій эпохи Имперіи до конца подтверждаетъ вышесказанное. Что такое Пугачевское движеніе, охватившее пятую часть населенія Имперіи и потрясшее ее до основанія? — Русскій бунтъ, безмысленный и беспощадный, — говоритъ царскій исторіографъ А. С. Пушкинъ. Возстаніе народа противъ крѣпостной деспотіи, — думала свободолюбивая русская интеллигенція. На самомъ дѣлѣ, это было не такъ. Императрица Екатерина II, въ царствованіе которой развернулось Пугачевское движеніе, взошла на престолъ на штыкахъ гвардіи. Законный императоръ Петръ III былъ схваченъ ея сторонниками, силой вынужденъ подписать отреченіе и запертъ въ Ропшѣ. А затѣмъ былъ опубликованъ манифестъ о его смерти. Но въ народѣ шла молва, что императоръ не умеръ, а живъ и скоро «объявится». Въ 1773 году молва подтвердилась: на далекой окраинѣ имперіи, въ Яицкой степи, государь объявился. Знали ли ближайшіе сподвижники новоявленнаго государя, что онъ не подлинный, «обманный»? — Нѣсколько человѣкъ знали. «Это де не государь, — говорилъ яицкій казакъ Каравановъ казаку Зарубину, — а донской казакъ, и вмѣсто государя за насъ заступитъ, — да намъ де все равно, лишь бы быть въ добрѣ». «Хоша де ты и донской казакъ, — говорилъ Зарубинъ самому Пугачеву, — только де мы уже за государя тебя приняли, такъ тому де и быть». Но такихъ, «кои о злодѣѣ знали», было «человѣка три-четыре». Осталь-

*) См. «Совр. Записки» № № 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18, 22, 32, 48.

ные вѣрили, какъ въ Божью правду, что невѣдомый человекъ, сказывающій себя государемъ Петромъ Федоровичемъ, истинный, подлинный государь, «изъ неизвѣстности, по прежнему, на монаршій престолъ восходящій». Когда распространилась молва, что государь объявляется, въ народѣ «великое сомнѣнiе стало»: подлинно ли то, государь ли то Петръ III императоръ или злодѣй-самозванецъ? Одни называли проявившагося человека самозванцемъ, а другіе говорили, что онъ не самозванецъ, а, въ подлинну, государь Петръ Федоровичъ. «Мы, на степи находящіеся люди, — писали киргизы, — не знаемъ: сеѣ вѣдаящій — воръ ли, или рѣченный государь самъ?» «Какъ бы намъ, — говорили казаки въ отвѣтъ на уговоры атамана, что къ нимъ приближается самозванецъ, — вмѣсто Пугача не поднять рукъ на помазанника Божіа императора Петра III». «Какъ де мы, по нынѣшнему слыху, паче чаянiя, — шептались колеблющіеся, — ежели, дѣйствительно, узнаемъ и увидимъ, что истинно государь Петръ Федоровичъ, такъ противъ Его Величества вооружаться не будемъ... Намъ на помазанниковъ Божіихъ и нашихъ государей монарховъ рукъ поднять не можно... А какъ де окажется заподлинно какая-нибудь персона, назвавшіеся именемъ государя императора Петра фальшиво, ...то не только де тѣло его и съ его общниками истребимъ смертно, но и души ихъ... проклинать будемъ до вѣка и вручимъ ихъ страшному суду Божію». Потому, прежде чѣмъ склониться на чью-либо сторону, — государыни иль государя, — простые люди и казаки долго допытывались: подлинно ли то государь, почитавшійся умершимъ, или самозванецъ. Первымъ людямъ, — казакамъ, — которымъ государь открылся, онъ показывалъ на тѣлѣ «царскіе знаки» на груди, на лѣвой сторонѣ, два пятна, да на правой одно. На казаковъ знаки произвели сильное впечатлѣнiе, а казака Мясникова «такой страхъ обуялъ, что ноги и руки затряслись». Всѣ ли цари съ такимъ знакомъ родятся, — спрашивали казаки государя, — или это послѣ Божіимъ изволеніемъ дѣлается? — Не ваше это дѣло, мои други, — отвѣчалъ государь, — простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ. — Про свое прошлое государь рассказывалъ: По ненависти бояръ я лишень былъ царства. На меня вознегодовали государыня и бояре, оттого я и ушелъ. Вознегодовали же на меня бояре за то, что я началъ было поступать съ ними строго. Главная де причи-

на — вотъ чѣмъ я имъ былъ не любъ: многіе де изъ бояръ-то, молодые люди и середовичи..., годные бы еще служить, взявши себѣ чинъ, пойдутъ въ отставку, да и живутъ себѣ въ деревнѣ съ крестьянами, разоряютъ ихъ. . такъ я де сталъ таковыхъ принуждать въ службу и хотѣлъ де отнять у нихъ деревни, чтобъ они служили на одномъ жалованіи... Вотъ де за это они и стали надо мною копать яму и выдумали вотъ что на меня — будто бы я хотѣлъ церкви переобратить въ кирки, чего де у меня и въ мысляхъ не бывало; я де съ церковей велѣлъ кресты снять, тѣ, которые сдѣланы крыжемъ, такъ, какъ на киркахъ бываетъ, а вмѣсто ихъ поставить настоящіе кресты, такъ, какъ Божественное писаніе повелѣваетъ. А они, подъ тѣмъ то де видомъ, что будто я — беззаконникъ, свергли меня съ престола и, заарестовавъ въ Ранбовѣ, привезли въ Петербургъ, а оттуда заслали и самъ не знаю куда. Но, дай де Богъ здоровья караульному офицеру, онъ меня выпустилъ, и съ тѣхъ де поръ я странствовалъ — тому назадъ 13-ый годъ; и былъ въ Польшѣ, въ Цареградѣ, во Ерусалимѣ, и напы Римскаго и на Дону, и много въ это время потерпѣлъ я нужды, былъ и холоденъ, и голоденъ... Примѣчалъ, что вездѣ народъ разоренъ, и развѣдывалъ тайно обиды и отягощенія крестьянства отъ бояръ и заводчиковъ; и еще, было де, хотѣлъ три года о себѣ не дать знать, что живъ, но не могъ претерпѣть народнаго разоренія и тягостей и принужденъ себя объявить. — Чтобы узнать правду о государѣ, казаки и заводскіе крестьяне посылали къ нему лучшихъ людей, которымъ строго наказывали: провѣдать отъ людей знающихъ, подлинно ли онъ государь. Посланные, возвратясь, говорили, что онъ подлинно государь — при немъ есть такіе люди, которые въ гвардіи служили и его видѣли. При осадѣ Осы майоръ Скрипичинъ выслалъ изъ крѣпости отставнаго гвардейца для опознанія злодѣя, не государь ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Пугачевъ переодѣлся въ простое казачье платье, поставилъ въ рядъ казаковъ, челоуѣкъ съ двадцать, сталъ самъ между ними и приказалъ привести посланца изъ крѣпости. Посланецъ, осмотря порознь каждаго, оставилъ глаза на Пугачева. «Что старикъ? узналъ ли ты меня?» — спросилъ Пугачевъ. — «Богъ знаетъ, — отвѣчалъ тотъ, — какъ теперь признаешь! Въ то время былъ ты помоложе и безъ бороды, а теперь въ бородѣ и постарѣе»... И, посмотрѣвъ еще пристально: «Мнѣ де кажется, что Вы по-

ходите на государя». А, на другой день, придя снова изъ крѣпости и смотря на государя, закричалъ громогласно: «Теперь я узнаю, что Ты подлинно нашъ надежа-государь!» И только твердо укрѣлившись въ вѣрѣ, что передъ нимъ — истинный, подлинный, законный государь, шли къ нему имперскіе люди — казаки и крестьяне, заводскіе и помѣщичьи, и священники съ церковнымъ причтомъ, и даже офицеры-дворяне. Шли съ любовью и радостью, обливаясь слезами, съ хоругвами и крестами, и колокольнымъ звономъ. Шли не какъ бунтовщики и разбойники противъ освященной власти, а какъ вѣрнопопдаанные рабы, по прежней своей присягѣ, подъ скипетръ и корону законнаго государя преклонившіеся. «Симбирскаго и Пензенскаго уѣздовъ чернь вся заразою дышетъ, — писалъ въ своемъ репортѣ кн. Голицынъ, — утверждаясь по своей глупости и по обольщенію самозванца, что онъ — самый покойный государь». «Невѣроятно, съ какой ревностью собираются къ нему толпы», — доносилъ Потемкинъ. «Намъ, братцы, открывається свѣтъ, — говорили сами казаки, — сказывали, что императоръ Петръ Федоровичъ умеръ, а онъ живъ». Законному государю императору Петру Федоровичу, изъ потерянныхъ, по прежнему, на царство восходящему, и служили вставшіе за него люди. «Всѣ безъ изыятія почитали его прямо за истиннаго государя Петра III», — показывалъ на допросѣ любимецъ Пугачева и судья «Военной Коллегіи» казакъ Иванъ Твороговъ. «Всѣ его за настоящаго государя признавали, въ мысляхъ таковыхъ: какъ бы можно простому человѣку такимъ высокимъ именемъ называться», — показывали казаки братья Щучкины. «Служилъ самозванцу вѣрно, почитая его за истиннаго государя», — показывалъ казакъ Банновъ. А крѣпостной крестьянинъ Черновъ на «пристрастномъ» допросѣ «подъ жестокимъ мученіемъ во все продолжительное время упорствовалъ назвать Пугачева злодѣемъ, почитая его именемъ государя Петра III»; и только наконецъ, «не отъ угрызенія совѣсти, но отъ нестерпнннн мученія назвалъ его злодѣемъ». И не только простые крестьяне и казаки, но и офицеры-дворяне: «Признаюсь чистосердечно, — показывалъ майоръ Герасимовъ, — что я и самъ при семъ случаѣ поколебался было въ мысляхъ, думая, что Пугачевъ и въ самомъ дѣлѣ государь, какъ въ томъ утверждало меня сіе..., что вся чернь вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, прилѣплялась къ нему безъ сумнѣнія». «Не утаиваю предъ

всемиловѣйшей государыней моей, — показываль майоръ Салмановъ, — какъ передъ Богомъ, моихъ тогдашнихъ мыслей, что я не надѣялся никакой лжи быть, а думаль увидѣть государя». Государемъ Петромъ Федоровичемъ, всероссійскимъ «Третьимъ Императоромъ» и вошелъ въ народное сознаніе «государственный злодѣй и бунтовщикъ» Пугачевъ. Даже тогда, когда движеніе было подавлено и «возмущенная чернь уже возвращена была въ безмолвственное всеподданническое повиновеніе», многіе изъ народа вѣрили: государь не казнень, а живъ и, рано или поздно, снова объявится. Когда Пушкинъ, собирая матеріалы для «Исторіи Пугачевского бунта», спросилъ стараго казака въ селѣ Бердѣ: — А ну ка, дѣдушка, расскажи намъ, сдѣлай одолженіе, про Пугача, — старикъ отвѣтилъ: «Для кого Пугачъ, Ваша милость, а для меня царь-батюшка Петръ Федоровичъ». «Довѣріе, произведенное къ себѣ этимъ историческимъ злодѣемъ, — рассказываль Пушкинъ о своемъ путешествіи по Оренбургской губерніи, — до такой степени было сильно, что нѣкоторые самовидцы говорили ему лично съ полнымъ убѣжденіемъ, что Пугачевъ былъ не бродяга, а законный царь Петръ III и что онъ только напрасно потерпѣлъ наказаніе отъ злости и зависти людей». И еще въ 1852 году въ Новочеркасскѣ, рассказывая писателю Сологубу о посѣщеніи наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, одинъ казакъ прибавилъ: «Ужъ какъ мы были счастливы, какъ счастливы увидать его свѣтлыя очи, вѣдь съ тѣхъ поръ, что отцы видали царя Петра III, мы больше царей у себя не видали».

Почитая «отъ земли потеряннаго» и снова народомъ обрѣтеннаго государя за подлиннаго, истиннаго, имперскіе люди и служили ему такъ, какъ служили прежнимъ государямъ ихъ отцы и дѣды, и какъ подобаеъ служить вѣрноподаннымъ рабамъ ихъ отъ Бога данному государю: съ любовью и трепетомъ, вѣрою и правдою, по строгому имперскому православному чину. Когда въ селеніе приходила вѣсть, что государь приближается, старики и выборныя власти — старосты, сотскіе, десятскіе — люди степенные и пожиточные, готовили ему встрѣчу, какъ требовали царскіе указы, «съ пристойной церемоніей», какъ долгъ присяги повелѣваетъ: выходили со всѣмъ міромъ за околицу въ поле, со священниками и церковнымъ причтомъ въ облаченіи, съ крестами, иконами и хоругва-

ми. Звонили колокола, гремѣли салюты изъ ружей, преклонялись знамена — всё становились на колѣни и кланялись въ землю. Государь, подѣхавъ, прикладывался къ кресту и принималъ хлѣбъ и соль. Многіе со слезами цѣловали ему руки. Затѣмъ государь съ народомъ шли въ церковь. Тамъ служили молебенъ, поминали о здравіи государя Петра Федоровича, наследника цесаревича Павла Петровича и его благовѣрной супруги, и народъ приносилъ присягу, — давалъ клятвенное обѣщаніе «Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Императору»: «вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови». Такъ бывало всюду при всѣхъ встрѣчахъ и не только самого государя, но и его «генераловъ». «Сего декабря 25 числа, — доносили въ «Военную Коллегію» атаманъ Араповъ, — подъ городъ Самару подошелъ, изъ коего города всё жители, вышедъ ко мнѣ навстрѣчу, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, со святыми образами, съ моленіемъ встрѣтили... и всѣмъ соборомъ въ соборной церкви, по прочтеніи манифеста, молебное о здравіи Его Императорскаго Величества пѣніе произвели». «На походѣ злодѣя отъ Саратова къ Царицыну, — показывалъ на допросѣ майоръ Салмановъ, — не только что на самой дорогѣ, ...но и со стороны выходили попы съ мужиками на поклонъ съ хлѣбомъ и солью, становясь на колѣни, кланялись въ землю, просили, какъ у государя, покровительства». «Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Нашему Императору Петру Федоровичу» — доносилъ въ покорнѣйшемъ репортѣ «полковникъ» Бахтіаръ Канкеевъ. — Въ Казанскомъ уѣздѣ, всякаго рода люди, «всѣ въ службу готовы со всякой охотой, большіе и малые... встрѣчаютъ хлѣбомъ да солью, со слезами плачутъ, радуются, милостивѣйшему тебѣ Императору на много лѣтъ здравствовать всё отъ Бога желаютъ». Такъ встрѣчали своего обрѣтеннаго государя имперскіе люди и не только простые, но и купцы, и духовные. Въ городѣ Темниковѣ купечество встрѣтило «злодѣевъ» «со святыми образами, и священники со всѣмъ церковнымъ причтомъ, стоя на колѣняхъ, присягали». По донесенію Панина, гдѣ проходилъ Пугачевъ или его отряды, изъ духовнаго чина «не было почти ни одного человѣка, который бы не встрѣчалъ злодѣя со крестами и не дѣлалъ бы служенія съ произношеніемъ имени самозванца». «Удивительно мнѣ,

— доносилъ секундъ-майоръ Келлинъ кн. Щербатову, — что не токмо крестьяне, но и священническіе и монашескіе, и архимандритскіе чины дѣлають всему государству возмущенія, ...помяная его, измѣнника, злодѣйское и варварское имя въ службѣ Божіей, при литургіяхъ и молебнахъ». — Какъ въ Московскомъ царствѣ и при прежнихъ государяхъ, такъ было и при Третьемъ Императорѣ, «беззаконно лишенномъ престола» и вновь на отеческій престоль восходившемъ: имперскіе люди почитали его, какъ Божьяго намѣстника и помазанника, и преклонялись передъ нимъ, какъ передъ святыней.

Какъ сознавалъ себя самъ возставшій изъ мертвыхъ «Императоръ»? На чемъ строилъ свою власть — на Божьей волѣ и помазаніи или на волѣ народной? Пришелъ ли онъ разрушить законъ и порядокъ? Истребить православную вѣру? Дать волю черни? Правду ли говорила Екатерина, называя его въ своихъ обращеніяхъ къ народу «врагомъ Бога, церкви и отечества»? — Историческія показанія дають на это отвѣтъ ясный и не допускающій сомнѣнія. «Божьей милостью, Мы, Екатерина II», — писала въ своихъ манифестахъ императрица Екатерина Алексѣевна. «Божьей милостью, мы, Петръ III», — писалъ въ своихъ манифестахъ «императоръ» Петръ Федоровичъ. «Богъ и Я», — писала въ указахъ императрица. «Богъ и Я», — писалъ въ указахъ императоръ. «Отъ руки Божіей пріяли Мы всероссійскій престоль», — писала императрица. «Всемогущій Господь неизреченными своими праведными судьбами паки возвести насъ на всероссійскій престоль соизволяетъ и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, а завистниковъ общему покою подъ ноги наши повергаетъ», — писалъ императоръ. Императрица Екатерина II взошла на престоль «для обороны православнои вѣры», ибо: низвергнутый императоръ «не имѣлъ... въ сердцѣ своемъ слѣдовъ Вѣры Православной Греческой...», коснулся перво всего древнее православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персонаю Церковь Божію и моленіе...»; — и уже будучи на престолѣ, почиталась народомъ, какъ государыня благочестивая, «вѣры защитница, Церковь и Отечество матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая». Для обороны православнаго закона вступалъ на престоль и «императоръ Петръ III», ибо: «Отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ древняго святыхъ отцовъ преданія законъ хри-

стіанскій совѣтъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ злого вреднаго вымысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россіи другой законъ и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ, какъ въ крестѣ такъ и въ прочемъ, неистовства»; — и, шествуя «для принятія всероссійскаго престола въ царствующій градъ Москву», строгими указами защищаль церковь и вѣру. «Вамъ, вѣроподданнымъ Его Величества рабамъ, — писалъ въ указѣ «Самодержца Всероссійскаго» полковникъ Иванъ Твороговъ. — Всякаго званія люди — башкирцы или мещеряки, россійскимъ церквамъ Божиимъ... раззоренія бы никакого не оказывали. Да и отъ вѣры христіанскаго закона, кто будучи въ немъ, отъ того не отпадать. А кто противу сего учинить нарушеніе христіанской вѣры, таковыя примуть отъ Его Величества за нарушеніе законъ: тяжчайшія истязанія». «Нѣкоторые изъ христіанъ и новокрещенныхъ, — писалъ «главный предводитель войска» Иванъ Кузнецовъ, — по увѣщеванію мосульманъ восходили въ ихъ законъ, а церковнослужители, будучи въ семъ страхѣ, оставляли при церквахъ Богу возблагодареніе и въ моленіяхъ пѣніе. Я усмотрѣлъ сей развратъ... и тѣхъ же минутъ повелѣлъ безъ страха по христіанскому нашему закону оное вседневно служить и для здравія Его Императорскаго Величества... молебственное пѣніе чинить, а обратившихся къ невѣрію, по разсмотрѣнію винъ, штрафовать». «Что за прибыль быть православнымъ христіанамъ въ междуусобіи и браняхъ и проливать кровь неповинныхъ?.. — писалъ полковникъ главной арміи Иванъ Грязновъ. — Развѣ мы не сыны церкви Божіей? Опомнитесь други и братья о Бозѣ!» — Какъ для имперскихъ людей, такъ и для ихъ обрѣтеннаго императора: Божья воля и православная вѣра — основа власти и всего государственнаго строенія.

Такъ же строго охранялъ обрѣтенный императоръ и весь имперскій чинъ государственнаго властвованія и управленія. Самъ императоръ — «Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій» — «Самодержецъ Всероссійскій». Его военный совѣтъ — «Государственная Военная Коллегія»; приближенные и военачальники — сіятельные князья и графы: Зарубинъ — графъ Чернышевъ, Шигаевъ — графъ Воронцовъ, Овчинниковъ — графъ Панинъ. Его подданные — низайшіе, недостойные и вѣрные рабы. Вѣроподданные рабы служатъ своему Богу дан-

ному императору, какъ служили — и они, и предки ихъ, — прежнимъ природнымъ государямъ, — по присяжной рабской должности: головами своими и всей душою, не щадя силъ, до послѣдней капли крови. Милосердный императоръ награждаетъ своихъ вѣрноподанныхъ рабовъ за ихъ усердную и безпорочную службу своей монаршей милостью: чинами и жалованіемъ. Кто изъ подданныхъ, помня долгъ присяги и желая общаго покоя, признали своего государя и преклонились его власти, тѣ должны быть въ безропотномъ повиновеніи у его начальниковъ. должны блюсти законъ и порядокъ и не чинить напрасно никому притѣсненій и обидъ: «вѣрноподанные Его Величества не чинятъ обидъ никому, токмо измѣнникамъ»; за что они будутъ, какъ вѣрные и добрые рабы и истинные сыны отечества, защищены и охранены — жизнь ихъ и имущество. — въ силу государственныхъ законовъ, всей строгостью монаршаго правосудія. Кто изъ подданныхъ окажутся своимъ начальникамъ противны и будутъ чинить неповиннымъ людямъ налоги и притѣсненія, а, особенно, кто, забывъ долгъ присяги и не хотя быть послушными рабами, волѣ Его Императорскаго Величества не покорятся, тѣ, какъ злодѣи, возмутители и измѣнники государю и отечеству, будутъ подвергнуты жестокому наказанію безъ пощады — плетьюми и смертной казнию. Самодержавная воля императора, покорная служба ему его вѣрноподанныхъ рабовъ, безропотное повиновеніе его начальникамъ, законъ и порядокъ — устои императорскаго властвованія. «Какъ вы, мои вѣрные рабы, — писалъ въ своихъ указахъ «императоръ», — напредъ сего служили мнѣ и предкамъ моимъ, Великимъ Государямъ, Императорамъ Всероссійскимъ, вѣрно и неизмѣнно, такъ и нынѣ послужите мнѣ, законному своему Великому Государю Петру Федоровичу, до послѣдней капли крови... За что награждены и пожалованы мною будете... жалованіемъ и чинами... Ежели же кто, позабывъ свою должность къ природному своему государю..., дерзнетъ сего моего повелѣнія не исполнить..., тотъ увидитъ на себѣ праведный мой гнѣвъ, а потомъ и казнь жестокою». «Самодержавнаго Императора, Нашего Великаго Государя Петра Федоровича Всероссійскаго» — Яицкому войску: «Какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили до капли своей крови, дѣды и отцы ваши, такъ и вы послужите за свое отечество мнѣ, Великому Государю Императору Петру Федоровичу... И

я, Государь Петръ Федоровичъ, во всѣхъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ рѣкою съ вершинъ и до устья, и землею, и травами, и денежнымъ жалованіемъ, и свинцомъ, и порохомъ, и хлѣбнымъ провіантомъ». Башкирскому народу: «Точно вѣрите: въ началѣ Богъ, а потомъ на землѣ я самъ властительный вашъ Государь. И мнѣ служить будете, не щадя живота своего и души свои принося на жертву. И, если такъ будете послушными и къ сей моей службѣ преданность учините, то я... всѣмъ тѣмъ, что вы отъ единого Бога просите, равно пожалую, ибо всемилостивѣйшій Государь я». И еще --- командиру города Алатыря: «Поступать тебѣ для склонившагося народа въ силу законовъ, во всемъ неупустительно, не чиня никому обидъ, налогъ и притѣсненіевъ... Съ противниками же... поступать такъ, какъ съ дѣйствительными злодѣями, бунтовщикамъ и измѣнниками своему государю, по всей строгости нашего монаршаго правосудія». Такіе же приказанія отдавали и царскіе военачальники: «Кто вѣрноподаннымъ истиннымъ сынамъ отечества, — писалъ изъ Государственной Военной Коллегіи полковникъ Иванъ Твороговъ, — чинять какія грабительства, а наипаче вѣщія и нестерпимыя обиды, таковыя, яко преслушники Его Величества повелѣнія, безъ наказанія оставлены не будутъ». «Подтверждаю всѣмъ вѣрноподаннымъ, — писалъ главный предводитель войска Иванъ Кузнецовъ, — дабы при взятіи городовъ, преклонившихся къ полной власти Его Величества, отъ идущихъ армій никакого жителямъ притѣсненія, раззоренія, обидъ, налогъ и безповиннаго кровопролитія не чинили. А, если кто въ таковыхъ обращеніяхъ и противныхъ развратахъ сыщется, то не избѣгнетъ отъ полновластной Его Величества власти смертной казни». «Накрѣпко подтверждаю, — писалъ полковникъ Иванъ Бѣлобородовъ, — чтобы... воинскія команды содержать во всякой строгости и крайне наблюдать, чтобы были всѣ въ единодушномъ къ службѣ Е. И. В. усердіи. А, если кто .. оказываться будутъ въ самовольствахъ, озорничествахъ и непослушаніяхъ, за то таковыхъ упорственникововъ и противниковъ воли Е. И. В. наказывать безъ всякой пощады плетью». — Государственное властвованіе обрѣтеннаго народомъ Императора Петра III, — если не въ исполненіи, то въ заданіи, — точная копія государственнаго властвованія вѣнчанной на царство законной императрицы Екатерины II и всѣхъ прежнихъ природныхъ государей.

Если обрѣтенный народомъ Третій Императоръ, какъ всѣ прежніе природные государи — самодержавный владыка, а его подданные, какъ ихъ отцы и дѣды, — покорные и безгласные рабы, почему, какъ родного отца, ждали его всѣ простые и черные люди, почему, какъ восходящее красное солнце, встрѣчали его всѣ сырые и униженные? Почему во всей необъятной имперіи — не только въ мѣстностяхъ, гдѣ бушевало возстаніе, но и въ Москвѣ, и въ другихъ областяхъ — вся «подлость и чернь» была въ великомъ колебаніи и, если не вьявъ, то втайнѣ, сердцами своими преклонялась къ «злодѣю»? — Потому, что точный и природный императоръ, возставшій изъ мертвыхъ и своими ногами обошедшій всю землю, какъ подобаётъ христіанскому монарху, — государь сырыхъ и бѣдныхъ, а не богатыхъ и сильныхъ. И это естественно. Ибо сырые и бѣдные — крестьяне и работные люди — вѣрные и покорные слуги своему государю, защитники вѣры и отечества и хранители общаго покоя и благочинія. А богатые и сильные — бояре и дворяне — злодѣи и измѣнники: противятся волѣ Е. И. В., тиранятъ его вѣрноподданныхъ рабовъ и нарушаютъ общій покой и законъ. Уже давно вся Россія находится въ подданствѣ у дворянъ и компанейщиковъ и доведена ими до самой крайней гибели; а чернь, бѣдная, терпитъ отъ нихъ великія обиды и раззоренія. Дворяне обладаютъ крестьянами, но, хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобъ они крестьянъ своихъ содержали такъ же, какъ дѣтей, но они почитаютъ ихъ хуже псовъ, съ которыми гоняютъ за зайцами. Компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работой утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не было, да и нѣтъ. Отъ чего крестьяне пришли въ совершенное убожество и, отъ несносности человѣческой, бѣгутъ, куда глаза глядятъ, а слезы женъ и малолѣтнихъ дѣтей возносятся къ Господу. Государь, еще будучи на тронѣ, все это видѣлъ и зналъ и хотѣлъ крестьянъ, какъ израильтянъ, отъ ига работъ избавить, чтобы они больше не были у дворянъ во владѣннн, и учинить тѣмъ во всей Россіи вольность. За что былъ лишенъ дворянами всероссійскаго престола и вмѣненъ злоумышленно опубликованными указами въ мертвые. Нынѣ Императоръ возсталъ изъ мертвыхъ, своими ногами обошелъ всю русскую землю, видѣлъ горе крестьянъ и тиранство помѣщиковъ: приказываетъ: крестьянъ отъ неволи помѣщикамъ осво-

бодить, работныхъ людей отъ заводовъ отрѣшить и въ заводскія работы впредь не употреблять, всѣмъ чернымъ людямъ отъ рекрутскихъ наборовъ и отъ податей дать льготу, кому на семь лѣтъ, кому на десять, кому на вѣки, а дворянъ, которые волѣ Е. И. В. не покорились и не принесли повинной, какъ противниковъ царской власти и возмутителей имперіи, и раззорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать. Вотъ почему, какъ родного отца, ждуть его всѣ простые и черные люди, вотъ почему, какъ восходящее красное солнце, которое озарить и согрѣеть ихъ, встрѣчаютъ его всѣ сирые и униженные; вотъ почему всѣ крестьяне, приписные и помѣщичьи, какъ одинъ человекъ, раззоряютъ дома дворянъ и компанейщиковъ, отнимаютъ у нихъ пожитки, ловятъ своихъ господъ и везутъ ихъ на смертную казнь. Ибо они крѣпко вѣрятъ: когда противники власти и злодѣи — помѣщики и заводчики — будутъ истреблены, тогда всѣ восчувствуютъ тишину и спокойную жизнь, коя будетъ продолжаться до вѣка. Только, раззоряя дворянъ и заводчиковъ и отнимая у нихъ пожитки и предавая своихъ господъ лютой и поносной смерти, крестьяне и работные люди и въ мысляхъ не имѣютъ, что они поступаютъ, какъ своевольники, или какъ насильники. Вѣрноподанные Е. И. В. — не злодѣи и не грабители. Если работные люди запечатываютъ заводы и уходятъ съ работъ, то дѣлаютъ это не самовольно, а въ силу Е. И. В. указовъ, коими имъ повелѣно вѣхать съ заводовъ въ ихъ отечества, а они тѣмъ указамъ послушны. Если крестьяне раззоряютъ дома помѣщиковъ и отбираютъ у нихъ пожитки, то берутъ ихъ не на себя, а въ казну Е. И. В., какъ имъ приказано, и при этомъ спрашиваютъ Великаго Государя, какъ имъ съ тѣми пожитками поступить и «на какомъ быть основаніи». «Нынѣ у насъ въ вотчинѣ, — пишутъ крестьяне государю, — имѣется господскій хлѣбъ, лошади и скоть. И что Вы, Государь, объ ономъ изволите приказать?» И не повелѣно ли будетъ изъ господскаго хлѣба выдать бѣднымъ и раззореннымъ на пропитаніе и обѣщаніе? Если крѣпостные ловятъ своихъ господъ и везутъ ихъ на казнь, то дѣлаютъ это потому, что въ царскихъ указахъ сказано: «Ежели кто помѣщика убьетъ до смерти и домъ его раззорить, тому дано будетъ жалованье сто рублей, а кто десять домовъ раззорить, тому тысяча рублей и чинъ генеральскій»; а потому опасаются: если царскихъ указовъ не исполнять и гос-

подъ на висѣлицахъ не оставлять, не получать свободы, а останутся у помѣщиковъ въ неволѣ. Все, что крестьяне дѣлаютъ, они дѣлаютъ чинно, по закону, прилагая всѣ старанія, чтобы точно исполнить свою присяжную должность и чтобы поступать такъ, какъ подобаетъ поступать вѣрнымъ и во всемъ непремѣннымъ, нижайшимъ и вѣрноподаннымъ рабамъ. Ибо, если государь и освободилъ крестьянъ, то освободилъ ихъ только отъ повиновенія помѣщикамъ. И, если пожаловалъ имъ вольность, то только — отъ помѣщичьей крѣпости. А отъ повиновенія себѣ государь крестьянъ не освободилъ. И отъ крѣпости собственной священной особѣ вольности не давалъ. Прежде крестьяне были помѣщичьи — теперь стали казенные — государевы. Прежде были въ подданствѣ у своихъ господъ — теперь будутъ вѣрноподанными рабами собственной императорской короны. Такъ, какъ сказано въ царскомъ манифестѣ: «Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ, находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподанными рабами собственной нашей коронѣ». Но ничего другого крестьяне и не желаютъ. Никакой иной воли и въ мысляхъ не имѣютъ. Радуются, какъ свѣтлому празднику, освобожденію отъ помѣщичьей неволи. А передъ государемъ, какъ передъ Богомъ, — всѣ люди — рабы и крѣпостные. — Такова идеологія Пугачевскихъ воровъ и злодѣевъ — вѣрноподанныхъ рабовъ Государя Императора Петра Феодоровича то же. Она, какъ двѣ капли воды, походитъ на идеологію московскихъ бунташныхъ людей: за православную вѣру и великаго государя стоять, а большихъ и сильныхъ людей — бояръ и дворянъ — выводить. Въ ней нѣтъ ни проблеска западнаго сознанія. Она ничего не знаетъ ни о волѣ народа, ни о правахъ человѣка. Она знаетъ только волю Божию и священную персону монарха. Она вся устремлена не впередъ и не на Западъ, а назадъ и на Востокъ. Священное царство, по строгому православному чину, съ самодержавнымъ императоромъ — Божиимъ помазанныкомъ и намѣстникомъ; съ царскими начальниками — сиятельными князьями и графами, служащими не съ крестьянъ, а на жалованіи; и черными людьми — вѣрноподанными рабами собственной императорской короны — вотъ за что кладутъ свои головы имперскіе бунтовщики и мтежники.

Таковъ подлинный ликъ великаго имперскаго народнаго движенія — Пугачевского. Для императорской власти это былъ бунтъ злой и безсмысленной черни — «въ невѣжествѣ, пьянствѣ и глуности погруженныхъ подлыхъ людей». Для интеллигентскаго «ордена», это было народное революціонное возстаніе. Но не такъ это было въ глазахъ самого народа. Въ глазахъ народа это было двоецарствіе. Была матушка-царица Екатерина Алексѣевна; и былъ батюшка-царь Петръ Федоровичъ. И цари встали другъ на друга. Потому раздѣлился и народъ. Одни стояли за матушку-царицу, ибо искренно вѣрили, что она — единая истинная, Богомъ избранная и вѣнчанная на царство. Другіе стояли за батюшку-царя, ибо крѣпко вѣрили, что только онъ точный природный государь, незаконно лишенный престола дворянами и царицей. Одни присягали матушкѣ-царицѣ и потому, блюдя присягу, стояли и умирали «за вѣру, государыню и отечество». Другіе присягали батюшкѣ-царю, и потому отдавали свои души и головы «за вѣру, государя и отечество», «а хотя за государыню и другую присягу принимали, то не съ чистосердечнаго своего желанія, но по принужденію». Тѣ, кто стояли за матушку-царицу, почитали вѣрноподанныхъ рибовъ «Государя Императора» — ворами и злодѣями. Тѣ, кто стояли за батюшку-царя, почитали вѣрнѣйшихъ слугъ Государыни Императрицы — бунтовщиками и измѣнниками. «Его Величество, нашъ батюшко, нашего злодѣя, возмутителя, бунтовщика и вора Голицына разбилъ», — доносилъ «полковнику» Бахтіару Канкееву «бекетный» Яковъ Ивановъ. Матушка-царица издавала манифесты, въ которыхъ объясняла свою правду и обманъ злодѣя и обѣщала народу милость и попеченіе. Батюшка-царь тоже издавалъ манифесты, въ которыхъ объяснялъ свои права на царство и обѣщаль народу мирную и счастливую жизнь. И сторонники царя говорили, что «его манифесты правѣе». Только не потому преклонялся народъ къ батюшкѣ-царю, что онъ издавалъ правильные манифесты, а потому призналъ въ немъ законнаго государя, что видѣлъ его заботы и жалость къ народу: природный, законный государь — всегда народный печальникъ и заступникъ. Два царя, двѣ присяги — народная трагедія вѣрности и покорности власти, но не бунтъ, не возстаніе на власть. Побѣдила матушка-царица. Вѣрноподанные слуги Государя Императора были пытаны, вѣшаны за ребра и четверто-

ваны. Наступили покой, тишина и порядокъ. И все пошло по старому. Но могло произойти и иначе: могъ побѣдить батюшка-царь, какъ побѣдилъ за полтора столѣтїя передъ тѣмъ Государь и Великій Князь Димитрій Ивановичъ — онъ же Григорій Отрепьевъ. Только, и въ этомъ случаѣ, врядъ ли многое бы измѣнилось или, если бы и измѣнилось, то не надолго. Прежде чѣмъ родиться въ жизни, но вое рождается въ сознаниіи народа. Но ничто новое въ сознаниіи имперскаго народа въ дни Пугачевского движенія не родилось. Сознаніе возставшихъ и подавлявшихъ возстаніе было тождественно. Это было старое восточное сознаніе, на которомъ стояла Москва и еще два столѣтїя простояла Имперія.

Такой же характеръ носило и другое открытое народное движеніе эпохи Имперіи — выступленіе гвардейскихъ полковъ на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Для императорской власти это была «неистовующая крамола, злоумышлявшая на ниспроверженіе вѣры православной и престола». Для интеллигентскаго ордена — начало революціоннаго освободительнаго движенія. Но не такъ это было въ глазахъ народа. Историческій ходъ событій былъ таковъ. Императоръ Александръ I былъ бездѣтенъ и еще задолго до смерти думалъ объ отреченіи отъ престола. Законный наслѣдникъ, братъ Александра I — Константинъ Павловичъ былъ женатъ морганатическимъ бракомъ и, помимо этого, самъ отъ наслѣдованія престола отказался. По закону наслѣдовать престолъ долженъ былъ слѣдующій братъ Николай Павловичъ. Александръ I предупредилъ его объ этомъ и въ такомъ духѣ составилъ завѣщательный манифестъ, который въ запечатанномъ пакетѣ положилъ на храненіе въ алтарь Успенскаго собора, а въ коліяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ и Синодѣ, съ приказаніемъ: въ случаѣ смерти вскрыть, «прежде всякаго другаго дѣйствія». Однако, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о кончинѣ Александра I, Николай Павловичъ, въ нарушеніе воли покойнаго и въ отсутствіи брата, который былъ Главнокомандующимъ Польской арміи и жилъ въ Варшавѣ, провозгласилъ Константина Павловича императоромъ и привелъ къ присягѣ ему войска и правительственныя учрежденія. Что руководило при этомъ Николаемъ Павловичемъ? — Самъ онъ объяснялъ свое поведеніе такъ: необходимо было одновременно съ объявленіемъ о смерти императора провозгласить восшед-

шимъ на престоль его преемника: «имперія ни на мгнове-
ніе не можетъ остаться безъ монарха». Законнымъ наслѣд-
никомъ престола былъ Константинъ Павловичъ — пото-
му онъ ему первымъ и присягнулъ. О содержаніи мани-
феста онъ не зналъ, но если бы и зналъ, поступилъ бы
такъ же: «Манифестъ не былъ опубликованъ при жизни
государя, — писалъ онъ впоследствии, — а Константинъ
Павловичъ былъ въ отсутствіи, потому, во всякомъ слу-
чаѣ, долгъ мой и всей Россіи было присягнуть законному
государю». Таково объясненіе Николая Павловича. Но есть
другое объясненіе, болѣе вѣроятное. Гвардія не любила
Николая Павловича и предпочитала видѣть на престолѣ
его брата — Константина. Когда пришло извѣстіе о бол-
ѣзни Александра I, Николай Павловичъ созвалъ на совѣ-
щаніе петербургскаго генераль-губернатора графа Мило-
радовича и командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ ге-
нерала Войнова: какъ поступить въ случаѣ кончины импе-
ратора. Милорадовичъ заявилъ рѣшительно: надо испол-
нить государственный законъ и безъ промедленія присяг-
нуть закономъ указанному наслѣднику — Константину. Въ
частныхъ разговорахъ онъ выражался болѣе рѣшительно.
Около 10 декабря, — рассказываетъ въ своихъ воспомы-
наніяхъ принцъ Евгений Вюртембергскій, — «я встрѣтилъ
въ приемной у императрицы графа Милорадовича. Онъ
шелпнулъ мнѣ таинственно: — Боюсь за успѣхъ дѣла: гвар-
дія очень привержена къ Константину. — О какомъ успѣ-
хѣ говорите вы? — Возразилъ я удивленно. — Я ожидаю
естественнаго перехода престолонаслѣдія къ великому
князю Николаю, коль скоро Константинъ будетъ настаи-
вать на своемъ отреченіи. Гвардія тутъ не при чемъ. —
Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ графъ, — ей бы не слѣ-
довало тутъ вмѣшиваться, но она испоконъ вѣку привык-
ла къ тому и сроднилась съ такими понятіями. И еще бо-
лѣе рѣшительно въ разговорѣ съ кн. Шаховскимъ:

М и л о р а д о в и ч ъ. «Государь передалъ наслѣдіе вел.
кн. Николаю Павловичу., но народу, войску и должност-
нымъ лицамъ это было неизвѣстно. Я первый не зналъ
этого. Могъ ли я допустить, чтобы произнесена была ка-
кая-нибудь присяга, кромѣ той, которая слѣдовала? Мой
первый долгъ былъ требовать этого, и я почитаю себя
счастливымъ, что вел. князь тотчасъ же на это согласился».

К н. Ш а х о в с к о й. «Я бы на Вашемъ мѣстѣ прочелъ
сперва волю покойнаго императора».

Милорадовичъ. «Извините, корона для насъ священна, и мы прежде всего должны исполнить свой долгъ. Прочестъ бумаги всегда успѣемъ, а присяга въ вѣрности нужнѣе прежде всего. Такъ рѣшилъ и вел. князь». И, ударивъ себя по карману: «У кого 60 тысячъ штыковъ въ карманѣ, тотъ можетъ смѣло говорить».

Когда Николай Павловичъ провозглашалъ императоромъ Константина, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ думалъ не о законѣ и не о Россіи, а о гвардіи.

Но каковы бы ни были мотивы, которыми руководился Николай Павловичъ, 27 ноября 1825 года Россійскимъ императоромъ былъ провозглашенъ Константинъ. Петербургъ, а за нимъ вся Россія, присягнули ему — спокойно и охотно. Отъ имени императора Константина стали издаваться указы правительственныхъ учреждений. Его имя появилось на монетахъ и денежныхъ знакахъ. На Невскомъ Проспектѣ въ магазинахъ были выставлены его портреты съ надписью: «Константинъ I, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій». Формально шло царствованіе Императора Константина. Но не такъ это было на дѣлѣ. На самомъ дѣлѣ, Константинъ Павловичъ царствовать рѣшительно отказывался. Когда въ Варшаву пришло извѣстіе о смерти Александра I, онъ немедленно написалъ письма матери и брату, въ которыхъ категорически подтверждалъ свое отреченіе отъ престола. Сообщение о томъ, что онъ провозглашенъ императоромъ, привело его въ гнѣвъ. Онъ отіправилъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта Лопухину рѣзкое письмо, въ которомъ заявлялъ, что считаетъ совершенный актъ незаконнымъ и требуетъ исполненія воли покойнаго. На просьбу брата и матери пріѣхать въ Петербургъ, если не для принятія престола, то для публичнаго отреченія отъ него, онъ отвѣтилъ отказомъ и угрозой: «если все не устроится сообразно волѣ покойнаго императора», удалиться еще дальше — за границу. Всѣ попытки убѣдить его помочь выйти изъ труднаго положенія кончались ничѣмъ. Но на эти попытки уходило время. Сношенія между Петербургомъ и Варшавой поддерживались курьерами. Каждая поѣздка требовала три-четыре дня. Такъ проходили дни и недѣли. Фактически создалось настоящее междуцарствіе. Провозглашенный императоръ царствовать отказался. Тотъ, кто былъ предназначенъ царствовать, не рѣшался провозгласить себя императоромъ, опасаясь противодѣйствія гвардіи. И, въ самомъ

дѣлѣ, какъ было заставить гвардію присягать новому императору, когда она только что присягнула другому? Или, какъ это выразилъ вел. кн. Михаилъ въ разговорѣ съ Николаемъ Павловичемъ: «Какъ тутъ растолковать каждому въ народѣ и въ войскѣ эти домашнія сдѣлки и почему сдѣлалось такъ, а не иначе?» И, гѣмъ не менѣе, длить междуцарствіе было невозможно. Волненіе, все болѣе охватывавшее высшіе правительственные круги, распространялось дальше. Гдѣ императоръ? Почему онъ не возвращается въ свою столицу и не беретъ въ руки управленія царствомъ? Гдѣ вел. кн. Михаилъ, поѣхавшій къ императору на свиданіе? Живы ли они? На свободѣ ли? Необходимо было на что-нибудь рѣшиться. Настаивать далѣе на соглашеніи Константина было бесполезно. Это понимали и его сторонники. «Я надѣялся на него, — говорилъ Милорадовичъ, — а онъ губить Россію». Оставалось провозгласить императоромъ Николая. На это въ концѣ и рѣшились. На 13 декабря было назначено засѣданіе Государственнаго Совѣта, гдѣ Николай долженъ былъ прочесть манифестъ о своемъ восшествіи на престолъ. На 14 декабря была назначена присяга гвардейскихъ полковъ. Николай готовилъ ся къ этому дню, какъ къ смертному часу. На этотъ же день назначили свое выступленіе гвардейскіе офицеры — заговорщики, вошедшіе въ исторію подъ именемъ «декабристовъ».

Кто были декабристы? — Замкнутое тайное общество гвардейскихъ, флотскихъ и армейскихъ офицеровъ, поставившее своей цѣлью захватить власть, чтобы установить въ Россіи свободный государственный строй, и насчитывавшее въ лучшіе свои годы сотню-двѣ членовъ. Всѣ они были дворяне и помѣщики, — слѣдовательно, рабовладѣльцы — всѣ принадлежали къ верхушкѣ имперскаго общества. Разница между ними и остальной верхушкой одна: западная цивилизація, къ началу 19 вѣка только внѣшние облекающая верхи русскаго общества, проникла имъ въ души. Они подлинно горѣли идеями западнаго просвѣщенія: права, личности и свободы. Они искренно ненавидѣли окружающее ихъ: рабство, насиліе и произволъ. Они восторгались республиками древности — Греціи и Рима — и современными демократіями — Франціи и Америки. Они мечтали, какъ о золотомъ вѣкѣ, о томъ времени, когда и въ Россіи воняется вольность и народодержавіе. И готовы были отдать жизнь за свою мечту. «Мы умремъ!

— говорилъ Одоевскій на совѣщаніяхъ у Рылѣва наканунѣ возстанія. — Ахъ, какъ славно мы умремъ». И, тѣмъ не менѣе, эти энтузіасты народодержавія и пламенные народолюбцы были такъ же далеки отъ народа, какъ все то общество, къ которому они принадлежали. Или вѣрнѣе: они были еще дальше отъ народа, чѣмъ окружавшее ихъ общество, ибо болѣе, чѣмъ оно, были проникнуты западнымъ просвѣщеніемъ, народу чуждымъ и недоступнымъ. Они готовы были отдать свои жизни за права и вольности народа, но думали достичь ихъ не черезъ народъ — не при его содѣйствіи. Напротивъ, участіе народа въ завоєваніи власти казалось многимъ изъ нихъ ненужнымъ и даже опаснымъ. Всѣ ужасы французской революціи произошли отъ того, что въ дѣло вмѣшалась «чернь». Переворотъ долженъ произвести не народъ, а армія и флотъ — или, еще лучше, одна гвардія. Солдаты послушно пойдутъ за своими командирами. Народъ будетъ призванъ къ участію въ государственномъ управленіи — выборамъ въ учредительное собраніе — «великій соборъ народныхъ представителей», — тогда, когда власть уже будетъ завоєвана. «Наша революція будетъ подобна революціи испанской: — говорилъ подпор. Бестужевъ-Рюминъ, — она не будетъ стоить ни одной капли крови, ибо произведетъ ся одной арміей, безъ участія народа». Подполк. С. Муравьеву казалось «не только бесполезнымъ, но даже опаснымъ открывать солдатамъ что-либо, клонящееся къ цѣли общества». Солдаты отнюдь не въ состояніи понять выгодъ переворота: «республиканское правленіе, равенство сословій и избраніе чиновниковъ будутъ для нихъ загадкой сфинкса». «Вы дѣлаете много чести нашимъ солдатамъ, — говорилъ онъ Горбачевскому, — простой народъ добръ, онъ никогда не разсуждаетъ и потому онъ долженъ быть орудіемъ для достиженія цѣли». «Полк. Тизенгаузенъ, — рассказываетъ Горбачевскій, — всегда говорилъ, что для него довольно будетъ, если онъ, выстроивши полкъ, выкативши нѣсколько бочекъ вина, выдавши нѣсколько денегъ, вызвавши пѣсенниковъ впередъ, крикнетъ: ребята, за мной! — чтобы полкъ двинулся и дѣйствовалъ въ смыслѣ его». Подп. Фроловъ прибавлялъ: «Что онъ прикажетъ дать нѣсколько кусковъ сала въ кашницу, и солдаты пойдутъ за нимъ». А подп. Енгальцовъ, въ отвѣтъ на объясненія Горбачевского, что солдатамъ объявили о замышляемомъ переворотѣ, «затѣмъ чтобы имъ знать,

за что они будутъ сражаться, и поэтому быть совершенно убѣждену въ ихъ содѣйствіи», — возразилъ: «Этого никогда не должно дѣлать: я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погналъ палкой». «Общественное устройство въ Россіи еще и до сихъ поръ таково, — писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ вождей заговора кн. Трубецкой, — что военная сила одна безъ содѣйствія народа можетъ не только располагать престоломъ, но измѣнить образъ правленія; достаточно заговора нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, чтобы возобновить явленія, подобныя тѣмъ, которыя возвели на престолъ большую часть царствовавшихъ въ прошедшемъ вѣкѣ особъ». Такіе взгляды на участіе народа въ переворотѣ опредѣлили и методы дѣйствія членовъ тайнаго общества по подготовкѣ возстанія. Заговорщики дѣятельно вели пропаганду среди офицеровъ, старались завербовать ихъ въ свои ряды, употребляли большія усилія, чтобы привлечь на свою сторону хотя бы нѣсколько высшихъ командировъ, но они рѣдко спускались въ солдатскіе низы. Ихъ сношенія съ солдатами ограничивались тѣмъ, что каждыѣ членъ общества старался заслужить довѣріе и любовь своей части, въ увѣренности, что въ такомъ случаѣ она пойдетъ за нимъ; потому обучали солдатъ грамотѣ, заботились объ ихъ пищѣ и одеждѣ и старались смягчить обращеніе съ ними и наказанія. Только одна небольшая провинціальная группа — «Общество соединенныхъ славянъ» — шла въ сношеніяхъ съ солдатами дальше: вела среди нихъ пропаганду на почвѣ тяжести службы и обѣщала перемѣну въ случаѣ переворота, — «убавятъ имъ лѣта ихъ службы, прибавится жалованіе, уменьшится строгость, черезъ которую теперь они такъ мучимы бываютъ». «За довѣренность своихъ офицеровъ, — разсказываетъ Горбачевскій, — солдаты платили скромностью и вѣрностью, слушали... славянъ со вниманіемъ, любопытствомъ, хотя и не безъ удивленія; нѣкоторые изъ нихъ даже клялись слѣдовать всюду за добрыми, какъ они говорили, офицерами. И, если нужно, умереть вмѣстѣ съ ними. Какое-то темное желаніе измѣнить существующій порядокъ вещей волновало ихъ умъ и сердце; настоящее положеніе было имъ тягостно; они хотѣли перемѣны, но какой? — Они въ томъ не могли себѣ... дать яснаго отчета». Въ общемъ, между офицерами, — членами тайнаго общества — и подчиненными имъ солдатами была такая же про-

пасть, какъ между всѣмъ верхомъ и низомъ имперскаго общества. Заговорщики готовили государственный переворотъ, собирались ввести въ Россіи новый свободный, быть можетъ, даже республиканскій строй. Но ни народъ, ни армія не слышали объ этомъ и намека.

Такъ продолжалось до смерти Александра I. Провозглашеніе императоромъ Константина и наступившее вслѣдъ за этимъ междуцарствіе въ корнѣ измѣнили положеніе. Въ народѣ шли толки: императоръ не думаетъ отречься отъ престола, — его хотятъ къ этому принудить. Интригу ведетъ вел. кн. Николай. Императоръ арестованъ и сидитъ въ цѣпяхъ. Новая присяга Николаю, при жизни государя, незаконна. Всѣ свѣдѣнія, доходившія до членовъ общества, говорили: гвардія стоитъ за Константина и на новую присягу пойдетъ неохотно. Въ средѣ заговорщиковъ тотчасъ родилась мысль: нельзя ли воспользоваться симъ случаемъ для испрошенія отечеству нашему свободы? Русскихъ солдатъ трудно поднять на бунтъ — на беззаконіе. Но за законъ солдаты встанутъ грудью. Еще труднѣе поднять солдатъ на царя. Но за царя солдаты умрутъ съ радостью. «Чѣмъ можно двинуть русскаго солдата, какъ не вѣрою, какъ не привязанностью къ царю?» — говорилъ А. Бестужевъ. «Ежели взять большую книгу съ золотой печатью и написать на ней крупно Законъ и ежели пронести сію книгу по полкамъ, то все сдѣлать можно, чего бы не захотѣли», — говорилъ другой заговорщикъ. Надо укрѣпить солдатъ въ ихъ приверженности къ царствующему императору и нелюбви къ Николаю Павловичу. Надо увѣрить ихъ, что государь не думаетъ объ отреченіи, и что его хотятъ принудить къ этому обманомъ или силой. Надо настаивать на вѣрности данной присягѣ и на незаконности новой. Тогда солдаты пойдутъ за членами общества съ вѣрой и охотой, ибо пойдутъ за родное и понятное имъ — престолъ и присягу. Раньше стратегія заговора основывалась на слѣпомъ подчиненіи солдатъ своимъ командирамъ, въ лучшемъ случаѣ, на любви и довѣріи къ нимъ. Теперь представляется случай поднять солдатъ во имя ясной и доступной ихъ сознанію цѣли. Какъ этимъ случаемъ не воспользоваться? Такъ родилась новая стратегія заговора, вся построенная на «случаѣ». Планъ возстанія былъ составленъ такъ: когда гвардію будутъ приводить къ присягѣ, всѣмъ членамъ общества говорить по полкамъ, что солдатъ обманыва-

ютъ, и что присяга незаконна. Государя принудили къ отреченію отъ престола, — его отказъ по письму недостаточенъ. Пусть онъ издастъ манифестъ о своемъ отреченіи, а лучше всего пусть пріѣдетъ самъ. Если солдаты присягать откажутся, вести ихъ на Сенатскую площадь. Тамъ требовать прибытія государя. Солдатамъ говорить, что есть завѣщаніе покойнаго императора, по которому имъ должны убавить срокъ службы. Надо требовать исполненія сего завѣщанія, но просто на одно обѣщаніе положиться нельзя, а надо сдѣлать крѣпко. Потому не надо расходиться. Если государь пріѣдетъ, покориться обсто-
 ятельствамъ. Если не пріѣдетъ, итти къ Сенату и требовать отъ него изданія манифеста, коимъ бы всенародно было объявлено: что государь отъ престола отрекся; что для рѣшенія вопроса о томъ, кому дальше царствовать, назначается общее собраніе депутатовъ отъ всѣхъ губерній — по примѣру прежнихъ всеобщихъ соборовъ; что всѣмъ сословіямъ даются равныя права, а солдатамъ убавляется срокъ службы; и что для управленія государствомъ до рѣшенія депутатскаго собранія назначается временное правленіе изъ двухъ или трехъ извѣстнѣйшихъ особъ Государственнаго Совѣта. Дальнѣйшія дѣйствія развернуть по обстоятельствамъ. Таковъ планъ возстанія, выработанный заговорщиками въ дни междуцарствія — весь рассчитанный на соблюденіи вида законности и цѣликомъ приспособленный къ «случаю». «Исполненіе намѣреній нашихъ касательно предложенія государю императору о собраніи всеобщаго собора — показывалъ на слѣдствіи пор. кн. Оболенскій, — основано было единственно на томъ предположеніи, что полки откажутся отъ присяги нынѣшнему императору». «Планъ дѣйствій, — рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Трубецкой, — былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными императору, которому присягнули». «Насъ здѣсь 60 членовъ, — писалъ накануне возстанія И. И. Пущинъ С. М. Семенову. - - Мы увѣрены въ 1000 солдатахъ, коимъ внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна соблюдаться. Случай удобенъ». Присяга назначена была на 14 декабря — на этотъ же день назначено было и выступленіе. Заговорщики готовились къ нему такъ же, какъ Николай — какъ къ смертному часу. «Предвижу, что не будетъ успѣха, — говорилъ на собраніи заговорщиковъ Рылѣевъ, — но потрясеніе необ

ходимо... Необходимо пробудить Россію.., и мы своей неудачей научимъ другихъ... Можетъ быть, мечты наши сбудутся, но нѣтъ, вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе, что мы погибнемъ».

14 декабря присяга по полкамъ началась съ утра. Въ Московскомъ полку полковой командиръ, прежде чѣмъ приводитъ солдатъ къ присягѣ, собралъ къ себѣ офицеровъ, прочелъ имъ манифестъ Александра I и разъяснилъ обстоятельства, касающіяся восшествія на престолъ Николая Павловича. Офицеры должны были дать соответствующія разъясненія солдатамъ. Воспользовавшись этимъ, ротные командиры М. Бестужевъ и кн. Щепинъ-Ростовскій, вмѣстѣ съ непринадлежавшимъ къ полку членомъ общества штабсъ-кап. Ал. Бестужевымъ (Марлинскимъ), стали ходить по ротамъ и произносить солдатамъ рѣчи въ обратномъ смыслѣ: что Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола, что онъ задержанъ по дорогѣ въ Петербургъ и сидитъ въ оковахъ такъ же, какъ его братъ Михаилъ Павловичъ, и что долгъ солдатъ — сохранить вѣрность первой присягѣ. «Я пріѣхалъ извѣстить васъ, — говорилъ шт.-кап. А. Бестужевъ, — что васъ обманываютъ. Я — адъютантъ Константина Павловича и присланъ отъ него васъ предупредить. Вспомните, ребята, что 20 дней, не болѣе, какъ присягали вы государю Константину Павловичу, цѣловали крестъ. Вы христіане, знаете Бога и не должны присягать другому государю, тогда какъ государь вашъ живъ». «Ребята, — говорилъ кн. Щепинъ, — мы присягали государю императору Константину Павловичу, крестъ и Евангеліе цѣловали, а теперь будемъ присягать Николаю Павловичу... Ребята, все обманъ; насъ заставляютъ присягать насильно; Государь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола, а въ цѣпяхъ находится». Рѣчи произвели на солдатъ сильное впечатлѣніе. «Не хотимъ Николая, — кричали солдаты, — да здравствуетъ императоръ Константинъ! Ему мы присягали и только его мы признаемъ нашимъ императоромъ». Загорюшки вывели часть полка изъ казармъ и съ развернутыми знаменами пошли на назначенный сборный пунктъ — Сенатскую площадь. На площади никого не было. Московцы построились въ каре и стали ждать. Такъ прошло два часа. Къ полудню подошли еще два полка — Лейбъ-гвардіи гренадерскій и гвардейскій морской экипажъ. — Въ гренадерскомъ полку присяга прошла благополучно.

Подпоручикъ Кожевниковъ крикнулъ было объ обманъ и о присягѣ, данной Константину, но не былъ никѣмъ поддержанъ и тотчасъ былъ арестованъ. Полкъ присягнулъ и былъ распущенъ по казармамъ. Но въ это время въ казармы прибылъ членъ общества корнетъ кн. Одоевскій, присланный московцами за поддержкой. Тогда ротный командиръ Сутгофъ, не говоря солдатамъ, въ чемъ дѣло, вывелъ свою роту изъ казармъ и повелъ прямо на площадь на соединеніе съ московцами. А остальную часть полка увлекъ за собою горячими рѣчами поручикъ Пановъ. «Пановъ, — показывали на слѣдствіи солдаты, — командовалъ ими, приказывалъ кричать: Ура, Константинъ! Колебавшихся и утраченныхъ обнадеживалъ, что скоро будетъ самъ Константинъ съ войсками, истребитъ гвардейскій корпусъ за непостоянство, а они за вѣрность и преданность ему будутъ вознаграждены». По дорогѣ на площадь гренадеровъ, шедшихъ въ безпорядкѣ, встрѣтилъ императоръ. «Подѣхавъ къ нимъ, — рассказываетъ въ своихъ запискахъ Николай Павловичъ, — ничего не подозрѣвая, я хотѣлъ остановить людей и выстроить; но на мое — стой! отвѣчали мнѣ: мы — за Константина! Я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ: когда такъ — то вотъ вамъ дорога. И вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска, и присоединилась безъ препятствія къ своимъ одинако заблужденнымъ товарищамъ». Иначе прошло дѣло въ морскомъ экипажѣ. Въ экипажѣ еще наканунѣ возстанія членъ общества лейтенантъ Арбузовъ говорилъ фельдфебелю своей части: «Завтра утромъ будетъ присяга государю Николаю Павловичу, и куда же мы дѣнемъ другого царя? А потому иди въ роту и объяви тамъ, чтобы держаться, какъ возможно, первой присяги, а завтрашняя будетъ обманъ... Скажи людямъ, что за четыре станціи за Нарвой стоитъ первая армія и польскій корпусъ; если мы дадимъ присягу Николаю Павловичу, то они придутъ и всѣхъ насъ передавать». Другому унтеръ-офицеру онъ говорилъ: «Что должествующая учиниться присяга будетъ ложная, что, будучи христіанской вѣры, давъ клятву, по долгу оной, не должны измѣнять ей; что государь нашъ живъ и... лучше знаетъ, что это обманъ, и что имъ же — нижнимъ чинамъ — будетъ хуже». Такимъ образомъ нижніе чины къ отказу отъ присяги были уже подготовлены. А офицеры, въ большинствѣ, знали о заговорѣ и ему сочувствовали. Потому,

когда экипажъ стали приводить къ присягѣ, и офицеры, и матросы отъ принесенія ея дружно отказались. «Мы не видимъ отреченія императора, — заявилъ при общемъ сочувствіи лейт. Вишневскій, — и потому считаемъ своимъ долгомъ сохранить присягу Константину». Когда послышались первые выстрѣлы съ Сенатской площади, экипажъ выступилъ и присоединился къ москвчанамъ и гренадерамъ. — Въ остальныхъ полкахъ присяга прошла благополучно. Въ однихъ солдаты повѣрили объясненіямъ своихъ командировъ или присягнули безъ разсужденій. Въ другихъ сомнѣнія разсѣялъ вел. кн. Михаилъ, съ утра вернувшійся въ столицу. Когда Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Московскій полкъ, оставшіеся въ казармахъ роты встрѣтили его громкимъ ура. «Какъ же намъ сказали, что Ваше Высочество въ оковахъ?» — кричали солдаты. Михаилъ Павловичъ привелъ ихъ къ присягѣ, построилъ и повелъ къ государю. Другіе полки также, по мѣрѣ присяги, выводились изъ казармъ и стягивались къ Сенатской площади. Планъ дѣйствія Николая Павловича былъ таковъ: вывести всѣ войска изъ казармъ, чтобы не имѣть въ тылу возможнаго непріятели; окружить Сенатскую площадь со всѣхъ сторонъ и этимъ отрѣзать возставшимъ пути отступленія; принудить мятежниковъ къ сдачѣ, по возможности, безъ кровопролитія. Осторожно, но твердо Николай Павловичъ приводилъ планъ въ исполненіе. Полки, одинъ за другимъ, подходили къ площади и занимали указанныя имъ мѣста. Только двѣ роты Финляндскаго полка, не успѣвшія присягнуть и находившіяся подъ командой члена общества поручика Розена, остановились на Исакіевскомъ мосту и отказались итти дальше: «Мы не присягали; худого ничего не дѣлаемъ, по своимъ стрѣлять не будемъ», — отвѣчали солдаты на команду: «впередъ». Къ часу дня планъ окруженія былъ выполненъ. Середину площади занимало возставшихъ. Стороны и выходы — правительственныя войска. Военныхъ дѣйствій никакихъ не происходило. Возставшіе отъ времени до времени стрѣляли изъ ружей, но стрѣляли въ воздухъ или безъ прицѣла, — потому урона противнику почти не наносили. Правительственная кавалерія дважды ходила въ атаку, но безуспѣшно, ибо, — по выраженію очевидца, — атака очень походила на «атакообразную демонстрацію». Среди возставшихъ то и дѣло раздавались крики: «Ура, Константинъ!» На что близстоящія правительства

ная войска отвѣчали: «Ура, Николай!» Многие изъ присутствующихъ рѣшительно не понимали, что происходитъ. Стоящіе на бульварѣ передъ адмиралтействомъ зрители долго думали, что происходящее на площади — «смотреть». Въ самый разгаръ мятежа ген. Головинъ обратился съ вопросомъ къ принцу Евгению: «Да что же такое происходитъ? Да какого мы ожидаемъ непріятеля?» А ген. Бистромъ, командовавший всей гвардейской пѣхотой сказалъ принцу: «Будь я проклятъ, если знаю, о чемъ идетъ споръ» Николай Павловичъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, избѣжать кровопролитія и потому съ рѣшительными дѣйствіями медлилъ. На указанія окружающихъ, что нужна карточка, онъ отвѣчалъ: «Вы хотите, чтобы я пролилъ кровь моихъ подданныхъ въ первый день моего царствованія?» Потому долгое время правительственныя дѣйствія ограничивались попытками мирнаго увѣщеванія возставшихъ. Еще въ самомъ началѣ событій гр. Милорадовичъ подѣхалъ къ цѣпи стрѣлковъ Московскаго полка и пытался говорить съ солдатами. Солдаты слушали молча. Тогда выскочилъ Кюхельбеккеръ и сталъ кричать: «Что вы хотите сдѣлать? Не вѣрьте его словамъ, знайте, что онъ въ качествѣ петербургскаго ген.-губернатора главный виновникъ того, что Константинъ содержится подъ стражей. Убейте его! Наградите его за то, что онъ не хочетъ признать вашего законнаго императора». Пор. Каховскій прицѣлился и выстрѣлилъ. Гр. Милорадовичъ зашатался, смертельно раненый. Позже къ мятежникамъ вышелъ съ крестомъ митрополитъ Серафимъ. Солдаты встрѣтили его почтительно, но, на его увѣщеванія, — какъ рассказываетъ сопровождавшій его дьяконъ Ивановъ, — стали кричать: «Нѣтъ, Константинъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда... Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Не вѣримъ вамъ, подите прочь». Такъ же неудачно окончилась попытка вел. кн. Михаила. «Подѣхавъ къ рядамъ морского экипажа, — рассказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — великій князь привѣтствовалъ ихъ обыкновеннымъ начальничьимъ тономъ, и изъ толпы мятежниковъ раздалось дружное: — Здравія желаемъ, Ваше Императорское Высочество! — Что съ вами дѣлается, и что вы это задумали? — спросилъ онъ. И люди стали объяснять, что двѣ недѣли тому назадъ имъ объявили вдругъ о смерти госу-

даря Александра Павловича, когда никто изъ нихъ не слыхалъ еще и про его болѣзнь; потомъ заставили присягнуть государю Константину Павловичу, и они это исполнили безропотно; а, наконецъ, теперь, увѣряя, будто Константинъ Павловичъ не захотѣлъ ихъ присяги и отказался царствовать, заставляють ихъ присягать другому государю.

— Можемъ ли же мы, Ваше Высочество, взять это на душу, когда тотъ государь, которому мы присягнули, еще живъ, и мы его не видимъ. Если ужъ присягой играть, такъ что же послѣ того останется святого?» И, на увѣрненія великаго князя, что Константинъ Павловичъ точно по доброй волѣ отрекся отъ престола, отвѣчали:

— Мы готовы вѣрить Вашему Высочеству, да пусть Константинъ Павловичъ самъ придетъ подтвердить намъ свое отреченіе, а то мы не знаемъ даже, и гдѣ онъ».

Споръ между сторонниками двухъ императоровъ рѣшили пушки. Когда стало смеркаться, Николай Павловичъ пришелъ къ заключенію, что тянуть дольше стояніе на площади невозможно. Окружающіе настойчиво твердили ему, что надо спасать имперію. Николай Павловичъ отдалъ приказъ стрѣлять. Но тотчасъ велѣлъ отставить. Вторично командовалъ стрѣльбу и вторично отставилъ. Когда въ третій разъ раздалась команда, выстрѣла не послѣдовало. «Свой, Ваше благородіе», — сказалъ въ полголоса фейерверкеръ офицеру. Офицеръ самъ приложилъ запаль. Картель ударилъ въ середину каре и произвела большое опустошеніе. Слѣдующіе выстрѣлы уже добивали бѣгущихъ. Было убито 70 - 80 человекъ, ранено значительно больше. Кровь на площади быстро замыли. Трупы спустили въ проруби на Невѣ. Къ вечеру въ столицѣ все было спокойно.

Таковъ подлинный характеръ и второго открытаго выступления имперскаго народа — возстанія гвардейскихъ полковъ на Сенатской площади въ декабрѣ 1825 года. Въ немъ не было и тѣни протеста противъ власти. Оно и не помышляло о правахъ и вольностяхъ народа. Гвардейскіе полки встали за царя и законъ. Они защищали святость трона и присяги. Правъ былъ Николай Павловичъ, когда говорилъ, что причина выступления войсковой массы — въ «избыткѣ вѣрноподданничества». Какъ вѣрноподданническая защита законной власти, вошло движеніе и въ сознаніе народа. Когда, на другой день послѣ возстанія,

ген.-ад. Бенкендорфъ заговорилъ о событіи — въ толпѣ на улицѣ — съ однимъ купцомъ, котораго зналъ, какъ чело-
вѣка скромнаго и тихаго, тотъ отвѣчалъ со смущеніемъ,
что и самъ не знаетъ, какъ ему смотрѣть на него: «вчера
вы дрались и сегодня, кажется, снова хотите начать бой;
вы присягнули Николаю Павловичу и преслѣдовали сол-
датовъ, оставшихся вѣрными нашему государю; что жъ намъ
обо всемъ этомъ думать, и что съ нами будетъ!» Распро-
страняясь дальше, слухи о возстаніи приняли обычную
счасть: Константинъ Павловичъ, какъ подобаетъ закон-
ному государю, — защитникъ народа; его свергли съ пре-
стола и поставили государемъ Николая Павловича измѣн-
ники — дворяне. Потому полки и отказались ему прися-
гать. Когда Константинъ Павловичъ снова воцарится, кре-
стьяне будутъ освобождены отъ крѣпости помѣщикамъ.
Согласно народнымъ слухамъ, событія, связанныя съ гвар-
дейскимъ возстаніемъ, происходили такъ: когда Сенатъ
«назначилъ» Константина Павловича государемъ, то онъ
заявилъ: «я теперь хочу невольниковъ освободить всѣхъ».
То ему сказали сенаторы: «Воля Ваша, Вы можете по во-
лѣ своей невольниковъ избавить». — «Такъ дозвольте под-
писаться». И, какъ сенаторы подписались, то Константинъ
Павловичъ сказалъ: «Я вамъ положу двойное жалованіе».
То сенаторы поняли, насчетъ какихъ невольниковъ ска-
зано, и, по уѣздѣ Константина Павловича въ Варшаву, из-
брали Николая Павловича и возвели его на престолъ. И
стали пригонять къ присягѣ ему. То и сдѣлалось отъ Мо-
сковскаго гвардейскаго полка отъ двухъ ротъ въ непо-
корности и присягѣ бунтъ, и къ нимъ присовокупились
гвардейской артиллеріи солдаты и офицеры и придвор-
наго Экипажа команда, а къ нимъ множество всякаго званія
людей.. И усилившагося бунту уговаривалъ Николай
Павловичъ и, не могли уговорить, приказалъ палить изъ
пушекъ. И побили народу очень много, и валили въ рѣку
ночью. — Такъ передавала народная молва о прошедшемъ.
А о будущемъ народные слухи предсказывали (въ 1826 г.):
«едва ли не отберутъ на весну всѣхъ крестьянъ отъ господъ».
Константинъ Павловичъ, «видя.. неустроенное въ Россіи
варварское на всѣ россійскія простонародіи самовластное
и тяжкое притѣсненіе, вознамѣривается, сколько будетъ
возможно, поуничтожить оное»; онъ придетъ со стотысяч-
нымъ войскомъ, отчего «по открытіи весны и наступленіи лѣта
ожидаетъ народъ большихъ пе-

ремѣнь». Съ его приходомъ въ Россіи «совсѣмъ будетъ новое, а не это». Господа того опасаются и хотятъ его убить. Въ Польшѣ за Константиномъ «ходятъ пять генераловъ, чтобы его извести». Они уже проникли къ нему и «изранили крѣпко, отчего сдѣлался боленъ и едва ли будетъ живъ». «Если помретъ, то великое смятеніе будетъ. . А, когда живъ будетъ, то сдѣлаетъ все по своему». Теперь же «не государь царствуетъ, а большіе господа». — Правительство преслѣдовало безъ пощады «нелѣпые» и «безумные» слухи.

И. Бунаковъ.

Къ пониманію современной культуры

(Проблема универсальнаго языка).

Каждая сфера человѣческой дѣятельности имѣетъ собственное строеніе и собственную проблематику; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждый данный историческій моментъ она воспроизводитъ общее строеніе его культуры и причастна къ его проблематикѣ. Поэтому изученіе одной какой-нибудь сферы дѣятельности въ данный моментъ историческаго развитія содѣйствуетъ разумѣнію этого момента въ цѣломъ, его структуры и его проблематики. Изъ чисто методологическихъ соображеній я беру, въ качествѣ такой примѣрной сферы, сферу языка.

Трудно подыскать другую сферу, на которой въ бѣльшей, или хотя-бы въ такой же степени, оправдывалась бы формула Поля Валери: нашъ міръ есть «конченный міръ» — *un monde fini* (см. его *Regards sur le monde actuel*). Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ исторически сложившіяся національности и ихъ языки, образованные люди трудятся надъ двойной задачей: возвести каждый національный языкъ на степень классическаго, образцоваго, языка и сдѣлать его общимъ языкомъ. Долгое время національные языки были въ пренебреженіи у людей, пользовавшихся ими; считались «простонародными», «подлыми» языками, которые надлежало облагородить, перестраивая ихъ по типу «умершихъ», классическихъ языковъ; лишь постепенно, сперва итальянскій, затѣмъ французскій, за ними другіе языки (позже всѣхъ русскій) эмансипировались отъ чужого вліянія, стали опираться на собственную традицію, сообразовываться съ собственными законами. Классическимъ языкомъ для французовъ является французскій литературный языкъ, для русскихъ русскій лите-

ратурный языкъ и т. д. Это значитъ, что національные литературные языки стали такими же, въ извѣстномъ смыслѣ, «мертвыми», т. е. законченными, завершенными языками, какъ древ.-греч., латинскій, церк.-славянскій *). Прилагая къ нынѣшнимъ языкамъ это опредѣленіе, надо оговориться, что рѣчь идетъ не о словарѣ, а единственно о строеніи языка, о грамматикѣ. Словарь обновляется постоянно, въ силу необходимости — до изобрѣтенія аэроплановъ и грамофоновъ не было словъ аэропланъ и грамофонъ. Но русская грамматика — въ широкомъ смыслѣ этого термина, включая въ него и порядокъ словъ (въ иныхъ языкахъ къ порядку словъ собственно сводится почти нацѣло грамматика), — не мѣняется со времени Пушкина. Французская грамматика, сложившаяся гораздо раньше русской, испытала въ послѣднее время нѣкоторыя измѣненія, была вынуждена пойти на уступки общей тенденціи къ упрощенію языковой структуры. Однако, уступки эти столь ничтожны (отказъ отъ *imparfait de subjonctif*, тяжелаго, уродливаго, отмираніе такъ назыв. *passé simple*), что ихъ можно не принимать въ расчетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ литературные языки все болѣе и болѣе становятся общими языками. Во время французской революціи еще приходилось переводить декреты революціонныхъ Палатъ на мѣстные «*parloirs*»; въ настоящее время діалекты отмираютъ, вытѣсняются обще-національными языками. Лингвисты, правда, различаютъ понятія общаго и литературнаго языка — мы говоримъ не такъ, какъ пишемъ, все-же, разстояніе между нынѣшнимъ общимъ русскимъ языкомъ и литературнымъ сейчасъ неизмѣримо меньшее нежели при Екатеринѣ II и даже при Александрѣ I — насколько можно судить по матеріаламъ, отражающимъ интимный, бытовой, близкій къ разговорному, языкъ образованныхъ людей конца XVIII и начала XIX в.

Но образованіе «классическихъ» національныхъ языковъ не было окончательнымъ разрѣшеніемъ проблемы «классическаго языка». Въ этой проблемѣ есть еще одна сторона. Съ тѣхъ поръ какъ люди вообще пользуются членораздѣльной рѣчью, ихъ сознаніе, въ той или иной формѣ, занято вопросомъ объ «идеальномъ» языкѣ. Богъ

*) Строго говоря, старо-болгарскій. Но для русскихъ онъ былъ прежде всего языкомъ церкви, церковно-славянскимъ, въ отличіе отъ родного, который считался просто славянскимъ.

научилъ Адама «истиннымъ» именамъ животныхъ и растений. Египетскій Царь посадилъ новорожденнаго младенца въ одиночное заключеніе, чтобы узнать, на какомъ языкѣ онъ будетъ говорить. Этотъ опытъ повторилъ Фридрихъ II Гогенштауфенъ. Утопійцы Томаса Мора владѣли языкомъ, который наилучшимъ образомъ замѣнялъ всѣ остальные. Но только въ наше время были изобрѣтены «искусственные», универсальные языки — волапюкъ, эсперанто, ido. Отто Йесперсенъ, гениальный лингвистъ, считаетъ послѣдній изъ нынѣ существующихъ искусственныхъ языковъ наиболее цѣлесообразнымъ. Самъ Йесперсенъ работаетъ надъ усовершенствованемъ такого универсальнаго языка. Принципы и критеріи для разрѣшенія этой проблемы должны быть, согласно Йесперсену, извлечены изъ изслѣдованія развитія исторически сложившихся языковъ. Йесперсенъ стоитъ на точкѣ зрѣнія прогресса въ жизни языковъ. Прогрессивными явленіями въ развитіи всякаго языка надо считать всѣ тѣ, благодаря которымъ языкъ достигаетъ наибольшей простоты, логичности своего строенія, удобопонятности, наиболее удовлетворяетъ принципу экономіи умственной энергіи. По латыни можно сказать *Petrus amat Paulum* и *Paulum amat Petrus*, по французски только *Pierre aime Paul*, потому что *Paul aime Pierre* будетъ значить *Paulus amat Petrum* или *Petrum amat Paulus*. Иными словами: двумъ совершенно однозначущимъ — съ формально-логической точки зрѣнія — латинскимъ фразамъ соответствуетъ только одна французская. Утрата падежныхъ окончаній во французскомъ языкѣ была, такимъ образомъ, прогрессивнымъ явленіемъ: языкъ выигралъ въ простотѣ структуры по сравненію съ тѣмъ языкомъ, который былъ для него, однако, «классическимъ». Безразлично при этомъ, какъ, подъ влияніемъ какихъ факторовъ, протекалъ этотъ прогрессъ языка. Падежныя окончанія исчезли въ романскихъ языкахъ, въ болгарскомъ, въ англійскомъ (въ послѣднемъ также и глагольныя) вслѣдствіе того, что соответствующіе народы въ старину не могли справиться со сложной грамматической системой своихъ «классическихъ» языковъ — латинскаго и славянскаго. Прогрессъ языка можетъ, стало быть, оказаться результатомъ укорененія «ошибокъ» — отъ этого дѣло не мѣняется. Но прогрессирующее развитіе историческихъ языковъ имѣетъ свои границы. Возведеніе ихъ на степень литературныхъ языковъ задерживаетъ, если не

останавливаетъ совѣтъ, ихъ развитіе. Нынѣшніе «мертвые», т. е. наши собственные, языки полны нелѣпостей неискоренимыхъ, неистребимыхъ. Почему р у ч е й «мужского» рода, о з е р о и м о р е «средняго», а р ѣ к а «женскаго»? Никакихъ ассоціацій, которыя бы оправдывали распределение этихъ словъ по «родамъ» — если это подлинно «роды», мы съ ними не связываемъ. Историческое объясненіе, возводящее эти, для насъ нелѣпныя, явленія къ первобытному анимизму, стоитъ немногаго: «роды» слова нерѣдко мѣняются — какъ и почему, это иной разъ можно прослѣдить. Издревле (см. Слово о полку Игоревѣ) и до конца XVIII в. говорили у ж и н а, а не у ж и н ѣ. Свой «поль» это слово перемѣнило, очевидно, равняясь по з а в т р а к у и о б ѣ д у. Тогда же произошло обратное превращеніе со словомъ в з я т о к ѣ, но только процессъ превращенія протекалъ сложнѣе. С в з я т к о м ѣ связанъ тотъ, кто взятки беретъ — в з я т о ч н и к ѣ. Слово это находится въ компаніи съ б у л о ч н и к ѣ, б у д о ч н и к ѣ, л о д о ч н и к ѣ. Отсюда и превращеніе в з я т к а въ в з я т к у — вслѣдствіе равенія по булкѣ, будкѣ и лодкѣ. Здѣсь дѣйствовала аналогія по звукамъ словъ и ничего болѣе. Какъ категорія «рода», такъ и категорія «падежа» постепенно обезсмысливается. Почему, напр., когда мы вспоминаемъ о м и н у в ш е й н о ч и, желаемъ кому-либо д о б р о й н o ч и, общаемъ быть дома к ѣ н o ч и, довольствуемся однимъ словомъ, а когда замѣняемъ ночь д н е м ѣ, намъ требуются, въ тѣхъ же самыхъ сочетаніяхъ, уже цѣлыхъ т р и слова: д н ѣ, д н я, д н ю? Есть, въ каждомъ языкѣ, совершенно непонятныя странности. Иногда только путемъ своего рода эксперимента ихъ можно замѣтить, — до такой степени мы съ ними свыкаемся. Въ одномъ разсказѣ Бабеля есть: «этотъ гражданинъ — чистое золото..., но только Великая Криница слишкомъ грубо съ нимъ о б р а т и л а с ѣ». Вотъ примѣръ такого эксперимента. Это — рѣчь подобразованнаго челоуѣка. О б р а т и л а с ѣ — логически правильно, потому что говорятъ же: слишкомъ грубо о б р а щ а е т с я. Но это неправильно, потому что въ прошедшемъ времени этотъ глаголъ въ этомъ значеніи въ общемъ языкѣ не употребляется. Почему? Неизвѣстно.

Было бы величайшимъ бѣдствіемъ, если бы люди вздумали исправлять свой національные языки теперь, когда они уже стали классическими. Нѣмцы перестали бы пони-

мать Фауста и мы — Войну и Миръ и Евгенія Онѣгина.

Но можно, осознавши, въ чемъ состоитъ прогрессъ всякаго языка вообще, выяснивъ, какого совершенства каждый языкъ могъ бы достигнуть, если-бы его развитіе не было заторможено классической литературой, построить идеальную по простотѣ и логичности грамматическую систему, изобрѣсти словарь, въ которомъ соотношенія между «тѣлами» словъ были бы въ строжайшемъ соответствии съ соотношеніями смысловъ, можно создать искусственный языкъ, который явился-бы самымъ цѣлесообразнымъ орудіемъ не общенія конкретныхъ личностей между собою, но обмѣна абстрактными, «чистыми», общими и ничьими, мыслями.

Оговорка, заключающаяся въ послѣднихъ словахъ, устраняетъ главный доводъ противниковъ универсальнаго языка, считающихъ самую идею его ложной, мнимой, основанной на непониманіи того, что такое, по существу своему, языкъ. Всякій, разсуждаютъ они, «идеальный», универсальный языкъ — механизмъ; историческіе же языки организмы, *individua*. Многочисленные и многовидныя нелѣпости, несообразности, противорѣчія въ каждомъ языкѣ, въ его структурѣ и въ его словарѣ составляютъ его особую прелесть, его индивидуальную цѣнность, какъ неправильности чертъ cadaго, самаго прекраснаго, чело-вѣческаго лица. Болѣе того, — они обуславливаютъ собою особую, специфическую выразительность cadaго языка. Не-русскій не въ состояніи справиться съ русскими «видами» — «совершеннымъ», «несовершеннымъ», «многократнымъ»; но эти виды соотвѣтствуютъ особой интуиціи времени, которой иначе передать нельзя. Самые звуки словъ имѣютъ значеніе, которое можно только почувствовать, но котораго рационально объяснить нельзя; между звуками и смыслами есть тайная связь и звукоподражаніе въ выработкѣ словарей отдѣльныхъ языковъ играетъ немаловажную роль. Лютеръ перевелъ обращеніе Арх. Гавріила къ двѣмъ Маріи — *gratia plena* словомъ *Liebe*. *Liebe Maria!* Это, разсуждаетъ онъ, звучитъ теплѣе, интимнѣе, душевнѣе, нежели *Maria, gratia plena*. Ни на какомъ другомъ языкѣ нѣтъ столь нѣжнаго, столь любвеобильнаго слова. Надо въ него вслушаться, чтобы понять это...

Споръ между сторонниками и противниками универсальнаго языка основанъ, слѣдовательно, на недоразумѣ-

ни. Вопросъ обычно ставится такъ: или универсальный, механическій языкъ, или живые, органическіе. Для социолога эта дилемма просто не существуетъ. Работа надъ механическими языками еще не вышла изъ стадій лабораторныхъ экспериментовъ и сектантскихъ упражненій и развлеченій; но для насъ показательны уроки повседневной жизни. Въ зачаточномъ состояніи универсальные языки уже давно вошли въ общій оборотъ, по крайней мѣрѣ однимъ изъ своихъ элементовъ, именно словарнымъ. Недавно, въ «Посл. Новостяхъ» была напечатана статья М. Осоргина о порчѣ русскаго языка. Статья очень остроумна, но свидѣтельствуетъ какъ разъ о томъ недоразумѣніи, которое я имѣю въ виду. Авторъ приводитъ множество примѣровъ, показывающихъ, по его мнѣнію, какъ «философы» испортили русскій языкъ, наводнивъ его иностранными словами. Протестуя противъ подозрѣнія въ симпатіяхъ къ Шишкову, авторъ, однако, дѣлаетъ едва ли не то-же самое, что и Шишковъ, приводя тѣ русскія слова, какими можно замѣнить введенныя «философами» иностранныя. Правда, онъ не сочиняетъ новыхъ русскихъ словъ, какъ сочинялъ Шишковъ (надо сказать, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ — мы знаемъ Шишкова болѣе по пародіямъ на него, нежели по его собственнымъ писаніямъ), но, совсѣмъ какъ Шишковъ, онъ, для того чтобы выгнать иностранное слово, не стѣсняется навязать его русскому замѣстителю несвойственное ему значеніе: можно, напрѣмѣръ, думаетъ авторъ замѣнить эгоизмъ словомъ *самость*. Отлично — но тогда на автора падаетъ обязанность придумать, вмѣсто слова *самость*, другое для обозначенія свойства предмета быть самимъ собою (*Selbstheit*). Авторъ, знатокъ стариннаго русскаго языка, вѣроятно вспомнилъ, что словомъ *самость* въ XVIII вѣкѣ переводили *égoïsme*. Но онъ упустилъ изъ виду, что въ послѣдствіи *самость* исчезло изъ употребленія и было столь прочно забыто, что въ наши дни снова всплыло въ философскомъ языкѣ уже въ совсѣмъ другомъ значеніи. Сплинъ авторъ смѣло переводитъ словомъ *грусть*. Пушкинъ, знавшій родной языкъ ужъ во всякомъ случаѣ не хуже любого изъ насъ, не былъ столь рѣшителенъ. Описывая настроеніе Онѣгина, онъ говоритъ:

Недугъ, котораго причину
Давно-бы отыскать пора,

Подобный английскому сплину,
 Короче — русская хандра
 Имъ овладѣла понемногу...

Пушкинъ всегда точенъ, и каждое слово у него взвѣшено. И вотъ показательно, что и хандра его не вполне удовлетворяетъ. Это во всякомъ случаѣ русскій «чедугъ», не тождественный, а только «подобный» английскому сплину. Къ Онѣгину это слово примѣнимо (и Пушкинъ повторяетъ его въ 24-ой стр. 8-ой главы), потому что и самъ онъ не англичанинъ, а только москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ.

Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, просматривая списокъ осужденныхъ авторомъ словъ, легко замѣтить, что свое негодование авторъ долженъ былъ бы обратить не только противъ русскихъ «философовъ», но также противъ нѣмецкихъ, французскихъ, английскихъ, итальянскихъ, и т. д., ибо всѣ эти слова оказываются латинскими и греческими, или-же тѣми; по своему происхожденію, гибридными, незаконными, греко-латинскими порожденіями схоластической науки, какими еще въ средніе вѣка былъ наводненъ научный языкъ рѣшительно всѣхъ европейскихъ народовъ, благодаря чему ученымъ такъ легко читать научныя книги на любомъ европейскомъ языкѣ. Не дай Богъ, если-бы призыву Осоргина вняли русскіе, французы, нѣмцы и т. д.! Нѣкоторые народы пытались идти по этому пути. Обще-европейское слово театръ три славянскихъ народа рѣшили перевести на свои языки: вышло, что сербъ не понимаетъ, когда хорватъ говоритъ казалиште, хорватъ не знаетъ о чемъ рѣчь, слыша сербское пѣзориште (вообще же, сербы и хорваты говорятъ на одномъ и томъ-же языкѣ!), и оба не понимаютъ чешскаго дива дло. «Порча» научнаго языка — величайшее благодѣяніе: она обезпечиваетъ единство науки, устраняетъ опасность взаимнаго непониманія, она является залогомъ прогресса науки, какъ надъ-національной, внѣ-національной, сферы интеллектуальнаго общенія и дѣланія.

Есть другія, болѣе скромныя, сферы, гдѣ тоже находятъ себѣ примѣненіе рудиментарныя «общіе» языки. Преобладающій языкъ индустри и торговли англійскій, спорта тоже; коммерческій корреспондентъ, или членъ спортивнаго клуба пользуется англійскимъ языкомъ, хотя, можетъ быть, онъ не въ состояніи читать Дикенса. Языкѣ

банковскій полонъ итальянскихъ словъ, морской голландскихъ и французскихъ. Языкъ музыкантовъ — итальянско-нѣмецкій, живописцевъ — итальянско-французскій и т. д.

На самомъ дѣлѣ, только условно можно называть эти словари «общихъ» языковъ именами латинскій, греческій, англійскій и т. д. Если бы Цицеронъ и Аристотель явились изъ царства мертвыхъ на какой-нибудь международный конгрессъ гинекологовъ, они бы услышали съ удовольствіемъ знакомыя слова*), но поняли-бы читаемые доклады совершенно превратно. Итальянцу, обучающемуся музыкѣ, такъ же надобно пояснять, что *adagio* означаетъ медленный темпъ, какъ и русскому или нѣмцу: *adagio* (*ad'agio*, ср. франц. à l'aise) означало, когда еще употреблялось вообще, свободно. Словари «общихъ» языковъ давно уже стали чисто-условными, ихъ слова оторвались отъ родного лона. Забавно наблюдение англійскаго романиста Huxley: общераспространенныя въ Европѣ «англійскія» слова — какъ разъ тѣ, которыя въ Англии вышли изъ употребленія — напр. *high-life*, которое особенно возлюбили греки, произносящіе его хигъ-лифе.

Существуютъ не только международныя слова, но даже международныя грамматическія частицы словъ, приставки и суффиксы, — про, анти, изм. Не замѣнить ли антисемита противосемитомъ — еще лучше, еще самобытнѣе — противожидомъ, а антисемитизмъ — противожидовствомъ или противожидіемъ? Мы смѣемся надъ ленинизмомъ и троцкизмомъ, однако-же пріемлемъ марксизмъ. Нелѣпы уклонизмъ и наплевизмъ, но не болѣе, чѣмъ ужъ «чисто-русскія» уравниловка и обезличка. Всѣ эти слова нелѣпы, ибо ненужны, ибо вмѣсто того, чтобы способствовать экономіи умственной энергіи, облегчать пониманіе, затрудняютъ его. Слова эти — плодъ слабоумія, запутывающаго самую простыя вещи. Но это — еще не доводъ въ пользу изгнанія изм'овъ изъ русскаго или всякаго другого языка.

Въ области языка происходитъ приблизительно то же, что и въ области политики и общественности. Все напряженнѣе ведется борьба между капитализмомъ и социализ-

*) Впрочемъ, имъ пришлось бы привыкать къ новому произношенію.

момъ, они противостоятъ другъ другу, какъ двѣ другъ друга исключаютія системы житейскаго уклада и правового строя — и въ то же время, исподволь и по кусочкамъ социализмъ проникаетъ въ капиталистическое общество, подобно тому какъ элементы универсальнаго языка проникаютъ въ національные языки. Требования жизни берутъ верхъ надъ отдѣльными убѣжденіями, мифіями и вкусами. Есть вещи, которыми пользуются всѣ и къ которымъ всѣ относятся совершенно одинаково. Вполнѣ естественно, что онѣ и называются общими именами. Можно понять, когда чехи, украинцы, поляки, хорваты сохраняютъ старыя названія мѣсяцевъ — ибо эти названія сохранились въ народѣ, отражаютъ поэтическія воззрѣнія простолюдина на природу, — хотя всюду на свѣтѣ приняты латинскія названія мѣсяцевъ. Но уже совершенно непонятно, для чего хорваты переводятъ директоръ черезъ равнатель, университетъ черезъ свеучилиште и библиотека черезъ книжница. Для того-ли, чтобы доказать, что ихъ языкъ настолько богатъ, что на немъ можно выразить все что угодно?

Мало есть на свѣтѣ понятій столь сбивчивыхъ, какъ понятіе «богатства» языка. Надо различать — наличное богатство языка и потенциальное, чего обыкновенно не дѣлаютъ. Языкъ, какъ наличный словарь, словарь всѣхъ, когда-либо и гдѣ-либо услышанныхъ у даннаго народа словъ, тѣмъ богаче, чѣмъ богаче, чѣмъ содержательнѣе, чѣмъ разнообразнѣе народная жизнь. Потенциальное же богатство языка просто неограничено. По аналогіи съ каждымъ существующимъ словомъ можно создавать безконечное количество новыхъ словъ — лишь бы была въ нихъ нужда. Достаточно знать одно слово на ніе, или ость, или тель, чтобы придумать десятки и сотни другихъ такихъ-же, какъ и поступаютъ дѣти; такъ что докзывать богатство того или другого языка въ этомъ отношеніи — нѣтъ никакой необходимости. Въ потенціи всѣ языки совершенно равноправны и равноцѣнны. М. Осоргинъ, вмѣстѣ съ подавляющимъ большинствомъ ревнителей чистоты языка, повидимому путаетъ эти два смысла «богатства». Съ одной стороны онъ, желая доказать, что русскій языкъ богаче всѣхъ на свѣтѣ, приводитъ примѣры обилія синонимовъ, съ другой, опираясь на это, выставляетъ требованіе: создавать новыя слова пользуясь непременно «русскими» корнями. Это филологическая

гитлеровщина, филологический расизмъ, въ своей сферѣ не менѣе рискованный, чѣмъ политическій. Какъ-бы обогащеніе языка по этому способу не обернулось его обдѣнчивніемъ? Намъ пришлось-бы отказаться отъ удручелныи, потому что у него нѣмецкій «корень» (druck-), а нѣмцамъ отъ ganz, потому что нѣкогда они его взяли у славянъ (к о н е ц ъ). Дѣло не въ происхожденіи корней или суффиксовъ (и брюнетъ можетъ быть хорошимъ нѣмцемъ), а въ томъ, къ какому словесному гнѣзду придется вновь создаваемое слово, съ какими словами, съ какими представленіями оно свяжется по ассоціаціи. Съ этой точки зрѣнія совершенно невѣрно, что языкъ, сколь-бы онъ ни былъ богатъ, способенъ «на все». Слава Богу, это не такъ: индивидуальное ограничено, и въ этомъ его цѣнность. Осоргину хочется, чтобы аэропланъ былъ замѣненъ самолетомъ. Прекрасное, истинно-русское слово! Бѣда только, что черезчуръ русское, слишкомъ отдаетъ русскимъ фольклоромъ, сказками Афанасьева и картинками Библина. Самолетъ — греза лѣнтяя, Ивана-дурака, который ни за что не сѣлъ бы за руль аэроплана.

Насыщенностью словъ специфическими побочными представленіями опредѣляется индивидуальность каждаго языка, то его собственное богатство, которое коренится въ его ограниченности. Вотъ это-то богатство языковъ дѣлаетъ ихъ въ иныхъ случаяхъ непригодными для общенія. Въ иныхъ случаяхъ просто выгоднѣе пользоваться болѣе бѣднымъ языкомъ.

Есть сферы общенія, гдѣ рационалізація проникаетъ все глубже и глубже, есть сферы, уже начисто рационализованныя, такія, гдѣ къ личностямъ, находящимся въ нихъ, предъявляются только абстрактныя требованія умственной и нравственной вмѣняемости, гдѣ субъектомъ общенія является «средній человѣкъ вообще», человѣческая особь, а не личность, единица, замѣстимая любую другою единицею. Въ этихъ сферахъ и нуженъ максимально-рационализованный, общій и ничей, абсолютно-безличный, лишенный обертоновъ, отзывающихся въ человѣческой душѣ, быть можетъ даже и вовсе беззвучный, сведенный къ условнымъ знакамъ, которые каждый воленъ выговаривать по своему, сдѣланный, «механический» языкъ. Надо полагать, что рано или поздно языкъ этотъ будетъ изготовленъ и пущенъ въ оборотъ. Онъ какъ нельзя болѣе пригодится въ сферѣ хозяйства, въ сферѣ техники, въ сферѣ

точной науки, — во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ дѣйствуетъ не homo sapiens, а homo faber, органомъ познанія котораго, какъ это доказано Бергсономъ, является чистый интеллектъ. Усвоеніе такого языка придется на время, когда соотвѣтствующія сферы общенія, въ силу необходимости, окончательно обособятся отъ тѣхъ, съ которыми онѣ донинѣ связаны, связаны не интересами — ибо эта связанность идетъ въ разрѣзъ съ послѣдними, — но традиціей, привычкой, автоматизмомъ жизни. Я возвращаюсь къ тому, о чемъ я уже писалъ здѣсь *). Я ничего не предсказываю и ничего не проповѣдую; набрасывая утопию, т. е. мифъ о будущемъ, я только продѣлываю нѣкоторый умственный экспериментъ, имѣющій цѣлью нагляднѣе представить одну изъ господствующихъ тенденцій нашего времени — тенденцію къ обособленію сферъ чистаго интеллектуализма отъ тѣхъ, гдѣ субъектомъ общенія является цѣлостный человѣкъ, существо ирраціонально, чувствующее, любящее и ненавидящее, руководящееся своей единственной, неповторяемой интуиціей.

Отношеніе универсальнаго «искусственнаго» языка ко всѣмъ остальнымъ существенно иное, нежели отношенія прежнихъ міровыхъ «классическихъ» языковъ къ народнымъ. Латинскій языкъ для западнаго христіанства, церковно-славянскій для восточнаго были языками по преимуществу, языками, въ которыхъ была отражена и воплощена вся культура христіанскаго міра, живыми лицами всего духовнаго опыта человѣчества. Каждый изъ этихъ языковъ былъ прежде всего языкомъ молитвы, въ которой полнѣе всего, интимнѣе всего раскрывается человѣческая душа. «Простонародный» языкъ служилъ человѣку въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ проявлялъ себя лишь частично, — какъ членъ семьи, какъ слуга, какъ работникъ. Но поскольку всѣ сферы общенія охватывались сферой религіи, поскольку вся культура средневѣковья была религіозной культурой, поскольку кому-бы и чему-бы человѣкъ ни служилъ, онъ, въ конечномъ счетѣ, служилъ Богу, всякій «простонародный» языкъ тяготѣлъ къ латинскому (или церковно-славянскому), съ него брали примѣръ, по нему равнялся, стремился къ нему, какъ къ своему предѣлу. Латинскій языкъ былъ совершеннымъ, совершеннымъ языкомъ. «Простонародные» языки были

*) См. мою статью U.S. E.? въ «Соврем. Запискахъ», кн. 46.

зачаточными языками. Латинский языкъ былъ языкомъ въ бôльшей степени, чѣмъ они — и потому онъ царилъ надъ ними, какъ Церковь царила надъ Мíромъ.

Въ противоположность латинскому языку въ его отношеніи къ «vulgaria», «простонароднымъ» языкомъ, искусственный универсальный языкъ, въ его отношеніи къ исторически сложившимся національнымъ языкамъ, будучи наиболѣе прогрессивнымъ, все-же не является «классическимъ», образцовымъ языкомъ. Латинский языкъ былъ «болѣе языкъ», чѣмъ старо-французскій, старо-нѣмецкій, потому что въ немъ продолжала жить уже сложившаяся культура, тогда какъ vulgaria отражали собою только рудименты культуры. Искусственный-же языкъ не есть ни «болѣе» ни даже «менѣе» языкъ, нежели историческіе языки: собственно говоря, это вовсе не языкъ. Будучи насквозь рационализованъ, онъ выпадаетъ изъ круга языковъ, подобно тому какъ сферы общенія, гдѣ онъ служитъ орудіемъ, выпадаютъ изъ культуры. Если культура есть общая сфера взаимодействія конкретныхъ личностей, цѣлостныхъ индивидуальностей, то сфера, гдѣ взаимодействуютъ не личности, а особи, равныя другъ другу единицы, сфера «чистой» цивилизациі, лежитъ въ какомъ-то совершенно иномъ планѣ. Въ предѣлѣ, между этими сферами, между Культурой и Цивилизаціей, нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Въ сферѣ Цивилизациі живой человѣкъ можетъ быть, на худой конецъ, замѣненъ «роботомъ». Если бы «роботы» говорили, они говорили бы на эсперанто, волапюкъ, идо. Въ иныхъ случаяхъ и мы говоримъ другъ съ другомъ такъ, какъ если-бы мы были «роботами» и превращаемъ нашъ языкъ въ эсперанто. «Въ отвѣтъ на Ваше письмо отъ —, имѣю честь увѣдомить, что...» и т. д. Въ подобномъ письмѣ всѣ слова внѣшне тѣ же самыя, какія мы могли бы употребить въ самыя значительныя моменты нашей жизни. На самомъ дѣлѣ это — другія слова. Возьмемъ хотя бы слово честь. Развѣ это слово здѣсь имѣетъ хоть что-либо общее съ тѣмъ, одинаково звучащимъ, какимъ обозначается цѣнность, реди которой честный человѣкъ готовъ пожертвовать жизнью? Въ дѣловомъ письмѣ всѣ слова взаимно обезличиваются, обездушиваются, опустошаются, перестаютъ быть словами въ подлинномъ смыслѣ, т. е. свидѣтельствами вѣковой работы духа, насыщенными множествомъ сочетанныхъ другъ съ другомъ смысловъ символами. Совре-

менный дѣловой языкъ является образцомъ и подобіемъ универсальнаго искусственнаго языка, съ тою разницею, что послѣдній и внѣшне нацѣло отъединенъ отъ историческихкихъ языковъ.

Нѣкоторые лингвисты, противники универсальнаго языка, считаютъ, что идея эта, помимо всего прочаго, просто неосуществима. Представимъ себѣ, что этотъ языкъ распространится по всему свѣту. Несомнѣнно, что у каждаго народа онъ заразится специфическими фонетическими особенностями соответствующаго національнаго языка. Никакъ нельзя было бы придумать такой общій языкъ, который, въ этомъ отношеніи, удовлетворялъ бы всѣхъ, былъ бы одинаково удобенъ по своему произношенію для всѣхъ народовъ. У китайцевъ нѣтъ р, у японцевъ — ч, у французовъ ж, у нѣмцевъ ж и т. д., и т. д. Сколько звуковъ пришлось-бы устранить! Строго говоря, послѣдовательно устраняя всѣ звуки, не являющіеся общими для всѣхъ народовъ, мы очутились бы съ пустыми руками. Ибо нѣтъ одинаково произносимыхъ всѣми народами звуковъ. Если-же фабриковать общій языкъ, пользуясь звуками, произносимыми приблизительно сходно, то все-же дѣло кончится тѣмъ, что у каждаго народа «универсальный» языкъ, получивъ соответствующую фонетическую окраску, будетъ мѣняться въ звуковомъ отношеніи, подчиняясь фонетической эволюціи данной языковой среды (фонетика, послѣ словаря, — самый подвижный элементъ языка); другими словами, этотъ «общій» языкъ рано или поздно разобьется на множество языковъ — какъ это случилось со средневѣковымъ латинскимъ. Этотъ доводъ врядъ-ли можно признать рѣшающимъ. Вѣроятно, что римляне произносили Кикеро. Нѣмцы стали произносить Цицеро, французы Сисеро, итальянцы Чичеро. Бесѣдуя по латыни, средневѣковые ученые разныхъ странъ съ трудомъ понимали другъ друга. Но на письмѣ Кикеро-Цицеро-Сисеро-Чичеро было для всѣхъ однимъ и тѣмъ-же словомъ Cicero. Говорящіе на общемъ нѣмецкомъ языкѣ нѣмцы изъ различныхъ угловъ Германіи и сейчасъ еще съ затрудненіемъ понимаютъ другъ друга. Раздробившійся на нѣсколько фонетическимъ единицъ общій языкъ отъ этого не перестанетъ быть общимъ. Разъ навсегда сфабрикованный, онъ будетъ навѣки тождественнымъ самому себѣ. Онъ будетъ отъ времени до времени ремонтироваться, подновляться,

но не будет эволюционировать, не будет жить. На этот счет лингвисты могут быть спокойны: мертворожденный, он останется мертвым навсегда.

Выше я называл современные национальные языки тоже «мертвыми». В таком случае, каково же отличие этих языков от искусственного всеобщего? В чем оно состоит? В том, что эти языки умерли (я уже говорил, в каком отношении), а всеобщий язык умереть не может, ибо он и не жил, как не может умереть локомотив, фортепиано, дом и т. д. Продукт абстрактного разума, формально-логического расчета, абсолютно лишенный индивидуальности, хотя строжайше согласованный, подобно искусно сработанной машинке, во всех своих частях приспособленный к тому, чтобы функционировать, но не осуществляться, он может быть заучен, но не может быть усвоен; бездушный, он не может войти ни в чью душу, он не будит в ней никаких голосов; «чистое» средство, лишенное, подобно деньгам, собственной внутренней ценности, он не связывает **я** и **ты** в **мы**; напротив, он разлагает **мы** на взаимодействующие **извне** даже не **я** и **ты**, а безразличная, безыменная, безличная единица. Смерть органически сложившихся языков есть их окончательное завершение. Зафиксированные памятниками мысли и чувства великих гениев, наложивших навеки свой отпечаток на национальную душу, они «мертвы», как эти памятники, «мертвы» в том же смысле слова. К «Федру» Расина и к «Мыслям» Паскаля нельзя прибавить ни одного слова и ни одного слова нельзя отнять от них. Они росли, развивались, видоизменялись в душе их творцов и в этом смысле жили. Они были написаны, закончены — и в этом смысле умерли. Их смерть есть вечная жизнь, бессмертие. То же самое и с языками. Каждый национальный язык есть личность, своеобразная, бесконечно-богатая, и могучая настолько, что Иесперсен говорит даже об опасности усвоения чужих языков: овладевший чужим языком рискует утратить свою собственную национальную душу, поддавшись воздействию чужой.

Теперь можем подойти ближе к оцифровке формулы Поля Валери — «конченный мир». Проблема языка может быть обобщена, как проблема прогресса. Вера в прогресс, «вечный прогресс», питалась и обычно питается успехами науки, точного знания. Но как раз в

этой области прогрессъ не можетъ быть безконеченъ. То, что противостоитъ сознанию какъ «мертвая матерія» — ограничено и кончено. Ея анализъ можетъ и долженъ когда-либо придти къ концу. И возможности овладѣнія ею, использованія ея, не могутъ быть безпредѣльны. Придетъ время, когда наши средства передвиженія, освѣщенія, отопленія и проч. достигнуть послѣдней, наивысшей степени совершенства. И если мы задумаемся надъ фактомъ, что, хорошо или плохо, но все безъ исключенія изъ того, о чемъ испоконъ вѣковъ человѣчество, въ своей борьбѣ съ «мертвою матеріею», только осмѣливалось мечтать, сразу осуществилось въ наши дни, что какое-нибудь одно столѣтіе выполнило задачи, завѣщанныя рядомъ тысячелѣтій, что изъ непобѣжденныхъ доселѣ силъ осталась, въ сущности, одна лишь тѣлесная смерть (и то Бергсонъ выразилъ надежду, что и съ нею «*homo faber*» въ концѣ концовъ справится), — это можетъ исполнить насъ ужасомъ: начинаетъ казаться, что человѣчество въ самомъ дѣлѣ вступило въ послѣдній эонъ, завершило свой жизненный путь и что послѣ того какъ оно и впрямь побѣдитъ смерть, ему останется уже только одно — умереть коллективно.

Какъ есть два вида смерти, такъ есть и два вида прогресса. Есть области, въ которыхъ дѣйствуетъ *homo sapiens* во всей полнотѣ смысла этого слова, а не *homo faber*, области культуры. Культуры не умираютъ, что бы съ ними не случилось въ исторической эмпиріи. Культура Италіи живетъ вѣчно въ Данте, Петраркѣ, Бокаччо, Аріосто и Тассо, хотя итальянская литература уже давно изъ міровой стала провинціальною. Есть два вида цѣнностей: одними мы пользуемся, къ другимъ мы приобщаемся духомъ и творчески усваиваемъ ихъ себѣ. Именно — цѣнностей, а не вещей: ибо «одна и та же» вещь можетъ быть носителемъ обоихъ видовъ цѣнности. «Печной горшокъ» можетъ оказаться аттической вазой. Прогрессъ въ этой области вѣченъ и безконеченъ, поскольку всякая новая цѣнность здѣсь означаетъ новый духовный опытъ и возможности все новыхъ и новыхъ такихъ же опытовъ для каждой человѣческой души, способной эту цѣнность воспринять, на нее отозваться; причѣмъ этотъ новый духовный опытъ никоимъ образомъ не отмѣняетъ всѣхъ предыдущихъ. Появленіе всякой новой цѣнности перваго рода отмѣняетъ предыдущія цѣнности той-же категоріи. Есть еще люди, предпочитающіе фіакръ автомобилю: но это доказы-

васть только то, что для нихъ фіакръ не просто средство передвиженія, а подлинная культурная цѣнность, часть ихъ собственнаго Я, воспоминаніе о молодости, символъ ставшаго дорогимъ и близкимъ жизненнаго стиля. Каждый способен думать и чувствовать человѣкъ, прочитавши Достоевскаго, становится другимъ человѣкомъ, духовно перерождается, дѣлается духовно богаче; но это не сопровождается никакимъ вытѣсненіемъ въ его сознаніи Донъ-Кихота или Божественной Комедіи. Братья Карамзовы не «отмѣнили» этихъ произведеній. Напротивъ: появленіе всякой новой культурной цѣнности обогащаетъ, углубляетъ смыслъ всѣхъ предыдущихъ, и въ этомъ состоитъ прогрессъ.

Прогрессъ перваго рода общеобязателенъ, принудителенъ, закономѣренъ, прямолинеенъ. Хочешь, не хочешь, совершенствуйся вмѣстѣ со всѣми. Къ тому же никакихъ особыхъ усилій отъ тебя не требуется. Чтобы запустить грамфонъ, не надо быть Эдисономъ. Прогрессъ втораго рода — творческаго характера, онъ индивидуаленъ и въ какомъ-то отношеніи случаенъ, хотя каждый продуктъ творчества переживается нами какъ безусловная необходимость, такъ что мы просто не можемъ себѣ вообразить міра безъ Евангелія, безъ Сикстинской Капеллы, безъ Акрополя, безъ Критики чистаго Разума.

Можно было бы показать, какъ, въ теченіе вѣковъ, различіе двухъ основныхъ категорій цѣнности, двухъ видовъ «прогресса», двухъ видовъ «смерти», какъ различіе понятій пользованія и творческаго усвоенія, опредѣляло собою все историческое развитіе человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ отражалось на многочисленныхъ теоріяхъ «прогресса», «эволюціи», на построеніяхъ философіи исторіи и на опытахъ выработки общественнаго идеала. Исторія культуры разсматривалась и продолжаетъ разсматриваться, какъ единый, однородный процессъ, имѣющій свою ритмику, опредѣляемую смѣнами періодовъ творчества и распада, Культуры и Цивилизаціи, періодовъ «органическихъ» и «критическихъ». Жозефъ де Мэстръ и Сень-Симонъ, Ницше и Шпенглеръ, Леонтьевъ и Бердяевъ, каждый по своему, развивали и углубляли эту концепцію. Сейчасъ міръ культуры разстилается передъ нами какъ «конченый», заверченный міръ, «un monde fini». И намъ дѣлается ясно то, чего раньше, въ періодъ становленія, люди еще не могли видѣть: что развитіе протекаетъ не по

одной, а по двумъ линіямъ, въ двухъ различныхъ плоскостяхъ; что каждое историческое явленіе должно быть поэтому истолковываемо и оцѣниваемо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія; что есть два права — право Цивилизаціи и право Культуры, и что поэтому проблема и н с т а в р а ц і и, выдвинутая романтиками и ставшая столбъ жизненно-важною въ наше время предѣльнаго ожесточенія національныхъ и соціальныхъ антагонизмовъ, время наивысшаго напряженія духовной тревоги и мучительнаго обостренія духовнаго голода, можетъ найти свое разрѣшеніе только въ томъ случаѣ, если будемъ исходить отъ признанія факта обособленія двухъ основныхъ жизненныхъ сферъ, сферъ примѣненія двухъ видовъ языка — искусственнаго и органическаго, сдѣланнаго и ставшаго, языка особей и языка личностей.

П. Бицилли.

Японія и Китай въ Дальневосточномъ конфликтѣ

Въ дальневосточномъ конфликтѣ, взволновавшемъ всемирное и русское общественное мнѣніе, наступило нѣкоторое, правда, только кажущееся затишье. Японцы, достигнувъ своей цѣли въ Манчжуріи и образовавъ тамъ «независимое» государство подъ призрачной властью послѣдняго императора манчжурской династіи Пу-И, рѣшились увести часть войскъ отъ Шанхая. Правда, въ то же время они усиливаютъ контингенты своихъ войскъ въ Сѣверной Манчжуріи, на русскихъ границахъ. Чрезвычайная сессія Лиги Націй, созванная по требованію Китая, вынесла, наконецъ, рѣшеніе, основанное не на тактическихъ соображеніяхъ великихъ державъ, а на принципиальномъ признаніи полнаго несоотвѣтствія того, что сдѣлала Японія, съ ея обязанностями, какъ члена Лиги. Никакое нарушеніе территориальной неприкосновенности и никакое вторженіе въ сферу политической независимости члена Лиги не можетъ считаться имѣющимъ силу (ст. 10 Ковенанта Лиги). Всѣ споры и конфликты между подписавшими Парижскій пактъ державами должны разрѣшаться не иначе, какъ мирными средствами. Никакое соглашеніе и договоръ, заключенные подъ военнымъ давленіемъ и вообще средствами, противорѣчащими духу Лиги Націй, не могутъ быть признаны Лигой (т. е. стало быть, не признается и «независимость» Манчжуріи). Наконецъ, общее собраніе подтвердило требованіе Совѣта Лиги 30 сентября и 10 декабря 1931 и собственное рѣшеніе 4 марта 1932 г. о полномъ выводѣ японскихъ войскъ изъ Манчжуріи и Китая. Собраніе признало затѣмъ своей обязанностью перейти къ принудительнымъ мѣрамъ, предусмотрѣннымъ п. 4 ст. 15 Ковенанта, если конфликтъ будетъ продолжаться. Для наблюденія за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла Собраніе выбрало 18-членную комиссію, треть которой состав-

лена изъ специально выбранныхъ представителей какъ разъ тѣхъ государствъ, которыя отнеслись къ захвату Японіи отрицательно, и поручило этой комиссіи сдѣлать докладъ Собранію не въ сентябрѣ, какъ предполагалъ хитроумный проектъ Политиса (это предоставило бы Японіи полную свободу для лѣтней кампаніи), а уже 1 мая. Конечно, Японія не склонна принять ни той части резолюціи Собранія, которая ставитъ подъ вопросъ «независимость» Манчжурии, ни той ея части, согласно которой эвакуація войскъ требуется предварительно и независимо отъ всякихъ непосредственныхъ соглашеній съ Китаемъ «подъ вліяніемъ военнаго давленія». Иначе Японія потеряла бы всѣ плоды своего внезапнаго вторженія, оборвавшагося, повидимому, вовсе не въ силу повторныхъ и настойчивыхъ требованій Лиги Націй, а скорѣе вслѣдствіе неожиданно сильнаго сопротивленія китайцевъ, что повлекло за собой и значительное вздорожаніе экспедиціи, переставшей походить на «военную прогулку» (см. ниже).

Очевидно, языкъ Лиги Націй и языкъ японскихъ дипломатическихъ отписокъ суть два разные языка, свидѣтельствующіе не только о различныхъ взглядахъ, но и о двухъ различныхъ ступеняхъ культуры. Поведеніе Японіи соответствуетъ иному періоду исторіи, чѣмъ тотъ, въ которомъ находится Европа *). Самой близкой параллелью было бы сравненіе теперешняго внутренняго положенія въ Японіи съ тѣмъ, которое существовало въ Россіи во вторую половину прошлаго вѣка. Феодалный строй «самураевъ» потерялъ экономическую основу и доживаетъ свой вѣкъ. Крестьянство получило землю, но въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ, и принуждено платить слишкомъ высокія арендныя цѣны за прибавочные клочки, — цѣны, которыя часто превышаютъ доходъ съ арендованнаго участка и ничего не оставляютъ арендатору. Въ результатѣ — жалкое существованіе крестьянства и постоянныя аграрныя волненія. Палліативомъ къ увеличивающейся тѣснотѣ явился отходъ на заработки въ другія части страны. Правда, предпринятая правительствомъ индустриализація страны отвлекла въ города часть избыточнаго населенія. Но ни та, ни другая группа населенія, такъ же, какъ и у насъ

*) Интересныя данныя объ этомъ собраны въ живо написанной книгѣ *Etienné Denner, Foules d'Asie (Surpopulation japonaise, expansion chinoise, émigration indienne)*, Paris, 1930.

въ XIX вѣкѣ, не порвала сразу съ деревней. И сезонный отходникъ, и временный фабричный рабочій постоянно возвращаются въ родную семью. Поскольку же началъ образовываться постоянный рабочій классъ, явилось другое осложненіе: началась социалистическая и коммунистическая пропаганда. Къ аграрнымъ волненіямъ въ деревнѣ присоединились рабочія стачки и забастовки въ городѣ. Словомъ, основы старого социальнаго строя заколебались, тогда какъ политическій строй оставался почти неизмѣннымъ. Дворянскіе кланы въ провинціи и «Генро» (совѣтъ представителей главнѣйшихъ аристократическихъ фамилій при императорѣ) въ центрѣ продолжали руководить всей политической жизнью страны*). Въ ихъ составѣ недавно появившееся либеральное теченіе было до послѣдняго времени очень слабо; преобладаніе оставалось въ рукахъ военнаго класса. Конституція 1889 г. сильно напоминала нашу, русскую; политическія партіи появились лѣтъ за 20-25 до нашихъ. Первая группа «сторонниковъ парламента», соотвѣтствующая нашему земскому конституціонному движенію, образовалась въ 1880 г. Въ 1881 г. создана первая либеральная партія «Дзіюто», напоминающая нашу партію народной свободы. С.-д. партія организована только въ 1901 году, а въ 1912 г. появился первый профессиональный союзъ рабочихъ. Настоящее начало рабочаго движенія относится къ годамъ мировой войны.

Капитальнымъ отличіемъ отъ дореволюціонной Россіи была географія Японіи. Россія могла еще избавляться отъ избытка населенія внутренней колонизаціей. Для запертой на своихъ островахъ Японіи это средство было недоступно. Попытки эмиграціи въ страны, подходившія по климату, — Америку, тихоокеанскіе острова, Австралію, Южную Африку были скоро пресѣчены запретительными мѣрами соотвѣтствующихъ странъ. Внутренняя гористая и малонаселенная часть Японіи не привлекала поселенцевъ; населеніе скучивалось у береговъ, вводя огородную культуру въ свои карликовыя хозяйства. Средствъ существованія даже и при такой интенсивной обработкѣ земли не хватало. Рись приходилось ввозить изъ Индокитая и Бирманіи. А число рожденій продолжало увеличиваться. Съ 1875 г. до 1926 г. оно поднялось съ 25 до 34 рожденій на

*) Послѣ смерти Ямагаты (1922) влияние Генро ослабло: остался единственный членъ — Сайондзен.

тысячу. И общее количество населенія за тотъ же періодъ почти удвоилось (съ 34 милл. до 65)*).

Таково положеніе, принудившее японскихъ политиковъ искать новыхъ земель. Въ силу отмѣченныхъ выше особенностей политическаго строя японскій «империализмъ» принялъ архаическія формы. Современные японскіе империалисты приписываютъ императору Мейджи (1868-1912) планъ цѣлой системы японскихъ захватовъ. Первый періодъ — захватъ о. Формозы въ 1895 г. Второй періодъ — захватъ Кореи — въ 1910 г. Третій періодъ — это тотъ, который предстоитъ теперь: захватъ Манчуріи и Монголіи. Захваты эти производились по мѣрѣ наступленія благоприятныхъ обстоятельствъ («Японія умѣетъ ждать», гласитъ японская поговорка). Но тактика захватовъ, дѣйствительно, выработалась сразу. И понятна та «неохота», съ которой новоиспеченный манчжурскій императоръ Пу-И объявилъ себя, «послѣ неоднократныхъ упрасиваній», правителемъ «независимой» Манчжуріи. Онъ, очевидно, хорошо помнитъ печальную исторію «независимой» Кореи; помнитъ и судьбу ея послѣдняго императора, плѣнника маркиза Ито, и судьбу его сына, жертвы графа Тераучи, замѣнившего убитаго корейцемъ Ито**).

Но мы не имѣемъ возможности углубляться въ прошлое японской экспансіи. Ограничимся ближайшимъ къ намъ періодомъ — послѣ сверженія манчжурской династіи и превращенія Китая въ республику (1911-13). Это превращеніе было первымъ благоприятнымъ для Японіи обстоятельствомъ, побудившимъ японскихъ империалистовъ поставить на очередь захватъ Манчжуріи и опеку надъ самимъ Китаемъ, который, такъ казалось тогда, былъ ввергнутъ новой формой правленія въ состояніе безысходнаго хаоса. Вторымъ благоприятнымъ обстоятельствомъ оказалась мировая война 1914-1918 г. г., отвлекшая

*) Данныя относительно демографіи, экономики и переселеній въ Японіи и Китаѣ см. въ рядѣ хорошо обоснованныхъ статей японскихъ, китайскихъ и американскихъ специалистовъ въ сборникѣ *Problems of the Pacific, proceedings of the second conference of the Institute of Pacific Relations, Honolulu, 1927*. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками слѣдующаго сборника, посвященнаго матеріаламъ третьей конференціи.

**) Эта поучительная исторія подробно разсказана въ книгѣ *F. A. Mc Kenzie, Korea's fight for freedom, N. Y. 1920*.

вниманіе міра отъ того, что дѣлалось на Дальнемъ Востокѣ. Чтобы еще болѣе развязать себѣ руки, Японія приняла участіе въ этой войнѣ въ качествѣ союзницы Антанты. Наконецъ, третьимъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ осуществленію имперіалистическаго плана третьяго періода, была гражданская война въ Россіи, послѣдовавшая за міровой войной. Съ уходомъ Россіи изъ Азіи исчезалъ послѣдній возможный соперникъ японскихъ имперіалистовъ.

Надо тотчасъ же прибавить, однако, — прежде чѣмъ мы пойдемъ дальше, — что вступленіе Японіи на путь территоріальныхъ захватовъ отнюдь не облегчало положенія японскаго населенія. Оно нуждалось въ продуктахъ питанія. Но японское государство послѣ вступленія на великодержавный путь стало нуждаться во многомъ другомъ. Въ наше время державы становятся сильными и «великими» пропорціонально наличности въ ихъ распоряженіи желѣза, угля и нефти. А природа отказала японцамъ въ первомъ, и очень скудно снабдила вторымъ и третьимъ. Поставщикомъ желѣза и нефти стали являться Китай, въ частности Манчурія. Предметы вооруженій — какъ и машины для фабрикъ — Японія принуждена выписывать готовыми; въ настоящее время, напр., на нее спѣшно работаютъ чуть не всѣ главные военные заводы Европы. Чтобы покупать все это, надо было что-то вывозить взамѣнъ. Но изъ предметовъ сырья, пригоднаго къ вывозу, Японія владѣетъ только однимъ: шелкомъ. Вывозъ шелка въ 1927 г. составлялъ 37% всего японскаго вывоза, и на 94% сырой шелкъ покупался Соединенными Штатами. Нужно было пополнить предметы вывоза готовыми фабрикатами. И индустриализація Японіи сдѣлалась предметомъ серьезныхъ государственныхъ заботъ, — въ противоположность старому самурайскому воззрѣнію, презиравшему торговлю и промышленность и цѣнившему только войскія доблести. Но развитіе промышленности встрѣчаетъ рядъ препятствій. Прежде всего — недостатокъ сформированнаго рабочаго класса. Спросъ на рабочихъ — выше предложенія; и удовлетворяется этотъ спросъ преимущественно неквалифицированными рабочими изъ деревни. Рабочая плата имъ обходится, конечно, дешевле; но продуктивность ихъ труда несравненно ниже, чѣмъ у европейскаго рабочаго. Въ результатъ, напр., при вдвое болѣе высокой рабочей платѣ въ Англіи текстильнныя про-

изведенія Манчестера стоятъ не болѣе двухъ третей цѣны производства въ Осакѣ. Затѣмъ, отсутствуетъ самое сырье — хлопокъ — для текстильной промышленности. Приходится выписывать его изъ Индіи и изъ Америки. Но, во-первыхъ, цѣна хлопка растетъ. Во-вторыхъ, съ развитіемъ собственной мѣстной промышленности въ Индіи количество вывозимаго хлопка уменьшается. Въ-третьихъ, искусственный шелкъ начинаетъ выбивать рынокъ у натурального. Въ-четвертыхъ, наконецъ, создается зависимость отъ иностраннаго потребителя. Конфликтъ съ Америкой, блокада Англии или бойкотъ японскихъ товаровъ въ Китаѣ грозитъ сразу уменьшить вывозъ и подорвать самыя основы торговаго баланса. Въ 1920-хъ годахъ, напр., вывозъ бумажныхъ тканей въ Китаѣ падалъ слѣдующимъ образомъ (въ тысячахъ ярдовъ): 1925 — 214; 1926 — 193; 1927 — 132; 1928 — 49. Такъ шатки еще основы внѣшней торговли этой недавно вступившей на путь индустриализаціи и все еще остающейся аграрной страны. Ея національное честолюбіе, очевидно, далеко ушло впередъ сравнительно съ ея экономическими возможностями. Отсюда и происходитъ единственная возможность для японскихъ либераловъ партіи минсенто парализовать имперіалистическія мѣропріятія военной партіи сеюкай, сославшись на раззорительность для слабаго бюджета дорого стоящихъ военныхъ экспедицій на континентъ.

Это не мѣшаетъ, однако, японскимъ имперіалистамъ ссылаться на необходимость основанія «континентальной имперіи» по завѣту Мейджи именно для расширенія и укрѣпленія экономической базы островной Японіи. На этомъ расширеніи только и можетъ быть, въ свою очередь, основанъ самый планъ созданія континентальной имперіи. Эту цѣль, какъ увидимъ, преслѣдуютъ и всѣ японскія попытки вырвать добромъ или силой у старыхъ владѣльцевъ континентальныхъ территорій согласіе на экономическое подчиненіе Японіи. Разумѣется, «экономическое проникновеніе», по старинной манерѣ основателей колоній, приводитъ, при первой возможности, къ политическому порабошенію.

Познакомимся, теперь, съ жертвой японской экспансіи, каковой является въ третій періодъ китайская республика. Уже до разсматриваемаго періода, со времени побѣды надъ Россіей въ 1905 г., Японія крѣпко засѣла въ Южной Манчжуріи и приступила къ эксплуатаціи мѣстныхъ

природныхъ богатствъ. Въ этомъ отношеніи крупнѣйшимъ факторомъ японской экономической экспансіи служила компанія Южной Манчжурской желѣзной дороги. Это — цѣлое государственное учрежденіе со многими отдѣлами; его права шли гораздо дальше финансированія предприятий — вплоть до административнаго управления страной. Южная компанія вмѣстѣ съ японскимъ главнымъ штабомъ избрала Южную Манчжурію плацдармомъ для изученія вообще природныхъ богатствъ континента. Секретные развѣдчики и спеціалисты разсыпались вѣромъ по всѣмъ направленіямъ изъ Мукдена, — на сѣверовостокъ черезъ Гиринскую провинцію въ русскую Приморскую область; на сѣверъ черезъ Хейлунгьянскую провинцію до Амура; на западъ и сѣверозападъ — въ Монголію не только Внутреннюю, но и Внѣшнюю, вплоть до Китайскаго Туркестана съ одной стороны, и русскаго Забайкалья съ другой. Здѣсь созидались планы экономической эксплуатаціи природныхъ богатствъ — лѣсныхъ, минеральныхъ (угля, желѣза и золота), звѣриныхъ и рыбныхъ. Здѣсь намѣчалась и сѣть желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ быть построенными на японскія средства, чтобы приблизить японскіе центры къ предметамъ эксплуатаціи и захватить въ свои руки военно-стратегическіе узлы сообщенія. Кое съ какими изъ этихъ плановъ мы познакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

За періодъ развитія японскаго имперіализма сильно изменился самый объектъ японскихъ вождѣлнй въ этой обѣтованной землѣ Манчжуріи. Когда, послѣ русско-японской войны 1904-5 г. г. были разграничены сферы вліянія между Южной и Сѣверной Манчжуріей, — это была бѣдная, слабо населенная и совершенно нетронутая въ смыслѣ эксплуатаціи природныхъ богатствъ страна. Японія смотрѣла на нее первоначально, какъ на территорію для японской колонизаціи. Но очень скоро обнаружилось, что японцы — плохіе колонизаторы. Они предпочитали тѣсниться въ своихъ насиженныхъ мѣстахъ по побережьямъ острововъ, чѣмъ одолевать трудности непривычно-суроваго климата и первоначальнаго окультуренія дикой страны. Даже и въ настоящее время число японцевъ въ Манчжуріи едва доходитъ до 250.000 на 30 миллионновъ населенія; при этомъ половина ихъ осталась въ Дайренѣ и на Квантунскомъ полуостровѣ, а изъ другой половины боль-

шая часть заселила районъ Южной ж. д., и только около 35.000 разселились въ остальныхъ частяхъ Манчжуріи.

Несравненно болѣе удачливыми колонистами оказались выносливые китайцы. Манчжурія была пуста, пока царствовала манчжурская династія, такъ какъ манчжурскіе императоры не хотѣли допустить китаизаціи своей родины. Вселеніе китайцевъ въ Манчжурію было строго запрещено. Этотъ запретъ отпалъ съ установленіемъ республики. Китай со своимъ, остановившимся съ 1850 г. на 400-хъ милліонахъ, а теперь, можетъ быть, достигшимъ до 440 милліоновъ населеніемъ, перенаселенъ немногимъ менѣе Японіи. Въ юго-восточныхъ, наиболѣе плодородныхъ его провинціяхъ плотность населенія доходитъ отъ 300 до 600 и даже 875 чел. на кв. англ. милю. Въ сосѣднихъ съ Манчжуріей провинціяхъ Чжили и Шантунгъ эта плотность выражается цифрами въ 295 и 552 чел. на кв. милю (данныя 1923 г.). Отсюда и ринулся людской потокъ въ манчжурскія пустыни (и теперь лишь населенныя 65 чел. въ среднемъ, а на сѣверѣ 12 чел. на кв. милю). Страна открыла имъ свои благодатныя равнины, способныя вмѣстить многомилліонное населеніе. Въ 1919-24 г. г. ежегодный потокъ переселенцевъ составлялъ до 400.000 чел. Въ слѣдующіе два года онъ ежегодно увеличивается на 100.000; въ 1927 (голодный годъ) сразу поднимается до 1.000.000, а въ 1928 г., вѣроятно, превышаетъ 2.000.000. При этомъ интересно отмѣтить, что въ то время, какъ японское правительство всячески поощряетъ японскую колонизацію, но безъ всякаго успѣха, китайскій потокъ въ это смутное время движется густой человѣческой массой самовольно, спасаясь отъ голода и гражданской войны. Безъ всякой развѣдки караваны китайцевъ движутся со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ, съ повозками, съ женами, дѣтьми и младенцами, которыхъ женщины тащатъ за плечами. По дорогѣ отстаютъ больные, падаютъ умирающіе, а потокъ все движется впередъ по пыли, грязи или снѣгу въ невѣдомыя мѣста. Устроившіеся послѣ многихъ мытарствъ и испытаній поселенцы пишутъ оставшимся дома; по ихъ слѣдамъ уходятъ цѣлыя деревни. Сравнительно немногіе пользуются желѣзной дорогой; часть ихъ осаживается въ ближайшихъ городахъ, ища заработка, чтобы двинуться дальше. Другіе добираются дальше, до слабо населенныхъ мѣстъ сѣверной Манчжуріи. Первую зиму зачастую приходится проводить тамъ

въ наскоро построенныхъ землянкахъ. Безформенностью и выносивостью эти китайскія переселенія напоминаютъ наши русскія — въ годы бѣдствій. Не имѣя возможности противопоставить этому стихійному потоку соответственной японской колонизаціи, японцы рѣшили переселить въ Манчжурію корейцевъ. Они достигали при этомъ двойной цѣли: съ одной стороны очищали мѣста въ перенаселенной Корей для японскихъ колонистовъ, которые тамъ легче акклиматизировались; съ другой — создавали въ Манчжуріи враждебную китайцамъ національную группу, которую въ случаѣ надобности можно было направить противъ китайцевъ. Численный результатъ этой за-тѣи, впрочемъ, былъ также не очень значителенъ. Корейцевъ въ Манчжуріи не больше 800.000 на 30 милл. всего населенія.

Въ общемъ, сложился двоякій итогъ заселенія Манчжуріи со времени основанія республики. Съ одной стороны это — мирное земледѣльческое населеніе, трудолюбивое и выносливое, выдѣлившее изъ себя слой сезонныхъ городскихъ рабочихъ и мелкихъ торговцевъ, благодаря своей невзыскательности легко конкурирующихъ съ японцами. Съ другой стороны, сложился неустойчивый и немногочисленный слой японскихъ предпринимателей, пріѣхавшихъ съ цѣлью использовать нуждающееся китайское населеніе для эксплуатаціи природныхъ богатствъ Манчжуріи. Китайскіе земледѣльцы доставляли Японіи въ возраставшемъ количествѣ питательные продукты, преимущественно бобовыя растенія (сою). Японскіе предприниматели и банкиры вкладывали капиталы въ постройку желѣзныхъ дорогъ и въ другія выгодныя предпріятія: разработку каменнаго угля въ Фушунѣ и Іентаѣ, желѣзной руды въ Пенциху и Аншанѣ, лѣса, соли, рыбы, звѣриныхъ богатствъ и т. д. Манчжурія, несомнѣнно, стала необходимой составной частью японскаго народнаго хозяйства. Безъ нея извѣстное намъ неустойчивое положеніе этого хозяйства могло превратиться въ критическое, особенно въ случаѣ какихъ-либо внутреннихъ катастрофъ или внѣшнихъ замѣшательствъ. Естественно, что Японія стремилась, съ одной стороны, закрѣпить и расширить эксплуатацію Манчжуріи и сосѣднихъ областей Монголіи, а съ другой, именно при помощи этой расширенной базы снабженія оградить себя отъ возможности внѣшняго нападенія. И такъ какъ Японія была не одна, то эта оборо-

нительная политика неизбежно превращалась въ наступательную. Какъ мы видѣли, обстоятельства для наступленія складывались послѣ объявленія республики чрезвычайно благоприятно. Наступленіе развернулось широко и быстро. Но столь же естественно, что по мѣрѣ усиленія оно вызвало и соответственный отпоръ. Японія, какъ увидимъ, встрѣтила этотъ отпоръ съ той стороны, съ которой совершенно его не ожидала.

Первымъ моментомъ, который Японія избрала для расширенія своей власти въ Манчуріи, были годы, непосредственно слѣдовавшіе за объявленіемъ республики *).

Эта новая форма правленія была чужда китайскимъ традиціямъ и привычкамъ. Вначалѣ многія провинціи Китая даже не признали республики. Тибетъ и Монголія, считавшіе себя связанными съ Китаемъ только персональной уніей, съ паденіемъ династіи отложились. Первый президентъ Юаншикай пытался устроить компромиссъ между старымъ и новымъ. Сохранивъ старый религиозно-монархическій ритуаль, онъ невольно готовилъ императорскій тронъ для себя самого. Но такое быстрое окончаніе смуты было не въ интересахъ Японіи, которая съ самаго начала поддерживала революціонеровъ. И не дожидаясь развязки, Японія воспользовалась началомъ мировой войны, чтобы предъявить Юаншикаю 18 января 1915 г. знаменитыя «21 требованіе», согласно которымъ Японія не только вступала во всѣ права, принадлежавшія до сихъ поръ иностранцамъ, но и значительно расширяла эти права. На словахъ Китай становился «участникомъ и партнеромъ» мировой политики Японіи; въ дѣйствительности — ея вассаломъ. Японскій представитель въ Пекинѣ, Хіюки-Эки, сопроводилъ свое предложеніе весьма внушительнымъ комментариемъ. «Если Китай не дастъ положительныхъ доказательствъ своей дружбы», говорилъ онъ, то... пусть же

*) Изъ обширной литературы, посвященной исторіи Китая послѣ 1911-13 г. г., отмѣчу здѣсь только прекрасную работу нашего соотечественника, г. Анатоія Котенева, уже извѣстнаго предыдущими работами по внутреннему строю Шанхая. *New Lamps for Old, Shanghai, 1931*. Книга написана на основаніи обширнаго мѣстнаго матеріала. Дополненіемъ могутъ служить посвященные Д. Востоку главы работы *Louis Fischer, The Soviets in World Affairs, N. Y., 1930*, по совѣтскимъ даннымъ. (См. также совѣтофильскую «*Russia and the Soviet Union in the Far East*» by *Victor A. Yakhontoff, N. Y. 1931*).

забываетъ, что китайскіе революціонеры имѣютъ связи «со многими японцами внѣ правительства»; что эти послѣдніе обладаютъ «средствами и вліяніемъ» и что можетъ случиться, что японское правительство будетъ не въ состояніи удержать ихъ отъ возбужденія борьбы въ Китаѣ. Намекъ былъ слишкомъ прозраченъ. Юаншикай, прсмолчавъ четыре мѣсяца, сдался передъ ультиматумомъ Японіи. Въ инструкціяхъ, полученныхъ Эки, значилось, что его правительство преслѣдуетъ цѣль «укрѣпленія положенія Японіи въ Восточной Азіи»; для этого «укрѣпленія Имперіи» оно «рѣшилось достигнуть цѣли всѣми средствами, находящимися въ его власти».

25 мая 1915 года былъ подписанъ рядъ договоровъ, основанныхъ на «21 требованіи»; японцы принуждены были отказаться, подъ вліяніемъ взрыва общаго негодованія, лишь отъ «группы пятой» своихъ требованій: эта группа уполномочивала Японію назначать «политическихъ, финансовыхъ и военныхъ совѣтниковъ» при китайскомъ правительствѣ. Японія отказалась также отъ права строить укрѣпленія и гавани на берегу, противоположномъ о. Формозѣ, обязавъ Китай не давать этихъ правъ и иностранцамъ. За то Японія получила рядъ правъ для постройки желѣзныхъ дорогъ на японскія средства и для промышленной эксплуатаціи Южной Манчжуріи и Внутренней Монголіи. Германская концессія въ Кіаочао и аренда Квантунга возвращались Китаю, но прежнія права германцевъ переходили къ Японіи, которая получала также концессію по своему выбору въ заливѣ Кіаочао, продленіе на 99 лѣтъ аренды Портъ-Артура и Дальняго и открытые для торговли коммерческіе порты въ Шантунгѣ. Все это произошло подъ давленіемъ значительныхъ военныхъ силъ, которыя, по заявленію японскаго правительства, «не будутъ уведены, пока переговоры не придутъ къ благопріятному окончанію». И китайское правительство въ официальномъ отчетѣ заявило, что «оно было вынуждено сообразоваться съ условіями ультиматума; но сообразуясь съ ними, оно не имѣло въ виду соглашаться ни на какія измѣненія, которыя могли бы быть также распространены на соглашенія и договоры, заключенные съ другими державами относительно сохраненія независимости и территоріальной цѣлости Китая, относительно сохраненія status quo и принципа равенства отношеній со всѣми державами въ области торговли и промышленности въ Китаѣ».

Такъ, даже «неравные» договоры съ «иностранными дьяволами» («фанквай» — народное прозвище иностранцевъ, сохранившееся отъ незапамятныхъ временъ) послужили въ данномъ случаѣ щитомъ противъ попытки Японіи захватить монополію на всё эти права.

Послѣдствія договоровъ 25 мая 1915 г. тянутся длиннымъ хвостомъ вплоть до настоящаго времени. Первымъ изъ нихъ было то, что революціонеры объявили Юаншикая за принятіе договоровъ измѣнникомъ. Съ другой стороны, японцы требовали отъ него остановки монархическаго движенія; а когда провинціальныя делегаты и парламентъ провозгласили самого Юаншикая (декабрь 1915) китайскимъ императоромъ, японцы помогли революціонерамъ поднять возстаніе въ Юннанѣ. Потерявшій вѣру въ свою миссію, Юаншикая умеръ 6 іюня 1916 г. отъ загадочной болѣзни, которую объяснили душевнымъ уныніемъ.

Чтобы понять событія послѣднихъ полутора десятковъ лѣтъ, необходимо познакомиться хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ съ развитіемъ революціоннаго движенія въ Китаѣ. Начало его было скромно и протекало въ кружкахъ китайской интеллигенціи и въ атмосферѣ эмиграціи. Глава и вождь движенія Сунь-Ять Сенъ (1866 - 1925) родился въ китайской христіанской семьѣ, воспитывался у миссіонеровъ. Кончивъ ученые въ миссіонерской медицинскій школѣ въ Гонконгѣ, онъ сталъ практиковать въ Макао, гдѣ и познакомился съ квантунскими революціонерами, — сектой, раздѣлявшей ксенофобскія и антидинастическія тенденціи боксеровъ. Съ помощью Японіи онъ организовалъ вооруженный набѣгъ на Кантонъ; послѣ неудачи снова бѣжалъ въ Японію, откуда перебрался черезъ тихоокеанскія колоніи китайцевъ въ С.-Франциско, Нью-Йоркъ и Лондонъ. Въ 1905 г. ему удалось объединить три главныя революціонныя группы въ «національную народную партію» — «куоминданъ»; а къ 1911 г. его репутация уже настолько окрѣпла, что онъ былъ вызванъ въ Китай, занять мѣсто президента только что объявленной республики (уступленное имъ Юаншикаю). Его «тройная національная доктрина», принятая партіей (Сань-Минь-Чу-и), стремилась осуществить равенство національное (народа), политическое (посредствомъ народа) и экономическое (для народа). Первое равенство включало освобожденіе Китая отъ неравныхъ до-

говорить съ иностранцами, но не во имя имперіализма, а во имя перехода отъ націонализма къ интернаціонализму и всемірному миру, причемъ главную роль должна была играть тутъ индустриализація Китая. Второе равенство устанавливалось путемъ передачи народу четырехъ правъ: избирательнаго, права отзыва, референдума и инициативы: этимъ исправлялся «кризисъ парламентаризма». Третье равенство — экономическое — вначалѣ не имѣло ничего общаго съ социализмомъ, но обезпечивалось контролемъ государства надъ крайностями частной инициативы. Всѣ эти начала Сунъ-Ять-Сень считалъ возстановленіемъ принциповъ древней туземной династіи Мингъ. Громадное большинство республиканскаго парламента 1913 г. раздѣляло эту доктрину Коминдана. Но Юаншикаю удалось справиться съ этой «южной» партіей въ Нанкинѣ. Члены Коминдана были лишены депутатскихъ мѣстъ по обвиненію въ связи съ революціонерами, и Сунъ-Ять-Сену пришлось удалиться вмѣстѣ съ лишенными мѣстъ депутатами и сенаторами въ Кантонъ, гдѣ они и продолжали свои засѣданія. Національная связь двухъ правительствъ Китая, сѣвернаго и южнаго, сказала, правда, по поводу объявленія войны центральнымъ державамъ по настоянію Англии и Америки (осень 1918 г.). По настоянію державъ антанты была предпринята также вынужденная и неудачная попытка соглашенія въ Шанхаѣ. Делегатъ южанъ все-же присутствовалъ на Версальской конференціи. Документъ, представленный здѣсь союзникамъ, выражалъ полностью внѣшнюю программу Сунъ-Ять-Сена *). Въ немъ впервые были сформулированы требованія Китая о полномъ освобожденіи его отъ захваченныхъ иностранцами привилегій. Оба правительства отъ имени объединеннаго Китая требовали: 1) отмены сферъ вліянія, 2) отозванія иностранныхъ войскъ и полиціи, 3) отмены иностранной почты и телеграфа, 4) отмены правъ экстерриториальной юрисдикціи, 5 и 6) возвращенія Китаю всѣхъ иностранныхъ селтльментовъ и концессій и всѣхъ полученныхъ иностранцами въ аренду территорій и 7) возвра-

*) Изложеніе борьбы съ «имперіалистами» за эту программу составляетъ предметъ интереснаго произведенія ближайшаго сотрудника Сунъ-Ять-Сена, Вонгъ-Чинъ-Вая, имѣющагося во французскомъ переводѣ: *La Chine et les Nations*, trad. de C. Heywood, Paris, 1928.

шенія независимости. Тогда эти требованія настолько отходили отъ существовавшего порядка вещей, что казались утопическими. Къ тому же, Японія уже передъ конференціей сговорилась съ союзниками объ уступкахъ. Китайскій документъ былъ просто отброшенъ въ сторону, какъ выходящій за предѣлы программы конференціи. Это глубоко оскорбило китайцевъ. Недовольство выразилось въ студенческихъ беспорядкахъ въ Пекинѣ и въ полугодовомъ бойкотѣ японскихъ товаровъ. Интеллигентская революціонная струя здѣсь уже начинала сливаться съ народной ненавистью къ иностранцамъ. Въ Китаѣ это объединеніе общественнаго мнѣнія верховъ и низовъ, послѣдовавшее именно въ этотъ моментъ, носитъ специальное названіе «новаго культурнаго движенія». Первымъ вѣнчимъ выраженіемъ этого объединенія былъ отказъ китайскихъ делегатовъ подписать Версальскій договоръ. Проявленіемъ того же настроенія явился президентскій мандатъ 28 апрѣля 1919 г., возвѣщавшій, что «отнынѣ всѣ страны, не имѣющія договоровъ съ Китаемъ, въ случаѣ ихъ желанія войти въ договорныя отношенія должны будутъ основывать ихъ на началѣ равенства, и имъ не будетъ разрѣшено пользоваться специальными правами и привилегіями». Мы увидимъ дальше, что не даромъ китайской общественное мнѣніе считало этотъ мандатъ началомъ новой эры въ международныхъ отношеніяхъ Китая. Вступленіе Китая въ число членовъ Лиги Націй укрѣпляло увѣренность «культурнаго движенія» въ осуществимости новыхъ надеждъ.

Рядъ признаковъ скоро показали, что появленіе новаго общественнаго мнѣнія въ Китаѣ и въ самомъ дѣлѣ расцѣпляется иностранцами, какъ факторъ, съ которымъ надо считаться въ международныхъ отношеніяхъ. Китай, прежде всего, расторгъ свой военный договоръ съ Японіей. Японцы изъявили готовность, въ виду роста анти-японскихъ настроеній и угрозы бойкота товаровъ, войти въ переговоры съ Китаемъ и эвакуировать Шантунгскую ж. д. Но Китай хотѣлъ добиться общаго международнаго рѣшенія и надѣялся при этомъ на Лигу Націй. Англии дано было знать, что продленіе сенаратнаго союза ея съ Японіей будетъ считаться недружественнымъ актомъ и что Англии будетъ въ этомъ случаѣ тоже грозить бойкотъ товаровъ. Правящая въ Пекинѣ партія анфу была дискредитирована въ общественномъ мнѣніи, какъ про-

японская. Это дало временный успѣхъ противной ей чжидэйской партіи, руководимой ген. Ву-Пей-Фу. Но Японія уже слишкомъ глубоко вни́дрилась во внутреннія китайскія отношенія, чтобы дать такъ просто побѣдить себя. Она завязала сношенія съ владыкой Манчжуріи Чансолингомъ — и одновременно вновь выдвинула Сунъ-Ять-Сена и южанъ. Лозунгомъ долженъ былъ быть походъ на Пекинъ съ сѣвера и съ юга для объединенія Китая. Сунъ-Ять-Сенъ горячо ухватился за этотъ лозунгъ. Его мечтой стало «наказать» Ву-Пей-Фу. Конечно, его цѣль была прямо противоположна цѣли Японіи. Онъ стремился къ усиленію Китая; Японія — къ ослабленію его и къ продленію смуты, какъ средству достигнуть своей цѣли.

Такимъ образомъ, новая международная конференція — въ Вашингтонѣ (декабрь 1921 — февраль 1922) заста-ла Китай въ состояніи внутренней раздробленности. Однако, общественное мнѣніе Китая уже стояло выше этихъ правительственныхъ раздоровъ. Въ Вашингтонѣ считались съ нимъ, а не съ реальными властями Китая. Америка на этотъ разъ не скупилась на выраженія сочувствія Китаю. Очевидно, подъ этимъ настроеніемъ прежнее американско-японское соглашеніе 2 ноября 1917 г. («Лансинга-Иши»), по которому Америка признала было «спеціальные интересы» Японіи въ Манчжуріи, было истолковано самимъ Лансингомъ, какъ недоразумѣніе, не препятствующее понимать этотъ договоръ, какъ подтвержденіе американской традиціонной политики «открытыхъ дверей». Въ 1919 г. и самъ президентъ Вильсонъ призналъ, что въ Версалѣ съ Китаемъ поступили несправедливо. Сенатъ отказалъ въ согласіи на ст. 156-158 Версальскаго договора, «сохранивъ за собою свободу дѣйствій во всѣхъ спорахъ, какіе могутъ возникнуть по этому поводу между китайской республикой и японской имперіей». И въ Вашингтонѣ китайскую делегацію ожидала совершенно иная встрѣча, чѣмъ прежде. Китай и здѣсь выставилъ тѣ же требованія, какъ въ Версалѣ: требованія, многія изъ которыхъ продолжали еще и теперь считаться неисполнимыми. Но державы, во всякомъ случаѣ, рѣшили устранить претензіи Японіи на монопольное господство въ Китаѣ. И, идя навстрѣчу державамъ, Японія принуждена была отказаться отъ части одностороннихъ требованій, заключавшихся въ договорахъ 1915 г. Сюда относится отказъ отъ требованій исключительнаго права строить желѣзныя дороги, да-

вать Китаю займы подъ гарантію налоговъ и снабжать его совѣтниками. Остальными правами, какъ право свободной торговли, развѣздовъ по Китаю и найма помѣщениій, правительство Соед. Штатовъ, по его разъясненію, пользовалось уже въ силу права наиболѣе благопріятствуемой державы и въ силу своего традиціоннаго принципа «открытыхъ дверей и равныхъ возможностей» для всѣхъ державъ. Англо-японскій союзъ былъ, дѣйствительно, прекращенъ и замѣненъ договоромъ «деяти державъ». Но и этотъ договоръ не отмѣнялъ иностранныхъ привилегій. Онъ только передавалъ ихъ въ общее достояніе иностранцевъ.

Вопросы, поднятые Китаемъ, объ уничтоженіи экстерриториальности, сферъ вліяній, отозванія войскъ и полиціи, возвращенія сеттльментовъ и концессій, таможенной независимости, также подверглись обсужденію въ Вашингтонѣ. Но результатомъ его была передача этихъ вопросовъ для дальнѣйшей разработки въ комиссіи, — что могло казаться просто отложеніемъ въ долгій ящикъ. Даже почтовые отдѣленія державы согласились уничтожить не всѣ. Словомъ, радикализированное коминданомъ китайское общественное мнѣніе имѣло основаніе не считать уступокъ, полученныхъ въ Вашингтонѣ, за побѣду. Оно отнеслось къ нимъ недовѣрчиво и равнодушно.

Внутри Китая борьба партіи аньфу съ партіей чжили затянулась. Въ частности, проектъ похода на сѣверъ, несмотря на всѣ усилія Сунъ-Ять-Сена, наткнулся на полное равнодушіе народныхъ массъ. Разочарованный, постарѣвшій и больной, онъ принужденъ былъ вновь удалиться изъ Кантона въ Шанхай. Но въ Шанхаѣ ему открылись новыя перспективы. Если не помогла поддержка Японіи, зато быстро взошла надъ китайскимъ горизонтомъ звѣзда коммунистической Москвы.

Отказъ совѣтской власти отъ всѣхъ привилегій, полученныхъ царскимъ правительствомъ отъ Китая, заявленный уже въ 1919 г., произвелъ огромное впечатлѣніе на китайскую общественность. Это была первая иностранная держава, которая наконецъ соглашалась цѣликомъ выпустить самыя крайнія требованія китайскихъ националистовъ. Еще сильнѣе было впечатлѣніе пріѣзда въ Пекинъ миссіи Юффе, перваго настоящаго посланника, а не «министра», который на самой территоріи пекинскихъ легаций велъ открытую пропаганду противъ иностранныхъ «им-

періалистовъ», демонстрируя этимъ ихъ безсиліе. Въ идеяхъ Сунъ-Ять-Сена было и безъ того много такого, что сближало его доктрину съ большевизмомъ. Когда, по дорогѣ изъ Китая въ Япцію, Юффе провелъ нѣсколько дней въ разговорахъ съ вождемъ Коминдана, эти элементы конечно усилились. Однако, при разставаніи оба собесѣдника подписали очень осторожное заявленіе, свидѣтельствующее и о ловкости Юффе, и о самостоятельности Сунъ-Ять-Сена. Заявленіе гласило, что въ области русско-китайскихъ отношеній взгляды собесѣдниковъ одинаковы; но для введенія коммунизма и совѣтской системы въ Китаѣ нѣтъ подходящихъ условій; главная и наиболѣе настоятельная задача Китая состоитъ въ достиженіи національнаго объединенія и независимости; для осуществленія этой задачи Китай можетъ рассчитывать на поддержку Москвы.

Надежда на эту поддержку не обманула. Въ концѣ февраля 1923 г. Сунъ вернулся въ Кантонъ съ цѣлью возстановить правительство Коминдана. Но для этого нужно было прежде всего перестроить самую партію по образцу московской. Это и было сдѣлано на съѣздѣ партіи въ 1924 г. При этомъ партія слилась съ успѣвшей образоваться партией китайскихъ коммунистовъ, и ближайшимъ совѣтникомъ Суна сталъ энергичный Михаилъ Грузенбергъ, болѣе извѣстный подъ фамиліей Бородина. Чтобы наполнить кассу, Сунъ на этотъ разъ по-большевистски прибѣгнулъ къ конфискаціи доходовъ имущаго класса и государственныхъ пошлинъ. Эти приемы сразу, въ связи съ внушенными Бородинымъ деклараціями, привлекли въ партію рабочія и крестьянскія массы. Меньше чѣмъ въ три мѣсяца въ распоряженіи Кантонскаго правительства оказалось 160 профессиональныхъ союзовъ, которые могли выставить въ любой моментъ до 170.000 рабочихъ и крестьянскихъ демонстрантовъ. Общее число организованныхъ рабочихъ, присоединившихся къ Коминдану, превышало, по расчету совѣтскихъ агентовъ, 350.000. Партія организовала, при помощи Москвы, свою «военную академию» въ Вампо, въ которой въ октябрѣ 1924 г. уже насчитывалось до 1.000 студентовъ — будущихъ офицеровъ «рабоче-крестьянской арміи». Они обучались подъ руководствомъ совѣтскихъ экспертовъ и на совѣтскія средства. Торгово-промышленный классъ Кантона обезлокоился — и попробовалъ противопоставить этой вооруженной си-

лъ корпусъ «добровольцевъ». Но ихъ выступленіе повело къ разгрому Кантона; были разрушены 23 улицы, уничтожено до 2.000 лавокъ и магазиновъ, перебито до 6.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Сопrotивленіе кантонскихъ торговыхъ посредниковъ (compradores) было сломлено, а мелкая буржуазія примирилась съ партіей, въ составѣ которой были и ея представители.

Пока все это происходило въ Кантонѣ, временный союзникъ Суна Чжансолинъ успѣлъ выполнить часть задачи объединенія Китая, занявъ Пекинъ и справившись съ партіей чжили. Онъ звалъ теперь Суна на совѣщаніе въ Тяньдзинь. Характерно, что, прежде чѣмъ поехать на сѣверъ, Сунъ рѣшилъ посѣтить — въ послѣдній разъ — Японію. Смыслъ его посѣщенія выясняется изъ деклараціи, которую онъ далъ въ Japan Chronicle при возвращеніи изъ Японіи. Сунъ-Ять-Сенъ соглашался здѣсь не поднимать вопроса о японскихъ владѣніяхъ въ Манчжуріи. Онъ-де ограничивается пока двумя важнѣйшими задачами — уничтоженіемъ экстерриториальности иностранцевъ и достиженіемъ таможенной автономіи. Онъ увѣренъ, что Японія покажетъ примѣръ другимъ державамъ въ отказѣ отъ привилегій и что японскій народъ — на его сторонѣ. Онъ не противъ признанія долговъ, заключенныхъ у Японіи прежнимъ правительствомъ аньфу, если Японія поддержитъ Китай въ его борьбѣ за самостоятельность. Для челоуѣка, причисленнаго по смерти къ лику древнихъ китайскихъ мудрецовъ, такой прогнозъ свидѣлствуетъ, конечно, о чистотѣ намѣреній, но и о странной близорукости, съ которой онъ шелъ въ поводу у Японіи. Правда, ихъ пути уже начинали расходиться послѣ неожиданнаго усиленія Коминдана и добытыхъ имъ успѣховъ.

4 декабря 1924 г. Сунъ прибылъ въ Тяньдзинь, совершенно больной и безсильный воспользоваться приготовленнымъ для него триумфальнымъ приѣмомъ. И это было кстати для поддержанія его репутаціи мудрости. Въ Пекинѣ Чансолина успѣлъ замѣнить его ненадежный союзникъ «христіанскій» генералъ Фенгъ-Ю-Сянъ. Онъ не могъ выполнить требованій Коминдана — немедленно осуществить чуть не всю программу Сунъ-Ять-Сена. Самъ Сунъ уже былъ не въ состояніи не только дѣйствовать, но и передвигаться. 31 декабря его привезли умирающимъ въ Пекинъ, и 12 марта 1925 г. онъ умеръ отъ рака въ печени, окруженный до послѣдней минуты Бородинымъ, его же-

ной и однимъ (лѣвымъ) членомъ Коминдана. Отъ его имени они опубликовали завѣщаніе, въ которомъ предписывалась борьба до конца за его доктрину въ союзѣ съ «тѣми народами, которые вѣдутъ сношенія съ нами на началѣ равенства» (т. е. единственной пока совѣтской Россіей).

Тотчасъ по смерти Суна этотъ послѣдній пунктъ завѣщанія былъ нарушенъ. Въ самомъ Пекинѣ собралась группа умѣренныхъ членовъ Коминдана, которая была противъ участія коммунистовъ въ партіи. То же повторилось и въ Кантонѣ. Эта попытка разорвать съ Москвой оказалась, однако, преждевременной. Бунтовщики были исключены изъ партіи; лѣвое крыло заявило о своей силѣ поддержкой бойкота въ Шанхаѣ, объявленнаго послѣ пресловутаго выстрѣла 30 мая 1925 г., и поддержкой стачки рабочихъ въ Гонконгѣ. Характернымъ образомъ, бойкотъ касался на этотъ разъ не японцевъ, а англичанъ. Ген. Фенгъ заявлялъ тогда: «мы — китайцы и японцы — потомки однихъ предковъ и должны объединяться и сотрудничать для обоюднаго блага». И коммунисты тоже дѣлали для японцевъ исключеніе изъ борьбы противъ неравныхъ договоровъ.

Бородинъ устремилъ теперь все свое вниманіе на усиленіе кантонской арміи, готовя ее къ дальнѣйшей борьбѣ на болѣ широкомъ фронтѣ. Его ближайшей цѣлью было поднять китайскихъ крестьянъ, обѣщавъ имъ всю землю. Ему, дѣйствительно, удалось поднять мѣстное аграрное движеніе. Но это послужило новымъ поводомъ къ конфликту съ умѣреннымъ большинствомъ Коминдана. Во главѣ оппозиціи сталъ начальникъ военной академіи Вампо, Чанъ-Кай-Шекъ. Будущій вождь китайскаго объединенія выдвинулся здѣсь на первыя роли впервые.

Первыя попытки Чанъ-Кай-Шека бороться съ коммунистами внутри партіи не привели, однако, къ рѣшительному результату. Дальнѣйшей задачей Бородина было — перенести борьбу въ долину Янгцекіанга. И внутренний конфликтъ закончился компромиссомъ, въ силу котораго Чанъ-Кай-Шекъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Кантонской національной революціонной арміи (іюль 1926). Въ дружественномъ общеніи съ Бородинымъ онъ началъ давно задуманный Сунъ-Ять-Сеномъ походъ противъ сѣвера, — «противъ имперіализма и за объединеніе Китая». Участіе коммунистовъ обезпечило походу сочувствіе народныхъ массъ, но и придало ему чрезвычайно на-

сильственный характеръ. Большіе города сдавались націоналистамъ при содѣйствіи рабочихъ союзовъ. Бородинъ сталъ фактическимъ диктаторомъ. Въ концѣ года южное правительство было переведено въ двойной городъ Учань-Ханькоу на Янцехянгъ (откуда и названіе его «Уханское» правительство). Въ немъ участвовали жена и сынъ покойнаго Сунь-Ять-Сена, и въ глазахъ массъ Уханское правительство было обвѣяно ореоломъ обоготвореннаго вождя. Къ апрѣлю 1927 г. весь Китай на югъ отъ Янцекіанга былъ въ рукахъ южнаго правительства. Власть надъ сѣверомъ къ этому времени сосредоточилась въ рукахъ владыки Манчжуріи Чжансолина. Японія продолжала, подъ видомъ нейтралитета, покровительствовать и тому, и другому движенію, направляя ихъ противъ иностранцевъ и выдѣляя себя, какъ друга обновляемаго Китая. Событія, казалось, оправдывали этотъ расчетъ. Европейцы подъ впечатлѣніемъ успѣховъ націоналистовъ стали очень сговорчивы. Англія вернула Китаю свои концессіи въ Ханькоу и Кіукиангъ.

Положеніе измѣнилось послѣ того, какъ 23 марта 1927 года націоналисты разгромили Нанкинъ, перебивъ много иностранцевъ. Съ японцами, впрочемъ, и тутъ обращались болѣе осторожно. Китайская буржуазія, мелкая и крупная, измученная насиліями и поборами, отвернулась отъ движенія. Деньги перестали притекать въ кассы націоналистовъ, а ихъ арміи не получали содержанія. На этомъ Чанъ-Кай-Шекъ основалъ свой планъ вновь вступить въ борьбу съ коммунистами, — прежде всего въ лицѣ Уханскаго правительства. Промышленный классъ, мелкая буржуазія, даже интеллигенція были на его сторонѣ. Въ противоположность Уханскимъ лѣвымъ, въ Нанкинѣ было создано (18 апрѣля) правительство болѣе умѣренной части партіи Коминдана. Чанъ-Кай-Шекъ распустилъ вооруженныя рабочія и крестьянскія ячейки. Тысячи коммунистовъ были перебиты въ главныхъ городахъ. Въ то же время Чжансолинъ потребовалъ удаленія Карахана изъ Китая, ареста Бородина, и произвелъ набѣгъ на совѣтское посольство въ Пекинѣ, добывъ при этомъ доказательства руководства Москвы всѣмъ націоналистическимъ движеніемъ. Уханское правительство было разсѣяно. Бородинъ, безсильный удовлетворить требованіямъ троцкистовъ, — поднять немедленную пролетарскую революцію въ Китаѣ, 27 іюля уѣхалъ въ Москву.

Казалось, что объединеніе Китая безъ услугъ коммунистовъ, путемъ соглашенія трехъ главныхъ политическихъ величинъ Чанъ-Кай-Шека, Чжансолина и Фенгъ-Ю-Сяна, теперь, наконецъ, приближалось къ осуществленію. Но... какъ разъ съ этого момента благожелательный нейтралитетъ Японіи неожиданно замѣняется открытымъ противодѣйствіемъ. Перемѣна политики совпадаетъ со вступленіемъ во власть новаго премьера ген. Танаки, представителя военной партіи сеюкай. Японскія войска высаживаются въ Цинтау и занимаютъ столицу Шантунга Цинанфу — наперерѣзъ шестію національныхъ войскъ къ Пекину. Весь сѣверный походъ Чанъ-Кай-Шека оказывается сорваннымъ этимъ стратегическимъ движеніемъ японцевъ. Самъ Чанъ-Кай-Шекъ такъ резюмировалъ положеніе въ августѣ 1927 г.: «я уже былъ бы теперь въ Пекинѣ, еслибы японцы не сѣли поперекъ Шантунгской желѣзной дороги». Военная неудача пошатнула положеніе Чан-Кай-Шека. Но все же въ концѣ года, послѣ подавленнаго возстанія коммунистовъ въ Кантонѣ, онъ вернулся къ власти. Коммунисты были исключены изъ партіи. Съ Москвой прекращены дипломатическія сношенія. Национальное правительство усидѣло въ Нанкинѣ.

Разъединивъ югъ съ сѣверомъ, Японія теперь могла спеціально заняться Чжансолиномъ, который еще въ большей степени, чѣмъ Чанъ-Кай-Шекъ, обманулъ ея ожиданія. Онъ не только не признавалъ больше «спеціальныхъ и преобладающихъ интересовъ Японіи» въ Манчжуріи, но и задумалъ освободить «три провинціи» отъ экономическаго вліянія японцевъ путемъ постройки сѣти новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Направленіе этихъ дорогъ (см. ниже) лишало значенія Южную манчжурскую дорогу, при помощи которой японцы держали въ рукахъ народное хозяйство Манчжуріи. Этотъ шагъ Чжансолина противорѣчилъ прелиминарному соглашенію 28 сентября 1918 г. и тайному договору 1905 г., по которому китайцы обязывались не строить сосѣднихъ и параллельныхъ линій съ главной магистралію къ ея ущербу. Но китайцы утверждали, что первый договоръ не былъ превращенъ въ окончательный, а второй и вообще не существовалъ. Вражда къ иностранцамъ здѣсь уже прямо превращалась во вражду къ японцамъ, и Японія не могла этого стерпѣть. Отношенія съ Чжансолиномъ еще болѣе обострились, когда истекъ срокъ японско-китайскаго договора 1896 г. и

Чжансолинъ поставилъ для возобновленія его всё тѣ же требованія, которыя ставились иностранцамъ южанами: отмѣну экстерриториальности и концессій, таможенную автономію и, вдобавокъ, пересмотръ вопросовъ объ арендѣ Ляодунскаго полуострова и о статуѣ Южной жел. дороги.

Отвѣтомъ японцевъ былъ приказъ 4 сентября 1927 г. — увезти японскія войска изъ Шантунга. Это было понято врагами Чжансолина, какъ отказъ ему въ японской помощи. Дорога къ Пекину была теперь свободна, и четыре мѣсяца спустя Чань-Кай-Шекъ возобновилъ походъ противъ сѣвера. Военныя дѣйствія развернулись весной 1928 г. Но Японія опять обезпокоилась. Чтобы въ рѣшительный моментъ оказаться въ роли судьи между націоналистами и сѣверянами, бар. Танака вновь послалъ японскія войска въ Шантунгъ. У моста черезъ Желтую рѣку у Цинаифу національныя войска были остановлены. Тогда Чжансолинъ, чтобы не показаться китайцамъ союзникомъ японцевъ, телеграфно предложилъ всѣмъ китайцамъ пріостановить военныя дѣйствія. Его войскамъ былъ отданъ приказъ отступить къ Тяньдзину, а правительству — эвакуировать Пекинъ. Японцы и этимъ не удовлетворились. 18 мая 1928 г. Юшизава вручилъ Чжансолину въ Пекинѣ требованіе, чтобы его солдаты не переходили Шанхайквана — границы Манчжуріи, а самъ онъ немедленно удалился въ Манчжурію. Въ то же время, подъ всегдашнимъ предлогомъ — охраны японскихъ интересовъ въ Манчжуріи, японскіе гарнизоны въ Пекинѣ, Шанхайкванѣ, Тяньдзинѣ и Мукденѣ были усилены. Чжансолину ничего не оставалось, кромѣ подчиненія. 3 іюня онъ выѣхалъ изъ Пекина въ Мукденъ. По дорогѣ, на перекресткѣ, гдѣ японская южная дорога пересѣкаетъ по мосту Мукденскую, его ожидалъ сильный динамитный зарядъ, искусно заложанный подъ мостомъ, куда китайцы не допускались. Чжансолинъ былъ взорванъ вмѣстѣ съ поѣздомъ. Разслѣдованіе показало, что тутъ дѣйствовала японская рука. Это — тотъ эпизодъ, о которомъ недавно въ полномъ собраніи Лиги Націй напомнилъ китайскій делегатъ Иенъ, не вызвавъ возраженій со стороны Сато...

Националистамъ, напротивъ, была предоставлена полная свобода дѣйствій. Въ тотъ самый моментъ, когда консервативный Китай, въ лицѣ Чжансолина, отходилъ въ прошлое, правительство Коминдана получило возмож-

ность водвориться на постоянное пребываніе въ столицѣ новаго Китая, Нинкинѣ. Туда были торжественно перенесены, въ присутствіи дипломатическаго корпуса, останки обоготвореннаго Сунь-Ять-Сена. Пекинъ былъ разжалованъ въ Пеипингъ и превратился въ провинціальный городъ. Провинція Чжили переименована въ Хупей. Новое правительство было составлено, по плану Суна, изъ «пяти властей» (къ законодательной, исполнительной и судебной Сунъ прибавилъ еще двѣ: слѣдственную и карательную). По его терминологіи, періодъ «военной революціи» теперь закончился и наступилъ періодъ «національной опеки» — въ ожиданіи послѣдняго — народнаго и конституціоннаго періода.

Но Японія ничего не выиграла отъ своего участія въ этой «опекѣ». Важна была теперь не смѣна правительства, а даже не борьба генераловъ, а настроеніе народа. А это настроеніе, вслѣдствіе очевиднаго для всѣхъ вмѣшательства японцевъ во внутреннія дѣла Китая, повернулось теперь окончательно противъ самой Японіи. Напротивъ, иностранцы, на которыхъ Японія хотѣла направить остріе китайской ксенофобіи, спѣшили всѣми мѣрами примириться съ новыми тенденціями Китая. Съ нѣкотораго времени они и обращались съ своими дружественными заявленіями не въ Пекинъ, а въ Нанкинъ. И общей директивой для нихъ сдѣлалось заявленіе національнаго правительства 8 іюня 1928 г., въ которомъ сообщалось, что объединеніе Китая совершилось (на самомъ дѣлѣ, нанкинское правительство было тогда признано только пятью провинціями) и что начато переустройство страны на началахъ политическаго завѣщанія Сунь-Ять-Сена. На основаніи этого новый министръ иностранныхъ дѣлъ д-ръ Вангъ приглашалъ иностранцевъ «заключить новые договоры на основѣ полнаго равенства и взаимнаго уваженія къ суверенитету другъ друга», увѣряя ихъ въ то же время, что рѣшено искоренить коммунизмъ въ Китаѣ. Далѣе сообщалось о рѣшеніи отмѣнить всѣ иностранные договоры, которымъ вышелъ срокъ, и опубликовать до заключенія новыхъ договоровъ временныя правила (уничтожавшія экстерриториальность).

Англія и Соединенные Штаты не дожидались даже деклараціи 8 іюня 1928 г., чтобы пойти навстрѣчу стремленіямъ націоналистовъ. Съ этой цѣлью пріѣхалъ въ Ки-

тай новый представитель Англии Майлсѣ Лампсонъ. Америка заявила о своемъ желаніи войти въ переговоры и заключеніи новыхъ договоровъ уже въ началѣ 1927 г. Послѣ своей деклараціи д-ръ Вангъ сообщилъ Бельгіи, Испаніи, Италиі, Даніи, Португаліи, Франціи о наступленіи срока ихъ договоровъ. Договоръ съ Японіей былъ трижды продолженъ. Вначалѣ заявленія Ванга не были приняты всерьезъ. Но положеніе измѣнилось, когда 24 іюля 1928 г. представитель Великобританіи заявилъ о глубокой симпатіи своего правительства къ «законнымъ стремленіямъ» Китая и подписалъ на другой день договоръ о признаніи таможенной автономіи Китая. Англія послѣдовала 9 августа американскому примѣру и заявила о готовности приступить къ переговорамъ о пересмотрѣ договора. Раньше конца 1928 г. были заключены новые договоры съ Германіей, Франціей, Норвегіей, Бельгіей, Италией, Даніей, Португаліей, Нидерландами, Швеціей и Испаніей *). Всѣ они признавали таможенную автономію Китая. Бельгійскій договоръ соглашался и на уничтоженіе экстерриториальности, «какъ только большинство державъ, пользующихся привилегіей экстерриториальности, придетъ къ соглашенію о ея отмініи». Что касается Японіи, д-ръ Вангъ счелъ нужнымъ заявить 29 ноября по радио, послѣ переговоровъ съ г. Яда, генер. консуломъ въ Шанхаѣ, что Японія неискренна и что окончательная урегулировка съ нею инцидента въ Цинанфу (3 мая, при занятіи города японскими войсками) невозможна. Японія не признавала и истеченія срока своего договора и не желала ничего уступить изъ своихъ привилегій. Въ противовѣсѣ радикализму Нанкина, она теперь настаивала на сохраненіи автономіи Манчжуріи. Чанъ-Сю-Ліанъ, сынъ и наследникъ Чжансолина, былъ серьезно предупрежденъ, что Японія «воспрепятствуетъ вывѣшенію національнаго флага (Чанъ-Сю-Ліанъ призналъ Нанкинское правительство), хотя бы для этого пришлось вмѣшаться во внутреннія дѣла Китая».

Подобныя угрозы не могли уже, однако, остановить хода событій. Международное положеніе Китая глубоко измѣнилось въ результатъ новаго отношенія Европы и

*) Тексты договоровъ и переговоровъ можно найти въ соответствующихъ dossiers «Europe Nouvelle».

Америки къ старымъ привилегіямъ *). Въ 1931 г. изъ 25 державъ, имѣвшихъ договоры съ Китаемъ, десять уже не имѣли права экстерриториальности, шесть другихъ согласились на извѣстныхъ условіяхъ отказаться отъ этого права. И только шесть еще пользуются въ теоріи режимомъ договоровъ 1858 г. Но изъ нихъ пять уже ведутъ переговоры съ Китаемъ о переходномъ режимѣ. Повторныя ноты 27 апрѣля, 5 и 7 сентября напомнили имъ о необходимости скорѣйшей отмѣны экстерриториальности. А 4 мая 1931 г. китайскій регламентъ назначилъ 1 января 1932 г. окончательнымъ срокомъ для подчиненія иностранцевъ китайскимъ судамъ. Конечно, Японія и тутъ не выразила намѣренія уступить. 12 марта 1931 г. она поставила четыре условія для переговоровъ, на которыя Китай не согласился.

Что касается концессій, ихъ судьба, — какъ и ихъ исторія, — неразрывно связана съ судьбой экстерриториальности. Комиссія по отмѣнѣ экстерриториальности, назначенная Вашингтонской конференціей, установила въ 1926 г. принципъ, что «по отмѣнѣ экстерриториальности граждане заинтересованныхъ державъ будутъ пользоваться свободой поселенія и веденія дѣлъ согласно общему обычаю народовъ на справедливыхъ и равныхъ основаніяхъ». Новѣйшій изслѣдователь Эскарра совершенно правильно замѣчаетъ, что концессіи приобрѣли свой территориальный характеръ въ нарушение международного права, тогда какъ ихъ первоначальный характеръ былъ личный. Примѣръ шанхайской концессіи покажетъ, какъ трудно удержать экстерриториальный характеръ концессій въ чужой странѣ. На 86 тысячъ иностранцевъ, принадлежащихъ къ 43 національностямъ, живущимъ на территории международной концессіи въ Шанхаѣ, приходится китайцевъ 971 тысяча; а на французской концессіи тамъ же на 12 тысячъ иностранцевъ (изъ нихъ всего 1.208 французовъ) приходится 435 тысячъ китайцевъ. Естественно, что и администрація концессіи — или всецѣло китайская или съ преобладаніемъ, постоянно увеличивающимся, китайскаго элемента. Составъ и компетенція мѣстного самоуправленія расширились путемъ узурпаціи; са-

*) Лучшимъ изслѣдованіемъ на эту тему, использованнымъ мной для послѣдующаго резюме, является солидная работа г. *Jean Escarra*, *La Chine et le droit international*, Paris, 1931.

мыя учрежденія незаконно превратились изъ чисто муниципальныхъ и торговыхъ въ политическія учрежденія территоріальнаго характера. Борьба за расширенія правъ китайцевъ въ концессіяхъ вызвала цѣлый рядъ спорныхъ вопросовъ — о языкѣ, о налогахъ, о подчиненіи китайской полиціи, о подчиненіи китайскому правительству новаго прироста городской территоріи и т. д. Фактически, германскія и австро-венгерскія концессіи вернулись Китаю уже вслѣдствіе объявленія войны; русскія — вслѣдствіе революціи 1917 г. Англія, кромѣ упомянутыхъ выше концессій въ Ханькоу и Кіукиангѣ, возвращенныхъ въ 1927 г., уступила добровольно и концессіи въ Чень-Кіангѣ и Амоѣ (1929-30), сохранивъ права кондоминіума. Бельгія безъ оговорокъ уступила свою концессію въ Тяньдзинѣ (1931). 17 мая 1931 г. національное правительство назначило три специальныхъ комиссіи для возвращенія концессій англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ и Шанхая.

Уже совершенно насильственно создались во второй половинѣ 90-хъ г. г. такъ назыв. «арендованныя территоріи»: Ляодунъ, Кіаочао, Портъ-Артуръ и Дальній, Куангчендзы (Франція), Кіулунгъ — противъ Гонконга и Вейхавей (Англія). Державы считали ихъ скрытой аннексіей, съ присвоеніемъ суверенной власти. Китайцы же смотрѣли на нихъ, какъ на временную, ограниченную срокомъ (25, 99 лѣтъ) уступку части суверенныхъ правъ. Со времени Версаля и Вашингтона Китай добивается, какъ мы видѣли, ихъ возвращенія. Франція на это согласна. Англія согласна на возвращеніе Вейхавей (возвращенъ въ 1930), но хочетъ, для безопасности Гонконга, удержать Кіулунгъ. Японія доказываетъ, что получила Кіаочао и Ляодунъ не отъ Китая, а отъ другой державы, цѣной крови и денегъ. Она согласна отдать Кіаочао (отданъ), но въ Ляодунѣ затронуты жизненные интересы Японіи.

Кварталь посольствъ въ Пекинѣ былъ созданъ въ моментъ ликвидаціи боксерскаго возстанія, по протоколѣ Китая съ 11 державами (7 сентября 1901), съ правомъ обороняться и съ запрещеніемъ селиться китайцамъ. Но посольства присвоили себѣ право убѣжища, причемъ каждое имѣло своихъ протеже въ китайской внутренней борьбѣ. Затѣмъ, дипломатическій корпусъ создалъ фикцію, если не юридическаго, то моральнаго лица. Китай съ іюля 1930 г. отказался признавать существованіе этого

моральнаго лица и признаеть лишь единое представительство въ вопросахъ протокола. Съ перенесеніемъ столицы въ Нанкинъ національное правительство настаиваетъ на перенесеніи туда и легаций. 28 дек. 1930 г. оно даже извѣстило, что для каждой легации выбраны мѣста въ Нанкинѣ, — но въ разныхъ кварталахъ города, — и предложили выкупить имущества легаций въ Пекинѣ. Державы колеблются. Но перенесеніе резиденцій есть лишь вопросъ времени.

Что касается возвращенія таможенной самостоятельности, — специальная конференція, предусмотрѣнная договоромъ девяти державъ, собралась въ Пекинъ въ 1925 году. Декларацией 19 ноября она признала тарифную автономию Китая и согласилась ввести въ дѣйствіе съ 1 января 1929 г. національный тарифъ — подъ условіемъ отмены ликина (мѣстная таможенная пошлина). Национальное правительство уже 20 іюля 1927 г. установило автономный тарифъ. Соед. Штаты первые заключили договоръ на принципѣ автономіи (25 іюля 1928 г.). За ними послѣдовали Германія (17 авг.), Норвегія (12 нояб.), Бельгія и Люксембургъ (22 нояб.), Италія (27 нояб.), Данія (12 декаб.), Нидерланды (19 дек.), Португалія (19 дек.), Англія (20 дек.), Швеція (28 дек.), Франція (22 дек.), Испанія (27 дек.). 1-го февраля 1929 г. Китай опубликовалъ новый тарифъ, согласованный съ прибавками комиссіи 1925 г. ($7\frac{1}{2}$ - 27% *ad valorem*) 29 дек. 1930 г., опубликованъ другой тарифъ ($2\frac{1}{2}$ - 50%). Японія упорно отказывалась слѣдовать примѣру державъ и требовала предвзрительнаго улаженія инцидентовъ, отчасти ею же и спровоцированныхъ. Только 6 мая 1930 г. былъ заключенъ съ ней договоръ на принципѣ таможенной автономіи Китая. Этимъ борьба за независимость таможи должна считаться оконченной.

Болѣе неуловимый характеръ имѣло стремленіе овладѣть финансами. Зависимость Китая вначалѣ неизбѣжно вытекала изъ роли иностраннаго капитала въ финансированіи китайскихъ предприятий, государственныхъ и частныхъ. Начало финансовой опеки было положено «консорціумомъ четырехъ державъ» (Франціи, Англіи, Германіи и Соед. Штатовъ, 1909-1910). Въ 1912 г. образовался второй консорціумъ «шести державъ», съ привлеченіемъ къ равному участию Японіи и Россіи. Въ 1918-19 г. г. Соед. Штаты, Россія и Германія перестали участвовать въ

комбинаціи; и вообще вниманіе державъ было отвлечено отъ Дальняго Востока обстоятельствами военного времени. Этимъ моментомъ Японія воспользовалась, чтобы связать Китай (1918) рядомъ чрезвычайно невыгодныхъ займовъ, дурная память о которыхъ сохраняется до сихъ поръ (такъ назыв. «займы Нисихары»). Часть полученныхъ такимъ образомъ займовъ пошла на финансированіе участія Китая въ войнѣ; другая часть — на постройку четырехъ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи, имѣвшихъ, повидимому, скорѣе стратегическое, чѣмъ экономическое значеніе. (общая линія Джекхоль-Таонань-Чань-Чунь-Гиринь-Хейлунь и Кайюань) и двухъ въ Шантунгѣ. Однако, Соед. Штаты обратили вниманіе на монополистскую тенденцію Японіи и, чтобы парализовать ее и сохранить принципъ «открытыхъ дверей», организовали третій консорціумъ, заключенный въ Парижѣ въ 1930 г. послѣ двухлѣтняго сопротивленія Японіи, ссылавшейся на свои «спеціальныя интересы» въ Манчжуріи и Монголіи. Несмотря на сильный составъ (71 банкъ четырехъ державъ: Франціи, Англии, Японіи и Соед. Штатовъ), этотъ консорціумъ не развернулъ широкой дѣятельности. Причина этого, вѣроятно, та, что онъ уже столкнулся съ автономистскими стремленіями національнаго правительства.

Уже въ 1914 г. китайское правительство сдѣлало попытку вернуть себѣ контроль надъ эксплуатаціей минеральныхъ богатствъ. Въ 1930 г. національное правительство вернулось къ этому плану, рѣшивъ ограничить право ихъ эксплуатаціи китайскими подданными или, въ видѣ исключенія, смѣшанными обществами не болѣе какъ съ 49% иностраннаго капитала. Желѣзо, мѣдь, нефть были объявлены правительственной монополіей, съ правомъ отдачи на откупъ не далѣе какъ на 20 лѣтъ. Всѣ прежнія концессіи должны были подчиниться новому законодательству. Провести на практикѣ эти рѣшенія, конечно, не такъ легко. Въ особенности затруднителенъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Японія продолжаетъ настаивать на своихъ особыхъ правахъ въ желѣзнодорожной зонѣ Ю. М. ж. д., послѣ того какъ на В. К. ж. д. всѣ такія привилегіи, т. е. право содержать свою полицію и войска въ опредѣленномъ количествѣ, свой судъ, почту, предпріятія и т. д. уничтожены. Извѣстно, какое широкое употребленіе Японія сдѣлала изъ своего права въ процессѣ развитія теперешней оккупациі Манчжуріи. Естественно,

что китайцы оспариваютъ эти права, логически отпадающія съ отмѣной экстерриториальности. Японскій авторъ Рояма, въ предвидѣніи этой опасности, уже пытается вывести права Японіи изъ ея привилегій въ Шантунгѣ. Гораздо откровеннѣе другой японскій авторъ Матсудайра, признающій, что бесполезно углубляться въ юридическія тонкости, ибо Манчжурскій вопросъ есть вопросъ политическій. «Правила международнаго права цивилизованныхъ государствъ», утверждаетъ онъ, «не примѣняются всецѣло къ Манчжуріи, которая еще не дошла въ своемъ социальномъ, экономическомъ и политическомъ развитіи до уровня современныхъ государствъ».

Исторія дальнѣйшей постройки желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи иллюстрируетъ любопытныя перипетіи упорной борьбы между Японіей и Китаемъ за экономическую эксплуатацию и стратегическій объездъ страны. Къ сожалѣнію, безъ очень подробной карты нельзя показать здѣсь эту картину. Прибѣгну къ воображенію читателя. Пусть онъ представитъ себѣ сильно наклоненную вправо букву Т. Ея ножка подпираетъ длинную перекладину въ Харбинѣ, проходитъ черезъ Мукденъ и упирается своимъ нижнимъ концомъ въ Портъ-Артуръ, съ подпоркой справа, опирающейся на другой портъ, Ангунгъ. Перекладина — это Восточно-Китайская ж. дорога, ножка — это Южно-Китайская ж. д.: первая до войны была въ обладаніи Россіи; вторая остается въ обладаніи Японіи. Верхняя перекладина Т упирается обоими концами въ русскую территорию: правымъ концомъ въ Приморскую область у станціи Пограничной; лѣвымъ концомъ, пересѣкая по прямой линіи Цицикаръ и Хайларъ, въ Сибирь, за станціей Манчжурія. Первоначальный планъ, въ которомъ китайцы сходились съ японцами — почему китайцы и соглашались въ это время строить желѣзныя дороги на японскія деньги, — былъ лишить грузовъ русскую ж. д. путемъ отвлеченія ихъ на югъ, на японскую линію къ Портъ-Артуру, Дайрену и Ангунгу. Въ эти прежнія времена намѣченъ былъ китайцами, съ согласія японцевъ, грандіозный планъ постройки параллельной линіи влѣво отъ ножки Т, пересѣкающей Манчжурію съ сѣвера на югъ — отъ Айгуна (противъ Благовѣщенска на Амурѣ) черезъ Цицикаръ до Ляодунскаго залива, гдѣ дорога кончалась, однако, не въ одной изъ гаваней Ляодунскаго полуострова, арендованнаго Японіей, а въ новой китайской гавани Ху-

лутао — на противоположномъ китайскомъ берегу. Китайскій умыселъ тутъ, повидимому, еще не былъ вполне понятъ японцами. Потомъ, однако, намѣренія сторонъ выяснились, и обнаружилась ихъ противоположность. Японія своими деньгами содѣйствовала постройкѣ подъѣздныхъ путей, соединившихъ ея Южную дорогу съ двумя другими (кромѣ Мукдена) столицами трехъ провинцій: съ Гириномъ вѣткой отъ Чань-Чуна (гдѣ кончается Ю. д.) и съ Цицикаромъ — вѣткой отъ станціи Сипингай (черезъ Таонань). Это имѣло стратегическое значеніе и не создавало конкуренціи съ Южн. ж. д. Китай, въ свою очередь, привился съ 1925 г. строить на свои средства параллельныя линіи, обходящія Южную дорогу («ножку» Т) справа и слѣва и тѣмъ ослабляющія ея экономическое значеніе. Японцы хотѣли и хотятъ до сихъ поръ положить этому предѣлъ, ссылаясь на упомянутое выше обязательство Китая 1905 г. — не строить линій, конкурирующихъ съ Южной ж. дорогой. Китайцы, какъ сказано выше, отрицаютъ самое существованіе подобнаго обязательства. При огромномъ значеніи и для военныхъ, и для промышленныхъ цѣлей того или другого направленія сѣти споръ принялъ принципиальное значеніе для обѣихъ сторонъ и является такимъ узломъ теперешняго конфликта, который можно только разрубить, но не развязать. Со времени плановъ Чжансолина (см. выше) китайцы уже успѣли построить въ 1925-31 г. г. три собственныхъ линіи: одну соединяющую Мукденъ съ Гириномъ въ обходъ Южной дороги вправо; другую идущую въ обходъ слѣва и осуществляющую часть выше упомянутаго грандіознаго плана (отъ Такушана на югъ до Тунліао на сѣверѣ); третью отъ Харбина къ Хейлуню на сѣверъ по направленію къ Айгуню. Но тутъ японцы встрепенулись; въ 1931 г. они потребовали финансоваго участія въ постройкѣ китайскихъ ж. д. Признавши двѣ первыя изъ упомянутыхъ китайскихъ дорогъ, они запретили продолженіе второй дальше на сѣверъ (къ Таонаню) и потребовали согласованія съ японской сѣтью. Не менѣе важно (см. ниже) было требованіе соединить китайскую сѣть съ корейской, по близости южной границы русскаго Приморья, у залива Посьета.

Всѣ перечисленные успѣхи Китая, въ общемъ создававшія для него совершенно новое международное положеніе, не могли конечно не обезпокоить въ высшей степени Японіи. По мѣрѣ закрѣпленія новыхъ международ-

ныхъ связей на основѣ «равныхъ» договоровъ она теряла почву для своего захвата и оказывалась изолированной. Это объясняетъ, почему Японія начинаетъ спѣшить покончить съ Китаемъ прежде, чѣмъ новое національное движеніе, которое она же и поддерживала, дойдетъ до своего логическаго конца — объединенія независимаго Китая. Перемѣна тактики, которую мы отмѣтили выше, сопровождается и переменною руководствомъ государственной политикой. Въ 1927 г. призывается къ управленію инициаторъ Сибирской оккупации 1919-22 г. г., испытанный империалистъ, баронъ Танака. Отъ 27 июня до 7 июля засѣдаетъ въ Токио конференція государственныхъ дѣятелей съ участіемъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, знающихъ Манчжурію и Монголію, съ цѣлью — «установить планъ... развитія нашей новой континентальной имперіи». Въ августъ 1927 г. за нею слѣдуетъ конференція въ Дайренѣ. Результаты рѣшеній, принятыхъ на Токийской конференціи, подробно излагаются въ мемуарѣ новаго премьера Танаки отъ 25 июля 1927 г., представленномъ императору*). Когда этотъ документъ появился въ *Journal de Genève*, японская делегация объявила его подложнымъ; другіе извиняли Танаку, называя его «сумасшедшимъ». Въ это время Танака уже былъ покойникомъ (1929), и его политика на время была оставлена (см. ниже). Но подлинность произведенія этого фанатика японскаго империализма была признана и англійскою, и женевскою печатью; да она вытекаетъ съ безспорностью изъ самаго содержанія мемуара, великолѣпно освѣдомленнаго о всѣхъ тонкостяхъ японскихъ замысловъ на Манчжурію и Монголію. Въ наши дни захватомъ Манчжуріи и внутренней Монголіи вновь поднята нить, оборванная смертью Танаки, и сдѣланъ крупный, хотя и рискованный, шагъ къ осуществленію его плановъ.

Пожалуй, наименѣе важно въ этихъ планахъ то, что произвело наибольшее впечатлѣніе на иностранцевъ и вызвало наибольшія нареканія: мечтанія Танаки о томъ, какъ со временемъ покорится Японіи вся Азія, а за Азіей и весь міръ. Это, конечно, мессіанизмъ другого рода, чѣмъ мессіанизмъ Сунъ-Ять-Сена; но онъ носитъ утопическія черты всякаго мессіанизма. Гораздо важнѣе ясное пониманіе

*) Я пользовался французскимъ переводомъ, перепечатаннымъ *Comité d'Action de la Colonie chinoise en France, Paris.*

Танаки, что для достиженія его плановъ необходимо будетъ войти въ открытый конфликтъ съ Китаемъ и вести войны съ Америкой и съ Россіей. Онъ даже знаетъ театръ будущей войны: она будетъ вестись съ Россією «въ ближайшее время» — «въ Манчжуріи», около Харбина. Онъ намѣчаетъ и предлогъ: совѣтская Россія навѣрное вмѣшается въ желѣзнодорожное строительство на сѣверѣ: «это и будетъ поводомъ для того, чтобы начать конфликтъ». Дальнѣйшее «наступленіе на Сибирь» будетъ вестись «въ трехъ направленіяхъ: черезъ Таонанъ, Аншанъ и Цицикаръ». Войска будутъ посланы Японскимъ моремъ въ сѣверную Манчжурію и Монголію, раньше, чѣмъ туда успѣютъ дойти китайскія войска. Возможно, что блокада Англии и Америки закроетъ путь сѣстнымъ припасамъ изъ Манчжуріи и Монголіи (черезъ южные порты), ибо «Дайрень все еще нельзя считать нашимъ». На этотъ случай необходимо довести до моря желѣзную дорогу отъ Гирина черезъ Корею (см. выше). Въ своемъ морѣ Японія безопасна. Непріятель, даже и блокировавъ проливы Цусиму и Сеншиму, все-же не сможетъ провести свои подводныя лодки черезъ Корейскій и Японскій проливы. Что касается сѣверной части театра войны, тутъ у Танаки нѣтъ уже никакихъ сомнѣній. Въ своемъ планѣ перевозки войскъ изъ Японіи онъ прямо рассчитываетъ высадить часть ихъ во Владивостокѣ и отсюда перевезти въ Харбинъ, въ полной увѣренности, что русскіе этому помѣшать не смогутъ. О возможности серьезнаго сопротивленія китайцевъ планамъ Танаки также нѣтъ и рѣчи: они просто скидываются со счета. Русскихъ и китайцевъ можно нейтрализовать другъ другомъ. «Въ борьбѣ противъ политическаго и экономическаго вліянія Россіи мы должны воспользоваться китайцами, подталкивая ихъ впередъ и руководя событіями сзади. Въ то же время, съ цѣлью помѣшать росту вліянія Китая, мы должны вступить въ тайную связь съ Россіей». Нѣсколько больше вниманія Танака оказываетъ Америкѣ. Съ нею, конечно, тоже рано или поздно «неизбѣжно столкновеніе». Но тутъ особенно ясно вскрывается ахиллесова пята японскаго имперіалиста. Онъ вращается въ заколдованномъ кругу. Для того, чтобы побѣдить весь міръ, а раньше Россію и Америку, нужно уже обладать широкой и прочной экономической базой на материкѣ. А для того, чтобы получить эту базу, нужно предварительно уже побѣдить Рос

сію и Америку. Выходъ изъ этого противорѣчія одинъ: гдѣ нельзя взять прямо силой, тамъ нужно хитрить и искать окольныхъ путей. И въ этомъ отношеніи Танака строитъ свои уловки съ откровенностью, въ которой не знаешь, чему больше удивляться: наивности или цинизму.

Переходя на конкретную почву своей «позитивной» политики, Танака, во всякомъ случаѣ, довольно вѣрно рисуетъ печальную отправную точку японскаго империализма. Самымъ важнымъ изъ его ограниченій онъ считаетъ то, что договоръ девяти державъ наложилъ на Японію запреты раньше, чѣмъ она успѣла использовать, какъ слѣдовало, свои права и привилегіи въ Манчжуріи и Монголіи. Въ этомъ промедленіи виноваты постоянныя перемѣны политики. Но это не единственное препятствіе. Другое заключается въ томъ, что за пропущенное такимъ образомъ время «власти трехъ провинцій тоже проснулись, принялись за реконструкцію, слѣдуя нашему примѣру, и успѣхи ихъ — изумительны». «Они причинили намъ столько вреда, что всѣ планы нашихъ смѣнявшихся правительствъ въ Манчжуріи и Монголіи кончились проваломъ». Въ частности, Танака жалуется, что кабинетъ партіи сеюкай былъ низвергнутъ какъ разъ тогда, когда онъ вернулся изъ секретной миссіи въ Европу и Америку, привезя съ собой увѣренія выдающихся политиковъ, что Японіи можетъ безнаказанно отказаться отъ договора девяти державъ и усилить свое вліяніе въ Манчжуріи и Монголіи. Третье затрудненіе, признаваемое Танакой, заключается въ томъ, что китайское населеніе прилило въ черезчуръ большомъ количествѣ въ Манчжурію, такъ что «приходится признать неудачу нашихъ усилій уравновѣсить отношеніе между нашимъ населеніемъ и нашими возможностями продовольствованія его». Китайцы оказались могущественными конкурентами японской торговли въ Китаѣ и въ Манчжуріи. «Безъ всякой помощи своего правительства», благодаря лишь скромности своихъ потребностей, они могутъ «продавать товары дешевле нашихъ торговцевъ», несмотря на то, что послѣдніе «получаютъ всѣческую поддержку японскаго правительства». Затѣмъ, ихъ дешевая серебряная монета позволяетъ имъ легко побивать цѣны въ японской золотой валютѣ. Они, наконецъ, «весьма искусны въ разузнаваніи нашихъ уловокъ и побиваютъ насъ нашими собственными козырями». Чтобы оберечь японскіе секреты, остается только перенести фаб-

рики изъ Манчжуріи въ Японію. Есть, впрочемъ, два слова сладить съ китайцами. Одинъ — это иммиграція въ Манчжурію корейцевъ въ возможно большемъ количествѣ. «Когда ихъ будетъ два съ половиной милліона и больше (мы знаемъ, что ихъ меньше милліона), то можно будетъ въ любой моментъ, когда это понадобится, подтолкнуть ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ и, подъ предлогомъ подавленія корейцевъ, мы сможемъ придти къ нимъ на помощь». По этому поводу Танака привелъ японскую поговорку, которая имѣла громкій успѣхъ въ Парижѣ. «Мы всегда сможемъ продать собачье мясо, приставивъ для вида баранью голову».

Другое средство совладать съ китайцами — это дѣйствовать черезъ посредство туземныхъ князьковъ. Надо послать къ нимъ секретно переодѣтыхъ офицеровъ въ отставкѣ, вкратчѣ къ нимъ въ довѣріе, соблазнить ихъ выгодами нашего покровительства, приобрести у нихъ за десятую часть стоимости земли и монопольныя права на нѣдра, шерсть и т. д. и, наконецъ, «принудить князьковъ опубликовать законы, неблагоприятные для китайской эмиграціи. Когда жизнь станетъ имъ не втерпежъ, то, естественно, они уйдутъ въ болѣе отдаленныя мѣста».

Суть экономическаго плана Танаки заключается въ томъ, чтобы завладѣть природными богатствами Манчжуріи. По его свѣдѣніямъ и къ его сожалѣнію «большая часть ихъ находится въ сѣверной Манчжуріи». Надо захватить ихъ «раньше чѣмъ другіе узнаютъ о нихъ»; для этой цѣли необходимо построить рядъ желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ къ неизвѣстнымъ никому сокровищамъ, открытымъ чиновниками Южной ж. д. и офицерами генштаба. На подробностяхъ этого плана я не имѣю возможности останавливаться. Танака, развивая его, доходитъ до малѣйшихъ деталей. Напр., въ Монголіи баранъ даетъ шесть единицъ (catties) шерсти, тогда какъ въ Японіи только двѣ. «Мы скрыли этотъ секретъ отъ всего міра, чтобы Англія и Америка не оказали намъ конкуренціи... Когда другія страны это узнаютъ, будетъ уже слишкомъ поздно что-нибудь сдѣлать». Читаешь этого рода совѣты — и вспоминаешь о незатѣйливыхъ хитростяхъ «прибыльщиковъ» Петра Великаго.

Могутъ возразить, что не все-же японцы таковы, какъ Танака, и не даромъ нѣкоторые японцы называли Танаку

«сумасшедшимъ». Конечно, не всё *). Однако-же, Танака — «самурай» преобладавшего до недавняго времени типа. Его влияние въ государственной жизни Японіи объясняется уже отмѣченной выше чертой — архаичности политическаго строя. Еще въ 1917 г. лидеръ либеральнаго движенія и бывший министр, Юкіо Осаки, жалуется, что военная служба, благодаря влиянію аристократическихъ клановъ, поставлена выше гражданской, что всё должности въ министерствахъ переполнены бюрократами-милитаристами и всё военныя и морскія дѣла рѣшаются независимо даже отъ премьеръ-министра. Другой либераль, проф. Секузо Юшино, подтверждаетъ эти заявленія, напоминая, что въ 1909 г. морскія и военныя дѣла, составляющія прерогативу императора, были формально изъяты изъ вѣдѣній парламента. Онъ поясняетъ, что это было сдѣлано специально съ цѣлью своевременно парализовать растущее влияние народа надъ бюрократіей. «Чѣмъ сильнѣе оппозиція народа этой системѣ», замѣчаетъ Юшино, «тѣмъ сильнѣе сопротивление милитаристовъ. По ихъ мнѣнію, то, что хорошо для Японіи, должно быть достигнуто, кѣмъ-бы и чѣмъ-бы ни пришлось для этого пожертвовать. Если нужно пожертвовать Китаемъ и Кореей, этого нельзя избѣжать. Въ результатѣ были сдѣланы большія ошибки»...

Естественно, что съ тѣхъ поръ какъ въ Японіи было введено всеобщее избирательное право и число избирателей увеличилось въ весьма значительной степени, демократическій элементъ въ общественномъ мнѣніи и въ палатѣ усилился. Когда Танака сталъ премьеромъ въ 1927 г., печаль уже встрѣтила это назначеніе серьезными оговорками**). «Токію-Ничи-Ничи» признавала декларацію премье-

*) Интересный сборникъ мнѣній представителей разныхъ политическихъ теченій Японіи напечатанъ К. К. Kawakami: What Japan thinks, N. Y. 1921. Отсюда взяты послѣдующія цитаты. Съ этимъ сборникомъ полезно сравнить Yusuke Tsugumi, читанныя въ С. Штатахъ въ 1924-25 г. и свидѣтельствующія о сильномъ сдвигѣ японскаго общественнаго мнѣнія въ сторону болѣе лѣвыхъ настроеній: Contemporary Japan, издание The Japan Times. 1927.

***) Подборъ цитатъ, приводимыхъ далѣе въ краткомъ извлеченіи, сдѣланъ въ цитированномъ выше сборникѣ Problems of the Pacific. Газеты, изъ которыхъ приведены цитаты, пользуются громаднымъ распространеніемъ въ Японіи. Тиражъ «Осака Майнichi» — 1 1/4 милліона, «Токію-Ничи-Ничи» — 2 милліона. Около этого имѣютъ тиражъ и «Объ» «Асахи», Токійская и Осацкая. Всѣ распространенныя газеты — не партійныя, но очень лѣво-настроенныя.

ра (28 мая 1927) «окрашенной милитаристически». Высказывая пожелание, чтобы «крайнія черты вѣшней политики Танаки стали невозможны», газета напоминала, что ни баронъ Танака, ни его партія сеюкай не могутъ игнорировать духа времени и стремленій общественнаго мнѣнія». Вмѣсто «соединенныхъ экспедицій» она предлагала ограничиться «моральной поддержкой». «Майничи», подтверждая недовольство, вызванное деклараціей премьера, опасалась, что «соединенная съ державами экспедиція въ Китай создастъ очень серьезное положеніе» и высказывала надежду на «полную переменъ подобной политики, соотвѣтственно желанію народа». «Токію-Асахи», «Осака-Асахи», «Джиджи-Шимпо», «Амато-Шимбунъ» высказывались противъ переменъ прежней политики Шидехары и требовали «внимательнаго обсужденія» новой. «Ямато-Шимбунъ» находила, что «прибѣгать къ оружію невозможно въ виду тѣсныхъ экономическихъ отношеній между двумя странами». Когда началась Шантунгская экспедиція (см. выше), тѣ же газеты требовали ограниченія ея задачи исключительно охраной японскихъ подданныхъ и полного невмѣшательства въ борьбу сѣверянъ съ южанами. Газеты «Хочи» и «Осака-Асахи» высказывали при этомъ вполне правильное соображеніе, что вмѣсто послыдки войскъ лучше было бы просто отозвать немногочисленныхъ японскихъ гражданъ изъ угрожаемой мѣстности. Позднѣе газеты требовали отозванія войскъ изъ Китая. Наконецъ, и Тайный Совѣтъ отказался нести отвѣтственность за «позитивную» политику Танаки. 2 іюля 1929 г. онъ долженъ былъ уступить мѣсто Хамагучи, вождю либеральной партіи Минсейто, высказавшейся за радикальную переменъ политики относительно Китая. «Радикализмъ» этой переменъ состоялъ въ томъ, что отнынѣ Китаю «должна была быть дана полная возможность обезпечить внутренній миръ и единство». Вторые выборы по всеобщему избирательному праву дали большинство партіи Минсейто (1930).

Последнія событія показали однако, что традиціи Танаки не умерли вмѣстѣ съ нимъ; правда, уже ближайшія ихъ послѣдствія показываютъ также, что и оппозиція партіи Минсейто не перестаетъ оказывать вліяніе на политику господствующей партіи сеюкай. Оживленіе политики Танаки объясняется, несомнѣнно, тѣмъ нервнымъ состояніемъ, въ которое должна была привести государственныхъ людей Японіи ея растущая изоляція. Знатокъ японо-ки-

тайскихъ отношеній Эскарра предсказаль уже въ июнѣ 1931 г. въ своей статьѣ въ *Eugore Nouvelle* насильственный исходъ неудачи японцевъ добиться отъ китайцевъ дипломатическимъ путемъ признанія договоровъ 1905 и 1915 г. г. «Японія», замѣчалъ онъ, констатируя неудачу переговоровъ, ведшихся по этому поводу съ января 1931 года, «вѣроятно намѣревается добиться своей цѣли посредствомъ *coup de force*. Это вполне соответствовало бы ея обычной манерѣ поступать съ Китаемъ». Пророчество Эскарра осуществилось въ октябрѣ 1931 г. Японцы не рассчитали только, что и духъ времени не тотъ, какъ «обычно», и Китай — не такой, какъ прежде, и даже его солдаты не тѣ, что прежде — и, наконецъ, сама Японія не та, что въ былое время. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ расчетъ Японіи оказался запоздалымъ. Единственный реальный результатъ задуманной экспедиціи пока ограничивается созданіемъ «независимой» Манчжуріи.

Планъ созданія «независимой» Манчжуріи въ сущности подсказанъ уже въ мемуарѣ Танаки. Онъ — совершенно правильно — указаль, что Манчжурія исторически не составляла части китайской территоріи и только жалѣль, что Японія ошиблась, признавъ во время войны съ Россіей и при подписаніи договора девяти державъ въ Вашингтонѣ суверенитетъ Китая надъ Манчжуріей. Эскарра — другъ китайцевъ, но это не мѣшаетъ ему признать, что Манчжурія уже потому не могла быть вассальнымъ владѣніемъ Китая, что это была родина манчжурской династіи, ея «коронная земля». Только въ 1907 г. прежнее военное управленіе Манчжуріей уступило мѣсто китайскому вице-королю, была реорганизована администрація и точно опредѣлены границы «Трехъ Провинцій». При Чжансолинѣ Манчжурія стала опредѣленно независимой, и даже послѣ своей попытки сблизиться съ центральной властью Китая Чжансолинъ продолжалъ управлять Манчжуріей независимо. Сынъ Чжансолина тоже сохранилъ независимость отъ національнаго правительства и только въ 1929 году формально подчинился Нанкину. Нова въ возстановленіи независимости Манчжуріи — и очень остроумна — только идея Японіи посадить во главѣ вновь созданнаго государства послѣдняго наследника низвергнутой въ Китаѣ манчжурской династіи. Но увь, это сдѣлано какъ разъ тогда, когда населеніе Манчжуріи перестало быть манчжурскимъ, а стало, какъ мы знаемъ, въ огромномъ боль-

шинствѣ китайскимъ. Конечно, китайцы Манчжуріи не такъ проникнуты національными настроеніями, какъ китайцы китайскихъ провинцій, участвовавшихъ въ борьбѣ за объединеніе. Но они, все же, сохраняютъ связи съ родственниками въ Китаѣ и, надо думать, не вовсе лишены новаго китайскаго патріотизма. Японское правительство недаромъ воздержалось отъ немедленнаго официального признанія имъ же созданнаго государства — до удовлетворенія своего требованія о признаніи договоровъ (1905 и 1915 г. г.). Съ «императоромъ» Пу-И еще можетъ повториться исторія Чжансолина, если, принявъ власть «съ неохотой и послѣ многихъ настояній», онъ вдругъ проникнется патріотизмомъ независимой Манчжуріи.

Есть и другія основанія считать дѣло, предпринятое японской военной партіей въ Манчжуріи далеко не законченнымъ. Я имѣю въ виду даже не тѣ возстанія сѣверныхъ войскъ подѣ національнымъ флагомъ, которыя японцы, по своему обычаю, называютъ возстаніями «бандитовъ» и «хунхузовъ». Но «антияпонскія» настроенія широко распространены и внѣ зонъ этихъ возстаній. Справиться съ ними гораздо труднѣе, чѣмъ разбить или засыпать бомбами съ аэроплановъ организованныя толпы «бандитовъ». Само японское правительство констатировало «тревожное» распространеніе и силу этихъ настроеній и опасность ихъ реальныхъ результатовъ въ своемъ меморандумѣ 9 октября 1931 г., адресованномъ китайскому правительству въ самомъ началѣ конфликта. Японія требовала тамъ «быстрыхъ и дѣйствительныхъ» мѣръ, чтобы остановить антияпонскую агитацію и «дѣлала китайское правительство отвѣтственнымъ за неудачу подавленія» ея, считая, что агитація эта ведется по директивамъ національной партіи, «дѣятельность которой нераздѣльна съ дѣятельностью правительства». Это, конечно, вѣрно. Но въ томъ же меморандумѣ имѣется матеріалъ, показывающій, до какой степени трудно китайскому правительству исполнить требованіе меморандума и переломить народное настроеніе, которому сама же Японія даетъ новую пищу. Мемуаръ говоритъ о томъ, что «антияпонское настроеніе въ Китаѣ существуетъ съ давнихъ временъ (*invétéré*) и сообщаетъ, что тайныя китайскія общества не только принимаютъ во всей строгости бойкотъ, но требуютъ нарушенія контрактовъ и полнаго запрещенія торговыхъ операцій, иногда даже подѣ угрозой смертной казни ослуш-

никамъ. Совершенно ясно, что, при подобномъ обостреніи національнаго чувства, обращенное къ правительству требованіе совершенно неосуществимо. Если бы еще предпринятая военной партіей экзекуція закончилась быстро и благополучно, «побѣдители» могли бы избѣгнуть общественаго суда. Но мы знаемъ, что японцы встрѣтили неожиданное сопротивленіе со стороны китайскихъ солдатъ, которые теперь, повидимому, представляютъ нѣчто иное, чѣмъ прежде. Распространивъ свои операціи на Шанхай, японцы привлекли вниманіе всего міра, и самое предпріятіе въ этихъ размѣрахъ оказалось гораздо дороже, чѣмъ предполагалось по первоначальной смѣтѣ. Развернулись перспективы длительной борьбы съ сомнительнымъ исходомъ. Естественно было ожидать, что либеральная партія, удаленная отъ власти, очевидно, со спеціальной цѣлью не мѣшать военнымъ дѣйствіямъ, которые она осудила въ 1929 г., не будетъ молчать. Я не имѣю свѣдѣній о теперешнемъ поведеніи прессы и народнаго представительства. Но, кажется, можно судить объ этомъ по проникшимъ въ европейскую печать сообщеніямъ, что палата отказала въ дополнительномъ кредитѣ и что въ Токио призжалъ престарѣлый глава партіи Сайонджи съ цѣлью обсудить вопросъ о замѣнѣ теперешняго правительства, отвѣтственнаго за неудачный исходъ экспедиціи, правительствомъ «національнаго единенія» *). Этихъ сообщеній достаточно, чтобы предвидѣть, что и третья попытка примѣнить «позитивную» политику Танаки легко можетъ закончиться тѣмъ же, чѣмъ закончились первыя двѣ: эвакуаціей оккупированной по его почину территорій и перемѣной политики. О сомнительной судьбѣ единственнаго «позитивнаго» результата новой попытки — расширить «континентальную имперію», создавъ «независимую Манчжурію», — я уже говорилъ. А «негативные» результаты этой попытки — закрѣпленіе китайской ненависти къ Японіи, поворотъ противъ Японіи національнаго правительства, имѣвшаго раньше нѣкоторое основаніе считать ее своей союзницей, и, наконецъ, весьма вѣроятное сближеніе съ Китаемъ Европы и Америки, пошедшихъ навстрѣчу

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ случаѣ неудачи этой коалиціи, можетъ въ виду своего рода *coup d'état*, т. е. передача власти, при посредствѣ верховнаго тайнаго совѣта императора, въ руки военной партіи.

духу новаго Китая какъ разъ тогда, когда Японія, наоборотъ, выступила защитницей непереносимыхъ современнымъ Китаемъ старыхъ привилегій, — всѣ эти отрицательныя для Японіи послѣдствія захватной политики Танаки могутъ оказаться гораздо болѣе длительными, чѣмъ ея положительныя пріобрѣтенія. Едва ли они перевѣсятъ ту выгоду, которую представляетъ для Японіи водвореніе въ новой столицѣ Манчжуріи бутафорскаго императора, который, вѣроятно, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ шикарные дансинги въ Astor House Hotel Тяньдзина, гдѣ онъ пожиналъ лавры въ роли искуснаго танцора.

Вопросъ о русскихъ интересахъ на Дальнемъ Востока и о томъ, насколько они затронуты и еще могутъ быть затронуты настоящимъ конфликтомъ и его возможными послѣдствіями, требуетъ болѣе обстоятельнаго обсуждения, чѣмъ я могъ бы посвятить ему въ настоящей статьѣ, и безъ того разросшейся. Къ тому времени, когда я смогу къ этому вопросу вернуться, быть можетъ, многія обстоятельства, вызывающія теперь оживленную полемику въ русской эмигрантской средѣ, станутъ яснѣе; споръ потеряетъ, хотя-бы отчасти, теперешній страстный характеръ, и явится возможность болѣе спокойнаго обсуждения его. Мое теперешнее мнѣніе объ этой сторонѣ вопроса извѣстно русской эмиграціи. Пока я не имѣю основаній что-либо въ немъ мѣнять.

П. Милюковъ.

За кулисами пятилѣтки

Совѣтская Россія, по словамъ одного американскаго наблюдателя, въ настоящее время представляетъ собою военный лагерь. Опредѣленіе мѣткое. Страна, дѣйствительно, превращена въ военный лагерь, гдѣ милитаризованное население, подъ командой 2½ милліоновъ надсмотрщиковъ изъ господствующей коммунистической партіи, спѣшно, въ чисто военномъ порядкѣ, при постоянныхъ окрикахъ — выше темпы! — закладываетъ и строитъ металлургическіе, мѣдеплавильные, цинковые, машиностроительные, тракторные, автомобильные заводы. Индустрія СССР управляется и строится въ военномъ порядкѣ и не даромъ боевыми терминами вродѣ — «штурмъ», «прорывъ», «аттака», «тревога», «донесеніе съ фронта» и т. д. пестрятъ страницы совѣтской прессы. Подъ знамена борьбы за индустриализацію поголовно призвано все работоспособное население страны и въ ней, по одному, хотя-бы, этому, какъ всегда бываетъ въ военное время, не можетъ быть безработицы. Въ 1928/29 г. — въ первый годъ пятилѣтки — основной капиталъ промышленности обогатился на 1,4 милліардовъ рублей, путемъ ввода въ эксплуатацію новыхъ промышленныхъ заведеній, цеховъ и агрегатовъ. Въ 1929/30 г. приростъ еще болѣе — около 2 милліардовъ рублей. А въ 1931 г. приростъ достигаетъ уже 3,5 милліардовъ рублей. Европа и Америка хорошо знакомы съ тѣмъ, что строится въ СССР. Совѣтское правительство, чрезъ торговые представительства за границей, съ помощью подчиненныхъ и субсидируемыхъ имъ изданій и политическихъ организацій, лансируетъ повсюду множество рекламныхъ фотографій и кинофильмовъ о строящихся и уже выстроенныхъ заводахъ, фабрикахъ и электростанціяхъ. Свою строительную дѣятельность Совѣтское правительство сугубо рекламируетъ и среди иностранныхъ капиталистовъ, на предметъ получения кредитовъ, и среди иностранныхъ пролетаріевъ, на предметъ убѣжденія ихъ въ мощи московскаго коммунизма. Бомбардировка заграничныхъ рекламными фотографіями, зачастую, даетъ весьма любо-

нытные результаты. Во Франціи, напр., есть большевизаны, которые прекрасно знаютъ детали постройки советской гидростанціи на Днѣпрѣ, но никогда даже не слышали о строящейся въ ихъ странѣ громадной гидростанціи на Рейнѣ, въ Кембсѣ. Эти большевизаны знаютъ о постройкѣ Туркестано-Сибирской желѣзной дороги, но не имѣютъ ровно никакого представленія о трудной и сложной работѣ по постройкѣ желѣзной дороги въ Юнань, которую Франція продѣлала въ Индо-Китаѣ. Советскія фотографіи и кинофильмы представляютъ намъ импозантные фасады многочисленныхъ выстроенныхъ и строящихся фабрикъ и заводовъ. Рядомъ съ выстроенными заводами обычно красуются довольныя лица ударниковъ и ударницъ. Всѣ они весело улыбаются, — ибо того требуетъ хорошій тонъ. Но, если-бы опираясь лишь на факты, просачивающіеся въ казенной прессѣ, мы захотѣли бы показать — на сотняхъ и тысячахъ примѣрахъ — какъ и въ какой обстановкѣ выростали излюбленные коммунизмомъ заводы-гиганты, получилась-бы тяжелая, удручающая, не вызывающая улыбки, картина.

Вотъ, напримѣръ, въ какой обстановкѣ выросталъ химической комбинатъ въ Бобрикахъ, закулисную жизнь котораго мы случайно узнаемъ изъ двухъ корреспонденцій въ органѣ ВСНХ (см. № отъ 6-XII 1930 и № отъ 10-XI 1931 года). «Люди, — писалъ корреспондентъ, — строятъ Бобриковскій комбинатъ, въ отчаянныхъ условіяхъ». Жилищъ нѣтъ, рабочіе ютятся въ нетопленныхъ баракахъ, гдѣ «царитъ морозъ, гдѣ стѣны какъ рѣшето и всѣ крыши протекаютъ». Рабочимъ нечего ѣсть, снабженіе не организовано и ихъ кормятъ «тухлятиной». На строительствѣ нѣтъ даже питьевой воды и «тридцать тысячъ строителей пили и пьютъ техническую мутную и соленую воду». «Люди босые и раздѣтые, въ водѣ, въ холодѣ, въ грязи работаютъ героически, изъ послѣднихъ силъ», строя плотины: «Но, сообщаетъ корреспондентъ, когда къ тухлятинѣ-пищѣ, къ вонючей водѣ, ко вшамъ и антисанитаріи, къ стоптаннымъ лаптямъ вмѣсто валенокъ, прибавился еще 30 градусный морозъ съ ледяными ураганами, когда изъ сосѣднихъ деревень очерился старый знакомецъ двадцатого года сыпнякъ, люди дрогнули, побѣжали. Шесть тысячъ строителей ушли изъ Бобриковъ, ушли безъ разсчета, самостійно, стихійно». Все это, — замѣтите, — происходило не гдѣ-нибудь въ медвѣжьемъ углу Сибири, а

въ 200 километрахъ отъ центра міроваго коммунизма — красной Москвы. Можно себѣ тогда представить, въ какихъ условіяхъ, строились коммунистическіе заводы въ отдаленныхъ отъ центра мѣстахъ — на Уралѣ, въ Сибири, въ Средней Азій, въ Казакстанѣ.

Совѣтскіе сановники въ рѣчахъ и ихъ пресса въ передовицахъ любятъ доказывать, что строительство въ СССР затрудняется именно тѣмъ важнѣйшимъ обстоятельствомъ, что капиталистическія страны оказываютъ ему «бѣшенное сопротивленіе». По выраженію «Правды» — «псы и свиньи умирающей буржуазіи и социаль-фашисты осыпаютъ социалистическую пятилѣтку кучами проклятій». Будущій историкъ, вѣроятно, съ нѣкоторой подозрительностью прочтетъ подобное утверженіе. Передъ нимъ будутъ лежать многочисленныя свидѣтельства о томъ, что самые архи-буржуазные лэди и джентельмены (лэди Асторъ, графиня Кароли и т. д.), многіе крупнѣйшіе промышленники совсѣмъ не осыпали проклятіемъ пятилѣтку. Наоборотъ: имъ очень нравилось совѣтское грюндерство и импонировала «крѣпкая» совѣтская диктаторіальная власть. Они умилялись надъ восточной покорностью населенія и вполне одобряли, какъ нѣчто должное и разумное, низкую заработную плату, получаемую совѣтскими рабочимъ. Что же касается социаль-фашистовъ, то вотъ г-нъ Пьеръ Доминикъ, написавшій послѣ своего путешествія въ СССР книгу: «Oui, mais Moscou», по словамъ московской «Правды», является типичнымъ социаль-фашистомъ. Однако, онъ не только не осыпаетъ кучами проклятій «социалистическую пятилѣтку», а расхваливаетъ, прославляетъ и ее и совѣтскихъ коммунистовъ. Солидаризуясь съ ними, онъ вполне одобряетъ и кнутъ, которымъ коммунисты подхлестываютъ свой «соціализированный народъ». «Можетъ быть, пишетъ Доминикъ, кто-нибудь думаетъ, что легко выполнить пятилѣтній планъ съ этимъ великимъ лѣнтяемъ (Sic!) — русскимъ народомъ. Иной разъ требуются удары кнута, чтобы заставить итти это стадо и именно потому, что это только стадо. Человѣческая матерія тамъ чертовски груба и низкаго качества». Обратимъ дальше вниманіе на то, что въ совѣтскихъ матеріалахъ будущій историкъ легко найдетъ, что подавляющая доля нужныхъ для пятилѣтки станковъ была поставлена за границей; что въ электростроительствѣ 1930 г., среди установленныхъ турбинъ, было 85% импор-

наго происхожденія, т. е. поставленныхъ для пятилѣтки капиталистическими странами. Импортные котлы составляли въ электростроительствѣ 77% общаго числа и такъ же, какъ станки, турбины, металлургическое оборудованіе и другіе машины и аппараты, въ значительной своей долѣ, поставлялись въ кредитъ. Капиталистическія страны, какъ легко провѣрить, не бѣшенно сопротивлялись планамъ Москвы, а часто, въ мѣру возможности, помогали ей строить пятилѣтку, создавая (въ Германіи, Италіи, Англіи, Австріи, Польшѣ и т. д.) особые гарантійные кредиты. Кромѣ того, капиталистическія фирмы всего міра, и не какія-нибудь захудалыя, а такія свѣтила, какъ Фордъ и Дженераль-Электрикъ Компани въ Америкѣ, какъ Сименсъ и Круппъ въ Германіи, оказывали СССР громадную техническую помощь. Днѣпровская гидростанція, автомобильный заводъ въ Нижнемѣ, Магнитогорскій и Кузнецкій металлургическіе заводы на Востокѣ, тракторный заводъ въ Сталинградѣ, заводъ электромашинъ въ Харьковѣ, заводъ шарико-подшипниковъ въ Москвѣ, алюминіевый заводъ на Волховстрѣ и почти всѣ другіе значительные заводы создавались при широкой помощи заграницы, главнымъ образомъ, Америки. Для проведенія въ жизнь плановъ и велѣній пятилѣтки, въ СССР, не покладая рукъ, работали и работаютъ тысячи иностранныхъ буржуазныхъ специалистовъ. Одинъ изъ шефовъ совѣтской цвѣтной металлургіи долженъ былъ открыто признать, что именно иностранные буржуазные специалисты «обезпечили выполнение такихъ проектовъ, какъ проектъ Кемеровскаго электролитнаго цинковаго завода, проектъ завода Риддері, проектъ Уральскаго мѣдеобрабатывающаго завода» и что безъ ихъ помощи «мы врядъ-ли смогли-бы своими силами проектировать такіе процессы, какъ электролизъ цинка, какъ новая система горныхъ разработокъ, флотация полиметаллическихъ рудъ» («За Индустриализацію» № отъ 11-ХІІ 1930 г.). Эти акты помощи Москвѣ — можно-ли назвать «бѣшеннымъ сопротивленіемъ» капиталистическихъ странъ противъ пятилѣтки?

За 3¼ года выполнения пятилѣтняго плана въ эксплуатацію введено новаго основного капитала на сумму около 6,9 миллиардовъ рублей. Въ 1927/28 г. основной капиталъ всей промышленности исчислялся суммой въ 7½ миллиардовъ рублей. Совѣтская статистика отсюда заключаетъ, что за три года пятилѣтки произошло почти удвоеніе

основного капитала промышленности. Остережемся сделать такой выводъ. Шаткость самой измѣрительной единицы — червоннаго рубля, дороговизна строительства и своеобразие условий, при которыхъ происходитъ и происходитъ приращеніе основного капитала промышленности, не позволяютъ опредѣлить реальную цѣнность, скрывающуюся за указанными миллиардами. Вѣдь за 1931 г. стоимость даже такого простаго строительнаго матеріала, какъ песокъ, возросла на 130%. Одно только несомнѣно: при стройкѣ новыхъ предприятий денегъ не жалѣли и денегъ не считали. Работающій въ СССР, извѣстный американскій инженеръ Остинъ заявилъ, что все совѣтское строительство ведется такъ, «какъ будто люди хотятъ показать, что у нихъ много денегъ». Метаніе денегъ происходитъ не по этой причинѣ, а просто потому, что при строительствѣ никто не интересуется вопросомъ цѣны и себѣстоимости. Отсутствуетъ даже строительная смѣта. «Я пытался, заявилъ на всесоюзной конференціи промышленности предсѣдатель ВСНХ, выяснитъ, какъ обстоитъ дѣло со строительной смѣтой. Казалось-бы самая элементарная вещь, если строишь, — надо имѣть смѣту. Любой капиталистъ ни одного завода, ни одной фабрики не построитъ безъ строительной смѣты. Скажите, товарищи, которые здѣсь присутствуютъ, есть ли у васъ строительная смѣта? Я спрашивалъ одного товарища, не плохого строителя, есть-ли у тебя смѣта? Онъ отвѣтилъ: смѣты нѣтъ» («За Индустриализацію» 2-II 1931 г.). На грандіозномъ Магнитогорскомъ строительствѣ, а здѣсь заложенъ для СССР самый большой металлургическій заводъ Европы, «никто не знаетъ себѣстоимости работъ и смѣты составляются послѣ окончанія постройки». «Начальники работъ не ограничены финансовыми рамками. Коксохимкомбинатъ, центральная электростанція, вспомогательные печи по сегодняшній день (а тогда было уже затрчено 63 милл. руб.!) строятся безъ смѣты». «Фундаменты клуперовъ доменныхъ печей закончены, однако, никто не скажетъ, сколько-же стоитъ кубометръ желѣзобетона» («За Индустриализацію» отъ 9-II 1931 г.). Такая-же картина была и при строительствѣ другого металлургическаго гиганта — Кузнецкаго завода въ Сибири. Его представитель на всесоюзной промышленной конференціи, на вопросъ Ордженикидзе, есть ли смѣта, отвѣтилъ съ полной искренностью: «Если вы спросите насъ, сколько мы израсходовали

денегъ въ прошломъ году, отвѣта вы не получите. Только Госуд. Банкъ можетъ дать отвѣтъ. Обычно мы руководствуемся формулой: строить во что бы то ни стало и чего-бы это ни стоило» (Ibid. № отъ 5-II 1931 г.).

Такое фантастическое строительство, разумѣется, должно поглощать невѣроятную уйму денегъ и тутъ встаетъ вопросъ: откуда же въ странѣ Совѣтовъ деньги? Откуда вообще берутся средства на финансированіе грандіозныхъ пятилѣтнихъ плановъ? По словамъ народнаго комиссара финансовъ этотъ вопросъ ему задаютъ всѣ прїѣзжающіе въ СССР иностранцы, представители капитала, интеллигенціи, рабочихъ организацій. Вопросъ о добываемыхъ совѣтскимъ правительствомъ средствъ представляется иностранцамъ совершенно непонятной и неразрѣшимой загадкой. И многіе изъ нихъ увѣзжаютъ изъ СССР безъ всякаго на этотъ счетъ просвѣтлѣнія. Совѣтскіе сановники говорятъ имъ объ энтузіазмѣ населенія, отказывающагося отъ послѣдней рубашки во имя коммунистической индустриализаціи, говорятъ о социалистическомъ накопленіи, но открыть настоящій секретъ совѣтскихъ ресурсовъ не желаютъ.

Вотъ что пишетъ тотъ же г. Пьеръ Доминикъ: «Такъ же, какъ г. Вандервельде, я совершенно не понимаю, какъ государству, какъ-бы оно ни было богато, удается, при очень ограниченной внѣшней торговлѣ, при интенсивномъ бойкотѣ, явномъ саботажѣ и плохомъ отношеніи къ нему части населенія, финансировать планъ, который сами Совѣты исчисляють въ 100 милліардовъ рублей или 1.250 милліардовъ франковъ. Я повсюду, но совершенно безнадежно, искалъ объясненія. Я знаю, что Совѣты располагають коммерческими кредитами въ Германіи, Англій, Америкѣ приблизительно въ 400 милліоновъ рублей въ годъ. Но съ этимъ далеко уйти нельзя». Не находя объясненій, г. Доминикъ самостоятельно пришелъ къ тому выводу, что выполненіе пятилѣтки происходитъ на базѣ инфляціи, — на почвѣ усиленной работы печатнаго станка, выпускающаго обезцѣнивающіяся бумажныя деньги. Разберемъ этотъ выводъ.

На III сессіи ЦИК СССР въ январѣ 1931 г. народный комиссаръ финансовъ г. Гринько категорически заявилъ, что «мы входимъ въ 1931 г. съ народно-хозяйственной программой, которая не только не проектируетъ какого-ни-

будь использованія эмиссии бумажныхъ денегъ, какъ объ этомъ любятъ кричать наши враги за рубежомъ и внутри страны, но, наоборотъ, поднимаетъ громадный планъ въ 17 миллиардовъ капитальныхъ вложеній съ образованіемъ государственнаго резерва въ 1,5 миллиарда рублей, т. е. превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ 1,5 миллиарда руб.». Проходитъ годъ и мы обращаемся къ докладу того-же г. Гринько, когда на сессіи того же ЦИК ему пришлось говорить о финансовомъ планѣ на 1932 г. и попутно касаться результатовъ 1931 г. Изъ приведенныхъ имъ цифръ прежде всего обнаруживается, что никакого резерва въ 1½ миллиарда руб. не образовано. Въмѣсто резерва въ годовомъ отчетѣ стоитъ круглый нуль. А какъ съ другимъ обѣщаннымъ условіемъ — отсутствіемъ эмиссии? Гринько уклончиво отвѣчаетъ, что мировой финансовый кризисъ «остановился на границахъ Совѣтскаго Союза». Правда, въ 1930 г. и въ СССР было нѣкоторое «излишнее использованіе эмиссии», сопровождаемое «размѣнными затрудненіями» и «задолженностью по заработной платѣ» (Sic!), но въ теченіе 1931 г. всѣ подобныя явленія ликвидированы. А эмиссія, — продолжаемъ мы допытываться, — была-ли она допущена въ 1931 г. или нѣтъ? Гринько отдѣлывается отъ вопроса слѣдующими словами: «Эмиссія строжайшимъ образомъ контролируется и допускалась въ теченіе 1931 г. лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ» (см. «Извѣстія» № 30, XII 1931 г.). Позволимъ себѣ расшифровать это явное уклоненіе отъ отвѣта. На 1 января 1931 г. масса денежнаго обращенія СССР составляла 4.355 миллиардовъ рублей, а черезъ годъ, къ 1 января 1932 г. — ко времени второй рѣчи Гринько, она достигла 5.673 миллиарда. За годъ увеличеніе на 1.318 миллиардовъ, т. е. почти на 30%. Странныя же единицы измѣренія имѣетъ совѣтскій министръ финансовъ, если считаетъ такую эмиссію «очень ограниченной». Подчеркнемъ, что въ вышеприведенныхъ цифрахъ мы имѣемъ дѣло съ такъ называемой, легальной эмиссіей, т. е. той цифрой, которую Совѣтское правительство (а оно вѣдь совершенно безконтрольно) захотѣло и сочло нужнымъ опубликовать. Въ 1930 г., какъ нынѣ признаетъ г. Гринько, хотя тогда это отрицалось, имѣла мѣсто инфляція, «излишнее использованіе эмиссии». Частный секторъ хозяйственной жизни СССР, всегда наиболѣе чувствительный, немедленно отмѣтилъ тогда эту инфляцію. Въ маѣ 1930 г. индексъ

розничныхъ промышленныхъ цѣнъ показывалъ 429 (при базѣ въ 100 за 1913 г.), т. е. при покупкѣ промышленныхъ товаровъ червонный рубль котировался въ 24 коп. Индексъ цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, подъ двойнымъ вліяніемъ инфляціи и раззоренія крестьянства коллективизаціей, составлялъ 726. Червонный рубль здѣсь котировался уже въ 14 коп.

Спасаясь отъ обезцѣннаго рубля, часть населенія, особенно въ мелкой торговлѣ, стремилась застраховать себя, обмѣнивая червонецъ на серебряную размѣнную монету. Тогда, по приказу Кремля, ГПУ начало разстрѣливать всѣхъ мелкихъ торговцевъ и лицъ, у которыхъ при обыскѣ находили свыше 11-12 рублей серебряной монеты. Въ маѣ 1930 г. денежная масса въ обращеніи составляла 3.155 миллиардовъ, въ концѣ декабря 1931 г. — 5.673 миллиарда. Она увеличилась за полтора года на 80% и ея объему, конечно, не соответствовало движеніе товарной массы продуктовъ. Въ 1931 г. инфляція была совсѣмъ не меньшей, чемъ въ 1930 г., но разница въ томъ, что тогда отъ обезцѣннаго рубля спасались, подстрѣливаемые ГПУ, мелкіе торговцы, а въ 1931 г. отъ рубля убѣгали уже капиталы совѣтскаго хозяйства: администраторы - коммунисты, руководители государственныхъ трестовъ, объединеній, фабрикъ и заводовъ. Избѣгая червонецъ, какъ негодное орудіе обмѣна, государственныхъ предпріятій стали практиковать прямой товарообмѣнъ, вымѣнивая мануфактуру на кожевенные товары, желѣзо на готовое платье, мебель на топливо. Такой товарообмѣнъ свидѣтельствовавъ о полномъ банкротствѣ червоннаго рубля. Для спасенія его понадобилось особое, экстренное постановленіе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, которое, грозя привлеченіемъ къ уголовному суду «за преступленіе, граничащее со взяточничествомъ», требовало отъ всѣхъ руководителей государственныхъ предпріятій «немедленно ликвидировать ненормальные факты прямого товарообмѣна между хозяйственными органами» («Правда» 19-X 1931). Съ начала пятилѣтки — съ 1 октября 1928 г. по 1 января 1932 г. — денежная масса въ обращеніи возросла съ 1.970 миллиардовъ рублей до 5.673 миллиардовъ, т. е. на 190%.

Показанная въ отчетахъ эмиссіоннаго отдѣла «легальная» эмиссія плюсъ эмиссія, о которой эмиссіонный отдѣлъ умалчиваетъ, явилась питательной матеріей для практиковавшейся три года невѣроятной кредитной инфля-

ци. Впрочемъ, отношенія, существовавшія между Государственнымъ Банкомъ СССР и государственными предпріятіями, были настолько оригинальны, что, врядъ-ли, здѣсь умѣстно понятіе «кредитной инфляціи» въ европейскомъ и американскомъ значеніи слова. Государственные предпріятія и стройки брали у Банка столько, сколько хотѣли, безъ всякихъ гарантій, просто «подъ планъ». Деньги не давались въ кредитъ, а раздавались. Г-нъ Гринько говорить, что до марта 1931 г. допускалась «практика автоматическаго кредитованія подъ планъ, огульной оплаты (съ помощью Банка!) поставщику всѣхъ отгруженныхъ имъ товаровъ, независимо отъ того, есть-ли у покупателя деньги для оплаты этихъ товаровъ и соответствуютъ-ли эти товары требованіямъ покупателей». Была допущена, говоритъ онъ, «безличка между собственными и заемными оборотными средствами» («Извѣстія» 30-ХІІ 1931 г.), т. е. фактически и въ сознаніи у руководителей совѣтскаго хозяйства стерлась разница между средствами и накопленіемъ предпріятій и кошелькомъ Г. Банка. Изумительное и безпримѣрное кредитное Эльдорато, на базѣ эмиссіи, присвоенія результатовъ труда населенія съ помощью бумажныхъ знаковъ, объясняетъ намъ происхожденіе части ресурсовъ совѣтской диктатуры. Но совершенно невозможно допустить, чтобы грандіозныя капиталныя вложенія по пятилѣтнему плану могли имѣть мѣсто только на базѣ эмиссіи, какъ это утверждаетъ г. Доминикъ. Эмиссія въ самой себѣ несетъ для себя предѣлы и каждая лишняя сотня милліоновъ выпущенныхъ знаковъ убиваетъ значеніе всѣхъ предшествующихъ и всѣхъ послѣдующихъ эмиссіонныхъ выпусковъ. Совершенно очевидно, что для опредѣленія источника совѣтскихъ финансовыхъ ресурсовъ нужно, помимо эмиссіоннаго метода присвоенія результатовъ труда населенія, рассмотреть также, съ какой силою это правительство примѣняетъ методъ фискальный, методъ налогового обложенія населенія.

Существуетъ мнѣніе, будто Франція побила всѣ рекорды по части фискальнаго обложенія. Изъ таблицы опубликованной осенью 1931 г. газетой «Excelsior» явствуетъ, что государственные и мѣстные налоги во Франціи составляли къ началу 1931 г. 28% народнаго дохода, въ Италіи — 27,9%, въ Англіи — 22,7%, въ Германіи — 20,4%, въ Соед. Штатахъ — 10,8%. Приведенныя исчисленія далеко неточны. Изъ данныхъ о народномъ доходѣ Германіи, на-

ходящихся въ изданіи Дрезденскаго Банка «Die Wirtschaftlichen Kräfte der Welt», напримѣръ, слѣдуетъ, что налоговое обложеніе въ этой странѣ въ отношеніи народнаго дохода гораздо выше, чѣмъ то показано въ сводкѣ парижской газеты. Для нашихъ цѣлей, впрочемъ, особыя уточненія тутъ не нужны. Опираясь на цифры газеты «Excelsior», мы можемъ только сказать, что фискальный нажимъ на население СССР и доля изымаемая здѣсь фискомъ изъ народнаго дохода внѣ всякаго сомнѣнія побиваютъ «рекорды» всѣхъ другихъ странъ. Слѣдуетъ съ величайшей осторожностью относиться къ раздутымъ цифрамъ о народномъ доходѣ, публикуемымъ Москвой. Въдъ при фискаціи въ началѣ года будущаго народнаго дохода въ Москвѣ преслѣдуютъ цѣль доказать, что народный кошель очень объемистъ и, слѣдовательно, можетъ выдержать любыя изытія. Съ этой важнѣйшей оговоркой, попробуемъ установить отношеніе между совѣтскимъ государственнымъ бюджетомъ и народнымъ доходомъ.

	Годъ	Бюджетъ въ милліард. руб.	Нар. доходъ въ милліард. рублей	Бюджетъ къ народному доходу
	1927/28	6,8	25,3	26,8%
I г. пятилѣт.	1928/29	8,1	29,4	27,0%
II « «	1929/30	12,9	33,3	38,7%
III « «	1931	20,4	37,8	54,0%
IV « (планъ)	1932	27,4	49,2	55,7%

Итакъ, въ 1931 г. одинъ только государственный бюджетъ СССР бралъ 54% народнаго дохода. Совѣтскимъ людямъ должны быть просто непонятны французы, жалующіеся на нестерпимость обложенія, доходящаго до какихъ-то 28% народнаго дохода Франціи. За три первые года пятилѣтки, народный доходъ, по официальному исчисленію, поднялся по сравненію съ 1927/28 г. на 50%, а государственный бюджетъ за то же время, «бурно», какъ выражаются въ Москвѣ, — выросъ на 200%. Въ государственномъ бюджетѣ 1931 года косвенный налогъ съ оборота составилъ 27% народнаго дохода. По этой цифрѣ можно судить сколь основателенъ анализъ г. Доминика, для чего-то увѣряющаго французскаго читателя, что косвенные налоги въ СССР — «à vrais dire légers». Но не это существенно. Важно то, что государственнымъ бюджетомъ

отнюдь не ограничиваются ресурсы совѣтскаго правительства. Если въ буржуазныхъ странахъ государство съ помощью налоговъ беретъ въ свое распоряженіе только часть прибылей промышленности, въ СССР, гдѣ промышленность націонализирована, государство располагаетъ в себѣ прибылью. Такъ обстоитъ дѣло не только съ промышленностью, транспортомъ, кредитной системой, коммунальнымъ хозяйствомъ, лѣснымъ хозяйствомъ, но и съ потребительской кооперацией, являющейся лишь розничной государственной торговой сетью, и съ сельскимъ хозяйствомъ, организованнымъ въ колхозы. Общая совокупность извлекаемыхъ средствъ образуетъ, по совѣтской терминологіи, доходную часть «единого финансоваго плана». Она несравненно больше суммы доходовъ по бюджету и, какъ слѣдуетъ изъ нижеслѣдующихъ цифръ, мобилизуетъ львиную долю народнаго дохода.

Годъ	Доходная часть единого плана	Въ проц. къ народн. доходу
1927/28 г.	10,0 миллиардовъ руб.	39,5%
1928/29 г.	13,2 « «	44,0%
1929/30 г.	18,6 « «	56,0%
1931 г.	31,3 « «	83,0%
1932 г.	44,7 « «	91,0%

До начала пятилѣтки государственная власть, — въ видѣ коммунистической партіи, — распоряжалась и держала въ своихъ рукахъ 39,5% народнаго дохода. На третьемъ году пятилѣтки она распоряжалась уже 83%. Произошло это не только потому, что относительно и абсолютно выросла доля народнаго дохода, создаваемого въ уже национализированномъ секторѣ, а потому, что новыя отрасли народнаго хозяйства подверглись націонализаци и принуждены были свой доходъ отдать въ распоряженіе государства. Были уничтожены самостоятельные ремесленники и кустари, превращенные въ простыхъ пролетаріевъ, работающихъ на государственныхъ фабрикахъ или въ членовъ, принудительно созданныхъ, кооперативныхъ, государственныхъ объединеній. Самое же главное: диктатура экспроприировала мелкаго земледѣльца — крестьянство, отняла у него землю и средства производства, заставивъ работать въ принудительно созданныхъ колхозахъ, доходомъ которыхъ оно распоряжается, какъ хочетъ. Въ

1928 г. народный доход, создаваемый въ секторѣ единоличнаго самостоятельнаго хозяйства, составлялъ 43,4% всего народнаго дохода. Въ 1932 г. доходъ единоличныхъ хозяйствъ составитъ лишь 6,8% въ народномъ доходѣ (см. рѣчь Гринько 30 декабря 1931 г.). Сельскохозяйственная часть народнаго дохода будетъ отнынѣ создаваться не въ секторѣ мелкаго «самостоятельнаго» земледѣльца, а въ секторѣ «обколхозированнаго» крестьянина. Въ этой именно операци диктатура и находитъ важнѣйшіе дополнительные ресурсы для выполненія пятилѣтки. Эмиссионный методъ получения средствъ и методъ фискальный являются просто игрушками въ сравненіи съ методомъ безпощадной насильственной экспроприации крестьянства и превращенія его въ пролетаріатъ колхозовъ.

Въ 1931 г., сказали мы, государство распоряжалось 83% народнаго дохода. Въ 1932 г. оно будетъ распоряжаться 91% народнаго дохода. Въ слѣдующіе годы оно будетъ имѣть въ своихъ рукахъ все сто процентовъ. Все населеніе, какъ о томъ свидѣлствуетъ докладъ Куйбышева и другихъ о второй пятилѣткѣ, будетъ сплошь превращено въ пролетаріатъ, работающій въ огосударствленномъ хозяйствѣ страны. Все будетъ огосударствлено, націонализировано, кооперировано. Коммунистическая партія, и здѣсь экономическая опора ея неограниченной, деспотической власти, господствуетъ надъ всѣмъ. Жилище, питаніе, одежду, образованіе, средства передвиженія и, главное, работу — гражданинъ СССР можетъ получить только изъ рукъ коммунистической партіи. Отъ государственной власти онъ никуда не сможетъ убѣжать. Безпощадная и неумолимая, она сопровождаетъ совѣтскаго челоуѣка отъ рожденія до крематорія.

Какъ изымаетъ государство народный доходъ? Есть два способа этихъ изыятій: прямой и съ помощью, такъ называемаго въ СССР, механизма цѣнъ. Къ числу прямыхъ изыятій относятся: 1) сельскохозяйственный налогъ, 2) самообложеніе крестьянъ, которые — не довольствуясь уже бьющимъ ихъ налогомъ, якобы сами обкладываютъ себя дополнительнымъ налогомъ, причемъ суммы дополнительнаго налога составляютъ въ Наркомфинѣ и подлежатъ безпрекословному выполненію, 3) такъ называемые наевые взносы въ кооперацію, являющіеся взносомъ за право покупать въ государственной розничной сѣти, 4) принудительные займы (въ 1931 г. — 1,8 миллиарда руб-

лей), автоматически, изъ года въ годъ, понижающіе заработную плату на 9-10%. Область примѣненія прямыхъ изъятій особенно велика въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ крестьянство по твердымъ заданіямъ и по контрактации, обязано поставлять коммунистической партіи хлѣбъ, масло, яйца, кожу, ленъ, рыбу, хлопокъ, мясо и т. д. Фактически эти изъятія плохо замаскированная конфискація, такъ какъ крестьянинъ, получивъ отъ государства горстку ничего нестоющихъ червонныхъ рублей, ничего на нихъ не можетъ приобрести. вмѣсто нужныхъ ему тканей, обуви, одежды, бѣлья, табаку, сахара, крупы и т. д. государство шлетъ въ деревню всякій ненужный хламъ. Напримеръ: крестьянамъ Казакстана, вмѣсто взятаго у нихъ скота, предлагались «колпаки для поваровъ, резиновыя клизмы и шелковые платочки для кармановъ костюмовъ» («За Индустриализацію» № 31-XII 1931 г.). Въ Средней Азій, взявъ у мужика хлопокъ, ему совали въ руки «десятирублевый одеколонъ и шелковые чулки» («Экон. Жизнь» № 15-V 1931 г.). Въ Минскомъ районѣ, заставивъ крестьянъ работать на лѣсозаготовкахъ, имъ, въ обмѣнъ на червонные рубли, навязывали «бѣлыя теннисныя перчатки и шелковые чулки въ 10-15 рублей» («Экон. Жизнь» № 18-II 1931 г.). Въ районахъ заготовки молока «молокосдатчикамъ предлагались игральныя карты, фильдеперсовыя перчатки, засоренная пометомъ пшеничная мука» («Правда» № 19-II 1931 г.). Совѣтскіе экономисты считаютъ, что государство въ 1928/29 — 1929/30 г., съ помощью механизма цѣнъ, извлекало 75% народного дохода и 25% съ помощью прямыхъ изъятій. Цифра, конечно, невѣрна, область прямого изъятія, носящаго характеръ реквизиціи, неизмѣримо шире.

Подыдемъ теперь занавѣсъ надъ тѣмъ, что называется «механизмомъ цѣнъ», иными словами, надъ операціями продажи населенію государствомъ-монополистомъ различныхъ товаровъ и услугъ. Въ 1931 г. все совѣтское націонализированное хозяйство должно было, согласно плану, принести 13,3 миллиардовъ накопленій, считая въ томъ числѣ прибыли и амортизацію. Было-бы въ высшей степени интереснымъ прослѣдить по всѣмъ областямъ хозяйства (транспорту, коммунальному хозяйству, кредитной системѣ и т. д.), какъ предполагало правительство получить эти накопленія. Мы принуждены ограничиться здѣсь лишь промышленностью. Въ 1928/29 г. (значитъ до міро-

вого кризиса съ его паденіемъ цѣнъ) установленныя государствомъ оптовыя цѣны на промышленныя и сельскохозяйственныя товары превышали, по исчисленію Госплана, германскія цѣны на 27%, французскія — на 28%, англійскія — на 29% и американскія — на 33%. Основной недостатокъ приведеннаго исчисленія въ томъ, что оно сваливаетъ въ одну кучу низкія сельскохозяйственныя цѣны съ высокими цѣнами на продукцію совѣтской промышленности. Однако, даже при такомъ камуфляжѣ, выступаетъ высота оптовыхъ промышленныхъ цѣнъ СССР. Хотя бы изъ этого можно заключить, какъ жестоко обманывалъ себя коммунистическій депутатъ Кашень, когда, выступая во французской палатѣ съ очереднымъ словословіемъ Москвѣ, утверждалъ, что «соціалистическая промышленность СССР не обременена погоней за прибылью и можетъ продавать свои товары по цѣнѣ болѣе низкой, чѣмъ капиталисты». Въ 1931 г., не понижая высокаго уровня отпускныхъ и оптовыхъ цѣнъ промышленныхъ товаровъ, пущенныхъ въ обращеніе, было рѣшено добиться громадной массы прибыли, путемъ увеличенія продукціи и уменьшенія себѣстоимости. Промышленность ВСНХ должна была увеличиться на 42% и снизить себѣстоимость на 10%. Промышленность Наркомснаба должна была возрасти на 57% и снизить себѣстоимость на 11%. Такимъ образомъ, должны были образоваться 4 миллиарда накопленій. Для нуждъ прожорливой промышленности такой суммы было все-же мало и она должна была, сверхъ того, получить (безъ электрификаціи) 4 миллиарда рублей, перекачиваемыхъ въ нее изъ другихъ областей народнаго хозяйства — иначе отъ крестьянства. Если изъ 4 миллиардовъ, намѣченной по плану прибыли, вычесть 600 милліоновъ на амортизацію, получается 3,4 миллиарда. Дѣйствующій основной капиталъ промышленности къ этому времени представлялъ, максимумъ, 10 милліардовъ рублей. Слѣдовательно, наличная прибыль составляетъ 34% на основной капиталъ. Чуждая погони за прибылью красная индустрія мечтала о такомъ уровнѣ прибыли, о которомъ даже во снѣ не смѣлъ помыслить эксплуататорскій, капиталистическій классъ въ царской Россіи, гдѣ средняя прибыль на основной капиталъ составляла въ 1913 г. лишь 13,1%. Но трюкъ не удался диктатурѣ. Не было выполнено ни одно заданіе плана. Ни одно велѣніе по поводу рационализаціи и экономіи. Продукція промышленности вмѣсто 43% и 57% дала ростъ

будто-бы въ 20,8%, а себѣстоимость вмѣсто сниженія показала повышеніе. Себѣстоимость строительныхъ матеріаловъ увеличилась на 10%, продукции основной химіи на 11%. Въ лѣсной промышленности себѣстоимость возросла на 16%, въ черной металлургіи на 20%, въ торфяной на 28,5%, а въ каменноугольной промышленности, — наиболѣе механизированной, возросла на 30%. Механизмъ цѣнъ, показали зіяющую пустоту. Вдребезги былъ разрушенъ финансовый расчетъ, опиравшійся на базу внутреннихъ накопленій промышленности, съ помощью сниженія себѣстоимости. По словамъ предсѣдателя Госплана, потеря отъ роста себѣстоимости въ основныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства въ 1931 году по сравненію съ 1930 годомъ исчисляется приблизительно въ полтора миллиарда рублей. По отношенію же къ плану сниженія себѣстоимости въ 1931 году эти потери составляютъ свыше 4½ млрд. рублей («Извѣстія» 27-ХІІ 1931 г.).

Пустота «контрольных» расчетовъ ясно обнаружилась уже въ первомъ кварталѣ 1931 г. и, чтобы парировать неприятность, правительство, во-первыхъ, нажало на эмиссію, а, во-вторыхъ, заставило играть механизмъ цѣнъ не музыку сниженія себѣстоимости, а самую вульгарную свистопляску повышенія розничныхъ цѣнъ на предметы потребления. Правительство и, по его указкѣ, совѣтская пресса предварительно обрушились на такъ называемую «уравниловку», — на уравнительную заработную плату и уравнительность въ распредѣленіи и потребленіи продуктовъ среди рабочаго класса. «Уравниловка» была провозглашена «религіей дураковъ» и никуда не годнымъ мелкобуржуазнымъ принципомъ. «Никогда, — заявилъ на 17-ой парт. конференціи членъ Политбюро Куйбышевъ, — коммунисты не признавали равенства вообще». «Мелкобуржуазная уравниловка является величайшимъ тормазомъ развитія социализма». Уравнительной поденной платѣ была противопоставлена испытанная въ капиталистическомъ строѣ система дифференціальной сдѣльной оплаты, но здѣсь ея расцѣнки были строжайшимъ образомъ обусловлены выполненіемъ предписаній плана. «Отнынѣ ударникъ, — писалъ органъ ВСНХ, — заработавшій своимъ трудомъ больше денегъ, имѣеть возможность непосредственно улучшить свое питаніе, покупая лучшей обѣды». Общанія «лучшаго обѣда» заслуживали бы одобренія, если-бы подъ ними не скрывалась другая цѣль: въ погонѣ за сред-

ствами и, попирая вспѣвавшуюся до сихъ поръ «уравниловку», начать продавать продукцію по вздутымъ цѣнамъ тому, кто за нее больше дастъ. Былъ-ли годенъ для проведенія такого плана кооперативный, торговый аппаратъ? Вполнѣ. «Пользуясь тѣмъ, что кооперация почти монопольная организация, кооператоры торгуютъ по принципу: лолай, что даютъ. Кооператоры увлекаются коммерціей, забывая свою основную задачу — обслуживаніе рабочихъ», — такъ характеризовалъ совѣтскую кооперацию ея же собственный начальникъ г. Зеленскій, председатель Центросоюза. Имѣя подъ руками пропитанную столь «прогрессивнымъ» духомъ кооперацию, легко можно было безъ всякаго принужденія обязать ее къ продажѣ товаровъ по повышеннымъ цѣнамъ. Однако, по ряду соображеній, правительство для этого маневра все-же предпочло направить товары не въ кооперацию, а въ спѣшно созданные государственные магазины и именно чрезъ нихъ начать торговать товарами по «коммерческимъ», по вздутымъ цѣнамъ.

Въ весьма расположенномъ къ Совѣтамъ изданіи г. Вожеля «Au pays des Soviets» читатель найдетъ, что въ іюлѣ 1931 г. цѣны въ коммунистическихъ государственныхъ магазинахъ были въ два съ половиной раза выше цѣнъ коммунистической кооперации. Разница между этими двумя видами совѣтской торговли была, однако, въ томъ, что предъ кооперативнымъ магазиномъ нужно было становиться съ карточками въ длительную очередь и безъ надежды на полученіе продукта, тогда какъ въ государственныхъ магазинахъ двери были широко раскрыты предъ всякимъ, имѣющимъ деньги. Въ государственныхъ магазинахъ цѣна на яйца превышала кооперативныя цѣны на 150%, на одежду — на 150%, на простые нитяные чулки — на 150%, на рыбу — на 210%, на обувь — на 220%, на кусокъ туалетнаго мыла — на 511%. Въ абсолютныхъ цифрахъ картина такова. Кусокъ туалетнаго мыла, стоящій во Франціи максимумъ 50 сантимовъ, стоитъ въ Москвѣ 39 франковъ, считая франкъ по официальной совѣтской котировкѣ (1 рубль — 13,3 фран.). Если же считать рубль только за 4 фран., то и тогда кусочекъ ужасающаго качества мыла (съ глиной) стоитъ въ коммунистической странѣ 10 франковъ, по крайней мѣрѣ, въ 20 разъ дороже, чѣмъ во Франціи. При той-же оцѣнкѣ рубля въ 4 франка, мужской костюмъ стоитъ въ Москвѣ 800

франковъ, въ Парижѣ подобнаго качества — 200 франковъ, пара обуви — 128 фр., во Франціи — 60 фран., нитяные чулки — 10 фр., во Франціи — 5 фр., кило сахару въ СССР — 9 фран., во Франціи — 3 фр. 80 с. — 4 фр. Литръ молока въ коммерческихъ магазинахъ Гума въ Ленинградѣ — 4 фр. 40 с., въ Парижѣ 1 фр. 50 с. Качество всѣхъ совѣтскихъ государственныхъ продуктовъ и товаровъ, пускаемыхъ на внутренній рынокъ, совершенно неописуемо. И замѣчательно, что съ каждымъ годомъ пятилѣтки оно падаетъ все ниже и ниже. Послушайте послѣдовательно три годовыхъ отчета.

Первый годъ пятилѣтки — 1928/29 годъ. «Заданіе объ улучшеніи качества остается безъ всякаго исполненія. Зачастую мы наблюдаемъ даже явное ухудшеніе качества» (Контр. цифры за 1929/30 г. ст. 19). Второй годъ пятилѣтки: «Конференція по качеству признала положеніе съ качествомъ явно угрожающимъ въ текстильной, швейной, обувной, силикатной, резиновой и пищевкусовой продукціи». «Готовыя издѣлія чрезмѣрно быстро снашиваются, а иногда и вовсе непригодны; мы преподносимъ потребителю бракованную, низкопробную или совершенно негодную продукцію» («Правда» 1-ІІ 1931). Третій годъ пятилѣтки. «Качество ряда товаровъ широкаго потребленія за послѣдній годъ ухудшилось. Многиехозяйственники мѣропріятія, ухудшающія качество продукціи, рассматриваютъ какъ рационализаторскія мѣропріятія» («Экон. Жизнь» 27-І 1932 г.). Спекуляція, созданная коммунистической диктатурой въ государственныхъ магазинахъ, не могла не переброситься на весь фронтъ совѣтской торговли. «Несмотря на директиву объ ограниченіи коммерческой торговли опредѣленной стѣлю государственныхъ магазиновъ, — писалъ органъ ВСНХ, — тяга «къ коммерціи» наблюдается со стороны многихъ торговыхъ организацій. Дикая погоня за прибылью соблазняетъ, видимо, и многія предпріятія общественнаго питанія, гдѣ наблюдаются случаи взвинчиванія прибыли на общественномъ питаніи до 200 и выше процентовъ». «Увлеченіе коммерческой торговлей доходитъ до того, что фонды, предназначенные для рабочаго снабженія реализуются по коммерческимъ (вздутымъ) цѣнамъ. Въ Щегловкѣ бакалейное объединеніе Запсибкрайсоюза, получивъ муку по 30 коп. за килограммъ, переработало ее въ хлѣбъ и продавало по 2 руб. 40 коп. за килограммъ («За

Индустриализацію» 10-ХІІ 1931 г.). Сибирская кооперація продавала хлѣбъ выше мелкихъ частныхъ продавцевъ: послѣдніе, напр., въ Москвѣ (см. «Au pays des Soviets») продали его въ іюль за 2 руб. килограммъ.

Рекомендуемъ всѣ эти факты вниманію г. Кашена. Въ странѣ Совѣтовъ, вопреки его утверженію, существуетъ не просто погоня за прибылью, а по совершенно правильному выраженію органа ВСНХ, — «дикая погоня за прибылью». Во Франціи, при цѣнѣ муки въ 2 фр. 50 сант. за килограммъ, кило хлѣба (и, конечно, съ прибылью для булочниковъ) стоитъ 2 фр. 30 сант. А въ сибирской коопераціи, при мукѣ въ 1 фр. 20 сант., килограммъ хлѣба стоилъ 9 фр. 60 сант., т. е. въ 8 разъ дороже муки. Въ концѣ 1931 г. пудъ муки (16 килогр.) на московскомъ частномъ рынкѣ оцѣнивался уже въ 100 червонныхъ рублей. Кинталь муки при такой оцѣнкѣ стоитъ 600 рублей, т. е. 2.400 фр. (въ 10 разъ дороже, чѣмъ во Франціи) и 7.980 фр. (въ 31 разъ дороже, чѣмъ во Франціи), если полагаться на официальную совѣтскую котировку франка. Однако, при рыночной оцѣнкѣ муки минимумъ въ 2.400 фр. государство платило мужику за кинталь пшеницы, максимумъ, 36 фр. Неудивительно, что мука изъ этого реквизируемаго хлѣба поставлялась коопераціи за 120 франковъ кинталь. Изъ этихъ нѣсколькихъ цифръ можно судить, какъ угробилъ Сталинъ и Ко зерновое хозяйство страны, бывшей до войны самымъ мощнымъ экспортеромъ хлѣба на міровомъ рынкѣ.

Мы сказали, что въ погонѣ за средствами Москва подняла розничныя цѣны и создала спекулятивную продажу предметовъ народнаго потребленія. Могутъ возразить, что въ концѣ 1931 г. правительство все-таки рѣшило ввести въ регулируемое русло эту спекуляцію и приказало уменьшить вздутыя «коммерческія» цѣны. Вѣрно, такія распоряженія были даны, но послѣдовали они тогда, когда цѣль была уже почти достигнута, когда въ результатъ повышения розничныхъ цѣнъ была увеличена о ц ѣ н к а циркулирующей въ оборотѣ товарной массы, что съ помощью налога съ оборота (въ среднемъ 28% къ облагаемому объекту) дало правительству возможность заработать 10 миллиардовъ рублей. Вотъ какимъ способомъ оно получило 50% ресурсовъ государственнаго бюджета. А въ 1932 г. оно съ помощью налога на продаваемые имъ продукты намѣрено получить 15 миллиардовъ рублей. Та-

кимъ образомъ, не эмиссія только, какъ полагаетъ г. Доминикъ, а эмиссія плюсъ тяжелые налоги, плюсъ продажа населенію недоброкачественныхъ продуктовъ по высокими цѣнамъ, плюсъ голая и явная экспроприація народнаго дохода составляютъ секретъ того «соціалистическаго накопленія», на базѣ котораго покоится система пятилѣтнихъ плановъ.

Посмотримъ теперь, какъ совѣтское правительство распредѣляло попавшій въ его руки народный доходъ. Въ началѣ 1931 года оно установило, что доходъ въ указанномъ году «долженъ» быть 49,2 миллиарда рублей и изъ этой суммы оно рѣшило взять на различныя капиталныя работы, т. е. вложить въ накопленіе — 17 миллиардовъ рублей — 34,5% народнаго дохода. Цифра декретированнаго дохода была абсурдна. Это признало, въ концѣ концовъ, и само правительство, такъ какъ въ контрольных цифрахъ на 1932 г. народный доходъ за предыдущій годъ пониженъ уже съ лишкомъ на 11 миллиардовъ рублей и представленъ цифрою въ 37,8 миллиардовъ рублей. Несмотря на сниженіе (противъ плана) народнаго дохода, сумма, обращенная въ накопленіе, подверглась очень малому измѣненію. Въмѣсто 17 миллиардовъ въ накопленіе пошло 16,1 миллиардовъ рублей, это означаетъ, что въ накопленіе, вопреки плану, пошло не 34%, а 42,6% народнаго дохода. На 1932 г. народный доходъ исчисленъ снова въ 49,2% миллиардовъ рублей, но на этотъ разъ правительство уже болѣе откровенно и съ самаго начала заявляетъ, что рѣшило взять въ накопленіе, на различныя капиталныя работы 21,1 миллиардовъ рублей, т. е. не менѣе 43% народнаго дохода. Лишь сравнивая съ размѣромъ капитализаціи въ другихъ странахъ можно отдать себѣ отчетъ въ томъ, насколько велика эта доля.

По даннымъ коммунистическаго академика Струмилина, а мы хотѣли-бы сослаться именно на такого рода источники, до войны изъ народнаго дохода капитализировалось — въ Соед. Штатахъ — 28,9% народнаго дохода, въ Германіи — 28,5%, въ Италіи — 10%, во Франціи — 8,8%, въ Австро-Венгріи — 8,7%, Великобританіи — 7%. Въ сравненіи съ этими процентами совѣтская капитализація, равная 43% народнаго дохода, представляется поистинѣ чудовищной. Въ самомъ дѣлѣ, если мы изъ народнаго дохода вычтемъ то, что пошло въ накопленіе, то оставшаяся часть, пошедшая въ народное потреб-

л е н і е, въ процентахъ къ народному доходу, окажется такой: въ Соед. Штатахъ — 71,1; въ Германіи — 71,5; въ Италіи — 90; во Франціи — 91,2; въ Австро-Венгріи — 92,3; въ Великобританіи — 93; въ СССР въ 1931 г. — 57,4.

Въ этой цифрѣ и въ томъ, что въ 1932 г. совѣтская диктатура будетъ распоряжаться 92% народнаго дохода, можно сказать, въ статистической, сгущенной формѣ представлена вся суть совѣтскаго хозяйства и вся плачевная участь его населенія. Цифры свидѣлствуютъ, что совѣтскій народъ «накопляетъ» и строитъ фабрики и заводы, явно недоѣдая. На базѣ принудительно сжатаго потребленія вырастаютъ гиганты-заводы. Народный доходъ довоенной Франціи, изъ расчета на душу населенія, по крайней мѣрѣ въ 3 раза выше современнаго дохода СССР и, однако, при повышенномъ доходѣ Франція потребляла 91,2% народнаго дохода, а СССР только 57,4%. Произведя болѣе точное исчисленіе совѣтскаго народнаго дохода, а не полагаясь только на оффиціальную его фиксацію, вѣроятно же всего окажется, что СССР потребляетъ не больше 50% народнаго дохода. Все остальное идетъ въ накопленіе. Гипертрофія производства средствъ производства (постройки заводовъ тяжелой индустріи), гипертрофія принудительнаго накопленія за счетъ, до крайнихъ предѣловъ, до боли, сжатаго народнаго потребленія, — вотъ жизнь СССР подъ диктатурой коммунистической партіи. Совѣтское хозяйство это — государственный капитализмъ, опирающійся на жестокія формы первоначальнаго накопленія и коронующій это хозяйство пятилѣтній планъ ускореннаго строительства индустріи есть, по выраженію Каутскаго, — «лѣченіе страны пятилѣтнимъ голодомъ». Нѣкоторые совѣтскіе экономисты, когда отъ нихъ не требуютъ демагогическихъ рѣчей по сталинской шпаргалкѣ, прекрасно понимаютъ, что все пышное коммунистическое строительство СССР покоится на принудительномъ ограниченіи потребленія, на эксплуатаціи полуголоднаго населенія. Такъ, въ № отъ 8-II 1932 г. «Экон. Жизни» г. В. Игнатовъ считаетъ «безспорнымъ», что «совѣтскому хозяйству присуще противорѣчіе между накопленіемъ и потребленіемъ». Отъ другаго, еще болѣе свѣдующаго, совѣтскаго экономиста, нынѣ академика, Струмилина мы могли-бы узнать не менѣе интересныя вещи. Опираясь на его данныя о накопленіи въ царской Россіи, можемъ, напр., привести такое сравненіе. Въ царской Россіи изъ народнаго дохода шло въ на-

копленіе 36,9%, въ СССР — 42,6%; изъ народнаго дохода въ царской Россіи потреблялось 63,1%, въ СССР — 57,4%. «Нищая Россія, — писалъ по этому поводу цитируемый экономистъ, — ухищрялась накоплять за счетъ сокращенія своего потребленія 37% своего дохода. Разумѣется, это въ значительной степени можетъ быть отнесено за счетъ болѣе высокой нормы эксплуатаціи труда въ странахъ недоразвитаго капитализма, но такъ-ли это надо объяснить или не такъ, фактъ остается фактомъ и для будущаго революціонной Россіи чрезвычайно многообъщающимъ». Поясняя эту загадочную фразу, авторъ прибавилъ, что если царская Россія могла отрывать у себя большой кусокъ для накопленія и обнаруживать высокіе темпы «капитализаціи», то въ совѣтской, революціонной Россіи темпъ «капитализаціи» «при сложившихся у насъ издавна навыкахъ потребительскаго аскетизма можетъ превзойти всѣ извѣстные намъ міровые рекорды» (Струмилинъ. Очерки Совѣтской экономики). Эти слова были написаны г. Струмилинымъ еще въ 1927 году, когда онъ руководилъ первоначальной разработкой пятилѣтняго плана и, какъ видимъ, оказались вѣщими. При проведеніи пятилѣтки, крѣпко опершейся на принудительно-углубленные «навыки потребительскаго аскетизма», — капитализація народнаго дохода, дѣйствительно, побилла всѣ міровые рекорды, достигнувъ чудовищной высоты. Система принудительнаго аскетизма ярко проявляется прежде всего въ совѣтской внѣшней торговлѣ. Изъ страны и въ недопустимомъ количествѣ вывозятся всѣ жизненные припасы, несмотря на то, что въ нихъ остро нуждается населеніе. «Мы подошли, писалъ въ 1929 г. г. Квирингъ, одинъ изъ замѣстителей предсѣдателя Госплана, къ предѣлу разрыва между ростомъ промышленности и сельскаго хозяйства. Въ 1928/29 г., при сборѣ зерновыхъ въ 74,5 милліоновъ и населеніи въ 153,8 милл. человекъ, объ экспортѣ хлѣба не можетъ быть уже никакой рѣчи и внутреннее потребленіе можетъ быть удовлетворено лишь при максимальномъ режимѣ экономіи въ потребленіи хлѣба. За счетъ увеличенія убыточнаго, въ значительной своей части, промышленнаго экспорта мы не можемъ компенсировать выпаденіе хлѣбнаго экспорта. Въдѣ усиленіе промышленнаго экспорта происходитъ въ значительной мѣрѣ за счетъ дефицитныхъ для внутренняго рынка това-

ровъ» (Къ контрольнымъ цифрамъ на 1928/29 г.). Въ 1929 г. урожай зерновыхъ хлѣбовъ былъ не 74,5 милл. тоннъ, а 71,7 милл. Ни о какомъ вывозѣ ни хлѣба, ни вообще жизненныхъ припасовъ, разумѣется, не могло быть рѣчи и, тѣмъ не менѣе, въ этомъ году жизненныхъ припасовъ было вывезено на 215 миллионѣвъ рублей и среди нихъ хлѣбъ, мука, сахаръ, яйца, масло, рыба, фрукты — все, чего остро недоставало на внутреннемъ рынкѣ. Въ слѣдующемъ году, 1929/30, жизненныхъ припасовъ вывезено уже на 274 милл. рублей. И вывозъ былъ обезпеченъ жестокимъ регулированиемъ, съ помощью карточекъ, народнаго потребления внутри страны. Производя экспортъ жизненныхъ припасовъ за счетъ сокращенія внутренняго потребления, совѣтское правительство на вырученныя деньги покупало за границей все, что нужно для развитія, главнымъ образомъ, тяжелой индустрии. Для этой цѣли было куплено машинъ, аппаратовъ, различныхъ издѣлій, металла и т. д. въ 1928/29 г. на 294 милл. руб., а въ 1929/30 году на 583 милл. руб. Увеличеніе такого импорта шло параллельно уменьшенію импорта средствъ потребления, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Импортъ въ милл. рублей:

	1927/28 г.	1929/30 г.
Хлопокъ	154	64
Шерсть	86	48
Кожа	47	26
Чай	37	23
Рись	15	0,3
Какао	3,3	1,5
Кофе	0,7	0,0
	<hr/>	<hr/>
	343	162,8

По сравненію съ годомъ предшествовавшимъ пятилѣткѣ импортъ перечисленныхъ предметовъ потребления уменьшился на 180 милл. Полученная «экономія» была цѣликомъ обращена на покупку оборудования для любимцевъ совѣтской власти — гигантовъ-заводовъ тяжелой индустрии. Сокращеніе предметовъ потребления тяжело отзывалось на населеніи. Напримѣръ, рѣзкое уменьшеніе импорта хлопка, а въ 1931 г. даже прекращеніе его, вы-

звало полное разложене хлопчато-бумажной промышленности. Въ 1928/29 г. она произвела 2.825 милл. метровъ ткани, въ 1929/30 — 2.409 милл., въ 1931 — 2.240 милл. и потребление хлопка стоитъ сейчасъ на уровнѣ гораздо болѣе низкомъ, чѣмъ въ царской Россіи. Для иллюстраціи того, какъ дѣйствовала система «принудительнаго аскетизма», остановимся на слѣдующихъ фактахъ. Постановленіе отъ 27 января 1931 г. комиссаріата снабженія и земледѣлія, повторенное и въ 1932 г., требуетъ, чтобы крестьянство колхозовъ сдавало государству до одной трети всей валовой продукціи зерна. По нѣкоторымъ культурамъ нормы обязательныхъ сдачъ еще выше: по бобовымъ 50%; по подсолнечнику — 80% валовой продукціи. Грубо говоря, это даетъ такіе результаты. Въ 1926/27 г. при урожаѣ ржи и пшеницы въ 488 милл. центнеровъ крестьянство сдало государству 55 милл. центнеровъ хлѣба. Нынѣ-же, при системѣ коллективизаціи, крестьяне, при томъ-же урожаѣ, исполняя указанное постановленіе, должны будутъ отдать правительству 162 милл. центнеровъ — въ три раза больше. До введенія коллективизаціи, крестьяне одного изъ важнѣйшихъ пшеничныхъ районовъ — Сѣв. Кавказа, отчуждали (государству) 24% валового сбора зерна. Теперь они отдаютъ государству 51,5% валового сбора и увеличеніе изъятія хлѣба совершенно неизбежно приводитъ къ сокращенію и ухудшенію ихъ питанія. У русскаго крестьянина хлѣбъ былъ и остается главной пищей. До войны, въ производящихъ хлѣбъ районахъ царской Россіи, потребление на душу достигало въ среднемъ 278 килограммовъ зерна въ годъ. Въ коммунистическомъ государствѣ такая норма потребления признается совершенно недопустимой. Паекъ въ 240 килограммовъ «Правда» называетъ «рвачевскимъ» и «кулачскимъ» и безъ стѣсненія заявляетъ, что подобные пайки «вредятъ государственнымъ хлѣбо-заготовкамъ». По официальнымъ даннымъ, урожай зерновыхъ хлѣбовъ въ 1931 г. меньше урожая 1930 г. на 80 милл. центнеровъ, а государственное изъятіе хлѣба, какъ явствуетъ изъ «Экон. Жизни» (27-II 1932 г.) на 6% больше, чѣмъ прошлый годъ. Въ 1932 г. удовлетвореніе, не знающихъ предѣловъ, требованій коммунистической власти совершенно явно идетъ не только за счетъ сокращенія продовольственныхъ фондовъ крестьянства, но и за счетъ его сѣменныхъ фондовъ. Въ результатѣ операціи, Сталину и Молотову приходится при-

знаваться, что «рядъ колхозовъ и совхозовъ не можетъ изъ своихъ собственныхъ ресурсовъ обезпечить полностью весенній посѣвъ».

Явное ухудшеніе питанія наблюдается въ теченіе пятилѣтки и въ средѣ рабочаго класса. Предъ нами рабочіе бюджеты, опубликованные въ журналѣ Госплана «Плановое Хозяйство» № 5 VI 1931 г. Должны сказать, что совѣтской информации по такому острому для Кремля вопросу, какъ рабочіе бюджеты, мы доверяемъ очень мало. Предсѣдатель Госплана В. В. Куйбышевъ имѣетъ слишкомъ специфическое пониманіе задачъ информации, чтобы позволить въ органѣ Госплана появиться безпристрастному освѣщенію нормъ рабочаго потребленія. Большевицкая информация, по его мнѣнію, «прежде всего есть агитация, т. е. не беззубое, безпристрастное сообщеніе фактовъ, а подборъ фактовъ въ такомъ видѣ, въ такомъ порядкѣ, чтобы они сами кричали за насъ, за наше дѣло». Опубликованные бюджеты появляются на свѣтъ божій, конечно, послѣ соответствующей стерилизаци и являются бюджетами благонадежными и особо избранными. И все-таки шло въ мѣшкѣ утаить трудно. Даже изъ этихъ бюджетовъ, при всей ихъ стилизаци, бросается наружу рѣзкое ухудшеніе питанія рабочихъ. Въ 1927/28 г., до пятилѣтки, потребленіе пшеничнаго хлѣба составляло 113,2 килограмма на душу въ годъ. Въ 1928/30 г., несмотря на рекордный, якобы, урожай, потребленіе пшеничнаго хлѣба (сѣраго и невозможнаго по качеству) падаетъ до 73,9 килограмма. Упало и потребленіе другихъ продуктовъ. Въ килограммахъ на душу въ годъ потреблялось:

1927/28 г. 1929/30 г.

Мяса и сала	52,8	40,7
Яиць	4,5	3,4
Сахара	16,1	12,8

· На протяженіи пятилѣтки происходитъ выпаденіе статей качественнаго высококалорійнаго питанія. Имъ на смѣну идутъ малопитательныя картофель и капуста. «Въ теченіе четырехъ недѣль безсмѣнно, — лишутъ изъ Байкальскихъ рудниковъ въ органъ ВСНХ, — въ столовой подается «супъ-разлука» — вода съ кислой капустой. За сентябрь еще не выдана мука рабочимъ и только ударникамъ (вмѣсто пищи!) роздано по кусочку душистаго мы-

ла» («За Индустриализацию» 1-II 1931 г.). За отсутствием других продуктов питания, потребление овощей, главным образом, капусты вырастает съ 48,2 килогр. до 62 килогр., а потребление картофеля съ 94,9 килогр. на душу до 154,1 килогр. Но коммунистическое государство, со всей его рационализацией, стандартизацией и коллективизацией, оказывается неспособным снабдить население даже картофелемъ и даже въ красной столицѣ — въ Москвѣ. «Москва не обезпечена картофелемъ! — восклицаетъ «Правда» въ № отъ 26 августа 1931 г. — Для того, чтобы купить два-три килограмма картофеля, рабочий потребитель вынужденъ стоять въ очередяхъ». На второмъ году пятилѣтки въ потреблении рабочаго, поскольку оно отражено въ стилизованныхъ бюджетахъ, по сравнению съ 1927/28 г. произошли такія измѣненія: потребление сахара уменьшилось на 20%; мяса и сала — на 23; яицъ — на 27 и пшеничнаго хлѣба — на 35. Зато, въ противоположность, потребление капусты увеличилось на 44%, а картофеля — на 62%.

Не слишкомъ ли поспѣшили г. Доминикъ, когда, приѣхавъ изъ Москвы, сталъ увѣрять французовъ, что въ Москвѣ и повсюду въ СССР питаются люди вдоволь à sa faim? Если-бы онъ внимательнѣе изучалъ вопросъ, онъ можетъ быть-бы узналъ, что, напр., на заводѣ «Красный Богатырь» до 15% рабочихъ болѣютъ фурункулезомъ. Съ точки зрѣнія медицинской (а г. Доминикъ рекомендуетъ себя, какъ врача), не слѣдуетъ-ли поставить въ связь эти заболѣванія фурункулезомъ съ недостаточнымъ питаніемъ, съ замѣной высококалорійныхъ продуктовъ — капустой и картофелемъ? Авторъ «Планового Хозяйства», представившій намъ рабочіе бюджеты, не придаетъ большого значенія тому, что качественныя статьи питания теперь замѣнены картофелемъ. «Энергетическое значеніе потребляемыхъ продуктовъ, — цинично заявляетъ онъ, — не потерпѣло при этомъ ущерба». Выходитъ, что совершенно безразлично, чѣмъ кормить, напр., лошадь: овсомъ или соломой. Соломы потребуется больше, но «энергетическое значеніе» питания остается тѣмъ-же, и лошадь все-таки будетъ работать. Вотъ когда намъ пригодились-бы медицинскія познанія г. Доминика: пусть онъ объяснитъ совѣтскому экономисту, что 100 граммовъ масла содержитъ 1.761 калорій, въ картофелѣ же только 95, а въ капустѣ еще меньше — 24. О сокращеніи потребления ра-

бчихъ мы можемъ заключить не только по бюджетамъ. О томъ-же и еще ярче говоритъ движеніе реальной заработной платы. «Въ 1928 г. къ началу пятилѣтки, пишетъ «Экон. Жизнь», средняя мѣсячная плата по всей промышленности составляла 70 руб. 94 к., а въ 1931 г. (за весь годъ) — 92 руб., а въ IV кварталъ (1931 г.) — 97 руб. 40 к.» (№ 6-Н 1931 г.). Въ сравненіи съ 1928 г. это означаетъ ростъ на 38%. Такой процентъ у совѣтскихъ коммунистовъ совершенно механически вызываетъ неудержимую демагогическую болтовню о томъ, что «въ то время какъ всюду въ капиталистическомъ мірѣ заработная плата упала, она въ СССР, наоборотъ, поднялась». Нужно безграничное безстыдство, чтобы уплату заработка въ скатывающейся внизъ червонной бумагѣ признавать за ростъ заработной платы. Изъ цифръ, опубликованныхъ въ органѣ Госплана (№ 5-VI 1931 г.), слѣдуетъ, что бюджетный индексъ товаровъ, составляющихъ основное потребленіе рабочаго, въ IV кварталъ 1928/29 г. превышалъ бюджетный индексъ IV квартала 1927/28 г. на 16,7%, а бюджетный индексъ IV квартала 1929/30 г., въ свою очередь, былъ выше соответствующаго индекса 1928/29 г. на 48%. Въ октябрѣ 1930 г. бюджетный индексъ былъ выше индекса за октябрь 1929 г. уже на 63,4%. Иными словами, въ концѣ второго года пятилѣтки бюджетный индексъ превышалъ индексъ 1927/28 года на 90,6%. Въ этихъ условіяхъ и беря повышение индекса только за первые два года пятилѣтки, что значитъ, что заработная плата въ падающей червонной валютѣ за три года пятилѣтки поднялась на 38%? Это значитъ, она упала — на 27%.

Въ совѣтскихъ газетахъ иногда появляются любопытныя и очень неглупыя замѣчанія. Одно изъ такихъ мы нашли въ газетѣ «За Индустриализацію». «Мы не привыкли, пишетъ корреспондентъ этой газеты, заботиться о самой главной составной части всякой работы — о людяхъ, о живой, разумной, движущей силѣ, безъ которой грошъ цѣна всѣмъ «распрозрагичнымъ» хитроумнымъ машинамъ. Вѣдь механическіе человѣки еще не изобрѣтены. Мы привыкли думать, что этого добра — людей — у насъ достаточно и жизнь уже неоднократно жестоко била насъ

за такое самомнѣніе» (№ 9-IV 1931 г.). Неосторожныя и смѣлыя въ устахъ совѣтскаго журналиста слова бросаются не для пламенной защиты деклараціи правъ чело-вѣка и гражданина, какъ могутъ подумать иные, а съ бо-лѣе прозаическими цѣлями. Онъ просто старается обра-тить вниманіе высшаго начальства на то, что нужно поза-ботиться о людяхъ для строящагося въ Кузнецкѣ завода и заблаговременно приготовить для него слесарей, стали-варовъ, сварщиковъ, монтеровъ и т. д. Слова его, одна-ко, не перестаютъ быть совершенно неоспоримой исти-ной. О людяхъ властители СССР, дѣйствительно, не при-выкли думать. А безъ мысли о людяхъ — грошъ цѣна не только всѣмъ хитроумнымъ машинамъ, но и всему этому рекламному гигантскому строительству, всей этой бѣгущей погонѣ за новыми киловатами, турбогенераторами и новыми шахтами. Каутскій старался разъяснить больше-викамъ, что главнымъ, всегда и при всѣхъ условіяхъ, оста-ется чело-вѣкъ и что безъ чело-вѣка всякая ма-шина только груда желѣза, а всякая фабрика «только гру-да кирпичей и цемента». Его старанія оказались тщетны-ми и въ Москвѣ были встрѣчены яростной руганью. И вотъ, если къ заявленію, что «мы не привыкли за бо-таться о главномъ — о людяхъ», прибавить призывъ совѣтскаго сановника Молотова «дать от-поръ» разсужденіямъ, что «соціализмъ есть производ-ство для потребленія» (а если не для потребленія, то для чего?); если прибавить къ этому формулу, съ которой мы познакомились выше — «строитъ во что-бы то ни стало и чего бы то ни стоило»; если еще присоединить сюда забываемыя слова, что «мы побьемъ всѣ міровые рекорды накопленія, опираясь на издавна сложившіяся у насъ навыки потребительскаго аскетизма» — эти четыре кардинальныхъ, по своей важности, пункта до конца исчерпываютъ основную, без-душную суть знаменитаго пятилѣтняго плана ускоренной индустриализаціи на базѣ первоначальнаго накопленія и экспропріаціи населенія.

Е. Юрьевскій.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Письма изъ Германіи

(Вокругъ выборовъ президента республики).

Событія, происходящія въ Германіи, представляютъ собою очень большой интересъ. Борьба, которая раздражаетъ сейчасъ Германію, не только внутри - германская, партійная борьба. Только потому она такъ сложна и значительна, что съ одной стороны она является борьбою довоеннаго европейскаго сознанія съ сознаніемъ послѣвоеннымъ, а съ другою — борьбою послѣвоеннаго, въ основѣ итальянскаго, фашизма съ основѣ русскимъ, коммунизмомъ. То, что эта идейная борьба происходитъ въ условіяхъ обостряющагося хозяйственнаго кризиса, органически связаннаго съ проигранной, кончившейся революціей, войной и злосчастнымъ Версальскимъ договоромъ, объясняетъ совершенно новый въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій фактъ: — военнизацию и вооруженіе рѣшительно всѣхъ политическихъ идей. Въ германскихъ президентскихъ выборахъ, въ которыхъ не принимаетъ участія армія, самую активную роль играютъ четыре арміи: штурмовая колонна національ - социалистовъ, національно - консервативная армія «Стального шлема», «Желѣзный фронтъ» демократіи и официально распущенный, но

подпольно существующій коммунистическій союзъ «Красныхъ бовиковъ».

Небывалая битва идей!

Отличительною чертою предвыборной кампаніи, первый туръ которой только что закончился, былъ монологически - декларативный стиль агитаціи. Ни на одномъ собраніи не происходило борьбы мнѣній. Политическіе противники въ качества таковыхъ вообще не встрѣчались. Всѣ агитаторы говорили только передъ своими, обращались только къ своимъ. Представители иныхъ партій присутствовали только въ порядкѣ нѣмыхъ наблюдателей или срывателей собраній. Во всѣхъ собраніяхъ происходили какъ-бы службы передъ вѣрующими прихожанами. Въ промежутокъ между политическими идеослуженіями стальнo-шлемцы, желѣзно- и красно-фронтвики, но, главнымъ образомъ, крючкотвцы садились или становились на грузовики, украшенные соответствующими знаменами и носились по городу. Со столбовъ и стѣнъ смотрѣли на нихъ громадные плакаты и афиши, въ подавляющемъ большинствѣ которыхъ

выраженіе лицъ Гинденбурга Дюстерберга и Гитлера было весьма сложное: грозное, гнѣвное, военное. Въ каждомъ взорѣ по стальному лучу.

Чѣмъ ближе подходилъ день выборовъ, тѣмъ полнѣе овладѣвали національ - социалисты улицей. Наканунѣ выборовъ большинство столбовъ было сплошь заклеено ихъ плакатами, причемъ самаго различнаго содержанія: коммунистическаго, мелко-буржуазнаго, націоналистическаго - милитаристическаго. Красный атлетъ, на поясѣ котораго еле замѣтнѣн національ - социалистическій значекъ; подпись — конецъ буржуазіи. Въ желтомъ, мгlistомъ туманѣ истощенная голодомъ группа безработныхъ; подпись — «Гитлеръ наша послѣдняя надежда». Стилизованный Гитлеръ въ формѣ, принимающій парадъ своихъ молодцовъ, и тутъ же натуралистическая фотографія Гитлера въ мѣщанскомъ пиджачкѣ передъ мелкоголовой, многотысячной толпой, обещающаго порядокъ и собственность. Смысль: — національ - социалисты не партія, а всепартія, обо всѣхъ думающая и отмѣняющая партійную грязню.

Въ субботу, наканунѣ выборовъ, поздно вечеромъ эта «все-партія» организовала свое послѣднее, торжественное и внушительное выступленіе. Городомъ, уопавшемъ въ снѣгу и залитымъ луннымъ свѣтомъ, стремительно шли въ продолженіе 40 - 50 минутъ по восемь человѣкъ въ рядѣ колонны желторубашечниковъ: въ рукахъ у каждаго по черному факелу. Каждое лицо въ красномъ свѣтѣ мятушагося огня. Надъ каждымъ отрядомъ громадный крас-

ный флагъ съ чернымъ крестомъ въ бѣломъ кругу. Впереди музыка. Во всемъ много чистоты, напряженія и дисциплины. Нѣтъ, это не «сбродъ» и не «банды». Это преступно соблазненные, но глубоко взволнованныя народныя массы, съ часу на часъ перерождающія душу Германіи и Европы.

Съ соблазнами, владѣющимъ этими массами, необходима напряженнѣйшая борьба. Но эта борьба возможна только на почвѣ углубленнаго пониманія его социологической и психологической сущности. Врядъ ли можно оспаривать, что и русской демократіи придется въ будущемъ встрѣтиться съ фашизмомъ, уже зарождающимся въ эмиграціи. Необходимо потому тщательно и вдумчиво всматриваться въ его европейскіе образцы.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что національ - социалистамъ, — ихъ неугомонной энергіи, ихъ безответственной демагогіи, ихъ агитационному оптимизму, систематически утверждающему, что они-все, а всѣ остальные — ничто, удалось до очень значительной степени загипнотизировать общественное мнѣніе широкихъ круговъ безпартійной Германіи. Многие умные и наблюдательные люди, отнюдь не сочувствуя національ-социалистамъ, не только допускали возможность побѣды Гитлера, но подчасъ даже и не сомнѣвались въ томъ, что вождю національ - социалистовъ уже въ первомъ турѣ достанется президентское кресло.

Кресло президента, не доставшееся Гитлеру въ первомъ ту-

рѣ, не достанется ему и послѣ второго. Тутъ двухъ миттінгъ бытъ не можетъ. Но ликовать по этому поводу не приходится. Какъ никакъ, Гитлеръ собралъ больше 11 миллионъ голосовъ изъ 37. Это успѣхъ громадный. Неуспѣхомъ онъ можетъ представляться лишь людямъ, безъ всякаго на то основанія повѣрившимъ рѣшимымъ заявленіямъ Гёббельса, что Гитлеръ уже въ первомъ турѣ получить абсолютное большинство голосовъ.

Подъ вліяніемъ громаднаго успѣха національ-соціалистовъ въ Германіи сейчасъ повсюду рѣшается вопросъ — возможенъ-ли въ ближайшее время приходъ къ власти Гитлера или нѣтъ? И какимъ путемъ: легальнымъ или революціоннымъ? Рѣшеніе этого вопроса, конечно, никому не подѣ силу. Возможны только раздумья надъ тѣми силами, что работаютъ на Гитлера и надъ тѣми, что работаютъ противъ него. Присмотримся къ тѣмъ и другимъ.

«Другіе народы, пишетъ редакторъ нѣмецкаго журнала «Die Tat», Цереръ, переживаютъ революціи. Удѣлъ Германіи мучительное эволюціонированіе». Мнѣ кажется въ этой фразѣ, предсказывающей эволюціонное перерожденіе Германіи, есть большая доля правды. Внимательно всматриваясь во все, происходящее сейчасъ въ Германіи, ясно чувствуешь, что бурная поверхность ея жизни — газеты, митинги, собранія, партіи, рейхстагъ, не похожи на ея ядряныя устои: на любовное отношеніе къ своей работѣ крестьянъ и рабочихъ, на преданную службу чиновниковъ, на ту сосредоточенную силу, съ которой населеніе переноситъ уда-

ры хозяйственной разрухи, на ту громадную энергію, которую развили церковь и общество въ дѣлѣ помощи бѣднымъ и немощнымъ. При семи миллионѣхъ безработныхъ, въ Германіи никто зимой не голодалъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова и никто не остался безъ подарка, хоть бы и скромнаго, къ Рождеству.

За истекшую зиму мнѣ пришлось много вращаться въ самыхъ разнообразныхъ организаціяхъ. Долженъ сказать, что образъ Германіи, вырастающей изъ углубленія въ ея внутреннюю жизнь, гораздо сложнее, интереснее и отраднее того, что долженъ слагаться у всѣхъ слѣдшихъ за ней по политическимъ отчетамъ партійныхъ газетъ. Если бывать только на партійныхъ собраніяхъ и читать только партійныя газеты, то легко придти къ выводу, что никакого нѣмецкаго народа вообще нѣтъ, такъ какъ никто никого не понимаетъ и никто ни съ кѣмъ не согласенъ. Картина, однако, сейчасъ же мѣняется и опредѣленно углубляется, какъ только отходишь отъ политики. Это не значитъ, конечно, что политическая жизнь принципиально поверхностнее хозяйственной, соціальной, культурной и всякой иной. Незыблемой іерархіи тутъ нѣтъ. Это значитъ лишь то, что призваніе Германіи, очевидно, лежитъ не въ политической сферѣ; наоборотъ: чистая политика является сферою, въ которой Германія наименѣе даровита. Доказательствомъ вѣрности этого положенія служитъ, между прочимъ

то, что малая талантливость нѣмецкой политики уничтожила блестящія военные успѣхи нѣмецкой арміи и грозитъ нынѣ сорвать завоеванія революцій, безусловная положительность которыхъ объясняется не въ послѣднюю очередь тѣмъ, что подъ впечатлѣніемъ военнаго разгрома въ Германіи не успѣли въ свое время разыгратъ чисто политическія страсти. То-же самое доказывается и фактомъ политическаго возглавленія Германіи дружественнымъ союзомъ Гинденбурга-Брюннинга. Что этимъ двумъ людямъ, по своимъ духовно-душевнымъ качествамъ совсѣмъ не типичнымъ политикамъ, все еще удается справляться съ политическими страстями, обуревающими сейчасъ Германію, является лучшимъ доказательствомъ того, до чего сильнѣ въ Германіи не растлѣнный политической фразой, не изнуренный партійной непримиримостью, спокойный, трезвый и отвѣтственный человѣкъ и до чего значительны въ ней малыя дѣла тѣхъ, что иногда сами себя называютъ: «die Stillen im Lande».

Вся Германія покрыта народными университетами а также и народными очагами. Народные университеты ведутъ широкую общеобразовательную работу; народные очаги представляютъ собою своеобразные дома творческаго отдыха для молодыхъ рабочихъ, въ которыхъ они проводятъ обыкновенно по шести недѣль въ систематическомъ изученіи культурно-философскихъ и социально-политическихъ вопросовъ подъ руководствомъ опытныхъ учителей-педагоговъ. Въ Саксоніи вся эта работа сосредоточена въ рукахъ

чиновника министерства народнаго просвѣщенія, ежемѣсячно собирающаго у себя на дому дѣятелей народнаго просвѣщенія. Почти всѣ они — социалисты-демократы, почти всѣ молоды — отъ 25 до 35 лѣтъ. Я прослушалъ рядъ докладовъ и преній по нимъ и былъ пораженъ тѣмъ, до чего социал-демократическій педагогъ, работающій гдѣ нибудь въ провинціальной глуши, не похожъ на типичнаго социал-демократическаго партійца. Никакого доктринерства; большая живость и чуткость ко всѣмъ политическимъ вопросамъ современности; очень глубокое и сложное пониманіе Маркса, не имѣющее, въ сущности, почти ничего общаго съ тѣмъ, что принято называть марксизмомъ; глубокое и творческое ощущеніе кризиса официально-материалистическаго міросозерцанія; почти у всѣхъ положительное отношеніе къ религіозному началу, при рѣзкомъ, но на протестантской почвѣ понятномъ, отрицаніи церковности, и очень крѣпкой патриотизмъ, при полномъ отсутствіи шовинизма. У всѣхъ очень большой интересъ къ растущему сейчасъ въ Германіи «новому» чело-вѣку, къ желторубашечному національ-социалисту и замороженному Москвой коммунисту; у всѣхъ живое ощущеніе, что новые люди пускаютъ крѣпкіе корни въ рабочей средѣ, что съ ними предстоитъ сложная и длительная борьба и пониманіе того, что въ этихъ людяхъ есть какая-то твердыня вѣры, съ которой, безъ укрѣпленія собственной вѣры, не справиться. Этимъ чувствомъ, въ связи со страстнымъ стремленіемъ отстаивать свои позиціи, объясняется то, что два

первые доклада были посвящены вопросам объ отношеніи политики и міросозерцанія. Послѣ жаркихъ, но въ общемъ гармоничныхъ преній, сошлись на нѣкоторыхъ, для всѣхъ приемлемыхъ положенійхъ. Въ ближайшее время предстоятъ встрѣчи съ коммунистами и національ - социалистами. Послѣдніе ведутъ упорное наступленіе противъ народныхъ школъ и очаговъ, «разсадниковъ марксизма», и стремятся къ распространенію своихъ собственныхъ народныхъ школъ имени Фихте.

То же самое, столь чуждое партійной жизни стремленіе къ взаимопониманію, та же жажда встрѣчи и возможности общенія поразили меня однажды въ другомъ мѣстѣ. Въ Дрезденѣ, какъ вѣроятно и въ другихъ городахъ, существуетъ школа для инструктированія работниковъ по социальной помощи. Принимаются ученики и ученицы разнаго возраста, отъ 18-ти до 28 лѣтъ (приблизительно). Предпочитаются люди, уже работавшіе практически. Задача выпускаемыхъ работниковъ не только въ обслуживаніи матеріальныхъ нуждъ безработныхъ, но и въ душевномъ врачеваніи ихъ большой озлобленной скорби. Безработные принадлежатъ нынѣ къ самымъ разнообразнымъ социальнымъ классамъ и политическимъ направленіямъ. Элементарный тактъ требуетъ посылки въ квартиры безработныхъ социальны и психологически какъ бы родственныхъ имъ работниковъ. Школа инструкторовъ объединяетъ потому людей всѣхъ политическихъ партій. Среди 30 людей старшаго курса, на которомъ я читалъ лекцію на социально-политическую тему, большинство соста-

вляли демократы разныхъ отбѣлковъ, но было много національ-соціалстовъ и нѣсколько коммунистовъ (2 партійныхъ). Во главѣ школы известная демократка, членъ ландтага, франкофилка и пацифистка. Задача школы, по ея словамъ: «практика взаимопониманія», «воспитаніе уваженія къ чужому мнѣнію», т. е. «организация свободы».

Читая докладъ и самъ ведя за тѣмъ, въ качествѣ избраннаго предсѣдателя, пренія, я былъ радостно пораженъ степенью осуществленности этихъ задачъ.

Молодежь чрезвычайно горячая, идеалистически - страстная; уже во время доклада по выраженію лицъ можно было легко догадаться, кто какого направленія. Вопросы, которые мнѣ ставились, ставились очень отчетливо. Возраженія, на которыя оппоненты рѣшались, отстаивались очень энергично и твердо. И все же у всѣхъ чувствовалась жажда взаимнаго пониманія, желаніе не запутаться въ случайныхъ недоразумѣніяхъ. Когда кончились пренія, всѣ вмѣстѣ двинулись въ городъ (школа помѣщается за городомъ); въ трамваѣ сразу потухла — во всякомъ случаѣ по отношенію ко мнѣ лично — всякая политическая настороженность; осталась только одна благодарность къ человѣку, который, «несмотря на свою занятость, пріѣхалъ къ нимъ и провелъ весь вечеръ, дѣлясь своимъ знаніемъ и жизненнымъ опытомъ».

Все это не является, однако, безусловною гарантіей того, что слушавшіе меня коммунисты и національ - социалисты не переколотятъ другъ друга накануне второго тура президентскихъ вы-

боровъ. Подчасъ политическія страсти захватываютъ, къ сожалѣнію, сферы, казалось-бы не имѣющія съ политикой ничего общаго. Такъ, всю прошлую зиму въ нѣмецкихъ университетахъ бушевала свирѣпая студенческая борьба противъ проф. богословія Гюнтера Дена. Одинъ изъ основателей союза религіозныхъ социалистовъ, пасторъ Денъ произнесъ еще то своего избранія на кафедру практическаго богословія рѣчь объ отношеніи христіанства къ войнѣ. Рѣчь отнюдь не политическую, отнюдь не пасифистскую, весьма осторожную и религіозно очень глубокую. Несмотря на всѣ перечисленныя качества выступленія Дена, нѣкій, не присутствовавшій на докладѣ генераль въ отставкѣ, обратился по поводу рѣчи съ открытымъ протестомъ въ консисторію. Консисторія отвѣтила двудлично: однимъ письмомъ Дену, другимъ — генералу. Факультетъ Гейдельбергскаго университета, уже выставившій кандидатуру Дена въ качествѣ профессора практическаго богословія, вдругъ снялъ ее, — фактъ небывалый въ университетской лѣтописи, — мотивируя свой шагъ невозможностью рисковать мирнымъ теченіемъ академической жизни, нарушеніе которой неизбежно, въ случаѣ назначенія «религіознаго социалиста».

Спустя нѣкоторое время Денъ все-же былъ назначенъ профессоромъ въ Галле. Такъ какъ назначеніе было проведено прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, тоже принадлежащимъ къ союзу религіозныхъ социалистовъ, то студенты въ Галле подняли страшную бурю. Денъ всю зиму не могъ спокойно читать.

Аудиторию охраняла полиція. Между университетомъ и министерствомъ шли все время переговоры. Студенты націоналисты не сдавались — требовали удаления Дена. Правительство грозило исключеніемъ студентовъ и закрытіемъ университета. Дѣло перебросилось въ печать. Демократическая «Франкфуртская газета» предоставила свои страницы для выясненія всѣхъ подробностей дѣла и вотъ тутъ то и вскрылась поистинѣ страшная вещь. Нѣсколько очень глубокихъ, отнюдь не политиканствующихъ профессоровъ богословія, по своимъ настроеніямъ казалось-бы очень далекихъ отъ національ-соціалистической политики, высказались за студентовъ противъ Дена. Въ открытомъ письмѣ въ газету одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ профессоровъ прямо пишетъ, что Денъ, осмѣлившійся назвать національный подъемъ нѣмецкаго студенчества «демонизмомъ», тѣмъ самымъ самъ лишилъ себя права занимать дальше профессорскую кафедру, ибо онъ скомпрометировалъ себя не только какъ политикъ, но и какъ богословъ; скомпрометировалъ себя непониманіемъ того, что Богъ никогда не обращается къ человѣку вообще, а всегда къ конкретному человѣку, къ человѣку определенной нации, определенной эпохи, определенной судьбы. Обращаясь же въ 1931 году къ нѣмецкому юношеству, Богъ не могъ не благословить его на страду и геройство національнаго подвига!

Понятно, что въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ я не безъ нѣкотораго волненія согласился на просьбу религіозно-консервативной студенческой организа-

цин выступитъ съ докладомъ на политическую тему. Дабы сразу взять быка за рога, я озаглавилъ свой докладъ «христіанская національная политика и языческій націонализмъ». Однако, и на этотъ разъ мнѣ была уготована приятная неожиданность. Несмотря на господствующій въ нѣмецкихъ университетахъ духовный терроръ, національ-соціалистическаго бодьшинства, я въ пригласившемъ меня союзѣ встрѣтился съ людьми исключительной духовной серьезности и политической зрѣлости. Психологически — всѣ правые, т. е. люди, ущемленные «Версалемъ» и живущіе жаждой отмѣнить его. Религіозно — всѣ бартианцы, т. е. приверженцы богословской школы знаменитаго профессора богословія Барта. Бартианство — новая форма протестантской ортодоксіи, стремящаяся вернуть протестантизмъ къ его реформистскимъ истокамъ. Отношеніе бартианства къ политикѣ съ одной стороны очень опредѣленное, съ другой — двусмысленное, т. е. мѣшающее политическому самоопредѣленію. По мысли Барта всякій христіанинъ долженъ участвовать согласно велѣніямъ своей совѣсти въ политической жизни, но форма и мѣсто участія христіанствомъ указаны быть не могутъ. Передъ лицомъ абсолютной истины христіанства всѣ партіи и программы одинаково ложны. Праведной христіанской политики въ сущности вообще быть не можетъ. Все же есть великая правда въ участіи христіанъ, какъ христіанъ, въ политической жизни. Сущность этой правды заключается въ томъ, что партійный христіанинъ является какъ бы нечистой совѣстью всякой партіи, по-

стоянно призывающей ее къ углубленной отвѣтственности. Противъ этой, религіозно во многомъ глубокой, но политически весьма сообразительной точки зрѣнія, я и направилъ свою атаку. Доказывалъ, что исходя изъ Барта необходимо, пожалуй, стремиться къ тому, чтобы большинство христіанъ шло въ ряды національ-соціалистовъ и коммунистовъ, такъ какъ этимъ партіямъ особенно къ лицу имѣть «нечистую совѣсть». Убѣждалъ, исходя изъ своихъ предпосылокъ, что хотя евангельское христіанство и не заключаетъ въ себѣ опредѣленной политической программы, христіанинъ все же не можетъ сочувствовать всѣмъ партіямъ одинаково, ибо есть партіи, въ которыхъ можно состоять лишь съ нечистой совѣстью и другія, къ которымъ можно принадлежать съ чистой; предпочтительнѣе держаться послѣднихъ.

Пренія, которыя длились три часа, были очень оживленны. На какомъ-то крутомъ поворотѣ мысли у меня даже вырвалась фраза, что быть можетъ голова Гитлера и не такъ неумѣтна въ качествѣ кулака въ карманѣ Брюнинга, но что превращеніе этого кулака въ правительственную голову совершенно недопустимо. Я думалъ, что сорвавшаяся фраза вызоветъ бурю негодованія, но все обошлось тихо: очевидно, я снова имѣлъ дѣло съ людьми и настроеніями второго, подспуднаго слоя Германіи.

Особенно неожиданно и интересно обнаружился этотъ слой на одномъ деревенскомъ собраніи, гдѣ я по просьбѣ знакомыхъ помѣщиковъ читалъ докладъ о русской революціи.

Никогда за все время моего эмигрантского пребывания в Германии не чувствовал я громадной разницы между русской революцией и немецким, вовсе не революционным переворотом, с такою силою, какъ въ вечеръ этой моей лекціи.

Конечно, помѣщики, съ ихъ точки зрѣнія, «обнищали»; не держать большихъ охотъ и верховыхъ лошадей, не даютъ парадныхъ обѣдовъ, зимою топятъ тишь въскольکو комнатъ въ своихъ замкахъ, одѣваются просто, ѣздятъ въ третьемъ классѣ... Свобода распоряженія своими угодами у нихъ предѣльно ограничена; ни арендную плату изменить, ни лѣса своего свести они не могутъ. Измѣнилось и отношеніе къ простому народу. Лежащія вдали отъ жилья части парковъ и садовъ открыты для всѣхъ. Наиболее цѣнные въ архитектурномъ и историческомъ значеніяхъ замки постоянно посѣщаются экскурсантами. Вся частновладельческая жизнь до дна пронизана государственной волей, связана непреложными законами.

Все это такъ, но что все это значить по сравненію съ тѣмъ, что всѣ живутъ въ своихъ насыженныхъ гнѣздахъ, что все встрѣчающееся въ округѣ населеніе за немногими исключениями привѣтливо кланяется, что барская часть парка отдѣляется отъ общедоступно маленькой, почти лежащей на дорожкѣ цѣпочкой, которая никакъ не переступается, что во главѣ всѣхъ мѣстныхъ организацій, пожарныхъ командъ, народныхъ школъ (въ качествѣ попечителей), церковныхъ совѣтовъ и т. д. зачастую стоятъ титулованные владѣльцы, ведущіе большую по-

литическую работу среди своихъ односельчанъ.

Когда я въ качествѣ помѣщикаго гостя вошелъ въ «господскую гостиницу», она была уже набита деревенскимъ людомъ. Основную массу (на докладѣ было 350 человекъ) составляли крестьяне-арендаторы. Кромѣ нихъ солидно сидѣли за кружкой пива рабочіе барскаго же древообдѣлочнаго завода; лѣсничіе, ремесленники, учителя, лавочники. Около трети — женщины. Народъ простой, бѣдный, но весь какой то націженный, придаряженный. У очень многихъ на отворотахъ пиджаковъ значки стального шлема. Кое-гдѣ сидятъ національ-соціалистическіе штурмовики. Поджидаютъ общавшихъ притти съ сосѣдней городской фабрики коммунистовъ, но скоро выясняется, что не будутъ, прислали только наблюдателей, которые ни шумѣть, ни выступать не собираются; можно начинать.

Я говорю о русской революціи. Просто, о ничего не упрощаю. Утверждаю: «въ Россіи революція произошла не потому, что у народа было мало хлѣба (его было вовсе уже не такъ мало, сейчасъ много меньше), а потому, что въ головахъ и сердцахъ правящаго слоя накопилось много мертвой правды, т. е. лжи. Изъ Бога, царя и отечества власть имущіе сдѣлали орудіе подавленія народной жажды свободы и творческаго участія народа въ строительствѣ Россіи. Но духовная жизнь не терпитъ пустоты. Гдѣ умираетъ правда, тамъ жизнью сейчасъ — же завладѣваетъ ложь. Коммунизмъ и есть такая ложь, выросшая на могилѣ правды. За эту ложь коммунисты

съ отвѣтъ, но въ отвѣтъ за коммунистовъ могильщики русской правды. Безъ восстановления Божьей Правды въ своей душѣ борьба съ коммунизмомъ ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни въ остальной Европѣ невозможна. Потому всѣ тѣ, которые думаютъ разбить коммунистовъ коммунистическими же средствами, только льютъ воду на коммунистическую мельницу.

Въ Германіи сейчасъ многіе думаютъ о революціи — это бессмыслица и грѣхъ. Въ Германіи революція уже была и, слава Богу, не докатилась до русскаго безудержья. Задача Германіи не въ углубленіи революціи, а въ творческомъ освоеніи революціонныхъ завоеваній. Единенію реакціонно-революціонныхъ силъ, единенію національ - социалистовъ съ коммунистами необходимо противопоставить единеніе силъ консервативныхъ и прогрессивныхъ. Консервативное сознаніе «стального шлема» должно стоять на стражѣ прогресса и преодолѣть въ себѣ соблазнъ реакціи, которая неизбежно приведетъ къ революціи».

Я говорилъ около двухъ часовъ, вплетая въ свой назидательный анализъ отдѣльные, предупреждающія картины русской большевицкой революціи. Слушали изумительно — мухъ нельзя было неслышно пролетѣть.

На слѣдующее утро, обходя съ барономъ его большое и сложное хозяйство и бесѣдуя съ рабочими и лѣсничими, я убѣдился, что всѣ все очень по настоящему поняли. Главное-же, что всѣ ощутили, что я совсѣмъ не похожъ на другихъ ораторовъ, которые въ послѣднее время гово-

рили въ «господской гостиницѣ» Одинъ рабочий мнѣ такъ и сказалъ: «накопонецъ-то, нашъ баронъ добылъ намъ человѣка, который разсказалъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ есть; а то, что ни ораторъ, то ничего не разъясняетъ, а только травитъ. Мы отъ этой травы съ толку сбились, устали».

Два дня спустя выступалъ на предвыборномъ собраніи національ - социалистъ. Тотъ же залъ былъ почти пустъ, было человѣкъ 70. Очевидно, дѣйствительно устали отъ постоянного натравливанія.

Таковы настроенія и устремленія не слышныхъ въ обостренной политической борьбѣ, но, быть можетъ, наиболее здоровыхъ элементовъ нѣмецкаго народа. Величайшая задача, стоящая сейчасъ передъ всѣми ответственными людьми Германіи — пробудить въ каждомъ нѣмцѣ внутреннее отвращеніе къ безотвѣтственной демагогіи и политически организовать враждебныя безприметному политиканству нравственные силы страны.

Безотвѣтственной политической демагогіей въ Германіи занимаются коммунисты и національ-социалисты. Каковы же шансы этихъ партій? Таердаго отвѣта на этотъ вопросъ дать, конечно, нельзя. Возможно только болѣе или менѣе обоснованное размышленіе о природѣ обѣихъ партій, о ихъ связи съ той настоящей Германіей, о которой шла рѣчь выше и о тѣхъ условіяхъ, что съ одной стороны могутъ ослабить, а съ другой разжечь революціонное чувство по существу не склоннаго къ революціи нѣмецкаго народа.

Начнемъ съ коммунистовъ. Отрицать громаднаго успѣха этой, самой молодой социалистической партіи, невозможно. Въ маѣ 1924 года коммунисты собрали на парламентскихъ выборахъ 8,9 проц. всѣхъ голосовъ, въ маѣ 1928 г. — 10,6%, въ сентябрѣ 1930 г. — 13,1%. Первый туръ президентскихъ выборовъ далъ Тельманну почти 5 миллионъ голосовъ. Эти успѣхи становятся особо показательными въ связи съ ослабленіемъ социаль - демократіи, которая въ маѣ 1928 г. собрала 29,8% всѣхъ голосовъ, а въ сентябрѣ 1930 г. только 24,5%. Какъ ни великъ, однако, этотъ избирательный успѣхъ коммунистовъ, самимъ коммунистамъ этимъ успѣхомъ особенно гордиться не приходится. Не приходится потому, что они постоянно подчеркиваютъ, что въ противоположность буржуазной социаль - демократіи, они представляютъ собою не парламентскую партію, а «партію внѣпарламентскаго массоваго дѣйствія». Съ этимъ же массовымъ дѣйствіемъ дѣла обстоятъ у нынѣшнихъ коммунистовъ весьма не блестятельно.

Одинъ изъ видныхъ функционеровъ коммунистической партіи, недавно покинувшій ея ряды и пишущій подъ псевдонимомъ, Вальтеръ Ристъ, правильно отмѣчаетъ въ рядѣ опубликованныхъ имъ статей, что коммунистические избиратели каждый разъ предавали своихъ избранниковъ и вождей, какъ только тѣ предъявляли къ нимъ требованія осуществленія «внѣпарламентскаго массоваго дѣйствія». Съ конца 1928 г. коммунистическая партія 7 разъ провозгласила массовую забастовку и 7 разъ изъ этого провозглаше-

нія ничего не выходило. Перваго мая 1929 года бастовало небольшое число рабочихъ на нѣсколькихъ стройкахъ и одна конфектная фабрика. Когда была распущена союзъ красныхъ боевиковъ, насчитывавшій, какъ никакъ 100 тысячъ членовъ, въ защиту его не шевельнулся ни одинъ палецъ. Объявленію всеобщей забастовки, въ отвѣтъ на Брюнинговскій декретъ 1-го іюля 1931 г., не поучинился ни одинъ заводъ*). Ни какого массоваго движенія коммунистамъ вызвать ни разу не удалось. Все до сихъ поръ ограничивалось партизанщиной ночныхъ стычекъ съ полиціей, съ національ - социалистами и шествіями съ красными флагами.

То же самое впечатлѣніе подлинности недрѣлости и несерьезности коммунистической Германіи получается при рассмотрѣніи работы коммунистическихъ профсоюзовъ. (R. G. O. — Revolutionäre Gewerkschafts - Opposition). Насколько отзывчивыми изъ коммунистическихъ лозунговъ являются безработные и политически анонимная улица, настолько неподатливыми оказываются политически воспитанные нѣмецкіе рабочіе. Такъ, среди железнодорожниковъ R. G. O. располагаетъ только 4% всѣхъ рабочихъ голосовъ, въ химической промышленности на 20.737 фабричныхъ совѣтовъ приходится всего только 252 совѣта R. G. O. Сравнительная статистика выборовъ коммунистовъ и социаль - демократическихъ потерь также отчет-

*) Walter Rist. Neue Blätter für den Sozialismus. Heft 9. Jahrgang 31. Heft 2 und 3. Jahrgang 32.

ливо устанавливаетъ прямую связь между политической несознательностью рабочаго и его готовностью голосовать за коммунистовъ. Привлеченіе въ свои ряды настоящаго рабочаго, потомственнаго почетнаго гражданина нѣмецкаго социализма, коммунистамъ не удастся. Нѣмецкая коммунистическая партія, это прежде всего пристанище недовольныхъ, озлобленныхъ безработныхъ элементовъ. Наростаніе этихъ элементовъ въ связи съ общеевропейскимъ и въ частности нѣмецкимъ кризисомъ, не удивительно. Неудивительно потому и набуханіе коммунистической партіи. На коммунизмъ работаютъ также и рядъ другихъ, очень существенныхъ обстоятельствъ: поддерживаемый московскими субсидіями мифъ собѣтскаго рай, трудность и непопулярность того пути тѣснѣйшаго сотрудничества съ буржуазіей, которымъ социаль - демократія принуждена вести нѣмецкій пролетаріатъ и та узость марксистской идеологій, которая мѣшаетъ социаль - демократической партіи теоретически оправдать и нравственно осмыслить выбранный ею самою политическій путь. То, поистинѣ большое дѣло перерожденія сознательнаго классоваго борца въ національнаго вождя, которое эта партія упорно творить со дня избранія Эберта въ президенты республики, она дѣлаетъ со спущеннымъ флагомъ и при погашенныхъ огняхъ. Отсюда совершенно очевидная потеря нравственнаго престижа въ странѣ и вліянія на подрастающее поколѣніе.

Впрочемъ необходимо отмѣтить, что въ процессъ агитаціонной борьбы за Гинденбурга въ сознаніи

нѣмецкой демократіи и прежде всего социаль-демократіи, произошла явный переломъ. Активистская организація «жельзнаго фронта» вошла въ политическую жизнь очень замѣтнымъ факторомъ. Демократія повысила голосъ, заявила не только о своей непреклонной волѣ къ борьбѣ, но и о своей увѣренности въ побѣдѣ. Сейчас, наканунѣ втораго тура, всѣ столбы заклеены плакатами «жельзнаго фронта». Идутъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ передъ первымъ туромъ, митинги и собранія. Измѣнилось (сознательный тактичскій приемъ) и отношеніе къ врагу. На нѣкоторыхъ плакатахъ Гитлеръ фигурируетъ въ качествѣ мальчишки, удирающаго отъ молота въ рукѣ рабочаго, изъ другихъ изображенъ національ-социалистъ, лежащій на спинѣ и отбивающійся отъ наскочившаго на него жельзнаго фронтовика. Стѣнная живопись національ-социалистовъ перечеркивается, какъ бы погашается. На дняхъ состоялся грандіозный фейерверкъ «жельзнаго фронта» съ музыкой, флагами и, конечно, съ ораторами у микрофона.

Все это только еще поворотъ сознанія и воли, фактическихъ побѣдъ еще нѣтъ. Но этотъ поворотъ уже побѣда, ибо онъ условіе побѣды. Онъ гипнотизируетъ обывательски-демократическія массы, которыя, видя на плакатахъ мальчишку Гитлера, теряютъ къ нему уваженіе. Видя, какъ жельзный фронтовикъ колотитъ растлужившагося на землѣ гитлеровца, убѣждаются, что жельзно - фронтовики сильнѣе гитлеровцевъ, смотря на энергично перечеркнутый красною краской громадный гитлеровскій крестъ на заборѣ, чув-

ствуют, что не всё согласны с желторубашниками и глядя на сжигаемый фейерверк, думают, что они уже празднуют свою победу.

Развернувшаяся сейчас в Германии немощно страстная борьба дает исключительный материал по психологии и социологии массы. Очень поучительная, но и очень печальная картина!

Прирост силы и решительности на одном полюсе политической жизни обыкновенно означает убыль силы на другом, противоположном. Факт появления «железного фронта» безусловно свидетельствует о каком-то неблагоприятном сдвиге в националь - социалистической среде. Вышнее движение растет; вероятно, будет расти и дальше; и все же чувствуется, что оно начинает само в себя, в своем успехе, в своей грандиозности внутренне запутываться.

Остановимся сначала на вышнем благополучии. Со времени выборов в рейхстаг партия удвоилась и вне всякого сомнения глубоко проникла в жизнь и душу Германии. На предвыборном собрании «железного фронта» присутствовало тысяч 12 - 15. Демонстрация националь - социалистов (выступал, правда, сам Гитлер) собрала, по данным полиции, около 60 - 70 тысяч человек (националь - социалисты насчитывают 80.000). В два дня местная фракция продала 54.000 билетов. Сидячие по 10 и 5 марок, стоячие по 2 марки и входные по 30 пфенигов. И это в «нижней» Германии и в Дрездене,

где Гинденбург с легкостью получил большее количество голосов, чем все остальные кандидаты вместе.

Изумительно, поистине образцово было в этот день, к слову сказать, поведение республиканской полиции и городского самоуправления. Какая объективность, справедливость и одинаковая предупредительность в отношении к борющимся сторонам (оба митинга происходили в одно и то же воскресенье). Полиция была всецело и невидима. Город с легкостью организовал доставку за город 60.000 человек. Каждому было место в обильно заготовленных трамваях и автобусах. Мне вспомнился рассказ Горького, как немецкие коммунисты, избив полицейского, сами перевязали его и вызвав карету скорой помощи, доставили его в госпиталь и как они в другой раз во время революционного захвата правительственного учреждения бьжали по дорожкам парка, не желая топтать газон. Вывод Горького был суров и отчетлив: «Безнадежный народ, не способный к революции». На митинг националь - социалистов, стоя за 2 марки в шестидесятитысячной толпе и слушая Гитлера, я думал: изумительный народ, кажется, действительно неспособен на революцию.

Но вернемся к националь - социалистам. Понять, что сейчас происходит в их стане, нелегко. Но совершенно ясно, что в партии неблагоприятно и что это неблагоприятие связано с невероятным быстрым ростом партии. На пути революционной и изначально безусловно героической

воли Гитлера встала социальнo-политическая разноприродность со-званныхъ имъ подъ свои знамена многомиллионныхъ массъ. Благодаря своей разноприродности эти массы могутъ расти, или по крайней мѣрѣ не распадаться, лишь при условіи **революціоннаго бѣга на мѣстѣ**. Общаго всѣмъ пути у національной оппозиціи быть не можетъ. Вся трагедія Гитлера въ томъ, что онъ вождь оппозиціи, способной только къ протесту, но неспособной ни къ какому политическому творчеству. Программа національ-соціалистовъ — не программа, а перечень **недовольствъ, выраженныхъ въ формѣ желаній**. Но необузданность желаній есть всюду и всегда начало разложе-нія воли. Воля національ-соціалистическаго ядра очевидно размагничивается сейчасъ необузданными желаніями идущихъ за Гитлеромъ миллионѡвъ. Гитлеръ и его окруженіе, конечно, чувствуютъ, что время бѣга на мѣстѣ кончилось, что пора дѣйствительно бѣжать. Но бѣжать некуда. Куда бы Гитлеръ ни побѣжалъ, небольшая часть побѣжитъ за нимъ, а дру-гилъ разбѣжится. Такъ вырастаетъ дилемма: необходимо дѣйствовать, но дѣйствовать невозможно. Неодиохранно торжественно обѣщанная Гитлеромъ и даже Геббельсомъ **легальность** есть лишь нѣчто большее выраженіе всего этого запугавшагося положенія. Легальная революція, это все равно что деревянное желѣзо: бессмысленная мысль, обнаруживающая съ одной стороны недостаточность воли къ революціи, а съ другой — политическаго ума для легальнаго захвата власти и легальнаго перерожденія страны.

Этотъ тупикъ, въ который по-

пала партія, объясняется поверх-ностностью исходныхъ міросозерцательныхъ позицій. Правильно-учтя метафизическую душу 20-го столѣтія, правильно почувствовавъ необходимость міросозерцательнаго обоснованія задуманнаго политическаго выступленія, правильно ощутивъ, наконецъ, развалъ всѣхъ безыдейныхъ, духовно пустогрудыхъ политическихъ партій, Гитлеръ не осилилъ одно-го: созданія подлиннаго міросозерцанія. Не разгадавъ **объективной идеи** нѣмецкой будущности, онъ подмѣнилъ ее субъективной выдумкой. Изъ подручнаго матеріала субъективныхъ настроеній и случайныхъ домысловъ онъ на-скоро соорудилъ свое христиански-расистски-соціалистическое міросозерцаніе и выплылъ съ нимъ въ открытое море безконечно сложной политической борьбы, вынужденный все время приспособлять свои идеи-выдумки къ слѣдымъ инстинктамъ рванувшейся ему навстрѣчу массы.

Надъ тупикомъ, въ который очевидно попали національ-соціалисты, необходимо крѣпко задуматься всѣмъ защитникамъ идеократіи. Индивидуалистически-міросозерцательный поклепъ на живую жизнь — совѣмъ не идеократія. Идеи — верховныя, духовныя реальности, въ свѣтѣ которыхъ неизбѣжно меркнутъ всѣ выдумки. Жить идеями значитъ никогда ничего отъ себя не выдумывать, а всегда все послушно усматривать въ глубинѣ самой реальной жизни.

Христіанство есть опредѣленная духовная реальность, которую нельзя дополнять совершенно произвольными, выдумками. Національ-соціалистическій священ-

ники, утверждающий, что «Гитлеръ излучаетъ въ міръ тѣ же силы, которыми нѣкогда былъ исполненъ Христосъ», и готовый потому умереть за Гитлера, быть можетъ, и очень героическій человекъ, но отнюдь не христіанинъ. Не христіанинъ и другой, присоединяющій по своему собственному признанію къ ежевечерне творимой молитвѣ Господней просьбу о «паденіи системы и о томъ, чтобы въ нужную минуту подъ рукой оказалось достаточное количество леньковъхъ веревочкѣ».

Этому извращенію христіанства (а національ - социалистическая программа утверждаетъ, что партія кладетъ во главу своего построенія положительное христіанство), соответствуетъ такое-же нелѣпое искаженіе всѣхъ принциповъ современной научной этнографіи и антропологіи. Можно быть антисемитомъ, но выдавать на этомъ основаніи свои міросозерцательныя выдумки за научныя идеи — нельзя.

Можно, далѣе, не раздѣлять марксистской философіи исторіи. Можно считать необходимымъ радикальный пересмотръ идейныхъ основъ современной социаль - демократіи и считать, что социалисты предали социализмъ, но утверждать, что Марксъ, Энгельсъ и всѣ остальные социаль - демократы вообще не социалисты, а социалисты — это Фридрихъ Великій, Освальдъ Шпенглеръ, Гитлеръ и ихъ послѣдователи, — бессмысленно. Такая социологія столь-же произвольная выдумка, какъ произвольна національ - социалистическая антропологія и національ - социалистическое христіанство. Съ этою произвольностью національ-

социалистическаго міросозерцанія, выдающаго свой непродуманный монтажъ всевозможныхъ отталкиваний отъ современности за положительную идею будущаго, связана и та, отмѣченная мною выше, социальная разнохарактерность гитлеровскихъ массъ, которая уже грозитъ разваломъ партіи.

Въ громоздкомъ массивѣ національ - социализма явно различимы три слоя. Верхній, несмотря на всѣ свои радикальныя слова и жесты, по существу буржуазно-реакціоненъ. Чувствуя громадные достижения партіи, этотъ слой боится рискованной революціонной игры. Его тайнымъ выразителемъ является, кажется, самъ Гитлеръ; его правою рукою въ правительственныхъ кругахъ полковникъ Гёрингъ, національ - социалистическій офицеръ для связи съ рейхсверомъ. Если бы полнота власти въ партіи принадлежала Гитлеру, онъ по всей вѣроятности согласился - бы на правительственный планъ парламентскаго продленія президентской власти Гинденбурга, обмѣнявъ при этомъ случаѣ свой революціонный гнѣвъ противъ «системы» на свое милостивое участіе въ ней. Въ имперскомъ правительствѣ и прежде всего въ военномъ министерствѣ есть силы (въ этой связи называютъ обыкновенно генерата Шлейхера), упорно работающія надъ «прирученіемъ» Гитлера. Этимъ силамъ, твердо стоящимъ на почвѣ Веймарской конституціи и готовымъ бороться противъ всякой диктатуры, было-бы, по вполнѣ опредѣленнымъ военно-политическимъ причинамъ, весьма пріятно, если бы къ власти пришло правое правительство и если бы патриотическія настроенія нацио-

наль - социалистической молодежи можно было бы ввести въ законныя рамки военной дисциплины. Съ этими планами прирученіи и легализации Гитлеровскаго крыла партіи связывается очевидно и нѣкоторая правительственная надежда на расколъ партіи, на отмираніе его непримиримаго Гёббельсовскаго крыла или на сляніе этого крыла съ коммунизмомъ, что облегчило бы для національнаго правительства энергичную расправу съ нимъ. Этимъ соображеніемъ объясняется вѣроятно и на шумѣвшій въ свое время приказъ военнаго министра Гренера, открывавшій для праваго національ - социализма двери рейхсвера, съ надеждой оставить лѣвый националь - социализмъ за дверями.

Насколько велики были шансы на выигрышъ этой сложной игры — рѣшить трудно. Ясно лишь то, что она уже не удалась. И не удалась потому, что сердце партіи бьется сейчасъ не въ верхнемъ, гитлеровскомъ слоѣ, а во второмъ, Гёббельсовомъ. Гёббельсъ — рожденный демагогъ; революционеръ, жаждущій власти и не боящійся разрушенія. Его революціонный пафосъ остро социалентен и советамъ не шовинистиченъ. Никакихъ симпатій къ старому міру у него не чувствуется. Генералитета и дворянства онъ не любитъ. Не платитъ французамъ ему по душѣ, но паявать съ ними — врядъ ли! Его позиція въ партіи, насколько могу судить, очень сильна. За нимъ стоятъ все нисзовые функционеры и большинство штурмовиковъ. Онъ постоянно заявляетъ о своихъ вѣрно-подданическихъ чувствахъ по отношенію къ Гитлеру, но этимъ за-

явленіямъ не очень вѣрится. Среди національ - социалистовъ гитлеровцевъ немало людей боящихся Гёббельса, сомнѣвающихся въ томъ, насколько онъ убѣжденный антимарксистъ и насколько онъ чистый ариецъ.

Таковы два идейныхъ слоя національ - социалистической партіи. Третій составляютъ многомилліонныя массы національ - социалистическихъ избирателей. Я ихъ впервые видѣлъ на предвыборномъ собраніи, о которомъ упоминалъ выше, и былъ пораженъ ихъ благообразнымъ мѣщанствомъ. Здоровые, спокойные, чистоплотные, порядливые они непрерывной автобусной, трамвайной и нѣшехотной волной, десятками тысячъ, текли и текли къ загородному стадиону. Я два часа стоялъ и ходилъ въ толпѣ и не встрѣтилъ ни одного изнутри освѣщеннаго, снѣдаемаго вдохновеніемъ лица. Большинство людей было похоже на лавочниковъ, булочниковъ, газлантерейщиковъ, учителей, готовыхъ чиновниковъ и т. д. Рабочихъ лицъ и рукъ было очень мало. Не было и духовной аристократіи, хотя въ 60.000-ой толпѣ ее разглядѣть было бы, правда, почти невозможно.

Стоялъ изумительный день — ясный и солнечный. Такая же погода стояла очевидно и въ толпѣ. Надъ нею все время леталъ аэропланъ съ громадною надписью «Sturm» (буря) на крыльяхъ. Но никакой бури не предчувствовалось. Легкая тѣнь отъ аэроплана нѣжно скользила по бодрымъ, веселымъ лицамъ. Было очень мирно и благодушно. Я этого благодушія не ожидалъ и накануне горячо отговаривалъ знакомую 84-лѣтнюю старушку идти слушать

Гитлера. Но она не послушалась и оказалась права. Она преспокойно пробралась на свое пятимарковое мѣсто и благополучно вернувшись, всѣмъ рассказывала, что увидав «сомнышко» (Гитлера), можетъ спокойно умереть.

Никакого особеннаго энтузіазма въ толпѣ я не ощутилъ. При приближеніи автомобиля Гитлера раздалось Heil... Heil... Heil... но очень умѣренное. Потомъ все затихло. Толпа ждала появленія Гитлера на аренѣ. Онъ долженъ былъ появиться въ устьѣ подземнаго туннеля вблизи украшенной флагами эстрады. Появился, — и снова совсѣмъ не грозное и не восторженное, а всего только привѣтливое Heil... Heil... Я съ напряженіемъ всматривался въ этого человѣка, который, не обладая ни знаніемъ, ни умомъ, ни политическимъ опытомъ, силою одного волевого напряженія рѣшительно изъ ничего создалъ грандіозное политическое движеніе и имѣетъ, какъ полагаютъ многіе, серьезный шансъ захватить въ свои руки судьбу и жизнь политически все же очень зрѣлаго и духовно очень значительнаго народа.

Смотрю и ничего не понимаю. Сквозь строй своихъ тѣлохранителей идетъ хорошаго роста, недурно сложенный мужчина въ непромокаемомъ пальто. Идетъ безъ всякой стремительности, въ развалку, какую-то развинченною походкой, выставляя впередъ то правое, то лѣвое плечо. Взошелъ на эстраду, какъ-то никчемно повертѣлся на ней, подошелъ къ рампѣ и заговорилъ. Одну минуту впечатлѣніе особенности, быть можетъ даже нѣкоторой значительности. Оно вызывается слы-

шимой и ощущаемой затрудненностью рѣчи, паузами, выталкиваніями отдѣльныхъ словъ, — однимъ словомъ, чѣмъ то похожимъ на муки рожденія слова, на муки творчества. Но это впечатлѣніе быстро снимается. Затрудненіе рѣчи скоро преодолевается, срываются обыкновенныя, уже очень обыкновенныя слова. Неубѣдительно и жестъ: локоть прижатъ къ ребрамъ. Въ рубящемъ движеніи правой руки есть назидательность, но нѣтъ власти. Содержаніе короткой рѣчи (10-15 минутъ) непередаваемо блѣдно: ни одной мысли, ни одного образа, ни одного окрика — вообще ни одной молвіи. Вначалѣ мелочное обвиненіе правительства въ томъ, что ему, Гитлеру, не позволяютъ пользоваться радіо. Потомъ риторически эффектное утвержденіе, что все то отрицательное, что, по мнѣнію демократіи, національ - социалисты должны сдѣлать съ Германіей, они (демократы) уже давно сами съ нею сдѣлали: въ странѣ уже царствуютъ нищета, голодь, хаосъ и революція. Въ заключеніе сентиментально - патетическая клятва — погибнуть, но не уступить, хотя бы борьба длилась еще 25 лѣтъ. Эта клятва звучитъ какъ сигналъ отступленія. Рѣчь кончена, Гитлеръ сходитъ съ эстрады.. музыка... Heil... Heil... Heil...

Въ большой полевой бинокль я рассматривалъ желтоватое, утомленное лицо отговорившаго вождя. Выше лицо очень обыкновенное, парикмахерское, но есть въ немъ все-же нѣчто поражающее: есть «выстрѣлъ въ быстромъ взорѣ», внезапный свѣтъ улыбки и грустная злость вокругъ сжатыхъ губъ, подъ густыми, усами. Судя по этому всего-

му, внутреннему лицу Гитлера, онъ могъ бы произнести совѣтъ другую рѣчь. То, что онъ ея не сказалъ, что онъ вообще ничего не сказалъ, объясняется, конечно, составомъ его нынѣшней многомиллионной аудиторіи, которую онъ, согласно своей теоріи, считаетъ единымъ народомъ, во которая совѣтъ не единый народъ, а очень сложная и мало привлекательная партийная смѣсь.

Рядомъ со мной стоялъ отставной генералъ, у котораго весь кабинетъ завѣшанъ портретами Бисмарка и Гитлера. Радуюсь на ясный день, онъ все время повторяетъ: «настоящая императорская погода. Вильгельму всегда везло на погоду: какъ маневры, такъ такое же солнце!» Неподдалеку отъ меня съ генераломъ разсуждали о своихъ дѣлахъ типичные лавочники, убѣжденные собственники и капиталисты, которые голосуютъ за Гитлера только потому, что онъ противъ еврейскихъ универсальныхъ магазиновъ. Гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ стояли вѣроятно безработные, мечтающіе съ разрѣшенія Гитлера пограбить послѣ его прихода къ власти всѣхъ капиталистовъ, а въ томъ числѣ конечно и моихъ сосѣдей лавочниковъ. Удовлетворить всѣ эти желанія и мечты явно невозможно и надо только удивляться тому, какъ всѣ вѣрующіе въ Гитлера не замѣчаютъ, что исполненіе однихъ обѣщаній возможно только путемъ отказа отъ всѣхъ другихъ, исполненіе же всѣхъ вмѣстѣ — равносильно неминуемому и немедленному краху страны.

Но вѣра въ Гитлера сейчасъ психозъ, который еще не скоро начнетъ разсѣиваться. Все же

разсѣиваться онъ начнетъ, начнетъ на почвѣ утраты самимъ Гитлеромъ вѣры въ себя и свое дѣло.

По своему человѣческому масштабу Гитлеръ и не Ленинъ и не Муссолини. Онъ уже давно не единственный, а быть можетъ и не перховный вожь своей партіи. Съ одной стороны его дѣлу грозитъ ядъ Гёббельсова чекизма, а съ другой удушеніе въ мѣщанской леринѣ обывательскихъ мечтаній. Трудно себѣ представить, чтобы партія не развалилась по намѣтившейся въ ней глубокой трещинѣ.

Противники Гитлера прекрасно видятъ, что корни національ-соціализма начинаютъ подгнивать и ростъ демократической активности безусловно связанъ, какъ я уже и отмѣчалъ, съ этимъ ощущеніемъ. Демократическая Германия начинаетъ освобождаться отъ владѣвшаго ею оцѣпенія. Крѣпнеть, какъ будто, и правительственная воля къ борьбѣ. Тактика «прирученія» Гитлера будетъ вѣроятно окончательно осуждена. Да и Гитлеръ уже пропустилъ моментъ относительно безболѣзненного перехода на роль возглавителя праваго правительства въ рамкахъ Веймарской конституціи. Послѣ опубликованія документовъ, свѣдѣтельствующихъ о подготовкѣ національ-соціалистами, не разъ клявшимися въ своей лояльности, самой настоящей революціи, Гитлеру остается одно изъ двухъ: или борьба до конца, или исчезновеніе съ политическаго горизонта. Никакой компромиссъ болѣе невозможенъ. Острота этой позиціи должна неизбежно обост-

рить, политический курс националь - социалистов. Думается, что это обострение и полёвние уже начинают обнаруживаться. Среди штурмовиков, готовивших переворот в ночь с 13-го на 14-ое марта, правительственное сообщение отмѣчает работу цѣлаго ряда вчерашних коммунистов. Получены свѣдѣнія объ оживленной дѣятельности группы Отто Штрассера, сильного и даровитого человѣка, исключеннаго въ 1930 году изъ националь - социалистической партіи за коммунистическій край своихъ устремленій. Гёббельсъ, стоявшій близко къ Штрассеру, пошелъ въ послѣднюю минуту за Гитлеромъ. Къ кому онъ сейчасъ ближе въ своихъ замыслахъ, сказать не берусь. Во всякомъ случаѣ уже начинается обрисовываться новое политическое направление, давно предсказанное нѣкоторыми внимательными наблюдателями нѣмецкой жизни. Оно именуется себя «чернымъ фронтомъ» и стремится къ объединенію социальнаго большинства радикальныхъ националь - социалистовъ, съ национально настроенными коммунистами. Цѣль этого движенія — национальная революція слѣва, или созданіе настоящаго «нѣмецкаго социализма». Такъ изъ кровавыхъ ночныхъ боищъ между националь - социалистами и коммунистами рождается нѣкій третій радикализмъ, съ которымъ будетъ одинаково не по пути и интернационалистическому коммунизму, и националь - социалистическимъ Гогенцоллернамъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что кризисъ, намѣтившійся въ националь - социализмъ, по своему характеру не таковъ, чтобы демократія могла рассчитывать на лег-

кую побѣду. Начало «жѣлзнымъ фронтомъ» наступленіе будетъ развиваться съ большимъ трудомъ. Для того, чтобы одержать побѣду, нѣмецкой демократіи и въ частности социаль - демократіи придется продѣлать очень большую работу надъ своимъ собственнымъ политическимъ сознаниемъ.

Въ какомъ направленіи нужна работа, на это указываетъ своеобразная фигура канцлера Брюнинга.

Чѣмъ пристальнѣе всматриваешься въ этого человѣка, чѣмъ глубже вдумываешься въ избранный имъ путь, тѣмъ больше и больше удивляешься, что онъ все еще стоитъ на своемъ посту. Отчасти это объясняется его блестящими формальными дарованиями. Брюнингъ очень уменъ, глубоко образованъ и всесторонне свѣдущъ. Онъ человѣкъ громадной воли и, кажется, неограниченной работоспособности. Онъ осмотрителенъ и смѣлъ, спокоенъ и страстенъ, молчаливъ и краснорѣчивъ. Онъ большой знатокъ людей и потому прекрасный политическій тактикъ.

Все это такъ, и все-же все это не объясняетъ успѣха этого тихаго человѣка, пришедшаго къ власти въ моментъ, когда казалось вотъ-вотъ грянетъ всеуничтожающая гроза. Успѣхъ этотъ объясняется только однимъ: тѣмъ исключительнымъ религіозно-нравственнымъ идеализмомъ Брюнинга, который связываетъ и объединяетъ въ одно цѣлое всѣ стороны его большого, солиднаго, по совѣзму не блестящаго, врядъ ли совершенно исключительнаго дарованія. Этотъ необычный для современнаго политическаго дѣят-

ля идеализмъ сказывается въ самомъ стилѣ всѣхъ выступлений и рѣчей Брюннинга. Въ каждой своей рѣчи онъ не всуе, а по существу упоминаетъ имя Господа Бога и убѣжденно подчеркиваетъ свою вѣру въ силу добра. Какъ бы гнусно на него ни напали, онъ никогда не отвѣчаетъ въ томъ же духѣ. Его политическія рѣчи лишены всякихъ полемическихъ украшений. Если въ немъ, какъ въ политическомъ дѣятелѣ, есть, съ точки зрѣнія современности, большой недостатокъ, такъ это полное отсутствіе самозабвеннаго гнѣва. Говоря въ громадныхъ собраніяхъ, обращаясь къ массѣ въ 10, 15 тысячъ человекъ, онъ никогда не превращается въ оратора для массы. Для него аудитория въ 15.000 человекъ не безликая масса, а соборное лицо любимого имъ нѣмецкаго народа. Конечно, онъ не «рубаха-парень»; онъ очень умѣлый политическій игрокъ, за которымъ стоитъ весь долгій опытъ католицизма, но его умѣніе чуждо всякой демагогіи. Конечно, и онъ не всегда и не всѣмъ говоритъ всю истину, но все же онъ никогда не лжетъ.

То, что Брюннингъ католикъ, — конечно, не случайность. Его политическое сознание тѣснѣйшимъ образомъ связано съ идеологіей центра. Особенности центра, какъ партіи, заключаются въ томъ, что эта партія никогда не связывала себя опредѣленной программой, что она никогда не связывала своихъ судебъ съ опредѣленнымъ классомъ, что она постоянно объединяла въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ слоевъ общества, что она никогда не защищала отвлеченнаго интернационализма,

но никогда не проповѣдывала и языческаго шовинизма.

Ясно, что среди отвѣстныхъ политиковъ центра были люди разнаго типа. Для того типа, который представляетъ собою Брюннингъ (въ противоположность напримѣръ, Эрибергеру), характерно преобладаніе внутренней релігіозности надъ внѣшнимъ клерикализмомъ, горячаго патриотизма надъ католическимъ интернационализмомъ и обостренной социальной совѣсти надъ часто встречающейся какъ разъ у католиковъ тенденціей не придавать особаго значенія разницѣ тѣхъ социальныхъ условий, въ которыхъ живутъ разные слои населенія. При этомъ важно, что къ своему патриотизму Брюннингъ пришелъ черезъ добровольчество (онъ добровольцемъ пошелъ на войну), а къ обостренію своей социальной совѣсти — на путяхъ своей долгой дѣятельности, въ качествѣ вождя нѣмецкаго профсоюза (deutscher Gewerkschaftsbund).

Таковъ духовный обликъ германскаго вождя антифашистскаго фронта. Защищая демократію, защищая свободу противъ національ-соціалистическаго натиска, Брюннингъ защищаетъ не только интересы и программы партіи Веймарской конституціи, но и что гораздо большее. Въ концѣ концовъ онъ защищаетъ отъ растлѣнія и разрома духовную сущность своего народа. Если социальная демократія, проявивъ изумительную политическую зрѣлость и дисциплинированность, отдавала свои голоса Гинденбургу, а тѣмъ самымъ пока что и Брюннингу болѣе за страхъ, чѣмъ за совѣсть, то за совѣсть подавала ихъ вся

та подспудная, трезвая, примиренческая, не растлѣнная политической фразой Германія, обликъ которой я пытался нарисовать на первыхъ страницахъ этого письма. Политическая сила канцлера заключается не въ послѣднюю очередь въ томъ, что онъ является политическимъ выразителемъ сверхъ - политическихъ религиозно-нравственныхъ силъ страны.

Не будь въ распоряженіи нѣмецкой демократіи такихъ людей, какъ Гинденбургъ и Брюннингъ, еще неизвѣстно, не былъ бы уже сейчасъ у власти какой-нибудь красный, черный, или красно-черный Гитлеръ. Для борьбы съ коммунизмомъ и національ-социализмомъ ни у лѣво-либеральной (расколбавшейся на рядъ немощныхъ мелкихъ партій), ни у социалистической (утратившей свое вліяніе на внѣпартійныя трудовыя массы) демократіи нѣтъ никакихъ собственныхъ силъ и средствъ. Демократическіе идеалы сами по се-

бѣ больше не звучать (если бы они звучали, успѣхъ національ-соціалистовъ и коммунистовъ былъ бы необъяснимъ). Правда, лозунгъ свободы на знаменахъ и плакатахъ «железнаго фронта» сейчасъ снова зазвучалъ, но такъ какъ звучаніе это вызвано не внутреннимъ пафосомъ, а внѣшнимъ натискомъ право-лѣваго радикализма, то оно и звучитъ не то какъ отчаянное «караулъ», не то какъ героическое «ура».

Такого осмысливанія свободы послѣ побѣды надъ врагомъ снова окажется мало. Потребуется иное, болѣе глубокое; то самое, которому служить Брюннингъ.

Задача демократіи въ освоеніи религиозно - нравственного міросозерцанія Брюннинга. То, что она на это способна, доказывается тѣмъ, что защищать свои религиозные идеалы люди типа Брюннинга могутъ только въ рядахъ демократіи.

Федоръ Степунъ.

Идея социальнаго права

I.

Съ полнымъ основаніемъ профессоръ Парижскаго Университета Ле-Фюрь отозвался о послѣднемъ трудѣ Г. Д. Гурвича*), недавно съ такимъ блескомъ защищенномъ имъ въ качествѣ дис-

сертаци на степень доктора эстетръ въ Сорбоннѣ, что трудъ этотъ представляетъ собою событіе въ наукѣ о правѣ. И дѣйствительно. «Идея социальнаго права» Г. выдѣляется прежде всего широтой своего замысла: такъ какъ «соціальное право» есть не столь-

*) *Georges Gourvitch: I. L'idée du Droit Social. Notion et système du Droit Social. Histoire doctrinale depuis le XVIIe siècle jusqu'à la fin du XIXe siècle. Recueil Sirey. Стр. 710, Paris,*

1932. — II. *Le temps présent et l'idée du droit social. J. Vrin. Стр. 333, Paris, 1932.* — Обѣ книги представляютъ собою два тома единого по темѣ и замыслу труда.

ко одну частный видъ права, сколько этапъ развитія современнаго права вообще, становящагося социальнымъ, то Г. даетъ въ своемъ трудѣ собственно цѣлую теорію права, включая также и теорію государства и теорію общества. Поэтому трудъ его стоитъ на пересѣчѣи трехъ дисциплинъ: юриспруденціи, социологій и философіи, и авторъ поражаетъ не только обширностью своей эрудиціи во всѣхъ трехъ областяхъ, но и умѣиемъ проникать въ своемъ анализѣ до самыхъ основныхъ и глубокихъ пластовъ обсуждаемыхъ имъ вопросовъ.

Въ отличіе отъ своихъ предшественныхъ работъ, Г. въ своемъ новомъ трудѣ не прикрываетъ уже своихъ систематическихъ изысканій историческимъ изслѣдованіемъ, а развиваетъ ихъ самостоятельно въ обширномъ введеніи къ первой книгѣ, представляющемъ собою какъ бы особый первый томъ всего его труда. Но все же большая часть послѣдняго есть опять-таки историческое изслѣдованіе, въ которомъ Г. даетъ въ сущности цѣлую исторію философіи права съ конца XVII до начала XX вѣка, хотя непосредственной задачей его и является изложеніе «славной и длительной традиціи социальнаго права». Эта часть новаго труда Г. является наиболѣе безспорной, и притомъ несмотря на всю новизну ея и оригинальность. Отъ перваго «соціалиста» (socialist), какъ называли въ XVII и XVIII в. Гуго Гроція, впервые противопоставившаго праву государства право самого общества, изложеніе авторомъ традиціи социальнаго права идетъ къ Лейбницу и его школѣ, отъ

нихъ черезъ физиократовъ, Кондорсе, французскихъ социалистовъ XIX-го вѣка — къ Прудону, дающему первый большой синтезъ социальнаго философіи въ духѣ социальнаго права. Уже на Прудонѣ чувствуется вліяніе философіи Фихте, на основѣ которой строитъ К. Краузе свою философію права, третью замѣчательную попытку противопоставленія праву государства (этатизму) права общества (соціализмъ). Черезъ «историческую школу юристовъ» и «германистовъ» традиція социальнаго права ведетъ далѣе къ Отто Гирке, а отъ него, черезъ французскій «солидаризмъ» и объективистическую теорію права Л. Люги, къ Морису Ориу — такъ, въ основныя этапы традиціи социальнаго права, на которыхъ Г. останавливается особенно подробно и съ особенной любовью. Въ изложеніи Г. всѣ эти мыслители выступаютъ въ новомъ свѣтѣ, освобожденные отъ предразсудковъ, которые традиціонныя учебники философіи и философіи права нагромоздили вокругъ ихъ учений. И если вѣрно, что Г. и въ послѣднемъ своемъ трудѣ слишкомъ часто заставляетъ любимыхъ имъ авторовъ высказывать свои собственныя мысли, то обстоятельство это только еще лишний разъ подтверждаетъ тѣсную связь, существующую между историческимъ повѣствованіемъ и собственной философіей историка. Не будь у Г. систематической устремленности, соблазнительней его къ стилизаціи имъ своихъ предшественниковъ, ему несомнѣнно не удалось бы представить ихъ въ столь новомъ свѣтѣ, да и самое изложеніе его утратило бы отликъ

чающую его сейчас пластичность.

Показавъ въ первомъ томѣ, что идея социальнаго права имѣетъ за собою трехсотлѣтнюю традицію, Г. доказываетъ во второй своей книгѣ ея современность. Новѣйшіе институты рабочаго права (тарифные договоры, заводскіе комитеты, экономическіе совѣты), съ одной стороны, и международнаго права (Лига Націй, Международное Бюро Труда, Международный Судъ), съ другой, могутъ быть поняты только какъ учрежденія социальнаго права, одинаково отличнаго какъ отъ права публичнаго, такъ и частнаго. Къ этому выводу подвигаютъ необходимость приходить и современная юридическая теорія, и притомъ не только теорія рабочаго и международнаго права, но и общая теорія права вообще, вынужденная совершенно заново пересмотрѣть вопросъ объ источникахъ права. Зингеймеръ, Краббе, Жени, Эрлихъ, Л. Петражицкій являются авторами, на которыхъ Г. въ этой второй части своего труда останавливается особенно подробно, и въ которыхъ онъ видитъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ.

Если прибавить еще, что въ своихъ философскихъ взглядахъ Г. является своеобразнымъ последователемъ Фихте, «конкретной этикѣ» котораго онъ посвятилъ одну изъ своихъ предыдущихъ работъ, что въ его послѣднемъ трудѣ явно обнаруживается влияние русскаго интуитивизма и нѣмецкой феноменологіи (въ особенности М. Шелера, наилучшее изложеніе философіи котораго опять-таки принадлежитъ его перу), что въ своихъ социально-политическихъ

взглядахъ онъ ближе всего приближается къ Прудону, а въ своей теоріи права къ Ориу и Л. Петражицкому, ученіе котораго ему удается представить въ совершенно новомъ свѣтѣ, то передъ нами ярко выступить еще одна особенность новаго труда Г. Прошедшій черезъ тройную культуру — русскую, нѣмецкую и французскую — авторъ нашъ дѣлаетъ попытку синтеза, въ европеизмѣ котораго русскій элементъ играетъ далеко не послѣднюю роль. Ему не только удалось выразить въ своемъ трудѣ нѣкоторые характерные мотивы русской мысли, но и обогатить ими европейскую науку — даже французскую философскую и юридическую терминологию.

Характерна, наконецъ, еще одна особенность труда Г. Несмотря на всю свою подавляющую читателя научную тяжеловѣдность, оба тома нашего автора исполнены политическаго пафоса. Излагаетъ ли онъ Лейбница, Краузе, Гирке, сокрушаетъ ли онъ Гегеля, а изъ современниковъ Кельзена, возхваляетъ ли онъ Ориу и Петражицкаго, читатель чувствуетъ, что онъ дѣлаетъ это не ради одной только теоріи, но и для того, чтобы отстоять свой социально-политическій идеалъ. И дѣйствительно, болѣе многихъ другихъ книгъ, специально посвященныхъ социализму, трудъ Г., столь, казалось бы академической, расчищаетъ путь для новой теоріи социализма, которая смогла бы, наконецъ, высвободить социализмъ изъ тисковъ марксизма и вновь придать ему идеологическую силу, отсутствіе коей такъ остро ощущается нынѣ на фонѣ возросшей въ современныхъ демократиче-

скихъ странахъ политической мо-
щи социалистическихъ партій.
Лишь на той глубинѣ, на которой
Г. ведетъ свое изслѣдованіе, мо-
гутъ получить свое разрѣшеніе тѣ
споры о либерализмѣ и социализ-
мѣ, о социализмѣ и коммунизмѣ,
о кризисѣ капитализма и т. п.,
которые такъ обострились нынѣ
и въ русскихъ зарубежныхъ кру-
гахъ. Таковы основанія, которыя
побуждаютъ меня выйти при об-
сужденіи новаго труда Гурвича
за рамки простой рецензіи. Об-
тома его столь же академичны,
сколь и злободневны.

2.

Политическое значеніе теоріи
соціального права заключается въ
томъ, что она одна только и мо-
жетъ вынести окончательно со-
циализмъ на третій путь, одинако-
во отличный какъ отъ либерализ-
ма, такъ и отъ коммунизма. Со-
циализмъ есть для Г. не огосудар-
ствленіе всей хозяйственной и
тѣмъ самымъ всей общественной
жизни вообще, а напротивъ, со-
вершенный уходъ государства изъ
области хозяйства. Съ другой сто-
роны, хозяйство, будучи совсе-
шенно независимымъ отъ госу-
дарства, отнюдь не можетъ нынѣ
уже по-прежнему оставаться въ
состояніи войны всѣхъ противъ
всѣхъ, умѣряемой до «конкурен-
ціи» однимъ лишь началомъ част-
наго права, т. е. такого права, ко-
торое послѣднее слово въ рѣше-
ніи хозяйственныхъ вопросовъ
предоставляетъ произволу от-
дѣльнаго индивида. Роль госу-
дарства въ старомъ социализмѣ
занимаетъ у Г. социальное право,
и социализация хозяйства означа-

етъ для Г. не огосударствленіе хо-
зяйства, а его оправовленіе. Ком-
мунизму и либерализму одинако-
во соответствуетъ то отвлечен-
ное индивидуалистическое пони-
маніе права, которое было гос-
подствующимъ въ XIX вѣкѣ, и
которое, основывая право на во-
лѣ, сводило всякое право или къ
волѣ государства (законъ), или
къ волѣ отдѣльнаго индивида
(договоръ), то выводя первую
изъ послѣдней (теорія обществен-
наго договора), то подчиняя все-
цѣло послѣднюю первой (Гегель).
Теорія соціального права снима-
етъ предпосылку, одинаково ле-
жащую въ основѣ какъ комму-
низма, такъ и либерализма (обо-
явленіе права на волѣ), и выдвигаетъ
на мѣсто индивида и госу-
дарства новое начало «соборно-
сти», которому и соответствуетъ
соціальное право, какъ право объ-
ективное, основаніе свое имѣю-
щее не въ волѣ, а въ объектив-
ныхъ цѣнностяхъ (хозяйствен-
ныхъ, духовныхъ, политическихъ),
воплощающихся въ разнообраз-
ныхъ группировкахъ, изъ кото-
рыхъ слагается современное об-
щество.

Въ основѣ соціального права
лежатъ разнообразныя «мы», т. е.
факты реально существующихъ
соціальныхъ общеній, воплощаю-
щихъ въ себѣ различныя цѣнос-
ти культурнаго человеческого
бытія. Соціальное право и есть
право «приобщенія къ цѣлому», и
его соборный, или «интеграцион-
ный» характеръ, въ которомъ осу-
ществляется равновѣсіе цѣларо и
частей, одинаково отличается отъ
всякаго подчиненія (субордина-
ціи), въ которомъ цѣлое, страв-
ясь отъ частей (индивидовъ), по-
рабощаетъ ихъ себѣ, и въ про-

стой координации, в которой она растворяется в простое отношение между довлѣющими себѣ индивидами, в простое «разграничение сферъ произвола». Соціальное право есть в этомъ смыслѣ право сотрудничества, коопераціи, а не властвованія или конкуренціи.

При этомъ оно отнюдь не есть только желательное, выдуманное право, музыка будущаго. Оно существуетъ уже сейчасъ, и въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ непредвзятый анализъ дѣйствующаго права (въ особенности права рабочаго и международнаго), такъ и критика тѣхъ многочисленныхъ противорѣчій, въ которыя запутываются юридическія теоріи, пытающіяся конструировать современные институты рабочаго и международнаго права съ помощью традиціонныхъ универсалистической и индивидуалистической теорій, сподвижнѣ всякое право къ волеизъявленію или государства (закону) или индивида (договору). Самый государственный пропорядокъ современныхъ демократическихъ государствъ есть уже частичное осуществленіе соціального права. Демократія для Г. есть менѣе всего абсолютизмъ государства, отличающійся отъ стараго абсолютизма только сподобомъ опредѣленія государственной воли (воля парламентскаго большинства вмѣсто воли монарха), а напротивъ, есть отрицаніе всякаго абсолютизма, признаніе того, что никакая организациа не можетъ полностью выразить «общую волю» народа, и что, слѣдовательно, къ опредѣленію ея должны быть призваны всѣ существующія въ народѣ политическія организации, которымъ и должна

быть предоставлена поэтому возможность воздѣйствія на направленіе государственной жизни. Въ этомъ смыслѣ суверенитетъ и переходитъ въ демократіи отъ государства къ праву (Краббе) или, по терминологіи Г., демократія есть такой государственный порядокъ, въ которомъ государственная организациа остается въ полной мѣрѣ «открытой» вліянію на нее «неорганизованнаго права» народнаго цѣлаго, пронизывающаго изъ внутри организованное право государства. Соотвѣственно этому и социализмъ для Г. есть не упраздненіе демократіи, какъ для коммунизма, а напротивъ — ея усовершенствованіе и исполненіе, распространеніе ея съ политической области на всю жизнь общества въ цѣломъ, въ первую очередь на хозяйство. Въ этомъ смыслѣ социализмъ его есть социализмъ «институціонный» (ср. Де-Манъ), т. е. осуществляемый не путемъ революціоннаго захвата существующей государственной власти и существующихъ хозяйственныхъ предпріятій («орудій производства»), а путемъ послѣдовательно возрастающаго пронизанія хозяйства соціальнымъ правомъ, черезъ созданіе новыхъ учреждений и организаций внутри хозяйства, все болѣе и болѣе ограничивающихъ государство и въ свою очередь носящихъ «открытый характеръ», т. е. такой, который дѣлаетъ ихъ въ полной мѣрѣ доступными вліянію «неорганизованнаго права» разнообразныхъ хозяйственныхъ группировокъ.

Въ этомъ пронизаніи хозяйства соціальнымъ правомъ и состоитъ, какъ превосходно показываетъ Г., основной замыселъ «мутаализма»

Прудона, превратно понятого как анархизмъ. Изъ современныхъ ученыхъ ближе всѣхъ подошелъ къ правильному рѣшенію вопроса гильдейскій социализмъ. Самъ Г. мыслить будущее исполненіе демократіи какъ результатъ дальнѣйшаго развитія и усовершенія социальнаго права, уже существующаго въ странахъ современной политической демократіи. Будущій строй есть строй взаимно ограничивающихъ себя правопорядковъ — государственнаго, хозяйственнаго, духовнаго (Церковь), изъ которыхъ каждый представляетъ особую функцію въ обществѣ и, будучи «суверененъ» лишь въ своей сферѣ, не имѣетъ никакого примата надъ другимъ. Взаимоотношеніе между этими правопорядками Г. представляетъ себя какъ своего рода «функциональную конфедерацию». Конфликты между этими правопорядками Г. представляетъ себя какъ своего рода «функциональную конфедерацию». Конфликты между всѣми послѣдними автономными правопорядками разрѣшаются высшимъ органомъ, образованнымъ на представительныхъ началахъ изъ представителей послѣднихъ. Будучи функциональной, конфедерация эта отличается отъ обычной территориальной конфедерации тѣмъ, что она исключаетъ возможность свободного изъ нея выхода того или иного правопорядка. Этимъ она приближается къ «федерации», отличаясь отъ послѣдней однако тѣмъ, что не представляетъ собою особаго высшаго государства, которое въ такомъ случаѣ должно было бы обладать «всекомпетенціей» и носить «сверхфункциональный характеръ». Напротивъ, государство по Г. не должно быть

всекомпетентнымъ, оно по существу своему функционально, представляя собою лишь одинъ изъ многихъ аспектовъ «общаго интереса», именно «политическій». Суверенитетъ, принадлежащій ему, есть только относительный, «политическій» суверенитетъ, «сводящійся къ монополіи безусловнаго принужденія». Всѣ другіе организованные социальные правопорядки (например, хозяйственный, международный) не имѣютъ политическаго суверенитета, ибо они допускаютъ лишь «условное принужденіе», т. е. такое, отъ котораго можно уклониться путемъ свободного выхода изъ соответствующей организации.

Этому праву свободного выхода, исключаяющему всякую монополію, Г. придаетъ особенное значеніе. Хозяйство, организованное посредствомъ социальнаго права, тѣмъ и будетъ отличаться отъ хозяйства государственнаго, что въ немъ не будетъ никакого одного «волевого центра», неограниченно распоряжающагося сверху, а сохранится полностью множественность хозяйственныхъ центровъ, независимость внутри хозяйственнаго блага отдѣльныхъ вѣтвей производства и даже отдѣльныхъ предприятий, однимъ словомъ присутствующій хозяйству плюрализмъ, а слѣдовательно, и свобода инициативы, безъ которой немыслимо никакое развитіе хозяйства. Безусловное принужденіе совсѣмъ не необходимо для дѣйствительности правовыхъ нормъ. Уже сейчасъ профессиональные и кооперативные союзы, помимо государства и безъ всякой монополіи, создали право, регулирующее самымъ существеннымъ образомъ повседневную хозяйственную жизнь со-

временных государств. Разумѣется, «условное принуждение», т. е. такое, которое неуклонно, пока я считаю для себя нужнымъ и возможнымъ оставаться членомъ соответствующей организаціи, нерѣдко превосходить по силѣ «безусловное принуждение» государственнаго правопорядка. Но личное монополіи, оно болѣе оцѣняетъ объективной сути вещей» и обезпечиваетъ объективность самыхъ нормъ, кнхъ санкціей оно является, т. е. соответствіе ихъ тѣмъ цѣлямъ сотрудничества и коопераціи, юторыя нормы эти въ себѣ воплощаютъ. Соотвѣтственно этому и социализація собственности опюдь не есть ея огосударствленіе. Она означаетъ, съ одной стороны, организацію хозяйства какъ цѣлаго въ автономный хозяйственный правопорядокъ, а съ другой стороны — внутреннюю демократизацію каждаго отдѣльнаго предпріятія. Съ развитіемъ капитализма право собственности, должествующее регулировать взаимоотношенія между людьми въ отношеніи ихъ къ вещамъ, выродилось въ право властвованія надъ людьми, въ результатъ чего объективная хозяйственная функция собственности искажается субъективными (корыстными и др.) мотивами собственника. Уже сейчасъ въ развитомъ капитализмѣ власть собственника капиталистическаго предпріятія ограничена организованнымъ правомъ рабочихъ союзовъ, фабрично-заводскихъ комитетовъ и другихъ хозяйственныхъ организацій, напоминая собою ограниченную власть конституціоннаго монарха. Остается сдѣлать дальнейшій шагъ и сдѣлать «организованное право», регулирующее

внутренній распорядокъ работы предпріятія, вполне открытымъ, воздѣйствію «неорганизованнаго права», лежащаго въ его основѣ, путемъ предоставленія всемъ участникамъ хозяйственнаго процесса возможности вліянія на направление работы предпріятія. Г. называетъ форму собственности, которая, по его мнѣнію, наиболѣе соответствуетъ этому требованію хозяйственной демократіи «федералистской собственностью», понимая подъ послѣдней особый видъ акціонернаго товарищества съ трудовыми акціями.

Только когда собственность вполне отдѣлена отъ государства, ему «противостоитъ», какъ это требовалъ Прудонъ, — т. е. когда хозяйство представляетъ собою совершенно автономный, независимый отъ государства и не пользующійся «безусловнымъ прикѣпленіемъ» правопорядокъ, — тогда только свобода личности является дѣйствительно обезпеченной. Плюрализмъ правопорядковъ, изъ которыхъ каждый уравниваетъ другой на манеръ, того, какъ по Монтеスキ въ власти останавливается, является и по мнѣнію Г. единственной реальной гарантіей свободы, утрачивающей тѣмъ самымъ свой чисто формальный характеръ (характеръ произвола). Этимъ именно теорія социального праа и отличается отъ теоріи либерализма, который, утверждая тоже вмѣшательство государства въ область хозяйства, отождествляетъ однокъ право съ государствомъ и отицалъ какое бы то ни было хозяйственное право, мысля всякое праа какъ волеизъявленіе государства а самое государство какъ продуктъ волеизъявленія индивида (догчора).

Этому волюнтаризму въ теоріи права, тѣсно связанному съ социологическимъ субъективизмомъ и философскимъ индивидуализмомъ, Г. противопоставляетъ объективизмъ въ пониманіи права, прищипомъ коего является не индивидъ и не оторванное отъ него цѣлое, а соборность, въ которой индивидъ и цѣлое уравниваются въ высшемъ синтезѣ. Право имѣетъ своимъ основаніемъ не волю, не принужденіе, а «нормативные факты» по терминологіи Г., или «институцій» по терминологіи Орів. Въ частности социальное право имѣетъ своимъ основаніемъ многообразные факты человеческого общенія. Не всякое общеніе есть уже организація. Въ основѣ всѣхъ организацій, определяемыхъ въ своей дѣятельности какой-нибудь одной или нѣсколькими цѣлями и потому всегда одно — или многофункциональныхъ, лежитъ первичное общеніе (народъ или нація), неразрывное сполна никакими организаціями и выделяющее ихъ съхъ изъ себя. Это первичное общеніе сверхфункционально, какъ сверхфункциональна и личность человека, неисчерпаемая теми функциями, которыя она выполняетъ и организаціями, въ которыхъ участвуетъ. Но уже неорганизованная общенія выделяютъ, согласно Г., свое «неорганизованное социальное право», примать котораго надъ организованнымъ правомъ и обуславливаетъ «демократичность» соотвѣствующихъ правопорядковъ. Это «неорганизованное социальное право» отнюдь не есть какое-то идеальное естественное право, а есть положительное право, даже «право формальное», и у него есть также свои

историчные источники», т. е. технические способы его констатирования съ помощью рациональныхъ ссылокъ и доказательствъ. Обычай, прецедентъ, доктрина, общественныя провозглашенія — все они имѣются въ неорганизованномъ социальномъ правѣ, такъ же, какъ и въ организованномъ. Организованное право отличается отъ неорганизованнаго тѣмъ, что въ немъ этихъ техническихъ способовъ констатирования права больше: въ упомянутымъ выше здѣсь приединяются еще конвенціи, уставы, судебная практика и практика несудебныхъ органовъ и, наконецъ, въ томъ особенно уплощенномъ секторѣ организованнаго социальнаго права, который «обладаетъ монополіей безусловнаго принужденія», въ государствѣ, — еще также и законъ. «Плюрализму правопорядковъ» отвѣчаетъ множественность источниковъ права. Если законъ и пре-восходитъ нѣкоторые другіе источники права своей рациональностью и точностью, то онъ все же есть, подобно другимъ вторичнымъ источникамъ права, не болѣе какъ техническое средство констатирования права. Онъ не творитъ права, не создаетъ его, а только формулируетъ уже объективно существующее право. Гурвичъ идетъ такъ далеко въ своемъ стремленіи «объективировать» право, освободить его отъ всякой связанности съ волей, что наряду съ формальнымъ положительнымъ правомъ признаетъ также наличие интуитивнаго права, которое обходится уже безъ «вторичныхъ источниковъ права», а усматривается съ помощью интуиціи, непосредственно изъ «нормативныхъ фактовъ, лежащихъ

ть его оснований и являющих и подлинными «первичными источниками» всякого права.

3.

Мы не можем идти здесь за Г. в обосновании имъ этихъ его взглядовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ опредѣленіе имъ права съ помощью ряда признаковъ, коими право отличается отъ нравственности, будучи «рационализованной и кантифицированной нравственностью», «нравственностью, какъ бы пропущенной сквозь призму логическаго» и потому являющейся предметомъ знания, а не чистаго «волеизъявляющаго». Мы вернемся, напротивъ, къ болѣе конкретнымъ вопросамъ, чтобы выяснитъ, насколько удовлетворяетъ теорія «соціального права» Г. поискамъ того третьяго пути, опредѣлитъ который составляетъ насущную задачу современной теоріи социализма.

Изумительная архитектоника построения Г. и пластичность его изложения прикрываетъ парадоксальнымъ образомъ рядъ неясностей и двусмысленностей въ некоторыхъ исходныхъ пунктахъ его системы, чрезвычайно ослабляющихъ позицію «правового социализма» въ его источованіи. Прежде всего, можно ли согласиться съ опредѣленіемъ Г. государства какъ «уплотненнаго» сектора организованнаго социальнаго права, отличительной чертой котораго является присущая ему «монополія безусловнаго принужденія»? Казалось бы, рядъ нормъ государственнаго правопорядка не допускаетъ вообще безусловнаго принужденія. Я имѣю въ виду при

этомъ не только нормы, регулирующія взаимоотношенія между высшими органами государства, примѣръ которыхъ приводитъ самъ Г., но и рядъ другихъ нормъ (напримѣръ, о воинской повинности, о политическихъ преступленіяхъ и т. п.). Свободный выходъ изъ государства такъ же возможенъ (эмиграція), какъ и выходъ изъ территориальнаго самоуправления, который Г. относитъ къ «санкционированному государствомъ соціальному праву»: аргументъ, уже выставленный противъ опредѣленія Гурвича Junius'омъ (въ «Послѣднихъ Новостяхъ»). Нельзя уклониться только отъ нормъ, санкционированныхъ международными соглашениями о выдачѣ преступниковъ, а это значитъ, что не государственныи правопорядокъ, а международный, признающій въ однихъ случаяхъ право эмиграціи, а въ другихъ нѣтъ, дѣлаетъ впервые возможнымъ санкционированіе нормы безусловнымъ принужденіемъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Съ другой стороны, нѣтъ ничего немыслимаго и въ томъ (напримѣръ, въ случаѣ осуществленія проекта Тарды), что нормы международного права будутъ непосредственно санкционированы «безусловнымъ принужденіемъ» (напримѣръ, экономическимъ бойкотомъ или примѣненіемъ вооруженной силы по постановленію Лиги Націй), примѣняемымъ по отношенію ко всѣмъ государствамъ (въ томъ числѣ и не входящимъ въ Лигу Націй), отъ чего эта послѣдняя, однако, еще не превратится въ государство. Наконецъ, условное принужденіе въ смыслѣ Г. предполагаетъ различіе принужденія безусловнаго. «Свободный выходъ» изъ любой част-

ной хозяйственной организации предпочитает предварительное выполнение по отношению къ ней всѣхъ обязательствъ, каковое санкционируется уже принуждениемъ безусловнымъ. «Свободный» же выходъ изъ хозяйства въ цѣломъ такъ же невозможенъ (или такъ же возможенъ — путемъ эмиграціи), какъ онъ невозможенъ по отношению къ государству. Оставаясь производителемъ или даже только потребителемъ (т. е. человекомъ), уклониться отъ вышнихъ нормъ автономнаго хозяйственнаго правопорядка, регулирующихъ хозяйство въ цѣломъ, невозможно. Въдѣ вопросъ не въ томъ, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться полиція или вооруженная сила, а въ томъ, допустятъ ли нормы хозяйственнаго права безусловное принужденіе, независимо отъ того, кѣмъ оно будетъ приводиться въ исполненіе.

Однако опредѣленіе государства Г. не только не вѣрно, но и бессодержательно и не соответствующее тѣмъ требованіямъ, которыя Г. долженъ былъ бы самъ предъявлять къ опредѣленію государства. Государство есть функциональная организация, въ основѣ которой лежитъ особое (тоже не всефункциональное) общеніе. Какъ всякое социальное общеніе (напримѣръ, общеніе, лежащее въ основѣ хозяйства, церкви и т. д.), и это «политическое» общеніе воплощаетъ въ себѣ опредѣленные объективныя цѣнности. Настоящее, содержательное, опредѣленіе можетъ быть дано, очевидно, только черезъ указаніе той объективной или тѣхъ объективныхъ цѣнностей, которыя воплощаются въ «политическомъ» общеніи и

уплотняются до объективныхъ «цѣлей» въ возвышающейся надъ нимъ организованной структурѣ государства. Неужели такой объективной цѣнностью является въ данномъ случаѣ «монополія безусловнаго принужденія»? Или мыслить Г. при этомъ полицію и вооруженную силу, какъ тѣ объективныя цѣнности, которыя воплощаются въ «политическомъ общеніи» и являются для государства его «цѣлями»? Сказать такъ, это значитъ отрицать государство, что въ сущности и дѣлаетъ Г., являющийся въ этомъ пунктѣ еще чрезмѣрнымъ даникомъ синдикализма. Впрочемъ, съ другой стороны Г. готовъ, повидимому, чрезвычайно расширить кругъ функций государства, оставляя ему все (школу, здравоохраненіе?), что остается за вычетомъ функций церкви и хозяйства.

Эта неясность въ такомъ существеннѣйшемъ вопросѣ опорочиваетъ въ корнѣ и теорію Г. о высшей «суперструктурѣ» его идеальнаго общественнаго порядка. Мы знаемъ уже, что въ опредѣленіи ея Г. колеблется между схемой «функциональной федерации» и «функциональной конфедерации». По его опредѣленію, федерация имѣется тамъ, гдѣ члены федерации не имѣютъ права свободнаго выхода; почему цѣлое, связывая своихъ членовъ безусловнымъ принужденіемъ, и представляетъ собою здѣсь особое «федеральное» государство. Но если территориальная конфедерация вполне мыслима, то какъ можно, не впадая въ анархію, мыслить конфедерацию функциональную, т. е. «свободный уходъ» автономнаго хозяйственнаго правопорядка, какъ цѣлаго, отъ политическаго право-

порядка? Если есть функциональное сотрудничество и высший орган, это сотрудничество обеспечивающий и конфликты разрешающий (а не только устанавливающий неразрешимость конфликта), то никакого «свободного выхода» (как в территориальной конфедерации) здесь мыслить нельзя. «Этатизм», которого так боятся Г., т. е. «вырождение начала соборности в абстрактное подчинение», исключается не отсутствием какого бы то ни было безусловного принуждения, а «открытостью» соответствующего организованного права (напр., права хозяйственной организации) влиянием неорганизованного права подлежащего ему «общения», пропитанностью его этим последним, чему совершенно не препятствует форма «функционально федерированного государства». Сверхфункциональность не есть всефункциональность, а есть тоже особая (более формальная) функция, и если есть высшая «суперструктура», которой принадлежит «последнее слово», то это не значит, что эта высшая «суперструктура» всекомпетентна и «все может». Федеральное государство тоже не «все может» без согласия государств-членов, а в нем все же есть высший орган, которому принадлежат «последнее слово» в случае конфликтов. Правовой социализм, как я старался показать это в своих статьях в «Соврем. Записках», посвященных этой темѣ, возможен лишь как предѣл «деволюции государства», являющейся уже сейчас фактом развития современных демократических государств, и противорѣчя, въ которыя впадаетъ Г.,

убѣждаютъ меня только въ правотѣ моего взгляда.

То же самое долженъ я сказать и о понятіи «федералистской собственности», выдвигаемой Г. Соглашаясь съ моимъ взглядомъ, что социализация собственности означаетъ въ первую очередь качественное преобразование собственности (ее «объективированіе»), Г. считаетъ однако, что это последнее можетъ быть, въ достаточной мѣрѣ обеспечено лишь посредствомъ преобразования на «федералистскихъ началахъ» и самого субъекта собственности. — аналогично тому, какъ демократическое преобразование высшихъ органовъ государства есть необходимая гарантія суверенитета права, составляющаго существо демократіи. Но аналогія не есть доказательство, а въ данномъ случаѣ особенно, ибо цѣли, осуществляемая «политическимъ» правопорядкомъ, съ одной стороны, и хозяйственнымъ, съ другой, совершенно различны, и именно съ точки зрѣнія теоріи «соціального права», согласно которой каждый правопорядокъ, будучи воплощеніемъ опредѣленной объективной цѣнности опредѣляется своеобразнымъ характеромъ этой последней (*le but de l'institution* по терминологіи Огюй), аналогія не можетъ имѣть силы доказательства. Очевидно, что порядокъ собственности, особенно когда рѣчь идетъ о собственности на орудія производства (точнѣе предпріятія), долженъ опредѣляться изъ разсмотрѣній особенностей объективной цѣлей производства (и даже отдѣльных видовъ производствъ), т. е. на основаніи экономическаго опыта, а не на основаніи отвлеченномъ

формальной аналогія съ «политическимъ» правопорядкомъ, воплощающимъ совершенно инныя объективныя цѣнности. И въ данномъ случаѣ Г. опять таки ограничивается простой формальной ссылкой на объективныя цѣнности, воплощаемыя въ общеніяхъ, надъ которыми высъется автономныя правопорядки, вмѣсто того, что бы, изслѣдовавъ эти цѣнности, выводить изъ нихъ особенности этихъ послѣднихъ. Правда, въ обоихъ случаяхъ — какъ государственнаго, такъ и хозяйственнаго правопорядка — отрицательная задача одна и та же: объективировать государство и хозяйство, освободить ихъ отъ искажающихъ ихъ собственную функцию субъективныхъ моментовъ (властвованія, корысти, командованія). Но такъ какъ положительныя цѣнности и цѣли государства и хозяйства разныя, то аналогія между ними проводить нельзя, и нельзя ожидать, что структура институтовъ государства и предпріятія совпадетъ. Даже самый бѣглый анализъ «федералистской собственности» въ пониманіи Г. показываетъ, что въ рядѣ очень многихъ случаевъ послѣдняя противорѣчитъ особенностямъ современнаго производства, чѣмъ и объясняется ея отмѣчаемый и самимъ Г. неуспѣхъ. Починъ и предпримчивость, быстрота рѣшеній, гигантскій ростъ потребныхъ для всякой новой рационализациі производства капитальныхъ вложеній, безъ чего немислима сейчасъ плодотворная (и даже только оправдывающая себя) хозяйственная дѣятельность, совершенно парализуются требованіемъ «единодушія» при рѣшеніи вопроса о «продажѣ объекта собственности». Ду-

мается, что даже рѣшеніе большинствомъ голосовъ вопросовъ о новыхъ инвестиціяхъ, расширеніи или сокращеніи производства свелось бы въ скоромъ времени къ фикціи. Допускаетъ ли, далѣе, схема Г. только кооперативныя банки (которые тоже вѣдь суть «предпріятія»), и какое вообще значеніе могутъ имѣть «трудовыя акціи» въ банковомъ дѣлѣ для объективированія или оправовленія собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ для приданія наибольшей дѣйственности экономической функціи банковъ?

Подобные вопросы можно было бы умножать безъ конца, ибо подходить надо совѣмъ съ другой стороны: не конструировать абстрактную форму собственности, одинаково приложимую ко всѣмъ случаямъ, а показывать, какими измѣненіями въ существующихъ нынѣ многообразныхъ формахъ собственности и созданіемъ какихъ новыхъ учреждений можно итти впередъ въ разрѣшеніи одной и той же задачи: оправовленія собственности, утраты ею характера произвольнаго властвованія надъ людьми, при сохраненіи ею въ полной мѣрѣ ея хозяйственной функціи. Есть всѣ основанія предполагать, что дальнѣйшее усложненіе хозяйственной жизни будетъ сопровождаться не усиленіемъ однородности, а, напротивъ, усиленіемъ многообразія формъ собственности. Соціализация собственности, какъ пронизаніе института частной собственности социальнымъ правомъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ пропитаніе абстрактнаго и недифференцированнаго (сплошнаго и однороднаго) института собственности («римской собственности») разнообразнымъ

и усложненнымъ содержаніемъ хозяйственной дѣятельности, порождающимъ многообразіе формъ социальныхъ группъ, въ которыхъ дѣятельность эта организуется. А это означаетъ дифференціацію и конкретизацію формъ собственности, ростъ гибкости которыхъ идетъ рука объ руку съ ростомъ ихъ многообразія.

Нѣтъ никакихъ оснований априорно отрицать ту частную форму собственности, которую построитъ Г., и возможность ея относительнаго успѣха въ социалистическомъ строѣ. Однако, «пронизаніе» собственности правомъ (Прудонъ), пропитаніе ея «обществомъ» и тѣмъ самымъ приближеніе института собственности къ многообразнымъ цѣлямъ хозяйства (его конкретизація и объективация) не завязятъ совершенно отъ «федералистской собственности» въ смыслѣ Г.-а. Не въ ней также слѣдуетъ искать осуществленія схемы цѣлостности, которая дѣйствительно характерна для «соціализированной» (а не «этицизированной») собственности, и притомъ для всѣхъ многообразныхъ ея отдѣльныхъ формъ. Схема цѣлостности осуществляется въ ней тѣмъ, что въ социализированной собственности право собственности принадлежитъ сразу и «цѣлому» и «частному собственнику» (все равно — коллективному или индивидуальному) при полномъ равновѣсіи обоихъ моментовъ. Абсолютная собственность никому не принадлежитъ (какъ никому не принадлежитъ абсолютный суверенитетъ), хотя «последнее слово» остается за частнымъ собственникомъ, такъ же, какъ въ политической области последнее слово остается за го-

сударствомъ. «Цѣлое», о которомъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь, можетъ быть самое разнообразное, въ предѣлѣ — это есть цѣлое хозяйства, какъ автономной организациі. «Цѣлое» не имѣетъ права лишить «частнаго собственника» его собственности (развѣ что за справедливое вознагражденіе, что не есть лишеніе, а вызванное потребностями хозяйственнаго плана перемѣщеніе собственности), но, съ другой стороны, и «частный собственникъ» не можетъ игнорировать потребности цѣлага и право участія этого цѣлага въ доходахъ и направленіи дѣятельности отдѣльнаго предприятия. «Свободный выходъ» каждаго собственника и здѣсь обезпеченъ (черезъ продажу имъ его предприятия), но равно обезпечены также и права «цѣлага» въ отношеніи каждаго отдѣльнаго предприятия. Такая собственность болѣе всего соответствуетъ тому «органическому строенію» капитала, которое — въ силу процесса рационализаціи производства — особенно усилится въ будущемъ, и котораго симптомомъ является дифференціальная прибыль, получающаяся въ силу «уловленія» отдѣльнымъ предприятиемъ хозяйственной (а часто и нехозяйственной, съ превращеніемъ ея въ хозяйственную) активности окружающихъ его «цѣблыхъ» различныхъ ступеней. Наконецъ, только при такомъ органическомъ строеніи всего хозяйства въ цѣломъ осуществляются въ полной мѣрѣ слова «плановое хозяйство» (ничего общаго не имѣющее съ бюрократически составляемымъ «планомъ сверху»), которое характерно для социализма: ни государственное, ни частное, ни «госу-

дарственно - частное», а плановое хозяйство, въ которомъ система осуществляется съ помощью социальнаго права, вводящаго «цѣлое» въ каждое отдѣльное предприятие безъ подавленія однако индивидуальности послѣдняго. Такая система будетъ иерархична, поскольку всякій планъ предполагаетъ иерархію, но она не будетъ системой подчиненія, а будетъ системой цѣлостности («интеграціи»). Въ своей работѣ о «правовомъ социализмѣ» я старался показать, что «соціализованная» въ этомъ смыслѣ собственность, осуществляющая въ себѣ начала цѣлостности, есть предѣлъ процесса «инволюціи собственности», наблюдающагося уже сейчасъ въ развитомъ капиталистическомъ строѣ и существенно отличающагося отъ «деволюціи государства»: различіе, вытекающее изъ самаго существа тѣхъ разныхъ «объективныхъ цѣнностей», которыя воплощаются въ хозяйственномъ и политическомъ общеніяхъ, на основіи которыхъ возвышаются экономическій и государственный порядки.

За отсутствіемъ мѣста я не могу входить здѣсь въ обсужденіе тѣхъ трудностей, на которыя наталкивается построеніе Г. въ болѣе глубокихъ пластахъ его системы. Отмѣчу только, что какъ «соціальное право» есть не столько особый родъ права, сколько особый поный этапъ въ развитіи всѣхъ родовъ права, такъ и принимаемое имъ «интуитивное право» есть не особый видъ положительнаго права, а элементъ всякаго положительнаго права. При развитіи этого отпадали бы сразу и всѣ трудности, связанныя у Г. съ его понятіемъ «неорганизованнаго

права» и признаніемъ того, что «положительное право» можетъ обходиться безъ «вторичныхъ источниковъ», т. е. безъ какихъ бы то ни было техническихъ («дискурсивныхъ») способовъ его констатированія. Не нужно было бы въ такомъ случаѣ прибѣгать и къ очень спорному понятію «сборной интуиціи», впадая въ столь неожиданный для Г. интеллектуализмъ въ пониманіи права: это вліяніе русскаго и нѣмецкаго интуитивизма, съ одной стороны, и стремленія во что бы то ни стало разорвать всякую связь права не только съ «командованіемъ», но и съ «волей», съ другой стороны. Всѣ эти трудности были уже отмѣчены французскими критиками труда Г. какъ во время диспута, такъ и въ специальной печати, и мы на нихъ не можемъ здѣсь останавливаться.

Замѣчу однако, что, какъ бы ни были существенны многіе изъ возраженій, которыя можно выставить противъ теоріи «соціального права Г., они не затрагиваютъ самаго замысла и ничуть не умаляютъ цѣнности его монументальнаго труда. Благодаря его труду «правовой социализмъ» становится дѣйствительно «научнымъ социализмомъ», не въ смыслѣ созданія какой-то особой новой сектантской науки, которая его должна оправдать, а въ смыслѣ исчерпывающаго доказательства того, что за нимъ стоитъ славная и длительная традиція научной мысли, и что современная (не выдуманная, а существующая) наука, въ частности современная юридическая мысль, и притомъ самыхъ различныхъ народовъ и направленій, неукоснительно движется

нѣ направленіи «соціального права», какъ третьяго пути, преодо-
лѣвающаго самую противоположно-
сть либерализма — коммунизма.
Признание Сорбонны есть знаме-
ніе. Поскольку «доктрина» есть не
только теорія, но и дѣйственный

источникъ права», трудъ Г. есть
также не только отдаленное на-
учное изслѣдованіе, но и конкрет-
ное живое дѣло на пути осуще-
ствленія правового социализма.

С. І. Гессенъ.

Прага передъ революціей 1848 года

Въ этой тихой и мирной обста-
новкѣ, почти идилліи, лишь из-
рѣдка нарушаемой ярмарками,
пріѣздами высокопоставленныхъ
особъ, а ближе къ серединѣ сто-
лѣтія слухами о революціи и вы-
ступленіями патріотовъ, протекала
жизнь пражскаго общества. Самс
собой разумѣется, что весь его ха-
рактеръ соответствовалъ внѣшно-
сти города.

Употребивъ выраженіе «праж-
ское общество», намъ придется его
уточнить. Обычно подъ словомъ
«общество» подразумѣваются выс-
шіе классы. Но тѣ слои, которые
у другихъ народовъ въ эту эпо-
ху составляли общество, въ Пра-
гѣ были не національны: это была
нѣмецкая или сильно онѣмечен-
ная аристократія, тянувшаяся къ
Вѣнѣ и двору. Классовое дворян-
ское самосознаніе еще существо-
вало, но оно было скорѣе связа-
но съ землевладѣніемъ, чѣмъ съ
національной идеей. Отдѣльные
семьи, какъ-то: Хотки, Лобкови-
цы, Кинские чувствовали себя на-
ціонально и даже, быть можетъ,
народно, но онѣ составляли ис-
ключеніе, и именно потому поль-
зовались особой популярностью
въ народныхъ массахъ. Жило это
дворянство замкнуто, встрѣчаясь
лишь между собой да съ вышнѣ-

ми чиновниками и офицерствомъ.
На ихъ салонахъ лежалъ вѣнскій
и даже международный отпеча-
токъ, не дающій понятія о насто-
ящей пражской жизни. Что каса-
ется дѣйствительно пражскихъ са-
лоновъ, то они были на перече-
тъ — у Станьковъ, у Фричей, у Па-
лацкихъ, и наложить свой отпеча-
токъ на жизнь города они не мо-
гли: скорѣе, наоборотъ, сами эти
салоны, или вѣрнѣе кружки, шли
въ ногу съ общимъ настроеніемъ,
выражая часто лишь въ болѣе
изящной и совершенной формѣ
то, что думали и говорили въ ко-
фейняхъ, трактирахъ и на улицъ.

Пражское предмартовское об-
щество — это, по нашему пони-
манію, вообще масса пражскихъ
обывателей, связанныхъ своею
жизнью и занятіями съ городомъ.
Демократическій образъ мышленія
и чувствованія, являющіеся ре-
зультатомъ всей предыдущей ис-
торіи народа, поставилъ огром-
ный знакъ равенства между от-
дѣльными социальными группиро-
вками. Пробуждающееся и крѣп-
нущее народное сознаніе еще
больше упрочило это единообра-
зіе. Если на чешскихъ балахъ ря-
домъ съ писателями, учеными и
студентами были ремесленники,
трактирщики и торговцы, которые

еще недавно вышли из народа, если среди них могли появляться национально настроенные чиновники и немногие дворяне, то это свидетельствует не только о высоком уровне взаимной общительности, но и об общем духовном цементе, который спаивал их воедино. Славянский съезд и вообще 48 годъ показал, что, несмотря на некоторый принципиальный расхождение, всемъ былъ присущъ тотъ духъ, который въ то время объединялъ всѣхъ истинныхъ дѣтей «золотой матушки-Праги».

О томъ, каковъ былъ составъ и характеръ высшихъ круговъ, мы уже упоминали. Классовое раздвоение соответствовало въ известной степени национальному. Шисслеръ въ «Neues Gemälde der Hauptstadt Prag» говоритъ, что изъ чеховъ выходятъ богатые мельники, мясники, пивовары, булочники, но будто-бы рѣже ремесленники. Добавимъ, что и пролетаріатъ зарождающейся пражской промышленности (по преимуществу ситценабивной) былъ также чешскимъ. Далѣе чешской же была и новая интеллигенція: писатели, ученые, журналисты, художники, адвокаты, доктора и т. д., которые въ юности пріѣзжали въ Прагу на ученье и здѣсь-же обосновывались. Правда, многіе изъ нихъ говорили при веденіи дѣлъ по-льмьеники, многіе вели и свою интимную корреспонденцію на этомъ языкѣ, который былъ ими усвоенъ въ школахъ (нельзя забывать, что не только письму, но и чтенію по-чешки каждому приходилось учиться самостоятельно, въ лучшемъ случаѣ дома отъ родителей, такъ какъ преподаваніе въ школахъ, какъ въ низшихъ такъ

и высшихъ, велось исключительно на нѣмецкомъ языкѣ), однако чѣмъ ближе къ перелому столѣтія, тѣмъ чешскій языкъ и национальное самосознаніе берутъ верхъ. Вполнѣ понятно, что чѣмъ выше было социальное положеніе того или иного человѣка, тѣмъ больше онъ нуждался въ нѣмецкомъ языкѣ, который давалъ ему возможность общаться съ міровой культурой и въ частности съ литературой. На чешскомъ языкѣ тогда дѣлались лишь первыя литературныя попытки, которыя просто количественно не могли удовлетворить страстнаго любителя чтенія. Въ «Чешской Пчелѣ»*) правда, можно встрѣтить такую защиту чешской старой литературы: «Почему съ такимъ большимъ увлеченіемъ читаются чешскія сочиненія шестнадцатаго столѣтія, почему они для каждого такъ понятны? Потому что отъ нихъ вѣетъ насквозь ихъ проникающимъ чешскимъ духомъ». Однако справедливость требуетъ признать, что эти старыя произведенія больше интересовали историковъ и подкрѣпляли взгляды патриотовъ, но они не могли удовлетворять той потребности въ живой, современной литературѣ, которую испытываетъ средній читатель каждой эпохи. Пересчитать то небольшое количество чешскихъ журналовъ, которое тогда выходило, романовъ, повѣстей и стиховъ, появившихся отдѣльнымъ изданіемъ, волей-неволей приходилось прибѣгать къ иностранной литературѣ. Наибольше образованные чита-

*) «Чешская Пчела» — литературно-критическій журналъ, начавшій выходить въ 1834 г. подъ редакціей Челаковского.

ли по-польски или по-русски, какъ можно видѣть, напримѣръ, по записной книжкѣ поэта К. Г. Махи, иные прибѣгали къ французскому языку, но большинство ограничивалось нѣмецкимъ, знакомымъ изъ школы и улицы. Съ другой стороны, низшіе классы, не располагавшіе большимъ досугомъ для чтенія и менѣе сталкивавшіеся съ официальными учрежденіями, могли довольствоваться однимъ чешскимъ языкомъ. Ихъ духовной пищей были лучшіе чешскіе писатели того времени, какъ Ганка, Маха, Тылъ, Рубешъ; медленно, но нѣсколько разъ перечитывали они хроники, главнымъ образомъ Гайкову, изъ которой щедрой рукой черпали сами поэты и писатели, но съ увлеченіемъ читали они и менѣе цѣнную въ художественномъ отношеніи литературу, издаваемую Крамерусомъ: рыцарскіе и историческіе романы, авантюры и фантастическія повѣсти Шедиваго и Нейдлаго, которые перерабатывали чужой матеріалъ, или писали свое новое, понятное и близкое. Цѣнность этой ярмарочной литературы не въ ея формѣ, а въ той національной идеѣ, которую она проводила, въ томъ, что она поддерживала по мѣрѣ своихъ силъ и возможностей чешскій языкъ, которому австрійскіе чиновники предсказывали максимумъ 50 лѣтъ жизни.

Такой наблюдательный путешественникъ, какимъ показываетъ себя въ книгѣ «Kritischer Bocksprung von Dresden nach Prag» А. фонъ Шаденъ, характеризуетъ коротко, но точно состояніе ума и настроенія чеховъ этой эпохи. У него мы можемъ прочесть:

«Национальная гордость чехъ,

его предпочтеніе своего языка и родины, еще возбуждаются насмѣшливостью иностранныхъ гостей. Эта насмѣшливость протекаетъ почти всегда изъ незнанія и предвзятости мнѣній, а часто также изъ злостнаго нежеланія посвятить предмету вниманіе; ибо чешскій языкъ богатъ, благозвученъ и стоитъ на высокой ступени развитія. Чехъ привязанъ всей душой къ своей родной исторіи и рѣдкая чешская деревня обходится безъ нѣсколькихъ чешскихъ хроникъ, которыя обрабатываются по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ».

Нѣсколькими страницами выше у того-же автора имѣется еще болѣе общая характеристика чешскаго характера, которая можетъ объяснить въ значительной степени и ходъ пражской общественной жизни. «Чехъ, конечно, нѣсколько замкнутъ и въ этомъ отношеніи на первый взглядъ онъ сходенъ съ англичаниномъ; однако, замкнутость чеха въ большинствѣ случаевъ происходитъ навѣрное только отъ опасенія предвзятаго сужденія, которое онъ почти всегда можетъ ожидать отъ иностранца. Но, разъ разогрѣтый, чехъ чрезвычайно общителенъ, жизнерадостенъ, и умѣетъ излагать свое хорошее настроеніе въ массѣ пѣсенъ. Что чехи, вѣрнѣе средніе чехи, должны были казаться мало наблюдательнымъ иностранцамъ замкнутыми и холодными, объяснялось еще и тѣмъ, что мѣшанское пражское общество принимало въ свою среду лишь тѣхъ иностранцевъ, у которыхъ были рекомендаціи или которые вели крупную торговлю съ Чехіей, или, наконецъ, міровья знаменитости, вродѣ быв-

шихъ тогда въ большомъ фаворѣ музыкантовъ. Какая разница съ Вѣной, гдѣ были такъ падки до всякихъ гостей — «званныхъ и незванныхъ», но лишь бы иностранцевъ, и гдѣ для авантюристовъ всѣхъ сортовъ была столь благоприятная почва. Такого сорта публика должна была вообще мало лезть къ ядру пражскаго общества, такъ какъ выходы отъ него было мало. Приемы съ угощеніемъ и ужиномъ до 30-хъ годовъ мы видимъ только у дворянъ и крупнаго купечества, лишь во второй четверти столѣтія рамки общественной жизни становятся шире и развлечения изъ балетныхъ и театральныхъ залъ переносятся въ домашній кругъ. Изъ строкъ, написанныхъ около 1834 г., мы узнаемъ, по этому поводу, что богатая мѣшанскія семьи проводили свои вечера или въ театрѣ, или въ гостяхъ у близкихъ друзей; въ некоторыхъ домахъ въ опредѣленные дни бываетъ «закрытое общество», гдѣ часто занимаютъ музыкой и вечеръ заканчивается скромнымъ домашнимъ ужиномъ. Подобный кружокъ былъ въ домѣ родителей жены исторіографа Палацкаго, а позднѣе и у него самого. Госпожа Палацкая была настоящей ширтуозкой на арфѣ, а ея отецъ великолѣпно игралъ на рояли.

Несмотря на то, что иностранцамъ было трудно проникнуть въ чешскіе круги не только изъ-за врожденной чехамъ сдержанности, но, какъ утверждаетъ въ 1828 году англійскій политикъ и путешественникъ Сильсфильдъ, и изъ-за боязни шпионажа, которымъ окружила тайная вѣнская полиція всѣхъ прѣзжающихъ и ихъ зна-

комыхъ, объективные характеристики брать нужно именно у нихъ. Тотъ же Сильсфильдъ въ книгѣ «Oesterreich wie es ist» выражается такимъ образомъ о гѣхъ пражскихъ кругахъ, о которыхъ мы говорили выше: «Пражское среднее сословіе — умный, образованный и достойный уваженія классъ людей, который далеко превосходитъ вѣнцевъ, хотя режимъ не даетъ ему даже того жалкаго источника информации, изъ котораго могутъ черпать вѣнцы. Въ Прагѣ есть одна единственная газета (разумеется, газета нѣмецкая) и эта послѣдняя стоитъ на самой мыслимо низшей ступени; она выходитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ градоначальника. Вторая, издаваемая на чешскомъ языкѣ газета, только что начала появляться съ разрѣшенія градоначальства, какъ сейчасъ же была закрыта по приказу изъ Вѣны». Пассажъ этотъ заканчивался весьма многозначительнымъ и какъ бы пророческимъ замѣчаніемъ: «Жизка напелъ бы теперь въ Чехіи самое меньшее милліонъ приверженцевъ».

Къ двумъ основнымъ группамъ пражскаго предмартовскаго общества — дворянской, къ которой лезуло крупное чиновничество и высшее духовенство, и мѣщанской, въ которую входила крупная и мелкая буржуазія, ремесленники, низшее духовенство и интеллигенція, съ теченіемъ времени присоединяется третья группа, которая, какъ и въ остальной Европѣ, начала формироваться въ XIX в.; ее составляли рабочіе промышленныхъ предпріятій, къ которымъ въ скоромъ времени прикнула значительная группа же-

льзнодорожных рабочихъ. Какъ мы уже говорили выше, массу рабочихъ въ Прагѣ составляли набойщики ситцевъ. мода легкихъ и дешевыхъ матерій, вызванная затруднительнымъ финансовымъ положеніемъ Европы послѣ французской революціи и тяжелыхъ наполеоновскихъ войнъ, повысила спросъ на ситцы и вообще бумажныя матеріи, платки и шали.

Рабочихъ на ситце - набивныхъ фабрикахъ во всей Чехіи по официальной статистикѣ 1848 г. было 20.000: надо полагать, что добрая половина ихъ относилась къ Прагѣ и премѣстьямъ. Экономическое и социальное положеніе этой категоріи рабочихъ было незавиднымъ, особенно же оно ухудшилось съ введеніемъ машинъ, такъ называемыхъ перетинъ, которыя работали скорѣе и чище, чѣмъ ручные прессы. Увеличеніе количества перетинъ на пражскихъ фабрикахъ привело къ сокращенію персонала или занятію взрослыхъ рабочихъ дѣтьми и подростками, а также и къ сниженію цѣны за ручную набойку. Естественно, что все это вызвало у рабочихъ недовольство, которое первоначально вылилось въ ненависть противъ машинъ. Начиная съ 1819 г. набойщики то волируются открыто, то тайно готовятъ къ мятежу и сносятся съ рабочими Германіи. Такъ какъ основные вопросы о вознагражденіи, приемкѣ малолѣтнихъ помощниковъ и уничтоженіи или ограниченіи машинъ оставались неразрѣшенными, то въ 1844 г. вспыхнуло настоящее возстаніе, при которомъ рабочіе разбили ненавистныя перетины. Но и это не помогло и единственнымъ результатомъ былъ арестъ нѣкоторыхъ

зачинщиковъ и введеніе надзора за рабочими кассами. Нужно сказать, что и правительство, и фабриканты, и либеральные, и радикальные круги были тогда далеки отъ пониманія рабочаго вопроса; всѣ стояли на точкѣ зрѣнія манчестерской теоріи. Все вниманіе было сосредоточено на вопросахъ политическихъ, социальные же должны были еще ждать своего истолкователя. Даже Гавличекъ со своей столь отважной и передовой газетой «Народными Новинами» стоялъ на точкѣ зрѣнія экономическаго либерализма. Когда около 1848 г. политическое положеніе стало опаснымъ и рабоче могли его еще больше обострить, пражское управленіе и вѣнское правительство пытались ихъ задобрить, какъ обѣщаніями, такъ и раздачей казенной работы. При возстаніи въ день Св. Духа, которое никто не подготовлялъ и которое не имѣло ясной программы, рабочіе набойщики сыграли нѣкоторую роль, какъ впрочемъ и другая группа, грузчики и плотники съ Влтавы; и тѣ и другіе были грозой и ужасомъ для закоренѣлыхъ филистеровъ, которые бросились бѣжать изъ Праги, какъ только начались въ городѣ беспорядки.

Но такое отношеніе еще не означало какой либо особой безсердечности со стороны имущихъ классовъ. На рабочихъ, а особенно на безработныхъ, смотрѣли какъ на несчастныхъ, имъ помогали, въ ихъ пользу филантропы и особенно филантропки устраивали подписки, подыскивали работу, даже иногда ее выдумывали. Болѣе или менѣе сознательный голосъ, трактующій рабочихъ какъ цѣlobe, раздавался лишь въ

Святовацлавскомъ комитетѣ*), гдѣ было высказано пожеланіе объ осуществленіи «droit au travail» и организаціи труда. Въ печати такой голосъ раздавался въ радикальной газетѣ «Пражскій Вечерникъ», гдѣ въ 1848 г. было напечатано: «мы будемъ заступаться за бѣдную противъ богачей... мы будемъ защищать право на работу, чтобы свобода не была лишь наسمѣшкой надъ бѣднотой, но и сдѣлалась для нея спасеніемъ. Мы будемъ помогать тому, чтобы образованіе проникло въ низшіе классы... мы хотимъ, чтобы имъ было дано то, что имъ принадлежитъ, право на жизньъ». Эти слова являются, безспорно, отголоскомъ нарождающагося французскаго социализма, но если и въ образованныхъ кругахъ онъ находился мало сочувствія, то среди пражскихъ рабочихъ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Рабочіе въ предмартовскую эпоху еще не сознавали себя, какъ классъ; ихъ единство было чѣмъ-то вродѣ цеховаго, а стремленія сводились къ уничтоженію перотинъ, т. е. къ возврату къ прежнему состоянію. Понятно, что это было невозможно, а изъ этой невозможности происходило то малое значеніе, которымъ пользовались рабочіе въ предмартовскую эпоху, несмотря на свою численность въ Прагѣ.

Главную наиболее характерную

*) «Святовацлавскій комитетъ» была первая общественная организація въ революціи 1848 г. въ Прагѣ; онъ подготовилъ петицію о необходимыхъ реформахъ. Своимъ именемъ комитетъ получилъ отъ названія зала, въ которомъ комитетъ впервые собрался.

роль въ пражскомъ предмартовскомъ обществѣ играло, такимъ образомъ, мѣщанство, въ томъ широкомъ смыслѣ слова, какъ оно понималось въ первой половинѣ 19-го столѣтія. Такое положеніе вещей легко объяснимо не только общеевропейскимъ политическимъ положеніемъ, создавшимся послѣ великой французской революціи, выдвинувшей на историческую сцену третье сословіе, но и специфическими чешскими условіями, въ которыхъ развивалась жизнь страны въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Говоря выше о дворянствѣ, мы замѣтили, что за исключеніемъ нѣсколькихъ семействъ, вся аристократія была связана съ Чехіей лишь земельнымъ да бюрократическими и военными постами, занимаемыми въ Прагѣ. Въна была центромъ, притягивающимъ какъ дворянскія вѣрнопопданническія сердца, такъ и кокетство высокопороденныхъ дамъ, желавшихъ блистать у двора. По рожденію и еще чаще по воспитанію дворянство было нѣмецкимъ, за малыми исключеніями оно и не говорило по-чешски. Если, скажемъ, въ Германіи или Россіи образованные слои равнялись по дворянству, часто не имѣя съ нимъ иной непосредственной связи, кромѣ языка, то въ Прагѣ это равенствѣ шло по выдающемуся своимъ богатствомъ или культурностью мѣщанству. Правда, и здѣсь мы находимъ извѣстную категорию людей, льнувшихъ къ аристократіи — это или чиновники, добившіеся значительнаго положенія, несмотря на свое чешское происхожденіе, или служащіе въ дворянскихъ и различныхъ управленіяхъ, сосредоточенныхъ въ Прагѣ. Но группа эта

была не велика, а съ ростомъ національнаго сознанія отъ нея отпадало все больше и больше членовъ, примыкавшихъ къ народному движенію какъ по убѣжденію, такъ и изъ опасенія, что народъ можетъ выиграть и потомъ выбросить ихъ за бортъ. Особенно это было замѣтно въ бурное время между 1847 и 49 годами; прошедшіе потомъ годы реакціи успокоили людей такого сорта, но полного возврата къ старому въ самой Прагѣ уже не могло быть.

Въ этомъ мы видимъ одно изъ проявленій чешской мѣщанской традиціи, которая, получивъ свое національное оформленіе въ предмартовскую эпоху, идетъ черезъ все 19-ое столѣтіе, чтобы во время міровой войны осуществить себя полностью. Если нѣкоторые теченія, изъ своего рода снобизма въ общественной жизни и политикѣ, пытаются доказать, что у чешскаго народа прервана традиція, или что ему не хватаетъ аристократическаго элемента для равноправнаго вхожденія въ общество иныхъ европейскихъ народовъ, то имъ можно спокойно возразить, что у cadaго народа своя традиція и что у чеховъ ея вполнѣ достаточно для пріобрѣтенія уваженія сосѣдей. Правда, дворянскія имена красуются въ роли основателей музеевъ и различныхъ научныхъ обществъ, но при этомъ дворяне выполняли лишь функцію, подсказываемую мѣщанствомъ. Въ Австріи, государствѣ не только аристократическомъ, но и тѣ времена и въ значительной степени феодальнойномъ, фактически всякій общественный починъ долженъ былъ исходить отъ дворянства, иначе ему не давалась высшая санкція; по-

этому каждый проектъ, исходящій изъ мѣщанскихъ круговъ, долженъ былъ быть завернутъ въ золотую бумажку аристократическихъ именъ. Если планъ осуществлялся, то фактическими работниками являлись потомъ дѣти среднихъ круговъ. О томъ же свидѣтельствуетъ намъ литература и искусство, гдѣ просто нѣтъ дворянскихъ именъ; стихи, рассказы, картинки, подѣ которыми мы находимъ титулованныя подписи, принадлежатъ милымъ, искуснымъ, но все же дилетантскимъ рукамъ. Зато крупныя имена, будь то Палацкій, Маха, Ганка, Махэкъ, Челаковскій или Манесь и Тыль, крѣпко связаны съ третьимъ сословіемъ, у котораго все больше развивается сознаніе своего значенія и той роли, которую ему суждено играть. Всѣ эти крѣпкіе, здоровые мѣщане — адвокаты, доктора, торговцы и ремесленники основывали плодотворные и работающіе роды, которымъ нужны были патрицианскія, чистыя, обширныя и, по понятіямъ того времени, удобныя гнѣзда. Дворянская барочная и рококовая культура имъ была чужда, они ее еще уважали по привычкѣ, но для себя, для домашняго употребленія, они хотѣли нѣчто совсѣмъ иное, болѣе уютное, простое и понятное. Они хотѣли ходить въ театръ и читать книги, при которыхъ не нужно ломать голову надъ нѣмецкимъ языкомъ и въ которыхъ бы были близкія и понятныя чувства. Классическая живопись и скульптура были имъ милы по столыку, поскольку онѣ отображали народную исторію, но портреты, мелкій пейзажъ и жанръ, вотъ чѣмъ они украшали свой домъ. Таковы же были ихъ жиз-

ценная философия и этика, которые руководили всеми их действиями мелкими и крупными, создавая своеобразную и строгую атмосферу чисто мѣшанской Праги.

Две основные группы пражского предмартовского общества — чешская и нѣмецкая, с течением времени все больше расходятся. Если в начале столѣтій острая национальная вражда еще не было, то к 48 году чешский лагерь ясно сознал потребность освободиться от нѣмецкой опеки во всех областях жизни.

В будничной жизни, конечно, особых трений не было, слишком близко жили нѣмцы с чехами и слишком тѣсно переплетались их мелкие домашние и торговые интересы. Но стоило лишь выйти из этого круга, как сейчас же происходили столкновения. Для характеристики нѣмецких взглядов, не безинтересен романъ Леогардъ - Лизеръ, изданный под псевдонимомъ и называющийся «Geheimnisse aus der vornehmen Welt». Писательница хорошо знакома с пражской жизнью 30-х годовъ, поэтому тирада, вложенная ею в уста Меттерниха, можетъ смѣло быть принята за мнѣніе хотя бы известной части пражскихъ нѣмцевъ того времени. Меттернихъ говоритъ въ назиданіе чешскому патриоту и мечтателю: «Чехи слишкомъ незначительны по своему количеству, средствамъ и образованию, чтобы они когда-нибудь могли стать независимыми отъ нѣмцевъ и отъ Австріи. Но если бы даже Чехія имѣла своего собственного короля, свой собственный языкъ, то она все-же не достаточно велика и населена, чтобы

утвердиться, какъ самостоятельное государство между остальными странами Европы, въ самомъ сердцѣ Германіи. Остальные націи никогда не будутъ ради Чехии учиться по-чешски, употребленіе народнаго языка затруднило бы Чехіи торговлю съ границей, ея литература никогда не поднимется на значительную высоту. Если ужъ страна однажды потеряла свою независимость, то она должна научиться вести себя какъ провинція».

Понятно, что такія чувства должны были вызывать у чеховъ отъѣтное отношеніе, обострить національное самосознаніе и гордость. Большинство произведеній Тыла, построенныхъ на личномъ конфликтѣ чешскаго и нѣмецкаго духа, въ борьбѣ этихъ двухъ стихій, являются прямымъ отъѣтомъ на такого рода нѣмецкое мышленіе.

Для полноты картины, среди элементовъ пражскаго населенія, необходимо упомянуть еще объ евреяхъ, количество которыхъ значительно уже со среднихъ вѣковъ, когда они были заперты въ своемъ гетто, окруженномъ цѣпями. Въ предмартовскую эпоху большинство евреевъ жило, въ такъ называемомъ еврейскомъ городѣ, возникшемъ на мѣстѣ прежняго гетто. Тамъ же былъ и знаменитый «Тандельсмарктъ», толкучка, гдѣ можно было все купить и все продать. Но, конечно, здѣсь были лишь низшіе круги и бѣдность, въ то время какъ изъ среды пражскаго еврейства выходили также крупные богачи, фабриканты и банкиры, которые достигали при помощи денегъ дворянства и даже баронскихъ и высшихъ титуловъ. Какой-либо

особой ненависти у чешского общества къ евреямъ не было. Однако, когда въ 1848 г. начались волненія, то безотвѣтственные элементы бросились громить толкучку; порядокъ былъ водворенъ довольно скоро при помощи національной гвардіи и добровольной полиціи.

Наконецъ, послѣдней инородной значительной группой въ Прагѣ были итальянцы, жившіе здѣсь постоянно. Это были или пѣвцы и музыканты, или владѣльцы гастрономическихъ и винныхъ предприятий, которыхъ было разбросано множество по Старому городу и Малой Странѣ. Жили они сплоченной группой, но не чуждались и чешскаго общества, равнаго по образованію и матеріальному положенію, почему познало много смѣшанныхъ браковъ. Была у нихъ своя излюбленная винарна на Іезуитской улицѣ, гдѣ пили лишь красное итальянское вино и громко развлекались, что немало удивляло сдержанныхъ чеховъ и шокировало накрахмленныхъ нѣмцевъ.

Помимо этихъ постоянныхъ составныхъ частей въ пражскомъ обществѣ былъ и случайный элементъ, который мѣнялся въ зависимости отъ политическихъ событій въ остальной Европѣ. Это — всякаго рода эмиграція, которая искала убѣжища въ Прагѣ. Прага въ теченіе многихъ десятилѣтій была пунктомъ, куда стремились революціонеры и эмигранты различныхъ толковъ. Въ Градѣ на протяженіи какихъ-нибудь 20 лѣтъ побывали, правда въ различныхъ условіяхъ, изгнанный французскій король Карлъ и пойманный русскій революціонеръ Михаилъ Бакунинъ; первый то-

сковалъ въ отведенныхъ для него апартаментахъ замка, второй томился въ тюрьмѣ, изъ которой неудачно пытался бѣжать. И тотъ и другой оставили мало слѣдовъ въ широкомъ пражскомъ обществѣ; Карлъ жилъ уединенно, встрѣчался лишь съ нѣсколькими аристократическими семьями, такъ что народъ видѣлъ его только при рѣдкихъ прогулкахъ. Небольшой дворъ и тѣсный его семейный кругъ тоже не входилъ въ сношенія съ чехами, отъ которыхъ они были отгорожены незнаніемъ языка. Жизнь Чехіи и Праги мало интересовала весь этотъ кругъ людей, жившій династическими и придворными интересами и вопросами реставраціи. Впрочемъ и такой, казалось бы, тонкій наблюдатель, какъ Шатобрианъ, тоже прошелъ съ закрытыми глазами передъ красотами Праги и ея жизнью; въ его воспоминаніяхъ мы находимъ всего нѣсколько строкъ, указывающихъ на то, что онъ дважды посетилъ столицу Чехіи.

Единственнымъ человѣкомъ, такъ или иначе вошедшимъ въ пражскую жизнь, былъ французскій ученый Барандъ, который дѣлалъ раскопки вблизи Праги и пожертвовалъ свое рѣдкое собраніе окаменѣлостей въ тогда еще молодой музей королевства чешскаго. Его знали ученые, съ которыми онъ встрѣчался, его зналъ и простой народъ, помогавшій ему при работѣ и носившій ему разные забавные «каменки». Память о Барандѣ, умершемъ нищимъ и полуголоднымъ, сохранилась хотя бы въ названіи скалы, на которой онъ работалъ съ такимъ самозабвеніемъ.

Около 1805 г. въ Прагу прибы-

ли, лица приюта, принцъ Г. Роганъ, маркизъ Фавръ и уже очень пожилой принцъ де Линь. Очень интересной фигурой, возбуждавшей любопытство пражанъ, былъ позднѣе знаменитый министръ полиціи Фушэ. И въ изгнаніи онъ не переставалъ плести паутину своихъ козней; отъ него остался шифрованный ключъ, при помощи котораго онъ велъ свою тайную переписку. Однако, никакія предосторожности не спасли его самого отъ домашняго заговора, — его молодая жена покинула его тайно съ болѣе интереснымъ обожателемъ. Старому министру не оставалось ничего, кромѣ одинокихъ прогулокъ въ компаніи страшнаго бульдога по берегу Влтавы, гдѣ онъ время отъ времени встрѣчался и молча раскладывался съ чешскимъ бобылемъ — рыцаремъ Еникомъ изъ Братржицъ.

М. Бакунинъ по себѣ такой памяти, какъ, напримѣръ, Барандъ, у насъ не оставилъ, хотя то здѣсь, то тамъ, въ семейныхъ воспоминаніяхъ, передаваемыхъ по традиціи изъ поколѣнія въ поколѣніе, и всплываетъ его имя; у однихъ, по преданію, онъ ночевалъ, другіе хранятъ какую-то таинственную цѣпь, которую носилъ этотъ революціонеръ по призванію. Доподлинно извѣстно, что онъ жилъ въ гостиницѣ «У Синой Звѣзды»; за послѣднее время установлена почти полностью его дѣятельность на сѣздѣ, а также на баррикадахъ и въ военномъ соитѣіи съ Клементинумѣ. На славянскомъ сѣздѣ его взгляды были непріемлемы, тамъ тожь задавалъ Ф. Палацкій, за которымъшло большинство, такъ что пути къ чешской интеллигенціи были

для него закрыты: Сблизиться съ Бакунинымъ могли лишь крайніе элементы и молодые фантазеры типа Фрича. Съ другой стороны, массамъ, принявшимъ участіе въ возстаніи, теоретическая сторона дѣятельности М. Бакунина должна была быть довольно чужда и непонятна, его міровые проекты должны были казаться несбыточными, лишними и чуждыми. Слѣды пребывания М. Бакунина, уже послѣ революціи, въ тюрьмѣ св. Георгія на Градчанахъ мы однако находимъ не только въ полицейскихъ и судебныхъ актахъ, но и въ городской молвіѣ тѣхъ лѣтъ. Случайно совпали два факта, между которыми непременно хотѣли видѣть связь: на углахъ улицъ появились плакаты, въ которыхъ демократы грозили принять радикальнѣе мѣры, если не будетъ выпущенъ Михаилъ Бакунинъ; въ то же время подъ Градомъ начались таинственные стуки, породившіе легенду о тайныхъ подземныхъ переходахъ, о нѣмецкихъ революціонерахъ, которые прѣѣхали специально спасать Бакунина и пр. Былъ устроенъ генеральный осмотръ, при которомъ нашли подъ замкомъ неизвѣстныя доселѣ канализационныя трубы и сводчатое помѣщеніе. Черезъ нѣкоторое время стуки прекратились. Связь между неудачной попыткой побѣга М. Бакунина и этими таинственными звуками, такъ и не была выяснена.

Совершенно иной характеръ носила нѣмецкая эмиграція, которая образовалась въ Прагѣ во время Наполеоновскихъ войнъ. Она состояла по преимуществу изъ свободомыслящихъ интеллигентовъ и писателей, которые принесли изъ

Германиі какъ патриотическія идеи, такъ и романтическія настроенія. Личное общеніе, облегченное тѣмъ, что обѣ стороны владѣли нѣмецкимъ языкомъ, должно было дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ журналы и книги, несмотря на то, что они шли въ Чехію легально и нелегально въ большомъ количествѣ. Само собою разумѣется, что имперскіе нѣмцы въ первую очередь сблизжались и встрѣчались съ нѣмцами же пражскими, но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это были люди живые, то кругъ ихъ знакомствъ расширился и на чеховъ. Не слѣдуетъ также забывать, что періодъ Наполеоновскихъ войнъ принадлежитъ еще къ той полосѣ, когда національный и языковой раздоръ почти еще не намѣчался: тогда обѣ національности дружно защищали свою землю, свою «Богемію», сынами которой обѣ себя чувствовали.

Первымъ путникомъ, пришедшимъ изъ Германіи въ Прагу, былъ Фридрихъ Генцъ, горѣвшій единственной страстью — мечтой освободить родину; здѣсь онъ пишетъ свои «Пражскія письма». За нимъ слѣдомъ прибываетъ Гнейзенау, мечтающій въ чужомъ городѣ сформировать идеальные «прусскіе легіоны». За ними, въ поискахъ убѣжища, идутъ черезъ границы уже цѣлыя толпы эмигрантовъ; тутъ и короли, и поэты, и военные, которые хотятъ служить подъ австрійскими знаменами, лишь бы воевать съ «тираномъ»; черезъ нѣкоторое время они снова перемѣняютъ форму и знамена и перейдутъ въ русскую армію, такъ какъ Россія останется единственной страной

на материкѣ, непокоренной и не занятой французской арміей. Въ 1809 г. попадаютъ въ Прагу курфюрстъ Гессенскій, Дальманъ и Клейстъ, потомъ Варнгагенъ фонъ Энзэ; годомъ позднѣе пріѣзжаетъ К. фонъ Штейнъ, еще позднѣе Шенкендорфъ, Эйхендорфъ, Brentano, Тикъ, З. Вернеръ.

Несмотря ни на войну, ни на печальное положеніе эмигрантовъ, поэты и писатели не переставали творить, образовывать литературные кружки и строить литературные планы. Среди мѣстной аристократіи они нашли много друзей и литературныхъ почитателей, въ салонахъ которыхъ они появлялись и блистали; среди нихъ слѣдуетъ упомянуть графа Штернберга, князей Туна, Ностица, Чернина, Коловрата, Вртбу, Лобковица. Менѣе аристократическимъ, но не менѣе эlegantнымъ былъ салонъ пражскаго театральнаго директора Либиха, въ которомъ появлялись культурные сливки общества: здѣсь могли встрѣтиться Меттернихъ съ Веберомъ, а Варнгагенъ съ Рахилью Робертъ, которая позднѣе стала его женой. Все это кончается съ заключеніемъ мира послѣ битвы у Лейпцига. Эмигранты возвращаются домой, оставивъ по себѣ въ Прагѣ память, обвѣянную нѣкой дымкой романтики.

Но была еще одна эмиграція, которая вошла въ чешское общество гораздо глубже, чѣмъ уже упомянутыя, навстрѣчу которой летѣли симпатіи чешскаго народа. Это была польская эмиграція, образовавшаяся въ Прагѣ послѣ возстанія 1831 года. Настроеніе массъ лучше всего характеризуютъ созданныя тогда, но udržавшіяся слишкомъ длительно

дцать лѣтъ пѣсни. Одна изъ нихъ, текстъ которой приписывался въ свое время самому Юнгману и которая пѣлась на мотивъ популярной и революціонной «Нѣмой изъ Портичи», содержитъ слѣдующій стихъ:

«Вотъ храбрая начала Варшава.
Слѣши, Прага, и слѣдуй за ней!»

Другая опредѣляетъ отношеніе не только къ возставшей Польшѣ, но и къ Россіи, къ которой чехи въ свою очередь питали значительныя симпатіи. Въ ней высказываются тѣ же идеи, которыя потомъ проявились и на слѣдствіе 48 года, когда, не отрицая своихъ симпатій къ русскому народу, чехи опредѣленно протестовали противъ какихъ бы то ни было политическихъ присоединеній и объединеній съ російской монархіей. Пѣлась также видоизмѣненная повстанческая пѣсня: «Еще Польша не згинела», которая въ переработкѣ звучала какъ «Гей словаки», а потомъ и какъ «Гей славяне» и осталась до нашихъ дней. Іосифъ Фричъ говоритъ, что кромѣ пѣсень были въ то время популярны и портреты Костюшки и графини Платровой, ставшей знаменитой своей храбростью во время возстанія.

Пражское общество, особенно молодежь, горячо сочувствуетъ польскому освободительному движению, а потомъ и самому возстанію. В. Шульцъ въ одномъ изъ своихъ произведеній такъ характеризуетъ то, что связывало передовыхъ чеховъ съ поляками вообще и бѣглецами, ищущими убѣжища, особенно: «Страданіе къ полякамъ, поработаннымъ снова послѣ несчастна-

го возстанія 1830-31 гг., было какъ-то естественно для каждого пылкаго сердца. Кромѣ того насъ влекла къ полякамъ ихъ прекрасная, богатая литература». Дѣйствительно, въ это время, пожалуй, какъ никогда, читають и переводятъ польскихъ писателей и поэтому: достаточно указать хотя бы на имена Челаковского, Махи, Эрбена и того-же Шульца, которые связаны съ польской литературой какъ переводчики, и какъ самостоятельные писатели. Симпатіи къ полякамъ выражались не только въ помощи бѣглецамъ, но вступленіемъ чешскихъ студентовъ въ ряды польской арміи, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ достигли довольно высокихъ офицерскихъ чиновъ.

Часть польской эмиграціи ссылалась въ Прагу или сама выбирала ее мѣстомъ своего изгнанія, другая скрывалась здѣсь только временно, отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ ночей, на своемъ пути въ Парижъ. Къ первымъ принадлежитъ ген. Скънецкій, извѣстный всей Прагѣ, несмотря на то, что изъ-за бдительнаго полицейскаго надзора ему не было возможно вступить въ сколько нибудь открытое общеніе съ обществомъ; это, однако, не помѣшало ему бѣжать въ Бельгію, что не могло, конечно, произойти безъ помощи мѣстныхъ жителей.

Имена остальныхъ поляковъ, которые обычно появлялись съ рекомендательными письмами въ условленныхъ квартирахъ ночью, гдѣ отдыхали, получали пищу, а часто и одежду, почти или совсѣмъ неизвѣстны; это была та лавина бѣглецовъ, которой было необходимо помочь, но гдѣ ин-

дивидуальности стирались. Фричъ говоритъ: «Нѣкоторое время послѣ отъѣзда Скъшынецкаго въ Прагъ появлялись довольно часто отдѣльные поляки, которыхъ близкія намъ семьи охотно скрѣвали и всячески имъ помогали». Извѣстно, что особенно энергично въ этомъ отношеніи дѣйствовала поэтъ Маха и его мать, которая готовила для польскихъ бѣглецовъ и собирала въ ихъ пользу платье и деньги; все это отвозилось тайкомъ на окраину города, въ условленную квартиру. Изъ писемъ же Махи мы узнаемъ и имена еще нѣсколькихъ польскихъ эмигрантовъ,

такъ, напримѣръ, Палемборга, барона Лариша, у котораго поэтъ бралъ уроки польскаго языка и др.

Общеніе съ иностранцами происходило соответственно классамъ и сословіямъ, у каждой общественной группы были свои предпочтенія. Аристократія льнула къ высокопоставленнымъ французскимъ изгнанникамъ, литературный и научный миръ общался съ нѣмцами, итальянцы вошли въ купеческіе круги, а поляки были связаны больше всего съ мѣщанствомъ и новой, молодой и романтической интеллигенціей.

Н. Мельникова-Папоушкова.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Ропшинъ (Б. Савинковъ). Книга стиховъ. Парижъ, 1931.

«Тому, кто не ищетъ въ стихахъ только эстетическаго наслажденія, книга Ропшина дастъ больше: она можетъ открыть ему новое о душѣ человѣка, о трагедіи жизни — и смерти». Такими словами заканчивается предисловіе къ недавно изданной книгѣ стиховъ покойнаго Савинкова. Такимъ словамъ можно бы и не удивляться, если бы не стояла подъ ними подпись З. Гиппиусъ. Подпись, однако, стоитъ — приходится удивляться. Спора нѣтъ, что только очень наивные люди могутъ искать въ стихахъ «только эстетическое наслажденіе». Столь же безспорно, что въ стихахъ можно находить «новое о душѣ человѣка, о трагедіи жизни и смерти»: я бы даже рѣшился замѣтить, что это — общее мѣсто, ибо **всѣ** стихи говорятъ или порываются сказать именно о душѣ человѣка, о жизни и смерти. Но вѣдь столь же безспорно и то, что стихи, не доставляющіе «эстетическаго наслажденія», стихи эстетически порочные, представляютъ собою явленіе въ поэтическомъ смыслѣ отрицательное. Въ лучшемъ случаѣ ихъ можно разсматривать, какъ рифмованный человѣчскій документъ, но и тутъ возникаетъ вопросъ: понижается или повышается цѣнность документа отъ того, что онъ изложенъ не прозою, а плохими стихами? Я, конечно, имѣю въ виду оцѣнку не съ точки зрѣнія искренности (тутъ стихотворная форма ничего не прибавляетъ и ничего не убавляетъ) — а со стороны значительности. И думаю, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ: человѣчскій документъ, изложенный въ формѣ плохихъ стиховъ, неизбежно утрачиваетъ свою внутреннюю значительность. И это не потому, что столь сильно дѣйствіе дурнаго литературнаго стиля, но потому, что невозможно себя представить замѣчательнаго человѣка, предающагося писанію плохихъ стиховъ. Весьма возможно быть замѣчательной личностью и не писать стиховъ вовсе. Но быть замѣчательной личностью и писать жиденькіе стишки — невозможно.

Драматическая коллизія, возникающая въ душѣ Савинкова, сама по себѣ трагична въ смыслѣ религиозномъ и философскомъ. Она къ тому же несетъ въ себѣ сѣмена глубокихъ и сложныхъ психологическихъ переживаній. Она отчасти соприкасается съ трагедіей Раскольниковова — это трагедія идейнаго убійцы. Изъ исторіи Раскольниковова Достоевскій сдѣлалъ великое произведеніе. Изъ драмы Савинкова та же З. Н. Гиппиусъ въ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ статьяхъ о немъ

сумѣла создать нѣчто во всякомъ случаѣ значительное. Но вотъ теперь намъ показали душевную драму Савинкова не въ обработкѣ ея интерпретаторовъ, а въ подлинныхъ документахъ, въ стихотворныхъ признаніяхъ самого Савинкова, и приходится сожалѣть объ этомъ: подлинный Савинковъ оказывается во много разъ мельче легендарнаго.

Искусство возникаетъ отчасти изъ чувства и къ чувству отчасти обращено: въ этомъ, смыслѣ оно человѣчно. Однако, чувство подчинено въ немъ особымъ, вполне автономнымъ законамъ, которыми оно перерабатывается, преобразуется, очищается отъ слишкомъ человѣческаго и поднимается на иную ступень, гдѣ становится уже не человѣчно, а демонично (въ античномъ смыслѣ этого слова). Демонизмъ и лежитъ въ основѣ искусства, какъ начало, художественно устрояющее хаосъ чувствъ, какъ мастерство, подчиняющее переживаніе человѣка нечеловѣческому опыту художника. Такимъ образомъ, путь, ведущій отъ человѣческаго документа (исповѣди, дневника) къ искусству — демониченъ. На этомъ пути правда исповѣди или дневника претерпѣваетъ глубокія измѣненія, пока не станетъ правдой художественной. И дѣло вовсе не въ томъ, что выше: правда жизни или правда искусства? Дѣло въ томъ, что онѣ не совпадаютъ.

Отъ художника мы не только въ правѣ, но мы обязаны требовать правды художественной, которая достигается только въ глубокомъ, творческомъ сліяніи формы съ содержаніемъ, въ ихъ взаимномъ соподчиненіи, въ равномъ овладѣніи тѣмъ и другимъ. Человѣческій документъ, проскандированный въ случайномъ метрѣ и уснащенный привѣшенными къ нему рифмами, имѣетъ несчастіе не только не превращаться въ нѣчто художественно оправданное, но и утрачивать значительную часть своей правды человѣчески-документальной. Именно это произошло съ Савинковымъ, когда свои чувства и мысли помощью наивнѣйшихъ, совершенно внѣшнихъ, а часто и безпомощныхъ стихотворныхъ приѣмовъ пытался превратить въ поэзію. Бѣда здѣсь не въ томъ, что онъ низвелъ творчество до документа: творчества здѣсь и вообще не было. Бѣда въ томъ, что онъ испортилъ документъ, пытаясь его украсить, лишая его той первоначальной правды, которая одна могла бы оправдать его трудъ. вмѣсто хорошаго дневника онъ сдѣлалъ плохіе стихи. Это было бы художественнымъ кощунствомъ, если бы не было хуже — наивностью. Тутъ-то и возвращаемся мы къ тому съ чего начали: трудно полѣрить въ значительность человѣка, способнаго на такую наивность.

З. Н. Гиппіусъ находитъ, что если стихи Савинкова «несовершенны» (опредѣленіе слишкомъ мягкое), то это не важно. Напротивъ, — важно до чрезвычайности. Представьте себѣ рисунокъ: домикъ съ тремя окошечками, съ трубой, изъ окошекъ и изъ трубы спиралями валитъ дымъ: рисунокъ изображаетъ пожаръ. Для дѣтской тетради — мило. Но если окажется, что это — художественная исповѣдь Герострата, если тутъ выражена его душа, — то что же сказать о Геростратѣ? Савинковъ-поэтъ компрометируетъ, Савинкова-политическаго дѣятеля. Претенціозная, но безвкусная, непринужденная, но неопыт-

ная форма его стиховъ (разумѣю метрику, инструментовку, словарь и т. д.) соответствуетъ содержанію: тутъ трагедія террориста низведена до истерии средняго неудачника.

Нельзя сказать, что эта трагедія Савинковымъ не сознаана. Но сознавъ ее и поставивъ передъ собой, какъ проблему, Савинковъ тотчасъ ея пугается. Нѣтъ высшей радости, нежели переживаніе трагедіи во всей ея глубинѣ и полнотѣ: но этого Савинковъ принять не въ силахъ. Его страданіе несомнѣнно, но это не трагическое страданіе. Создавъ для себя ситуацию трагическаго героя, Савинковъ тотчасъ ея пугается и отказывается пережить ее должнымъ образомъ. Опъ мучительно ищетъ личнаго благополучія. Въ бурѣ онъ хочетъ найти покой, даже просто какой-то житейски-любовный уютъ. Жалобами на отсутствіе такого уюта полны его стихи, это одна изъ основныхъ его темъ, то звучащая явно, то подспудно. Именно ею зачеркнута вся трагедія. Именно о Савинковѣ можно сказать словами поэта:

Но передъ нимъ туда навѣкъ закрыта дверь,
Гдѣ радость теплится страданья.

Какъ провинціальны его стихи, порой напоминающіе худшія страницы Леонида Андреева, такъ и душевная его драма сводится къ изліяніямъ на провинціальную тему «Пожалѣй ты меня, дорогая». По челоуѣчеству его, разумѣется, очень жаль. Но слишкомъ челоуѣческое оказывается нетрагично въ трагедіи и... непоэтично въ поэзіи.

Владиславъ Ходасевичъ.

Вл. Смоленскій. Закатъ. Парижъ, 1931.

Въ послѣднее время все чаще появляются поэты, которыхъ столь же пріятно читать, какъ трудно о нихъ писать. Это не потому, что ихъ поэзію приходится расшифровывать; писаніе ребусами, усвоенное символистами, уже, по счастью, выходитъ изъ моды и поэты, по-видимому, сообразили, что то, чего добивались символисты, можетъ быть достигнуто — и въ большей степени — и безъ ребусовъ. Прямой смыслъ стиховъ новыхъ поэтовъ, въ большинствѣ случаевъ, понятенъ сразу, не требуетъ никакихъ толкованій; тѣмъ болѣе, что выражается онъ безъ какихъ бы то ни было словесныхъ «украшеній», словами, употребленными въ ихъ обыденномъ значеніи; если же и употребляются «образы», то ихъ столь немного, такъ часты ихъ повторенія — и при томъ у нѣсколькихъ поэтовъ сразу, — что они уже воспринимаются не какъ «образы», а какъ просто слова нѣкаго поэтического «кода». Но смыслъ этотъ такъ бѣденъ, такъ элементаренъ, что нельзя не задаться вопросомъ: почему же собственно «смыслъ» такого рода можетъ стать основой поэтическаго произведенія, которое никакъ-никакъ относится къ области словеснаго искусства, т. е. казалось-бы такого, гдѣ должно-же быть какое-то соотвѣтствіе между

художественной цѣнностью и качествомъ мысли? А между тѣмъ фактъ на лицо: стихотвореніе отнюдь не «заумно», не претендуетъ на «сверхъ-разумность», мысль его, высказанная самымъ обыкновеннымъ способомъ, элементарна до крайности, — и въ то-же время въ этомъ стихотвореніи есть очарованіе несомнѣнное, неотразимое и необъяснимое; есть въ немъ какой-то таинственный второй планъ — тотъ элементъ, который Анри Бремонтъ называетъ «чистой поэзіей». Самымъ характернымъ представителемъ этой поэзіи мнѣ кажется Г. Ивановъ, — и на примѣрѣ его всего отчетливѣе выясняется связь между ея «содержаніемъ» и ея качествомъ «чистой» поэзіи. Содержаніе, смыслъ здѣсь сводятся къ своего рода внутренне-противорѣчивому «утвержденію Ничего». Но именно это своеобразное «утвержденіе» (есть Ничего) и является, если оно приобрѣло характеръ твердаго убѣжденія, переживаніемъ нѣкоторой мучительной, тайны, источникомъ душевной тревоги, порождающей «лирическое волненіе» не менѣе интенсивное и само по себѣ не менѣе содержательное, нежели то, которое сопутствуетъ самымъ значительнымъ и сложнымъ размышленіямъ. Болѣе того: мысль, породившая это волненіе, во-первыхъ, такого сорта, что, разъ ужъ она человѣку навязалась, его волненіе не можетъ не быть максимально-интенсивнымъ; во-вторыхъ, въ силу своей элементарности, она не въ силахъ препятствовать «свободному проявленію» лирическаго волненія, поэтъ воленъ творить «какъ во снѣ»: мысль его такова, что можетъ развиваться внѣ законовъ логики, ибо она алогична. Слишкомъ понятно, почему настроеніе, лежащее въ основѣ такой поэзіи, захватываетъ сейчасъ какъ разъ наиболѣе одаренныхъ и чуткихъ людей. Мнѣ кажется, что Вл. Смоленскій принадлежитъ къ ихъ числу, т. е. что его стихи на тему объ одиноществѣ, о «Ничего» — не уступка модѣ, а подлинная поэзія. Нѣкоторыя его стихотворенія чрезвычайно напоминаютъ Г. Иванова, но это какъ разъ свидѣтельствуетъ о наличности творческаго дара: произведенія учениковъ, копировавшихся никогда не бываютъ похожи на оригиналы; похожи въ нихъ бываютъ только отдѣльныя части. Въ общемъ поэзія Смоленскаго лишена ядовитой сладости поэзіи Г. Иванова, она суше, чуть-чуть разсудочнѣе, сдержаннѣе. Все-же элементъ «чистой поэзіи», «музыки» въ его стихахъ наличествуетъ всегда, въ однихъ больше, въ другихъ меньше. Позволю себѣ одно замѣчаніе: въ послѣднемъ стихотвореніи Сборника (Звѣзды, одиночество, стихи) со- стихи рифмуется тихи. Это — беззаконіе.

П. Бицилли.

Ирина Кноррингъ. Стихи о себѣ. Парижъ. 1931.

Стихи Ирины Кноррингъ написаны съ подкупающей правдивостью. Видно, что они писались не для читателя, а для себя, какъ пишутъ дневникъ. Они и являются дневникомъ женской души, знавшей много боли, прошедшей черезъ горькія испытанія эмиграціи. Эмиграція, горечь изгнанья — главная тема Ирины Кноррингъ. Она говоритъ о «надломлен-

ныхъ» силахъ и «безполезныхъ» годахъ, о своей «надломленной судьбѣ». Ея эпитеты — «убогая» память, «плодлый» мѣръ, «нудный» споръ. Даже счастье она называетъ «безрадостнымъ».

Я никогда не понимала страсти,
Благихъ чудесъ на свѣтѣ не ждала.
И самаго безрадостнаго счастья
Я никому съ собой не принесла.

Даже собственное имя представляется ей «невеселымъ» — («Съ невеселымъ именемъ Ирина»... совсѣмъ ахматовская строка!). У Ирины Кноррингъ есть дарованіе, но задание ея — съ предѣльной искренностью рассказать о безрадостной жизни въ изгнаніи — чрезвычайно трудна. Какъ претворить въ искусство эту боль и грусть? Какъ, при полной правдивости, преодолѣть и преобразить чувство безнадежности и унынія, которое владѣетъ молодой поэтессой?

М. Цетлинъ.

Н. А. Тэффи. «Авантюрный романъ». Изд. Возрожденіе, 1932.

Парижъ и русскіе въ немъ — вотъ мѣсто дѣйствія и персонажи новаго романа Тэффи. Изъ «эмигрантской» жизни много уже написано, въ большинствѣ, правда, лубочно-бульварно, но появляются и произведенія настоящей литературы (чѣмъ больше мы проживемъ здѣсь, тѣмъ больше и больше писатели наши будутъ электризоваться здѣшней средой, отъ нея получать заряды. Это естественно. Однимъ «воплощеніемъ» не проживешь).

«Авантюрный романъ» именно къ настоящей то литературѣ и принадлежитъ. Размѣромъ онъ не великъ. Написанъ мелкими, острыми, всегда живыми, иногда колкими, никогда не вялыми Тэффиными фразами. Самое тѣло этого произведенія изящно. То блеснетъ, то взволнуетъ, то вызоветъ улыбку печальный, и нѣсколько сомнамбулическій романъ русской манекенши (коммерческой псевдонимъ «Наташа») съ парижскимъ дансеромъ и авантюристомъ. Свѣжо, остро чувствуетъ себя авторъ въ нѣсколько новой формѣ. Занятно ему краткими, легучими чертами изображать и Гастона («бѣлокурый, сѣроглазый, съ пухлыми щеками и надутой верхней губой, какъ у дѣтей, когда они что-нибудь очень внимательно дѣлаютъ»), и Наташу, и двусмысленную баронессу Вирхъ («Любаша» — куртизанка высокога полета), и милыхъ танцовщицъ «Шура Мура» — но внутреннее ядро романа не въ этомъ. Можетъ быть, и всегда въ искусствѣ такъ. Кромѣ видимыхъ обликовъ, драмъ, столкновеній, есть нѣчто за сценой, трудно-рассказуемое, и обычно для автора самое дорогое. Этого второй планъ искусства очень силенъ въ «Авантюрномъ романѣ» — кстати, удачно подчеркивается разница между названіемъ, какъ будто указывающимъ на совершенно внѣшнее — и этимъ тягостнымъ, выдреннымъ въ самую сердцевину «внутреннимъ».

Тайна, и одиночество въ любви — мало объ этомъ говорится въ книгѣ Тэффи (слова вообще упрощаютъ), но горестный ядъ чувствъ этихъ сочтенъ изъ романа, давая ему особую атмосферу. Дѣйствительный романъ Наташи есть ужъ нѣкоторый кошмаръ: какъ кошмаръ переживаетъ она, свою жизнь, любовь къ Гастону, отъ котораго оторваться не можетъ, но въ которомъ смутно, какъ бы въ сонномъ предчувствіи, ошущаетъ тьму и гибель. (онъ оказывается убійцей). Это видѣніе «какъ бы во снѣ» особенно нарастаетъ во второй части. Страннымъ образомъ весь колоритъ повѣствованія и вся его «душа» напоминаютъ здѣсь «Сонъ» Тургенева — одинъ изъ загадочнѣйшихъ, самыхъ фантастичныхъ его рассказовъ.

Да, «Авантюрный романъ» волнуетъ не по авантюрому! Сквозь всю занимательность, живость и блескъ разсказа (обычныя черты Тэффи), вводятъ онъ въ иную область — очень властно и настойчиво завлекаетъ. Небольшая книга овладѣваетъ читателемъ, какъ-бы завораживаетъ его. Жизненному кошмару послѣдняя страница даетъ нѣкое разрѣшеніе, тоже острое, и тоже двойственное, впрочемъ, какъ и часто у Тэффи: трагически ироническое и умиленное.

...«На третій день, когда тѣло Наташи прибило къ берегу, къ рыбацкѣй сторонѣ за купальнями, море было спокойно и вечеръ, осѣненный ангельски-розовымъ крыломъ неба — благостно тихъ.

«Нашли тѣло рыбаки, спустившіеся къ берегу выправить сѣти.

«Снишка одного изъ нихъ, увидѣвъ издали приподнятую голову Наташи, маленькую въ облѣпившихъ ее короткихъ волосахъ, побѣжалъ къ дому, радостно крича:

— Мальчика поймали! Мальчика поймали!

«Этотъ серебряный дѣтскій голосокъ такъ чудесно прозвенѣлъ въ вечернемъ воздухѣ, что стоявшій на берегу толстый патеръ улыбнулся и повернулъ свое доброе лицо старой нянюшки къ молодому другу:

...«Онъ показалъ ему розовую даль, обѣщающую чудесное счастье и долго говорилъ о томъ, что день созданъ тоже по нѣкому образу и подобию, потому что рождается, живетъ и умираетъ. И что смерть сегодняшняго дня особо прекрасна, тиха и кристальна. Тихость моря и благость неба и даже мирный человѣческій трудъ — вонъ тамъ несутъ рыбаки что-то темное, должно-быть, уловъ вечерній — и серебряный радостный голосокъ ребенка...

— Чудесна смерть твоя, отходящій день!

«И такъ какъ былъ онъ не только сентиментальный поэтъ, но и священникъ, то поднявъ руки какъ-бы для благословенія, произнесъ послѣднія слова, обращаемыя на землѣ къ отходящему:

— «In manus Tuas, Domine».

«Авантюрный романъ» прекрасный успѣхъ автора — и какъ опять въ иной формѣ, и какъ произведеніе, показывающее его со стороны необычайной (для внимательнаго читателя, впрочемъ, не столь необычна она въ Тэффи — все-же выразилась здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо).

Борисъ Зайцевъ.

Ив. Шмелевъ. «Родное». Бѣлградъ. 1931.

Книгу Шмелева «Родное» назвать новой можно только условно. Единственная крупная вещь въ ней. — повѣсть «Розстани», — написана и напечатана около двадцати лѣтъ тому назадъ. Шмелевъ очевидно пожелалъ напомнить о «Розстаняхъ» читателямъ, какъ о произведеніи, имъ сейчасъ близкомъ и нужномъ. Онъ добавилъ къ повѣсти нѣскольکو рассказовъ и очерковъ. Онъ озаглавилъ всю книгу словомъ «Родное», какъ бы заранѣе говоря: «здѣсь все наше, здѣсь все свое, рас- сійское...»

Два десятилѣтія — большой срокъ. А такіа два десятилѣтія, какъ тѣ, которыя мы только что пережили — срокъ огромный. Многие изъ того, что написано было до войны, и въ обычное время могло бы жить долго, — увяло внезапно и окончательно. Многие изъ того, что представлялось мощнымъ, стало жалкимъ, что представлялось правдивымъ и прекраснымъ, оказалось пронизано фальшью. Устояла ли передъ испытаніемъ повѣсть Шмелева?

О талантѣ Шмелева никто не споритъ. Талантъ это несомнѣнный, рѣдкій, — о немъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Не только сказывается онъ въ манерѣ письма, въ исключительной, порой даже чрезмѣрной насыщенности каждой страницы образами и красками, въ исключительномъ своеобразіи интонацій, — но и въ томъ, что Гоголь опредѣлялъ какъ «духовное сіяніе слова». Однако въ пафосѣ отрицанія, въ гнѣвѣ, въ скорби Шмелевъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ умиленіи, прославленіи и любви. Читая «Солнце мертвыхъ» или даже «Про одну старуху», человекъ содрогается: какой ужасъ! — и вмѣстѣ съ писателемъ онъ хочетъ что-то измѣнить въ мірѣ, слишкомъ скудномъ и темномъ, что-то исправить въ немъ. Читая «Розстани» и вообще «Родное», спрашиваешь: только и всего?.. Патріотизмъ сейчасъ, послѣ всѣхъ русскихъ несчастій и обидъ, — «струна», на которой играть легко. Но сейчасъ, именно послѣ всѣхъ несчастій и обидъ, русскія сознанія слишкомъ встревожены, чтобы удовлетвориться однимъ только лирико-вспоминательнымъ, внѣшнимъ патріотизмомъ. Еще Волга, или весеннее, блѣдное небо надъ Москвой, или «несравненное благоуханіе полей», вообще природа — дѣйствуютъ. Но меню въ трактирѣ Тѣстова, съ «потненькимъ графинчикомъ водки» и «селяночкой на сковородочкѣ», и благополучье разбогатѣвшихъ баншиковъ Лаврухиныхъ, и устоявшій бытъ, который хорошъ только спокоествіемъ, ничѣмъ другимъ, — все это сейчасъ мертво. Да никогда это и не могло жить въ литературѣ подлинной жизнью... Эмигрантъ-ученый Кочинъ, возвращаясь на родину, на Волгу, послѣ двѣнадцатилѣтнихъ скитаній по Европѣ, бесѣдуетъ въ вагонѣ со старикомъ-купцомъ. Тотъ говоритъ, что «Волга тянется — просыпается, на работку подымается». Кочинъ приходитъ въ восторгъ:

— А вотъ французъ такъ никогда не скажетъ! Нѣтъ такой тихой шпри!

За Кочинымъ и его восторгомъ — авторъ, конечно. Не разъ уже

мы объ этой единственной «шири» слышали. Но когда Шмелевъ про-
буетъ намъ объяснить, въ чемъ она, то получается главнымъ обра-
зомъ «соляночка на скорородочкѣ» у Тѣстова, съ «простотой и чистотой,
чинностью встрѣчи и подачи, покойнымъ московскимъ тономъ,
безъ суетливости, образомъ ея тихой лампадой, воздухомъ русской
кухни, родной рѣчью, какъ музыкой». Здѣсь мы перестаемъ вѣрить
(или сочувствовать) словомъ о «шири, недоступной французамъ». Здѣсь ограниченность основной шмелевской темы почти пугаетъ, —
и заставляетъ недоумѣвать: за что онъ такъ любить Россію, если види-
тъ въ ней только это? Объ этомъ же самомъ писалъ, правда, и
Блокъ:

И на перины пуховыя
Въ тяжеломъ завалиться снѣ...
Да, и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ!

«Да, и такой!» Но у Блока была боль, тамъ, гдѣ у Шмелева — удо-
влетвореніе.

Книга Шмелева ничѣмъ не обращена ни къ будущему, ни къ на-
стоящему. Мотивъ родины, мотивъ Россіи звучитъ въ ней откровенно-
провинциально, «пассеистично», и если представить себѣ весь тепе-
решній міръ въ видѣ какого-то сложнаго оркестра, то въ него этотъ
мотивъ не влетаетъ вовсе.

Беллетристическое мастерство Шмелева многое скрашивает од-
нако. Возвращеніе старика Лаврухина въ родную деревню («Розста-
нія») рассказано и описано такъ, что отъ книги дѣйствительно «не ото-
рвешься».

Георгій Адамовичъ.

Н. Быловъ. Волчья Тропа. Парижъ, 1931.

Мнѣ кажется, что главный признакъ того, что произведеніе, при-
надлежащее къ разряду художественныхъ, является дѣйствительно
художественнымъ, — это потребность, которую оно будитъ въ насъ,
его индивидуализировать, осознать его какъ единое и, въ своемъ ро-
дѣ единственное, цѣлое. Мнѣ кажется также, что самый вѣрный путь
къ этому, это нѣкоторый критическій экспериментъ, объектомъ ко-
торого данное произведеніе можетъ служить. Экспериментъ-же этотъ
состоитъ въ томъ, что произведеніе даннаго автора позволяетъ намъ
«близить между собою произведенія двухъ или нѣсколькихъ дру-
гихъ авторовъ, открыть между послѣдними сродство, которое рань-
ше, можетъ быть, не замѣчалось. Это, разумѣется, совсѣмъ не то же
самое, что вскрыть «источники» разбираемой вещи — романа, стихо-
творенія, картины и проч. Источники — это такая же матерія худо-
жественнаго произведенія, что и сюжетъ, образы, тилы и проч. Здѣсь-
же рѣчь идетъ не о матеріи, а о формѣ — формѣ не въ смыслѣ ма-
неры, жанра, стиля и т. д., а въ смыслѣ того первичнаго переживанія,

той основной интуиции жизни, из которой художественное произведение рождается. Я не знаю, напр., было ли когда-либо подмечено сродство между Ал. Толстым и Кн. Гамсуном; — мнѣ по крайней мѣрѣ оно бросилось въ глаза впервые при чтеніи романа Былова. Опять-таки, повторяю, рѣчь идетъ не о тѣхъ, иной разъ превращающихся и, казалось-бы, другъ друга исключаящихъ влияніяхъ, какиѣ подвергается всякій художникъ, большой или малый, которыхъ слѣды можно, зная исторію соотвѣтствующаго искусства, обнаружить въ любомъ произведеніи, великомъ или ничтожномъ. Эти влияния тоже — только матерія, не — форма, не то, благодаря чему элементы матеріи слагаются въ то «недѣлимое» (individuum), каково всякое подлинное художественное произведение, въ то, что дастъ ему жизнь. Есть другія влияния, влияния не произведеній самихъ по себѣ на художника, но того, что за ними кроется. Общее здѣсь — видѣніе міра и жизни. Жизнь нелѣпа, ужасна — и прелестна; бессмысленна до смѣхотворности — и вмѣстѣ полна тайнаго, «неизъяснимаго» смысла; течетъ она тихо, такъ тихо, что мы и не замѣчаемъ ея движенія; а гдѣ-то въ тѣмной глубинѣ накаплиются какія-то силы, которыя вдругъ прорываются страшными, дикими катастрофами — и мы чувствуемъ тогда ихъ своеобразную необходимость. Авторъ, подобно Гамсуну и Ал. Толстому, словно скользитъ по гладкой поверхности жизни — этимъ обусловленъ его языкъ, легкій, ироническій, — и постепенно, рядомъ незамѣтныхъ внушеній, даетъ намъ почувствовать, что этотъ монотонный идиллическій лужокъ — бездонная трясина.

Чтобы не быть ложно понятымъ, поясню, что всѣмъ этимъ я не хочу сказать, что Н. Быловъ пишетъ «какъ Гамсунъ» и «какъ Ал. Толстой». У Н. Былова своя манера, свой языкъ, и въ этомъ онъ достигаетъ того мастерства, однимъ изъ главныхъ достоинствъ котораго мнѣ представляется то, что авторъ не злоупотребляетъ своими ресурсами и скупится на эффекты. Къ сожалѣнію, въ концѣ романа — художественный срывъ. Я имѣю въ виду сцену между Степаномъ Антоновичемъ и инокиней Соломоніей, въ которой открывается трагическая тайна ихъ отношеній. Авторъ заставляетъ Соломонію разсказывать Степану Антоновичу то, что имъ обоимъ и безъ того извѣстно, для того чтобы этимъ способомъ разъяснить дѣло читателямъ. Это приѣмъ старинныхъ театральныхъ пьесъ, условность сама по себѣ вполне допустимая; въ концѣ концовъ, всякое художественное произведение есть сплошной рядъ условностей. Но эти условности должны быть согласованы между собою, должны относиться къ одному и тому-же «стилю». А въ романѣ Н. Былова этотъ старомодный приѣмъ такъ-же неумѣстенъ, какъ было бы неумѣстно, напр., появленіе «вѣстника» или «наперсника» въ «Чайкѣ» или въ «Плодахъ Просвѣщенія». Правда, авторъ иногда очевидно намѣренно поддѣльвается подъ манеру старинныхъ романистовъ — таково, напр., удачное описаніе любительскаго спектакля, но врядъ ли въ послѣдней, ключевой сценѣ романа, онъ имѣлъ въ виду кого-то или что-то пародировать. Скорѣе автору здѣсь просто измѣнила изобрѣтательность.

П. Бицилли

Ольга Форшъ. Сумасшедшій Корабль. Ленинградъ, Изд. Писателей. 1931. 8°, 192 стр.

«Прежде чѣмъ перейти къ повѣствованію, торопимся сдѣлать оговорку: пусть читатель не ищетъ здѣсь личностей: личностей нѣтъ. Обладая достаточнымъ воображеніемъ, авторъ безчинствуетъ съ персонажами по рецепту гоголевской «невѣсты», дополняя однихъ другими, либо черты, чуть намѣченныя въ подлинникѣ, вытягиваетъ, ну, просто, въ гротескъ, либо рождаетъ цѣликомъ новыхъ гражданъ». Такъ начинается новый романъ Ольги Форшъ. Не заставляешь ли эта оговорка нѣсколько насторожиться читателя: нѣтъ ли здѣсь вправду личностей, скрытыхъ за поэтическими прикрасами? И до известной степени читатель будетъ правъ: личности есть и ихъ очень легко расшифровать каждому, кто хоть немного знаетъ обстановку литературной жизни Петербурга первыхъ лѣтъ большевизма. «Домъ Искусства», едва ли не подъ влияніемъ образа одного изъ рассказовъ Евг. Замятина («Мамай»), въ сущности и является главнымъ героемъ романа подъ именемъ «Сумасшедшаго Корабля». Легко подставить имя Блока вмѣсто Гауана, узнать Гумилева, Есенина, Сологуба, Горькаго — все эти «личности» неизбѣжно всплываютъ въ памяти при чтеніи «Сумасшедшаго Корабля». И все же Ольга Форшъ права, когда проситъ не вносить «личностей». Ибо ея произведеніе не мемуары, а художественное претвореніе писательскаго быта тѣхъ дней. И надо сказать, что автору весьма удалось это претвореніе быта, еще столь волнующе отъ насъ близкаго по времени, въ чисто художественно переработанный матеріалъ. Среди книгъ послѣдняго времени это одна изъ тѣхъ, которая привлекаетъ къ себѣ вниманіе, которую не только читаешь съ интересомъ, но которую хочется и перечитать.

Не помню кто, едва ли не Г. Адамовичъ, въ одной изъ своихъ статей, правильно отмѣтилъ, что наиболѣе интересныя сейчасъ книги, выходящія въ Россіи, носятъ на себѣ черты какой-то сугубой «литературности». Сложность сюжетной композиціи, изощренность въ подачѣ матеріала, нарочитая усложненность во всемъ — вотъ черты, отличающія нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ произведеній послѣднихъ лѣтъ. Къ этой группѣ надо отнести и романъ Ольги Форшъ. Онъ прежде всего не написанъ, а сдѣланъ по всемъ правиламъ «формального метода». И наиболѣе въ немъ характерно «обнаженіе приема» художественнаго мастерства. Это не ново — уже въ «Ворѣ» Леоннова писатель влетаетъ въ канву романа и создаетъ двупланность повѣствованія. У Ольги Форшъ нарочито приоткрывается передъ читателемъ лабораторія художественнаго творчества. Поэтому такъ легко дается ей и сдвигъ во времени: прошлое, о чемъ повѣствуется, перемежается съ сегодняшнимъ, съ тѣмъ, что авторъ переживаетъ въ памяти по ассоціаціи съ этимъ прошлымъ. Поэтому одновременно здѣсь и Петербургъ 21 и 22-го годовъ, и Парижъ тѣхъ дней, когда сама Ольга Форшъ очутилась въ немъ уже въ качествѣ писателя, отпущеннаго въ Европу. «Вѣдь одна изъ задачъ автора — раскрыть процессъ припоминанія, не спугивая его логикой. И вотъ — слѣдствіе

искренности эмоциональной — въ бытъ совѣтскій нѣтъ-нѣтъ а проскочить Парижъ». Во всемъ этомъ много искусственности, какъ и въ наименованіи главъ «волнами» (очевидно, волнами памяти), но за всемъ этимъ одновременно чувствуется большая писательская культура, школа, которая сейчасъ такъ рѣдка въ рядовой совѣтской литературѣ. И здѣсь, вѣроятно, надо искать оправданіе и успѣхъ такого рода произведеній: они живое свидѣтельство высокой культуры, на которой должна-бы стоять русская литература въ ея традиціонномъ развитіи, они живой укоръ тому примитивизму, который идетъ ей на смѣху. Отъ этой изощренности вѣетъ холодкомъ, чувствуешь, что настоящая жизнь проходитъ гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ, но все это не лишаетъ эти произведенія своего очарованія.

И если права Ольга Форшъ, что не слѣдуетъ искать «сличностей» въ ея романѣ, то все-же отраженіе дѣйствительности въ немъ налицо. Дѣйствительность эта — преломленіе памятныхъ годовъ предкронштадтскихъ въ писательскомъ сознаніи того времени. И въ этомъ смыслѣ, книга О. Форшъ памятникъ опредѣленнаго періода русской жизни. Блокъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, преломленіе его смерти въ сознаніи русской интеллигенціи, Гумилевъ и отраженіе его трагической кончины, уходъ изъ жизни Есенина и самоубійство Чеботаревской, жуткое преломленіе этой смерти въ поведеніи Ф. Сокологуба — все это и многое другое переживается вновь вмѣстѣ съ авторомъ и во многомъ характеръ этихъ переживаній совпадаетъ. Пусть для О. Форшъ это только матеріалъ, избранный ею для поэтического оформленія, для читателя — это «горестныя замѣты» сердца, отъ которыхъ онъ не такъ легко можетъ отдѣлаться. Это другая сторона, которая дѣлаетъ книгу О. Форшъ до извѣстной мѣры литературнымъ событіемъ. Она не только не понижаетъ ея художественной цѣнности, но еще выше поднимаетъ ее.

А. Бемъ.

В. Каверинъ. Художникъ неизвѣстенъ. Изд. Писателей въ Ленинградѣ. Ленинградъ, 1931.

Донъ-Кихоту посвященъ новый романъ В. Каверина «Художникъ неизвѣстенъ». Случайно-ли образъ великаго безумца приковываетъ сейчасъ къ себѣ вниманіе въ Россіи? Думаю, нѣтъ. Ибо сейчасъ особенно, когда реализмъ и трезвость сдѣланы программой, должно къ себѣ художественно влечь противопоставленіе «разсчета на романтику» и «романтики разсчета». Одержимости изъ проповѣди и насажденія «разсчета» можно только противопоставить безуміе вѣры.

Конечно, книга В. Каверина вовсе не занята, явно или скрыто, проповѣдью или защитой одного изъ этихъ безумствъ. Онъ слишкомъ художникъ, чтобы размѣниваться на тенденцію. Его злека къ себѣ чисто художественная задача — воплотить, дать художественный образъ двухъ безумцевъ въ современной русской обстановкѣ. И онъ не виноватъ, что сталъ жертвой художественнаго закона, по которому идеальное побѣждаетъ реальное, Донъ-Кихотъ, погибая.

выходить победителем. Надо отдать автору должное, он сделал все, что было в его силах, чтобы «простой и великодушный» Шектеровъ съ честью вышелъ изъ состязанія съ Архимедовымъ, этимъ «совѣтскимъ Донъ-Кихотомъ реконструктивнаго періода». Онъ даже вынужденъ былъ для этого кое-что позаимствовать у противника, перехватить нѣсколько романтическихъ эпизодовъ для его биографіи, но и это его не спасло. «Если бы мнѣ пришлось выбирать между моралью и штанами, я бы выбралъ штаны», вынужденъ утверждать новый позитивистъ, и уже въ этомъ выборѣ онъ несетъ себѣ приговоръ. Никакой реквизитъ романтики въ личной биографіи его спасти не можетъ.

Въ чемъ-же новая истина, которую несетъ въ мѣръ совѣтскій Донъ-Кихотъ? Она наивна и проста, какъ всякая несомнѣнная правда. «Революція нуждается въ благородствѣ», и на отсутствіе благородства Архимедовъ согласиться не въ состоянн. Онъ вовсе не врагъ революціи, нѣтъ — онъ въ ней и съ нею. Но что-то было просмотрѣно, упущено, — а безъ этого «чего-то» жить нельзя. «Честь, самоотверженность, воинствующая доброта», — вотъ что онъ хотѣлъ видѣть не только на сценѣ ТУМ'а (театра учащейся молодежи), но и въ жизни. Пусть все это — романтика, иллюзіи. Но развѣ языкомъ трезвости можно угасить вѣру безумца? Романтика — этого слова отмѣнить онъ не согласенъ. Романтика, это «стѣннойе орудіе еще можетъ пригодиться для борьбы съ паденіемъ чести, лицемѣріемъ, подлостью и скукой». Иллюзіи — презрительно бросаютъ ему въ лицо, сдѣлавшіе выборъ между моралью и штанами. Да, иллюзіи, но ихъ то и недостаетъ въ окружающемъ быту: надо учредить «кафедру иллюзій».

Какое же найти мѣсто въ реальной жизни СССР для этого безумца? Найти художественное воплощеніе вѣчнаго образа въ столь прифудливой обстановкѣ, въ этомъ и была художественная трудность, стоявшая передъ В. Каверинимъ. Онъ ее, на мой взглядъ, разрѣшилъ превосходно.

Чрезвычайно удался ему фонтъ, экранъ, на который проецируется образъ Архимедова. Перенесъ дѣйствіе въ одинъ изъ самыхъ центральныхъ для романа моментовъ на сцену, среди декораций и реквизита театра для учащейся молодежи, декораторомъ котораго является Архимедовъ, автору удалось оживить литературный образъ Донъ-Кихота, не прибѣгая къ словеснымъ сравненіямъ и сопоставленіямъ, а непосредственно художественно вызывая передъ нами его величественную тѣнь. «Архимедовъ остановился передъ тазомъ для варенья, очень страннымъ среди крашеннаго легкаго дерева и полотна. Пышное перо украшало тазъ. Онъ висѣлъ на стѣнѣ, начищенный, зарантѣ (это «зарантѣ» превосходно!) гулкій.

— Что это?

— Головной уборъ Донъ-Кихота, — громко сказала Визель (Визель — преданнѣйшій «сученикъ»).

Едва-ли стоитъ выписывать дальше — приемъ ясенъ и художественно оправданъ. Особенно, когда авторъ рисуетъ рѣшающую

встрѣчу между Архимедовымъ и Шпекторовымъ, встрѣчу фантастическую, возникшую только въ мозгу ученика, но правдивую въ своей высшей реальности. Она происходитъ здѣсь же въ театрѣ, когда учитель и ученики поднимаютъ бунтъ противъ желающихъ изгнать ихъ изъ ТУМ'а. Архимедовъ вооруженъ бутафорской шпагой, «раскинувъ плечи, вытянувъ впередъ руку со шпагой», онъ пошелъ навстрѣчу арміи противниковъ. «Теперь онъ наступалъ — одинъ, какъ если бы всѣ рыцари всѣхъ широтъ шли за нимъ, крича: «радость», и звеня оружіемъ». Правда, встрѣча со Шпекторовымъ пробуждаетъ его отъ иллюзій, возвращаетъ къ жизни. Въмѣсто Донъ-Кихота «былъ штатскій челоуѣкъ въ потертой темно-коричневой парѣ, и въ рукѣ онъ держалъ зачѣмъ-то шпагу, которая была годна теперь лишь для того, чтобы мѣшать ея уголья въ печкѣ».

В. Каверинъ — вѣрный, едва ли не послѣдній, послѣдователь «Серрапионовыхъ братьевъ»; вѣрнѣе онъ остается завѣтамъ серрапионовцевъ и въ своемъ новомъ романѣ. Онъ знаетъ, что даже самое фантастическое по сюжету произведеніе должно имѣть крѣпкій сюжетный стержень. Безъ этого трудно было бы найти соответствующую темѣ сюжетную развязку. Но самъ по себѣ этотъ сюжетъ: жена Архимедова любитъ Шпекторова и ребенокъ ея, на котораго всѣ надежды возлагаетъ Архимедовъ, не его ребенокъ, — не столь ужъ существенно для произведенія. Нужна развязка. Она дается самоубійствомъ жены и отказомъ Архимедова отъ своихъ отцовскихъ правъ въ пользу Шпекторова. На этотъ разъ разговоръ между ними простъ и ясенъ: «Въ заношенномъ бѣльѣ, въ длинномъ пальто, сутулый, заросшій оборванецъ сидѣлъ за канцелярскимъ столомъ и писалъ подъ диктовку бумагу, въ которой онъ отрекался отъ послѣдняго, что у него оставалось — отъ сына».

Побѣда — здѣсь въ жизни, въ планѣ реальномъ, остается не за Донъ-Кихотомъ. Ему снова не остается мѣста въ жизни. Но все-же автору такой конецъ не можетъ казаться художественно оправданнымъ. И поэтому «главы-встрѣчи» кончаются «главой-эпилогомъ». Этотъ эпилогъ — побѣда и оправданіе великаго безумца. Буря неосуществленныхъ иллюзій нашла выходъ въ творчествѣ. Послѣ Архимедова осталась картина, изображавшая жену-самоубійцу: «она лежитъ на мостовой, сломавъ руки, полная тѣней». «Это сквозь живопись прошла буря» — эпитафия изъ Хлѣбникова, одного изъ типичныхъ безумцевъ нашей эпохи, даетъ ключъ къ этому эпилогу. Гениальная картина безумца была его побѣдой. Пусть «художникъ невзвѣстенъ», но «сдѣлалъ его безумца — самая реальная изъ реальностей». «Нужно было разбиться на смерть, чтобы написать эту вещь», говоритъ авторъ о картинѣ Архимедова. Нужно было наново пережить трагедію Донъ-Кихота, чтобы найти для нея подлинно-художественную форму — можно сказать объ авторѣ перевоплощеннаго Донъ-Кихота. И взволнованная напряженность самой книги, при всей ея литературной отдѣланности, говорить за то, что тема, ея поставленная, является для Россіи темою далеко не безразличною.

Charles Du Bos. Approximations. IVe série, Paris. 1931.

Approximations — ряд литературно-критических опытов «приближения» к разбираемым авторам, т. е. постижения творческой индивидуальности каждого. Автор-символист, поклонник Стефана Георге (что не мешает ему прекрасно понимать и цѣнить и не-символистов), пишет довольно «эзотерическим» языком; опыты его возникли из чтений в избранном кругу цѣнителей. Насколько я знаю, большой известностью онъ не пользуется и, если не ошибаюсь, его критическія работы въ русской печати во всякомъ случаѣ до сихъ поръ не были отмѣчены. А между тѣмъ чрезвычайно важны и цѣнны его характеристики русскихъ писателей. Въ IV-омъ томѣ «*Approximations*» авторъ даетъ особый этюдъ о Толстомъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ касается Чехова. Превосходно его замѣчаніе о «требовательности» и «непримиримости» Толстого. Толстой не умѣлъ прощать. Онъ заставилъ себя примириться съ Тургеневымъ, но внутренне не примирился. Онъ ничего не прощалъ ни человѣческой природѣ, ни общественному порядку. «Мы, говоритъ авторъ, подходимъ здѣсь къ самому глубокому и самому трагическому изъ всѣхъ парадоксовъ толстовской двойственности: человѣкъ, который вмѣстѣ съ Шекспиромъ, былъ величайшимъ живописателемъ того, что есть, что является фактомъ, не могъ никогда допустить, пріять, что фактъ влечетъ за собою право. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ мастерски возсоздаетъ Сущее — будетъ-ли то природа или человѣкъ, какой-то инстинктъ въ немъ отказываетъ этому Сущему въ самомъ правѣ на существованіе. И не думайте, что здѣсь, съ его стороны, безчувственность въ собственномъ смыслѣ слова: у Толстого нѣтъ иной безчувственности, кромѣ той, особаго свойства, вполнѣ *Sui generis*, что развивается въ человѣкѣ, который не перестаетъ мучиться неудовлетворенной потребностью въ справедливости. Это, пожалуй, для русскаго читателя не такъ ужъ ново, хотя формула французскаго критика является хорошей поправкой къ распространенному мнѣнію о «недостаткѣ доброты» у Толстого. Важнѣе то, что Дю-Бо говоритъ о Чеховѣ. Онъ раздѣляетъ литературныя произведенія по двумъ категориямъ: тѣ, которыхъ авторъ «добился», и тѣ, которыя автору «далися» — *œuvres obtenues* и *œuvres données*. Напр., *Mme Bovary* — относится къ первой категоріи, а *Education Sentimentale* — ко второй. Можно быть великимъ романистомъ, глубоко правдиво изображать отдѣльныхъ людей, но быть лишеннымъ чувства жизни вообще. У Флобера оно сказывается въ «Воспитаніи Сердуа», у Тургенева въ «Рудинѣ»; но Толстой, Дж. Элиотъ, Чеховъ, Гарди обладаютъ имъ всегда. «Откройте ихъ на любой страницѣ и васъ коснется дыханіе самой жизни. Вы овьяны ею и вмѣстѣ задыхаетесь въ ней — сколь это ни кажется противорѣчивымъ». О Толстомъ подобныя вещи говорились не однократно. О Чеховѣ-же, кажется, въ первый разъ — и первый, сказавшій это, — иностранецъ. А вѣдь это поразительно вѣрно: Иначе, какъ объяснить то, что Чехова, который написалъ хуже Тургенева, герои котораго столь, казалось-бы, «неинтересны», мож-

но перечитывать безъ конца. Русская критика ославила Чехова какъ писателя «безъ міровоззрѣнія». Дю-Бо опять-таки первый, увидѣвшій мудрость Чехова. О ней говорить онъ по поводу отношенія Толстого къ проблемѣ Смерти: «въ какой мѣрѣ стоитъ жить, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ задаваться вопросомъ о смыслѣ жизни. Я не знаю быть можетъ проблемы болѣе опасной, болѣе пагубной для человѣческой личности, ни болѣе многозначной — смотря по человѣку. Рѣдки, даже среди самыхъ великихъ, побѣдоносно разрѣшившіе ее, нашедшіе то равновѣсіе, что не имѣетъ ничего общаго съ равновѣсіемъ, какимъ кичатся всѣ тѣ, для которыхъ въ жизни ничто никогда не представляется загадочнымъ. Этого равновѣсія, изъ всѣхъ современныхъ писателей, Чеховъ достигъ несомнѣнно въ наибольшей степени...» И опять-таки: до какой степени это глубоко-вѣрно, можно провѣрить впечатлѣніемъ, оставляемымъ вещами Чехова. Почему эти вещи, въ которыхъ жизнь изображается полной противорѣчій, незаслуженныхъ неудачъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такой томительной, нудной, казалось-бы, безодержательной, вызываютъ въ каждомъ человѣкѣ, способномъ чувствовать, настроеніе примиренности съ жизнью и людьми? Равновѣсіе, о которомъ говоритъ авторъ, было достигнуто Чеховымъ благодаря его способности любовнаго пониманія людей, способности жалѣть и прощать. Это тоже замѣтилъ авторъ, ссылающійся на одно мѣсто изъ записной книжки Чехова. Книга Дю-Бо, въ которой столько глубокихъ и тонкихъ мыслей о русскихъ писателяхъ, о Томасѣ Гарди, о Ст. Георге, — фактъ, свидѣтельствующій, что наше время безобразной борьбы разныхъ націонализмовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ время возрожденія, казалось, заглохшей въ XIX вѣкѣ европейской, можетъ быть, — міровой, культуры.

П. Бицилли.

Dostojevskij-Studien. Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. I. Reihe, 8 Heft. Reichenberg, 1931.

Сборникъ изслѣдованій о Достоевскомъ, изданный Славистическимъ обществомъ при нѣмецкомъ университетѣ въ Прагѣ, содержитъ въ себѣ статьи проф. Г. Геземанна, Д. Чижевскаго, С. Гессена, А. Бема и Р. Плетнева.

Въ первой своей статьѣ проф. Геземаннъ производитъ интересное сопоставленіе творчества Гоголя и Достоевскаго. Прототипъ петербургскаго мечтателя, сентиментальнаго героя раннихъ произведеній Достоевскаго, особенно героя «Бѣлыхъ ночей» онъ находитъ у Гоголя въ лицѣ молодого художника въ «Невскомъ проспектѣ». Содержаніе новеллы Гоголя опредѣляется двумя важными проблемами и настроеніями его, которыя стоятъ другъ съ другомъ въ тѣсной связи: демоническимъ элементомъ его творчества и задачей сексуальнаго отпора (*Sexualabwehr*). Сентиментальный герой Достоевскаго характеризуется двумя чертами — мечтательностью и склонностью къ

платонической любви. Сексуальный отпоръ выражается у него въ болѣе смягченной, сублимированной формѣ, именно въ видѣ спасенія «въ роли «третьяго», безкорыстнаго, самоотверженнаго друга въ треугольныхъ любви». Въ повѣсти Гоголя мечтателю противопоставитъ противоположность его, человѣкъ дѣйствія поручикъ Пироговъ; въ «Бѣлыхъ ночахъ» Достоевскаго этотъ «другой» только слабо намѣченъ два раза, но онъ выступаетъ ярко въ лицѣ Звѣрькова въ «Запискахъ изъ подполья».

Во второй своей статьѣ Геземаннъ разбираетъ романъ Луизы фонъ Франсуа «Judith die Kluswirtin», въ которомъ есть положеніе, напоминающее судьбу Димитрія Карамазова.

Чижевскій показываетъ въ своей статьѣ, что идея двойника занимала Достоевскаго на протяжении всего его творчества — не только въ повѣсти «Двойникъ», но и въ «Подросткѣ», «Бѣсахъ», «Братьяхъ Карамазовыхъ». Такъ, тонкимъ анализомъ онъ показываетъ, что Ставрогину присуща бѣсовская многоликость, что онъ самъ не живетъ, но различными аспектами его разложившейся души живетъ рядъ лицъ, стоящихъ къ нему въ отношеніи большаго или меньшаго двойничества, — именно Шатовъ, Кирилловъ, Петръ Верховенскій, Федька-каторжникъ. Чижевскій вскрываетъ глубокой философскій смыслъ идеи двойничества, какъ слѣдствіе нравственнаго упадка субъекта, именно невыполненія имъ своего конкретнаго индивидуальнаго назначенія, откуда возникаетъ замѣнимость субъекта другими субъектами, утрата имъ своей неповторимости.

Гессенъ начинаетъ свою статью сообщеніемъ объ изслѣдованіяхъ, установившихъ, что эмпирическимъ первообразомъ Ставрогина была Николай Слѣшневъ, членъ кружка петрашевцевъ, пріятель Достоевскаго, который называлъ его обыкновенно своимъ Мефистофелемъ (къ статьѣ приложенъ замѣчательный портретъ Слѣшнева, красота котораго соответствуетъ жуткому описанію красоты Ставрогина, данному въ «Бѣсахъ»). Философскій смыслъ образа Ставрогина Гессенъ истолковываетъ такъ: Ставрогину принадлежитъ къ числу интеллигентовъ, «оторвавшихся отъ почвы» подъ влияніемъ отвлеченной разсудочности, которая въ началѣ является въ формѣ либеральнаго оптимизма такихъ лицъ, какъ Стеланъ Трофимовичъ Верховенскій, но въ дальнѣйшемъ своемъ осуществленіи неизбежно ведетъ къ совершенному опустошенію и разложению души, угасанію любви, презрѣнію къ человѣку и высокомерию. Крестный путь Ставрогина обусловленъ совершеннымъ отсутствіемъ въ немъ любви; поэтому онъ не способенъ ни къ какой вѣрѣ, а, слѣдовательно, и ни къ какой дѣятельности. Гессенъ доказываетъ, что «Исповѣдь» Ставрогина, не напечатанная Достоевскимъ по настоянію редактора журнала Каткова, органически связана съ дѣлѣмъ романа и видитъ въ ней проявленіе высокомерія и презрѣнія къ людямъ, а не смиренія и любви. Соучастіе Ивана Карамазова въ убійствѣ отца и Ставрогина въ убійствѣ жены, говоритъ Гессенъ, обусловлено высокомеріемъ и равнодушіемъ. Но у Ивана Карамазова это было слѣдствіе неполноты добра, именно слѣдствіе отвлеченной морали долга, а у Ставрогина это поведеніе «игро-

ка, который ни на что уже не надеется отъ будущаго и тѣмъ не менѣе ждетъ отъ него невозможнаго; такимъ образомъ въ судьбѣ Ивана Карамазова воплощена трагедія добра, а въ судьбѣ Ставрогина — трагедія зла.

Бемъ прослѣживаеъ развитие образа Ставрогина путемъ изученія Раскольникова, перваго наброска «Идиота» (герой котораго былъ задуманъ, какъ гордый, замкнутый въ себѣ преступникъ и тѣмъ не менѣе въ самомъ преступленіи привлекательный и загадочный человѣкъ), разныхъ вариаций «Жизни великаго грѣшника» и, наконецъ, разныхъ ступеней развитія романа «Бѣсы». «Исповѣдь» Ставрогина выпущена изъ романа Достоевскаго, по мнѣнію Бема, не только вслѣдствіе несогласія Каткова напечатать ее, но и потому, что самъ Достоевскій призналъ ее не соответствующею образу Ставрогина.

Плетневъ приводитъ отзывъ Достоевскаго объ исполненіи драмы Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живеть» и сообщаетъ вообще объ отношеніи Достоевскаго къ театру. Чижевскій приводитъ фольклористическія данныя о магическихъ кощунственныхъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ причастію, особенно о разстрѣлѣ причастія.

Н. Лосскій.

B. Sruoga. Rusu literaturos istorija. Kaunas, 1931.

Книга доцента Б. Сруоги, изданная Литовскимъ Университетомъ, является первой частью задуманнаго авторомъ трехтомнаго труда на литовскомъ языкѣ по исторіи русской литературы и народной поэзіи. Вышедшій въ свѣтъ первый томъ охватываетъ литературу съ древнѣйшихъ временъ до XVII в.

Во введеніи авторъ, исходя изъ правильной мысли, что «исторія русской литературы не отдѣлима отъ исторіи культуры въ широкомъ смыслѣ слова», приводитъ рядъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу того, что блестящій расцвѣтъ русской литературы въ XIX в. не случайное явленіе, а корнями своими уходитъ въ глубокое прошлое. Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о расселеніи восточныхъ славянскихъ племенъ, о возникновеніи Киевскаго государства и началѣ христіанства на Руси. Второй, третій и отчасти четвертый отдѣлы книги посвящены Киевскому періоду русской литературы и изложены авторомъ съ достаточной объективностью. Положеніе мѣняется, когда авторъ переходитъ къ исторіи литературы Московской Руси (IV-VIII отд.). Всѣ симпатіи на сторонѣ Киевской Руси, всѣ антипатіи — на сторонѣ Московской Руси. Все плѣняетъ его въ исторіи Киевской старины: политическіе порядки, и высшая культура страны, и люди, и, наконецъ, литература; болѣе оригинальная и болѣе художественная. Въ Московской Руси все темно, грубо, деспотично, достойно презрѣнія и насмѣшки, нѣтъ ничего положительнаго, никакого просвѣта. Пестрятъ авторскіе восклицательные знаки, свидѣтельствующіе о его недовольствѣ. Не показавши еще литературныхъ памятниковъ этой эпохи, не приведя историческихъ матеріаловъ и ссылокъ, авторъ для ха-

рактические стороны московской старины не находят больше убедительных аргументов, как длинные, на четырех страницах, выдержки из шуточных былин г. А. К. Толстого «Змѣй Тугаринъ» и «Потокъ-Богатырь». Съ этого момента уже чувствуется нарушенное равновѣсіе въ изложении автора. Въмѣсто объективной исторіи литературы мы въ дальнѣйшемъ все чаще чувствуемъ предвзятость цѣловѣка нашего времени, непріязненно относящагося къ московской старинѣ. Ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами авторской тенденціозности.

Такъ, монастыри, просвѣтительное значеніе которыхъ при общей культурной бѣдности Руси общепризнано, у автора выступают лишь въ роли «крупныхъ капиталистовъ», литература спора «Иосифлянъ» съ «заволжскими старцами», творчество Нила Сорскаго, «Стоглавъ» и др. памятники оказываются лишенными положительнаго содержанія.

Вопросъ о культѣ святыхъ въ древней Руси сведенъ къ разсказу о томъ, какъ «фабриковали» святыхъ, какъ князья «воровали» мощи и т. п. Патр. Никонъ охарактеризованъ, какъ «мелочной обскурантъ, деспотъ азіатскаго типа, прошедшій школу опричниковъ Іоанна IV». Послѣднее утвержденіе къ тому же грѣшитъ и противъ хронологіи. Литературная оцѣнка одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ времени Іоанна Грознаго, «Домостроя» дана исключительно въ такихъ терминахъ: «обскурантизмъ, грубость, формализмъ, педантизмъ, абсолютизмъ самодуровъ».

Авторъ явно оказался не въ состояніи разобраться во всей сложности политическихъ, социально-экономическихъ и идеологическихъ взаимоотношеній Московской Руси, отразившихся на литературныхъ памятникахъ эпохи. Его разсужденія и оцѣнки лишены поэтому необходимой исторической перспективы, грѣшитъ противъ объективности. Все это, наряду съ полемической, подчасъ почти фельетонной манерой изложения, лишаетъ трудъ г. Сруоги того научнаго значенія, на которое онъ, очевидно, претендуетъ.

А. Тьминскій.

M. Rostowzew. Scythien und der Bosphorus. Band I. Kritische Uebersicht der Schriftlichen und archäologischen Quellen. Berlin. 1931.

Древняя Скифія, Боспорское царство — двѣ актуальнѣйшія для историка, историка Россіи особенно, темы.

Совсѣмъ еще недавно, на памяти современнаго молодого поколѣнія «русская исторія» начиналась официально съ «призванія варяговъ» или съ «разселенія славянъ по Днѣпру», и самое большее, если, въ видѣ формальной отписки, предположалось ей въ учебникахъ небольшое вступленіе о «древнѣйшихъ населенникахъ русской равнины». Все это на нашихъ глазахъ измѣнилось: начало «русской исторіи» все дальше отодвигается въ глубь времени; въ школахъ новой Россіи первые же уроки родной исторіи будутъ вводить учащихся въ гущу «античной исторіи», въ древнія легенды «Киммерійскаго берега»,

въ Гомеровскую Эпипду, въ культурную и политическую жизнь іонійскихъ колоній Понта и ихъ древнѣйшаго (съ VI в. до Р. X.) политическаго сюзерена — Скифін. Скифы Южной Россіи (какъ и ихъ преемники, Сарматы) — не случайный, давно исчерпанный эпизодъ до-исторической старины, а неотъемлемая и важная глава Россійской и европейской исторіи; это міръ, гдѣ не только претворялись чужія культуры, но и создавалась своя, откуда по всей Россійской равнинѣ и внѣ ея, по эллинистическому и римскому міру, издавна растекались своеобразные бытовые, художественные и религіозные навыки и идеи; здѣсь впервые, быть можетъ, появилась обработка желѣза; отсюда, съ Сарматами, проникли на Западъ существенные элементы ранняго средневѣковаго стила. И географически этотъ міръ гораздо обширнѣе, чѣмъ думалось раньше: ключъ къ его познанію лежитъ, говоря словами Ростовцева, въ археологін и исторіи не Южной Россіи только, но Персіи, Туркестана, Сибіри, Приуралья, Кавказа, Центральной и Малой Азіи, верховьевъ Евфрата, Монголіи, Трансбайкаля; въ Европѣ — Венгріи, Румыніи, Болгаріи, Скандинавіи... Россійская Скифія была лишь однимъ изъ узловъ этнографически и политически пестраго, но культурно объединеннаго цѣлага. Въ частности, нынѣшняя «европейская Россія» еще въ бронзовый и мѣдный вѣкъ составляла единство: съ древнѣйшихъ временъ Уралъ, Волга и Кама не менѣе южныхъ великихъ рѣкъ тяготѣли хозяйственно и духовно къ тому же восточно-классическому культурному міру. Не эпизодомъ, не случайной группировкой закинутыхъ въ евксинскую даль греческихъ городовъ было и древнее Боспорское царство, фракійское («киммерійское») въ первоначальной основѣ, — полуиранское позже: оно было важной составной частью античнаго міра, по историческому значенію «равноправной» (Ростовцевъ) съ Афинами и Пелопоннезомъ, съ Италіей, Испаніей, Галліей. Позднѣйшій культурный расцвѣтъ Владимірской Руси показалъ, какъ глубоко и въ центральную Россію проникли корни этой мѣстной классической цивилизаціи. Верхне-волжская Русь готовилась стать для Европы настоящей преемницей Византіи, и если татары пресѣкли ея развитіе, они не могли убить въ ней старинныхъ культурныхъ корней: благодаря этимъ корнямъ Московская Русь сохранила и развила, и подъ татарами, самобытную государственность и религію; благодаря имъ Россія вернулась въ Европу не просто талантливой ученицей, но самостоятельнымъ и творческимъ факторомъ общеевропейской цивилизаціи. Не въ смыслѣ географической единицы только, но какъ хозяйственный, культурный, даже политическій организмъ, Россія древнѣе и славнѣе, и самихъ извѣстнѣе изъ нихъ: не исторіей маленькаго славянскаго племени, а исторіей древней культурной страны, съ первыхъ же главъ своихъ, является исторія нашей Родины.

Если бы нужно было назвать ученое имя, специально связанное съ этой революціей исторической перспективы, никто не поколебался бы, конечно, назвать Ростовцева. Не то чтобы все тутъ, или большая часть, было создано имъ: переворотъ подготовлялся и создавался работою нѣсколькихъ поколѣній ученыхъ — учителями и современни-

ками Ростовцева, среди которых можно назвать не одно блестящее имя; онъ закрепляется нынѣ работой учениковъ Ростовцева и ихъ сверстниковъ, но никто въ самую идею исканія древней Руси въ нѣдрахъ древней Россіи не вложилъ такого энтузіазма, а главное никто кромѣ Ростовцева не сдѣлалъ реальныхъ шаговъ къ научному воплощенію этой идеи. Извѣстныя книги Толстого и Кондакова («Русскія древности»), В. В. Латышева («Pontica»), Рейнака («Древности Боспора Киммерійскаго»), Миннза (Scythians and Greeks) проложили идеѣ пути, но первымъ пошелъ по нему Ростовцевъ: его «Iranians and Greeks in South Russia» (1922) есть уже учебная книга «новой» русской исторіи; черезъ будущія школьныя пособия ей суждено, несомнѣнно, войти въ Россіи въ сознаніе самыхъ широкихъ образованныхъ массъ.

За этимъ первымъ, важнѣйшимъ, шагомъ слѣдуетъ нынѣ второй. Еще будучи въ Россіи, Ростовцевъ началъ, и закончилъ частично, огромный трудъ — составленіе полнаго очерка древней, дославянской и ранне-славянской исторіи Россіи, съ привлеченіемъ всего, уже имѣющагося въ распоряженіи науки, археологическаго и историческаго матеріала. Настоящій, первый, томъ — критическій обзоръ литературныхъ и археологическихъ источниковъ — служить къ нему лишь монументальнымъ введеніемъ.

Томъ этотъ къ моменту выѣзда Ростовцева изъ Россіи (1918) фактически былъ почти готовъ къ печати. Впервые увидѣла она свѣтъ помимо воли Ростовцева: въ 1925-мъ г. ее, по собственной инициативѣ, издала, подъ редакціей С. А. Жебелева, «Россійская Академія Исторіи Матеріальной Культуры».

Тогда Ростовцеву, «скрѣпя сердце», пришлось взять на себя нѣмецкое изданіе книги. При этомъ ему пришлось включить въ книгу весь свѣже-накопившійся съ 1918-го года, и въ Россіи и за границей, матеріалъ. Этотъ новый матеріалъ касается специально Румыніи, Венгріи, Голгаріи, въ Россіи — Уральскаго и Волжскаго края. Новымъ являются въ нѣмецкомъ изданіи также карты и, что еще важнѣе, подробныя библиографическія, именныя и предметныя указатели.

Въ предисловіи къ Россійскому изданію Жебелевъ даетъ такую оцѣнку труда Ростовцева: «По богатству, разнообразію, систематикѣ и критической оцѣнкѣ привлеченнаго и рассмотрѣннаго въ немъ матеріала онъ будетъ служить настольной книгой для всѣхъ изслѣдователей древней Скифіи и Боспора». Къ этой компетентной оцѣнкѣ прибавить нечего. Подчеркнемъ лишь особенный интересъ первыхъ главъ книги — обзора литературныхъ памятниковъ. Такой полный обзоръ, по отношенію къ Скифіи и Боспору, вообще, дается впервые.

Въ области привлеченія археологій на службу исторіи Ростовцевъ явилъ себя подлиннымъ мастеромъ, можно сказать (по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ Южной Россіи) создателемъ новаго историческаго метода. Для него археологія уже не «собраніе иллюстрацій къ литературнымъ свидѣтельствамъ», а самостоятельный источникъ историческаго познанія, не менѣе, а иногда и болѣе важный и цѣнный, чѣмъ письменныя источники.

Настоящій томъ предназначенъ авторомъ для специалистовъ: онъ долженъ «облегчить работу ученыхъ изслѣдователей». Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ широкіе круги читателей будутъ ждать появленія въ печати второго тома (начатая рукопись его осталась въ Россіи). Тамъ развернется передъ нами сама исторія Россіи въ классическую эпоху. Если первый томъ труда Ростовцева — событіе въ исторіи русской науки, то второму суждено, быть можетъ, явится событіемъ и въ исторіи русскаго и російскаго національнаго самосознанія. Увидитъ свѣтъ онъ, вѣроятно, только въ свободной Россіи.

Ив. Херасковъ.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Т. II, часть 2. Искусство. Школа. Просвѣщеніе. Юбилейное изданіе. Парижъ, 1931.

Вторая часть второго тома «Очерковъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова составила изъ двухъ обширныхъ изслѣдованій: первое изъ нихъ посвящено историческимъ судьбамъ русскаго искусства въ его различныхъ развѣтвленіяхъ, второе — историческимъ судьбамъ школы и просвѣщенія въ Россіи.

Для надлежащей оцѣнки перваго изъ этихъ изслѣдованій необходимо отдать себѣ ясный отчетъ въ задачѣ и намѣреніяхъ автора. Тѣ, кто будетъ искать въ этой книгѣ полной исторіи различныхъ видовъ русскаго искусства, безъ труда замѣтятъ рядъ пробѣловъ въ изложеніи автора. Почему, удѣляя много страницъ исторіи русской архитектуры, живописи, музыки, авторъ едва скользнулъ по русской скульптурѣ (даже совсѣмъ не упомянуты ни Пименовъ, ни Антокольскій)? Почему при характеристикѣ «передвижниковъ» рассмотрѣно творчество только Перова и Рѣпина, а, напр., Крамской лишь названъ, но ни слова не сказано объ отличительныхъ чертахъ его созданій, тогда какъ многое отличаетъ его и отъ Перова и отъ Рѣпина, а между тѣмъ онъ являлся среди передвижниковъ не менѣе авторитетнымъ знаменосцемъ ихъ художественной идеологіи? Почему въ исторіи русскаго театра весь шепкинскій періодъ отмѣченъ всего нѣсколькими строками, тогда какъ экстравагантностямъ Мейерхольда посвященъ весьма подробный очеркъ? Почему творчество Даргомыжскаго обрисовано только по его «Русалкѣ» и совсѣмъ оставленъ въ сторонѣ его «Каменный гость», столь показательный для художественныхъ завитковъ этого композитора? И цѣлый рядъ еще другихъ такихъ же «почему» встанетъ передъ читателемъ, который предположилъ бы найти въ книгѣ П. Н. Милюкова полную исторію различныхъ видовъ русскаго искусства. Но все дѣло въ томъ и заключается, что авторъ пишетъ не исторію русскаго искусства, онъ пишетъ исторію русской культуры; настоящій предметъ его изслѣдованія есть опредѣленіе основныхъ элементовъ и изученіе развертыванія основныхъ процессовъ культурной жизни русскаго народа. Отдѣльныя области этой культурной жизни, — будь то государственное строительство, складъ социальныхъ отношеній, формированіе общественныхъ идеаловъ, на-

учное или художественное творчество и т. д. — интересуют автора в ходъ его изслѣдованія не столько сами по себѣ, сколько какъ отдѣльныя иллюстраціи къ устанавливаемымъ имъ общимъ процессамъ русскаго культурнаго развитія.

Правда, въ этихъ рамкахъ П. Н. Милюковъ даетъ читателю громадное количество отчетливыхъ характеристикъ конкретнаго матеріала и нерѣдко эти его характеристики достигаютъ чрезвычайной яркости, такъ что всего менѣе можно было бы упрекнуть его въ томъ, что онъ держитъ читателя въ области голыхъ абстракцій. Но все же, читая его «Очерки», надо помнить, что полнота фактическаго обзора не входитъ въ самое существо его задачи и онъ чувствуетъ себя вправѣ брать одно и опускать другое, поскольку ему нужно для начертанія общаго рисунка занимающихъ его основныхъ процессовъ культурнаго развитія.

Тотъ основной процессъ, за которымъ слѣдитъ авторъ «Очерковъ», разсматривая судьбы различныхъ видовъ русскаго искусства, есть процессъ чередованія и взаимовліянія иноземныхъ воздѣйствій и національныхъ началъ въ ростѣ русскаго искусства. Слѣдя за смѣною архитектурныхъ стилей, живописныхъ направленій, музыкальныхъ школъ на почвѣ русской культуры, П. Н. Милюковъ показываетъ, какъ во всѣхъ этихъ отрасляхъ искусства съ различными варіаціями и видоизмѣненіями развертывался болѣе или менѣе одинаковый процессъ: подражательность Византіи на первыхъ порахъ развитія постепенно вытѣснялась западно-европейскими вліяніями, затѣмъ, съ расцвѣтомъ художественнаго реализма («передвижники», «могучая кучка»), брали перевѣсъ національныя начала; далѣе, съ отходомъ реализма на задній планъ и съ замѣною его утонченнѣйшими разновидностями символизма, импрессионизма, экспрессионизма, національное теченіе въ искусствѣ смѣнялось интернационализмомъ, но именно на почвѣ превращенія русскаго искусства въ искусство интернациональное какъ разъ начиналось воздѣйствіе русскихъ художественныхъ достиженій на западно-европейское художественное творчество. Наконецъ, на почвѣ пресыщенія утонченными крайностями модернизма въ самое послѣднее время начинается обозначаться поворотъ къ возрожденію классицизма. Такова общая схема, въ которую авторъ вкладываетъ громадный фактический матеріалъ, рядъ яркихъ характеристикъ направленій, школъ и отдѣльныхъ творцовъ въ связи съ тончайшимъ анализомъ отдѣльныхъ фазисовъ художественнаго развитія русскаго искусства.

Много мѣста отводитъ авторъ разсмотрѣнію той погони за новшествами въ области искусства, которая нерѣдко въ такихъ вымученно-уродливыхъ формахъ происходитъ въ настоящее время въ СССР. Какъ ни любопытны эти главы, при чтеніи ихъ порою становится жалко того самоотверженнаго терпѣнія, съ которымъ авторъ во всеоружіи ученой серьезности старается проникнуть въ существо многихъ вздорныхъ нелѣпостей, сочиняемыхъ тамъ въ порядкѣ угожденія официальному курсу, въ порядкѣ исполненія т. наз. «соціальныхъ заказовъ». Мы все не хотимъ утверждать, что къ этому сводится все происходящее

тамъ движеніе въ области искусства, но, думается намъ, многое изъ того, въ чемъ авторъ «Очерковъ» пытается усмотрѣть серьезную разработку художественныхъ направлений, имѣть съ такой разработкой мало общаго.

Вторая часть книги посвящена исторіи школы и просвѣщенія въ Россіи. Здѣсь читатель подробно ознакомится съ эволюціей школьной политики на пространствѣ всей русской исторіи, со смѣною уставовъ, регулировавшихъ ходъ школьнаго дѣла, въ связи съ поворотами политическихъ направлений въ правящихъ кругахъ. Менѣе послѣдовательно прослѣжены авторомъ судьбы русскаго просвѣщенія. Для допетровской Руси авторъ даетъ цѣлую главу съ интереснымъ очеркомъ состоянія знаній въ тогдашнемъ обществѣ по различнымъ отраслямъ вѣдѣній. Для послѣдующихъ же столѣтій авторъ слѣдитъ лишь за школьной политикой, да еще присоединяетъ къ этому очеркъ просвѣдательной дѣятельности интеллигенціи въ народной массѣ, но исторію русской науки, а, слѣдовательно, и значеніе русскихъ университетовъ въ развитіи научнаго просвѣщенія въ XIX ст. авторъ советѣмъ не включилъ въ программу своего труда. И въ этой части книги обширное мѣсто удѣлено тому, что происходитъ въ большевицкой Россіи. Большой заслугой автора надлежитъ признать то, что, рассматривая школьные планы и уставы въ СССР, онъ постоянно слѣдитъ за тѣмъ, во что все это обращается на практикѣ.

Зіяющая пропасть между тѣмъ и другимъ выступаетъ передъ читателемъ съ разительной ясностью, при чемъ вырисовывается и двоякая причина этого несоотвѣтствія: во-первыхъ, сплошь да рядомъ эти новаторскіе лозунги слишкомъ не вяжутся съ реальной жизненной обстановкой, а съ другой стороны въ самихъ этихъ лозунгахъ много такого, что можетъ лишь вліять пагубно на ходъ школьнаго дѣла. Внимательно рассматриваетъ авторъ и положеніе внѣшкольнаго просвѣщенія въ СССР. Въ этой области идетъ интенсивная работа, которая даетъ и нѣкоторые полезные результаты, конечно не благодаря, а вопреки тому соусу казенныхъ коммунистическихъ шаблоновъ, подъ которымъ она подносится населенію.

Свой очеркъ авторъ заканчиваетъ рассмотрѣніемъ того острейшаго новаго нажима партійной коммунистической политики на школу и внѣшкольное просвѣщеніе, который начался въ 1929 г. и продолжаетъ все болѣе обостряться. По мнѣнію автора этотъ нажимъ создаетъ столь нелѣпо-неустойчивое положеніе, что долго продержаться онъ не можетъ.

Новое изданіе этой части «Очерковъ» разрослось до внушительныхъ размѣровъ: вмѣсто прежнихъ 402 страницъ въ ней теперь — болѣе тысячи.

А. Кизеветтеръ.

Пугачевщина, т. III. Централхивъ. Москва-Ленинградъ, 1931, стр. 536.

Первые два тома этого изданія были уже отмѣчены нами на страницахъ «Современныхъ Записокъ». Третій (и послѣдній) томъ содержитъ довольно многочисленное собраніе матеріаловъ, касающихся различныхъ моментовъ и различныхъ сторонъ пугачевщины. Все это — либо служебные рапорты, либо протоколы допросовъ, либо письма, либо различныя вѣдомости. Матеріалы распределены по рубрикамъ, порою довольно искусственно. Въ отдѣлѣ — «Крестьянство и пугачевщина» — цѣлый рядъ допросовъ и доносовъ, рисующихъ агитацию пугачевцевъ въ селахъ и деревняхъ. По этимъ документамъ разсыпаны также яркія сцены насилій крестьянъ надъ помѣщиками. Тутъ встрѣчаются любопытные эпизоды, напр.: убивъ одну помѣщицу-вдову, крестьяне разобрали между собой ея малолѣтнюю дочку съ тѣмъ, чтобы воспитать ихъ и выдать замужъ за крестьянъ. Много рапортовъ о встрѣчахъ воинскихъ отрядовъ съ пугачевскими шайками. Особеннаго вниманія заслуживаетъ длинный рапортъ Михельсона Панину (стр. 78-79), въ которомъ обстоятельно разъясняется роль крестьянства въ пугачевскомъ движеніи. Любопытны донесенія, въ которыхъ описываются дѣйствія разныхъ мѣстныхъ подражателей Пугачева, тоже принимавшихъ имя Петра III.

Небольшое количество документовъ касается участія въ пугачевщинѣ духовенства. Известно, что сельское духовенство приняло широкое участіе въ движеніи и этотъ отдѣлъ Сборника можно и должно было бы значительно пополнить. Также замѣтимъ и насчетъ купечества. Въ Сборникѣ приведено нѣсколько документальныхъ показаній о переходѣ купцовъ на сторону пугачевцевъ. Но известно, что нѣкоторые города отразили пугачевцевъ только благодаря энергичной самостоятельности купечества. Эта сторона дѣла совсѣмъ не освѣщена въ Сборникѣ. Недоумѣніе вызываетъ рубрика: «Дворянство въ борьбѣ съ пугачевщиной». Ожидалось бы, что здѣсь будутъ документы, рисующіе дѣятельность дворянскихъ обществъ во время пугачевщины, а на самомъ дѣлѣ находимъ въ этомъ отдѣлѣ лишь длинный рядъ ордеровъ и рапортовъ, составляющихъ служебную переписку между военными начальниками. Эти документы важны для исторіи военныхъ операций, а не для исторіи участія отдѣльныхъ сословій въ тогдашнихъ событіяхъ. Въ отдѣлѣ «Итоги пугачевщины» даны важныя вѣдомости съ перечисленіемъ — убитыхъ, плѣнныхъ, казенныхъ съ означеніемъ ихъ общественнаго положенія, также списки селеній, въ которыхъ при подавленіи возстанія были поставлены висѣлицы и колеса для колесованія.

Весьма цѣнны напечатанныя въ приложеніяхъ извлеченія изъ анкеты, предпринятой Сухопутнымъ Корпусомъ незадолго до начала пугачевщины, объ экономическомъ положеніи городовъ какъ разъ тѣхъ районовъ, которые потомъ оказались задваченными пугачевцами.

Къ книгѣ приложена карта, на которой обозначено территориальное распространеніе пугачевщины.

А. Кизветтеръ.

N. Hans and S. Hessen. Educational Policy in Soviet Russia, London, 1930.

Н. Ганцъ и С. I. Гессенъ сдѣлали очень полезное дѣло, издавъ на англійскомъ языкѣ хорошо документированную книгу о совѣтской школѣ. Иностранная общая и специальная печать — за рѣдкими исключеніями — даетъ совершенно невѣрное освѣщеніе совѣтской школы, въ которой хотятъ видѣть настоящее «новое слово». Увлеченіе совѣтской школой, конечно, не можетъ быть объяснено ни одной изъ причинъ «знатныхъ иностранцевъ», ни ловкостью совѣтскихъ дѣятелей, знакомящихъ лишь съ немногими, дѣйствительно образцовыми школами и приписывающихъ себѣ то, что было сдѣлано въ Россіи еще до большевиковъ. Это все, конечно, имѣетъ мѣсто — кромѣ того на лицо есть еще одинъ факторъ громаднаго значенія — глубокій кризисъ педагогической мысли, охватившій и З. Европу и Америку. Рѣшительный разрывъ съ «старой» педагогикой еще не открываетъ путей къ новой педагогикѣ, еще не даетъ той цѣлостности, того живого синтеза, котораго жаждетъ и теорія и практика школы. Именно въ силу этого совѣтская школьная система, съ ея «міросозерцательной» установкой (связанной однако съ ея принудительной подчиненностью коммунистическому міровоззрѣнію), и кажется «новымъ словомъ» — хотя бы еще несовершеннымъ... Книга Ганца и Гессена убѣдительно и документально разрушаетъ эти наивныя ожиданія, раскрывая, на основѣ совѣтскихъ же данныхъ, всю горькую дѣйствительность, все тяжелое положеніе совѣтской школы. Съ этой стороны книга Ганца и Гессена заслуживаетъ всяческаго вниманія по полнотѣ и точности ея матеріаловъ, по документальности ея данныхъ. Особенно цѣннымъ представляется намъ, въ интересахъ пониманія иностранцами русской школы, то, что характеристикѣ совѣтской школы предпослана краткая, но ярко написанная глава, посвященная исторіи русской школы. Жалко однако, что не достаточно показано другое — генетическая связь лучшихъ сторонъ въ совѣтской педагогической мысли съ тѣмъ, что развивалось русскими педагогами задолго до совѣтской революціи.

Нѣкоторыя частности въ книгѣ Ганца и Гессена, имѣющія въ виду показать «безпристрастность» авторовъ и ихъ свободу отъ «эмигрантской» точки зрѣнія, вызываютъ все-же недоумѣніе. Такія, напр., утвержденія, какъ то, что «совѣтская конституція достаточно демократична» (гл. XIX), или то, что «мѣстные совѣты являются реальной школой демократіи для крестьянъ» (*ibid.*) — не спасаютъ авторовъ въ глазахъ совѣтофильскихъ педагоговъ, а въ нашихъ глазахъ лишь ослабляютъ цѣнность книги.

В. В. Зъньковскій.

N. Hans. History of Russian Educational Policy. London, 1931.

Книга Н. Ганца, дающая историческій обзоръ судебъ русской школы, составляетъ естественное и необходимое дополненіе къ упомянутой выше книгѣ того же Н. Ганца и С. I. Гессена о совѣтской школѣ.

Тему новой книги Ганца надо признать чрезвычайно актуальной, а выполнение ее — в общем очень удачным. Книга Ганца интересна в некоторых своих частях и для осведомленного русского читателя — темъ болѣе цѣнна она для читателя иностраннаго.

Существеннымъ недостаткомъ книги является то, что за очень небольшими исключениями исторія русской школы излагается оторвано отъ исторіи педагогическихъ идей въ Россіи. Повезло одному только Пирогову, которому авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ и о которомъ вспоминаетъ не разъ въ своемъ изложеніи. Особенно досадно то, что совершенно не упомянуто объ Ушинскомъ; идеалъ національной школы, выработанный Ушинскимъ, этимъ замѣчательнымъ педагогомъ-«народникомъ», нигдѣ не связанъ у Ганца съ проблемами школьной политики — хотя онъ фактически имѣлъ громадное значеніе въ развитіи земской, а позднѣе и государственной школы. Исторія школьной политики въ земствахъ и городахъ вообще тѣснѣйшимъ образомъ связана (во второй половинѣ XIX и XX в. в.) съ различными теченіями въ русской педагогикѣ. Авторъ сдѣлалъ поэтому ошибку, сосредоточивъ свое вниманіе лишь на школьномъ законодательствѣ и искусственно оторвавъ исторію школьнаго дѣла въ Россіи отъ творческой инициативы, отъ педагогическихъ идей, которыя развивались въ Россіи. Различныя интересныя начинанія отдѣльных педагоговъ, педагогическихъ группъ связывали себя со школьными учрежденіями въ крупныхъ городахъ, — особенно интересно и поучительно то, что связано съ Москвою, Петербургомъ и другими крупными центрами. Страннымъ образомъ изъ обзора школьной политики выпало у Ганца все дошкольное дѣло, развивавшееся при большомъ участіи государства; недостаточно освѣщено вышешкольное дѣло въ городахъ. Книга вообще неполна, хотя съ другой стороны въ ней много ненужныхъ деталей. Со всѣмъ тѣмъ нельзя не приветствовать ея появленія, нельзя не пожелать ей распространенія.

В. В. Зѣньковскій.

Krassine. Par sa femme Lubov Krassine. — Traduit de l'anglais. NRF. — Paris, 1932.

Вдова совѣтскаго вельможи Красина выпустила на англійскомъ и французскомъ языкахъ книгу о своемъ покойномъ мужѣ. Предназначенная для иностраннаго читателя, книга эта содержитъ кой-какія политическія соображенія и оцѣнки автора и весьма цѣнный матеріалъ для биографіи «краснаго кулца», пробывшаго совѣтскія окна въ Европу и въ такомъ качествѣ занимавшаго одинъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ постовъ въ системѣ государственнаго управленія ВКП.

Совершенно естественна склонность автора стилизовать жизнь и образъ близкаго ему человѣка. Но въ данномъ случаѣ эта склонность выходитъ за всѣ законные предѣлы. Леонидъ Красинъ въ изображеніи своей супруги оказывается не только чище альпійскихъ

снѣговъ, но и выше альпійскихъ вершинъ. Не случайно сравниваетъ авторъ своего героя съ орломъ. Красинъ, оказывается, и видѣлъ все лучше другихъ и предвидѣлъ все; не былъ ни завистливъ, ни честолюбивъ; былъ «творцомъ», а не разрушителемъ, какъ другіе, и за короткій семилѣтній срокъ свершилъ больше, чѣмъ кто-либо когда-либо въ исторіи. Въ качествѣ одного изъ доказательствъ тому, что Красинъ былъ добрымъ, а не злымъ гениемъ Россіи, госпожа Красина не брезгуетъ и ссылкой на высокую оцѣнку Красина Ленинымъ: я долженъ за нимъ ухаживать, какъ за молодой дѣвушкой, — говорилъ самъ Ленинъ!

Стилизация г-жи Красиной даетъ въ итогѣ полную «стерилизацию» Красина отъ всякой житейской и политической накипи и грязи. Она заставляетъ автора умалчивать о многомъ, всемъ извѣстномъ и совершенно неоспоримомъ, и съ другой стороны, выдвигать на первый планъ, какъ характерное и типическое, то, что было мимолетнымъ и случайнымъ. Исторія такимъ образомъ фальсифицируется, и самый образъ Красина, выигрывая въ привлекательности, явно терять въ жизненности и подлинности съ тѣмъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Здѣсь даже не сочетаніе художественнаго вымысла съ правдой — здѣсь простое подчиненіе правды заранее поставленному заданію.

А заданіе г-жи Красиной — изобразить Красина не только мудрѣйшимъ изъ мудрецовъ, но и патриотомъ изъ патриотовъ: «патриотизмъ у Красина господствовалъ надъ всеми другими чувствами». Красинъ былъ «націоналистомъ», тогда какъ «они» — большевики, изъ которыхъ Красинъ, оказывается, не былъ нисколько похожъ, — были интернаціоналистами.

Патриотизмъ, конечно, легко согласуемъ съ преданностью революціи. Но почему, будучи патриотомъ, Красинъ сталъ большевикомъ, т. е. примкнулъ именно къ тому теченію въ революціи, которое менѣе всѣхъ другихъ было связано и идеологически, и психологически именно съ патриотизмомъ, — остается непонятнымъ. Остается непонятной и близость Красина съ Ленинымъ въ теченіе годовъ, и высокая оцѣнка Ленинымъ Красина. Ленинъ умѣлъ подбирать друзей и подбиралъ онъ ихъ всегда по своему собственному образу и подобию, которое не врагъ Ленина, а его глубочайшій почитатель Максимъ Горькій характеризовалъ послѣ его смерти такъ: «Для Ленина Россія — только матеріалъ для опыта».

Красинъ былъ «министромъ финансовъ» Ленина. Красинъ возглавлялъ наиболѣе громкія военно-техническія операціи большевистской партіи. «Почти всѣ боевыя выступленія нашего знаменитаго «Камо» (совершившаго между прочимъ и тифлисскую экспроприацію!) подготовлялись и проводились въ жизнь подъ руководствомъ Красина», — пишетъ въ Сборникѣ воспоминаній памяти Красина партійный историкъ, небезызвѣстный Лядовъ. Красину-Никитичу довѣрилъ Ленинъ, подъ величайшимъ секретомъ отъ другихъ своихъ приближенныхъ, отвѣтственное дѣло печатанія фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ въ Берлинѣ. Красинъ сносился съ знаменитыми дружинниками

ми Лбова, субсидировавшими изъ экспропрированныхъ ими на Уралѣ суммъ большевицкую организацію и заявившими публичную претензію къ Красину, получившему съ лбовцевъ 6 тысячъ рублей за оружіе, которое имъ никогда не было доставлено. Красинъ, вмѣстѣ съ Горькимъ, былъ постояннымъ посредникомъ между Саввой Морозовымъ и большевицкой кассой. И въ совѣтскія времена Красинъ возглавлялъ Чрезвычайную Комиссію по снабженію красной арміи во время гражданской войны. Именно за это Луначарскіе и Крижакъ-Новскіе, съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ г-жа Красина, называютъ Красина «стойкимъ ленинцемъ», «однимъ изъ великихъ маршаловъ Ленина» и ставятъ его имя рядомъ съ другимъ фанатическимъ работникомъ на нивѣ хозяйственнаго и иного возстановленія Россіи изъ большевицкаго пепла и смрада, не съ кѣмъ инымъ, какъ съ самимъ Держинскимъ.

Обо всей этой сторонѣ жизни и дѣятельности Красина его жена и біографія не упоминаютъ ни словомъ. Поэтому ея сужденія и характеристики не представляютъ никакого значенія или даже интереса: они слишкомъ лицеприятны, даже для жены, и слишкомъ откровенно не сводятъ концовъ съ началами. Что представляетъ изъ нашихъ взглядовъ исключительный интересъ и подлинную историческую цѣнность, это письма, которыя «Палая» — Красинъ писалъ женѣ и дочерямъ въ самой гущѣ событий и которыя теперь «Любаша» публикуетъ, къ сожалѣнію, не всѣ и не цѣликомъ.

Красинъ былъ умный, живой, образованный и наблюдательный человекъ. Онъ былъ, дѣйствительно, одной изъ ярчайшихъ звѣздъ на тускломъ большевицкомъ небосклонѣ, однимъ изъ мастеровъ большевицкой выдумки, однимъ изъ немногихъ козырей, которыми не стыдно было играть въ салонахъ международной политической игры. Красинъ многое видѣлъ и о многомъ умѣлъ рассказать. А женѣ своей онъ пишетъ откровенные и подробные рапорты о всѣхъ своихъ встрѣчахъ и разговорахъ: съ Людендорфомъ (во время войны), Муссолини, къ которому Красинъ питалъ большое уваженіе и т. д. Ленинъ ставитъ свою жену въ извѣстность о всѣхъ вѣдомственныхъ и всякихъ другихъ интригахъ и подсиживаніяхъ, характерныхъ для нашихъ «ребятъ» изъ правительства «рабочихъ и крестьянъ» не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ для стараго, самодержавнаго правленія.

Въ частныхъ письмахъ къ женѣ Красинъ пишетъ иногда такъ, какъ не всегда писали и завзятые контръ-революціонеры. И не только тогда, когда онъ держался въ сторонѣ отъ большевицкой работы, но и позднѣе, когда сталъ полномочнымъ народнымъ комиссаромъ и задѣлался членомъ Ц. К. большевицкой партіи, представляя СРФСР на международныхъ конференціяхъ, будучи полпредомъ и прочая, и прочая.

Наблюдая июльскія дни 17 г., Красинъ, послѣшившій еще въ маѣ 17 г. отправить семью за границу, «до лучшихъ временъ», чтобы не подвергать ее, главнымъ образомъ, тягостямъ продовольствованія, Красинъ пишетъ: «Эти большевики все испортили или, можетъ быть, это не они, а агенты, подкупленные германскимъ генеральнымъ шта-

бомъ или даже черной сотней... То, что называется «массами», т. е. особенно солдаты и хулиганы, безцѣльно блуждало по улицамъ въ теченіе двухъ дней, стрѣляя другъ въ друга часто съ испуга и утекая при малѣйшей тревогѣ безъ того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ происходящемъ... Все это совпадало съ наступленіемъ нѣмцевъ, и этотъ фактъ показываетъ, кто поддерживаетъ организаторовъ новой смуты. Но отвѣтственность главарей «идеологовъ» движенія отъ этого не уменьшается». — А черезъ шесть лѣтъ, уже въ зенитѣ своихъ свѣтскихъ успѣховъ и славы, Красинъ отзывается о своихъ ближайшихъ сослуживцевъ по управленію Россіей, какъ о вредителяхъ, «дѣлающихъ все, чтобы отягчить положеніе»...

Изъ писемъ Красина съ очевидностью слѣдуетъ, что онъ былъ нѣжный и любящій мужъ и отецъ, у котораго любовь къ семьѣ, видимо, превалировала надъ всѣми другими чувствами и интересами. Всѣ его письма полны заботъ объ уютѣ и комфортѣ, которыми могутъ или не могутъ пользоваться его близкіе. Онъ тщательно дѣлится свѣдѣніями о цѣнахъ на яйца, обувь, одежду, топливо и т. д. Онъ «обождеть» Чаплина и Дугласа Фэрбенкъ; словомъ, — вкусы Красина вкусы «средняка» мѣщанина, ничѣмъ и ни въ чемъ не дающіе основаніе выдѣлять его изъ ряда миллионныхъ простыхъ смертныхъ, къ управленію которыми Красинъ считалъ себя какъ бы исторически предназначеннымъ.

Изъ писемъ обнаруживается необыкновенная увѣренность Красина въ своихъ способностяхъ и его огромное честолюбіе. Неудачный кандидатъ кн. Львова и Гучкова на постъ министра торговли и промышленности, послѣ ухода Коновалова, Красинъ видитъ себя сначала на томъ же посту по назначенію Учредительнаго Собранія, а потомъ и въ дѣйствительности занялъ аналогичную должность при большевикахъ, которыхъ въ душѣ, интимно, наединѣ съ собой и въ своихъ частныхъ письмахъ онъ не переставалъ презирать, а официально передъ международнымъ общественнымъ мнѣніемъ и передъ тѣмъ, что осталось отъ русской интеллигенціи и общественности, отстаивать не то за страхъ, не то за совѣсть.

Жизненная судьба Красина очень интересна и поучительна. Она въ чистомъ видѣ искривляетъ всю утопичность служенія хозяйственному или культурному благополучію Россіи въ условіяхъ — или несмотря на условія — политическаго террора. Красинъ, какъ и огромное множество подлинныхъ русскихъ патріотовъ, тѣшилъ себя иллюзіей, что можно политику обойти экономикой, что и «малыя дѣла» могутъ дать свой полезный результатъ. Они думали обойти власть и ея умыслы. Власть обошла ихъ. Ихъ энергія растрочена была впустую, оказалась бѣгомъ на мѣстѣ.

Поучителенъ и неудачный опытъ его біографіи. Какъ и всѣ писанія ушедшихъ отъ совѣтской жизни невозвращенцевъ, эта біографія даетъ образецъ того, въ какомъ направленіи грядущіе большевицкіе историки и біографы будутъ силиться создавать и укрѣплять легенду о своихъ герояхъ. Когда свершится неизбежное и большевицкая система рухнетъ, ее стануť реабилитировать именно такъ, какъ Дми-

ривські реабілітують геній Леніна і Сталіна, а г-жа Красіна свого супруга. Провалившися в якості строителів нового міра і творців нового чоловіка, більшовиків стануть воскресати в пам'яті потомства, як руских патріотів, в услов'ях «варварської» Росії вимуждавшихся прийняти і облекатися в інтересах Росії в варварську личину лєнінізму.

М. В. Вишняк.

Г. Федотовъ. «И есть и будетъ». Размышленія о Росіи и революціи. Парижъ, 1932. Изд. «Новый Градъ».

Я не собираюсь излагать содержание книги Г. Федотова, каждая глава которой могла бы быть развернута в отдельное исследование. Отметим лишь некоторые характерные моменты.—Оценка прошлого пронизана мыслью об изначальном трагизме императорского периода нашей истории: «псевдоморфоза» Московского царства в оболочке империи. Однако автору чужда мысль об обреченности: каждая живая личность (и человек и нация) может спастись — до последнего мига... Но автор видит этот последний миг лишь в предвлах времени до-революционного. Автору кажется, что, раз революция началась, она фатально должна была кончиться победой большевиков: и потому, что революция должна была быть «социальной», жестокой, до дна переворачивающей жизнь, и потому, что так называемые революционные партии, кроме большевистской, состояли из «бывших революционеров», давно размагнитившихся. И то и другое подлежит оспариванию. Социальные преобразования, в которых нуждалась страна, могли быть осуществлены полностью в рамках февральской революции. Неправильно и утверждение о неревolutionности социалистических партий, замерших после поражения первой революции. Но это были революционеры «иною духа». Недаром же автор в своей мягкой характеристике Ленина говорит, что «каждая черта здесь отрицает тип революционера».

Излагая ход октябрьской революции, Г. П. Федотов весьма удачно прослѣживаєть развитіє революціи народной, которая была подавлена коммунистической; рост народного самосознания, возрождение сознания национального (впервые со временъ до-петропских!). Очерк классов и общественных групп Сов. Росіи заслуживает особого внимания. Полна большого интереса глава, посвященная новой культурѣ.

Касаясь проблемы будущей Росіи, автор намѣчает ряд мѣръ в главных областях народной жизни. Аграрная и промышленная проблема разрешаются в духѣ реализма, сочетающего интересы трудовой государственности с новым народным сознанием. Одна из лучших глав посвящена проблемѣ национальной.

Разрѣшеніє политической проблемы вызывает немалый возрженія. Правда, Г. П. Федотовъ высказывается и против монархіи и против фашизма. Однако, онъ считаетъ необходимой диктатуру, ко-

торая «поставила бы своей цѣлью привести народъ къ демократіи». Ему представляется, что поколѣніе, знавшее терроръ ГИУ, свободнымъ быть не можетъ. «Свобода можетъ быть лишь надеждой его дѣтей». Но авторъ забываетъ о томъ, что источникъ демократіи не только въ потребности гражданина въ субъективныхъ публично-правовыхъ нормахъ. Не меньшее значеніе имѣетъ потребность народа защищать свои интересы, быть управляемымъ подконтрольной властью. Необходимость этого усвоена народомъ на трагическомъ опытѣ. Какъ разъ величайшей утопіей въ будущей Россіи является не демократія (независимо отъ формъ ея), а диктатура, добросовѣстно къ ней страну вѣдущая.

Интересны предположенія автора объ организаціи культуры и «выпрямленіи духовнаго вывиха русскаго народа». Государству предлагается продуманная система образованія, а обществу — оригинально задуманная Лига Русской Культуры.

Послѣдняя цѣль, послѣдняя «утопія» — оцерковленіе культуры. А въ ближайшемъ будущемъ — Церковь, свободная и независимая отъ государства, центръ кристаллизаціи духовныхъ и культурныхъ силъ.

Въ краткой замѣткѣ приходится коснуться лишь немногихъ темъ книги Г. П. Федотова. Г. П. Федотовъ, ставя цѣлью синтезъ «всего жизненнаго и цѣннаго въ старой и новой идеѣ Россіи», призываетъ къ суровому пересмотру цѣнностей для грядущаго служенія роднитъ. Можно по разному представлять себѣ итоги этого пересмотра, по разному устанавливать границы между «святыней, которой служимъ», и «цѣнной ризой этой святыни». Но не можетъ быть непреодолимыхъ преградъ между готовыми объединиться во имя свободы, труда и духовнаго возрожденія Россіи.

С. Жаба.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕД. «СОВРЕМ. ЗАПИСОКЪ».

- Философски Преглед № 5. 1931. № 1 и 2. 1932. Софія.
Б. И. Николаевскій. Исторія одного предателя. Петрополисъ. Берлинъ.
С. Комаровъ. Веселая Жизнь. Романъ, Парижъ, 1932.
В. С. Яковскій. Миръ. Романъ. Параболы. Берлинъ.
Григорій Сахковскій. Стихи. «Старина». Парижъ, 1932.
Н. А. Лаппо-Данилевскій. Кошмаръ. Романъ-быль. Рига, 1932.
Соціалистическій Вѣстникъ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. 1932.
В. Богровъ. Дм. Богровъ и убійство Столыпина. Изд. «Стрѣла». Берлинъ.
Залиски Соц.-демократы. Изд. А. Потресовымъ. № 10, 11 и 12. Парижъ.
Г. С. Агабековъ. Чека за работой. Изд. «Стрѣла». Берлинъ, 1932.
Бюллетень Экономическаго Кабинета С. Н. Прокоповича. № 93, 94, 95.
Понедѣльникъ. Журналъ содружест. русс. работн. искусства. Шанхай.
Воля Россіи. № 10-12. Прага.
Ген. А. Курновскій. Еще не поздно. Ковно, 1932.
Ревизоръ № 1. Двухнедѣльный журналъ. Парижъ, 1932.
Довидъ Кнутъ. Парижскія Ночи. Изд. «Родникъ». Парижъ.
В. Ропшинъ (Б. Савинковъ). Книга Стиховъ. Парижъ, 1931.
«Новъ». 4-ый Сборникъ произведеній и стиховъ молодежи. Эстонія.
«Евразійство». Декларация, формулировка, тезисы. 1932.
И. Б. Шехтманъ. Погромы добр. арміи на Украинѣ. Петрополисъ. 1932.
Фрески Дмитровскаго Собора во Владимірѣ. Изд. «Петрополисъ».
М. Я. Лароксъ. Въ совѣтскомъ Лабиринтѣ. Изд. «Стрѣла».
В. Ирецкій. Плъинникъ. — Романъ. Изд. «Параболы».
Мих. Зошенко. Воспоминанія о Мишелѣ Сипягинѣ. Изд. «Петрополисъ».
А. З. Штейнбергъ. Достоевскій въ Лондонѣ. Повѣсть. Изд. «Параболы».
Ю. Карелинъ. Горькій Цвѣтъ.
Имперская мысль. Временникъ. 1932.
С. Б. Пѣсни о жизни и смерти. «Книга для Всѣхъ». Рига.
А. Свидя. За закрытыми ставнями. Рига, 1931.
Роша. 2-ой Сборникъ берлинскихъ поэтовъ. Берлинъ, 1932.
Александръ Дехтеровъ. Розовый домъ. Разказы. 1931-1932 г. Шуменъ.
N. Alexeiew und L. Zaitzeff. Sowjetstaat und Völkerrecht. Breslau.
E. Gordon. La Responsabilité du Chef de l'Etat. Paris, 1931.
Le Monde Slave. № 3. 1931.
V. Sapir. Dostojewsky und Tolstoi über Problem des Rechts. Mohr.
Orient und Occident № 8. Leipzig.
A. und E. Kulischer. Kriegs- und Wanderzüge. Berlin.
B. Nikolajewsky. Jenny Marx. Ein Lebensabriss. Berlin, 1931.
Quenet. Tchaadaev et Les Lettres Philosophiques. Paris, 1931.
Bonfire. Stories out of Soviet Russia. London, 1932.
Aleksej Remizov. Na sinjem polju. Ljubljani. 1931.
Puskiniana. Katalog Dila Puskinova a Praci o Nem. 1932.
La Cultura. Rivista. 1932. № 1. Milano.
Hrvatska Revija. № 1, 2, 3. Zagreb, 1932.

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гукскимъ (†), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леонида Андреева, М. Алданова, К. Бальмонта, И. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. Вышеславцева, Ал. Гефтера, Г. Гозданова, Г. Гребенщикова, Д. Мережковского, Б. Зайцева, Е. Замятина, П. Иванова, I. Матусевича, С. Мицлова, Мих. Осоргина, Георгія Пескова, А. Ремизова, Н. Рощина, В. Сирина, Д. Скобцова, Ив. Соколова-Микитова, С. Соколь-Слободского, Ф. Степуна, Ильи Сургучева, Ю. Терапиано, гр. А. Толстого, Софій Федорченко, Е. Чирикова, Ив. Шмелева, С. Юшкевича. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Бальмонта, Н. Берберовой, И. Бунина, Максимилиана Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппиусъ, И. Голенищева-Кузузова, А. Головиной, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Крандѣевской, Д. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Н. Ландау, Сергѣя Маковского, Ю. Мандельштама, А. Несмѣлова, Н. Оцупа, В. Познера, Б. Поплавскаго, В. Сириня, В. Смоленскаго, П. Соловьевой (Allegro), Ф. Сологуба, Ю. Софьева, Е. Тауберъ, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой, А. Эйснера. — Дневники и воспоминанія: Е. Брешковской, О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Ельцевой, В. Зензинова, А. Керенскаго, В. Короленко, В. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. Полнера, И. Рѣпина, Ал. Толстой, Льва Толстого, В. Ходасевича, М. Цвѣтаевой, Н. Шкляевой, М. Щербакова. — Статьи по вопросамъ литератур., искусства, философ., полит., эконом. и социальнымъ: С. Абрамови, Н. Авксентьева, М. Алданова, П. Апостола, А. Аргунова, А. Байкалова, К. Бальмонта, А. Цема, Н. Бердяева, П. Бицилли, Е. Еогданова, М. Брайкевича, В. Брейтвейта, Б. Бруцкуса, В. Булгакова, И. Бунакова, В. Вейдле, П. Виноградова, М. Вишняка, В. Воловцова, кн. С. Волконскаго, Н. Ганца, М. Гершензона, С. Гессена, В. Гефдингга, М. Гофмана, М. Гоциллера, К. Грюнвальда, А. Гукскаго (А. Сѣверова), К. Гулькевича, Г. Гурвича, Ю. Данилова, Юрія Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демидова, Діонео, Н. Долинскаго, С. Жаба, С. Загорскаго, С. Завадскаго, П. Зернова, В. Зѣньковскаго, Ст. Иванова (В. Талина), С. Иванова, Л. Карсавина, С. Карцевскаго, К. Качоровскаго, А. Керенскаго, А. Кизеветтера, С. Кобякова, А. Койранскаго, В. Короленко, С. Корфа, Ант. Крайнего, М. Кроля, А. Кулишера, Е. Кусковой, В. Ладьянскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. Леонтьева, Г. Ловикаго, Н. Лосскаго, С. Лурье, Г. Лунца, В. Маклакова, А. Мандельштама, С. Мельгунова, С. Метельникова, П. Милюкова, Н. Минскаго, Б. Миркина-Гецевича, А. Михельсона, П. Муратова, В. Мякотиня, Л. Неманова, С. Николаева, бар. Б. Нольде, А. Орлова, М. Осоргина, Н. Мельниковой-Папоушекъ, А. Петришева, П. Пильскаго, С. Полякова-Литовцева, П. Прокофьева, Л. Пумпянскаго, А. Пѣехонова, Ф. Родичева, М. Ростовцева, В. Руднева, С. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святополкъ-Мирскаго, М. Слонима, Б. Соколова, Д. Сокольцева, С. Соловейчика, П. Сорокина, Ф. Степуна, Н. Тимашева, С. Тюрина, А. Ульяновъ, Г. Федотова, Г. Флоровскаго, Д. Чижевскаго, А. Чупрова, И. Хераскова, М. Цетлина, Б. Шацкаго, Л. Шестова, Б. Шлепера, Е. Юрьевскаго, Ив. Якушева и др.

Revue paraissant tous les 3 mois.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

6, Rue Daviel, PARIS (XIIIe)

Téléphone : GOBELIN 48-87

Из-во „Современныя Записки“

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (Романъ).
И. А. Бунинъ: Избранныя стихотворенія.
И. А. Бунинъ: Божье древо.
И. А. Бунинъ: Тѣнь птицы.
Б. К. Зайцевъ: Анна (Романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ (Романъ).
М. А. Алдановъ: Десятая симфонія (Романъ).
М. А. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.
М. А. Осоргинъ: Чудо на озерѣ.
Ф. А. Степунъ: Николай Переслѣгинъ.
Георгій Песковъ: Памяти твоей (Разказы).
Гал. Кузнецова: Утро (Разказы).
А. Ладинскій: Черное и голубое (Стихи).
Т. И. Полнеръ: Толстой и его жена.
В. Ф. Ходасевичъ: Державинъ (Худож. біографія).
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Юва.
В. М. Зензиновъ: Безпризорныя дѣти.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. II ч. 1.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. II ч. 2.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. III.
М. И. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востокѣ.
Б. Э. Нольде: Далекое и близкое.
М. В. Вишнякъ: Два пути (Февраль и Октябрь).
Ст. Ивановичъ: Красная армія.
Сборникъ, посвящ. 175-лѣтію Московск. Университета.
Н. Лосскій: Типы міровоззрѣній.
Н. А. Бердяевъ: О назначеніи человѣка.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- В. В. Сиринъ: Подвигъ (Романъ).
В. В. Сиринъ: Соглядатай (Романъ).
Ф. И. Шаляпинъ: Воспоминанія.
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи русск. культуры т. I.
М. В. Вишнякъ: Всероссійское Учредительное Собраніе.

Заказы принимаются въ конторѣ издательства: „Annales
Contemporaines“, 6, Rue Daviel PARIS (XIIIe)